

А. С.
ПУШКИН

—
ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

Со сводом вариантов.

Под редакцией, со вступитель-
ными сшастьями и объясни-
тельными примечаниями
ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

—
Том первый
Часть первая

—
Государственное Издательство

МОСКВА

1920.

Е. Гейтманъ

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ

С гравюры Е. Гейтмана, при первом
издании поэмы „Кавказский Пленник“
1822 г.

А. С. ПУШКИН.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

ТОМ ПЕРВЫЙ.

Часть первая. Лирика.

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

со сводом вариантов
и объяснительными примечаниями,
в 3 томах и 6 частях.

Редакция, вступительные статьи
и комментарий
ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА.

Иллюстрации по рисункам, гравюрам,
липографиям эпохи Пушкина.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва.—1919

Никем из книгопродавцев означенная на
книге цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ.

Предисловие редактора.—Обзор жизни Пушкина по периодам.—Вступительный очерк к I тому: Молодость Пушкина. I. Детство и отрочество.

ОТ РЕДАКТОРА.

«Предисловие редактора» излагает общие принципы издания; степень его полноты, отношение к предшествующим, выбор текста и вариантов, содержание объяснительных примечаний, принятое правописание и т. д.

«Обзор жизни Пушкина по периодам» помещен для того, чтобы читатели имели перед собой, в сжатом виде, всю биографию поэта (при этом периоды первый, второй и третий которыми посвящены вступительные очерки I-го тома, изложены более кратко, последующие—несколько подробнее). Более обстоятельные критико-биографические статьи распределены между всеми 6 частями издания в следующем порядке:

К тому I статья: «Молодость Пушкина»; часть 1—«Детство и отрочество»; часть 2—«Пушкин, как революционный поэт, в Петрограде и на юге России»; к тому II статья: «Пушкин, как человек и поэт»; часть 3—«Пушкин в Михайловском», часть 4—«Вторая половина жизни Пушкина»; к тому III статья: «Пушкин в свете новых исследований»; часть 5—«Не осуществленные замыслы Пушкина», часть 6—«Политические взгляды Пушкина». Первые четыре статьи имеют задачу—изобразить жизнь поэта, охарактеризовать его, как человека, и определить, в общих чертах, значение его деятельности. В пятой статье сделана попытка, по сохранившимся наброскам, программам, планам,—восстановить содержание тех произведений (драм, поэм, романов и др.), которые П—ым были только начаты или только задуманы. Шестая статья, выясняя политические и общественные убеждения Пушкина, показывает, на основании новейших исследований, что Пушкин всю жизнь оставался верен «вольнлюбивым мечтаньям» своей юности и что распространенный взгляд, будто во вторую половину жизни он изменил им и сделался «угодником правительства»,—был клеветой на великого поэта.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.

Новое издание «Полного Собрания Сочинений» А. С. Пушкина, предпринятое Литературно-Издательским Отделом Народного Комиссариата по Просвещению (ныне—Государственное Издательство), имеет целью удовлетворить насущную потребность русских читателей—получить сочинения величайшего из наших поэтов в издании, позволяющем не только *читать*, но и *изучать* его произведения. Предыдущие издания такого типа частью распроданы и предлагаются на книжном рынке по непомерно поднятым ценам, частью уже устарели, как издания под ред. П. О. Морозова и под ред. П. А. Ефремова, начатые более 15 лет тому назад, частью остаются не законченными и очень не полны, как изд. Академическое, не содержащее, в вышедших томах, и $\frac{1}{3}$ всего написанного Пушкиным, и изд. под ред. С. А. Венгерова, не дающее ни первоначальных редакций, печатавшихся при жизни Пушкина, ни выпущенных Пушкиным в печати отдельных мест, ни вариантов.¹ Издания же Пушкина, которые можно получить в настоящее время, крайне несовершенны в научном отношении и не позволяють изучать творчество поэта.

План нового изд. был выработан и утвержден в особой Комиссии при Лит.-Изд. Отделе Н. К. П. В основу этого плана легли следующие положения: 1) В изд. должно войти *все, написанное Пушкиным*, что поныне опубликовано, за исключением, однако, всего того, где творчество поэта не участвовало (2-ая часть «Истории Пугачевского Бунта», выписки из книг, расписки, составленные по установленной форме, хозяйственные записи и т. д.); 2) *текст произведений должен быть критически проверен*; 3) крупные произведения должны быть *комментированы* с историко-литературной точки зрения; 4) ко всем произведениям должен быть дан *свод важнейших вариантов*, 5) к изд. должен быть присоединен критический *очерк биографии* Пушкина; 6) *правописание* в текстах Пушкина должно быть сохранено пушкинское, по автографам и первоизданиям, в комментариях — новое; 7) *расположены* сочинения должны быть в 6 частях: 1—лирика, 2—эпос и драма, 3—романы, повести в прозе, 4—исторические соч., 5—статьи, 6—письма, а внутри каждой части—в хронологическом порядке, по периодам жизни поэта.

Таким образом, новое издание должно заменять собою трудно доступные и дорого стоящие ученые и комментированные изд. Пушкина (Академическое, Венгерова) и дать лицам, желающим глубже вникнуть в его творчество, весь, в сжатом виде, материал, необходимый для изучения жизни, произведений и мирсоощерения поэта. Следовательно, изд. прежде всего имеет в виду, как контингент читателей,—*начинающих исследователей*, историков литературы, преподавателей словесности, вообще школьных работников, слушателей высших учебных заведений и т. д. Однако изд. в то же время *приспособлено к потребностям широких масс читателей*, вплоть до наименее подготовленных. С этой целью, в комментарий введено объяснение всех выражений, встречающихся в тексте, которые чем-либо могли бы затруднить: собственных имен, имен исторических и мифологических, терминов, иностранных слов и т. д., и объяснены все намеки Пушкина на современные ему события, на близких к нему лиц, на обстоятельства биографические и т. д. Откидывая свод вариантов и критические объяснения, любой читатель может пользоваться нсым изд.—для *чтения* сочинений великого поэта.²

Три особенности изд. должны быть оговорены особо: деление произведений на «отделы», способ, принятый для печатания черновых набросков и планов, и правописание.

Как сказано выше, в каждой части произведения расположены по периодам жизни поэта; внутри каждого периода — по годам и месяцам. Однако, неподготовленных читателей постоянно затрудняет помещение в одном ряду произведений вполне законченных, отделанных, и черновых набросков, не получивших обработки. Отношение к ним без-

¹ В изд. Венгерова помещены *отрывочные строки*, иногда в 3—4 слова, если их можно рассматривать, как начало «самостоятельного» произведения, но пропущены, как «варианты», *целые строфы*, десятки и многие сотни стихов «Домика в Коломне», «Евгения Онегина», «19 октября 1825 г.», «Родословной моего героя» и мн. др. произведений.

² Впрочем, для самых широких кругов читателей, для школ и т. д., Лит.-Изд. Отделом, под моей же ред., было предпринято изд. отдельных произведений Пушкина, в серии «Народная Библиотека», с соответственным комментарием.

условно должно быть различное. В виду этого в новом изд. каждый период разделен на два отдела: в первом помещены произведения, вполне законченные поэтом или по крайней мере, уже доведенные до высокой степени художественности, хотя бы и оставшиеся не законченными; во втором — все, что поэтом было только наскоро набросано, намечено, что еще должно было подвергнуться, по методу Пушкина, многократным переработкам и обработкам. Помимо того в отделах, по тем же соображениям, выделено особо, под рубрики Б, В, Г...., — 1) эпиграммы, шутки, альбомные стихи, 2) вещи, приписываемые Пушкину без достаточных оснований, 3) вещи, в создании которых Пушкин только участвовал, и т. д. При таком распределении, читатель заранее знает, как ему принимать ту или другую группу произведений: имеет ли он дело с произведением, в котором полно выразился гений Пушкина и которое может служить как образцом художественного создания, так и образцом стиля и языка, короче — с произведением, по которому можно и должно учиться; или же — со случайной шуткой, которую автор, может быть, позабыл на другой день; или, наконец, с первым очерком, где иные слова еще поставлены предположительно, кое-что только намечено, многое недосказано и т. д.

Однако, эти первые очерки Пушкина часто заключают в себе очень глубокие мысли и вероятно, если бы были закончены и завершены, стали бы в ряду самых замечательных созданий поэта. Между тем, в том виде, в каком они дошли до нас (и как ныне печатаются во всех изд. Пушкина), они остаются, для большинства читателей, почти непонятными иероглифами; особенно относится это к «программам» и «планам» ненаписанных произведений, где автор, составляя их исключительно для самого себя, многое намечал лишь одним условным словом. В нашем изд. сделана попытка вскрыть смысл всех таких набросков и планов. Для этого наброски даны, по возможности, в связанном чтении т. е. полными стихами и полными строфами, с устранением всех повторений, обычных в черновых Пушкина, а в программах, кроме того, что им предпосланы подробные объяснительные очерки, — пополнено все подразумевавшееся Пушкиным,³ объяснены все намеки, восстановлен, насколько было можно, весь предположенный ход действия. Благодаря такому методу, удалось восстановить, помимо ряда лирических стихотворений, как «Старый поэт», «Дельвигу» («Мы рождены, мой брат названный...»), «Брату», «Полонииду» и др., несколько крупных произведений: комедию об «игроках», сатиру о «Фаусте в аду», поэму об «Актеоне», драмы — о «Вадиме», о «Беральде Савойском», о «папессе Иоанне», роман «Русский Пелам», повесть из древней жизни и др.

Правописание, как сказано выше, принято в текстах пушкинское. Комиссия признала это необходимым, как в виду исторического значения сочинений Пушкина, так и потому, что у него часто с тем или другим написанием слова связаны звучность стиха и, особенно, рифма. Однако, правописание Пушкина далеко не последовательно ни в его рукописях ни, тем более, в печатных изданиях, выходявших при его жизни. Поэт редко имел возможность лично следить за печатанием своих произведений, и текст их произвольно выпреплялся издателями и корректорами типографий. Мы не считали ни полезным ни нужным воспроизводить все случайные особенности первоначальных пушкинских текстов вплоть до явных опечаток (как то сделано в некоторых изд.). В нашем издании прежде всего выдержаны везде характерные черты пушкинской орфографии, которые соблюдались им в течение почти всей жизни (напр., написания: «гма», «щастие», «телега» и т. под.) Затем в основу нашего текста мы клали или рукопись Пушкина или изд., печатавшееся с его рукописи (—первое так как в позднейших правописание изменено издателями и корректорами), воспроизводя все характерные написания и устраняя все случайное, опечатки, описки. То же относится к расстановке знаков препинания, которая везде, по возможности, согласована с рукописями Пушкина и первоначальными изд., так как в позднейших изд. пунктуация крайне произвольна и часто затемняет смысл. Отступления от этих правил оговорены нами в примечаниях.

В отношении внешнего расположения материала в нашем изд. принят принцип; занять как можно меньше места и дать как можно больше содержания. С этой целью: 1) текст, где было можно, напечатан в два столбца; 2) из изд. выпущено все, в чем творчество Пушкина не участвовало: кроме перечисленного выше, длинные цитаты в его примечаниях и т. под.; 3) во вступительных очерках и примечаниях редактора усвоен особый, крайне сжатый язык; 4) применена система сокращений слов, встречающихся особенно часто (перечень таких сокращений см в конце этой части); 5) устранены все повторения вместо чего сделаны ссылки на соответственные места других частей (напр., на письма П—а, его автокритические заметки и т. д.)

Недо добавит, что, по желанию Лит.-Изд. Отдела, изд. иллюстрировано. При выборе иллюстраций, по соглашению с названной выше Комиссией, имелись в виду исключительно произведения (гравюры, литографии, рисунки и т. д.) пушкинской эпохи т. е. трех первых десятилетий XIX в. (исключения допущены лишь для некоторых портретов и видов местностей). Благодаря этому, иллюстрации вводят читателя в круг тех художественных представлений, которые были распространены при жизни Пушкина.

³ Разумеется, при этом строго сохранен текст рукописей и все дополнения редактора точно означены тем, что заключены в прямые скобки.

Мне остается сказать о моей личной работе, как редактора изд. Знакомые с вопросом знают, что редактирование соч. Пушкина — труд огромный: выполнение кот р гз в полном объеме потребовало бы ст одного человека *десятков лет*. До сих пор нет такого изд. Пушкина, которое было бы признано образцовым и текст которого мог бы быть просто перепечатан (Академическое — не составляет исключения). Редактор нового изд. в сущности, должен был бы повторить *его работу* своих предшественников, т. е. вы вь проверить *весь* текст по первоисточникам. Специалисты не с гласны между собой ни относительно текста отдельных произведений, ни относительно их толкования: причем разногласия касаются отнюдь не одних подробностей, но часто — сам гз существенного. Б льшое число рукописей Пушкина еще все не изучено, не прочитано и даже описано крайне небрежно.

Само собой разумеется, что в *таком смысле* проверить текст было для меня невозможно. Первоначально срок моей р боты был крайне огрничен, но, и судучи продлен (по обстоятельствам, не зависевшим ни от меня, ни от Л.-И. Отвела, а от общих условий нашего времени), остался кратким, исчисляясь месяцами и неделями, а отнюдь не годами.⁴ Это делало гечмы лымым новое обращение к первоисточникам. Число сохранившихся рукописей Пушкина составляет несколько десятков больших тетрадей и много сотен отдельных автографов, рассеянных по разным собраниям (музеев, библиотек, частных лиц) в России по разным городам (в Москве, Петрограде, Киеве, Саратове, Курске, Тифлисе и др.) и по усадьбам, (в семейных архивах и др.) и за границей (в Париже, Берлине, Праге, Дрездене и др.). Еще более велико число тех изд., где впервые были опубликованы произведения Пушкина, при его жизни и по смерти. Наконец, литература о Пушкине прямо — несбъемлема для одного лица, особенно за годы 1899—1917, когда появились *тысячи* статей заметок, рецензий, касающихся великого поэта, иногда крайне важных, разбросанных по самым разнообразным изданиям, — в специальных органах, в общих журналах, в газетах столичных и провинциальных, в форме отдельных брошюр, оттисков, даже листов и т. под.

По отношению к проверке текста были приняты, поэтому, в нашем изд. следующие правила:

Текст *всех* произведений *сверен с первопечатным*, т. е. с текстом издания, где данное произведение появилось впервые при жизни Пушкина или после его смерти, и последовательно со всеми изд., выходящими при жизни Пушкина (причем особое внимание обращалось на текст *последнего* изд.); исключения пришлось допустить для немногих гещей, впервые напечатанных в изд., ныне недоступных. Затем текст *сех* произведений *сверен с авторитетным изд.*, основывавшимся на рукописях, начиная с ранних, как Посмертное, Анненкова, вплоть до современных — Ефремова, Морозова, Венгерова, Академическое.

Помимо того, *значительная часть текста сверена непосредственно с рукописями*. Такковы, во-1-х, произведения, рукописи и котрых я всесторонне изучал в течение моих 25-летних работ над творчеством и биографией нашего великого поэта. Некоторые произведения, а) были мной, в свое время, обследованы по рукописям полностью, так что, в нашем изд., текст их всецело обоснован на этой работе; такковы, напр. «Медный Всадник» и длинный ряд лирических стихотворений, в том числе — все лицейские, многие черновые наброски, как «Мы рождены мой брат названный», «Брату», французские стихи и т. д. Другие произведения, б) были изучаемы мною по рукописям лишь частично, почему текст в шего изд. представляет сочетание моих личных наблюдений и показаний авторитетных изд. Такого рода тексты составляют весьма значительную группу в изд., так как, за 25 лет, я имел случай, по тому или другому поводу, обращаться к б льшинству рукописей Пушкина, хранящихся в Москве; напр., к этим текстам относятся: «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Цыганы», «Полтава» вообще большинство крупных произведений и ряд отдельных стихотворений. Третьи рукописи, в) были мной лишь бегло просмотрены, так как находились в моем распоряжении или перед моими глазами на очень короткий срок, но в ряде случаев этот просмотр дал мне возможность проверить различные недоумения, а иногда даже внести новые поправки. Такковы рукописи: Чегодаевская «Кавказского Пленника», «Пира во время чумы», Онегинского музея в Париже и др. Наконец, в нескольких случаях, г), я имел возможность справиться с рукописью уже во время хода работ над нашим изд., — напр., с рук. «Галуба», стихотв. «Нет, не черкешенка она...» и др.

Во-2-х такковы произведения, рукописи которых имеются в *точных воспроизведениях* (факсимиле, — фототипия, литография, гвотипия и т. под.), вполне заменяющих годлинник. По возможности, *все* такие *воспроизведения* мною использованы, как-то а) о ширном изд. Олега К. Романова, изд. П. П. Вяземского, «Каменный гость», «Русалка», многочисленные приложения к изд. Акд Н. В. Ягрова, Анненкова, Ефремова, и др., в «Пушкинских альбомах», в разных журналах, газетах, специальных брошюрах и т. д.

⁴ Напомним, что Академия Наук, за 20 лет (с 1899 г.), выпустила лишь 5 томов Пушкина, составляющие меньше 1/3 всего издания, причем последнее десятилетие над ним работала целая комиссия; что изд. под ред. С. Венгерова, к которому также было привлечено много сотрудников, вышло около 10 лет и осталось незаконченным, то П. Морозов и П. Ефремов работали над своими последними изданиями тоже по 8—10 лет и т. под.

Кроме того, в моем распоряжении было довольно значительное собрание, б) *фотографий* с рукописей Пушкина, сделанных ранее для моих исследований или принесенных мне в дар товарищами-пушкинистами (П. Е. Щеголев, М. Цявловский и др.), коим приношу свою благодарность. По этим фотографиям, установлен мною самостоятельно текст многих черновых набросков, в том числе: «В прокладе сладостных фонтансв...» и др. Более точные сведения интересующиеся найдут в оглавлении, где все произведения, полно или частично сверенные с рук., отмечены одной и двумя звездочками. Отдельно должно указать тоже на длинный ряд произведений, которые известны мне в *ранних списках* с подлинных автографов Пушкина (иногда, позднее, затерянных); эти списки частью — неизвестной руки, но определенного происхождения из той или другой семьи, и определенных дат:—10-х, 20-х и 30-х годов, частью—первых исследователей Пушкина:—несколько Анненкова и др., довольно много — П. И. Бартенева, памяти коего я за этот дар признателен. В оглавлении также указаны все произведения, для текста которых можно было использовать эти списки. Все это дало возможность включить в наше изд. не мало редакций, сличающихся от текста всех иных изд., и внести значительное количество вариантов и отрывков, *появляющихся в печати впервые*.

Что касается пушкинской литературы последних 2 десятилетий (особенно за годы, проведенные мною на войне), — то я, конечно, отказался от надежды исчерпать ее без остатка. Полагаю, однако, что все более существенное вошло в предел моего внимания. Во-1-х, я никогда не переставал следить за этой литературой, делая нужные выписки и т. д.; во-2-х, покойный библиограф, В. В. Каллаш (которому я также обязан большой благодарностью), незадолго до своей смерти, передал мне, для моих работ, объемистое собрание «пушкинианы» за годы 1914—1918; в-3-х, подобное же собрание сохранилось у меня за годы 1913—1914, доставленное мне издательством «Деятель», для которого я тогда готовил изд. Пушкина. Принимая во внимание, что все *специальные по Пушкину периодические изд.* («Пушкин и его современники», «Пушкинист» и др.) находятся в моем распоряжении, в полных комплектах, не думаю, чтобы мною были упущены какие-либо *важные фактические сообщения*.

Другие подробности моей работы выяснены мною в предисловиях «От редактора» (перед отделами темъ, в примечаниях, приложениях и т. д.)

В заключение, считаю долг м. повт рить выражения благодарности названным выше лицам,—П. Е. Щеголеву, М. Цявловскому, покойным—П. И. Бартевеву, В. В. Каллашу, и выразить свою глубокую признательность — б. заведующему Л.-И. Отдела, П. И. Л. бедеву-Полянскому, сотруднику Отдела, М. И. Шелкунову, и др. сотрудникам, неоднократно помогавшим мне своими советами и указаниями.

1919.

Валерий Брюсов.

ОБЗОР ЖИЗНИ ПУШКИНА ПО ПЕРИОДАМ.

До сих пор в русской литературе не существует обстоятельной биографии Пушкина. Изданные сочинения этого рода или крайне устарели (Анненкова, Бартенева), или весьма несовершенны (напр., работа В. Сиповского), или представляют собою краткие очерки (напр., биография А. А. Венкстерна и мн. др.). В нашем изд. мы даем шесть отдельных очерков о жизни и литературной деятельности Пушкина, по числу шести выпусков нашего изд. Не образуя, конечно, полной биографии, эти 6 статей должны коснуться всех сторон жизни и творчества Пушкина. Для непосредственного же руководства читателей, предпосылается здесь, кроме того, *краткий обзор* жизни Пушкина, расположенный по тем же периодам, как в нашем изд.—произведения поэта. Этот обзор ограничивается изложением *внешних фактов*, не давая оценки поэзии Пушкина, которую читатели найдут в статьях 3-ей и 4-ой и, отчасти, в примечаниях к отдельным произведениям.

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ.

ДО ОКОНЧАНИЯ ЛИЦЕЯ, 1799—1817 г.

Александр Сергеевич Пушкин родился 26 мая 1799 г., в Москве, в дворянской семье среднего достатка, постепенно бедневшей от беспорядочного ведения хозяйства. П—ы¹⁾ жили зимой в Москве, летом в подмосковных имениях, в том числе в Захарове. В раннем детстве на мальчика Сашу оказала влияние его няня, Арина Родионовна, которая была мастерица рассказывать сказки; позднее—дядя, поэт В. Л. Пушкин, заинтересовавший мальчика литературой. Отец и мать мало занимались сыном. К маленькому П—у приглашались гувернантки и гувернеры, но от них он усвоил только прекрасное знание французского языка, на котором стал говорить легче, чем по-русски. Больше вынес мальчик П. из беспорядочного чтения, так как ему была открыта вся домашняя библиотека. Еще ребенком, он перечитал множество книг, преимущественно французских XVIII в., среди них—сочинения Вольтера, ставшего его излюбленным писателем, и эротических поэтов,—Парни и др.

В 1811 г. П—а отдали учиться в новооткрытый тогда Царскосельский Лицей, где он безвыездно провел 6 лет. Среди товарищей П—а здесь были будущие поэты: А. А. Дельвиг, А. Д. Илличевский; декабристы: И. И. Пущин, В. К. Кюхельбекер; государственные деятели: кн. А. М. Горчаков, бар. М. А. Корф; также другие, упоминаемые в стихах поэта: И. В. Малиновский (сын первого директора Лицея), М. Л. Яковлев («староста» курса), В. Д. Вальховский и пр.; среди профессоров—А. И. Галич, Н. Ф. Кошанский и др., также ставшие незабвенными через послания, обращения к ним лицеистом П—ым, Поступая в Лицей, П. уже увлекался литературой и писал стихи (сначала по-французски); в Лицее эта склонность быстро развилась, тем более, что ее разделяли многие другие товарищи-школьники. Среди лицеистов возник литературный кружок; они стали издавать рукописные журналы («Лицейский Мудрец» и др.), наполняя их своими сочинениями; а затем начали посылать свои опыты и в «настоящие» журналы, петербургские и московские, где их охотно печатали. В 1815 г., 8 января, на публичном экзамене, П. читал свои «Воспоминания в Царском Селе», в присутствии Державина, и привел маститого поэта в восторг.

Дисциплина в Лицее была довольно слабой, несмотря на то, что надзиратели не брезгали шпионничать. Тайно лицеисты устраивали даже маленькие попойки. На старших курсах лицеистам была предоставлена относительно свобода. Им позво-

¹⁾ Для сбережения места в нашем изд. принят ряд сокращений, полный перечень которых—перед содержанием. в конце книги. П., П—а, П—ы означает: Пушкин, Пушкина, Пушкины и т. под.

лялось, напр., посещать знакомых, живших в Царском Селе. Между прочим, бывали лицеисты в домашнем театре гр. Толстого и уж жилали за его крепостными актрисами: П. увлекался там некоей Наташей. В 1816 г. он испытал более серьезное увлечение, Е. П. Бугуниной, хорошенькой девушкой, проводившей лето с семьей в Царском Селе. Плодом этой любви был длинный ряд элегий. Но уже в следующем, 1817 г., П. увлекся некоей г-жей Смит, «молодой вдовой». Кажется, эта любовь была менее невинной: лицеист П. не хитрил способы являться к своей возлюбленной на ночные свидания.

В конце лицейской жизни П. сблизился с лучшими поэтами того времени: К. Н. Батюшковым, В. А. Жуковским, кн. П. А. Вяземским, и считался членом литературного общества «Арзамас», в котором группировалось все молодое и свежее в литературе. Однако, долгое время П. мечтал поступить на военную службу и был близок также к кружку гусаров, стоявших в Царском Селе. Впрочем, среди этих гусаров было два человека, выделяющиеся по уму и дарованиям,—П. П. Каверин и П. Я. Чаадаев: последний оказал значительное влияние на юношу П.—а. В конце концов близкие к П.—у люди отговорили его от военной карьеры. Курс Лицея П. кончил в 1817 г. На выпускном экзамене, 9 июня, он должен был, в наказание за высказывавшиеся им «безбожные» суждения, публично прочесть нарочно для того написанное, по приказу школьного начальства, стихотворение «Безверие».

Сколько-нибудь законченного образования П. в Лицее не получил. Только благодаря своим гениальным способностям, П. сумел кое-что извлечь из беспорядочных лекций, читавшихся лицеистам по самым разнообразным предметам, вплоть до тех, которые обычно входят в курсы университетов. Впоследствии П. усердно пополнял свои знания чтением.

ПЕРИОД ВТОРОЙ.

ОТ ОКОНЧАНИЯ ЛИЦЕЯ ДО ВЫСЫЛКИ НА ЮГ, 1817—1820 г.

Окончив Лицей, П. должен был поступить на службу и был зачислен в Копенгагенскую канцелярию иностранных дел. Но службой П. почти не занимался, а начал вести «рассеянную» светскую жизнь. В июле 1817 г. он побывал в имении отца, Псковской губ., Михайловском-Зуеве, с осени поселился в Петрограде. П. охотно появлялся в тогдашних «салонах» (у кн. Е. Голицыной и др.), но еще больше предавался шумным кутежам. Здоровье П.—а не выдержало такой жизни, и он дважды (в феврале 1818 г. и 1819 г.) был серьезно болен. Посещал П. собрания «Арзамаса», но общество уже клонилось к упадку. Более деятельным членом сделался П. другого общества «Зеленая лампа»: оно не преследовало прямо политических целей, но издала им руководили главари тайных обществ, которыми тогда была покрыта вся Россия. В «Зеленой лампе» П. сблизился с рядом новых лиц, как Н. В. Всеволожский, Ф. Ф. Юрьев, В. В. Энгельгардт, М. А. Щербинин. С одной стороны «Зеленая лампа» тоже была местом кутежей и «проказ», с другой—в ней сходилась молодежь передовых взглядов. Под влиянием этой среды, также П. Я. Чаадаева, А. И. Тургенева и др., и под влиянием чтения и размышлений, в этот период сложились политические убеждения П.—а.

Еще последние месяцы лицейской жизни П. начал писать стихи против существовавшего тогда в России режима (царизма). В петроградский период эта деятельность П.—а особенно развилась. Он начал довольно скромными призывами к правительству опираться на законность (ода «Вольность» 1817 г.) или освободить крестьян («Деревня» 1818 г.), но постепенно дошел логически до крайних революционных выводов («К Чаадаеву» 1818 г., «Нсэль» 1818 г. и др., особенно «Кинжал» уже 1821 г.). Этого рода стихотворения и эпиграммы на царя, военного министра Аракчеева, министра просвещения кн. Голицына, на архимандрита Фотия, на Стурдзу и др. приспешников тогдашнего правительства,—во множестве расходились в списках. О стихах П.—а было донесено Александру I, и тот решил примерно наказать сочинителя. П.—а предполагали сослать в Сибирь или в Соловецкий монастырь; поэта спасло заступничество Жуковского, который пользовался влиянием при дворе, как б. воспитатель наследника. Решено было выслать П.—а из столицы и отправить на службу на юг. П. 6 мая 1820 г. должен был покинуть Петроград и ехать в Екатеринослав к генералу И. Н. Изюву.

Одновременно с политическими стихами, П. продолжал писать и другие, развивая свое дарование. Он много работал над поэмой «Руслан и Людмила», начатой еще в Лицее. Поэма в 6 песнях была закончена, когда последовало распоряжение о высылке. П., спешно покидая Петербург, поручил друзьям (Вяземскому и др.) издать «Руслана и Людмилу», что ими и было исполнено в течение того же года.

ПЕРИОД ТРЕТИЙ.

жизнь на юге. 1) Кавказ, Крым, 1820 г.

Вскоре по приезде на место своей службы, в Екатеринослав, П. серьезно заболел. Больного его нашла семейство Раевских, проезжавшее через этот город, и взяло с собою на Кавказ (в конце мая 1820 г.; в Екатеринославе П. провел около 2 недель). Природа и жизнь Кавказа, тогда еще полуликого, произвели на П. сильнейшее впечатление. Под их влиянием он написал свою вторую поэму «Кавказский Пленник». С Кавказа П. вместе с Раевскими проехал в Крым. Переезд через Черное море и потом жизнь на южном берегу Крыма, в Гурзуфе (Юрзуф, как говорил П.), еще сильнее очаровали поэта. Им он обязан третьей своей поэмой «Бахчисарайский Фонтан» и целым рядом лирических стихотворений.

Семья Раевских также оставила свой след в жизни П.—на. Старший сын генерала Раевского (видного деятеля войны 1812 г.), А. Н. Раевский, сначала поразил П.—а своим скептическим (во всем сомневающимся) умом; П. изобразил А. Н. Раевского в стихотв. «Демон». Из двух дочерей Раевского, одной Ек. Н.—е, тихой и болезненной девушки, П. посвятил несколько душевных стихотворений; другая, Мария Н., увлекла его глубже. Есть много оснований думать, что М. Н. Раевская была единственная женщина, которую П. любил истинно и глубоко (ей, вероятно, посвящена поэма «Полтава»). М. Н. Раевская не ответила на чувство поэта. Позднее она вышла замуж за декабриста кн. С. И. Волконского и, после 14 дек. 1825 г., последовала за ним в Сибирь. Русским же П. обязан более близким знакомством с Байроном, поэзия которого оказала в метное влияние на русского поэта: с Раевским П. читал Байрона в подлиннике, по-английски.

Жизнь П.—а на Кавказе и в Крыму заняла всего несколько месяцев (21 сент. 1820 г. П. уже приехал в Кишинев), но живые воспоминания о ней долго после встречаются в стихах поэта.

ПЕРИОД ЧЕТВЕРТЫЙ.

жизнь на юге. 2) Кишинев, 1821—1823 г.

Из Крыма П. должен был ехать на место своей службы, в Кишинев, куда был переведен Инзов. Кишинев был тогда маленьким грязным городком с разноплеменным населением,—из молд ван, греков, евреев и др., кроме приезжих русских. П. изнывал там, лишенный круга лиц, которые сколько-нибудь понимали бы его. Служба его не стесняла, так как Инзов, добродушный старик, предоставлял поэту полную свободу. Но во всем городе поэт нашел лишь единственного человека, с которым мог сойтись: Н. С. Алексеева. Одно время они даже жили вместе, в полуразвалившемся доме. Любя общество, П. и здесь охотно посещал вечера местной знати. Часто он бывал в доме вице-губернатора М. Е. Крупенского и у молдаванского «боярина» («кукона») Е. К. Варфоломея. П. на этих вечерах тешил себя речами выходками, вплоть до пошечин, раздаваемых степенным «куконом». Между прочим эти выходки доводили П.—а до дуэлей (в конце 1821 г. с Зубы, в январе 1822 г. с С. Н. Старовым и др.), по счастью кончавшихся благополучно. Ухаживал П. за местными красавицами г-жей Эйхфельдт, Пульхерией Варфоломей и др.; одно время увлекался гречанкой Калипсо Полихрони, о которой говорили, что она была возлюбленной Байрона. Более глубокое чувство внушила П.—у женщина, имя которой пока остается неизвестно и которой посвящены стихи «Иностранке» (первый набросок—1822 г.; м. б., она жила в Одессе, куда П. наезжал) Живо интересовался П.— начинавшаяся тогда борьба греков за свободу; он познакомился лично с вождями восстания, появлявшимися в Кишиневе, и даже

начал нечто в роде летописи восстания (позднее уничтоженной поэтом, см. Часть 4). Наконец, П. много читал, пользуясь между прочим обширной библиотекой И. И. Липранди. Но все это не наполняло пустоты захолустной жизни; часть времени П. проводил за картами, обычно проигрывая, что было не легко поэту, не имевшему ничего, кроме скудного жалованья и случайных литературных заработков (П. сам совнавалоя, что в Кишиневе «пропадал от нищеты»). Зато поэт много работал в Кишиневе; здесь им закончены начатые раньше поэмы («Кавказский Пленник», «Бахчисарайский Фонтан»), написаны «Братья Разбойники», «Гаврилиада», много лирических стихотворений, сатир, эпиграмм, а так же задумано и начато много вещей, частью так и оставшихся в набросках («Фаустъ въ Аду», комедия в стихах и др.).

Отдыхом для П—на были его выезды из Кишинева: с Раевским в Киев (в начале 1821 г.), в Измаил (летом 1822 г.—по дороге туда наблюдал цыган), в Одессу и особенно—в находившееся не так далеко от Кишинева имение Давыдовых и Орловых Каменку (несколько раз; последняя поездка—в ноябре 1822 г.). В Каменке П. находил и развлечения: домашние балы, съезды гостей, охоту, пикники и, что было важнее, общество понимавших его людей. С главой дома В. Л. Давыдовым, впоследствии декабристом, П. сошелся по-приятельски. С женой его брата, добродушного толстяка А. А. Давыдова,—Аглаей, поэт имел роман, повидимому не невинного характера; впрочем, и многие другие могли похвалиться благосклонностью этой «кокетки». Общество Каменки живо интересовалось тогдашними политическими событиями: восстанием греков, революционными движениями в Неаполитанском королевстве и в Испании, смертью Наполеона и т. под. П. в одном стихотворении вспоминает, как провозглашал в Каменке тост за здоровье тех (неаполитанских революционеров) и той (свободы восставшей Испании), Стихи и письма П—на показывают, что в эту пору его политические и религиозные воззрения вполне созрели; именно в Кишиневе написаны и «Кинжал», и «Гаврилиада».

ПЕРИОД ПЯТЫЙ.

ЖИЗНЬ НА ЮГЕ. 3) ОДЕССА, 1823—1824 г.

Истомившись жизнью в Кишиневе, П. воспользовался тем, что наместником Новороссийского края был назначен гр. М. С. Воронцов, и перешел на службу к нему в Одессу, куда и переехал в самом начале июля 1823 г. П. раньше наезжал из Кишинева в Одессу и надеялся найти более живую жизнь в этом большом приморском городе, тогда—полу-итальянском, где были театры, большие рестораны, немало людей из столиц и т. д. Действительно, первое время шумная жизнь, после кишиневского захолустья, оживила поэта; он нашел здесь А. Н. Раевского, встретился с поэтом А. И. Туманским, завязал несколько новых знакомств. Вокруг П—на образовался кружок поклонников, и он предался было той беспечной жизни «встренной младости», которую сам охарактеризовал в стихах «Онегина». Но в Одессе ждали П—на испытания иного рода: два страстные увлечения, две любви, обе доходившие почти до болезненности. Одна из них связана с именем—Амалии Ризнич, жены богатого негоцианта, полу-итальянки, красивой, эксцентричной, всегда окруженной поклонниками; другая—гр. Е. К. Воронцовой, жены наместника. Любовь П—на к этим женщинам, особенно его страсть к Ризнич (по времени стоящая первой), была связана с жестокими мучениями ревности и вообще стоила поэту многих тяжких испытаний. В отношениях П—на к гр. Воронцовой какую-то неблагоприятную роль сыграл А. Н. Раевский, заклеянный за то в стихотворении «Коварность». Позднее Ризнич заставил свою жену уехать в Италию, где она вскоре умерла. Повидимому, также уехала за границу и также умерла там и кишиневская «иностранка». Впоследствии поэт говорил о «двух ангелах, данных ему во дни былые», которые предстают пред ним «с крыльями и с пламенным мечом», «стерегут и мстят». Мучительные переживания страсти не препятствовали П—ну в Одессе работать. Здесь написаны «Цыганы» и начат «Евгений Олегин» (2 первые главы), как и длинный ряд стихотворений, среди них—несколько значительных по размерам («К морю» и др.).

Жизнь П—на в Одессе прервалась резко. Граф Воронцов отнесся к П—ну недоброжелательно. Наместник не признавал дарования поэта и давал ему это чувство-

вать, требуя от него строго выполнения мелких служебных обязанностей. Есть известие, что П. был послан Воронцовым исследовать дело о саранче. П. отвечал злыми эпиграмами, которые, конечно, доходили до Воронцова (в одной из них наместник назван «полуподлец»). Могли иметь свое значение и отношения П—на к гр. Воронцовой. В конце концов, наместник послал донос на П—а, с «советом»—удалить поэта из Одессы. Вдобавок правительством было перехвачено письмо П—на, в котором он откровенно признается в своем неверии. Этого оказалось достаточно, чтобы П—ну было приказано свыше ехать в имение отца, в Псковскую губ., и жить там безвыездно. Из Одессы П. выехал 30-го июля, получив 389 руб. 4 коп. прогонных и 150 руб. недоданного жалования. По пути, в Чернигове, П. встретился с поэтом А. И. Подолинским, 5-го августа был в Могилеве и 9-го прибыл в Михайловское, где еще застал всю семью.

ПЕРИОД ШЕСТОЙ.

ССЫЛКА В МИХАЙЛОВСКОМ, 1824—1826 г.

В Михайловском П. провел два года. Летом, когда там жила семья П—ых, имение еще оживлялось. Впрочем, тогда тяжесть положения усиливалась отношениями с отцом, который тайно ваял на себя обязанность «следить» за мятежным сыном и постоянно попрекал его, как «бунтовщика» и как «дармоеда». Зимой же Михайловское совершенно пустело. В усадьбе, не приспособленной для зимнего житья, отоплялись только две небольшие комнаты, где поэт и должен был, по его выражению, «высидеть два года глаз на глаз со своей няней». Старушка Арина Родионовна вновь рассказывала поэту, как в его детстве, народные сказки. П. увлекался этими сказками, записывал их, как и певшиеся в деревне песни (что продолжал делать и впоследствии, см. наше изд., Часть 2). Развлечениями служили верховая езда, охота. Значительную часть времени П. отдавал чтению: в письмах к брату он постоянно просил о присылке ему новых книг.

Некоторое общество П. находил в соседнем имении Осиповых-Вульффов—Тригорском. Семья их состояла из вдовы П. А. Осиповой, ее двух сыновей (от первого брака, Вульффов) и двух дочерей. Осиповы интересовались литературой, в их доме была хорошая библиотека. Иногда к ним приезжали родственники и гостили подолгу, в том числе А. П. Керн, красивая, умная, но легко увлекавшаяся женщина. Роман П—на с нею длился, с перерывами, несколько лет; поэт навсегда остался ее другом и впоследствии оказал ей немало услуг. Мимолетно увлекался П. и другими барышнями, появлявшимися у Осиповых. Но долгое время «память сердца» приковывала его к Одессе, откуда он получал письма (от гр. Воронцовой), запечатанные перстнем—«сталисманом», которые сейчас же сжигал. Истинными праздниками для П—на были приезды его друзей. В Михайловском навестили поэта—И. И. Пущин, кн. А. М. Горчаков, бар. А. А. Дельвиг (лицейские товарищи) и поэт Н. М. Языков, с которым П. познакомился по переписке.

Главным занятием П—на в ссылке было творчество. В Михайловском написаны многие из важнейших произведений П—на: закончены «Цыганы», весь «Борис Годунов», «Граф Нулин», 3—6 главы «Евгения Онегина», сцена из «Фауста», сказка «Жених» и др., не говоря о большом числе лирических стихотворений и о еще большем числе начатых вещей, в стихах и в прозе. Кроме того П. вел из Михайловского обширную переписку с друзьями; письма П—на, по разбросанным в них глубоким мыслям, метким суждениям, по яркости изложения.—замечательны не менее его стихов; впрочем, письма стоили П—ну немало труда: он всегда писал их сначала вчерне и отделявал столь же тщательно, как стихи. Однако, работа не могла заглушить в поэте жажды освобождения; из ссылки он постоянно умолял друзей, прежде всего Жуковского, выхлопотать ему разрешение выехать за границу и сам писал прошения, в которых обывался, «каков бы ни был его образ мыслей, политический и религиозный», «хранить его про себя» и «безумно не противречить общепринятому порядку и необходимости». Хлопоты оставались безуспешны. П. подумывал тайно бежать из России и вел об этом переписку с братом, на условном языке. Восстание 14 декабря 1825 г. положило конец всем этим планам. Известие о казни пяти декабристов дошло до П—а 24 июля 1826 года.

ПЕРИОД СЕДЬМОЙ.

ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ ССЫЛКИ ДО ВТОРОЙ ПОЕЗДКИ НА КАВКАЗ, 1826—1829 г.

Николай I, после суда над декабристами и после коронации в Москве, приказал доставить к себе П—а. В Михайловское явился фельдъегерь, потребовал, чтобы П. собрался немедленно, посадил его в тележку и, в ночь с 3 на 4 сентября 1826 г., повез в Москву; там, таким же стремительным образом поэт был доставлен во дворец. Царь постарался обойтись с П—ым «милостиво». Николай I мечтал играть ту же роль, как Август в древнем Риме, или Людовик XIV во Франции, желал себя окружить великими писателями и художниками. П. был всегда доверчив и теперь поверил обещаниям царя. Николай I объявил поэту, что «прощает» его, позволяет жить где угодно и освобждает от цензуры. «Я сам буду твоим цензором», сказал царь, как если бы он так любил поэзию, что жаждал первым прочитать новые стихи П—а. После таких заверений, П. одно время искренно готов был пойти навстречу правительству; мечтал даже, что будет иметь на него влияние, пробовал, напр., склонить царя к смягчению участи дк. брестов (для чего, вероятно, и были написаны «Стансы» 1826 г.).

Скоро, однако, выяснилось, что все обещания царя были обманом. «Прощенный» П. был отдан под надзор полиции (кстати сказать, снятый только в 60-х годах); куда бы поэт ни ехал, следом летели предписания местным властям—зорко следить за ним и доносить о каждом его шаге. Получив разрешение жить «где угодно», П. принужден был испрашивать особое разрешение на всякую свою поездку, а когда, позднее, он захотел ехать за границу,—ему запретили. Наконец, «освобожденный от цензуры», П. был отдан под такую тройную цензуру («3-го Отделения», самого царя и цензурного ведомства), что впоследствии, как о милости, молил о позволении—печатать «просто» с разрешения цензора! Помимо того царь находил нужным «отечески заботиться» о поэте, как о ребенке, и поручил его шефу (начальнику) жандармов Бенкендорфу, как «лицу, к которому питает особое доверие». П—у пришлось за всем обращаться к Бенкендорфу,—за позволением поехать в Москву, издать книгу, жениться и т. д., и выслушивать или читать в письмах его поучения, а иногда и оскорбительные выговоры.

Ко всему этому присоединилось еще то, что в 1827 г. началось дело об отрывке из стихотв. «Андрей Шенье», который выдавался за стихи «на 14-ое декабря», а в 1828 г.—о поэме «Гавририада». П—а призывали к допросам, требовали от него объяснений, и одно время ему грозила новая ссылка, по выражению поэта, «прямо, прямо на Восток», т. е. в Сибирь. Мрачное настроение П—а выразилось в ряде стихотворений того времени («Снова тучи надо мною..», «Три ключа», «Дар напрасный» и др.). С большим трудом удалось поэту спасти себя от каких-либо тяжелых неприятностей, да и то в первом случае ему был объявлен «строгий выговор», а во втором пришлось прибегать к уверткам (см. т. III, письма).

Однако, жизнерадостный характер П—а преодолевал все эти тягостные обстоятельства. Он вновь наслаждался обществом своих друзей, к числу которых приселились новые—отчасти через сношения, завязанные в Михайловском по переписке (Плетнев, Погодин). Поэт много бывал в обществе, несколько раз читал «Бориса Годунова», вызывая восторг истинных ценителей (за эти чтения П. тоже получил выговор от Бенкендорфа), и вообще пользовался огромным успехом: в театрах П—у устраивали настоящие овации. Увлекался П. и новыми встречами с женщинами. Барышни Ушаковы, Оленина, поэтесса Вельяшова и др. оставили свой след в жизни и в поэзии П—а. Одно время П. даже подумывал жениться на своей отдаленной родственнице,—С. Ф. Пушкиной; но свадьба эта расстроилась. Наконец, в одну из своих поездок в Москву, П. познакомился с 16-ти летней красавицей, Нат. Ник. Гончаровой.. Это знакомство решило судьбу поэта.

По количеству написанного П—ым, этот период его жизни сравнительно беден. Однако, к нему относятся длинный ряд превосходнейших лирических стихотворений, «Зимняя дорога», «Поэт», «Цветок», «Воспоминание», «Чернь», «Анчар» и др. (последнее опять-таки послужило поводом к «выг в ру»), баллада «Утопленник», много строф «Е Онегина» и написанная в три недели «Полтава»; кроме того П—ым было начато много работ в прозе и в стихах (роман «Арап Петра Великого»), переводы поэмы «Опричник» и др., оставшихся неоконченными.

ПЕРИОД ВОСЬМОЙ.

Путешествие в Арзрум, 1829 года.

Гончарова произвела на П—а сильнейшее впечатление, конечно, своей красотой, так как другими достоинствами не обладала. В мае 1829 г. П. сделал предложение, но получил полуотказ. Это так подействовало на поэта, что он хотел уехать из России: просил позволения ехать в Китай с отправлявшейся туда русской миссией или в Западную Европу, но царь воспретил это, выставив предлогом, что такая поездка расстроит денежные дела П—а. Тогда поэт самовольно уехал в Закавказье, в армию Паскевича, пригласившего его, и с войсками дошел до Арзрума (Эрзерума). По пути П. вновь увидел тот Кавказ, который знал в юности, впервые ознакомился с хребтом Кавказских гор и ущельем Терека, и далее — с Грузией и частью Малой Азии. Во время похода П. присутствовал при перестрелках и стычках, с любопытством оставаясь под пулями... В Москву П. возвратился в сентябре.

Впечатления поездки оживили П—а. Он вывел из нее много стихов, замечательных разнообразием и совершенством формы, и замысел целой поэмы, вскоре после того начатой, но так и оставшейся неоконченной («Галуб»). Свои путевые записки П. впоследствии обработал и издал под заглавием «Путешествие в Арзрум». Но, вернувшись в Москву и Петроград, П. снова попал в круг прежних впечатлений, и уже в декабре 1829 г. поэтом написаны «Стансы», посвященные думам о близкой смерти.

ПЕРИОД ДЕВЯТЫЙ.

Время перед женитьбой и пребывание в Болдине, 1830 г.

В самый день Пасхи, 21 апреля 1830 года, П. возобновил свое предложение Гончаровой, и на этот раз оно было принято. Начался тягостный период «жениховства», — тягостный, главным образом, по причинам материальным. Оказалось, что П. не только не должен был рассчитывать на какие-либо деньги от семьи невесты, но сам должен был дать ей, вернее — ее семье, как бы в виде приданого невесты, несколько десятков тысяч рублей... Отец П—а выделил ему родовое имение Болдино в Нижегородской губ.; П. надеялся путем его раздела (с сестрой), продажи и т. д. найти необходимые средства, и, чтобы устроить свои дела, поехал в Болдино.

Как раз в это время распространилась эпидемия холеры. Везде были устроены карантинные пункты, проезд из одной губернии в другую стал крайне затруднителен, и поэт оказался как бы заточенным в своей деревне. В Болдине, в одиночестве, П—у довелось прожить более 3 месяцев. Томясь страстным желанием увидеть невесту, получая от нее вздорные и тревожащие письма, не имея близости никого, с кем было бы можно обменяться мыслями, почти лишенный книг, — поэт с неожиданным жаром предался поэтическому творчеству. За осень в Болдине П—ым написан длинный ряд замечательнейших произведений. Здесь был почти закончен «Онегин», созданы драмы — «Скупой Рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», отрывок «Пир во время чумы», поэма октавами «Домики в Коломне», пять рассказов, вошедших в «Повести Белкина», много лирических стихов, «История села Горохина» и очень много набросков и заметок, оставшихся при жизни поэта не напечатанными.

Только 5 декабря 1830 г. П. добрался наконец из Болдина до Москвы. В январе 1831 г. он был глубоко огорчен смертью своего школьного друга, Дельвига. 17 февраля состоялся «мальчишник» П—а; 18-го свадьба. — Уже 22 февраля, через 5 дней, П. был в Московском Большом театре с женою на маскарядном балу: началась светская жизнь П—а.

ПЕРИОД ДЕСЯТЫЙ.

Первые годы после женитьбы, кончая поездкой на Урал, 1831—1833 г.

П. говорил (см. письма), что, собираясь жениться, предполагал раскодовать втрое больше, чем в холостой жизни, а вышло — вдесятеро. Н. Н. Гончарова желала блистать в высшем обществе; для этого нужны были не только туалеты, но главное — связи, поддерживать которые стоило дорого. При том постепенно вся семья Гончаровых стала при-

бегать к П—у, как к естественному источнику дохода. «К вам благоволит царь, — говорили новые родственники П—а, — и вы можете выпросить у него любые милости». П—а заставляли хлопотать перед правительством о всяких мелочах, в роде, напр., вопроса о медной статуе Екатерины II, которую хотели то расплавить, то продать. Мало того, теща П—а определенно выражала стремление господствовать в доме П—ых. Все это приводило поэта в бешенство, и ему, наконец, пришлось прибегнуть к самым решительным мерам, чтобы доказать, что он властен у себя дома.

Таким образом, с самых первых дней семейная жизнь П—а оказалась далеко не веселой. С роцными жены он вскоре встал почти во враждебные отношения. Материальные затруднения стали расти тоже с первых дней, чтобы в концэ сделаться прямо невыносимыми. Отношения к жене быстро определились. П. упорно старался выставить Н. Н. Гончарову *перед другими* в лучшем свете, повторял всем, устно и в письмах: «жена моя — ангел», но духовной близости между ними не установилось никакой. Н. Н. Гончарова, став Пушкиной, интересовалась писаниями мужа лишь настолько, насколько рукописи можно было превратить в деньги... Духовного общения П. принужден был искать вне дома; Жуковский, Вяземский, позднее, отчасти, — Гоголь, особенно же гостиняя Смирновых — вот к кому шел П., чтобы высказать свои мысли или слышать живую речь. Иногда же семейная жизнь становилась для него столь нестерпимой что он опять брался за карты (причем обычно проигрывал, и не малые суммы) или даже, как юноша, предавался кутежу, что, конечно, служило поводом для родных жены кричать о «разврате» поэта...

Все это не мешало П—у усиленно работать. Правда, лирических стихов он стал писать меньше, но обратился к более обширным замыслам. С 1831 г. П. начал обрабатывать в стихах сказки, записанные им со слов Арины Родионовны и др.; между 1831—1833 г. писал большую драму из старо-русской жизни «Русалка», продолжал «Галуба», составил целую книгу «Песни Западных Славян»; в 1833 г., кроме нескольких баллад («Гусар» и др.), создал одно из своих глубочайших произведений — повесть в стихах «Медный Всадник», из которой часть образовала отдельную поэму «Родословная моего героя»; повесть эта не была пропущена царской цензурой, и П. заменил ее для печатавшегося тогда издания другой поэмой, начатой одновременно, — подражанием Шекспиру: «Анджело». Много времени стал отдавать П. в 30-х годах прозе: после «Повестей Белкина» им был написан «Дубровский» и начат длинный ряд повестей из современной жизни и из прошлого («Рославлев» и др.), брошенных неоконченными; помимо того П., как и всегда, набрасывал множество критических и иных заметок, из которых лишь малая часть попадала в печать при его жизни (особенно после прекращения «Литературной Газеты», издававшейся Дельвигом). С зимы 1832 г. к этому присоединились еще исторические работы, к которым П. всегда имел склонность (см. наше изд. Часть 4). Стесненный в средствах, поэт принужден был просить о принятии его на службу с разрешением заниматься в государственных архивах, и ему было назначено жалованье в 6000 р. в год.

П. мечтал написать историю Петра I, личность и эпоха которого очень интересовали поэта, но попутно натолкнулся на матерьялы по восстанию Пугачева 1773—1776 г., тогда очень мало известному. П. усердно принялся работать над Пугачевым и осенью 1833 г. предпринял острое путешествие, чтобы посетить арену его действий. Выехав 18 августа из Петрограда, П. побывал в Казани, в Симбирске, в Оренбурге, на Урале, ваехал к себе в Болдино (1 октября), где опять много писал, в начале ноября был снова в Москве, а 20 ноября — дома, в Петрограде Рубога в архивах и поездка на Урал дали П—у матерьялы для двух произведений: для двухтомного исторического исследования, которое царь приказал озаглавить «История Пугачевского бунта», и для образцовой повести в прозе «Капитанская Дочка». «История» была напечатана на казенные средства (собственно, — на осуду от казны) в 1834 г.; повесть — уже в 1836 г. В декабре 1833 года П. был пожалован камер-юнкером, милость, которая привела поэта в ярость, так как он не исчал никаких чинов, а камер-юнкерство жаловалось обычно вчатным юношам, в начале их карьеры.

ПЕРИОДЫ ОДИННАДЦАТЫЙ И ДВЕНАДЦАТЫЙ.¹

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ, 1834—1837 г.

Поездка на Урал на некоторое время освежила П—а, хотя он и вывез из нее гораздо меньше художественных впечатлений, нежели из путешествия 1829 г. (ни одного лирического стихотворения!). Но в Петрограде прежние тиски опять быстро схватили поэта, и роковой круг стал сжиматься все уже и уже.

Царь продолжал смотреть на П—а, как на некое украшение своего двора, как на «собственного великого поэта» (в роде того, как прежние цари держали при себе шутов и карликов), и внешне делал вид, что оказывает П—у всяческие милости. Но при этом П—у вменялось в строгую обязанность не покидать двора, и когда поэт попытался было «подать в отставку», ему было тотчас сделано строгое внушение. Точно так же не позволяли П—у уехать из Петрограда, где жизнь была решительно ему не по средствам. Вместе с тем надзор полиции за П—ым не прекращался. Все письма поэта и к нему «перлюстрировались» (т. е. вскрывались и прочитывались в «черном кабинете» на почте), и о содержании их доносилось царю, в том числе — переписка с женой. Во время поездки П—а на Урал местные полицеймейстеры и губернаторы составляли подробные доклады о каждом шаге поэта, о каждом сказанном (будто бы) им слове. П. каждый день мог ожидать обыска у себя на квартире. Он не смел даже хранить у себя в бумагах все написанные им стихи. Десятую главу «Евгения Онегина», где изображались декабристы, П. сжег, а несколько особенно дорогих ему строф записал криптограммой (условным способом). Из своих старых тетрадей поэт много страниц вырвал и уничтожил.

Одновременно росли долги. Вся семья Гончаровых перешла на содержание поэта, и сестры Н. Н. поселились в доме П—ых. Сестра П—а и особенно ее муж, Павлищев, под предлогом неразделенного общего имения (Болдино, из которого сестре П—а принадлежала $\frac{1}{14}$ часть), грубо требовали несообразных сумм. За брата, Льва С., то и дело приходилось платить долги, которые тот беспечно делал в надежде на своего знаменитого брата. Наконеч, и отец П—а, Серг. Л., оказался разоренным и тоже перешел на содержание к сыну. На все это, — при огромных расходах, которых требовала светская жизнь, потребная Нат. Н.—е, как воздух, балы в Аничковском дворце, катания, гуляния и т. п., — никаких доходов, ни от разоренных имений, ни от литературных работ, не доставало. С отчаянием в душе, П—у несколько раз приходилось обращаться к правительству с просьбами о ссудах, но это было уже крайностью. Раньше того П. бросался ко всем своим сколько-нибудь состоятельными знакомым, прося денег в долг, везде встречая отказ, и обращался к профессиональным ростовщикам, выдавая вексель за векселем, под самые тяжелые проценты; мало того: П—ы закладывали домашние вещи, — серебро, дорогие шали и т. п., должны в мелочную лавку, извозчику, швейцару и т. д. По смерти П—а во всем доме нашлось только 30 руб. Среди особенно настоячивых кредиторов был книжный магазин Белизара, потому что, при всех стесненных обстоятельствах, П. не в силах был отказать себе в удовольствии — приобретать все заинтересовавшие его книги.

Тем не менее литературная деятельность П—а продолжалась, не ослабевая. К 1834 г. относится сказка «О золотом петушке» (в которой цензура нашла-таки ряд предосудительных мест) и две повести: «Пиковая дама» и «Кирджали»; к 1834—1836 г. — ряд лирических стихотворений: подражания древним (Анакреону, Горацию и др.), «Туча», «Пир Петра Великого», «Памятник» и др. Гораздо большее количество художественных произведений за эти годы было поэтом начато и осталось в набросках, в том числе повесть, крайне глубокая по замыслу (первая мысль которой относится еще к 1825 г.) — «Египетские ночи», драматические сцены, известные под произвольным названием «Сцены из рыцарских времен», другие драматические этюды, несколько повестей и т. д. Но больше всего за последние годы жизни работал П. как журналист.

¹ В жизни П—а последние годы жизни (1834—1837 г.) образуют единый «период», также как и в его лирическом творчестве; но деятельность П—а, как писателя-прозаика, за эти годы так обширна и разнообразна, что ее удобнее делить на два «периода» — одиннадцатый и двенадцатый, см. т. II и т. III.

П. давно мечтал — издавать собственный журнал. Пока поэт находился в ссылке, об этом, конечно, нечего было и думать. Вернувшись в столицу, П. полагал найти такой «свой» журнал в «Московском Вестнике» Погодина, но «Вестник» оказался далеким от идеалов поэта. Позднее «своим» органом для П.—а были «Серебряные Цветы», ежегодно издававшиеся Дельвигом, и предпринятая им же «Литературная Газета», где П. писал очень охотно. Со смертью Дельвига исчезли и эти издания. О но время П. предполагал издавать политическую газету «Дневник», даже получил на то разрешение, но вскоре убедился, что от него ждут угодничества правительству, и газета не осуществлялась. Наконец, в 1836 г., после долгих колебаний и долгих хлопот, П. приступил к изданию «Современника», который должен был выходить по 4 книжки в год (как многие английские журналы того времени). Усиленной работе над «Современником» были посвящены все последние месяцы жизни П.—а. Он поместил в своем журнале многое написанное им раньше, сам тщательно собирал и редактировал материал для книжек, написал для них около 30 статей, заметок, рецензий, готовил несколько больших статей, среди них — Радищеве (которую, однако, цензура не пропустила) и т. д.

Однако, отношение читателей не обрадовало П.—а. «Современник» не имел никакого успеха. Публика, охотно подписывавшаяся на издание Греча и Булгарина, не обращала никакого внимания на журнал великого поэта: «Современник» был слишком серьезен, слишком строг для читателей того времени. То был один из тяжелых ударов, падших на П.—а в последние годы его жизни.

СМЕРТЬ ПУШКИНА.

«Последней каплей», «переполнившей чашу» и приведшей к роковому концу, явилось в жизни П.—а оскорбленное чувство мужа.

Что у Нат. Ник. Гончаровой-Пушкиной истинной любви к мужу не было, это можно считать несомненным. Но насколько она оставалась верна тем «обязанностям» жены, которые сама считала «священными», это, вероятно, навсегда останется невыясненным. П. до последней минуты, уже на смертном ложе, продолжал повторять, что его жена неповинна, что она — жертва клеветы. Может быть, так оно и было, но что Нат. Ник. давала достаточно поводов к такой клевете, это тоже бесспорно.

Городские слухи и толки соединяли имя Нат. Ник. Пушкиной с именем Жоржа Дантеса, блестящего офицера, приемного сына нидерландского посланника в Петрограде, Геккерна. Дантес одно время не только открыто, но навязчиво ухаживал за Нат. Ник. У П.—а было много личных врагов, созданных отчасти желчными эпиграммами поэта, который задыхался от пошлости окружавшей его среды (гр. Уваров, кн. Дондуков-Корсаков и др.); эти враги воспользовались случаем, чтобы причинить поэту как можно больше неприятностей. П. стал получать оскорбительнейшие анонимные письма, в которых, напр., его назначали «историографом ордена рогоносцев» и т. п. Разъяренный П. уже в ноябре 1836 г. вызвал Дантеса на дуэль. Но эта дуэль не состоялась; она получила слишком широкую огласку; вмешался Жуковский и другие друзья поэта, и им удалось на этот раз спасти его от рокового шага, который, при любом исходе дуэли, должен был гибельно отозваться на судьбе П.—а. Дантес неожиданно сделал предложение сестре Н. т. Н.—ы, Екатерине, и женился на ней 10 января 1837 г. П.—у пришлось взять свой вызов обратно, но он поставил условие, чтобы Дантесы не бывали у него в доме.

Однако, такой исход только отсрочил развязку. Ухаживания Дантеса продолжались; не прекращалась и рассылка анонимных оскорбительных писем как самому П.—у, так и его знакомым. Теперь известно, что у Нат. Ник. было тайное свидание с Дантесом, на квартире Полетики. Уверяют, что свидание это было самого невинного характера, но, кажется, сам Дантес распространял слухи иного рода, намеками хвастаясь близостью с женой П.—а. Вместе с тем Дантес распространял другие слухи, оскорбительные для поэта, — о том, что П. в близких отношениях с другой сестрой Н. Н.—ы, Елизаветой... Все это до сих пор, несмотря на кропотливейшие исследования биографов, далеко не уяснено...

Как бы то ни было. П. 26 января 1837 г. послал Геккерну оскорбительнейшее письмо, написанное много раньше, до первого вызова на дуэль. Письмо было такого рода (см.

его в т. III), что, по понятиям тогдашнего времени и той среды, где жил П., единственным на него ответом могла быть только дуэль; П. того и желал. Отчасти он, повидимому, поддался влиянию своего необузданного африканского характера, отчасти же просто желал одним решительным ударом как-нибудь разругать те сзти, в которых был запутан «милостями» царя и своей роковой женьтьбой. Чем бы ни кончилась дуэль, П—у, несомненно, после нее уже невозможно было оставаться при дворе, а это было все, чего он страстно жаждал.

На этот раз П. позаботился, чтобы подготовка к дуэли прошла в полной тайне. Несколько гибельных случайностей помогли тому. 27 января, в 4½ часа полудни, состоялся поединок П—а с Дантесом, заменявшим своего оскорбленного отца (приемного). Поэт был ранен первым выстрелом и упал, однако пожелал стрелять в свою очередь и тоже ранил своего противника, но легко. П—а стъезли домой. Вскоре выяснилось, что рана его очень опасна; один из врачей даже сказал П—у прямо, что она смертельна. Скоро началось воспаление и жестокие мучения оольного, так что он часто терял сознание и почти не мог говорить. В таком состоянии П. прожил еще около двух суток.

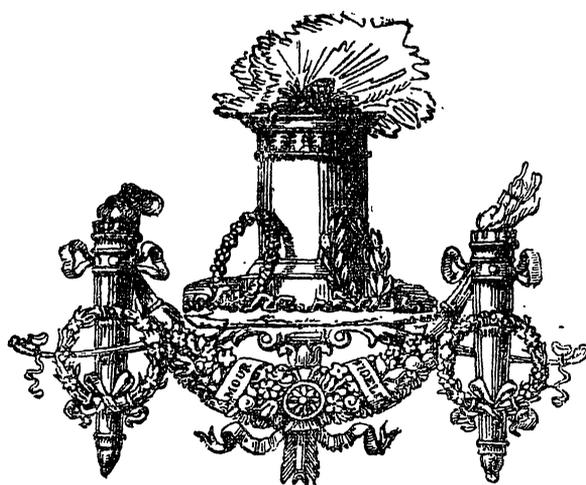
Когда разнеслась по гор ду весть, что П. умирает, толпы народа стали сбираться к его дому. Царь тоже соблаговолил осведомляться о здоровье поэта и велел ему сказать, что он его «прощает».

Что до рассказней, будто П. на смертном одре выразил свою «преданность государю» и сожаление, что умирает, потому что иначе был бы «весь его» (т. е. царя),—то теперь окончательно выяснено, что все это — чистая выдумка Жуковского (с «похвальной» целью — задобрить царя в пользу семьи П—а). Страдания П—а были таковы, что он произносил только стрывочные слова, даже не имел сил распорядиться своим имуществом, в том числе — литературным наследием. Судьба семьи очень тревожила П—а, но все, что он мог сделать для нее, это — принять священника, по совету Жуковского. Вообще друзья П—а не покидали его все последние часы его жизни; при нем были Жуковский, Даль, Вяземский, Данзас (бывший секундантом П—), Плетнев, Вьельгорский, Тургенев, Карамзина и др. Перед самой смертью П. попросил, чтобы жена покормила его моршкой. Последние слова П—а были — обращение к книгам: «Прощайте, друзья!» 29 января 1837 г., в 2¾ часа дня, П. скончался.

В. Б.

О судьбе рукописей П—а после его смерти см. т. II, Часть 3, особое «Призвление».

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО ПУШКИНА.

I.

Пушкин родился в старинной дворянской семье, уже несколько поколений которой принадлежало к просвещенным кругам русского общества.¹ Это было важно, потому что в эпоху Пушкина, в самом начале XIX века, в России не легко было человеку не дворянского происхождения получить хорошее образование. Большинство школ было доступно только для детей дворян; в среде купечества, уже обладавшего большими состояниями, было не в обычае учить детей; что до крепостных крестьян и немногочисленного в те годы класса рабочих, то правительство систематически держало их в полном невежестве и закрывало их детям всякие пути к образованию.² Родись Пушкин в иной среде, ему было бы безмерно труднее развить и проявить свои дарования.

Современная наука отводит широкое место влиянию наследственности. В характере Пушкина бесспорно сказались некоторые черты его предков. По матери великий поэт был, по его выражению, „происхождения африканского“. Мать поэта была внучкой абиссинца Ибрагима, которого ребенком подарили Петру I и который после крещения получил фамилию Ганнибал. Этот Ибрагим Ганнибал учился во Франции, в военном училище, потом служил в России и Сибири. Сын Ибрагима, Иван Ибрагимович или Абрамович, получил известность своими действиями в сражениях под Чесмою и под Наварином и был строителем Херсона. Оба эти полу-негра отличались и „африканскими страстями“: Ибрагим, из ревности, заточил свою первую жену в монастырь; Иван, при жизни первой жены, обманом женился на второй, и т. под. Эту страстность души и унаследовал поэт: отчасти она явилась и причиной его преждевременной гибели. У матери поэта, Надежды Осиповны Ганнибал, еще сохранились физические черты африканского происхождения: смуглый цвет кожи и т. под.

По отцу, поэт тоже мог унаследовать страстность и упрямство. При Петре I Пушкины участвовали в заговоре Циклера, и один из них, Федор, был казнен. Прадед поэта, в припадке ревности, зарезал свою жену. Дед — отказался присягать Екатерине, за что и был посажен в крепость, и т. д. Поэт сам рассказывает судьбу своих предков, в статьях (при его жизни не напечатанных): „Родословная Пушкиных и Ганнибалов“, „Встреча

¹ Пушкин не только гордился своим происхождением из древнего рода, представители которого играли видные роли в XVII и XVIII веках, но иногда поддавался словесным предрассудкам своего времени. Великий поэт сам сознавал эту свою слабость и не раз, в статьях, заметках и даже стихах, пытался ее объяснить и оправдать. Впрочем, П. несколько раз повторил, что «есть достоинство выше знатности рода, именно—достоинство личное» и т. под. (Подробнее о взглядах П.—а на дворянство, сословные различия и т. д. см. Вступ. оч. к Части 5).

² Ломоносов, вышедший из крестьян и ставший академиком, остается исключением. Но надо иметь в виду, что в эпоху реформ Петра, ломавших все устои быта, подобные исключения были гораздо чаще; так, напр., высших должностей достиг и «счастья баловень безродный» Меншиков. За столетие, прошедшее от Петра до Пушкина, сословные перегородки вновь окрепли, и преодолеть условности быта стало гораздо труднее.

с П. А. Ганнибалом“, в автокритических заметках о „Борисе Годунове“, в самой трагедии, в неоконченной повести „Арап Петра Великого“, в стихотв. „Моя родословная“ и др.³

Иного склада был отец поэта, Сергей Львович: в юности — светский щеголь, до конца дней — пустой салонный болтун, вспыльчивый, излишне-чувствительный, крайне-влюбчивый и крайний эгоист (себялюбец). Мать поэта, „красавица-креолка“, как ее называли в „свете“, тоже была женщина пустая, больше всего дорожившая светскими успехами: она была раздражительна, капризна и ненавидела всякий труд. В доме П—ых всегда царил полный беспорядок; довольно большие, первоначально, доходы с родовых имений уходили неведомо куда; за обедом всегда толпились званые и незваные; а часто приходилось продавать или закладывать домашнее серебро и драгоценности: „Взбалмошная, безалаберная“, — так характеризует семью П--ых современник (М. А. Корф).

Будущий великий поэт Александр Сергеевич Пушкин родился 26 мая 1799 г. в Москве, на Немецкой улице, в доме Скворцова, — во флигеле во дворе. Старше Александра на год была его сестра — Ольга; моложе на несколько лет — брат Лев; оба нередко упоминаются в стихах Пушкина. (Между Александром и Львом был у П—ых еще сын, Николай, умерший ребенком). Мальчик Саша был скорее нелюбимый сын в семье; в детстве он отличался леностью, неповоротливостью, сонливостью, и это так раздражало мать, что она бивала его, даже в гостях. За то маленького Сашу очень любила бабушка (по матери) Марья Алексеевна Ганнибал и его няня, та Арина Родионовна, которую поэт позже изобразил в ряде стихотворений. От няни между прочим Александр с раннего детства наслушался русских сказок и песен, о чем сам говорит в своих стихах.⁴

Зиму П—ны жили в Москве; летом — в подмосковных имениях. В 1806 г. бабушка поэта М. А. Ганнибал, продав село Кобринно, купила Захарово⁵ (неподалеку от нынешней станции Голицыно, Александровской ж. д.), и П—ны стали ездить туда каждое лето. Здесь будущий поэт ближе узнал русскую деревню. В характере мальчика при этом произошел резкий переворот: он стал резв и шаловлив даже до крайности. Мать теперь приходила в отчаяние от его детских выходов. С жизнью в Захарове связан и эпизод „ранней“ любви будущего поэта: мальчиком лет 7—8 он влюбился в какую-то девочку, дочь соседей, кажется. Сушкову;⁶ но это чувство осталось в ряду детских мечтаний.

Об образовании своих детей Пушкины сравнительно заботились, т.-е. приглашали к ним „гувернанток“ и „гувернеров“ иностранцев, считая, что этим исполнили весь свой долг. В воспоминаниях поэта⁷ гувернантки остались как „первые неприятности“; к гувернерам, Монфору и Русло тоже, кажется, относятся слова: „мои неприятные воспоминания“. Вероятно, именно своих гувернеров изобразил Пушкин в набросках романа „Русский Пелам“: одного как пьяницу, другого как человека бешеного, третьего как сумасшедшего.⁸ Только необыкновенными способностями мальчика можно объяснить, что у таких учителей он сумел все же кое-чему научиться. Больше тому способствовала, впрочем, отцовская библиотека, из которой маленький Александр читал все без разбора. Так, с детства усвоив французский язык лучше русского, он прочел и Вольтера, и Руссо, и большинство эротических (любовных) поэтов XVIII века.

³ См. стихи в Части 1 нашего изд., трагедию — в Части 2, повесть — в Части 3, заметки — в Частях 4 и 5; там же, в примеч. некоторые подробности о роде П—а.

⁴ См. стихотв. 1816 г. «Сон»; вообще о няне — стихотв. 1825 г. «Зимний вечер», 1827 г. «Подруга дней моих суровых...», 1835 г. «Вновь я посетил...».

⁵ См. «П—я славие к Юдину» 1815 г., где подробно описано Захарово.

⁶ См. там же и примеч. к посланию.

⁷ См. программу записок, Часть 4.

⁸ См. Часть 3.

Большое влияние на развитие будущего поэта оказало то, что в доме Пушкиных довольно живо интересовались литературой. Отец поэта сам любил сочинять,—но только на французском языке,—писал даже повести, а особенно много стихов, которыми заполнял альбомы знакомых дам. В семье Ганнибалов тоже литературы не чуждался: еще Ибрагим собрал хорошую библиотеку и написал, по-французски, свои записки, которые потом сжег. Родственник отца поэта, Алексей Михайлович Пушкин (умер в 1828 г.) довольно много писал и печатал в стихах и прозе.⁹ Но самым видным писателем из Пушкиных был дядя поэта, Василий Львович, который в свое время считался в числе лучших русских поэтов. Так как В. Л. часто бывал в семье брата, т.-е. у отца поэта, то мальчик-П. Пушкин очень рано, с детства, ознакомился через дядю с литературными интересами. В детстве же довелось П—ну впервые увидеть Жуковскго, кажется, и кн. П. А. Вяземского, — двух замечательнейших поэтов эпохи. Как их, так Карамзина, Батюшкова и др. русских писателей, мальчик узнал по живым рассказам дяди, так как все тогдашние литераторы были его добрыми знакомыми. Кроме того, в доме Пушкиных нередко появлялись писатели-иностранцы, попадавшие в Москву: Ксавье де Местр, Сент-Обен, Бурдигур, Катар и др.

Неудивительно, что, растя в такой среде, мальчик-Пушкин сам рано начал „сочинять“, но сначала тоже по-французски. До нас даже дошли кое-какие французские стихи, написанные им до 1811 г. и удержавшиеся в памяти его сестры: начало шуточной поэмы „Толиада“ и эпиграммы на самого себя, по поводу „неуспеха“ своей комедии „Похититель“, разыгранной автором перед сестрой.¹⁰ Мы знаем также, что гувернер Русло, сам любивший сочинять стихи, жаловался матери на стихотворные шалости мальчика и наказал его за них. Так первые „литературные невзгоды“ встретил П—н на десятом или одиннадцатом году жизни.

II.

Между тем настала пора заняться образованием мальчика серьезнее. В это время открывалось в Царском селе, под Петроградом, новое учебное заведение — Лицей, и на семейном совете решено было поместить Александра именно туда.хлопотать взялся дядя Вас. Л., который любил мальчика, отчасти за его любовь к литературе, так что одно время мальчик-Пушкин даже жил в доме у дяди. Постарались наскоро подготовить Пушкина, и осенью 1811 г. повезли его на приемный экзамен.

Лицей был задуман очень широко. Александр I предполагал даже воспитывать в нем своих младших братьев. Замысел этот не осуществился (нашли, что великим князьям „неприлично“ учиться на ряду с другими детьми), но все же Лицей был обставлен с исключительной роскошью, в смысле внешнего убранства, приглашения лучших профессоров и осторожного выбора будущих воспитанников. На экзамене, 12 августа 1811 г., Пушкин обнаружил крайнюю случайность своих познаний: по русскому языку ему поставили отметку—„очень хорошо“, по французски—„хорошо“, по арифметике отметили—„до тройного правила“ (т.-е. мальчик знал четыре действия, и только), по геометрии („познание общих тел“) — „хорошо“, по географии и истории — „имеет сведения“, по немецкому языку — „не учился“. Всего этого нашли достаточным, и П—н был принят и записан как „№ 14“, цифра, которой он позднее не раз подписывал свои стихи в печати. 19 октября 1811 г. последовало открытие Лицея, число, тоже освященное целым рядом стихотворений П—на.

Иное потом ошибочно приписывалось А. С. Пушкину.

¹⁰ См. Период первый, Приложение I.

Лицей был закрытым учебным заведением. Воспитанников не отпустили из его стен даже на каникулы. В течение почти полных шести лет П. не выходил из пределов Лицея и Царского Села. Не удивительно, что он сжился со своими новыми товарищами, лицеистами первого приема и первого выпуска. Они, так же как учителя и воспитатели Лицея, образовали единую семью, связанную общими воспоминаниями, традициями (условностями) и своеобразными обычаями. Сложился даже свой „язык Лицея“, со словами и выражениями, получившими особый смысл. Позднее Пушкин говорил о своих товарищах по школе:

...Нам целый свет — пустыня,
Отечество нам — Царское Село.

Имена лицейских товарищей Пушкина и некоторых профессоров Лицея часто встречаются в произведениях Пушкина, тем более, что ряд лицеистов первого выпуска занял видное место в литературе и в обществе. Поэтому, для понимания сочинений П—на, необходимо ближе ознакомиться с его лицейской жизнью. Именно за шесть лет Лицея, 1811—1817 годы, сложились основные черты в характере великого поэта, наметились его убеждения, и уже начал расцветать его поэтический гений. В Лицей П—н вошел мальчиком; из Лицея вышел молодым поэтом, на которого возлагались большие надежды, и почти созревшим молодым человеком, сумевшим привлечь к себе несколько преданных друзей, оставшихся такими на всю жизнь.

Предание говорит, что первым другом Пушкина в Лицее оказался И. И. Пущин (1798— 1858 г.),¹ получивший № 13, а потому и комнату рядом с будущим поэтом (в Лицее у каждого воспитанника была отдельная комната); сам П. называет Пущина „Мой первый друг, мой друг бесценный...“ Имя И. И. Пущина не осталось безызвестно русскому обществу. Сначала он зарекомендовал себя на общественном поприще, приняв на себя и с честью выполняя обязанности судьи (должность, которая считалась „неприличной“ для дворянина), потом оказался в ряду видных деятелей тайных обществ и декабрьского восстания, был сослан и много лет провел в Сибири. Пущин был немного старше П—на и, повидимому, будущий поэт был обязан в Лицее своему первому другу многими дельными советами; Пущин благотворно влиял на развитие пылкого „африканца“, удерживая его от неосторожных поступков, привлекал его внимание к вопросам общественности. (Впоследствии Пущин написал очень ценные воспоминания о П—не).

Вторым близким другом Пушкина в Лицее был барон А. А. Дельвиг (1798— 1831 г.),² впоследствии выдающийся поэт, издатель альманахов „Северные Цветы“ и „Литературной Газеты“. В Дельвиге П—н нашел товарища, с которым мог делиться своими поэтическими и литературными мечтами. Между прочим, Дельвиг был один из первых, правильно оценивших гений П—на, и еще в лицейские годы печатно приветствовал его, как великого поэта.

Затем близок к П—ну был еще В. К. Кюхельбекер (1807—1846 г.),³ впоследствии тоже видный декабрист, поплатившийся за то долгими годами крепости и ссылки. Кюхельбекер тоже увлекался поэзией, но, по происхождению полу-немец, вначале не вполне владел русским языком и служил постоянной мишенью для эпиграмм и острот самого П—на и

¹ См. «послания» к Пущину 1815 г. «Любезный именинник...», «Воспоминание», 1817 г. «В альбом» и 1826 г. «Мой первый друг. .»

² О Дельвиге-лицейсте см. статью П—а, Ч. 5, стихотв. «К Дельвигу» 1815 г. («Послушай, Муз невинных») и примеч. к нему, также ряд других посланий.

³ См. ряд посланий к Кюхельбекеру, начиная с 1817 г., и эпиграммы на него под именем «Ариста» и «Клита». Может быть, к нему же обращено первое печатное стихотворение П—на: «К другу стихотворцу». См. также статью П—з, Часть 4, «Встреча с Кюхельбекером» и др.

др. лицеистов: мечтательный и застенчивый, увлекающийся и неловкий, Кюхельбекер давал много поводов к насмешкам. Позднее поэтический дар Кюхельбекера вырос и окреп, хотя неблагоприятные обстоятельства жизни не позволили ему создать что-либо значительное.

— Менее сблизился П—н с А. Д. Илличевским (1798—1837 г.), хотя этот юноша увлекался поэзией едва ли не больше всех других лицеистов. Впрочем П—н посвятил Илличевскому перед выпуском послание, а в лицейской тетради П—на многие стихи переписаны рукою Илличевского.

В стихотворении 1814 г. „Пирующие студенты“ П. изображает кружок своих наиболее близких товарищей-лицеистов, кратко, но метко характеризуя их. Здесь названы: Пушкин—„друг прямой“; Дельвиг—„тенивец сонный“, так как Дельвиг был неповоротлив и любил поспать; Илличевский—„остряк замысловатый“, так как Илличевский особенно удачно писал эпиграммы и басни; Кюхельбекер—„писатель, за свои грехи...“, и здесь уколотый шуткой поэта; далее следуют: В. Д. Вальховский (1798—1841 г.), названный „спартанцем“ за свою постоянную умеренность; гр. С. Ф. Брельо (убит 1829 г., в борьбе греков за свободу)—„сиятельный повеса“, которого Пушкин зло называет: „красавец молодой“, тогда как Брельо был косяглаз и левша; И. В. Малиновский (1895—1873 г.)—„повеса из повес“, сын директора Лицея; И. А. Корсаков (ум. 1820 г.)—„певец“, любивший музыку, рано умерший в Италии и тогда почтенный особым стихотворением П—а („Гроб юноши“); наконец, М. Л. Яковлев (1898—1868 г.), „Роде записной“ (Роде—известный тогда скрипач), избранный „старостою“ курса и сохранивший это звание по окончании Лицея.⁴

Вероятно случайно, потому что они не участвовали в описываемой пирушке, в стихах не названо еще несколько лицеистов, с которыми Пушкин был несомненно близок: кн. А. М. Горчаков (1798—1883 г.), впоследствии государственный канцлер, к которому Пушкин написал несколько посланий, предсказывая ему блестящую будущность и делясь с ним интимными мечтами (между прочим, Горчаков пережил всех товарищей-лицеистов); Н. Г. Ломоносов (ум. 1853 г.), которого Пушкин тогда почтил посланием, как „путешественника“, и которому потом, действительно, довелось много путешествовать; П. М. Юдин (ум. 1852 г.), к которому написано длинное послание 1815 года; Ф. Ф. Матюшкин (ум. 1872 г.), тоже впоследствии совершивший длинные путешествия (кругосветное, с кап. Головиным, и др.); К. К. Данзас (ум. 1869 г.), которому судьба судила быть секундантом Пушкина в его последней дуэли. Их имена встречаются в других стихах Пушкина.⁵

Остальные лицеисты 1-го курса остались более „далеки от П—на; сохранилось одно письмо к С. С. Есакову (1899—1831 г.), случайные упоминания М. А. Корфа, Мясоедова и др. Корф впоследствии написал свои воспоминания о П—не, очень ценные по сообщаемым сведениям, но крайне несправедливые и явно стремящиеся принизить образ великого поэта. Комовский сообщил одну строфу будто бы из стихов П—на „на 19 окт.“, в которой будто бы упоминается и его, Комовского, имя, но подлинность этой строфы ничем не подтверждается. К Маслову, Гревеницу, Костенскому, Стевену, Тыркову П., кажется, относился безразлично; напротив, он, повидимому, был в дурных отношениях с Саврасовым, Мартыновым, Бакуниным, Корниловым, Коржевским и особенно Гурьевым.

Названными именами исчерпывается весь список лицеистов 1-го курса. П. нашел здесь друзей и врагов, первых поклонников своего таланта (Дельвиг, Илличевский, кн. Горчаков и др.) и ранних завистников (М. А. Корф, Гурьев и др.), нашел товарищей, которым мог поверить и свои

⁴ См. названное стихотв. и примеч. к нему, также «Протоколы празднования лицейской годовщины», Часть 4.

⁵ См. особенно стихотв. «19 октября 1825 г.».

первые стихи и мечты своей первой любви, собутыльников первых мальчишеских пирушек, соучастников первых юношеских проказ,—одним словом, нашел в миниатюре целый „свет“, в котором и учился будущему своему отношению к людям.

Меньшее значение имел для П—на круг профессоров и воспитателей Лицея, о которых позднее он говорил:

И Таблиамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ ч стію, и мертвымъ и живымъ,
Къ усѣмъ подняявъ признательную чашу,
Не помня зла, в. олегъ воздагимъ.

„Не помня зла“ сказано здесь не случайно: вспоминать *добром* среди наставников Лицея П—ну было почти некого. Более живо выступают в его лицейских стихах два образа: Галича и Кошанского. А. И. Галич (1783—1848 г.), временно замещая Кошанского, преподавал лицеистам русскую словесность в 1814—1815 г.; он становился на дружескую ногу с учениками и позднее, покинув Лицей, поддерживал сношения с лицеистами, даже участвовал в их школьнических пирушках. Н. Ф. Кошанский (1781—1831 г.), был человек совершенно иного склада; он преподавал русскую и латинскую словесность и, по словам М. Корфа, П—на и др. жестоко преследовал за охоту писать стихи; вернее — не за самые стихи, а за то, что П. не желал подчиняться авторитету Кошанского, который сам мнил себя поэтом. К Кошанскому обращено послание П—на-лицеиста: „Моему Аристарху“ (т. е. строгому критику), в котором юный поэт зло высмеивает притязания профессора; к Галичу—два послания 1815 г., добродушные и веселые, но в которых прежде всего говорится о „рюмках“, „бокалах“ и „золотом пиве“. ⁶

Сочувственно вспоминает П. —еще о Куницыне, восклицая: „Куницыну дань сердца и вина“. Но второе слово добавлено тоже не даром: лицеистам было известно, что Куницын, преподаватель „нравственных наук“, чрезмерно склонен был к бутылке. Отзывы П—на и др. лицеистов отмечают и в ряде других профессоров черты комические: таков был Д. де Будри, преподаватель французской словесности, родной брат Марата, эмигрировавший за границу; И. К. Кайданов — преподаватель истории, Я. И. Карцов—математики и физики, Ф. Ф. Гауэншильд—немецкой словесности и другие. Все они остались в памяти лицеистов скорее как чудачки, нежели как воспитатели.

Из директоров Лицея о первом, В. Ф. Малиновском, П. не упоминает вовсе; ко второму, Е. А. Энгельгардту, вступившему в должность с 1816 г.,—относился, по причинам не выясненным, недоверчиво. Между прочим Энгельгардт старался ввести лицеистов старших классов в знакомые ему дома в Царском Селе, надеясь на благотворное влияние женского общества; П. большею частью отказывался от приглашений директора. Отзыв Энгельгардта о П—не, приводимый дальше, показывает, что недоверие было взаимное. Перед выпуском, П., как и все лицеисты первого призыва, вписал в альбом директора настолько сочувственных слов, но позднее, в жизни, продолжал относиться к Е. А. Энгельгардту очень сухо.

Еще меньшее влияние могли оказать на П—на те „наставники“, которым было поручено надзирать за „поведением“ лицеистов. Одного из этих наставников, А. Н. Иконникова, живо охарактеризовал сам П.,⁷ как человека доброго, благородного, но нелепого, почти взбалмошного, к тому же также страдавшего пристрастием к вину. Чириков, бывший и учителем рисования, имел все же некоторое влияние на учеников: Но, напр., М. С. Пилецкий-Урбанович, первый инспектор Лицея, явно шпионил за школьниками и доно-

⁶ См. стихи 1815—1817 г., остатки лицейского дневника и программу записок, Часть 4.

⁷ См. Часть 5.

сил на них „по начальству“; С. С. Фролов, ставленник Аракчеева, был малограмотен, очень не умен, груб, и лицеисты всячески издевались над ним; не лучше был Зернов, Селецких-Дзюрдз и др.; каждый из лицеев создавал себя стоящим выше своих наставников и по образованию и по умению сохранить свое достоинство человека.

Должно еще упомянуть „дядек“ Лицея. Один из них, Сазонов, оказался грабителем и убийцей: выяснилось, что, днем выполняя обязанности дядьки, он по ночам нередко занимался разбоем. Другие дядьки за деньги покупали лицеистам ром и иные спиртные напитки, покровительствовали их проделкам, не всегда невинным, и т. д. В лицейских стихах П—на, поэзия которого всегда была тесно связана с жизнью, сохранились картинки и этих школьных попок, и участия, какое принимали в них школьные дядьки.⁸

Формально предполагалось, что профессора и наставники следят за „нравственностью“ лицеев. Сводилось это к тому, что иные из наставников прямо шпионили за учениками, подслушивали их разговоры и т. под., а также к тому, что „по начальству“ писались особые рапорты и периодически сообщались „ведомости“ об успехах, поведении и „нравственности“ лицеев. Ведомости эти очень любопытны, так как позволяют, хотя бы и через тусклую призму казенного „донесения“, видеть живой образ мальчика П—на. Вот несколько выдержек из таких ведомостей:⁹

Первая „Табель об успехах, прилежании и даровании“, составленная „профессорами, адъюнктами и учителями“ с 23 октября 1811 г. по 19 марта 1812 г., говорит о П—не: „*Во ф анцузском яз.* считается между первыми в классе, весьма прилежен, одарен понятливостью и проицанием. *В немецком яз.*—мало успехов, не прилежен, хороших дарований. *В логике*—хорошие успехи, не прилежен, весьма понятен (так!). *В арифметике* посредственные успехи, ленив, не плохих дарований. *В географии и истории* очень хорошие успехи, довольно прилежен, очень хороших дарований. *В рисовании* медленные успехи, прилежен, но нетерпелив, очень способен. *В чистописании* посредственные успехи, прилежен, способен.“ Кстати эта табель знакомит нас и с теми науками, которые изучал 12-ти летний поэт.

Следующая „Табель“ по ноябрь 1812 г. вносит кое-какие добавления. Так читаем в ней: „*В русском и латинском яз.* более понятливости и вкуса, нежели прилежания, но есть соревнование. *По словесности немецкой и французской* худые успехи, без способностей, без прилежания и без охоты, испорченного воспитания. *В логике* замысловат и остроумен, но не прилежен. *В математике* острота, но для пустословия, очень ленив и в классе нескромен. *В истории* более дарования, нежели прилежания. *В рисовании* отличных дарований, но тороплив и неосмотрителен. *В фехтовании* довольно хорошо. Наконец, *по нравственной части* мало постоянства и твердости, словоохотен, остроумен, приметно и добродушие, но вспылчив с гневом и легкомыслен.“

Особенно любопытна одна характеристика, тоже относящаяся к 1812 г.: „Пушкин Александръ, 13-ти лет, имсет более блистательные, нежели основательные дарования, более пылкий и тонкий, нежели глубокий ум. Прилежание его к учению посредственно, ибо трудолюбие еще не сделалось его добродетелью. Читая множество французских книг, но без выбора, приличного его возрасту, наполнил он память свою многими удачными местами известных авторов; довольно начитан и в русской словесности, знает много басен и стихков. Знания его вообще поверхностны, хотя

⁸ См. «Воспоминание» 1816 г. и др.

⁹ «Ведомости» напечатаны в работах о Лицее Я. и К. Грота, в статье В. Гаевского и др. Подробную библиографию сочинений о П—не-лицейсте и о самом Лицее см. в нашем изд., Часть 3, Прибавление.

начинает несколько привыкать к основательному размышлению. Самолюбие вместе с честолюбием, делающее его иногда застенчивым, чувствительность с сердцем, жаркие порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотливость с остроумием, ему свойственным. Между тем приметно в нем и добродушие... но в характере его вообще мало постоянства и твердости.“

Наконец, последним штрихом является рапорт надзирателя Пилецкого-Урбановича, ханжи и святоши, который мнил себя очень образованным, но писал почти безграмотно. Его путанный и почти комический рапорт, во многом напоминающий донос, относится тоже к 1812 г. „П—н,—сказано в нем,—6 ноября в суждении своем об уроках сказал: признаюсь, что логики я право не понимаю, да и многие даже лучше меня оной не знают, потому что логические селогизмы (так, вместо „силлогизмы“—выводы) весьма для него невняты. 16 числа весьма оскорбительно шутил с Мясоедом (вместо „с Мясоедовым, другим лицеистом) на счет 4 Департамента, зная, что его отец там служит, произнося какие-то стихи, коих мне повторить не хотел, при увещании же сделал слабое признание, и раскаянья не видно было. 18-го толкал Пущина и Мясоедова... 20-го называл Горчакова (лицеиста) вольной польской дамой (т. е. „курва“). 23-го, когда я у Дельвига отнимал бранное на г. Инспектора сочинение, в то время П—н, с непристойною вспыльчивостью, говорил мне громко: „Как вы смеете брать наши бумаги, — стало быть, — письма наши из ящика будете брать?“ 30-го к вечеру г. Кошанскому (профессору) изъяснял какие-то дела С.-Петербургских модных французских лавок, кои называются Маршанд де Мод; я не слыхал сам сего разговора, а только пришел в то время, когда г. Кошанский сказал ему: я повыше вас, а право не вздумаю такого вздора... Спрашивал я других воспитанников, но никто не мог мне его разговор повторить, по скромности как видно.“

Сохранился еще один отзыв, но уже гораздо более поздний, 1816 года, принадлежащий директору Лицея — Энгельгардту. В этом отзыве чувствуется отзыв личных отношений, доля затаенной обиды директора на гордого и своенравного юношу. „Его (т. е. П—на) высшая и конечная цель,—писал Энгельгардт,—блестеть и именно поэзией; но едва ли найдет она у него прочное основание, потому что он боится всякого серьезного учения, и его ум, не имея ни проницательности, ни глубины,—совершенно поверхностный французский ум. Это еще самое лучшее, что можно сказать о П—не. Его сердце холодно и пусто; в нем нет ни любви, ни религии; может быть, оно так пусто, как никогда еще не бывало юношеское сердце. Нежные и юношеские чувствования унижены в нем воображением, оскверненным всеми эротическими произведениями французской литературы, которые он при поступлении в Лицей знал почти наизусть...“ Отзыв, конечно, несправедливый и глубоко неверный (напр., об уме П—на), но характерный; именно таким представлялся П. многим и по выходе из Лицея: то была *маска*, которую в юности П. надевал перед посторонними.

Из всех этих показаний профессоров и „воспитателей“ ясно вырисовывается характер мальчика П—на: шаловливого, резкого, вспыльчивого, но смелого, прямого и правдивого, часто ленивого, небрежного, но одаренного способностями, что принуждены признать даже наиболее враждебно к нему настроенные профессора. На товарищей П., с самого начала, произвел впечатление большого умственного превосходства. В этом со знанием все лицеисты 1-го курса, оставившие свои воспоминания. С возвращением отзывался в Лицее о П—не — Илличевский; в одном сохранившемся его письме, от 25 марта 1812 г. (когда П—ну было всего 12 лет), Илличевский писал: „Что касается до моих стихотворческих занятий, я в них успел чрезвычайно, имея товарищем одного молодого человека, который, живши между лучшими стихотворцами, приобрел много в поэзии знаний и вкуса“. Искренно удивлялись П—у и другие лицеисты.

Один только М. А. Корф оставил воспоминания иного рода, но и в них, сквозь недоброжелательство автора, чувствуется сила П—на. „Вспыльчивый до бешенства“, — характеризует Корф П—на, — вечно рассеянный, вечно погруженный в поэтические свои мечтания, с необузданными африканскими страстями, П. не имел ничего любезного и привлекательного в своем обращении; беседы ровной, систематической, сколько нибудь связной, у него совсем не было, как не было и дара слова, но были только вспышки, резкая острота, злая насмешка, какая-нибудь внезапная поэтическая мысль, но все это лишь урывками“... и т. д. Трудно в этой последней характеристике не почувствовать затаенных обид на какие-то „остроты“ и „насмешки“, предметом которых со стороны П—на когда-то был, вероятно, автор этих желчных строк.

III.

Лицейская жизнь П—а определенно распадается на три поры: 1) раннюю—до середины 1816 г., 2) пору первой любви—1816 г. и 3) последние месяцы Лицея—по июль 1817 г.

Нам мало что известно о начальных годах пребывания П—а в Лицее. Все наши сведения сводятся к данным, какие можно извлечь из „табелей об успехах, поведении и нравственности“, и к немногим и отрывочным сообщениям товарищей П—а по классу. Из этих последних мы узнаем, напр., что любимыми играми школьника П—а были лапта и бары, т. е. требующие ловкости. Есть также рассказы о крайней вспыльчивости П—а, который и тогда, мальчиком 12—13 лет, в минуты раздражения терял власть над собою. В такую минуту, через 25 лет, П. послал роковое письмо Геккерну, поставившее поэта под пулю Дантеса... Наконец, знаем мы, что в младших классах П. определенно „ленился“, зачастую не учил уроков (особенно математики), тайком читал во время „лекций“ посторонние книги и т. д.

Мы уже упоминали, что, поступая в Лицей, П. знал французский язык лучше русского, за что и заслужил от товарищей прозвище „француз“. В 1812 г., когда разразилась „Отечественная“ война с французами, это прозвище было предметом горьких обид для П—а. Как и большая часть русского общества, лицеисты были тогда на время охвачены порывом патриотизма; все французское казалось ненавистным, и мальчик-П. выдержал немало драк с теми, кто его дразнил „французом“. Школьники даже мечтали принять непосредственное участие в военных действиях, просили образовать из них отряд партизанов (теперь сказали бы: „бой-скоутов“). Разумеется, мечты эти не осуществились.¹

Но „гроза Двенадцатого года“ (выражение П—а) миновала, не затронув Лицея. Лицеисты успокоились и вернулись к мирным интересам. Среди них, едва ли не на первом месте, впереди даже учения, стояли интересы литературные. Пушкин, Илличевский, Дельвиг, Кюхельбекер принесли с собою в Лицей еще из родного дома живейшую любовь к стихам, к поэзии, вообще к литературе; они как бы заразили большинство других школьников. Первый выпуск Лицея по преимуществу был „литературный“: с самого начала, с 1811 года, мальчики-лицеисты стали отдавать свой досуг не только играм и проказам, но также чтению и сочинению. Они на свой счет выписывали петроградские и московские журналы, сообща читали ново-полученную книжку, обсуждали ее... Журналы особенно увлекали лицеистов, настолько, что, уже с первого года существования Лицея, появились рукописные школьные периодические издания, для которых нашлись усердные сотрудники. Начальство пробо-

¹ Настроение лицеистов в 1812 г. П. сам изобразил в стихотворении 1829 г. «Воспоминания в Царском Селѣ», оставшемся, к сожалению, не законченным.

вало запрещать воспитанникам такие литературные упражнения, но безуспешно и, наконец, махнуло рукой.

Несколько №№ лицейских журналов дошло до нас; другие известны по названиям. В 1811 г. в Лицее издавались: „Царско-Сельская Лицейская газета“ (издателем был Корсаков), „Вестник“ и еще какой-то журнальчик (кажется, Кюхельбекером); в 1812 г.—„Для увеселения и пользы“ и „Неопытное Перо“; в 1813 г.—„Юные пловцы“; позднее—„Лицейский Мудрец“, упоминаемый П—ым, и др. Из материала, помещавшегося в журналах, составлялись потом (конечно, рукописные же) сборники, как „Лицейская Антология, собранная трудами пресловутого... ийший“ (т.-е. Илличевским). Ревностным сотрудником некоторых лицейских журналов был П., даже после того как его стихи стали появляться в печати. Именно в лицейских журналах впервые был помещен ряд лучших из юношеских стихотворений П—а.

Литература заняла в жизни лицейстов 1-го выпуска огромное место. Они наперебыв сочиняли эпиграммы друг на друга, на учителей, на общественные события; на этом поприще Илличевский успешно соперничал с П—ым. В ходу в Лицее были так наз. „национальные“ песни: куплеты, в которых изображались факты и лица из лицейской жизни. П., в своем юношеском дневнике, записал несколько куплетов из этих песен. Любили еще лицеисты коротать вечера, рассказывая друг другу маленькие новеллы (рассказы), иногда выдавая их за истинные происшествия из своей жизни. П., на такой вечеринке, рассказал однажды пред восхищенными слушателями (разумеется, в общих чертах) две истории, которые позднее, в переработанном виде, вошли в „Повести Белкина“ („Метель“ и „Выстрел“). Из писем и дневников лицейстов (Илличевского, Комовского, Матюшкина и др.) видно, что школьники живо следили за всеми новинками русской литературы, вели между собою горячие критические споры, иногда ставили домашние спектакли и т. п.³

Все это происходило, как было сказано, не только без всякого содействия со стороны „воспитателей“, но нередко и вопреки формальным запретам начальства. Один только проф. Кошанский интересовался литературными опытами первенцев Лицея, но и он—лишь теми из них, которые шли к нему на поклон, несли ему свои стихи для поправок. Профессор глубокомысленно „исправлял“, ставя, напр., вместо „колдцы“—„кладези“, вместо „смотрели“—„взирали“ и т. п. П. упорно уклонялся от советов такого учителя, за что подвергся его суровой критике, на которую ответил „посланием к Арх.старху“. Галич тоже интересовался стихами лицейстов, но он профессорствовал недолго, а потом встречался с питомцами Лицея редко и случайно, за „пиршественным“ столом, так что не мог оказать на них серьезное влияние. Интересовался, правда, еще Иконников, но он был лишен критического чутья и понимания поэзии: то без разбору восхищался, то бранил без причины: это бросалось в глаза даже школьникам, мальчикам по 12—13 лет.⁴

Превосходство П—а среди всех школьнков-литераторов весьма скоро стало явно даже для предубежденного взгляда. Только Илличевский некоторое время соперничал с П—ым; Дельвиг развивался медленно, писал мало; остальные и не пытались оспаривать первенство П—а. Напротив, его талантом гордились, и лицеисты считали за честь переписывать для него его стихи (такая рукопись дошла до нас). Впрочем, Корсаков, Есаков, Малиновский, Маслов и др. первокурсники, писавшие стихи, вряд ли и смотрели на свои занятия поэзией серьезно: просто увлекались примером. Только Кюхельбекер настойчиво жаждал быть по-

³ См. сохранившиеся из этого дневника в Части 4.

⁴ См. еще в примеч. к стихотв. «19 октября 1825 г.» о лицейском «Словаре»; в Часть 4 примеч. к программе записок, в Части 5—к статье об Иконникове и др.

⁵ См. упомянутую выше характеристику Иконникова, сделанную П—ым, Часть 5.

А. С. Пушкин лиценстом.

С современного портрета цветными карандашами

этом и долгое время возбуждал общие насмешки неуклюжими стихами, служа, как уже указывалось, мишенью для карикатур и эпиграмм в лицейских журналах.⁵

В конце 1813 г. товарищи, тайно от П—а,⁶ послали его стихотв. „К другу стихотворцу“ в редакцию „Вестника Европы“. Стихи были напечатаны в начале 1814 г. После того П. стал довольно часто посылать свои стихи сначала в петроградские, потом и в московские издания, подписываясь то буквами, то цифрами (Александр Н. к. ш. п.,—П.—,1... 14—16 и др.). Начальство тоже принуждено было обратить внимание на дарование П—а. Ему было предложено прочесть свое стихотв. „Воспоминания в Царском Селе“ на публичном экзамене, 8 января 1815 г. Экзамен происходил при торжественной обстановке, в присутствии именитых гостей и среди них—Державина. П. сам, и очень живо, описал этот экзамен и свои чувства на нем.⁷ Державин остался в восхищении, да П. и нарочно постарался написать свои стихи в державинском духе... Старик-поэт хотел расцеловать юношу-поэта, но П., в смущении, куда-то убежал, спрятался. Позднее он говорил о себе и своей музе:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил...⁸

Так протекала первая пора школьной жизни П—а.

„У нас,—описывает, в письме 1814 г., лицейскую жизнь Илличевский,—царствует с одной стороны свобода, а свобода дело золотое! Нет скучного заведения сидеть на местах; в классах бываем не долго: 7 часов в день; больших уроков (т.-е. заданных) не имеем. Летом досуг проводим в прогулке, зимой за чтением книг; иногда представляем театр, с начальниками обходимся без страха, шутим с ними, смеемся“. Позднее лицеисты стали бывать вне Лицея на спектаклях в домашнем театре гр. В. В. Толстого, где пробирались за кулисы и ухаживали за артистками (конечно, крепостными).⁹ В самом здании Лицея школьники устраивали пирушки, даже попойки, с ромом, пуншем и грогом, которые доставлялись услужливыми дядьками. Правда, „пиры“ пушкинских лицейских стихов обычно происходили в воображении поэта, но по крайней мере одно стихотв. несомненно описывает действительную попытку маленькой попойки.¹⁰ Корф, в своих воспоминаниях, уверяет, что в последние годы лицеисты, в их числе П., ускользали иногда из школы на всю ночь, ходили „по гусарам“, по трактирам, может быть, и по более предосудительным притонам... Для школьников 14—15 лет такая „золотая“ свобода становилась уже опасной.

Особенно ослабла школьная дисциплина в тот период, который П. в программе записок о своей жизни назвал „безначалием“. Первый дирек-

⁵ Насмешки товарищей довели Кюхельбекера до того, что однажды он бросился в пруд—т. п. ться; раннее самоубийцу спасли, и эпизод опять послужил темой для карикатуры. Жестоко издевался над Кюхельбекером П. (Позднее, уже по окончании Лицея, Кюхельбекер не выдержал несторожных шуток П—а и вызвал его на дуэль, см. Вступит. зам. к Части 2). Все это не мешало Кюхельбекеру сердечно любить П—а и благоговейно пред его памятью. Одно из лучших стихотв. на смерть П—а написано Кюхельбекером.

⁶ См. стихотв. 1815 г. «К Дельвигу»:
Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой в город шлют,
И плод уединенья
Тисненью предают...

⁷ См. Часть 4.

⁸ См. Часть 2, «Евгений Онегин», Глава IX. В бумагах Державина сохранились «Воспоминания в Царском Селе» П—а, начисто переписанные для него его р-ми: это—один из немногих образцов «парадного» почерка П—а-лицеиста; тем не менее в этой рук. много описок.

⁹ См. стихотв. 1814 г. «К Наталье» и «К молодой актрисе».

¹⁰ См. стихотв. «Воспоминание» 1815 г.

тор В. Ф. Малиновский умер в 1814 г., и Лицей временно управлялся „конференцией“ профессоров, которые начальствовали по очереди, противоречили друг другу своими распоряжениями и больше были заняты взаимными счетами, чем воспитанием школьников. Лицейсты сумели использовать такое положение вещей для распространения своей „свободы“: на эту именно пору падают только-что упомянутые пирушки, но вместе с тем то было и время расцвета лицейской литературы. Классные занятия отступили на второй план: юноши, почти мальчики, лет по 15, мнили себя настоящими писателями-поэтами и старались в своей школьной жизни воплотить идеал „поэта“, вычитанный из книг. Для многих это, вероятно, губельно отозвалось на их развитии, но П. и из этой поры „свободы“ сумел извлечь свою пользу: он получил досуг для развития своего дарования, и на 1815 год приходится исключительно-большое количество написанных им стихотворений.

С 1816 г. директором Лицея был назначен Е. А. Энгельгардт, человек разумный, серьезный и добрый. Он пытался бороться с распушенностью школьников, но искоренить „обычай“ Лицея было уже не легко, тем более на старшем курсе. „Первенцы“ Лицея, среди них П., упорно отстаивали свою „свободу“, и если не могли уже проказничать столь же открыто, как раньше, стали проделывать то же тайно. Но П.—а в это время от не совсем невинных шалостей его товарищей отвлекло новое сильное увлечение: его *первая любовь*.

В самых ранних стихах П.—на¹¹ нет реальных женских образов (кроме сестры поэта). „Делия драгая“, конечно, — образ условный, позаимствованный из французской поэзии. Описания любви и страсти в подражаниях Оссиану¹² тоже — условны и бесцветны. Но уже в середине 1814 г. является „красавица, которая нюхала табак“, — сестра лицеиста Горчакова (или Елена или Александра Мих.); но „красавица“, вероятно, и не ведала, что неожиданно разожгла пылкое воображение юного поэта (м. б., в одно из своих посещений брата в Лицее). Гораздо более живым предстает затем образ Натальи, крепостной актрисы в театре Толстого. Кажется, П. даже поднес ей первое из своих посланий к ней; по крайней мере оно написано в такой манере, чтобы быть понятным и понравиться не особенно тонкой читательнице.¹³ Но и Наталья, окруженная „солидными“ поклонниками, искавшими ее благосклонности, вряд ли обратила особое внимание на гениального школьника, и тот вознаградил себя вторым посланием, зло подсмѣивающимся над „не наследницей Клероны“. Когда в 1815 г. П. писал „послание к Юдину“, ему пришлось, чтобы ввести в свои стихи элемент любви, обратиться сравнительно к далекому прошлому: в послании названа какая-то —

Подруга возраста златова .

Друг сердца, мил'я . . . . .¹⁴

Думают, как мы говорили, что это—Сушкова, маленькая девочка, которую П., тоже мальчиком, видал в деревне, у соседей по имению.

¹¹ Ранние стихи П.—а см. период 1-ый, Отдел Б Обычно изд. относят стихотв. «О Делия драгая» и «Делия» к 1812 г., но без достаточных оснований. Некоторые к тому же 1812 г. относят стихотв. «Измены».

¹² Подражания Оссиану см. Часть 2.

¹³ «Послание к Наталье» и «К молодой актрисе», 1814 г., см. выше. П. часто приравнивался к уровню понимания и вкуса тех лиц, к которым обращал свои стихи (так же он поступал и в письмах). Поэтому некоторые стихотвор. П.—а вовсе не отражают его собственных взглядов на поэзию, а являются как бы блестящей пародией, передразниванием чужой манеры. Таковы, напр.: «Воспоминания в Царском Селе» (перенята манера Державина), «Послание к Наталье» (принсровлено ко вкусам крепостн.й девушки), «Романе» («Под вечер осени ненастной...» — написано во вкусе слезливых романсов того времени), «К Наташе» («Вянет, вянет лето красно...» — во вкусе популярных песен эпохи) и т. под

¹⁴ См. «Послание к Юдину» и прим. к нему. Раньше читали: «милая Мертваго», но эта фамилия не рифмуется со словом «златова» (как написано в рук. П.—а).

Только с лета 1815 г. в поэзию П—на вливается струя подлинного сердечного чувства. П. переживает свою „первую любовь“. Внушить ее было суждено некоей Екатерине Павловне Бакуниной, красивой девушке лет 16, проводившей лето с семьей в Царском Селе, а кроме того нередко навещавшей в Лицее своего брата-лицеиста (младшего курса) и приезжавшей на лицейские балы. Очаровательное личико Бакуниной пленило не одного П—на. Он сам вспоминает в стихах, „как мы одну *все трое* полюбили“, т. е.—Пушкин, И. И. Пущин и И. В. Малиновский.¹⁵ Впрочем, даже в любви товарищи уступали первое место П—ну, и здесь невольно подчиняясь его превосходству. Они были его „наперсниками“, выслушивали его признания и тем глубже могли их воспринимать, что сами испытывали такое же чувство.

Всю историю первой любви П—на можно проследить по его произведениям. Запись в лицейском дневнике, несколько разрозненных стихотворений 1815 г. и непрерывный ряд элегий 1816 г.¹⁶ — дают живое изображение этого юношеского увлечения. Радостей эта любовь принесла поэту не много. Случайная встреча или беглое свидание в саду, в беседке, дали повод к двум-трем восторженным восклицаниям: „Итак, я счастлив был!..“ или „Здесь ею счастлив был я раз...“ Но громадное большинство стихов, обращенных к Бакуниной, проникнуто чувством грусти, уныния. Поэт горько жалуется на „судьбу“, уверяет, что „цвет жизни сохнет от мучений“, заявляет, что ему „скучен мир“ и „страшен дневный свет“ и т. под. Очень вероятно, что П. вспоминал именно свои лицейские элегии о любви, когда позднее в „Евгении Онегине“ определял поэзию Ленского:

Он пел увядшей жизни цвет
Без малого в восемнадцать лет...¹⁷

Разумеется, любовь юноши П—а могла быть только „платонической“ и „истинно-поэтической“, как ее называет в своих записках С. Д. Ковровский. Но характерно, что в элегиях П—на чувственный оттенок все же есть. Поклонник Парни и других эротических французских поэтов XVIII в., „потомок негров“—Ганнибалов и помещиков-Пушкиных, не знавших удержу своим страстям, позднее сознававшийся в „бесстыдном бешенстве“ своих желаний,—П. не мог вполне превратиться в мечтательного романтика. Он пробовал уверить сам себя, что чистая любовь выше сладострастия, но все же, в самых безнадежных элегиях, продолжает мечтать об отраде „тайных“ наслаждений, о том, чтобы ему „открылось окно“—для ночного свидания, о радости „в скромной тьме... близ милой засыпать“ и т. д., и откровенно признается в своих сладострастных сновидениях.¹⁸ При таких настроениях П. не мог особенно долго довольствоваться одной мечтательной любовью.

¹⁵ См. стихотв. «19 октября 1825 г.»

¹⁶ В нашем изд. они собраны вместе; см. стихи 1816 г., 12—31, «Стихи о любви». Стихи из лицейского дневника—выше под 1815 г. и в Части 4. Из стихотв. 1815 г. на любовь к Бакуниной намекают «Слеза», «К живописцу» и др.

¹⁷ См. Часть 2, «Е. О.», Глава II, М. 6., те же свои элегии имел П. в виду, когда характеризовал и последние стихи Ленского:

Так он писал, *темно и вяло*,
Что романтизмом мы зовем...

(«Е. О.», Глава VI). Действительно, изо всей лицейской поэзии П—а его любовные элегии наиболее растянуты и наименее пластичны (выпуклы, наглядны). Ср. в примеч. к этим стихотв. поправки П—а (преимущественно сокращения) 1825 г.

¹⁸ См. стихотв. 1816 г. «Месяц», отброшенную строфу:

Что вы, восторги сладострастья,
Пред тайной прелестью отрад
Прямой любви, прямого счастья...

См. также стихотв. «Счастлив, кто в страсти сам себе...», «Окно», «К ней» «Пробуждение». В письме к Вяземскому (см. среди стихов 1816 г.) П. откровенно признается что считает «блаженным» того, кто—

не во сне, а на яву
Свою любовницу ласкает.

Осенью 1816 г. Бакунины переехали из Царского Села в Петроград. П. посвятил ряд стихотворений „разлуке“, тосковал, жаловался, что идут дни, но не несут „забвения фиал“, перебирал в стихах воспоминания о своей любви, даже мечтал о смерти.¹⁹ Но довольно быстро жизнерадостное начало взяло верх; П. вернулся от одиноких прогулок в круг товарищей и хотя уверял, что их „радости беспечной“ может улыбаться лишь „сквозь слезы“, ⁰ присоединился опять к обычным шалостям и проказам школьников. Уже к той же осени 1816 г. относится проделка П—а, чуть не навлекшая на него беды: в темноте лицейского коридора, он, по ошибке, поцеловал сухую и тощую старую деву, княжну Волконскую, желая обнять хорошенькую Наташу, горничную фрейлины Валуевой.² А зимой того же года душой П—а владела уже новая любовь, притом совершенно другого рода,—к „молодой вдове“ Марии Смит.²²

У нас недостаточно данных, чтобы восстановить все подробности отношений юного поэта к г-же Смит. Повидимому П. узнал ее на квартире директора Лицея, Энгельгардта, старавшегося ввести лицейство и в свою семью (г-жа Смит, ур. Шарон-Лароз, приходилась ему родственницей). Кажется, П. обратил особое внимание на красивую вдову еще в тот период, когда всецело был захвачен любовью к Е. П. Бакуниной. Может быть, именно к г-же Смит написаны лицейские стихи П—а, обращенные к „Лиле“ и „Лиде“. Эти стихи проникнуты совершенно другим духом, нежели элегии о Бакуниной,—прославляют „бесчувственную красу“ молодой вдовы, полны нескромными намеками на примеры античной жизни и т. д. Вероятно, „молодая вдова“ сначала, в течение ряда месяцев, играла (теперь сказали бы: „флиртвала“) с интересным юношей, резко выделявшимся из круга товарищей, а потом и сама поддалась его увлечению.²³ Как бы то ни было, из стихов П—а видно, что в последние месяцы его пребывания в Лицее у него бывали тайные ночные свидания с „молодой вдовой“ и что юному любовнику-поэту приходилось успокаивать тревогу своей возлюбленной, боявшейся за гробной мести за измену со стороны покойного мужа...²⁴

Свидания с Марией Смит были в числе последних впечатлений П—а из лицейской жизни. Но между ними и первыми встречами с Бакуниной

¹⁹ См. стихотв. «Осеннее Утро», «Разлука» и др. а также, «Я видел смерть» и его различные редакции.

²⁰ См. стихотв. «Опять я ваш, о юные друзья...» «Друзьям». и др.

²¹ Предполагают, что к этой Наташе написано ст. хотв. «Вянет, вянет лето красно...» В одном лицейском рукописном сборнике к этим стихам было сделано примеч.: «Дочери князя Кочубея», но это второе объяснение мало правдоподобно; в лицейской тетради—или была допущена ошибка, или имелись в виду обстоятельства, нам неизвестные (напр., П. мог подарить гр. Кочубею рукопись стихотворения и т. под.).

²² Что, однако, чувство, пережитое П—м на 17—18-м году жизни, было глубоко, доказывают отголоски «первой любви», встречающиеся в его поэзии почти до самого конца. Выше были указаны стихотв. «19 октября 1825 г.» и характеристика стихов Ленского; к этому должно прибавить строфы «Е. О.», посвященные воспоминаниям о Лицее, см. Часть 2, «Е. О.», Глава IX, текст и подстрочное примеч.

²³ См. стихотв. «Лиле», «Слово милой» и П. слание Лиде, среди стихов 1816 г. и «стихотворений из изд. 1826 и 1829 г.» (ст. 43, 50, 58, 90 и 102), «Лиле» напеч. впервые в 1826 г. и в изд. 1829 г. отнесено в разряд: «Ранных годов»; приурочивают стихи к 1816 г. довольно произвольно. «Слово милой» и «Послание Лиде» сохранились в лицейских списках, но без определенной датировки. Особенно см. стихотв. «К молодой вдове» и примеч. к нему, из которого следует, что стихи должны относиться к 1817 г. к последним месяцам лицейской жизни П—а (в Акад. изд. и в изд. Венгерова, Ефремова и Морозова помещены под 1816 г.)

²⁴ Т.-е., как жаловался Онегин:

Уничтожать предразсужденья,
Которых не было и нет
У девочки в тринадцать лет...

«Так точно думал мой Евгений...» Часть 2, «Е. О.», Глава IV.

произошло немало событий, наполнивших для П—а полтора заключительных года Лицея. В Бакунину влюбился еще полумальчик; любовником „молодой вдовы“ был даже не юноша, а, почти сложившийся в определенный характер, молодой человек.

IV.

Известность П—а, как поэта, быстро вышла за пределы тесного лицейского кружка. Уже в 1815 г. молодой поэт мог сказать:

Мне слава издала гровит
Перстем окровавленным.¹

Декламация „Воспоминаний“ на лицейском экзамене и восторг Державина произвели сильное впечатление на всех присутствующих. Не надо забывать, что Державин в ту пору почитался непререкаемым авторитетом: то был наш „классический“ поэт, заживо достигший той же славы, как, напр., в 80-х годах, во Франции Виктор Гюго. Сам П., хотя и умел отнестись к поэзии Державина критически, до конца жизни гордился его одобрением: понятно, что на П—а-юношу (16-ти лет) это одобрение произвело впечатление сильнейшее. Рассказывают, что после лицейского экзамена 1815 г., на большом обеде у гр. Разумовского, где среди гостей были Державин и С. Л. Пушкин (отец поэта), много говорили о талантливом лицеисте и что Державин воскликнул тогда: „Оставьте его поэтом!“ С того времени на стихи П—а, печатавшиеся в журналах, стали обращать внимание. Самые видные писатели того времени начали искать случая лично познакомиться с юношей П—ым.

Раньше, в доме отца и дяди, П., еще мальчиком, видел большинство русских писателей, но, конечно, мельком. Теперь пришла пора ему сблизиться с ними. Первый шаг сделал, кажется, Жуковский. Ему тоже очень понравились „Воспоминания в Царском Селе“; он несколько раз читал эти стихи вслух, в разных гостиных, повторяя: „Вот — истинный поэт!“ Летом 1815 г., посещая в Царском Селе императрицу, Жуковский воспользовался случаем, чтобы познакомиться ближе с лицеистом-П—ым, и с этих пор до конца жизни П—а остался его верным другом, покровителем и хранителем. В том же году П. лично узнал Батюшкова; несколько позже — Карамзина. С кн. Вяземским П. в начале 1816 г. уже состоял в переписке.²

Все это были признанные величины русской литературы. Старший среди них, Н. М. Карамзин, собственно, уже окончил свою деятельность, как поэта, отдавшись историческим трудам: к февралю 1816 г. уже были готовы первые 8 томов „Истории государства российского“. ³ Вяземский, Жуковский и Батюшков воплощали в себе всю новую литературу, сменявшую собою тяжелый „классицизм“ XVIII века и слезливый „сентиментализм“ молодого Карамзина. Эти три поэта, без всякого колебания, включили П—а в ряды поборников „новой поэзии“, против медленно вымиравшего „старого“. Дядя, В. Л. Пушкин, уже давно считал племянника за „всеего“.

Чтобы представить себе положение юноши П—а среди тогдашних писателей, надо помнить, что русская литература 10-х годов XIX в. была еще в своем младенчестве, несмотря на столетнее прошлое: она едва выходила из периода „приятной забавы“, так что еще Державин мог сравнивать поэзию со „сладким лимонадом“.

¹ См. стихотв. «Мечтатель».

² См. суждение П—а на с Державине в письме 8 июня 1825 г., т. III, Часть 6.

³ См. стихотв. 1815 г. «Батюшкову», стихи из письма к Вяземскому под 1816 г.— Вообще об отношениях П—а в Лицее к старшим писателям см. послание 1817 г. «Жуковскому». Некоторые подробности см. Часть 3, Библиография.

⁴ Есть предание, будто П. присутствовал на чтении «посвящения» и «предисловия» к «Истории», но этот факт возбуждает основательные сомнения.

В России, в эти годы, еще крепки были традиции так наз. „лже-классицизма“. ⁵ То было литературное течение, развившееся в XVII в. и господствовавшее почти весь XVIII в., преимущественно в „романских“ странах (во Франции, в Италии, в Испании). Лже-классицизм был порождением той эпохи, когда литература была делом замкнутого класса дворян, составлявших как бы международную касту,—ее забавой на досуге. Сущность лже-классицизма сводилась к стремлению „подражать древним“ (поэтам античного мира), ради чего были установлены строгие и подробные правила поэтики, связывавшие свободу творчества; на практике они приводили к тому, что в поэзии, вместо живых образов и картин, являлся ряд условных фигур и изображений. Основы такой теории были изложены еще в конце XVII в. французским поэтом Буало-Депрео, в поэме „Искусство поэзии“ (о котором много раз упоминает П. в своих лицейских стихах).

В конце XVIII в. с лже-классицизмом боролись сначала „сентименталисты“, которые хотели поставить на место условных правил—чувство, что привело только к преувеличенной чувствительности; потом—лучшие немецкие поэты—Гете, Шиллер, теоретически—Лессинг, сумевшие действительно приблизиться к античным образцам, не по их форме, а по духу. Однако истинный удар лже-классицизму был нанесен только после того, как Великая Французская Революция и последовавшие события, разнесшие ее идеи по всей Европе, изменила все сословные отношения. Пала замкнутая каста дворянства, явились новые круги читателей с новыми запросами, и явились писатели из других слоев общества. Возник „романтизм“.

В существе романтизм есть стремление к свободе творчества. Новым читателям и новым поэтам, для которых поэзия уже была не забавой на досуге, а ремеслом, некогда было изучать мелочные правила поэтики Буало; вместо них провозглашена была полная свобода поэтических форм. Явился интерес к родному, к народному; начали ревностно изучать предания и сказания родной старины; ⁶ в поэзии старались как можно точнее изобразить характерные черты местности и народа (так наз. „местный оттенок“, *couleur local*). При этом особенно живо интересовались странами мало известными, живописными, какими тогда еще считались Италия и Испания, а больше того—Восток, Турция, Аравия, Персия. „Романтические“ мечты не ограничивались одной поэзией или вообще искусством: они оказали свое влияние на самую жизнь и нравы общества (вплоть до моды платьев).

В Германии романтизм развился еще в конце XVIII в.; во Франции и в Англии—в 2 первых десятилетиях XIX; в России—еще позже. Вяземский, Батюшков, Жуковский делали еще очень робкие попытки в этом направлении, и в годы, когда начинал писать П., „романтизм“ для русского читателя был еще чем-то очень туманным и весьма неопределенным. Под ним разумелись преимущественно баллады Жуковского, написанные в подражание немецким („Ленора“, „Людмила“ и др.), всякого рода „чертовщина“ и т. под. Но всего нагляднее борьба лже-классицизма и романтизма воплотилась для публики в лице двух литературных обществ,—„Беседы Любителей Русского Слова“, председательницы старого, и „Арзамаса“, представлявшего собою новое течение.

Во главе „Беседы“ стоял А. С. Шишков, писатель (позднее министр народного просвещения), стяжавший себе несколько комическую известность походом против слов, заимствованных из иностранных языков,

⁵ Само собой разумеется, следующая далее характеристика лже-классицизма и романтизма касается только самых общих сторон вопроса. Некоторые подробности см. Часть 3, Библиография.

⁶ См. Часть 2, вступит. оч. к подражаниям Оссиану, 1814 г.

вместо которых он предлагал коренные русские, не всегда удачно им составленные.⁷ Далее среди членов „Беседы“ были А. А. Ширинский-Шихматов и А. А. Шаховской (автор тяжелых драм и комедий, имевших однако свой успех),⁸ баснописец И. А. Крылов,⁹ пресловутый стихоплет-графоман гр. Хвостов¹⁰ и т. под. Заседания „Беседы“ обычно были важны, чинны и скучны. К тому же большинство членов „Беседы“ были люди уже пожилые, глубоко впитавшие в себя все традиции XVIII в., эпохи Екатерины II.

Общество „Арзамас“ состояло, напротив, почти сплошь из людей молодых. Его „душой“ был кн. Вяземский его „гордостью“ — Батюшков, от которого ждали в литературе очень многого (душевная болезнь, постигшая поэта, не позволила осуществиться этим надеждам). Старше других были — Жуковский и В. Л. Пушкин (дядя А. С. П—а), но первый всю жизнь оставался ребенком душой, а второй, по своей наивности, тоже всегда был далек от какой-либо „солидности“. На заседаниях „Арзамаса“ господствовало добродушное веселье; там много места давалось шутке, острой насмешке, причем арзамасцы преследовали не только литературных противников, но не щадили и друг друга: так предметом постоянных насмешек был благодушный В. Л. Пушкин. Между прочим все члены „Арзамаса“ носили шуточные прозвища, связанные с разными происшествиями или с характером лица: *Кассандра* (пророчица), *Вот* (вот я вас! — выражение из „Энеиды“ Вергилия и вместе с тем имя скандинавского божества Вот или Вотан), *Тиртей* (древне-греческий поэт, одушевлявший воинов), *Ахилл* (ах! хил!) и т. под. (Большинство этих прозвищ упоминается в стихах П—а).

Как воспитанник Лицея, П., конечно, не мог стать членом „Арзамаса“ фактически и посещать его заседания, но считался им заочно, получив прозвище „Сверчок“, потому что „из лицейского заточения подавал голос, как сверчок из-за печки. (Так иногда П. и подписывал свои стихи, напр., буквами: „С. р. ч. к.“). Войдя во вкус своего нового положения, юноша-П. начал сыпать эпиграммами против врагов „Арзамаса“, писал шуточные письма своему дяде, усердному члену о-ва, и кн. Вяземскому и жадно мечтал, когда, наконец, придет „венец желаниям“ и он вступит в круг „друзей светлых муз“. Вместе с тем, молодой поэт пытался и более серьезно отнестись к своему призванию. Он начинал несколько поэм („Бова“, „Сон“), но бросал их не оконченными, пока, наконец, не остановился на замысле, который увлек его. То был сюжет „Руслана и Людмилы“, взятый отчасти из сказок, рассказанных ребенку П—у его няней, Ариной Родионовной, отчасти из прочитанных книг (Ариосто и др.). Последние месяцы лицейской жизни П. работал над этой поэмой, которая должна была сделать его имя широко известным читающей России и в которой он хотел проявить свое, еще очень незрелое, понимание романтизма.

На юношу П—а кругом смотрели с восхищением. Товарищи преклонялись пред ним (что, конечно, не исключало отдельных неприязней). Дядя, В. Л., писал ему: „Мы от тебя многого ожидаем“; Жуковский отдавал поэту-лицейсту на суд свои новые стихи; Батюшков побуждал П—а писать большую эпическую поэму; патриарх русских поэтов, И. И. Дми-

⁷ Напр. знаменитые «мокроступы» (вместо—калоши), Шишков же высмеивал введенное Карамзиным слово «вливание», по образцу французского l'influence. О Шишкове см. еще примеч. к эпиграммам на него.

⁸ Оба, вместе с Шишковым, высмеены П—ым в лицейской эпиграмме и упоминаются в нескольких других лицейских стихотворениях.

⁹ Крылов (1768—1844 г.) начал писать басни только приблизительно с 1805 г.

¹⁰ Гр. Хвостову П—ым тоже посвящено несколько эпиграмм, сатирическая опародия 1825 г. «Султан ярится...» и насмешливые строки в «Медном Всаднике», см. Часть 2. Сохранилось еще письмо П—а к Хвостову и упоминания об нем в письмах к другим лицам, см. Часть 6.

триев, осведомлялся в письмах о П—е. На собраниях „Арзамаса“ признавалось незримое присутствие „Сверчка“ и часто читались его стихи. Лицейское начальство начинало все чаще обращаться к П—у с „заказами“ на стихи: то надо было написать хвалебное стихотворение „на возвращение государя императора из Парижа“, то гимн „принцу Оранскому“, по поводу его приезда в Россию для женитьбы на дочери царя, то придумать строфы к гимну Жуковского для пения лицейским хором, и т. под. Все эти стихи писались по определенному приказу начальства,¹¹ так что в них нельзя искать подлинных убеждений поэта-лицеиста, который должен был принаравливаться ко вкусам „заказчиков“. П. выполнял эти заказы, вероятно, не без внутренней досады, но все же они не могли не льстить его самолюбию.

В конце концов было от чего закружиться голове 18-летнего юноши! Но характер П—а был слишком подвижным и слишком сложным, чтобы даже такие успехи вполне определили его направление. Именно в разгар своей наибольшей лицейской литературной известности, П. неожиданно устремился в другую сторону. Лицеистам в 1817 г. удалось свести знакомство с гусарами, полк которых стоял в Царском Селе. Среди гусар оказалось несколько человек, которые особенно заинтересовали П—а, в том числе А. Н. Зубов, П. П. Каверин (1794—1855 г.) и особенно П. Я. Чаадаев (1793 или 1796—1856 г.)¹ Последний, бесспорно, был личностью не заурядной. Человек прекрасно образованный, с широкими взглядами, он мог бы сыграть значительную роль в русском обществе; этому помешало мелочное самолюбие, недостаток энергии и т. под. Впоследствии, за напечатание одной статьи, касавшейся темных сторон русского правительственного строя, Чаадаев был „объявлен умалишенным“ и отдан под надзор полиции. В конце концов из Чаадаева вышел только красноречивый болтун московских салонов.¹ Но перед П—ным-юношей Чаадаев был еще блестящим офицером, который в то же время поражал своим строго-философским мышлением и умел беспощадно критиковать окружающую действительность... В другом роде был Каверин; в противоположность несколько замкнутому в себе Чаадаеву, он любил веселье, шутки, проказы, даже прославился своими кутежами; но также получил хорошее образование, умел судить остро и здраво.⁴

Во всяком случае на П—а и Каверин и, особенно, Чаадаев оказали серьезное влияние.¹⁵ Они возбудили в нем интерес к общественным вопросам, и первые посеяли семена „вольнолюбивых“ убеждений, которые быстро выросли по выходе юноши из Лицея. П. ускользал из школы, чтобы „ходить по гусарам“, не только ради попоек, которые ими устраивались, но и для того, чтобы слушать их суждения о современной России. Для П—а, который рос в семье с дворянскими предассудками и воспитывался в закрытом, узко-сословном пансионе, свободные речи молодых гусаров были как бы откровением. Каверин учился в немецком университете, Чаадаев тоже бывал за границей, они оба знали Европу, политический строй, в котором, несмотря на все усилия реакции, продолжали

¹¹ См. эти стихи в периоде первом 1815—1816 г. и дополнительные примеч. к ним. «На возвращение» написано по приказу И. И. Мартынова, директора департамента народного просвещения; «К принцу» — по требованию царицы и настоятелем престола поэта Ю. А. Мелецкого-Мелетского; «Гимн» — по желанию школьного начальства.

¹² См. лицейские надписи к их портретам 1817 г.

¹³ В этом отношении характеристика Чаадаева в надписи П—а должна быть признана очень меткой.

¹⁴ См. послание к нему 1817 г., где говорится, что «под покрывалом шалости можно скрыть «высокий» Каверин упоминается еще в «Евг. Он.».

¹⁵ П. признается в этом в своих письмах к Чаадаеву 1818 г. («Люби, надежды гордой славы...»), 1820 г. («К чему холодные сомненья...») и, особенно, 1821 г. («В стране, где я забыл...»)

жить завоевания Великой Революции. Юноша-лицеист заслушивался рассказов об этой свободной жизни и, со свойственной ему гениальной прозорливостью, делал соответственные выводы. П—у всегда достаточно было намека: дальнейшее он угадывал.

В точности политические взгляды П—а, в последний год его пребывания в Лицее, нам неизвестны. Но один факт бросает на этот вопрос определенный свет. Именно, лицейское начальство приказало П—у, в виде наказания, написать стихотворение о „вреде безверия“ и публично прочесть его на выпускном экзамене. Следовательно, начальством П. был замечен в „безбожных“ суждениях. Религиозностью П. никогда не отличался, но открытое свободомыслие явно было следствием новых знакомств. Кроме того, тотчас по выходе из Лицея П. написал свою оду „Вольность“; несомненно сходные взгляды зрели в нем уже раньше.⁶

Но „гусары“ оказали на П—а влияние и в другом смысле: они возбуждали в нем неожиданное желание поступить на военную службу. Эта мысль глубоко засела в голову юноши, и долгое время он упорно стоял на своем, несмотря на все возражения семьи, дяди В. Л. и старших товарищей—поэтов. Все причины этого упорства еще не выяснены. Кажется, П—а привлекала не одна блестящая внешность военной жизни: он самообольщался, думая о той роли, которую должна сыграть армия в будущем освободительном движении... Как бы то ни было, юношу удалось отговорить. Отец прямо заявил, что у него нет средств содержать сына на военной службе (что в те годы стоило дорого). П. должен был уступить и согласиться поступить по окончании школы на статскую службу, но юноше не легко было расстаться со своими мечтами.⁷

Между тем подошел срок окончания Лицея. Начальство опять предложило было П—у написать „гимн“ для выпускного экзамена. Но с П—а было уже довольно таких заказных работ: он решительно отказался, и „гимн“ был написан Дельвигом.⁸ В альбом Энгельгардта П. тоже не смог ничего написать стихами и удовольствовался несколькими строками прозы.⁹ Зато всем более близким товарищам П. написал по прощальному стихотворению: Пушкину, Дельвигу, Илличевскому, Кюхельбекеру,¹⁰ кроме общего стихотворения „Товарищам“. Может быть, тогда же, может быть, уже по выходе из Лицея, написано послание Жуковскому, которое как бы подводит итог тем литературным взглядам, которыми руководствовался П.-лицеист.

В половине мая 1817 г. начались в Лицее выпускные экзамены. Они тянулись долго, больше 2 недель, потому что всем присутствовавшим предоставлено было задавать воспитанникам вопросы. 9 июня П. должен был-таки продекламировать свое „Безверие“. Отвечал на экзаменах П. слабо. Он был выпущен 19-м воспитанником с чином „X класса“, коллежского секретаря, что было весьма невысоким званием.

⁶ Датировка оды «Вольность» возбуждает сомнения, см. примеч. к ней; но сам П. упорно относил ее к 1813 г.: по элементарности политических суждений, высказанных в оде, это вполне вероятно.

⁷ См. «послание В. Л. Пушкину» 1817 г.

⁸ «Шесть лет промчлось как мечтанье...» Далее следует «благодаренье» царю, который «юных съединил», и в: подобное. Вероятно, эта необходимость восхвалять в гимн царя и была причиной, почему П. отказался от «заказа».

⁹ См. т. III. гимна 1817 г.

¹⁰ В нашем изд. эти стихи объединены вместе, 1817 г. 6—11, «Прощальные стихи товарищам». (П. над см. гру в том же ряду помещено, написанное в то же время, послание к гусару А. Н. Зубову).

V.

П. впоследствии горько жаловался на недостатки своего „проклятого воспитания“, а в „Евг. Онегине“ признавался

Мы все учились по немного
Чему-нибудь и как-нибудь...

Однѣко, именно для *Пушкина* воспитание Лицея было, может быть, и не так неудачно. Курс Лицея обнимал множество самых разнообразных наук, притом частью из круга тех, которые обычно читаются в университетах. Воспитанники со средними способностями терялись в этом хаосе: им говорили о дифференциалах, излагали римское право, читали логику, когда они не освоились еще с арифметикой, с курсом истории и с грамматикой. Для гения П—а, напротив, было очень важно, в короткий, сравнительно, срок, ознакомиться с большим числом научных дисциплин. Конечно, П. вынес из Лицея мало положительных знаний. Но в *намеках* он познакомился со многим. Впоследствии чтение и размышление позволили ему углубить эти поверхностные знания. Позднейшие статьи и заметки П—а, напр., по вопросам истории, истории литературы, языкознания, показывают в нем человека истинно и широко образованного. Разумеется, это образование было добыто П—ым личными усилиями,¹ но основы его, несомненно, были заложены въ школе, научившей будущего поэта работать методически.² П. уверялъ, напр., что по выходе из Лицея не открывал латинской книги,³ а между тем до конца жизни охотно приводил цитаты (даже в дружеских письмах) из древне-римских поэтов.

Менее дал П—у Лицей в смысле воспитания его общественных взглядов. Но по крайней мере школа (м. б., именно по беспорядочности даваемого ею воспитания) не подавила в юном поэте его лучших порывов, не навязала ему разных сословных и иных предрассудков. Политические убеждения П—а в Лицее, как мы только что видели, едва начинали складываться. Он вышел из школы с еще очень спутанными взглядами на „свободу“, к которой инстинктивно влекся, и на „законность“, в которой видел спасение от всех зол. В таком духе написаны первые политические стихотворения П—а, 1817—1819 г., в том числе ода „Вольность“ и „Деревня“. Но в этом отношении развитие П—а пошло быстро. Действительная жизнь весьма скоро показала ему всю сбманчивость его надежд, на „твердую стражу“ закона, стоящего „у трона“. Не позже 1819 г. П. сделал последний вывод, что в России нет иного пути к „свободе“, как через насильственное низвержение самовластья царя.⁴

¹ По выходе из Лицея П. пользовался всеми случаями, чтобы учиться. В Кишиневе и Одессе постоянно брал книги у знакомых, обладавших хорошими библиотеками; в Михайловское выписывал книги через брата; позднее усердно исполнял свою собственную библиотеку научными сочинениями (см. «Обзор по периодам»). Есть известие, что в кругу образованных людей П. нарочно вводил разговор на определенные темы, чтобы учиться.

² Таковы, напр., работы П—а над летописями для «Бориса Годунова», его занятия историей Европы (статья о соч. Н. Полевого, см. Часть 4), его исследования по вопросам языка и др. В последние годы жизни объем знаний П—а был очень велик и разнообразен. Между прочим он усвоил себе много языков: кроме родного и французского, которые знал с детства, изучил английский и итальянский, понимал польский, разбирался в польском яз., начинал учиться по древне-еврейски; в рукописях П—а встречаются еще выписки по древне-гречески, по-испански, по-сербски, даже по-арабски (см. Часть 3, «Рукописи П—а»).

³ Это — преувеличение: в библиотеке П—а сохранилось немало латинских книг, причем некоторые разрезаны в определенных местах, следовательно — читались, на других есть заметки П—а.

⁴ Подробнее см. Вступит. оч. к Части 2.

Полнее всего развилась в Лицее поэзия П—а, потому что прежде всего он был поэт. Однако, в лицейских стихах П—а необходимо различать то, что вложено в них самим поэтом, и то, что было заимствовано им со стороны. Как все начинающие поэты, П. не мог, на первых шагах своей литературной деятельности, не подражать своим предшественникам, по созданиям которых учился технике своего искусства.

Тем не менее, даже на этих „первых шагах“, П. проявил несомненную самостоятельность в самом выборе своих образцов. Когда он вступал в школу, в русской литературе еще полновластно царили кумиры прошлого. Гордостью нашей поэзии почитались — не только Державин (1743—1816 г.), поэт истинный и значительный (хотя крайне невыдержанный и быстро устаревший), но и Сумароков (1717—1777 г.) и Херасков (1773—1807 г.), даже Ломоносов (1711—1765 г.) и кн. А. Кантемир (1709—1744 г.): их стихи изучались, разбирались, заучивались наизусть. Мало того: „классиками“ признавались и надутый лирик Василий Петров (1736—1799 г.), и переводчик Гомера (тяжелыми рифмованными стихами) Ермил Костров (1750—1796 г.), и сочинитель напыщенных трагедий Княжнин (1742—1791 г.), и его более молодой последователь Озеров (1770—1816 г.), П. сразу выказал художественный вкус, начав не с подражаний этим прославленным „певцам“, но Батюшкову, Жуковскому, Вяземскому, отчасти своему дяде В. Л. Пушкину, вообще примкнув к „Арзамасу“. Позднее П. дал меткие характеристики большинства лже-великих поэтов XVIII в. (характеристики, с которыми согласилась история литературы), сказав, напр., что стихи Державина похожи на „дурной перевод с чудесного подлинника“, назвав Сумарокова — „дитя чужих уроков“, Княжнина — „перемчивый“ и т. под.⁵ И, в противоположность общему мнению, П. выбрал в XVIII в. несколько имен поэтов, раньше остававшихся в тени, но ныне действительно признанных наиболее „живыми“ среди условных сочинителей: остроумного автора „Душеньки“ — И. Богдановича (1742—1803 г.), автора другой „вольной“ поэмы „Елисей“ Василия Майкова (1728—1778 г.), творца „Бригадира“ и „Недоросля“, первых русских народных комедий, Фонвизина (1745—1792 г.) Влияние этих писателей, вместе с влиянием „арзамасцев“, отразилось на поэзии П—а,⁶ тогда как напыщенность одописателей с самого начала осталась ему чужда.

Тот же художественный вкус проявил юноша П., во многом подражая поэтам французским, потому что в разработке формы французская поэзия ушла тогда, конечно, гораздо дальше русской. Еще до школы, по отцовской библиотеке, П. познакомился с классиками французской литературы, знал наизусть целые страницы из трагедий Корнеля (1606—1684 г.) и Расина (1639—1699 г.), из комедий Мольера (1622—1673 г.), из басен Лафонтена (1621—1695 г.), даже из поэтики Буало (1636—1711 г.). Также знал прекрасно мальчик-П. тех французских писателей, которые своими смелыми нападка на всякого рода авторитеты (политические, церковные и др.) подготовили взрыв Великой Революции: проповедника конституционализма Монтескье (1689—1755 г.), автора „Социального контракта“ Ж.-Ж. Руссо (1712—1779 г.), энциклопедистов (Дидро и др.) и гениального памфлетиста, философа и поэта Вольтера (1694—1778 г.); последним П. в детстве прямо зачитывался, называл его „поэт в поэтах первый“, „единственный“ и т. д.⁷ Но, разумеется, заимствовать П. всего более мог из французской „легкой“ (т. е. чисто-лирической) поэзии XVII—XVIII в.: у авторов остроумных шуток, как Грессе (1709—1777 г.), Шапель

⁵ Отзыв о Державине в указанном выше письме 1825 г., о Сумарокове — в послании к Жуковскому 1817 г., о Княжнине — в Главе I «Ев. Онъгина» (там же Фонвизин назван «друг свободы» и охарактеризован Озеров).

⁶ Влияние В. Майкова сказывается на «Геврилияге» (см. письмо к А. А. Бестужеву 13 июня 1823 г., т. III), Богдановича — на наброске «Каймак» и др.

⁷ См. стихотв. «Городск» 1814 г.

(1626—1688 г.), Клеман Маро (XVI в.—1495—1544 г.), и у поэтов-эротиков (чувственной любви), как абб. Шоле (1639—1720 г.), Лафар (1644—1712 г.), Грекур (1683—1743 г.), Буфлер (1738—1815 г.), Вержье и др., особенно же Парни (1753—1814 г.). Их имена часто встречаются в лицейских стихах П—а, их влияние определенно чувствуется на его поэзии.⁸

У русских „арзамасцев“ П. взял преимущественно внешность,—их стих, сравнительно (с тяжелым стихом од) легкий и гибкий. Многие лицейские стихотворения П—а написаны теми же размерами (и ритмами), как у Батюшкова и Жуковского.⁹ Оттуда же заимствованы П—ым некоторые картины, описания и отдельные выражения.¹⁰ Но у „арзамасцев“ еще сказывается наследие XVIII в.: немало тяжелых стихов в державинском духе (особенно в ранних произведениях Батюшкова и у В. Л. Пушкина), часто—сентиментальная расплывчивость в манере Карамзина (у Жуковского), еще чаще—небрежность формы (у Вяземского). П.-лицейст сумел заимствовать у своих русских учителей только *лучшие* стороны их стихотворной техники: лишь иногда,—вероятно, намеренно (напр., в „Воспоминаниях в Царском Селе“),—допускал он в свои стихи державинскую величавость, обычно же стремился писать просто, почти разговорным языком. Точно также усвоил себе П. у „арзамасцев“ их отношение к действительности, не делил явлений и предметов на „поэтические“ и „не поэтические“, а во всем окружающем умел найти поэзию, вплоть до „пивной кружки“,¹¹ что в свое время поражало читателей.

У французских „легких“ поэтов П. заимствовал, кроме приемов творчества (сжатость изложения, забота об изяществе языка, стремление, чтобы каждый стих был „интересен“ и т. д.), их мирозерцание, которое пришлось по плечу юноше-поэту. Ему нужны были готовые взгляды на жизнь, так как самостоятельно выработать их он был еще не в силах, и нашел это в поэзии „эпикурейцев“ XVII—XVIII в. Поэтому общие взгляды, высказанные в лицейских стихах П—а, никак не могут считаться подлинными убеждениями его юности: то была временно надетая на себя маска, за которой 14—15 летний лицейст скрывал отсутствие сознательного мировоззрения. П.-поэт созрел раньше, чем П.-человек, почему ему и приходилось пользоваться такой маской; современем она спала сама собой.

Французская поэзия XVIII в. расцветала преимущественно при дворе и отвечала запросам читателей-придворных. То были люди, которые готовы были повторять вместе с Людовиком XV: „после нас—хоть потоп!“ Они утверждали, что высшая цель жизни—наслаждение, прежде всего: любовь, вино, пиры; жизнь не стоит того, чтобы над ней глубоко задумываться. При этом особым кокетством почиталась у эпикурейцев *леность*, к тому же признанная неизменным свойством поэта. Затем, продолжая традиции лжеклассицизма, французские поэты XVIII в. усердно подражали древним, преимущественно римским поэтам, которые писали в

⁸ Ряд лицейских стихов. П—а—подражания и прямые переводы Парни (см. примеч. к стих м). К перечисленным в этом должно добавить Милью (172—1816 г.), у которого П. тоже брал и отдельные выражения и целые замыслы, но деятельный стиль которого принадлежал уже XIX в. В слове «Вольность» П. замечает, что желал бы следовать по стопам французского революционного поэта Экушара-Лебрена. П. вдвигает сильное влияние на П—а оказал Андре Шенье (о нем см. примеч. к переводу из него и элегию 1825 г. «Андрей Шенье в темнице»). Напротив, поэзия французских романтиков, Ламартина, Виктора Гюго, А. д'Аюссе, не имела отзвуков в поэзии П—а (см. статьи в Ч. ст. 5); исключение П. делал для произведений П. Мериме.

⁹ Напр., «Гордк», «Мечтатель» и мн. др.

¹⁰ Критики указали ряд параллельных мест в лицейских стихах П—а и у Батюшкова и Жуковского, вплоть до повторения тех же самых слов: разумеется, бессознательно вспоминание о прочитанном раньше.

¹¹ См. в сл. ние И. И. Душину 1815 г. («4 мая»).

¹² Эпикурейство см. Общее примеч. о мифологии.

сходных условиях (при дворах императоров), и щедро наполняли свои стихи мифологическими образами, именами богов и богинь, намеками на разные подробности античных сказаний и т. д.

Все эти особенности целиком перешли в лицейские стихи П—а и должны быть „скинуты со счетов“, если мы хотим выяснить их собственный характер. Как изобилие мифологических образов, так и „эпикурейство“—в поэзии П—а элементы наносные; они и исчезли с годами. Столь же наносным было прославление лени и выставление себя „ленивцем вечно-праздным“. Назвать П—а „ленивым“, и в его юности и позднее, можно только с очень большими оговорками. Он никогда не был ленив—читать, учиться (тому, чему он хотел учиться) и, особенно, работать над своими литературными произведениями. Рукописи П—а обличают прямо *огромный* труд; каждый стих переделывался им десятки раз, каждое произведение (не исключая больших поэм) переписывалось им, все с новыми поправками, по три, по четыре раза. И такую работу уже выполнял поэт-лицеист: никогда не набрасывал он своих стихов „разом“, но всегда медленно обрабатывал и совершенствовал их.¹⁴

Откидывая все взятое извне, можно выяснить чисто *пушкинские* элементы в лицейской поэзии. Такова, прежде всего, особая легкость стиха, в которой П. быстро перегнал своих учителей, Вяземского, Жуковского, Батюшкова. Затем—точность и меткость эпитетов и определений, верность картин действительности, что достигалось П—ым той самой упорной работой, о которой только-что говорилось; поэт менял иногда 5–6 прилагательных, пока находил, наконец, определяющее ярко и верно то, что ему нужно.¹⁵ Наконец,—правдивость. Лицейская поэзия, как и вся поэзия П—а, правдива до последнего предела; в ней нет ничего выдуманного, притворного. П. говорит лишь о том, что есть и что было, что он видел, что он пережил.¹⁶ Лицейские стихи—лучшая биография П—а-лицеиста. Можно довериться каждому слову в них и быть убежденным, что ничего не прибавлено „для красного слова“ или ради „красивой позы“. В связи с этой правдивостью стоит и *реализм* произведений П—а; вполне он был развит поэтом лишь позднее,¹⁷ но явно сказывается уже в лицейскую пору, особенно в „посланиях“, в которых изображена окружающая поэта-лицеиста обстановка жизни.

П. вышел из Лицея с запасом хаотических познаний; со смутно-бродящими мечтами о „свободе“, но уже с определенно сложившимися взглядами на задачи поэзии. Он еще мало что сделал в литературе, но

¹⁴ Как примеры работы П—а, см. в отделе стихов в «Разных периодах» три скрипцию первого настр. ска стихотв. «На языке тебе невнятен м...» (Из странке) и в 6-м стр. «Смотрю... окно, заткнутое подушкой...», «Таврида», «К Эллеферии», «Данису Давыдову» и др.

¹⁴ См. примеч. к стихотв., м. б. 1812 г. (когда П—у было лет 13), «О Де ия драгая...» Ср. также, что сказано о письмах П—а в «Обзоре по периодам», период шестой.

¹⁵ В этом отношении очень важны *варианты* П—а; они заслуживают внимательного изучения. По н. ш. му изд., в котором сделан свод важнейших вар. к каждому произведению, можно следить, как постепенно обр. батывал П. свои стихи; как из первоначального наброска, через 2—3 его редакц и, возникало стройное целое; как оно вновь подвергалось исправлениям; как даже законченные вещи, иногда уже напечатанные, производящие впечатление с в ршенных.—переделывались еще раз, напр., при перепечатке. Особенно поучительны *поправки 1825 г.* к лицейским стихам (поэтому представленные в нашем изд. более или менее полно), а также различные редакции *поэм* (см. Часть 2), где иногда предшествующие редакции, и по яркости образов и по мастерству стиха, составили бы гордость всякого другого поэта, но П—у казались треб. ющими новых исправлений (см. «Кавк Пгенник», «Бахч. Фонтан», «Граф Нулин», «Мелный Всадник» и мн. др.). Изучение в вариантах П—а—лучшая школа как для начинающего поэта, так и для всех, желающих ообразовать свой вкус, свое понимание поэзии.

¹⁶ Этому, конечно, не противоречит, что иногда произведение поставлено в ту или иную *внешнюю* обстановку, отличную от действительной, напр.—античной жизни.

¹⁷ См. Ч. 2, вступит. оч. к «Графу Нулину» и др.

чувствовал в себе силы титана. В „Руслане и Людмиле“ он как бы набрасывает программу будущих работ: так, напр., описание боя киевлян с печенегами, это—прообраз „полтавского боя“; лирические отступления—проба таких же в „Евг. Онегине“, диалогические части—подготовка к будущим драмам, и т. д. Нужны были сильные впечатления, чтобы дать выход гению поэта. Такие впечатления ждали П—а на юге России. Сначала путешествие на Кавказ и в Крым поразило поэта грандиозными и пленительными картинами природы: кавказских гор, полудикого еще тогда Крыма, Черного моря;¹⁸ потом жизнь в Кишиневе и особенно в Одессе дали П—у „ужасный опыт“ (его выражение) страстей.¹⁹ Эти впечатления позже, в тиши Михайловского, вылились в ряде величайших созданий русской литературы.²⁰

Валерий Брюсов.

1919.

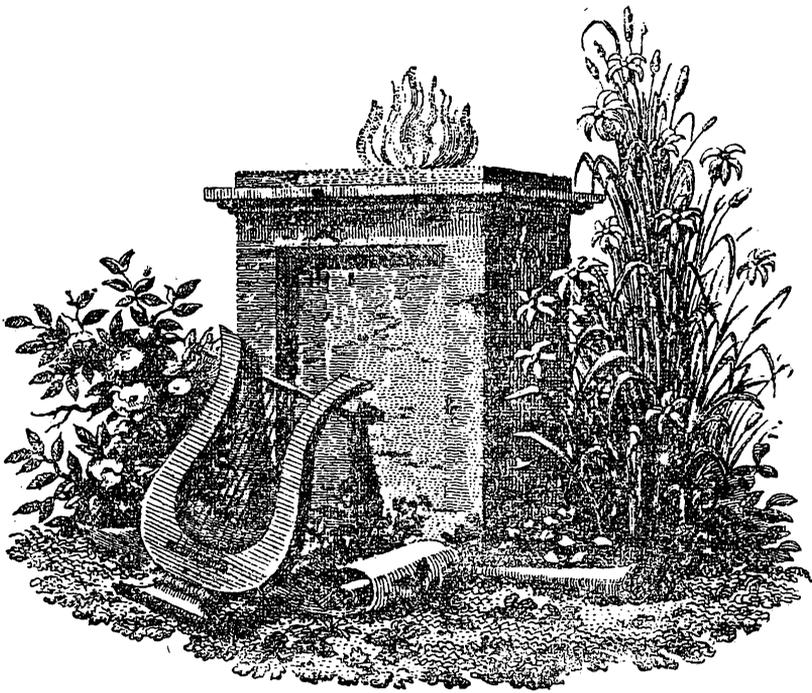
Все ссылки в этом очерке сделаны на материал нашего изд. (эту Часть и следующие); о записках, воспоминаниях, переписке современников и др. документах, на которых основан самый очерк, см. Часть 3, Прибавление «Библиография».

¹⁸ О своем путешествии 1820 г. П. вспоминал в стихах в течение всей жизни; особенно резко напечатлелось в его душе картины Крыма. «Вы мне предстали в блеске брачном!..» и т. д., говорит он, напр., в «Странствии Онегина», которое писалось уже в 1830 г.

¹⁹ Впечатления любви, пережитые в Одессе, тоже никогда не переставали волновать П—а; см., напр., стихотв.: «Когда для смертного умолкнет шумный день...» 1828 г., «В последний раз твой образ милый...» 1830 г. и др. Подробнее см. Вступ. оч. к Части 2.

²⁰ Подробнее см. Вступ. оч. к Части 3.

Гравюра (фронтиспис) из издания «Невский Альманах на 1826 год».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Лирика 1813—1836 г.

Лирические стихотворения, элегии, послания, оды, песни, сатиры, эпиграммы, надписи, альбомные стихи, экспромпты и т. под., оригинальные, подражания и переводы.

Стихи, не включенные в эту часть, помещены в части II, «Эпос и драма»; см. объяснения «От редактора» перед частью II.

ОТ РЕДАКТОРА.

Лирические стихотв. расположены по периодам жизни Пушкина. В каждом периоде помещены: в Отделе I—законченные и обработанные стихотв., в Отделе II—незаконченные и не обработанные. В каждом отделе стихи идут в порядке годов, а под каждым годом, по возможности, в порядке написания, по месяцам. Но выносятся отдельно: в конце года—эпиграммы, экспромпты, шутки, мелочи; в конце отдела Б—стихи, время написания которых точно не выяснено, и стихи, принадлежность которых Пушкину строго не установлена или сомнительна (*dubia*); в Приложении—французские стихи Пушкина и т. под. В отделе II помещается сначала А—цельные стихотворения (первоначальные ред., неотделанные произведения и т. д.), потом Б—черновые наброски, отрывки, отдельные строки, и т. д.

Лицейские стихи даны в последней лицейской обработке (см. далее); остальные стихотв.—в последней авторской ред., с устранением, однако, изменений и пропусков, сделанных ради цензуры, по причинам личным и др. Помещаются стихи под тем годом, когда они были написаны, хотя бы обработаны были позднее, но для тех стихотв., которые датировал сам Пушкин, сохраняется авторская датировка, кроме случаев намеренной или явной неправильности в дате.

Черновые набр. даны в связанном чтении, хотя бы некоторые слова были в рук. зачеркнуты. Где было необходимо означить, что слова зачеркнуты Пушкиным, они поставлены в круглые скобки ( ). Все слова, добавленные редактором (необходимые по смыслу, б. ч. союзы: «и», «но», «что» и т. под.), поставлены в прямые скобки [ ].

Из вариантов даны: 1) поправки 1825 (или 1820) г. к лицейским стихам (все, кроме совершенно незначительных); 2) печатных изд., вышедших при Пушкине (все сколько-нибудь существенные); 3) значительные изменения печатного текста, сравнительно с рук.; 4) отдельных стихов, любопытные в отношении художественном, историческом, биографическом.

Правописание в текстах—пушкинское. Если известен автограф, — то согласно с ним; если авт. не сохранился, то — согласно с первопечатным текстом при чем, однако, устранены опечатки и случайные (не характерные) написания разных изданий, а постоянные особенности пушкинской орфографии сохранены по возможности везде, как-то: скончание прилагательных на *фэй* (вместо «ый» и «ий», без чего исказились бы во многих случаях рифмы), «щастье», «тма», «изчесь» и т. под.

Объяснение сокращений см. перед Содержанием.

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ.

От самых ранних опытов до окончания Лицея (Лицейские стихи),
с 1810 г. по июль 1817 г.

Лицейские стихи представляют интерес более исторический и биографический, нежели художественный: поэтому даны в той последней обработке, какую придал им П.-лицеец, кончая 1817 годом. Готовя к печати первое изд. своих стихотв., П. в 1825 г. (или, м. б., в 1820 г.) предпринял переделку многих своих лицейских стихотв. Если переработка была закончена, она помещена в нашем изд. в Приложении II к этому отделу вторично. Если же переработка не была закончена, поправки 1825 г. помещены в примеч. к стихотв. Датирована многих лицейских стихотв. не бесспорна, так как основана не на помете в рук., а на содержании, на времени появления в печати, на показаниях современников и т. под. Поэтому ряд стихотв. помещен особо, в отделе Б, некоторые же датированы предположительно, в том числе 1814 г. — «Къ сестрѣ», «Легя», «Романсъ», 1815 г. — «Роза» и др. Особо помещены стихи, приписываемые П.—у без строгих оснований, — в отделе В; эпиграммы, экспромпты, иелочи, — в отделе Д; и французские стихи П.—а до 1817 г. (с переводом) — в Приложении I.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ

К ЛИЦЕЙСКИМ СТИХОТВОРЕНИЯМ (О МИФОЛОГИИ).

Так как ново-европейская поэзия воспиталась на образцах поэзии античной (древних греков и римлян), то она переняла у античных поэтов и привычные им намеки на различные мифы, т.-е. религиозные сказания древних. Подражая в юности французским поэтам XVIII в., П. также широко пользовался мифологическими образами. В свое время они были понятны всем, так как мифология даже преподавалась, как особый предмет, в школах. Позднее П. почти совсем освободился от этого наследия старины, но для понимания лицейских стихотв. необходимо знакомство с основными мифами. Отдельные имена и названия съяснены в примечаниях к стихотв., но некоторые мифологические представления встречаются в ранней лирике П.—а особенно часто, так что их должно иметь в виду постоянно, таковы, прежде всего, — относящиеся к поэзии и к любви.

По религиозным верованиям древних эллинов (греков), развитым их позднейшими поэтами, — главнейших богов было 12, а именно (первое имя — латинское, второе, в скобках, греческое): *Юпитер (Зевс)* — высший из богов, бог грома и молнии; *Юнона (Гера)* — его жена, покровительница браков; *Минерва (Афина-Паллада)* — богиня мудрости; *Венера (Афродита)* — богиня любви; *Вулкан (Гефест)* — ее муж, хромой кузнец; *Феб—Аполлон* — бог солнца и покровитель поэзии; *Диана (Артемиды)* — богиня луны, девственная охотница; *Марс (Арес)* — бог войны; *Нептун (Посейдон)* — бог моря; *Плутон (Гадес или Аид)* — бог подземного царства мертвых; *Меркурий (Гермес)* — посол богов и бог торговли, ловкости; *Веста (Гестия)* — богиня домашнего очага. Из длинного перечня других богов особым почетом пользовались еще *Церера (Деметра)* — богиня хлебопашества и плодородия земли, *Амфитрита* — жена Нептуна; *Прозерпина (Персефона)* — жена Плутона; *Бахус (Вахх или Дионис)* — бог вина, сын Юпитера и Семелы, явившийся потом из Индии и в победоносном шествии прошедший по всей Греции в колеснице, запряженной тиграми, сопровождаемый толпой своих жриц, вакханок с тирсами в руках (жезлы, оплетенные виноградными ветвями), сатиров, фавнов; *Амур или Купидон (Эрот)* — сын Венеры, крылатый мальчик, божок любви, с луком и стрелами, которыми он поражал сердца влюбленных; *Геба или Гебея* — прислужница богов; *Гея* — богиня земли; *Фавн (Пан)* — бог природы, и др. Из низших богов у П.—а чаще других упоминаются: *Флора* — богиня цветов, *Помона* — плододов, *Ком* — бог гиршества, *Мом* — бог шутки; *Морфей* — бог сна; *грации* (хариты) — три богини юности и прелести, изображавшиеся в виде трех очаровательных девушек; *Фортуна* (у римлян) — богиня счастья, изображавшаяся на колесе; *Беллона* (у римлян) — богиня войны; *Эол* — владыка ветров, в том числе *Борей* — северного и *Зефира* — легкого ветер-

ка. Помимо того, по мифам существовало еще великое множество богов и полубогов: в море, реках и источниках—*наяды* и *нимфы*, в лесах—*дриады*, в горах — *орeadы*; Нептуну сопровождали *тритоны*, Бахуса — козлоногие *сатиры*; чудовище *Протей* мог принимать всякие виды, и т. под. Римляне признавали еще «домашних» богов, которые назывались *пенамы* и *лары*.

Жилища богов были на горе *Олимпе*: там они пировали, пили *нектар* и вкушали *амброзию*, которые разносили им *Геба* и мальчик *Ганимед*. Венере были особо посвящены острова *Кифера*, почему она называлась еще *Цитерея* (или *Цитера*), *Кипр*, почему она называлась *Киприда*, и *Пафос*, почему ее называли Пафосской царицей. Аполлон на горе *Парнасе* предводительствовал хором девяти *муз* (греческое имя; римляне их называли *камены*; другие их имена: *пизриды*, *аониды*), каждая покровительствовала какому-либо искусству: *Терпсихора*—танцам, *Мельпомена*—трагедии, *Талия*—комедии, *Клио*—истории, *Эрата*—элегии и т. д. Аполлону и музам были еще посвящены горы *Пинд*, *Геликон* и источник *Ипокрена*; последний появился от удара копытом крылатого коня *Пегаса*, который считался конем поэтов (символ вдохновения).

Кроме богов и полубогов, мифы знали еще *героев*, мифические личности, о которых было много разных сказаний, каков был, напр., *Геркулес* (*Геракл*)—изумительный силач, сын самого Юпитера и Алкмены; затем многочисленные герои *Троянской войны*, которая велась из-за прекрасной *Елены*, дочери *Леды* и *Юпитера*, явившегося ей под видом лебедя. Среди героев Троянской войны особенно были известны: *Приам*, патриархальный царь Трои (Илиона) и его сын, *Гектор*, храбрейший из троян, и другой сын, красавец *Парис*, похитивший Елену (бывшую тогда женой греческого царя *Менелая*), при содействии Венеры, которой присудил первенство в ее споре о красоте с Юноной и Минервой; затем: храбрейший из греков—*Ахиллес*, умнейший—*Улисс* (*Одиссей*), старейший—*Нестор* и др. Троянская война изображена в двух поэмах (эпосах), *«Илиада»* и *«Одиссея»*, приписываемых древнейшему греческому поэту, слепому старцу по имени *Гомер* или *Омир*. У римлян те же сказания частью повторил *Вергилий Марон* в своей поэме *«Энеида»*. Много сказаний о богах и героях содержат также поэмы др.-греческого поэта *Гезиода* и римского — *Овидия Назона*; последний у Пушкина является чаще как автор любовных стихотворений.

Мифология учила, что «нить жизни» каждого человека прядут седые старухи, три *Парки*; когда Парка обрезает ножницами нить, — человек умирает. Праведные по смерти попадают в *Элизий*, грешные — в *Тартар*, мрачное подземное царство, где текут реки *Стикс*, *Флегетон*, *Коцит* и *Ахерон*, а также *Лета*; кто выпивает ее воды, тот забывает все прошлое, и его душа возвращается к жизни в новом облике. Древние эллины почитали земную жизнь высшим благом. В позднее время античного мира в нем имели особый успех учения, проповедывавшие наслаждение жизнью; таково было учение *Эпикура* и особенно его последователей. Успехом пользовалась и поэзия, воспевавшая радости жизни: вино, любовь и т. под. В этом духе писали у греков — *Анакреонт*, у римлян — *Овидий*, *Катулл*, отчасти *Гораций* и др. Но существовали и учения противоположные, требовавшие воздержанности, строгости нравов, напр., у греков — философия *Зенона* (*циников*), у римлян — *стоиков* и др. Во времена Пушкина более глубокие религиозные воззрения древних были еще мало известны. Юноша-Пушкин, как и большинство в его дни, считал, что всему античному миру была свойственна несколько легкомысленная жизнерадостность, и в античной поэзии Пушкин был более знаком с произведениями, славящими радости жизни и веселье, нежели с более глубокими. Мифология же служила Пушкину для того, чтобы кратко и образно выразить свою мысль; он говорил, напр., «наперсник Мома и Минервы», желая охарактеризовать Вольтера, как поэта остроумного и большого мастера стиха, «поклонник Киприды» — в смысле человека, увлекающегося любовью, «Вакх» вместо «вино», «Парнас» — «поэзия», «Марс» — «война» «Морфей», — «сон» и т. д.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихи,
относящиеся я к определенным годам, 1814—1817 г.

1814. ГОД.

1. КЪ ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнасса!
Ты хочешь осѣдлать упрямаго Пегаса,
За лаврами спѣшишь опасною стезей,
И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!
Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, чернилы,
Забудь ручки, лѣса, унылыя могилы,
Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай:
Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай!
Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
Ихъ напечатають — и цѣлой свѣтъ забудеть.
Быть можетъ и теперь, отъ шума удалясь
И съ глупой музою навѣкъ соединясь,
Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды¹⁾
Сокрыть другой отецъ второй Телемахиды.
Страшися участи безмысленныхъ пѣвцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива;
На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива:
Страшися безславя! — Что, естли Аполлонъ,
Услышавъ, что и ты полезъ на Геликонъ,
Съ презрѣньемъ покачавъ кудрявой головою,
Твой геній наградить спасительной лозою?
Но что? Ты хмуришься и отвѣчать готовъ:
„Пожалуй“, скажешь мнѣ, „не трать излишнихъ словъ;
„Когда на что рѣшусь, ужъ я не отступаю,
„И знай, мой жребій палъ, я лиру избираю.
„Пусть судить обо мнѣ, какъ хочетъ, цѣлой свѣтъ;
„Сердись, кричи, бранись — а я таки поэтъ.“
Аристъ, не тотъ поэтъ, кто риѣмы плестъ умѣеть,
И перьями скрыпя, бумаги не жалѣеть;
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Витгенштейну Французовъ побѣждать.
Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Пѣвцы безсмертные, и честь, и слава Россовъ,
Питають здравой умъ и вмѣстѣ учать насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
Творенья громкія Риѣматова, Графова,

¹⁾ Т.-е. въ школѣ. (Примеч. «Вѣстника Европы» 1814 г.).

Съ тяжелымъ Бибрусомъ гниють у Глазунова:
Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ читать,
И Фебова на нихъ проклятiя печать.

Положимъ, что, на Пиндъ взобравшись щастливо,
Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
Всѣ съ удовольствiемъ тогда тебя прочтуть,
Но мнишь ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ,
За то что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
Что ты уже берешь на откупъ Государства,
Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь,
И лежа на боку, покойно ѣшь и спишь?
Не такъ, любезной другъ, писатели богаты;
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужка подъ землей, высоки чердаки —
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Поэтовъ—хвалятъ всѣ, читають—лишь журналы;
Катится мимо ихъ Фортуны колесо;
Родился нагъ—и нагъ ступаетъ въ гробъ Руссо;
Камоенсъ съ нищими постелю раздѣляетъ;
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—сонъ.

Ты, кажется, теперь задумался немного.

„Да что же“, говоришь, „судя о всѣхъ такъ строго,
„Перебирая все, какъ новый Ювеналь,
„Ты о Поэзiи со мною толковалъ;
„А самъ, поссорившись съ Парнасскими сестрами,
„Мнѣ проповѣдывать пришелъ сюда стихами?
„Что сдѣлалось съ тобой? Въ умѣ ли ты иль нѣтъ?“

Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебѣ отвѣтъ:

Въ деревнѣ, помнится, съ мирянами простыми,
Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми,
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, довольствѣ жилъ
И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы, подъ-вечеръ, онъ шелъ немного пьяный;
Попались ему навстрѣчу мужики:
„Послушай, Батюшка“, сказали простяки,
„Настави грѣшныхъ насъ — ты пить вѣдь запрещаешь,
„Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь,
„И вѣримъ мы тебѣ, да что жъ сего-дня самъ...“
„Послушайте“, сказалъ Священникъ мужикамъ,
„Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте,
„Живите хорошо, а мнѣ—не подражайте.“

И мнѣ то самое пришлось отвѣчать;

Я не хочу себя нимало оправдать:
Щастливъ, кто ко стихамъ не чувствуя охоты,
Проводитъ тихой вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
Своими одами журналовъ не тягчитъ,
И надъ экспромтами недѣли не сидитъ!
Не любитъ онъ гулять по высотамъ Парнасса,
Не ищетъ чистыхъ Музъ, ни пылкаго Пегаса;
Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшитъ;
Спокоенъ, веселъ онъ. Аристъ, онъ—не пiтъ.

Но полно разсуждать—боюсь тебѣ наскучить,
И сатирическимъ перомъ тебя замучить.

Теперь, любезной другъ, я далъ тебѣ совѣтъ,
 Оставишь ли свирѣль, умолкнешь или нѣтъ?..
 Подумай обо всемъ и выбери любое:
 Быть славнымъ—хорошо, спокойнымъ—лучше вдвое.

Напеч. «Вѣсти Европы» 1814 г. Первое стихотв. П—а, появившееся в печати. *Аполлонъ*, *Пиндъ*, *Геликонъ*, *Фортуна* — см. Общее примеч. *Парнасскія сестры* — мумы. *Отецъ Тилемахиды* — В. Тредьяковский, бесталанный поэт XVIII в. *Ювеналь* — знаменитый римский сатирик. *Ломоносовъ*, *Державинъ*, *Дмитриевъ* — русские поэты. *Руссо* — знаменитый французский и *Камюэнсъ* — португальский писатели; оба жили в бедности. *Аристъ* — условное имя друга (здесь, может быть, — В. К. Кюхельбекер). *Риоматовъ*, *Графовъ*, *Бибрусь* — условные имена плохих стихотворцев; *Рамаковъ* — то же цензора. *Глазуновъ* — книгопродавец того времени. *Пиитъ* — поэт (старинное слово).

2. КЪ СЕСТРѢ.

Ты хочешь, другъ безцѣнной,
 Чтобъ я, поэтъ молодой,
 Бесѣдовалъ съ тобой;
 И съ лирою забвенной,
 Мечтами окрыленной,
 Оставилъ монастырь
 И край уединенной,
 Гдѣ непрерывный миръ
 Во мракѣ опустился,
 И въ пустыни глухой
 Безмолвно воцарился
 Съ угрюмой тишиной!..

И быстрою стрѣлой
 На Невскій брегъ примчуся,
 Съ подругой обнимуся
 Весны моей златой,
 И какъ пѣвецъ Людмилы,
 Мечты невольникъ милый,
 Взошедъ подъ отчій кровъ,
 Несу тебѣ не золото—
 Чернецъ я не богатой—
 Въ подарокъ *пукъ стиховъ*.
 Тайкомъ взошедъ въ дивану,
 Хоть помощью пера,
 О, какъ тебя застану,
 Любезная сестра!
 Чѣмъ сердце занимаешь
 Вечернею порой?
 Жанъ-Жака ли читаешь,
 Жанлисъ ли предъ тобой?
 Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ
 Смѣешься всей душой?
 Иль съ Греемъ и Томсономъ
 Ты пренеслась мечтой
 Въ поля, гдѣ отъ дубравы
 Въ доль вѣтъ вѣтерокъ,
 И шпечеть лѣсъ кудрявый,
 И мчится величавый
 Съ вершины горъ потокъ?
 Иль моську престарѣлу,
 Въ подушкахъ посѣдѣлу,
 Окутавъ въ длинну шаль

И съ нѣжностью лелѣя,
 Ты къ ней зовешь Морфея?
 Иль смотришь въ темну даль
 Задумчивой Свѣтланой
 Надъ шумною Невой?
 Иль звучнымъ фортепяно
 Подъ бѣглою рукой
 Моцарта оживляешь?
 Иль тоны повлоряешь
 Пиччини иль Рамо?

Но вотъ, ужъ я съ тобою,
 И въ радости нѣмой
 Твой другъ расцвелъ душою,
 Какъ ясный вешній день.
 Забыты дни разлуки,
 Дни горести и скуки,
 Исчезла грусти тѣнь.

Но это лишь мечтанье!
 Увы, въ монастырѣ,
 При блѣдномъ свѣчъ сияньѣ,
 Одинъ пишу къ сестрѣ.
 Все тихо въ мрачной кельѣ;
 Защелка на дверяхъ,
 Молчанье—врагъ веселья—
 И скука на часахъ!
 Стулъ ветхій, необитый,
 И шаткая постель,
 Сосудъ, водой налитый,
 Соломенная свирѣль —
 Вотъ все, что предъ собою
 Я вижу пробужденъ.
 Фантазія, тобою
 Одной я награжденъ!
 Тобою пренесенный
 Къ волшебной Ипокренѣ,
 И въ кельѣ я блаженъ!

Что было бы со мною,
 Богиня, безъ тебя?
 Знакомый съ суетою,
 Пріятной для меня,
 Увлечись вдалъ судьбою,
 Я вдругъ въ глухихъ стѣнахъ,
 Какъ Леты на брегахъ,

Тобою похищенный
 Явился заключенный;
 И скрипнули врата,
 Сомкнувшись надо мною;
 И міра красота
 Одѣлась черной мглою!..
 Съ тѣхъ поръ гляжу на свѣтъ,
 Какъ узникъ изъ темницы
 На яркій блескъ денницы.
 Свѣтило дня взойдетъ,
 Лучъ кинетъ позлащенный
 Сквозь узкое окно,
 Но сердце помраченно
 Не радуется оно.
 Иль позднею зарею,
 Какъ лучъ на небесахъ,
 Покрытыхъ темнотою,
 Темнѣетъ въ облакахъ—
 Близъ келіи встрѣчаю

Я сумрачную тѣнь...
 И вздохомъ провожаю
 Скрывающійся день!..
 Сквозь слезъ смотрю въ рѣ-
 шетки,

Перебирая четки.
 Но время протечетъ,
 И съ каменныхъ воротъ
 Падутъ, падутъ запоры,
 И въ пышный Петроградъ,
 Черезъ долины, горы
 Ретивые примчатъ;
 Спѣша на новоселье,
 Оставлю темну келью,
 Поля, сады свои;
 Подъ столъ клубукъ съ вери-
 гой,—
 И прилечу разстригой
 Въ объятія твои!

Сохранилось в списке сестры П—а, Ольги С., в посл. Павлищевой, с которой в ранней юности поэт был очень дружен, см. Вступ. оч. *Жанъ-Жакъ (Руссо)*, *Жанлисъ* — французские и *Гамилтъонъ*, *Томпсонъ* — английские писатели, имевшие в те годы большую известность. *Моцартъ*, *Пиччини*, *Рамо* — известные композиторы. *Пльвецъ Людмилы* — В. Жуковский. *Святлана* — героиня его баллады. *Ипокрена*, *Лета* — см. Общ. прим. Напеч. 1855 г.

3. Л Е Д А.

КАНТАТА.

Средь темной рощицы, подъ тѣнью липъ душистыхъ,
 Въ высокомъ тростникѣ, гдѣ частымъ жемчугомъ
 Вздвувалась пѣна водъ серебристыхъ,
 Колеблясь тихимъ вѣтеркомъ,
 Покровъ красавицы стыдливой,
 Небрежно кинутый, у берега лежалъ,—
 И прелести ея потокъ волной игривой
 Съ весельемъ орошалъ.

Житель рощи торопливый,
 Будь же скромнѣе, о ручей!
 Тише, струйки говорливы!
 Измѣнить страшитесь ей!
 Леда робостью трепещетъ,
 Тихо дышетъ снѣжна грудь,
 Ни волна вокругъ не плещетъ,
 Ни Зефиръ не смѣетъ дуть.
 Въ рощѣ шорохъ утихаеъ,
 Все въ прелестной тишинѣ;
 Нимфа далѣе ступаеъ,
 Робкой ввѣрившись волнѣ.

Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ зашумѣло,—
 И чувство робости прекрасной овладѣдо.
 Невольно вздрогнула, не въ силахъ воздохнуть,—
 И вотъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной ивы,
 Расправя крылья горделивы,
 Къ красавицѣ плывеъ—веселья полна грудь;

Съ шумящей пѣною отважно волны гонить,
 Крылами воздухъ бьетъ,
 То въ кольца шею вьетъ,
 То гордую главу, смирясь предъ Ледой, клонить.—

Леда смѣется,
 Вдругъ раздается
 Радости кликъ...
 Видъ сладострастный!
 Къ Ледѣ прекрасной
 Лебедь приникъ,
 Слышно стенанье;
 Снова молчанье;
 Нимфа лѣсовъ
 Съ нѣгою сладкой
 Видитъ украдкой
 Тайну боговъ.

Опомнись, наконецъ, красавица младая
 Открыла тихій взоръ, въ томленьяхъ въздыхая.
 И что-жъ увидѣла? На ложѣ изъ цвѣтовъ
 Она покоится въ объятіяхъ Зевеса,
 Межъ ними юная любовь,—
 И пала таинства прелестнаго завѣса.

Симъ примѣромъ научитесь,
 Розы—дѣвы красоты;
 Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
 Въ темной рощицѣ воды:
 Въ темной рощицѣ таится
 Часто пламенный Эротъ;
 Съ хладной струйкою катится,
 Стрѣлы прячетъ въ пѣнѣ водъ.
 Симъ примѣромъ научитесь,
 Розы—дѣвы красоты;
 Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
 Въ темной рощицѣ воды.

Авт. не сохранилось. Даем текст по списку Корфа, но ст. 48 по Посм. изд (у К., вероятно, ошибка: «И пала таинства прелестная завѣса»). В Посм. изд. ст. 1: «чистым жемчугомъ». Стихи—подражание Парни и др. поэтам, пересказывавшим античный миф о Леде, соблазненной Юпитером (Зевесом) въ образе лебедя, см. Общ. прим. Напеч. 1857 г.

4. ВЕНЕРѢ ОТЪ ЛАИСЫ.

Состарившаяся Лаиса приноситъ зеркало свое во храмъ Венеры съ сими стихами:

Вотъ зеркало мое—прими его, Киприда!
 Богиня красоты прекрасна будетъ ввѣкъ,
 Съдаго времени не страшна ей обида:
 Она не смертной человѣкъ;
 Но я, покорствуя судьбинѣ,
 Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла
 Ни той, которой я была,
 Ни той, которой нынѣ.

Стихи включены в статью об античной эпиграмме, переведенную И. Пушкным для «Вѣстника Европы» 1814 г. Киприда—Венера, богиня любви и красоты.

5. КРАСАВИЦЪ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

Возможно ль, вмѣсто розъ, Амуромъ насажденныхъ,
 Тюльпановъ, гордо наклоненныхъ,
 Душистыхъ ландышей, ясиновъ и лилей,
 Которыхъ ты всегда любила,
 И прежде всякій день носила
 На мраморной груди своей—
 Возможно ль? милая Климена!
 Какая странная во вкусъ перемѣна:
 Ты любишь обонять не утренній цвѣтокъ,
 А вредную траву зелену,
 Искусствомъ превращенну
 Въ пушистый порошокъ?
 Пускай уже сѣдой профессоръ Геттингена,
 На старой каедрѣ согнувшись дугой,
 Вперивъ въ латинчину глубокой разумъ свой,
 Раскашлявшись, табакъ толченый
 Пихаетъ въ длинный носъ изсохшею рукой;
 Пускай молодой драгунъ усатой,
 Поутру сидя у окна,
 Стаканы сушить всѣ до дна,
 И чтобъ прогнать остатокъ сна,
 Изъ трубки пѣнковой дымъ гонить сѣрвовой;
 Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,
 У Грацій въ отпуску и у любви въ отставкѣ,
 У коей держится вся прелесть на подставкѣ,
 У коей безъ морщинъ на тѣлѣ мѣста нѣтъ,
 Чаекъ въ прикуску попиваетъ,
 Злословить, молится, зѣваетъ,
 Съ Сарептскимъ табакомъ печали забываетъ.
 А ты, прелестная!.. Но если ужъ табакъ
 Столь нравится тебѣ... О, пыль воображенья!
 Ахъ! еслибъ, превращенный въ прахъ,
 И въ табакеркѣ, въ заточеньи,
 Я въ персты нѣжные твои попасться могъ;
 Тогда бъ, въ сердечномъ восхищеньи,
 Разсыпался на грудь и, можетъ, сквозь платокъ
 Проникнуть захотѣлъ... о, сладость вождельнья!
 До тайныхъ прелестей, которыхъ самъ Эротъ
 Запиралъ за лѣса и горы,
 Чтобъ не могли нескромны взоры
 Отрыть вмѣстилище божественныхъ красотъ.
 Но что! мечта, мечта пустая!
 Не будетъ этого никакъ!
 О, доля человѣка злая!
 Ахъ, отъ чего я нетабакъ!..

Сохранилось в авт., по которому и даем текст. В 1825 г. П. начал исправлять это стихотв., зачеркнул пять стихов перед посл. четверостишием, вписал стих: «У Грацій въ отпуску и у любви въ отставкѣ», повидимому, случайно пропущенный раньше, сделал еще несколько незначительных поправок, но исправлений не закончил, вероятно, признавъ стихотв. слишком слабым для включения в изд. 1826 г. *Климена*—условное имя. В *Геттингене*—известный университет. *Граціи* или *Хариты*—богини прелести, изящества. *Эрот*—то же, что *Амур*. Напеч. 1857 г.

6. ПОСЛАНИЕ КЪ НАТАЛЬѢ.

Pourquoi craindrois-je de le dire,
C'est Margot qui fixe mon gout.

[Не побоюсь я признаться,
Что Маргаритой увлечень.]

Такъ и мнѣ узнать случилось,
Что за птица Купидонъ;
Сердце страстное плѣнилось;
Признаюсь: и я влюбленъ.
Пролетѣло счастья время,
Какъ любви не зная бремя,
Я живаль да попѣваль,
Какъ въ театрѣ и на балахъ,
На гулянья, иль въ воксалахъ
Легкимъ Зѣфиромъ леталь—
Какъ смѣясь во зло Амуру
Я писалъ карикатуру.
На любезной женскій полъ;
Но напрасно я смѣялся,
Наконецъ и самъ попался,
Самъ увы! съ ума сошелъ.
Смѣхи, вольность—все подъ лавку.
Изъ Катоновъ я въ отставку,
И теперь я—Целадонъ.
Миловидной жрицы Тальи,
Видѣлъ прелести Натальи
И ужъ въ сердце—Купидонъ!
Такъ, Наталья, признаюся,
Я тобою полонень.
Въ первый разъ еще (стыжуся)
Въ женски прелести влюбленъ;
Цѣлый день, какъ ни верчуся,
Лишь тобою занятъ я.
Ночь придетъ—и лишь тебя
Вижу я въ пустомъ мечтаньи,
Вижу, въ легкомъ одѣяньи,
Будто милая со мной.
Робко, сладостно дыханье,
Бѣлой груди колебанье,
Снѣгъ затмившей бѣлизной,
И полуотверсты очи...
Скромный мракъ безмолвной ночи...
Духъ въ восторгъ приводить мой—
Я одинъ въ бесѣдкѣ съ нею.
Вижу... дѣвственну лилею,
Трепещу, томлюсь, нѣмѣю...
И проснулся... вижу мракъ
Вкругъ постели одинокой—
Ипускаю вздохъ глубокой!
Сонъ лѣнивый, томноокой
Отлетаетъ на крылахъ.
Страсть сильнѣе становится;
А любовью утомясь,

Я слабѣю всякой часъ.
Все къ чему-то умъ стремится...
А къ чему?—никто изъ насъ
Дамамъ вслухъ того не скажетъ.
А ужъ такъ и сякъ размажетъ.
Я—по свойски объяснюсь.
Всѣ любовники желаютъ
И того, чего не знаютъ.
Это—свойство ихъ, дивлюсь!
Завернувшись балахономъ
Съ хватской шапкой на бекрень,
Я желалъ бы Филимономъ,
Подъ-вечеръ, какъ всюду тѣнь,
Взявъ Аниоты нѣжну руку,
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя.
Я желалъ бы, чтобъ Назорой
Ты старалась меня
Удержать умильнымъ взоромъ.
Иль сѣдымъ Опекуномъ
Легкой, миленькой Розины,
Старымъ пасынкомъ судьбины,
Въ епанчѣ и съ парикомъ,
Дерзкой пламенной рукою
Бѣлоснѣжну, полную грудь...
Я желалъ... да вѣдь ногою
Моря не перешагнуть,
И хоть по уши влюбленный,
Но съ тобою разлученный,
Всей надежды я лишенъ.
Но, Наталья, ты не знаешь,
Кто твой нѣжный Целадонъ...
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смѣетъ онъ
И надѣяться?—Наталья,
Выслушай еще меня.
Ни владѣтель я Сералья,
Ни Арабъ, ни Турокъ я,
За ретиваго Китайца,
Грубаго Американца
Почитать меня нельзя.
Не представъ и нѣмчурою
Съ колпакомъ на волосахъ,
Съ кружкой, пивомъ наливою,
И съ цыгаркою въ зубахъ.
Не представъ кавалергарда
Въ каскѣ, съ длиннымъ палашомъ—
Не люблю я бранный громъ:

Шпага, сабля, алебарда,
Не тягчать моей руки
За Адамовы грѣхи.

— Да кто-жь ты, болтунъ влюблен-
ный?

— Взглянь на стѣны возвышенны,
Гдѣ безмолвья вѣчный мракъ,
Взглянь на окна загражденны,
На лампы тамъ зажженны...
Знай, Наталья,—я... монахъ!

Даем текст по списку Матюшкина, где на 34 стиха больше, чем в Ак. изд. *Наталья*, к которой обращено это и след. стихотв., была актриса—крепостная в домашнем театре гр. В. В. Толстого, где бывали лицеисты. *Талья*—муза комедии. *Купидонъ*—то же, что Амур. *Катонъ*—др.-римский цензор, проповедывавший строгость нравов. *Воксаль*—танцевальный зал. *Целадонъ* (или *Селадонъ*)—тип ухаживателя за женщинами, изъ романа «Астрея» франц. писателя XVI—XVII в. Урфе. *Филимонъ*, *Опекунъ*, *Анюта*, *Назора*, *Розина*—роли в пьесах, в которых играла Наталья. Напеч. 1857 г., но конец был допущен цензурой в печать лишь в 1907 г.

7. КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

Ты не наслѣдница Клероны;
Не для тебя свои законы
Владѣлецъ Пинда начерталъ;
Тебѣ не много Богъ послалъ;
Твой голосокъ, тѣлодвиженья,
Нѣмыя взоровъ обращенья
Не стоять, признаюсь, похвалъ
И шумныхъ плесковъ удивленья;
Жестокой суждено судьбой
Тебѣ актрисой быть дурной,
Но, Хлоя, ты мила собой;
Тебѣ во-слѣдъ толпятся смѣхи,
Сулятъ любовникамъ утѣхи,—
Итакъ, вѣнцы передъ тобой,
И несомнительны успѣхи.

Ты плѣннымъ зрителя ведешь,
Когда безъ такта ты поешь,
Недвижно стоя передъ нами,
Поешь—и часто не въ-попадъ;
А мы усердными руками
Всѣ громко хлопаемъ; кричать:
Bravo! bravissimo! чудесно!
Свистки сатириковъ молчатъ,
И всѣ покорствуютъ прелестной.

Когда, въ неловкости своей,
Ты сложишь руки у груди,

Или подымешь ихъ—и снова
На грудь положишь застыдъся;
Когда Милона молодого,
Лепеча что-то не для насъ,
Въ любви безъ чувства увѣряешь
Или безъ памяти, въ слезахъ,
Холодный испуская ахъ!
Спокойно въ кресла упадаешь,
Краснѣя и чуть-чуть дыша,
Всѣ шепчуть: ахъ! какъ хороша!
Увы, другую-бъ освидали!
Велико дѣло красота!
О Хлоя, мудрые солгали:
Не все на свѣтѣ суета.

Плѣнная же, Хлоя, красотой!
Стократъ блаженъ любовникъ тотъ,
Который нѣжно предъ тобою
Осмѣлясь о любви поетъ,
Въ стихахъ и прозою на сценѣ
Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвѣчать,
Не смѣя молвить объ измѣнѣ;
Блаженъ, кто можетъ роль забыть
На сценѣ съ миленькой актрисой,
Жать руку ей, надѣясь быть
Еще блаженнѣй за кулисой!

Сохранилось в авт., текст которого воспроизводим с одной поправкой по списку Корфа; в авт.—ст. 28: «На грудь положишь, не стыдъся...» Обращено к той же, как предыд. *Клеронъ*—знаменитая франц. актриса XVIII в. *Владѣлецъ Пинда*—Аполлон. *Милонъ*—роль из пьесы, где играла Наталья. *Хлоя*—условное имя. *Bravo, bravissimo, bravo, bravissimo*—итальянские слова, принятые для вызовов в театре. Напеч. Посм. изд.

8. ОПЫТНОСТЬ.

Кто съ минуту переможетъ
Хладнымъ разумомъ любовь,
Бремя гостныхъ оковъ
Ей на крылья не возложеть.
Пусть не смѣйся, не рѣзвись,
Съ строгой мудростью дружись;
Но съ разсудкомъ вновь заспе-
ришь,
Хоть не радъ, а дверь отворишь,

Какъ проказливый Эротъ
Постучится у воротъ.

Испыталъ я самъ собою
Истину сихъ правыхъ словъ.
„Добрый путь! прости любовь!
„За богинею слѣпою,
„Не за Хлоей полечу,
„Щастье, щастье ухвачу!“

Мнилъ я въ гордости безумной.
Вдругъ услышалъ хохотъ шум-
ный,

Оглянулся... и Эроть
Постучался у воротъ.

Нѣтъ! мнѣ, видно, не придется
Съ богомъ симъ въ размолвкѣ
жить,

Напеч. «Вѣстн. Евр.» 1814 г. Эроть—Амурь, Парки—см. Общее прим. Хлоя—
условное имя.

И покамѣстъ жизни нить
Старой Паркой тамъ прядется,
Пусть владѣтъ мною онъ!
Веселиться—мой законъ.
Смерть откроетъ гробъ ужас-
ный,

Потемнѣютъ взоры ясны,
И не стукнется Эроть
У могильныхъ ужъ воротъ.

9. БЛАЖЕНСТВО.

Въ роцѣ сумрачной, тѣнистой,
Гдѣ журча въ травѣ душистой,
Свѣтлый бродитъ ручеекъ,
Ночью, на простой свирѣли
Пѣль влюбленный пастушокъ;
Томный гулъ, унылы трели
Повторялъ въ глуши долинъ...

Вдругъ, изъ глубины пещеры
Читатель Вакха и Венеры,
Рѣзвыхъ Фавновъ господинъ,
Выбѣжалъ Эрмиевъ сынъ.
Розами рога обвиты,
Плющъ на черныхъ волосахъ,
Козій мѣхъ виномъ налитый,
У Сатира на плечахъ.
Богъ лѣсовъ въ дугу склонив-
шись

Надъ искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушалъ пѣсенки ночной,
Въ ладъ качая головой.—
„Дни протекшіе въ весельи!
(Пѣль въ тоскѣ пастухъ мла-
дой),

„Отъ чего, являсь мечтой,
„Вы, какъ тѣнь, отъ глазъ исчезли
„И покрылись вѣчной тмой?
„Ахъ! когда я въ мракѣ ночи,
„При таинственной лунѣ,
„Въ темну сѣнь прохладной роци,
„Сладко спящей въ тишинѣ,
„Медленно, рука съ рукою,
„Съ нѣжной Хлоей приходилъ,
„Кто сравнится могъ со мною?
„Хлоя былъ тогда я милъ!
„А теперь мнѣ жизнь—могила,
„Бѣлой свѣтъ душѣ постылъ,
„Грустенъ лѣсъ, потокъ унылъ...
„Хлоя другу измѣнила!..
„Я для милой... ужъ не милъ!..
Звукъ исчезъ свирѣли тихой;
Смолкъ пѣвецъ—и тишина
Воцарилась въ роцѣ дикой;

Слышно, плещетъ лишь волна
И колышетъ повеликой
Тихо-вѣющій зефиръ:—
Древъ оставя сѣнь густую,
Вдругъ является Сатиръ,
Чашу дружбы круговую
Пѣнистымъ сребря виномъ,
Рекъ съ осклабленнымъ лицомъ:

„Ты унылъ, ты сердцемъ мра-
ченъ;
Посмотри жъ, какъ сокъ прозра-
ченъ

Блещетъ, освѣтятся луной!
Выпей чашу—и душой
Будешь такъ же чистъ и ясенъ.
Вѣрь мнѣ:—стонъ въ бѣдахъ на-
прасенъ.

Лучше, лучше веселись,
Въ горѣ съ Бахусомъ дружись!“
И пастухъ, взявъ чашу въ руки,
Скоро выпилъ всю до дна.
О, могущество вина!
Вдругъ сокрылись скорби, муки,
Мракъ душевный вмигъ исчезъ!
Лишь фіяль къ устамъ поднесъ,
Все мгновенно премѣнилось,
Вся природа оживилась:
Щастливъ юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,
Наливаетъ онъ другую;
Пьетъ ужъ третью... но въ гла-
захъ

Видь окрестной потемнился—
И несчастный... утомился,
Томну голову склоня,
„Научи, Сатиръ, меня“,
Говоритъ пастухъ со вздохомъ,
„Какъ могу бороться съ рокомъ?
Какъ могу щастливымъ быть?
Я не въ силахъ вѣчно пить“.
— „Слушай, юноша любезный,
Вотъ тебѣ совѣтъ полезный;
Мигъ блаженства вѣкъ лови“

Помни дружбы наставленья:
 Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
 Нѣтъ и щастья безъ любви;
 Такъ поди жь теперь съ похмелья,

Съ Купидономъ помирись,
 Позабудь его обиды,
 И въ объятяхъ Дориды
 Снова щастьемъ насладись!"

Напеч. «Вѣстн. Евр.» 1814 г. *Сынъ Эрмія* (Гермеса), по мифам. — *Фавнъ* (у греков—*Панъ*)—бог природы и лесов; П. называет его *Сатиръ*; сатиры, собственно, козлоногие полубожества, спутники *Вакха* (или *Бахуса*), бога вина. *Купидонъ*—см. Общ. прим. *Хлоя*, *Дорида*—условные имена. Ср. картины «Фавнъ и Пастушка», часть 2-ая.

10. ПИРУЮЩЕ СТУДЕНТЫ.

1. Друзья, досужный часъ насталь,
 Все тихо, все въ покоѣ,
 Скорѣе—скатерть и бокалы!
 Сюда, вино златое!
 Шипи, шампанское, въ стеклѣ.
 Друзья, почто же съ Кантомъ
 Сенека, Тацитъ на столѣ
 Фольянтъ надъ фоліантомъ?
 Подъ столъ холодныхъ мудре-
 цовъ
 Мы подемъ овладѣмъ,
 Подъ столъ ученыхъ дураковъ,
 Безъ нихъ мы пить умѣемъ.—
2. Ужели трезваго найдемъ
 За скатертью студента?
 На всякій случай изберемъ
 Скорѣе президента.
 Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
 И пуншъ, и грокъ душистый;
 А вамъ, Спартанцы, поднесетъ
 Воды въ стаканѣ чистой.—
 Апостоль нѣги и прохлада,
 Мой добрый Галичъ, *vale!*
 Ты Эпикуровъ младшій братъ,
 Душа твоя въ бокалѣ.
 Главу вѣнками уברי,
 Будь нашимъ Президентомъ
 И стануть самые Цари
 Завидовать студентамъ.
3. Дай руку, Дельвигъ, что ты
 спишь?
 Проснись, лѣнивонецъ сонный,
 Ты не подъ каедрой сидишь,
 Латынью усыпленный.
 Взгляни, здѣсь кругъ твоихъ
 друзей,
 Бутылъ виномъ налита,
 За здравье нашей Музы пей,
 Парнасской Волокита!
 Острякъ любезной! по рукамъ!
 Полнѣй бокаль досуга,
 И вылей сотню эпиграммъ
 На недруга и друга.
4. А ты, красавецъ молодой,
 Сіятельной повѣса,
 Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
 На прочее—завѣса!
 Хотя студентъ, хотя я пьянъ,
 Но скромность почитаю,
 Придвинь же пѣнстый ста-
 канъ,
 На брань благословляю.
5. Товарищъ милой, другъ прямой,
 Тряхнемъ рукою руку,
 Оставимъ въ чашѣ круговой
 Педантамъ сродну скуку.
 Не въ первой разъ мы вмѣстѣ
 пьемъ,
 Нерѣдко и бранимся,
 Но чашу дружества нальемъ
 И тотчасъ помиримся.
6. А ты, который съ дѣтскихъ
 лѣтъ
 Однимъ весельемъ дышешь,
 Забавный, право, ты поэтъ,
 Хоть плохо басни пишешь.
 Съ тобой тасуюсь безъ чи-
 новъ,
 Люблю тебя душою,
 Наполни кружку до краевъ,
 Разсудокъ, богъ съ тобою!
7. А ты, повѣса изъ повѣсъ,
 На шалости рожденный,
 Удамый хватъ, головорѣзъ,
 Приятель задушевный!
 Бутылки, рюмки разобьемъ
 За здравіе Платова,
 Въ казачью шапку пуншъ
 нальемъ,
 И пить давайте снова.
8. Приблизься, милой нашъ
 пѣвецъ,
 Любимый Аполлономъ,
 Воспой властителя сердець
 Гитары тихимъ звономъ.

- Какъ сладостно въ стѣсненну
грудь
Томленье звуковъ лется,
Но мнѣ ли страстью воздохнуть?
Нѣтъ! пьяный лишь смѣется.
9. Не лучше ль, Роде записной!
Въ честь Вакховой станицы
Теперь скрипѣть тебѣ струной
Разстроенной скрипицы?
Запойте хоромъ, Господа!
Нѣтъ нужды, что нескладно;
Охрипли... это не бѣда,
Для пьяныхъ все вѣдь ладно.
10. Но что, я вижу все вдвоемъ:
Двоится штофъ съ Ара-
комъ,
Вся комната пошла кругомъ,
Покрылись очи мракомъ.
Гдѣ вы, товарищи, гдѣ я?
Скажите, Вакха ради
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради
Писатель, за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе.
Вильгельмъ, прочти свои
стихи,
Чтобъ мнѣ заснуть скорѣе!

Сохранилось два авт. и два списка. Даем текст по беловому авт. П. Лицея, где мелкие вар.: строфа 2: «Воды въ бокалѣ...»; 3: «Проснися, Дельвигъ...»; 10: «уснуть скорѣе...» и т. под. Вар. др. рукописей тоже мелкие, стр. 10: «Ты видомъ всѣхъ трезвѣе...» и т. под. В стихотв., размером «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» (знаменитая в ту пору баллада Жуковского), П. описал товарищескую попойку лицейцев. Строфа 1: *Кантъ*—немецкий философ, которого вряд ли изучали в Лицее; *Сенека*, *Тацитъ*—римские авторы. Стр. 2: *Президентом* избирается *А. И. Галичъ*, один из профессоров Лицея, см. Вступ. оч. *Эпикуръ*—др.-греческий философ, проповедывавший наслаждение жизнью; *vale*—будь здоров, прощай!; *спартанцы*—те из лицейцев, которые уклонялись от вина (спартанцы славились воздержанностью); среди них—*В. Д. Вальховскій* (см. стихотв. «19 Октября 1825 г.») Стр. 3: *А. Дельвигъ*,—действительно, был, по характеру, ленив и нередко васыпал в классе; *острякъ замысловатой*—*Д. И. Илличевскій*; 4: *Сіятельной повѣса*—*гр. С. Ф. Брольо* (был косоглаз и левша). 5: *Другъ прямой*—*И. И. Пуцинъ*. Стр. 6: *ты, который..*—*М. Л. Яковлевъ*, «Паяс» по прозвищу «староста» 1-го курса лицейцев; позднее писал музыку на слова П—а. 7: *Повѣса изъ повѣсь*—*И. В. Малиновскій*, «кован», сын директора, старше всех товарищей. 8: *Пѣвецъ*—*Н. А. Корсаковъ*, любивший музыку. Стр. 9: *Роде*—известный скрипач, здесь—опять *М. Л. Яковлевъ*. Стр. 10: *Писатель*—*В. К. Кюхельбекеръ*. О товарищах П—а. см. Вступ. оч. и примеч. к отдельным посланиям к ним 1816 и 1817 г. Напеч. Посм. изд.

11. КЪ БАТЮШКОВУ.

- Философъ рѣзвый и Питье,
Парнаскій щастливой лѣнницецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ!
Почто на арфѣ златострунной
Умолкнулъ, радости Пѣвецъ?
Ужель и ты, мечтатель юной,
Разстался съ Фебомъ наконецъ?
Уже съ вѣнцомъ изъ розъ души-
стыхъ
Межъ кудрей вьющихся златыхъ,
Подъ тѣнью тополовъ вѣтвистыхъ,
Въ кругу красавицъ молодыхъ,
Заздравнымъ не стучишь фiałомъ,
Любовь и Вакха не поешь;
Довольный щастливымъ началомъ,
Цвѣтовъ Парнаскихъ вновь не
рвешь;
Не слышенъ намъ Парни Россійскій.
Пой, юноша!—Пѣвецъ Тисскій
Въ тебя вляялъ свой нѣжный духъ.
Съ тобою твой прелестный другъ,
Лилета, красныхъ дней отрада:
Пѣвцу любви—любовь наградъ.
- Настрой же лиру—по струнамъ
Летай игривыми перстами,
Какъ вешній зѣфиръ по цвѣтамъ;
И сладострастными стихами,
И тихимъ шопотомъ любви
Лилету въ свой шалашъ зови;
И звѣздъ ночныхъ при блѣдномъ
свѣтѣ,
Плывущихъ въ дальней вышинѣ,
Въ уединенномъ кабинетѣ,
Волшебной внемля тишинѣ,
Слезами щастья грудь прекрасной,
Щастливецъ милый, орошай;
Но, упоенъ любовью страстной,
И нѣжныхъ Музъ не забывай!
Любви нѣтъ болѣ щастья въ мирѣ;
Люби—и пой ее на лирѣ.
Когдажъ къ тебѣ въ досужный часъ
Друзья, знакомые сберутся,
И вина пѣнныя польются,
Отъ плѣна съ трескомъ свободаясь,
Описывай въ стихахъ игривыхъ
и селье, шумъ гостей болтливыхъ
и окружъ въ накрытаго стола,

Стаканъ кипящій пѣной бѣлой,
И стукъ блестящаго стекла;
И гости дружно стихъ веселой,
Бокаль въ бокаль удара въ ладъ,
Нестройнымъ хоромъ повторятъ.

Поэтъ! въ твоей предметы волѣ!
Во звучны струны смѣло грянь,
Съ Жуковскимъ пой кроваву брань
И грозну смерть на ратномъ полѣ.
И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ,
И ты, постигнутый судьбою,
Какъ Россъ, питомцемъ славы палъ!
Ты палъ, и хладною косою
Едва скошенный не увялъ! ¹⁾

Иль, вдохновенный Ювеналомъ,
Вооружись сатиры жаломъ;
Подчасъ прими ея свистокъ,
Рази, осмѣивай пороки;
Шутя, показывай смѣшное,
И, если можно, насъ исправь;
Но Тредьяковского оставь
Въ столь часто рушимомъ покоѣ.
Увы! довольно безъ него
Найдемъ безчисленныхъ поэтовъ;
Довольно въ мірѣ есть предметовъ,
Пера достойныхъ твоего.

Скажи, по милости, Грифону,
Ползкомъ ползущу къ Геликону,
Чтобъ пересталъ совсѣмъ писать
И бѣдныхъ насъ морить со скуки;

Авт. не сохранилось. Напеч. «Рос. Муз.» 1815 г.; написано до знакомства П—а с Батюшковым, который в 1814 г. не был «юноша». *Аониды, Піэриды*—музы, *Плъвецъ Тисскій*—Анакреонт; *Назонъ*—Овидий: оба—античные поэты, воспевавшие любовь. *Грифонъ*—условное имя плохого поэта; *С. В. Висковатовъ*—плохой стихотворецъ начала XIX в. *Пилета*—условное имя, встречающееся в стихотв. Батюшкова. *Тредьяковский*—см. раньше; его бездарность, как поэта, была общепризнанной. *Грации, Мельпомена, Эротъ* см. Общ. прим. В «Росс. Муз.» ст. 74, вероятно, ошибка: «Чтобъ пересталъ писать...»

12. Н. Г. ЛОМОНОСОВУ.

— И ты, любезной другъ, оставилъ
Надежну пристань тишины,
Челнокъ свой весело направилъ
По влагѣ бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно свѣтятъ небеса,
Ладья крылатая пустилась—
Расправитъ *щастье* паруса,—
Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды
Вблизи ты ужась не видалъ,
Чтобъ бурной вихоръ не вздувалъ
Предъ челнокомъ шумящи воды!
Дай Богъ, подъ вечеръ, къ берегамъ

Тебѣ пристать благополучно
И отдохнуть спокойно тамъ
Съ *любовью, дружбой* неразлучно!
Нѣтъ! ты не можешь ихъ забыть!
Но что! не скоро, можетъ быть,
Увижусь я, мой другъ, съ тобою
Укромною хаты въ тишинѣ:
За чашей пунша круговою
Подъ часъ вспомнишь обо мнѣ;
Когдажъ пойду на новоселье
(Заснуть вѣдь общій всѣмъ удѣлъ).
Скажи: дай Богъ ему веселье!
Онъ въ жизни хотъ любить умѣлъ.

Авт. не сохранилось. Напеч. отрывок «Росс. Муз.» 1815 г. Н. Г. Ломоносов был брат С. Г. Ломоносова, товарища П. по Лицею. Стихи говорят о плавании по «житейскому морю», но Н. Г. позднее много путешествовал, был посланником в Голландии и Америке. Напеч. полно Посм. изд.

¹⁾ Кому неизвестны «Воспоминанія на 1807 годъ» (стихи Батюшкова, *Примеч. Росс. Муз. 1815 г.*).

13. КОЗАКЪ.

1. Разъ полуночной порою,
Сквозь туманъ и мракъ,
Бхалъ тихо надъ рѣкою
Удалой козакъ.
2. Черна шапка на бекренѣ,
Весь жупанъ въ пыли,
Пистолеты при колѣнѣ,
Сабля до земли.
3. Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ,
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.
4. Вотъ предъ нимъ двѣ-три из-
бушки,—
Выломанъ заборъ;
Здѣсь—дорога къ деревушкѣ,
Тамъ—въ дремучій боръ.
5. „Не найду въ лѣсу дѣвицы“,
Думалъ хватъ Денись;
„Ужъ красавицы въ свѣтлицы
„На ночь убрались.“
6. Шевельнулъ Донецъ уздою;
Шпорой прикольнулъ,
И помчался конь стрѣлою,
Къ избамъ завернулъ.
7. Въ облакахъ луна сребрила
Дальни небеса;
Подъ окномъ сидитъ уныла
Дѣвица-краса.
8. Храброй видитъ красну дѣву,
Сердце бьется въ немъ,
- Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву—
Вотъ ужъ подъ окномъ.
9. „Ночь становится темнѣе.
„Скрылася луна.
„Выйдь, коханечка, скорѣе,
„Напой коня“.
10. — Нѣтъ! къ мужчинѣ моло-
дому
Страшно подойти,
Страшно выйти мнѣ изъ дому,
Коню дать воды.
- 11: „Ахъ! небось, дѣвица красна,
Съ милымъ подружись!“
— Ночь красавицамъ опасна,—
„Радость, не страшись!
12. „Вѣрь, коханечка, пустое,
„Ложный страхъ отбрось!
„Тратишь время золотое:
„Милая, небось!
13. „Сядь на борзаго, съ тобою
„Въ дальній ѣду край;
„Будешь щастлива со мною;
„Съ другомъ всюду рай.“
14. Что же дѣвица? Склонилась,
Побѣдила страхъ,
Робко ѣхатъ согласилась;
Щастливъ сталъ Козакъ!
15. Поскакали, полетѣли.
Дружку другъ любилъ:
Былъ ей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

Напеч. П.—ым в исправленной ред. «Росс. Муз.» 1815 г. В первоначальной ред. стихотв. сохранилось в аут., где, кроме мелких отличий в тексте, было несколько лишних строф.

- После строфы 2: Мѣткого копья—луною
Свѣтится конецъ;
Въ грудь упѣршись бороною,
Задремалъ Донецъ.
- После строфы 4: Доброй конь остановился
Мордой траву рветъ;
Храброй воинъ пробудился,
Въ мигъ узду беретъ.
- Вместо стр. 7—8: Глядь—онъ видитъ красну-дѣву,
Черна бровь дугой.
Конь тихонько, къ лѣву, къ лѣву,
Прямо къ милой:—Стой!
- После строфы 11: — Нѣтъ, мнѣ мать говорила,
Бойся, дочь, мужчинъ!
Мать не разъ мнѣ то твердила,
Нѣтъ .. не безъ причинъ.

Вместо строфы 13: «Сядь на борзого: не нуженъ
Мнѣ съ тобою домъ;
Буду съ милой неразлученъ,
Мураву найдемъ.»

В строфѣ 14: Что же дѣвица? Случилось,
Что предвидить всякъ.

Стихотв. написано частью под влиянием знакомства с народными украинскими песнями (думки), частью по рассказам товарищей, м. б., И. В. Малиновского «своака»

14. ГОРОДОКЪ.

Къ ***.

Прости мнѣ, милой другъ,
Двухлѣтнее молчанье;
Писать тебѣ посланье
Мнѣ было недосугъ.
На тройкѣ принесенной
Изъ родины смиренной
Въ великой градѣ Петра.
Отъ утра до утра
Два годá все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ;
Зѣвая, веселился
Въ театрѣ, на пирахъ;
Не вѣдалъ я покоя,
Увы! ни на часокъ,
Какъ будто у налоя
Въ великій четвертокъ
Измученный дьячокъ.
Но слава, слава Богу!
На ровную дорогу
Я выѣхалъ теперь;
Ужъ вытолкалъ за дѣверь
Заботы и печали,
Которыя играли,
Стыжусь, столь долго мнѣ;
И въ тишинѣ святой
Философомъ лѣнивимъ,
Отъ шума вдалькѣ,
Живу я въ городкѣ,
Безвѣстностью щастливомъ.
Я нанялъ свѣтлый домъ
Съ диваномъ, съ камелькомъ,
Три комнатки простыя —
Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,
И ткани выписныя
Не кроютъ ихъ паркетъ.
Окошки въ садъ веселый,
Гдѣ липы престарѣлы
Съ черемухой цвѣтуть;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладу сѣнь даютъ;
Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжной
Сплелся съ фіалкой нѣжной,
И быстрой ручеекъ,
Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
Невидимый для взора,
Лепечеть у забора.

Здѣсь добрый твой поэтъ
Живеть благополучно;
Не ходитъ въ модный свѣтъ;
На улицѣ каретъ
Не слышитъ стукъ докучной;
Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
Лишь изрѣдка телега
Скрипитъ по мостовой,
Иль путникъ, въ домикъ мой
Пришедъ искать ночлега,
Дорожною клѣжкой
Въ калитку постучится...
Блаженъ, кто веселится
Въ покоѣ, безъ заботъ,
Съ кѣмъ втайнѣ себя дружитъ
И маленкой Эротъ;
Блаженъ, кто на просторѣ
Въ укромномъ уголкѣ,
Не думаетъ о горѣ.
Гуляетъ въ колпакѣ,
Пьетъ, ѣтъ, когда захочетъ,
О гостѣ не хлопочетъ
Никто, никто ему
Лѣниться одному
Въ постели не мѣшаетъ;
Захочетъ — Аонидъ
Толпу къ себѣ зываетъ;
Захочетъ — сладко спитъ,
На Риемова склоняясь
И тихо забываясь.
Такъ я, мой милой другъ,
Теперь расположился;
Съ толпой безстыдныхъ слугъ
Навѣки распростился;
Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скачаю,
И часто цѣлой свѣтъ
Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ — мертвецы,
Парнасскіе жрецы;
Надъ полкою простою,
Юдъ тонкою тафтою,
Съ яной они живутъ,
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозайки шутливы,
Въ порядкѣ стали тутъ.
Сынъ Мома и Минервы,

Фернейскій злой крикунъ,
 Поэтъ въ поэтахъ первый,
 Ты здѣсь, сѣдой шалуни!
 Онъ Ѳебомъ былъ воспитанъ,
 Издѣтства сталъ пить;
 Всѣхъ больше перечитанъ,
 Всѣхъ менѣе томилъ;
 Соперникъ Эврипида,
 Эраты нѣжный другъ,
 Арюста, Тасса внукъ —
 Скажу ль?.. Отецъ Кандида, —
 Онъ все: вездѣ великъ
 Единственной старикъ!
 На полкѣ за Вольтеромъ
 Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
 Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
 Въ часъ утренній досуга
 Я часто другъ отъ друга
 Люблю ихъ отрывать.
 Питомцы юныхъ Грацій —
 Съ Державинимъ потомъ
 Чувствительный Гораций
 Является вдвоемъ.
 И ты, пѣвецъ любезной,
 Поэзіей прелестной
 Сердца привлечій въ плѣнъ,
 Ты здѣсь, лѣгкій безпечный,
 Мудрецъ простосердечный,
 Ванюша Лафонтенъ!
 Ты здѣсь — и Дмитревъ нѣжной,
 Твой вымыселъ любя,
 Нашель приютъ надежной
 Съ Крыловымъ близъ тебя. —
 Но вотъ наперсникъ милой
 Психеи златокрылой!
 О, доброй Лафонтенъ,
 Съ тобой онъ смѣлъ сразиться...
 Коль можешь ты дивиться,
 Дивись: ты побѣжденъ!
 Воспитанъ Амуромъ;
 Вержье, Парни съ Грекурромъ
 Укрылись въ уголокъ,
 (Не разъ они выходятъ
 И сбѣгъ отъ глазъ отводить
 Подъ зимній вечерокъ).
 Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
 Руссо и Карамзинъ,
 Съ Мольеромъ-исполиномъ
 Фонъ-Визинъ и Княжнинъ.
 За ними, хмурясь важно,
 Ихъ грозный Аристархъ
 Является отважно
 Въ шестнадцати томахъ.
 Хотъ страшно стихоткачу
 Лагарпа видѣть вкусъ,
 Но часто, признаюсь,
 Надъ нимъ я время трачу.

Кладбище обрѣли
 На самой нижней полкѣ
 Всѣ школьнически толпы,
 Лежащія въ пыли,
 Визгова сочиненья,
 Глупона псалмопѣнья,
 Извѣстныя творенья,
 Увы! однимъ мышамъ.
 Миръ вѣчной и забвенья
 И прозѣ и стихамъ!
 Но ими ограждену
 (Ты долженъ это знать)
 Я спряталъ потаенну
 Сафьянну тетрадь.
 Сей свитокъ драгоценный,
 Въками сбереженный,
 Отъ члена Рускихъ силъ,
 Двоюроднаго брата,
 Драгунскаго содята
 Я даромъ получилъ.
 Ты, кажется, въ сомнѣнн...
 Не трудно отгадать;
 Такъ, это сочиненья,
 Презрѣвшія печать.
 Хвала вамъ, чада славы,
 Враги Парнасскихъ узъ!
 О Князь, наперсникъ Музъ,
 Люблю твои забавы;
 Люблю твой колкій стихъ
 Въ посланіяхъ твоихъ;
 Въ сатирѣ — знанье свѣта
 И слога чистоту.
 И въ рѣзвости куплета
 Игриву остроту. —
 И ты, насмѣшникъ смѣлый,
 Въ ней мѣсто получилъ,
 Чей въ адѣ стихъ веселый
 Поэтовъ раздражилъ,
 Какъ, въ юношески лѣты,
 Въ волнахъ туманной Леты
 Ихъ гуртомъ потонилъ; —
 И ты, замысловатый
 Буянова пѣвецъ,
 Въ картинахъ толь богатый
 И вкуса образецъ;
 И ты, шутникъ безцѣнный,
 Который Мельмомены
 Котурны и кинжалъ
 Игривой Гальи далъ!
 Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
 Чья кисть скомпанируетъ
 Такой оригиналъ!
 Тутъ вижу я съ Чернавкой
 Подцѣпа слезы льетъ;
 Здѣсь Князь дрожитъ подъ лавкой,
 Тамъ дремлетъ весь совѣтъ;
 Въ трагическомъ смятенн

Плѣнные цари,
 Забывъ войну, сраженьи,
 Играютъ въ кубари...
 Но назовуль дѣтину,
 Что доброю порой
 Тетради половину
 Наполнилъ лишь собой!
 О ты, высоту Парнасса
 Бояринъ небольшой,
 Но пылкаго Пегаса
 Наѣздникъ удалой!
 Намаранняя оды,
 Убранства чердаковъ,
 Гласятъ изъ рода въ роды:
 Великъ, великъ—Свистовъ!
 Твой даръ цѣнить умѣю,
 Хотъ, право, не знатокъ;
 Но здѣсь тебѣ не смѣю
 Хвалы сплетать вѣнокъ:
 Свистовскимъ должно слогомъ
 Свистова воспѣвать;
 Но, убирайся съ Богомъ!
 Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
 Не стану я писать.—

О вы, въ моей пустынь
 Любимые творцы!
 Займите же отнынѣ
 Безпечности часы.
 Мой другъ! весь день я съ
 ними,

То въ думу углубленъ,
 То мыслями своими
 Въ Елизій пренесень.
 Когда же на закатѣ
 Послѣдній лучъ зари
 Потонетъ въ яркомъ златѣ,
 И свѣтлые цари
 Смеркающейся ночи
 Плывутъ по небесамъ,
 И тихо дремлютъ рощи
 И шорохъ по лѣсамъ;
 Мой геній невидимкой
 Летаеть надо мной,
 И я въ тиши ночной
 Сливаю голосъ свой
 Съ пастушьею волынокой.
 Ахъ! щастливъ, щастливъ тотъ,
 Кто лиру въ даръ отъ Феба
 Во цвѣтѣ дней возьметъ!
 Какъ смѣлый житель неба,
 Онъ къ солнцу воспарить,
 Превыше смертныхъ станеть,
 И слава громко грянетъ:
 „Безсмертенъ вѣкъ пить!“

Но ею мнѣ-ль гордиться,
 Но мнѣ-ль безсмертьемъ
 льститься?..

До слезъ я спорить радъ,
 Не бьюсь лишь объ закладъ,—
 Какъ знатъ, и мнѣ, быть можетъ,
 Печать свою наложить
 Небесный Аполлонъ;
 Сіяя горнимъ свѣтомъ,
 Безтрепетнымъ полетомъ
 Взлечу на Геликонъ.
 Не весь я преданъ тлѣнью;
 Съ моей, быть можетъ, тѣнью,
 Полунощной порой,
 Сынъ Феба молодой,
 Мой правнукъ просвѣщенный
 Бесѣдовать придетъ
 И, мною вдохновенный,
 На лирѣ воздохнетъ.

Покамѣсть, другъ безцѣнный,
 Каминомъ освѣщенный,
 Сижу я подъ окномъ
 Съ бумагой и съ перомъ,
 Не слава предо мною,
 Но дружбою одною
 Я нынѣ вдохновенъ.
 Мой другъ, я щастливъ ею;
 Почто жъ ея сестрой,
 Любовію младой,
 Напрасно пламенѣю?
 Иль юности златой
 Вотще даны мнѣ розы,
 И литъ навѣки слезы
 Въ юдоли, гдѣ расцвѣлъ,
 Мой горестный удѣлъ?..
 Пѣвца сопутникъ милой,
 Мечтанье легкокрыло!
 О будь же ты со мной,
 Дай руку сладострастью,
 И съ чашей круговой
 Веди меня ко щастью
 Забвенія тропой;
 И въ часъ безмолвной ночи,
 Когда лѣнивый макъ
 Покроетъ томны очи,
 На вѣтреныхъ крылахъ
 Примчись въ мой домикъ тѣсной,
 Тихонько постучись,
 И въ тишинѣ прелестной
 Съ любимцемъ обнимись!
 Мечта! въ волшебной сѣни
 Мнѣ милую яви,
 Мой свѣтъ, мой доброй геній,
 Предметъ моей любви,
 И блескъ очей небесный,
 Люющихъ огнь въ сердца,
 И Грацій станъ прелестный,
 И снѣгъ ея лица;
 Представъ, что на колѣняхъ
 Покоясь у меня,

Въ порывистыхъ томленьяхъ
 Склонилася она
 Ко груди грудью страстной,
 Устами на устахъ,
 Горитъ лицо прекрасной
 И слезы на глазахъ!..
 Почто стрѣлой незримой
 Уже летишь ты вдаль?
 Обманеть — и пропаль
 Бѣглець невозратимой!
 Не слышитъ плачь и стонъ,
 И гдѣ крылатый сонъ?
 Изчезнетъ обольститель,
 И въ сердцѣ грусть-мучитель.

Но все ли, милой другъ,
 Быть счастья въ упоеньи?
 И въ грусти томный духъ
 Находитъ наслажденье:
 Люблю я въ лѣтній день
 Бродить одинъ съ тоскою,
 Встрѣчать вечерню тѣнь
 Надъ тихою рѣкою,
 И съ сладостной слезою
 Въ даль сумрачну смотрѣть;
 Люблю съ моимъ Марономъ
 Подъ яснымъ небосклономъ
 Близъ озера сидѣть,
 Гдѣ лебедь бѣлоснѣжной,
 Оставя знакъ прибрежной,
 Любви и нѣги полнъ,
 Съ подругою своею,
 Закинувъ гордо шею,
 Плыветъ во златѣ волнъ;
 Или, для развлеченья,
 Оставя книгъ ученье,
 Въ досужной мнѣ часокъ
 У добренькой старушки
 Душистый пью чаекъ;
 Не подхожу я къ ручкѣ,
 Не шаркаю предъ ней;
 Она не присѣдаетъ,
 Но тотчасъ и вѣстей
 Мнѣ пропасть наболтаеть.
 Газеты собираетъ
 Со всѣхъ она сторонъ,
 Все свѣдаетъ, узнаетъ:
 Кто умеръ, кто влюбленъ.
 Кого жена по модѣ
 Рогами убрала,
 Въ которомъ огородѣ
 Капуста цвѣтъ дала,
 Ома, свою хозяйку
 Ни за что наказалъ,
 Антошка балалайку,
 Играя, разломалъ,—

Старушка все расскажетъ,
 Межъ тѣмъ, какъ юбку вяжетъ,
 Болтаетъ все свое;
 А я сижу смиренно
 Въ мечтаньяхъ углубленной,
 Не слушая ее;
 На риѣмы удалова,
 Такъ нѣкогда *Свистова*
 Въ столицѣ я внималъ,
 Когда свои творенья
 Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.
 Ахъ! видно Богъ пыталъ
 Тогда мое терпѣнье!

Иль добрый мой сосѣдъ,
 Семидесяти лѣтъ,
 Уволенный отъ службы
 Маіоромъ отставнымъ,
 Зоветь меня изъ дружбы
 Хлѣбъ-соль откушать съ нимъ.
 Вечернею пирушкой
 Старикъ развеселясь,
 За дѣдовскою кружкой,
 Въ прошедшемъ углубясь,
 Съ Очаковской медалью
 На раненой груди,
 Воспомнить ту баталью,
 Гдѣ роты впереди,
 Летѣлъ навстрѣчу славы,
 Но встрѣтился съ ядромъ,
 И палъ на долъ кровавый
 Съ булатнымъ палашемъ.
 Всегда я радъ душою
 Съ нимъ время провождать.

Но, Боже, виноваты!
 Я каюсь предъ тобою,
 Служителей твоихъ,
 Поповъ я городскихъ
 Боюсь, боюсь бесѣды,
 И свадебны обѣды
 Затѣмъ, лишь не терплю,
 Что сельскихъ іереевъ,
 Какъ Папа Іудеевъ,
 Я вовсе не люблю,
 А съ ними крючковатый
 Подъяческій народъ,
 Лишь взятками богатый
 И ябеды оплотъ.
 Но, другъ мой, естли вскорѣ
 Увижусь я съ тобой,
 То мы уходимъ горе
 За чашей круговой;
 Тогда, клянусь богами
 (И слово ужъ сдержу),
 Я съ сельскими попами
 Молебень отслужу.

Авт. не сохранилось. Напеч. не полно «Росс. Муз.» 1815 г. Текст по списку Корфа.
 Обращенное, вероятно, как и послание «Къ сестрѣ», О. С. Пушкиной, важно тем,

что знакомит с литературными интересами Пушкина-лицеиста. Опиоцвая свою (воображаемую) библиотеку, он перечисляет длинный ряд знаменитых писателей древности: Гомеръ, Вергилий, Гораций; эпохи Возрождения: Тассо; нового времени, французских: Расинъ, Мольеръ, Лафонтенъ, Руссо, Парни, Верюсье, Грекуръ, критик Лавартъ; русских: Державинъ, Дмитриевъ, Крыловъ, Озюровъ, Карамзинъ, Княжнинъ, Фонъ-Визинъ и др. Далее следует перечень произведений, «пресрзвших печать» (эротических, сатирических и т. под.): кн. Д. П. Горчакова («о князь»), Батюшкова, Вас. П. Пушкина, И. Крылова, И. С. Баркова («Дятлина») и др. Ривомовъ, Визговъ, Глупанъ — условные названия бездарных стихотворцев; Свистовъ — вероятно, то же (или, при первом упоминании, — Барков, при втором — гр. Д. И. Хвостов). Аристархъ — др.-греческий критик, тип критика вообще. Маронъ — Вергилий. Газеты значило вестн. Ст. 94 и сл.: Сынъ Мома (бог шутки) и Минервы (богини мудрости) — Вольтер; он — соперникъ Эврипида, др.-греческого трагика, другъ Эраты, музы alegии, внукъ Аристо, Тассо, итальянских эпиков XVI в., автор повести «Кандидъ». Ферней — городок, близ которого жил Вольтер. Ст. 120 и сл.: лютый беспечный — Лафонтен, знаменитый франц. баснописец и автор шуточных поэм. Ст. 128—129: наперсникъ Психей — И. Богданович, автор поэмы «Душенька», где пересказан миф о Психее, возлюбленной Амура. Ст. 145: грозный Аристархъ — Лагарп. Ст. 176: Хвала вамъ, чада славы — стих Жуковского. Ст. 178: О Князь — кн. Д. П. Горчаков, автор шуточных поэм. Ст. 186: И ты — Батюшков, автор сатиры «Видение на берегах Леты». Ст. 193 и сл.: Буянова плещетъ — В. Л. Пушкин, автор поэмы «Опасный соседъ», где герой — Буянов. Ст. 197 и сл.: И ты — И. Крылов, баснописец, автор шуточной трагедии «Труффъ», где герои Чернавка, Подщипа, пленные цари и т. под. (Мельпоме на — муда трагедии, изображавшаяся в особой обуви, котурнах, и с кинжалом; Галия — муда комедии). Феб, Эрот, Грации, Лонида, Эливи и др. см. Общ. прим.

15. ВОСПОМИНАНИЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

1. Нависъ покровъ угрюмой ноши
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почилъ долъ и роци,
Въ сѣдомъ туманъ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листьяхъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ серебристыхъ облакахъ.
2. Плыветъ—и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вокругъ:
Алеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополomъ сплелась младая ива
И отразилась въ кристалъ зыбкихъ водъ,
Царицей средъ полей лилея горделива,
Въ роскошной красотѣ цвѣтеть.
3. Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой,
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются Наяды
Его лѣнливою волной;
А тамъ въ безмолвіи огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не сель Минервы Росской храмъ?
4. Не сель Елизіумъ полнощный,
Прекрасный Царско-сельскій садъ,
Гдѣ льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На лонѣ мира и отградъ?
Увы! промчались тѣ времена златяы,
Когда подъ скипетромъ великія Жены
Вѣнчалась славою щастливая Россія,
Цвѣтя подъ кровомъ тишины!

5. Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
Возрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ Россъ вѣщаетъ:
„Изчезло все, Великой нѣтъ!“
И въ думу углуолень, надъ злчными брегами
Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ служъ.
Протекшя лѣта медькаютъ предъ очами,
И въ тихомъ восхищенъѣ духъ.
-
6. Онъ видитъ, окруженъ волнами,
Надъ твердой, мшистою скалою
Вознесся памятникъ. ¹⁾ Ширясь крылами,
Надъ нимъ сидитъ орелъ молодой.
И цѣпи тяжкя, и стрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились:
Кругомъ подножя, шумя, валы сѣдые
Въ блестящей пѣнѣ ушлись.
-
7. Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой.
О сколь онъ для тебя, Кагульской берегъ, поносенъ
И славенъ родинѣ драгой!
Безсмертны вы вовѣкъ, о Росски исполнены,
Въ бояхъ воспитаны средъ бранныхъ непогодъ;
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.
-
8. О, громкой вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы Россянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
Потомки грозныя Славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ страшась дивился мiръ;
Державинъ и Петровъ Героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.
-
9. И ты промчался, незабвенный!
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя, и ужасы военны;
Страдать—естъ смертнаго удѣлъ
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго Царя;
Возсталъ вселенной бичъ—и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря;
-
10. И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на Руския поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля,
И селы мирныя, и грады въ мгнѣ нылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучие бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.
-

В честь графу А. Г. Орлову-Чесменскому. (Примеч. «Росс. Муз.» 1815 г.).

11. Идутъ,—ихъ силѣ нѣтъ препоны,
 Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
 И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
 Въ воздушныхъ соединясь полкахъ,
 Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно
 Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
 Но клики раздались!.. Идутъ въ дали туманной!—
 Звучать кольчуги и мечи!
12. Страшись, о, рать иноплеменныхъ!
 Россіи двинулись сыны;
 Возсталъ и старъ и младъ, летятъ на дерзновенныхъ,
 Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
 Возтрепещи, тиранъ! ужъ близокъ часъ паденья!
 Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
 Ихъ цѣль, иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
 За вѣру, за Царя.
13. Ретивы кони бранью пышутъ,
 Усѣянъ ратниками долъ,
 За строемъ строй течетъ; всѣ местью, славой дышутъ,
 Восторгъ во грудь ихъ перешель.
 Летятъ на грозной пиръ; мечамъ добычи ищутъ,
 И се—пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ,
 Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ
 И брызжетъ кровь на щитъ.
14. Сразились—Руской побѣдитель!
 И вспять бѣжить надменный Галлъ;
 Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержитель
 Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ;
 Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый;
 О Бородинскія кровавыя поля!
 Не вы неистовству и гордости предѣлы:
 Увы! на башняхъ Галлъ Кремля!..
15. Края Москвы, края родные,
 Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
 Часы безопасности я тратилъ золотые,
 Не зная горестей и бѣдъ,
 И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны!
 И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
 И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни,
 Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!..
16. Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой,
 Родимой прелесть стороны?
 Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
 Развалины теперь одни;
 Москва! сколь Рускому твой зракъ унылый страшенъ!
 Исчезли зданія вельможей и Царей,
 Все пламень истребилъ. Вѣнцы затмились башенъ,
 Чертоги пали богачей.
17. И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
 Въ сѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
 Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,
 Тамъ нынѣ угли, пепель, прахъ;

Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней нощи
 Веселье шумное туда не полетитъ,
 Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы рощи:
 Все мертво, все молчитъ ..

18. Утѣшься, мать градовъ Россіи,
 Воззри на гибель пришлеца.
 Отяготѣла днесъ на ихъ надменны выи
 Десница мстящая Творца.
 Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ,
 Ихъ кровь не престаеъ въ снѣгахъ рѣками течь,
 Бѣгутъ—и въ тмѣ ночной ихъ гладь и смерть срѣтаютъ
 А съ тыла гонитъ Россовъ мечъ.
19. О вы, которыхъ трепетали
 Европы сильны племена,
 О Галлы, хищные! и вы въ могилы пали...
 О, страхъ! о грозны времена!
 Гдѣ ты, любимый сынъ и щастья и Беллоны,
 Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру и законъ,
 Въ гордынѣ възмечтавъ мечемъ низвергнуть троны?—
 Изчезъ, какъ угромъ страшной сонъ!
20. Въ Парижѣ Россъ!—гдѣ факель мщенья?
 Поникни, Галлія, головой!
 Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
 Грядетъ съ оливою златой;
 Еще военной громъ грохочетъ въ отдаленіи,
 Москва въ уныніи, какъ степь въ полнощной мглѣ,
 А онъ—несетъ врагу не гибель, но спасенье
 И благотворной миръ землѣ.
21. Достойный Внукъ Екатерины!
 Почто небесныхъ Аонидъ,
 Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянской бардъ дружины,
 Мой духъ восторгомъ не горитъ!
 О естлибъ Аполлонъ питовъ даръ чудесной
 Вляялъ мнѣ нынѣ въ грудь! Тобою восхищенъ,
 На лирѣ бѣ возгремѣлъ гармоніей небесной
 И возсіялъ во тмѣ временъ!
22. О Скальдъ Россіи вдохновенный,
 Воспѣвшій ратныхъ грозный строй
 Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламенной,
 Взгреми на арфѣ золотой;
 Да снова стройной гласъ Герою въ честь прольется,
 И струны трепетны посыплютъ огонь въ сердца,
 И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
 При звукахъ браннаго Пѣвца.

Напеч. в «Росс. Муз.» 1815 г.; за доставление редакция благодарила родственников. Ранее стихи были прочитаны П—ым на публичном экзамене в присутствии Державина (описание см. т. III, автобиографические заметки). Сохранились две рук.:—черн. и автограф, переписанный для Державина с надписью: «Пушкин, на лицейском экзамене». В рук. вар., среди них:

Строфа	2:	Окрестность освѣтила вдругъ...
»	5:	Воспомяненья древнихъ лѣтъ...
»	6:	Протекшіе вѣка мелькаютъ предъ очами...
»	6:	Въ блестящей пѣнѣ поднялась...

- Строфа 8: Потомки доблестныхъ Славянъ
 Перушь на поляхъ побѣдныхъ возблитали...
 » 9: Возсталъ Наполеонъ—и вскорѣ новой брани...
 » 17: Туда веселіе на крыльяхъ не летѣть...
 » 21: Какъ древнихъ лѣтъ пѣвецъ, какъ лебедь странъ Эллины...

Росская Минерва—Екатерина II. Орловъ, Румянцовъ, Суворовъ—полководцы, которым писали хвалебные оды *Державинъ* и *Петровъ*. *Зевсовъ перунъ*—гром и молнія, как атрибуты (принадлежности) всемогущаго Зевса. *Беллона*—богиня войны. *Внукъ Екатерины*—Александр I. *Скальдъ*—народный певец, собств. в Шотландіи. *Галлы*—французы. *Вселенной бичъ*—Наполеон I *Славянской бардъ дружины*—Жуковский, автор «Пѣвца въ станѣ русскихъ всичовъ» *Елизіумъ, Аониды* (музы) и др. мифологическія имена см. Общ. прим. *Эллина*—Эллада, др. Греція. Любопытно сравнить эти юношескія стихи П—а, с их официальным патриотизмом и позднѣйшія сужденія П—а о Наполеоне, Александре, 1812 году и т. д., см. особенно 1823 г. «Стрѣвожъ», черн. набр. и X главу «Евг. Онѣгина». Текст по «Росс. Муз.»; правописание—по авт.

1815 ГОД.

1. КЪ ДЕЛЬВИГУ.

.ОТВѢТЬ.

Послушай, Музъ невинныхъ
 Лукавый духовникъ:
 Жилецъ полей пустынныхъ,
 Поэтовъ грѣшный ликъ
 Умножилъ я собою,
 И я главой поникъ
 Предъ милою мечтою.
 Мой дядюшка-поэтъ
 На то мнѣ далъ совѣтъ
 И съ Музами сосваталъ.
 Сначала я шалилъ,
 Шутя стихи кроилъ,
 А тамъ ихъ напечаталъ—
 И вотъ теперь я братъ
 Безтолкову пустому,—
 Тому, сему, другому,
 Да я жъ и виновать.
 Спасибо за посланье!
 Но что мнѣ пользы въ немъ?
 На грѣшника потомъ—
 Вѣдь стануть въ посмѣянье
 Указывать перстомъ.
 Измѣнникъ! съ Аполлономъ
 Ты видно за одно;—
 И мнѣ прослыть Прадономъ
 Отнынѣ суждено.
 Вездѣ бѣды застану.—
 Увы мнѣ, метроману,
 Куда сокроюся я?
 Предатели друзья
 Невинное творенье
 Украдкой въ городъ шлютъ

И плодъ уединенья
 Тисненью предають.—
 Бумагу—убиваютъ,
 Псѣта—окружаютъ
 Съ улыбкой остряки.
 „Ахъ, судары! мнѣ сказали—
 „Вы пишите стишки?
 „Увидѣть ихъ нельзя-ли?—
 „Вы въ нихъ изображали
 „Конечно ручейки,
 „Конечно, василечикъ,
 „Иль тихой вѣтерочикъ,
 „И роци и цвѣтки...“
 О, Дельвигъ, начертали
 Мнѣ Музы мой удѣлъ;
 Но ты ль мои печали
 Умножить захотѣлъ?
 Въ объятіяхъ Морфея
 Безпечной духъ ледя,
 Еще хотъ годъ одинъ
 Позволь мнѣ полѣниться
 И нѣгой насладиться:
 Я, право, нѣги сынъ!
 А тамъ, хотъ нѣтъ охоты,
 Но придуть ужъ заботы
 Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
 Я буду принужденъ
 Съ журналами еражаться,
 Съ газетой торговаться,
 Съ Графовымъ восхищаться...
 Помилуй, Аполлонъ!

1815.

Сохранилось в двух авт первоначальная ред и позднейшая, куда внесены и поправки 1825 г. Даем познейшую лицейскую ред. по авт. В первоначальной, кроме мелких отличий, были стихи, откинутые впоследствии.

После ст. 17:

Да ты же мнѣ въ досаду
 (Что скажетъ бѣлой свѣтъ?)
 Жужжишь Икару волѣдъ
 Стихами до насаду:
 «Смотрите: вотъ поэтъ!»

После ст. 22:   Когда бь подобны были
 Моимъ твои стихи,
 То скоробь всѣ забыли,
 Что Пушкинъ за грѣхи
 Въ поэзію влюбился
 И ходитъ на Парнасъ,
 Покою поклонился
 И пишетъ въ доброй часѣ.

Стихи были написаны, как «отвѣтъ» на послание Дельвига, напечатанное в «Росс. Муз.» 1815 г., № 9, где были стихи.

Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется,
 Муза выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
 И отъ смертныхъ пожититъ безсмертнаго
 Аполлонъ на Олимпѣ торжествующій.

Прадонъ—плохой франц поэт *Метроманъ*—одержимый стихописатель в вом. *Икаръ*, по мифу, взлетел со своим отцом Дедалом к небу на восковых крыльях, но упал в море и погиб. *Графовъ*— условное имя плохого стихотворца. *Морфей* и др см Общ. прим. В 1825 г. П. вновь переделал это стихотв.; см. Прил. II. Надпеч. Досм. изд.

2. НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
 Надъ мрачной Эльбою носилась тишина,
 Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгада
 Туманная луна:
 Уже на западѣ, сѣдой одѣтый мглою,
 Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ;
 Одинъ во тмѣ ночной надъ дикою скалою
 Сидѣлъ Наполеонъ.
 Въ умѣ губителя тѣснились мрачны думы,
 Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ,
 И къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,
 Свирѣпо прошепталъ:
 „Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
 Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
 Не выплыветъ ни утлый въ море чолнъ,
 Ни гладный звѣрь не вззоетъ надъ могидой,—
 Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
 О, скороли, напѣнясь подъ рулями,
 Меня помчитъ покорная волна,
 И спящихъ водъ прервется тишина?...
 Волнуйся, ночь, надъ Эльбскими скалами!
 Мрачнѣе тмись за тучами, луна!
 Тамъ ждуть меня безстрашныя дружины,
 Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй!
 Ужъ миръ лежитъ въ оковахъ предо мною!
 Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины,
 И гряну вновь погибельной грозой!
 И вспыхнетъ брань! за Галльскими орлами
 Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полетитъ,
 Кровавой токъ въ долинахъ закипитъ
 И троны въ прахъ низвергну я громами,
 И сокрушу Европы дивной щитъ!..
 Но вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
 Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
 Не выплыветъ ни утлый въ море чолнъ,
 Ни гладный звѣрь не вззоетъ надъ могидой,—
 Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
 О щастье! злобной оболъ ститель,

И ты, какъ сладкой сонъ, сокрылось отъ очей,
 Среди бурей тайный мой хранитель
 И вѣрной пѣстунъ съ юныхъ дней!
 Давноль невидимой стезею
 Меня ко трону ты вело,
 И скрыло дерзостной рукою
 Въ вѣнцахъ лавровое чело!
 Давноли съ трепетомъ народы
 Несли мнѣ робко дань свободы,
 Знамена чести преклоня,
 Дымились громы вокругъ меня,
 И слава въ блескѣ надъ главою
 Неслась, прикрывъ меня крыломъ?...

Но туча грозная нависла надъ Москвою,
 И грянулъ мести громъ!...

Полнощи Царь молодой!—ты двинулъ ополченья,—
 И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ,
 Отозвалось могущаго паденье,
 И миръ землѣ, и радость небесамъ,
 А мнѣ—позоръ и заточенье!
 И раздробленъ мой звонкой щитъ,
 Не блещетъ шлемъ на полѣ браней;
 Въ прибрежномъ знакѣ мечъ забыть
 И тускнеть на туманѣ.

И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей
 Напрасно чудится мнѣ смерти завыванье
 И стукъ блистающихъ мечей,
 И падшихъ ярое стенанье—

Лишь блещущимъ волнамъ внимаешь жадной слухъ:
 Умолкъ сраженій кликъ знакомый,
 Вражды кровавой гаснутъ громы
 И факель мщенія потухъ.

Но близокъ часъ! грядетъ минута роковая!
 Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ,
 Кругомъ простерта мгла густая,
 И взоромъ гибели сверкая,

Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.—
 Страшись, о, Галлія! Европа! мщенье, мщенье!
 Рыдай—твой бичъ возсталъ—и все падетъ во прахъ,
 Все сгибнетъ—и тогда, въ всеобщемъ разрушеньѣ,
 Царемъ возсяду на гробахъ!..

Умолкъ—на небесахъ лежали мрачны тѣни,
 И мѣсяцъ, дальнихъ тучъ покинувъ темны сѣни,
 Дрожащій, слабой свѣтъ на западъ изливалъ—
 Восточная звѣзда играла въ Океанѣ
 И зрѣлася ладья, бѣгущая въ туманѣ

Подъ сводомъ Эльбскихъ грозныхъ скалъ.—
 И Галлія тебя, о хищникъ, осѣнила;
 Побѣгли съ трепетомъ законные Цари.—
 Но зришь ли? гаснетъ день, мгновенно тма сокрыла
 Лице пылающей зари,

Простерлась тишина надъ бездною сѣдою,
 Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ,
 Все смокло... трепещи! погибель надъ тобою,
 И жребій твой еще сокрыты!

Напеч. «Сын Отечества» 1815 г. Авт. не сохранилось. Очевидно, написано в марте 1815 г., когда в Петроград пришло известие, что Наполеон I покинул остров

Эльбу, данный ему во владение после 1814 г., и вернулся во Францию (за чем последовали «сто дней» вторичного правления Наполеона). *Галлія*—Франция. См. примеч. к стихотв. «Воспоминанія въ Ц. С.» Стихотв. тоже проникнуто официальными сужденіями о Наполеоне, который для П-а-лицейста «хищникъ» и т. под.

3. ВОСПОМИНАНИЕ.

къ пуцину.

Помнишь ли, мой братъ по часѣ,
 Какъ въ отраднѣй тишинѣ,
 Мы топили горе наше
 Въ чистомъ, пѣнистомъ винѣ?
 Какъ, укрывшись молчаливо
 Въ нашемъ темномъ уголкѣ,
 Съ Вахкомъ нѣжились лѣниво
 Школьной стражи вдалекѣ?
 Помнишь ли друзей шептанье
 Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
 Рюмокъ грозное молчанье,
 Пламя трубокъ грошевыхъ?
 Закипѣвъ, о сколь прекрасно
 Токи дымные текли!...
 Вдругъ педанта гласъ ужасной
 Намъ слышался вдали.—

И бутылки вмигъ разбиты,
 И бокалы всѣ въ окно,
 Всюду по полу разлиты
 Пуншъ и свѣтлое вино.
 Убѣгаемъ торопливо;
 Вмигъ исчезъ минутный страхъ!
 Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривой,
 Умъ и сердце на устахъ,
 Хототь чистаго веселья,
 Неподвижной тусклой взоръ—
 Измѣняли чадъ похмелья.
 Сладкой Вахха заговоръ!
 О друзья мои сердечны!
 Вамъ клянуса, за столомъ,
 Всякій годъ, въ часы безпечны,
 Поминать его виномъ.

Авт. не сохранилось; известно по лицейским спискам, тождественным между собою. Стихотв. описывает школьническую пирушку, бывшую в конце 1814 г., о кот. см. еще эпиграмму 1815 г. *Измѣняли* в смысле «выдавали» — галлицизм. *Педантъ*, здесь, — учитель, наставник. *Вахкъ* см. Общ. прим, Напеч. Посм. изд.

4. ЛИЦИНИЮ.

съ латинскаго.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
 Увѣнчанъ лаврами, въ блестящей багряницѣ,
 Спесиво развалясь, Ветулій молодой
 Въ толпу народную летить по мостовой?
 Смотри, какъ всѣ предъ нимъ усердно спину клонять;
 Какъ ликторовъ полки народъ несчастный гонять!
 Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
 Съ покорностью ему умильный мечуть взглядъ,
 Ждутъ въ тайномъ трепетѣ улыбку, глазъ движенья,
 Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
 И дѣти малыя, и старцы съ сѣдиной,
 Стремятся всѣ за нимъ и взоромъ и душой,
 И даже слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнной,
 Какъ нѣкій памятникъ имъ кажется священной.
 О Ромуловъ народъ, предъ кѣмъ ты палъ во прахъ?
 Предъ кѣмъ возчувствовалъ въ душѣ столь низкій страхъ?
 Квириты гордые подъ иго преклонились.
 Кому жъ, о небеса, кому поработились?
 (Скажу ль?) Ветулю! Отчизны стыдъ моей,
 Развратной юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
 Любимецъ деспота Сенатомъ слабымъ править,
 На Римъ простеръ яремъ, отечество безславить;
 Ветулій—Римлянъ царь!.. О, срамъ, о, времена!
 Или вселенная на гибель предана?
 Но кто подъ портикомъ, съ руками за спиною,

Въ изорванномъ плащѣ и съ нищенской клякотою,
 Покинувъ головой, нахмурившись, идетъ?
 Не ошибаюсь я, философъ то Даметъ.
 „Даметъ, куда, скажи, въ одеждѣ столь убогой,
 „Средь Рима пышнаго бредешь своей дорогою?“
 — „Куда—не знаю самъ. Пустыни я ишу:
 „Среди разврата жить ужь болѣ не хочу;
 „Япетовыхъ дѣтей пороки, злобу вижу,
 „Навѣкъ оставлю Римъ: я людства ненавижу.“
 Лициній, доброй другъ! не лучше ли и намъ,
 Отдавъ поклонъ мечтѣ, Фортунѣ, суетамъ,
 Съдаго стойка примѣромъ научиться?
 Не лучше ль поскорѣй со градомъ распроститься,
 Гдѣ все на откупъ: законы, право,
 И жены, и мужья, и честь, и красота?
 Пускай Глицерія, красавица младая,
 Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
 Другихъ неопытныхъ въ любовну любовь сътъ.
 Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣть;
 Летитъ отъ старика любовь въ толпѣ веселій.
 Пускай безстыдный Клитъ, вельможей рабъ Корнелій,
 Оставля ложе сна съ запѣвшимъ пѣтухомъ,
 Отъ знатныхъ къ богачамъ бѣгутъ изъ дома въ домъ!
 Я сердцемъ—Римлянинъ; кипитъ въ груди свобода;
 Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
 Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
 Безумныхъ гордецовъ, обманчивыхъ красотъ,
 Докучныхъ риторовъ, парнасскихъ Геростратовъ;
 Въ деревню перенесемъ отеческихъ Пенатовъ!
 Въ гнѣистой рощицѣ, на берегу морскомъ,
 Найти не трудно намъ красивой, свѣтлой домъ,
 Гдѣ больше не страшась народнаго волненья,
 Подъ старость отдохнемъ въ тиши уединенья.
 И тамъ, расположась въ уютномъ уголкѣ,
 При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
 Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фиаломъ,
 Свой духъ воспламеню Петрономъ, Ювеналомъ,
 Въ гремящей сатиры порокъ изображу
 И нравы сихъ вѣковъ потомству обжаю.
 О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
 Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья.
 Предвижу грознаго величя конецъ:
 Падеть, падеть во прахъ вселенныя вѣнецъ.
 Народы дикіе, сыны свирѣпой брани,
 Войны ужасный мечъ пріявъ въ кровавы длани,
 И горы и моря оставятъ за собой
 И хлынутъ на тебя кипящею рѣкой.
 Изчезнетъ Римъ; его покроетъ мракъ глубокой;
 И путникъ, обративъ на груди камней око,
 Речетъ, задумавшись, въ мечтанияхъ углубленъ:
 „Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ.“

Авт. не сохранилось. Нанѣч «Росс. Муз.» 1815 г., перепеч в изд. 1826 г. Стихи показывают, что П-лицейск из чтенія и школьных уроков сумел глубоко постичь дух древнего Рима. Поэтическое живо напоминает сатиры римского поэта Ювенала (I—II в по Р X) и, как они, проникнуто любовью к народной свободе. *Сенаторы*, *консулы*—высшие должностные лица в древн. Риме *Ликторы*, собств.,—стражи консулов. *Дети Япета*—люди вообще *Ромуловъ народъ*—римляне, *Квирины*—то же (Ромул, он же Квирин,—мифический римский царь). *Фортуна*—богиня судьбы *Стоики*—философы

стойческой школы, учившей твердости духа *Герострат*—тип человека, жаждущего славы (он ради того сжег знаменитый храм Артемиды) *Петрон*, правильное Петроний,—сатирик времен Нерона (I в по Р. X) *Народы дикие*—германские племена, в эпоху великого переселения народов сокрушившие Римскую империю (V—VI в по Р. X) *Лилиний*, *Дамет*, *Клит*, *Ветулий*, *Глицерия*, *Корнелий*—вымышленные имена *Пенаты* и др. см. Общ. прим. В Прил. И см переработку этого отикета. для изд. 1826 г.

5 СТАРИКЪ

ИЗЪ МАРОТА.

Ужъ я не тотъ философъ страстной,   Амуръ, свѣтъ возраста златова!
Что прежде такъ любить умѣлъ,   Боговъ тебя всѣхъ болѣ чтилъ;
Моя весна и лѣто красно   Ахъ! естлибъ я родилсѣ снова,
Ушли—за тридцать земель!   Ужъ такъ ли бы тебѣ служилъ.

Напеч. «Росс. Муз.» 1815 г.; перепеч., в измененной ред., изд. 1826 г. Сохранилось в авт., текст кот. я даю. *Клемакъ Маротъ* (правильнее: Маро)—франц. поэт XVI в. Переделку стихотв. 1826 г. см. Прил. II.

6. ВОДА И ВИНО

Люблю я въ полдень въспаленной   Да будетъ проклять дерзновенной,
Прохладу черпать изъ ручья,   Кто первый грѣбною рукой,
И въ рощѣ тихой, отдаленной   Нечестьемъ буйнымъ ослѣпленной,
Смотрѣть, какъ плещетъ въ брегъ   О, страхъ!.. смѣсиль вино съ водой!
струя.   Да будетъ проклять родъ злодѣя!
Когда жъ вино въ края поскочетъ,   Пускай не въ силахъ будетъ вить
Напѣваясь въ чашѣ круговой,   Или, стаканами владѣя,
Друзья, скажите—кто не плещетъ   Лафить съ Цымлянскимъ разли-
Заранѣ радуясь душой?   чить!

Авт. не сохранилось. Напеч. «Росс. Муз.» 1815 г. «Пиръ» лицейской происходили более в воображении, чем в действительности

7. БАТЮШКОВУ.

Въ пещерахъ Геликона
Я нѣкогда рожденъ;
Во имя Аполлона
Тибулломъ окрещенъ,
И свѣтлой Иппокреной
Съ издѣтства напоенный,
Подъ кровомъ вешнихъ розъ
Поэтомъ я возроенъ.

Веселый сынъ Эрмія
Ребенка полубилъ,
Въ дни рѣзвости златыя
Мнѣ дудку подарилъ
Знакомясь съ нею рано,
Дудилъ я непрестанно;
Нескладно хотъ игралъ,
Но Музамъ не кучалъ.

А ты, пѣвецъ забавы
И другъ Пермесскихъ дѣвъ,
Ты хочешь, чтобы славы
Стезею полетѣвъ,
Простясь съ Анакреономъ,
Спѣшилъ я за Марономъ,
И пѣлъ при звукахъ лиръ
Воины кровавый пиръ.

Дано мнѣ мало Фебомъ:
Охота, скудный даръ.
Пою подъ чуждымъ небомъ,
Вдали домашнихъ Ларъ,
И съ дерзостнымъ Икаромъ
Страшась летать недаромъ,
Вреду своимъ путемъ:
Будь великой при своемъ!

Авт. не сохранилось. Напеч. «Росс. Муз.» 1815 г. Написано уже после личнаго знакомства П—а с Батюшковым. Стихи—попытка осознать свое призвание. *Пермесскія дѣвы*—музы. *Анакреотъ*—др.-греческий, *Тибулль*—др.-римский поэтъ любви, Вергилий *Маронъ*—авторъ эпоса «Энеида», *Лары*—домашние боги. *Икаръ, сынъ Эрмія (Панъ)* и др. об. *Раньше* и см. Общ. прим. «Будь каждый при своемъ»—стих Жуковского.

8. КЪ ПУЩИНУ

4 мая.

Любезной имянинникъ,
 О Пушкинъ дорогой!
 Прибрелъ къ тебѣ пустынный
 Съ открытою душой;
 Съ пришельцемъ обнимися,
 Но добраго пѣвца
 Встрѣчать не суетися
 Съ параднаго крыльца:
 Онъ гость безъ этикета,
 Не требуетъ привѣта
 Лукавой суеты;
 Примижь его лобзанья
 И чистыя желанья
 Сердечной простоты!
 Устрой гостямъ пирушку:
 На столикъ вощеной
 Поставь пивную кружку
 И кубокъ пуншевой.
 Старинной собутыльникъ!
 Забудемся на часъ.
 Пускай ума свѣтильникъ
 Погаснетъ нынѣ въ насъ,
 Пускай старикъ крылатый
 Летитъ на почтовыхъ!
 Намъ дорогъ мигъ утраты
 Въ забавахъ лишь однихъ.
 Ты счастливъ, другъ сердечный:
 Въ спокойствии златомъ
 Течетъ твой вѣкъ безпечный,
 Проходитъ день за днемъ,

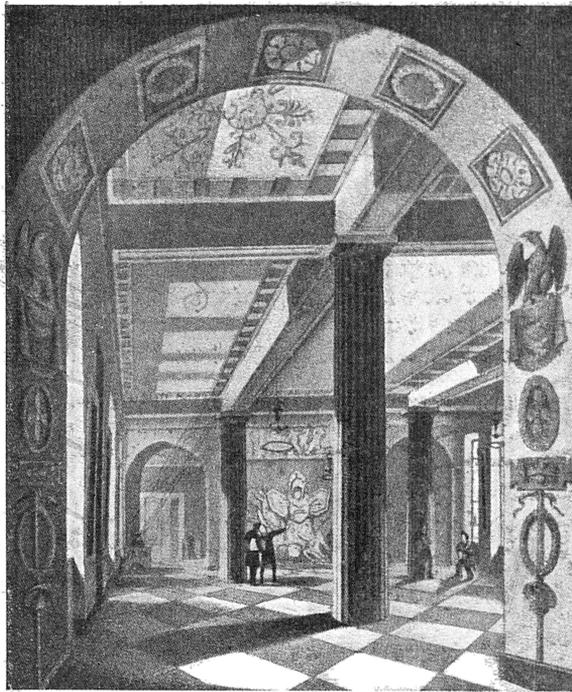
И ты въ бесѣдѣ Грацій,
 Не зная черныхъ бѣдъ,
 Живешь, какъ жилъ Горацій,
 Хотя и не Поэтъ.
 Подъ кровомъ небогатымъ
 Ты вовсе незнакомъ
 Съ зловѣщимъ Иппократомъ,
 Съ нахмуреннымъ попомъ;
 Не видишь у порогу
 Толпящихся заботъ;
 Нашли къ тебѣ дорогу
 Веселость и Эротъ;
 Ты любишь звонъ стакановъ
 И трубки дыма густой,
 И Демонъ Метромановъ
 Не властвуетъ тобой.—
 Ты счастливъ въ этой долѣ:
 Скажи, чего же болѣ
 Мнѣ другу пожелать?
 Придется замолчать...
 Дай Богъ, чтобъ я съ друзьями
 Встрѣчая сотый Май,
 Покрытый сѣдинами,
 Сказалъ тебѣ стихами:
Вотъ кубокъ, наливай!
 Веселье, будь до гроба
 Сопутникъ вѣрный нашъ,
 И пусть умремъ мы оба
 При стукѣ полныхъ чашъ!
 4 Мая (1815 г.)

Сохранилось в беловом автографе мелкие вставки: «Придется мнѣ молчать...» и т. под. Напеч. «Росс. Муз.» 1815 г. Имянинникъ Ив. Ив. Пушкинъ былъ 8 мая, след. помета «4 Мая» указываетъ, когда стихи написаны *С парикъ крылатый*—Хронос (Сатурн), богъ времени. *Иппократъ*—знаменитый в древности врач. *Метроманъ* и др. об. раньше.

9. КЪ ГАЛИЧУ.

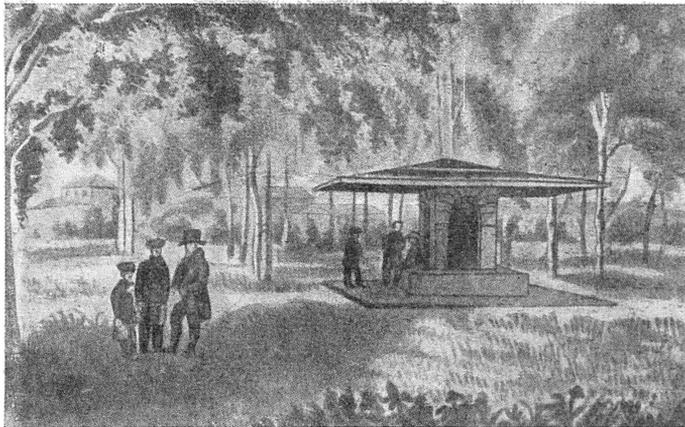
Пускай угрюмой Рифмотворъ,
 Повитый макомъ и крапивою,
 Холодныхъ одъ творецъ ретивой,
 На скучный ладъ сплетая вздоръ,
 Зоветь обѣдать Генерала;
 О Галичъ, вѣрный другъ бокала
 И жирныхъ утреннихъ пировъ,
 Тебя зову, мудрецъ лѣнливой,
 Въ пріютъ поэзии счастливой,
 Подъ отдаленный нѣги кровъ.—
 Давно въ моемъ уединеніи,
 Въ кругу бутылокъ и друзей,
 Не зрѣли кружки мы твоей,
 Подруги долгихъ наслажденій,
 Остротъ и хохота гостей.
 Въ тебѣ трудиться нѣтъ охоты;

Садясь на тройку злыхъ коней,
 Оставь Петрополь и заботы,
 Лети въ счастливый городокъ
 Зайди къ Жиду Золотареву
 Въ его всѣмъ общій уголокъ;
 Мы тамъ, собравшись въ кружокъ,
 Прольемъ вина струю багрову,
 И съ громомъ двери на замокъ
 Запретъ веселье молодое.
 И хлынетъ пиво золотое;
 И гордый на столъ пирогъ
 Друзей стѣсненными рядами,
 Сверкая свѣтлыми ножами,
 Съ тобою храбро осадимъ,
 И мигомъ стѣны разгромимъ;
 Когдажъ виномъ отягощенный,

Зал Лицея.

С литографии П. Бореля.

„Грибок“ в саду Лицея.

С современной акварели.

Съ главою въ колѣни преклоненной,
 Захочешъ въ мирѣ отдохнуть,
 И опускаясь въ подушку,
 Дабы покойнѣе заснуть,
 Уронишь налитую кружку
 На старой, бархатной диванъ:
 Тогда посланія, куплеты,
 Баллады, басенки, сонеты
 Покинутъ скромной нашъ кар-
 мань,
 И крѣпокъ сонъ лѣнивца будетъ!..
 Но рюмокъ звонъ тебя разбудить,
 Ты вскочишь съ бодрой головой,
 Оставишь смятую подушку,
 Подынешъ милую подружку—
 И въ кельѣ снова пиръ горой.

В авт. сохранился небольшой отрывок. Нанеч. «Росс. Муз.» 1815 г., под загл.: «Къ Г...у». А. И. Галичъ—профессор Лицея, см. Вступ. оч. В авт. вар.:

Ст. 1—3: Пускай угрюмой стихотворъ,
 Писецъ холодной и .....
 Подправа риемой вялой вздоръ...
 30—32: Зайди въ мой мирной уголокъ,—
 Вино тамъ хлынетъ золотое,
 Явится на столѣ пирогъ...
 48—51: О Галичъ, близокъ, близокъ часъ,
 Когда послышу славы гласъ,
 Покинувъ кельи кровъ пустынный,
 Забывъ волшебной мой Парнасъ,
 Златой досугъ и миръ мевинный...

О намерении П—а поступить на военную службу см. стихи 1817 г. *Золотаревъ*—содержатель ресторана.

10. МЕЧТАТЕЛЬ.

1. По небу крадется луна,
 На холмѣ тма сѣдѣть,
 На воды пала тишина,
 Съ долины вѣтеръ вѣетъ,
 Молчитъ пѣвица вешнихъ дней
 Въ пустынѣ темной рощи,
 Стада почили средь полей,
 И тихъ полетъ полнощи.
2. И мирной нѣги уголокъ
 Ночь сумракомъ одѣла,
 Въ каминѣ гаснетъ огонекъ,
 И свѣчка нагорѣла;
 Стоитъ богдвѣ домашнихъ ликъ
 Въ кивотѣ небогатомъ
 И блѣдный теплится ночникъ
 Предъ глинянымъ Пенатомъ.
3. Главою на руку склоненъ,
 Въ забвеніи глубокомъ,
 Я въ сладки думы погруженъ
 На ложѣ одинокомъ;
 Съ волшебной ночи темнотой,
 При мѣсячномъ сіяньи,
 Слетаютъ рѣзвою толпой
 Крылатая мечтаныя.
4. И тихой, тихой льется гласъ;
 Дрожать златыя струны.
 Въ глухой, безмолвной мракъ
 часть
 Поетъ мечтатель юный;
 Исполненъ тайною тоской,
 Молчаньемъ вдохновенный,
 Летаешь рѣзвою рукой
 На лирѣ оживленной.
5. Блаженъ, кто въ низкой свой
 шалашъ
 Въ мольбахъ не проситъ
 Щастья!
 Ему Зевесъ надежный стражъ
 Отъ грознаго ненастья;
 На макахъ лѣни, въ тихой часъ.
 Онъ сладко засыпаетъ,
 И бранныхъ трубъ ужасной
 гласъ
 Его не пробуждаетъ.
6. Пускай, ударя въ звучный щитъ
 И съ видомъ дерзновеннымъ
 Мнѣ Слава издали грозитъ
 Перстомъ окровавленнымъ,

И ближнихъ, и друзей?
 Ужель въ театрѣ шумномъ,
 Гдѣ дюжій Аполлонъ
 Партеромъ полоумномъ
 Прославленъ, оглушенъ,
 Измученный напѣвомъ
 Безсмысленныхъ стиховъ,
 Ты спишь подъ страшнымъ ре-
 вомъ

Актеровъ и смычковъ?
 Или, мудрецъ придворной,
 Съ улыбкою притворной
 Предъ лентою цвѣтной
 Поникнувъ головой,
 Съ вертушкою слѣпой
 Знакомиться желаешь?
 Иль Креза за столомъ
 Въ куплетъ заказномъ
 Трусливо величаешь?...
 Нѣтъ, добрый Галичъ мой,
 Поклону ты не сроденъ,
 Другъ мудрости прямой,
 Правдивъ и благороденъ;
 Онъ любитъ тишину;
 Судьбѣ своей послушной,
 На барскую казну
 Взираетъ равнодушно,
 Рублямъ откупщика
 Смѣясь веселымъ часомъ;
 Не сниметъ колпака
 Философъ предъ Мидасомъ.
 Пускай не друженъ онъ
 Съ Фортуною коварной,
 Но Вакхомъ награжденъ
 Философъ благодарной,
 Когда сей богъ младой,
 Вечернею порой,
 Лафитъ и грокъ янтарный
 Съ улыбкой на устахъ
 Въ стеклѣ ему подносить
 И каплю выпить просить,
 Качаясь на ногахъ.
 Мечтанье обнимая,
 Любовь его ведетъ,
 И дружба молодая
 Вѣнки ему плететь.

И, щастливъ онъ, признаться,
 На дѣлѣ, не въ мечтахъ,
 Когда минуты мчатся
 Веселья на крылахъ,
 Когда друзья-Поэты
 Съ утра до ночи съ нимъ,
 Шумять, поютъ куплеты,
 Пьютъ *мозель* разогрѣтый,
 Пріятелямъ своимъ
 Посланія читаютъ,
 И трубку разжигаютъ
Безриемнымъ лихимъ!...

Оставь же городъ скучной,
 Съ друзьями съединись
 И съ ними не разлучно
 Въ пустынѣ уживись.
 Бѣги, бѣги Столицы,
 О, Галичъ мой, сюда!
 Здѣсь розовой денницы
 Не видя никогда,
 Лѣнясь подъ одѣяломъ
 Съ Тибурскимъ мудрецомъ,
 Мы часто за бокаломъ
 Проснемся—и заснемъ.
 Смотри, тебѣ въ награду
 Нашъ Дельвигъ, нашъ Поэтъ,
 Несетъ свою балладу,
 И стансы винограду,
 И къ лиліи куплетъ,
 И полонъ становится
 Твоей малой, тѣсной домъ.
 Вотъ съ милымъ острякомъ
 Нашъ пѣсельникъ тащится
 По лѣстницѣ съ гудкомъ,
 И всѣ къ тебѣ нагрянемъ—
 И снова каждый день
 Стихами, прозой станемъ
 Мы гнать печали тѣнь.
 Подруги молодья
 Насъ будутъ посѣщать;
 Намъ жизни дни златые
 Не страшно разточать.
 Подѣлимся съ забавой
 Мы вѣкомъ остальнымъ,
 Съ волшебницею—Славой
 И съ Вакхомъ молодымъ.

Авт. не сохранилось. Напеч. «Росс. Муз.» 1815 г. А. И. Галичъ см. раньше.
Крезъ—знаменитый в древности богач; *Мидасъ*—мифический царь с ослиными ушами.
Тибурскій мудрецъ—поэт Гораций. *Безриеминъ*—условное имя. *Фебовы сестрицы* (музы),
Пиндъ, Комъ, Бахусъ (Вакхъ) и др. см. Общ. прим. Стихотв.—проповедь независимости.

12. ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Все въ таинственномъ молчаньи,
 Холмъ одѣлся темнотою;
 Дремлетъ въ облачномъ сіяньи
 Полумѣсяцъ молодой.

Темныхъ миртовъ занавѣса
 Наклонилася къ водамъ;
 Въ ихъ сѣни, у входа лѣса
 Чью гробницу вижу тамъ?

Розы юныя алѣютъ
 Камня древняго кругомъ,
 И зефиры ихъ не смѣютъ
 Свѣять трепетнымъ крыломъ.
 Вижу: лира надъ могилой
 Дремлетъ въ сладкой тишинѣ;
 Лишь порою звонъ унылой,
 Будто лѣни голосъ милой,
 Въ мертвой слышится струнѣ.
 Вижу: горлица на лирѣ,
 Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...
 Други, други, въ вѣчномъ мирѣ
 Здѣсь Теоской спитъ мудрецъ.
 Посмотрите: на гробницѣ
 Сынъ отрадъ изображень;
 Здѣсь на вѣтреной цѣвницѣ
 Рѣзвой нашъ Анакреонъ,
 Красотой очарованный,
 Нѣжно гимны ей поетъ;
 Виноградомъ увѣнчанный
 Въ чашу сокъ его лиетъ.
 Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
 Говоря: я сѣдъ и старъ
 Жизнью дайте жъ насладиться;
 Жизнь, увы, невѣчный даръ!

Читано В. Л. П.—ымъ в Общ. Л. Р. С. и напеч. его «Труды» 1818 г.; перепеч. изд. 1826 г., см. Прил. II. Сохранилось в списке, где поправки 1825 г., в том числе выпущенныхъ позднее стиховъ:

Ст. 21: Здѣсь Киверы скрытъ мудрецъ...
 23: Щастья сынъ изображень...
 24: Здѣсь на сладостной цѣвницѣ...

Изменение ст. 3: «Ходить» вм. «Дремлетъ», м. б., сделано еще в Лицее. Анакреонъ—др.-греческий поэт, славивший в старости любовь и вино; он же—Теоской мудрецъ; Теосъ (Теосъ)—остров, откуда поэт был родом. Хариты, Кивера и др. см. Общ. прим. В средней части стихотв. пересказаны те оды (вряд ли подлинныя), которые известны с именем Анакреона. Подробнее о нем см. при позднейших переводах П—а его стихотв. II. мог внять эти оды по переводам франц., Державина и др.

13. МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ДРУЗЬЯМЪ.

Нѣтъ, полно, полно мнѣ терпѣть!
 Дорожный посохъ мнѣ наскучилъ,
 Угрюмый Рокъ меня замучилъ,
 Хочу я завтра умереть,
 И въ міръ волшебной наслажденья
 На тихой берегъ водъ забвенья
 Веселой тѣнью полетѣть...
 Прости навѣкъ очарованье,
 Отрада жизни и любви!
 Приблизьтесь, о друзья мои,
 Благоговѣнье и вниманье!
 Пѣвецъ рѣшилсѣ умереть.
 Итакъ, съ вечернею луною
 Въ саду нельзя ли дернъ одѣть
 Узорной бѣлой пеленою?
 На темной берегъ сонныхъ водъ,
 Гдѣ мы вели бесѣды наши,
 Нельзя ль устроая длинный ходъ,
 Нести наполненныя чаши?

Здѣсь на лиру кинувъ длани
 И нахмуря важно бровь,
 Хочетъ пѣть онъ бога брани,
 Но поетъ одну любовь.
 Здѣсь готовится природѣ
 Тяжкій долгъ онъ заплатитъ:
 Старой пляшетъ въ хороводѣ,
 Жажду проситъ утолить.
 Вкругъ философа сѣдаго
 Дѣвы скачутъ и поютъ;
 Онъ у времени скупаго
 Крадетъ нѣсколько минутъ.
 Вотъ и Музы и Хариты
 Въ гробъ любимца увели:
 Плющемъ, розами повиты,
 Игры, смѣхи вслѣдъ ушли...
 Онъ исчезъ, какъ наслажденье,
 Какъ невнятный вздохъ любви.
 Смертный, вѣкъ твой приви-
 дѣнье:

Щастье рѣзвое лови;
 Наслаждайся, наслаждайся;
 Чаще кубокъ наливай;
 Страстью пылкой утомляйся,
 И за чашей отдыхай!

Зовите на послѣдній пиръ
 Спѣсивой Семелеи сына,
 Эрота, друга нашихъ лирѣ,
 Боговъ и смертныхъ Властелина.
 Пускай веселье прибѣжитъ,
 Махая рѣзвою гремушкой,
 И насъ отъ сердца размѣшитъ
 За полной, пѣнистою кружкой.
 Пускай игривою толпой
 Слетятъ родныя наши Музы,
 Имъ первый кубокъ круговой,
 Друзья! священны намъ ихъ узы.
 До ранней утренней звѣзды,
 До тихаго лучей разсвѣта,
 Не выйдутъ изъ руки поэта
 Фіалы братской череды...
 Въ послѣдній разъ мою цѣвницу,
 Мечтаній сладостныхъ пѣвицу,
 Прижму къ восторженной груди;

И брякнутьъ кольца золотыя
 Въ завѣтъ любви въ послѣдній разъ.
 А вы, подруги молодья,
 Спѣшите: дорогъ, дорогъ часъ!
 Въ послѣдній разъ, томимый нѣжно
 Не вспомню вѣчность и друзей;
 Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
 Упьюсь отрадой юныхъ дней.—

Когдажъ востокъ озолотится
 Во тмѣ денницей молодой,
 И бѣлый тополь озарится,
 Покрытый утренней росой,
 Подайте гроздь Анакреона,
 Онъ былъ учителемъ моимъ,
 И я сойду путемъ однимъ
 На грустный берегъ Ахерона...
 Простите, милые друзья!
 Подайте руку, до свиданья!
 И дайте, дайте обѣщанье,
 Когда навѣкъ укроюсь я,
 Мое исполнить завѣщанье.
 Приди, пѣвецъ мой дорогой,
 Воспѣвшій Вакха и Темиру,
 Тебѣ дарю я лѣнь и лиру,
 Да будутъ Музы надъ тобой!..

Ты не забудешь дружбы нашей,
 О Пущинъ, вѣтренный Мудрецъ!
 Прими съ моей глубокой чашей
 Увядшій миртовый вѣнецъ.
 Друзья! вамъ сердце оставляю
 И память прошлыхъ красныхъ дней,
 Моимъ подругамъ завѣщаю
 Воспоминаніе ночей,
 Утраченныхъ у ногъ Венеры,
 Въ лѣсахъ веселыя Цитеры,
 Окованныхъ щастливой лѣнью
 На ложѣ маковъ и лилей.
 Мои стихи дарю забвенью,
 Послѣдній вздохъ, о други, ей!

На тихой праздникъ погребенья
 Я васъ обязанъ пригласить;
 Веселость, другъ уединенья,
 Билеты будетъ разносить...
 Стекитесь рѣзвою толпою,
 Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою,
 И пусть на гробѣ, гдѣ пѣвецъ
 Изчезнетъ въ рошѣ Геликона,
 Напишетъ бѣглою вашъ рѣзецъ:
 „Здѣсь дремлетъ Юноша-Мудрецъ,
 Питомецъ нѣгъ и Аполлона.“

Известно в Беловом авт. и в списке Илличевского с позднейшими, 1825 г., поправками П—а. Беловой авт. небрежен, в нем ряд стихов без рифм; поэтому наш текст пополнен по списку Илличевского, но в основу положен авт. В авт. позднее вычеркнуты 3 первых стиха; четверост.: «И брякнуть кольца золотыя...»; неправильно расставлены стихи: «Друзья! вамъ сердце оставляю...» и след.; и первоначальные вар.:

Ст. 23: Боговъ и смертныхъ Господина...

39: И брякнуть перстни золотые...

41: А вы, товарищи младые...

64—67: Ты не забудешь дружбу нашу,
 О Пущинъ, Юноша-Мудрецъ,
 Прими мою въ подарокъ чашу
 И съ ней мой миртовой вѣнецъ...

74: И скованныхъ любовной лѣнью...

В 1825 г. П. начал переделывать это стихотв., но исправлений не закончил. Кроме 3 первых стихов, вычеркнуто еще 4, начиная от: «Пѣвецъ рѣшился умереть» и несколько в середине стихотв.;—4 стиха: «Моимъ подругамъ завѣщаю...» и др. Кроме того, исправлено несколько неточных выражений:

Ст. 21: Семелы радостнаго сына...:

42: Летите—дорогъ смерти часъ...:

44: Забуду вѣчность и друзей...

Сынъ Семелеи, правильное, *Семелы*—Вакх. *Ахеронъ*—река в подземном царстве мертвых. *Воды забвенья*—Лета. *Венера*—богиня любви, кот. посвящен был остров *Цитера*. *Пѣвецъ Вакха и Темиры* (условное имя)—Дельвиг. *Пущинъ*, *Дельвигъ*, *Анакреонъ* и др. об. раньше. *Цитера*, *Геликонъ* и др. см. Общ. прим. Стихотв.—мечта юноши П—а, как должен был бы умирать анакреонтический поэт, каким он считал себя в ту пору. Напеч. Посм. изд.

14. ПОСЛАНИЕ КЪ ЮДИНУ.

Ты хочешь, милый другъ, узнать
 Мои мечты, желанья, цѣли,
 И тихой гласъ простой свирѣли
 Съ улыбкой дружества внимать,
 Но можноль рѣзвому поэту,
 Невольнику мечты молодой,
 Въ картинѣ быстрой и живой

Изобразить въ порядкѣ свѣту
 Все то, что въ юности златой
 Воображеніе мнѣ кажетъ?
 Теперь, когда въ покоѣ лѣнь,
 Укрывъ меня въ пустыню сѣнь,
 Своею цѣлью чувства вяжетъ,
 И вѣкъ мой тихъ, какъ ясной день;

Пустова нѣги украшенья
 Не видя въ хижинѣ моей,
 Смотрю съ улыбкой сожалѣнья
 На пышность бѣдныхъ богачей
 И щастливый самимъ собою
 Не жажду горы серебра,
 Не знаю *завтра* ни *вчера*,
 Доволенъ скромною судьбою
 И думаю: къ чему пѣвцамъ
 Алмазы, яхонты, топазы,
 Порфирныя, пустыя вазы,
 Драгія куклы по угламъ?
 Къ чему имъ сукны Альбіона
 И пышныя чехлы Ліона
 На модныхъ креслахъ и столахъ?
 Какая нужда въ зеркалахъ,
 И ложе шалевое въ спальнѣ?
 Не лучше ли въ деревнѣ дальной,
 Или въ смиренномъ городкѣ,
 Вдали столицъ, заботъ и грома
 Укрыться въ мирномъ уголкѣ,
 Съ которымъ роскошь незнакома,
 Гдѣ можно въ праздникъ отдохнуть!
 О еслибы когда-нибудь
 Сбылись поэта сновидѣнья!
 Ужель отрадъ уединенья
 Ему вкусить не суждено?

Мнѣ видится мое селенье,
 Мое Захарово; оно
 Съ заборами въ рѣкѣ волнистой
 Съ мостомъ и рощею тѣнистой
 Зерцаломъ водъ отражено.
 На холмѣ домикъ мой; съ балкона
 Могу сойти въ веселой садъ,
 Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
 Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
 Гдѣ старыхъ кленовъ темной рядъ
 Возносится до небосклона,
 И глухо тополы шумятъ.
 Туда зарею поспѣшаю
 Съ смиреннымъ заступомъ въ ру-
 кахъ,

Въ лугахъ тропинку извиваю,
 Тюльпанъ и розу поливаю—
 И щастливъ въ утреннихъ трудахъ;
 Вотъ здѣсь подъ дубомъ наклонен-
 нымъ

Съ Гораціемъ и Лафонтеномъ
 Въ приятныхъ погруженъ мечтахъ.
 Вблизи ручей шумитъ и скачетъ
 И мчится въ влажныхъ берегахъ,
 И свѣтлой токъ съ досадой прячетъ
 Въ сосѣднихъ рощахъ и лугахъ.—

Но вотъ ужъ полдень.—Въ свѣт-
 лой залѣ
 Весельемъ круглой столъ накрытъ;
 Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ,

Дымятся щи, вино въ бокалѣ,
 И шука въ скатерти лежитъ.
 Сосѣди шумною толпою
 Взошли, прервали тишину,
 Садятся, чашъ внимаемъ звону,
 Всѣ хвалятъ Вакха и Помону
 И съ ними красную весну.

Вотъ кабинетъ уединенный,
 Гдѣ я Москвою утомленной,
 Вдали обманчивыхъ красотъ,
 Вдали нахмуренныхъ заботъ
 И той волшебницы лукавой,
 Которая весь міръ вертитъ,
 Въ трубу немолчную гремитъ
 И—помнится—зовется Славой,—
 Живу съ природной простотой,
 Съ философической забавой
 И съ Музой рѣзвой и младой...
 Вотъ мой каминь, — подъ вечеръ
 темной,

Осенней бурною порой,
 Люблю подъ сѣнію укромной
 Предъ нимъ задумчиво мечтать;
 Вольтера, Виланда читать.
 Или въ минуту вдохновенья
 Небрежно стансы намарать
 И жечь потомъ свои творенья,—
 Вотъ здѣсь... но быстро привидѣнья,
 Родясь въ волшебномъ фонарѣ,
 На бѣломъ полотнѣ мелькаютъ,—
 Мечты находятъ, исчезаютъ,
 Какъ тѣнь на утренней зарѣ.

Межъ тѣмъ какъ въ кельѣ мол-
 чаливой

Во плѣнъ отдался я мечтамъ,
 Рукой безпечной и лѣнливой
 Разбросивъ риемы здѣсь и тамъ,
 Я слышу топотъ, слышу ржанье—
 Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
 Въ блестящемъ ментіи сіяньи
 Гусаръ промчался подъ окномъ...
 И гдѣ вы мирныя картины
 Прелестной сельской простоты?
 Среди воинственной долины
 Ношусь на крыльяхъ я мечты,—
 Огни во станѣ догораютъ,
 Межъ нихъ окутанный плащомъ
 Съ сѣдымъ усатымъ козакомъ
 Лежу—вдали штыки сверкаютъ,
 Лихіе ржутъ, бразды кусаютъ
 Да изрѣдка грохочетъ громъ,
 Летя съ высокаго раската...
 Трепещетъ бранью грудь моя,
 При блескѣ браннаго булата
 Огнемъ пылаетъ взоръ, и—я
 Лечу на гибель супостата.—
 Мой конь въ ряды враговъ орломъ

Несется съ грознымъ сѣдокомъ—
 Съ размаха сыплются удары,—
 О вы отеческіе лары
 Спасите юношу въ бояхъ!
 Тамъ свищетъ саблей онъ зубчатой,
 Самъ киверъ зыблется пернатый,
 Съ черкесской буркой на плечахъ
 И молча преклоняся ко гривѣ,
 Онъ мчитъ стрѣлой по скользкой
 нивѣ

Съ цыгаррой дымною въ зубахъ...

Но лаврами побѣдъ увиты
 Бойцы изъ чаши мира пьютъ.
 Военной славою забытый
 Спѣшу въ смиренный свой приютъ,
 Нашедъ на полѣ битвъ и чести
 Одни болѣзни костыли,
 На вѣкъ оставивъ саблю мести...
 Ужъ вижу въ сумрачной дали
 Мой тѣсной домикъ, рощи томны,
 Калитку, садикъ, ближній прудъ,—
 И снова я, философъ скромный,
 Укрылся въ милый мнѣ приютъ,
 И міръ забывъ, и имъ забвенной,
 Покой души вкушаю вновь.—

Скажи, о сердцу другъ безцѣнной,
 Мечта ль и дружба и любовь?
 Доселѣ въ рѣзвости безпечной
 Брели по розамъ дни мои,
 Въ невинной ясности сердечной
 Не зналъ мученій я любви,
 Но быстро день за днемъ умчался,
 Гдѣ жъ дѣтства ранніе слѣды?
 Прелестной возрастъ миновался,
 Увяли первые цвѣты!
 Ужъ сердце въ радости не бьется
 При миломъ видѣ мотылька,
 Что въ воздухъ кружить и вьется
 Съ дыханьемъ тихимъ вѣтерка,—
 И въ безпокойствѣ непонятномъ,
 Пылаю, тлѣю, кровь горитъ,
 И все языкомъ, сердцу внятнымъ,
 О нѣжной страсти говорить.—
 Подруга возраста златова,
 Подруга красныхъ дѣтскихъ лѣтъ,
 Тебя ли вижу, взоровъ свѣтъ,
 Другъ сердца, милая [Сушкова]?
 Вездѣ со мною образъ твой,
 Вездѣ со мною призракъ милый:
 Во тмѣ полуночи унылой,
 Въ часы денницы золотой.—
 То на концѣ аллеи темной,
 Вечерней, тихую порой,

Одну, въ задумчивости томной,
 Тебя я вижу предъ собой,
 Твой шалью станъ не покровенный,
 Твой взоръ на груди потупленный,
 Въ щекахъ любви стыдливой цвѣтъ...
 Все тихо; брежжетъ лунной свѣтъ,
 Нахмурясь тополъ шевелится,
 Ужъ сумракъ тусклой пеленой
 На холмы дальніе ложится,
 И завесъ рощицы струится
 Надъ тихо спящею волной,
 Осеребренною луной.
 Одна ты въ рощицѣ со мною,
 На костыли мои склоняся,
 Стоишь подъ ивою густою;
 И вѣтеръ сумраковъ, рѣзвясь,
 На снѣжну грудь прохладой дуетъ,
 Играетъ локономъ власовъ
 И ногу стройную рисуешь
 Сквозь бѣлоснѣжной твой покровъ...
 То часомъ полночи глубокимъ,
 Предъ теремомъ твоимъ высокимъ
 Угрюмой зимнею порой
 Я жду красавицу драгую—
 Готовы сани; мракъ густой;
 Все спитъ, одинъ лишь я тоскую,
 Зову часовъ лѣнливый бой...
 И шорохъ чудится глухой,
 И вотъ ужъ шопотъ слышу слад-
 кой,—

Съ крыльца прелестная сошла,
 Чуть-чуть дыша идетъ украдкой,
 И дѣва друга обняла.
 Помчались кони, вдаль пустились,
 По вѣтру гривы распустились,
 Несутся въ снѣжной глубинѣ,
 Прижалась робко ты ко мнѣ,—
 Чуть-чуть дыша; мы обомлѣли...
 Въ восторгахъ чувства онѣмѣли...
 Но что! мечтанья отлетѣли!
 Увы, я щастливъ былъ во снѣ...
 Въ отрадной Музамъ тишинѣ
 Простыми звуками свирѣли,
 Мой другъ, я для тебя воспѣлъ
 Мечту, младыхъ пѣвцовъ удѣлъ.
 Питомецъ Музъ и вдохновеня,
 Стремясь фантази во слѣдъ,
 Находитъ въ сердцѣ наслажденья
 И на пути грозящихъ бѣдъ.—
 Минуты щастья золотыя
 Пускай мнѣ Клоео не советъ,
 Въ мечтахъ всѣ радости земныя!
 Судьбы всемощнѣе поэтъ.

Сохранилось в авт., почти беловом, с мелкими поправками. П. М. Юдинъ — ли-
 дейский товарищ П—а, чуждый литературных интересов. В авт. вар.:

Стр. 47: Въ близи мой домикъ, [и] съ балкона...
 54: Туда съ зарею поспѣшаю...

Стр. 135: Изъ чаши мира войны пьють...
 154: Но быстро старой день умчался...
 186: Надъ снѣ[жной], спящею волной...

Захарово см. Вступ. оч. В русскую действительность внесены античные образы: *Флора*—богиня цветов, *Помона*—плодов, *Клово*—парка см. Общ. прим. *Альбионъ*—Англия; английское сукно и лионский шелк славились. Это место послания, как и описание «накрытого стола»,—подражание Державину. *Горацій*—др.-римский, *Вольтеръ* и *Ла-фонте*—франц., *Виландъ*—немецкий писатели, имена кот. особенно часто упоминаются П—ым. *Сушкова*—догадка, по др. *Мертваго* см. Вступ. оч. Мечты о военной службе см. дальше, Напеч. отрывки 1855 г., полно 1884 г.

15. С Л Е З А.

1. Вчера, за чашей пуншевою Съ Гусаромъ я сидѣлъ, И молча съ мрачною душою На дальній путь глядѣлъ.	Гусары! ужъ нѣтъ ея со мною!..— Вздыхнулъ—и замолчалъ.
2. Скажи, что смотришь на до- рогу? Мой храбрый спросилъ, Еще по ней ты, слава Богу, Друзей не проводилъ.	4. Слеза повисла на рѣсницѣ И канула въ бокаль.— Дитя! ты плачешь о дѣвицѣ, Стыдись, онъ закричалъ.
3. Къ груди поникнувъ головою, Я скоро просвисталъ:	5. Оставь, Гусары!.. Охъ! сердцу больно— Ты знать не горевалъ, Увы! одной слезы довольно, Чтобъ отравить бокаль...

Сохранилось в беловом авт. и черн., с поправками 1825 г. Напеч. «Мнемозина» 1824 г. с музыкой М. Л. Яковлева и, без разрешения П—а, «Евтерпа» 1828 г. Мечтая о военной службе, П. уже в 1815 г. заводил знакомства с гусарами, о чем см. дальше. Даем. текст белового авт. «Мнемозина» дает поправку 1824 г.—

Строфа 3: Я скоро прошепталь... В черн. авт. поправки 1825 г.:

Строфа 1: И молча съ дикою тоскою...
 2: Мой воинъ спросилъ.
 Еще ты съ нами, слава Богу,
 Еще друзья съ тобой...
 4: Стыдись!—ты-ль плачешь о дѣвицѣ,
 Съ упрекомъ онъ [вскричалъ]...

Строфа 3 и часть 5-ой зачеркнуты, но не заменены. В беловом авт. первоначальный вар.:

Строфа 5: Я въ грусти отвѣчалъ...

16. КЪ ЖИВОПИСЦУ.

1. Дитя Харить и вображенья, Въ порывѣ пламенной души, Небрежной кистью, насла- жденья Мнѣ друга сердца напиши;	Сокрытой прелестью Альбана Мою Царицу окружи;
2. Красу невинности небесной, Надежды робкія черты, Улыбку Душеньки прелестной И взоры самой красоты.	4. Прозрачны волны покрывала Накинъ на трепетную грудь, Чтобъ и подъ нимъ она дышала, Хотѣла тайно воздохнуть.
3. Вкругъ тонкаго Гебеи стана Венеринъ поясъ повяжи;	5. Представь мечту любви стыд- ливой И той, которою дышу, Рукой любовника щастливой Внизу я имя подпишу.

Сохранилось в списке с пометой рукой П—а: «Передѣлать все, оставя одну послѣднюю строфу». Напеч., без разрешения П—а, 1827 г.; перепеч. Посм. изд. В рук поправки 1825 г.:

Строфа 1: Дитя Харить и вдохновенья...

Строфа 2: Красу невинности прелестной,
Надежды милыя черты,
Улыбку радости небесной...

В этом стихотв. П. подражал многим русским и иноземным образцам на ту же тему (Анакреону, Парни, Державину и др.). *Хариты*—грации, см. выше. *Душенька*—Психея, героиня поэмы Богдановича (античный миф). *Гебея* или Геба—богиня, разносившая богам на Олимпе нектар. *Пояс Венеры*—ее атрибут, условное выражение. *Альбанъ* или Аль бани—итальянский художник XVII в.

17. РОЗА.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари!..
Не говори:
Такъ вянетъ младость!

Не говори:
Вотъ жизни радость,
Цвѣтку скажи:
Прости, жалѣю!
И на лилею
Намъ укажи.

Сохранилось в авт. Напеч. изд. 1826 г. Даем текст изд. Первоначально стихи 6—9 были написаны иначе:

«Вотъ жизни младость!»
Не повтори:
«Такъ вянетъ радость!»
Въ душѣ скажи:

Сделаны ли исправления в 1825 г., или еще в Лицее, не выяснено. Одно из самых изящных стихотв. лицейского периода, «Роза»—вполне самостоятельно, не является ни переводом, ни подражанием, несмотря на избитость сюжета.

18. МОЕМУ АРИСТАРХУ.

Помилуй, трезвой Аристархъ
Моихъ бахическихъ посланій!
Не осуждай моихъ мечтаній
И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ!
Плоды веселаго досуга
Не для безмертвья они,
На свѣтъ небрежно рождены,
Но право, для меня, для друга,
Или для Хлои молодой.
Помилуй, сжался надо мной!
Я знаю самъ свои пороки,
Не нужны мнѣ твои уроки.
Конечно, бѣденъ геній мой:
За риемой часто холостой,
На зло законамъ сочетанья,
Бѣгутъ трехстопные толпой
На *аю*, *автъ* и на *ой*.
Еще немногія признанья:
Я ставлю (кто же безъ грѣха?)
Пустыя часто воскицанья,
И сряду плоскихъ три стиха;
Не хорошо; но оправданья
Нельзя ли скромно привести:
Мои летучія посланья
Въ потомствѣ будутъ ли цвѣсти?
Не думай, цензоръ мой угрюмой,
Что я бѣснуюсь по ночамъ,
Окованъ стихотворной думой;
Покоемъ жертвую стихамъ,
Что, бѣгая по всѣмъ угламъ,

Ерошу волосы клоками,
Подобно Фебовымъ жрецамъ
Сверкаю грозными очами,
Едва дыша, нахмуря взоръ,
И, засвѣтивъ потомъ лампаду,
За шаткій столъ кряхтя засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу—трехстопный вздоръ...
Такъ пишетъ (молвить не въ укоръ)
Конюшій дряхлаго Пегаса
Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ.
Служитель отставной Парнасса,
Родитель старенькихъ стиховъ,
И одъ не слишкомъ громозвучныхъ
И сказочекъ довольно скучныхъ...
Люблю я праздность и покой,
И мнѣ досугъ совсѣмъ не бремя;
И ѣсть и пить найду я время,
Когда нечаянной порой
Стихи кропать найдетъ охота
На славу дружбы иль Эрота:
Я мигомъ трудъ окончу свой.
Сижу ли съ добрыми друзьями,
Лежу ль въ постелѣ пуховой,
Брожу ль надъ тихими водами
Въ дубравѣ темной и глухой,
Задумаюсь, взмахну руками,
На риемахъ вдругъ заговорю,
И никого ужъ не морю
Моими рѣзвыми стихами.

Но ежели когда-нибудь,
Желая въ нѣгѣ отдохнуть,
Расположусь передъ каминомъ
Одинъ, свободнымъ господиномъ,
Поймаю прежню мысль мою,
То не для имени поэта
Мараю два иль три куплета
И ихъ въ полголоса пою.

Но знаешь ли, о мой гонитель,
Какъ я бесѣдную съ тобой?
Безпечный Пинда посѣтителъ,
Я съ Музой нѣжусь молодой...
Ужъ утра яркое свѣтило
Поля и рощи озарило;
Давно пропѣли пѣтухи.
Въ поль-глаза дремля и зѣвая,
Шапеля въ пѣсняхъ призывая,
Пишу короткіе стихи
Среди приятнаго забвенья,
Склоняясь въ подушку головой,
И въ простотѣ, безъ принужденья,
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой,
Подъ сѣнью лѣни неизвѣстной.
Такъ нѣжился пѣвецъ прелестной,
Когда Верь-Вера воспѣвалъ
Или съ улыбкой рисовалъ,
Веселья въ рѣзвомъ упоеньи,
Уединенный свой чердакъ.
Въ такомъ лѣнивомъ положеньи
Стихи текутъ и такъ и сякъ.

Возможно ли въ свое творенье
Тогда вперять холодный умъ,
Унявъ веселыхъ мыслей шумъ,
Отдѣлкой портить небылицы
И сокращать свои страницы?
Анакреонъ, Шолье, Парни,
Враги труда, заботъ, печали,
Не такъ бывало въ прежни дни
Своихъ любовницъ воспѣвали,
О вы, любезные пѣвцы,
Сыны безпечности лѣнливой!
И мнѣ готовятся вѣнцы
Отъ Музы праздности счастливой,
Но не блестящіе дары
Поэзии трудолюбивой!
На верхъ Эссальскія горы
Вели васъ тайные извивы!
И милыхъ Грацій перстъ игривый
Младья лиры оживлялъ,
И ваши чела обвивалъ
Веселій, Смѣховъ рой шумливой.
И я—неопытный поэтъ,
Небрежный вашихъ приемъ наслѣд-
никъ,

За вами крадуся во слѣдъ...
А ты, мой скучный проповѣдникъ,
Смири жестокой вкуса гнѣвъ!
Поди, кричи, брани другова,
И брось лѣнивца молодова,
Объ немъ тихонько пожалѣвъ,

10 Марта 1817 переписано.

Сохранилось в списке с поправками П—а 1825 г. и с датой, в кот. рукой П—а только слово: «переписано». Поправки 1825 г. не закончены, но стихотв. ими значительно изменено; см. этот текст в Прил. II. Обращено к Н. Ф. Кошанскому, профессору Лицея, см. Вступ. оч., строго критиковавшему первые опыты П—а. *Аристархъ*—др.-греческий критик, тип критика вообще. *Трезвый*—ирония, так как пиры лицеистов происходили чаще в воображении, а Кошанский сам любил выпить. *Свистовъ*, *Хлыстовъ*, *Графовъ*—условные имена. Далее П. называет поэтов, достигавших художественности в области шутки и проповедывавших эпикурейство (наслаждение жизнью): *Шапель*—франц. поэт XVII в.; *Грессе*—тоже XVIII в., написавший поэму о попугае *Веръ-Веръ*; аббат *Шолье*—то же XVII—XVIII в.; *Парни*, *Анакреонъ*—см. раньше. *Эссальская гора*—Парнас. *Бахическій*—посвященный Бахусу, т.-е. вину. *Хлоя*—условное имя. *Пиндъ*, *Грации* и др. см. Общ. прим. Напеч. 1855 г.

19. СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

1. Послѣднимъ сіянемъ за лѣсомъ горя,
Вечерняя тихо потухла заря,
Безмолвна долина глухая;
Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка,
Лѣнливой грядою идутъ облака
Межъ ими луна золотая.
2. Чугунныя латы на холмѣ лежатъ,
Копье раздробленно, въ перчаткѣ булатъ,
И щитъ подъ шоломомъ заржавымъ,
Вонзились шпоры въ увлажненный мохъ:—
Лежатъ неподвижно—и мѣсяца рогъ
Надъ ними въ блистаньи кровавомъ.

3. Вкруг холма обходить другъ сильнаго—конь;
Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь,
Онъ бранную голову клонить.
Безпечнымъ копытомъ бьетъ камень долинъ,
И смотритъ на латы—конь вѣрный одинъ
И дико трепещетъ и стонетъ.
4. Во тмѣ заблудившись пришелецъ идетъ,
Съ надеждою робость онъ въ сердцѣ несетъ,
Склоняясь надъ дорожной клюкою.
На холмъ онъ взобрался и въ тусклую даль,
Онъ смотритъ и сходить—и звонкую сталь
Толкаетъ усталой ногою.
5. Хладѣть пришелецъ—кольчуги звучать,
Погибшаго грозно въ нихъ кости стучать.
По камнямъ шеломъ покатился,
Скрывался въ немъ черепъ... При звукѣ глухомъ
Заржалъ конь ретивой—скокъ летомъ на холмъ—
Взглянулъ... и главою склонился...
6. Далече ужъ путникъ въ тмѣ бродитъ ночной,
Все мнится, что кости хрустятъ подъ ногой...
Но утро денница выводитъ —
Сраженный во брани на холмѣ лежитъ,
И латы недвижны, и шлемъ не стучить,
И конь вкругъ погибшаго ходить.

Сохранилось в авт., текст кот. и воспроизводим. В 1825 г. П. начал переделывать это стихотв., но поправок не кончил. В строфе 1-ой было исправлено: вместо «за лѣсомъ» — «за рощей»; вм. «Безмолвна» — «Темнѣть»; вм. «Межь ими» — «И съ ними».

- Строфа 2: Недвижны латы на холмѣ лежатъ,
Въ стальной рукавицѣ забвенный булатъ,
И шитъ подъ шеломомъ заржавымъ;
Вонзилися шпоры въ увлажненный мохъ,
Копье раздробленно, и мѣсяца рогъ
Покрылъ ихъ сіяньемъ кровавымъ.
- 4: Невольную робость онъ въ сердцѣ несетъ...
Заботливо смотреть въ невѣрную даль,
Приблизился къ латамъ и звонкую сталь...
- 6: Ужъ путникъ далече въ тмѣ бродитъ ночной...

Стихи написаны в духе романтических баллад (Жуковского, подражавшего немецким поэтам, и др.) из эпохи Средневековья.

20. ИЗЪ ДНЕВНИКА.

И такъ я щастливъ былъ, и такъ я наслаждался,
Отрадой тихую, восторгомъ упивался...
И гдѣ веселья быстрой день?
Промчался летомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!..

[29 Ноября 1815].

Записано в лицейском дневнике и писалось не для печати; говорит о возникавшей любви к Бакуниной, см. Вступ. оч. и стихи 1816 г. Напеч. 1855 г.

21. НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПАРИЖА
ВЪ 1815 ГОДУ.

Утихла брань племень; въ предѣлахъ отдаленныхъ
 Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
 Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
 На землю мрачную нисходитъ свѣтлый Миръ.
 Свершилось!.. Руской царь, достигъ ты славной цѣли!
 Вотще надменные на родину летѣли;
 Вотще, впереди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
 Въ могущей дерзости вѣнчаннй исполнил
 На гибель грозно шель, влекъ цѣпи за собою:
 Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою!
 Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
 И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
 Содрогся счастья сынъ, и, брошенный судьбою,
 Онъ землю Рускую не взвидѣлъ подъ собою.—
 Бѣжить... и мести громъ слетѣлъ ему во слѣдъ;
 И съ трона гордый палъ... и вновь восталъ... и нѣтъ!—
 Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
 Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
 Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
 Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
 Ты браней мечъ извлекъ, и клятву далъ святую
 Отъ ига оградить страну свою родную.
 Мы няли клятвѣ сей, и гордя сердца
 Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца
 И смертью роковой горѣли и дрожали;
 И Россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!..
 Къ мечамъ! раздался кликъ, и вихремъ понеслись;
 Знамена возшумѣвъ по вѣтру развились.
 Обнялся съ братомъ братъ; и милымъ дали руку
 Младые ратники на грустную разлуку;
 Сразились: воспылалъ свободы ярый бой,
 И смерть хватала ихъ холодною рукой!..
 А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной...
 Я тихо разцвѣталъ безпечной, безмятежной!
 — Увы! мнѣ не судилъ таинственный предѣлъ
 Сражаться за тебя подъ градомъ вражнихъ стрѣлъ!..
 Сыны Бородина, о Кульмскіе Герои!
 Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
 Душой восторженной за братьями спѣшилъ;
 Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
 Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
 Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
 И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
 Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?—
 О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
 Когда на сильнаго съ сынами устремился;
 И, челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
 Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
 Тяжелой цѣпью съ восторгомъ потрясали
 И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
 „Уже-ль свободны мы?... Уже ли грозный палъ?...
 „Кто смѣлый? Кто въ громахъ на сѣверѣ восталъ?..“

И ветхую главу Европа преклонила,
 Царя-Спасителя колѣна окружила
 Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
 И власть мятежная исчезла предъ тобой!—
 И нынѣ ты къ сынамъ, о царь нашъ, возвратился,
 И край полуночи восторгомъ озарился!
 Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ;
 Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.—
 Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
 Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
 По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
 И ты среди толпы, Россіи Божество!
 Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины;
 Старикъ, щастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
 Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.—
 Ты нашъ, о Руской царь! оставь же шлемъ стальной
 И грозный мечъ войны, и щить ограду нашу;
 Излей предъ Янусомъ священну мира чашу
 И, брани сокрушивъ могущею рукой,
 Вселенну осѣни желанной тишиной!...
 И придутъ времена спокойствія златыя,
 Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
 Въ колчаняхъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
 Щастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
 По нивамъ повлечетъ плугъ миромъ изощренный;
 Суда летучія, торговлей окрылены,
 Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
 И юные сыны воинственныхъ Славянъ
 Спокойной праздности съ досадою предадутся;
 И, молча, нѣкогда вокругъ старца соберутся,
 Преклонятъ жадный слухъ: и ветхимъ костылемъ
 И станъ, и ратный строй, и дальный боръ съ холмомъ
 На прахъ начертитъ онъ медленно предъ ними,
 Словами истины, свободными, простыми,
 Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разказахъ оживить,
 И добраго царя въ слезахъ благословить.

Авт. не сохранилось. Напеч. 1817 г., насколько точно, неизвестно. Александр I, после походов против Наполеона 1814—1815 г., вернулся в Петроград в ночь на 2 декабря 1815 г. Около этого времени, вероятно, написано и стихотв. П—а для чтения 28 апреля 1817 г. в заседании О-ва Любителей Р. С.; поэтому стихи проникнуты «официальным» отношением к Наполеону и к государю. В печати («Труды» казаннаго О-ва 1817 г.) слова «Царь», «Ты», «Тебѣ» и т. под. набраны крупным шрифтом, что мы не воспроизводим. Янусъ—бог войны и мира: прекращая войну, римляне затворяли двери в храме Януса. При Кульме и при Бородинѣ происходили известные сраженія русских с французами.

22. КЪ БАРОНЕССѢ МАРЬѢ АНТОНОВНѢ ДЕЛЬВИГЪ.

Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать било,
 И я считалъ когда-то восемь лѣтъ;
 Они прошли.—Въ судьбѣ своей унылой,
 Богъ знаетъ какъ я нынѣ сталъ поэтъ.
 Не возвратитъ уже того, что было.
 Уже я старъ, мнѣ не знакома ложь:
 Такъ вѣрьте мнѣ—мы спасены лишь вѣрой.
 Послушайте, Амуръ какъ вы хорошъ;
 Амуръ дитя, Амуръ на васъ похожъ,—
 Въ мои лѣта вы будете Венерой.

Но если только буду живъ,
 Всевышней благостью Зевеса,
 И столько же краснорѣчивъ—
 Я напишу вамъ, баронесса,
 Въ Латинскомъ вкусѣ мадригалъ,
 Чудесный, вовсе безъ искусства—
 Не много истинныхъ похвалъ,
 Но много истиннаго чувства,
 Скажу я: „ради вашихъ глазъ,
 О, баронесса! ради баловъ,
 Когда мы всѣ глядимъ на васъ,
 Взгляните на меня хоть разъ
 Въ награду прежнихъ мадригаловъ.“
 Когда жъ Амуръ и Гименей
 Въ прелестной Маріи моей
 Поздравятъ молодую даму,—
 Удастся ль мнѣ подъ старость дней
 Вамъ посвятить эпиталаму?

22 Декабря.

Авт. не сохранилось. Текст—по изд. Анненкова. *Марія Ант. Дельвицъ*—сестра лицейскаго товарища П—а, поэта Дельвига. П—у 22 декабря 1815 г., когда были написаны эти стихи, еще не было полных 17 лет. *Мадригалъ*—приветственное стихотворение; *Эпиталама*—стихи на свадьбу. *Гименей*—бог, покровитель браков. *Амуръ* и др. см. Общ. прим. Напеч. 1857 г.

1816 ГОД.

1. КЪ МАШѢ.

Вчера мнѣ Маша приказала
 Въ куплеты риемы набросать,
 И мнѣ въ награду обѣщала
 Спасибо въ прозѣ написать.
 Слѣшу исполнить приказанье.
 Года не смѣютъ погодить:
 Еще семь лѣтъ—и обѣщанье
 Ты не исполнишь, можетъ быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
 Въ собраньяхъ будете сидѣть,
 И жертвуя богинѣ скуки,
 Съ воксала въ маскарадъ летѣть,
 И ужъ не вспомните поэта...
 О Маша, Маша! поспѣши,
 И за четыре мнѣ куплета
 Мою награду напиши.

Авт. не сохранилось, но был у Гаевского с датой: «1816 г.» Обращено к той же, какъ предъид. *Воксаль* см. раньше. Напеч. Посм. изд.

2. У С Ы.

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА.

1. Глаза скосивъ на усъ кудрявой,
 Гусаръ съ улыбкой величавой
 На палецъ завитки моталъ;
 Мудрецъ съ обритой бородою,
 Качая тихо головою,
 Со вздохомъ усачу сказалъ:
2. „Гусары! Все тлѣнно подъ лу-
 ною,
 Какъ волны слѣдомъ за волною,
 Проходятъ Царства и вѣка.
 Скажи, гдѣ стѣны Вавилона?
 Гдѣ драмы тощія Клеона?
 Умчала все времяя рѣка.
3. „За уши усъ твой закрученный,
 Виномъ и ромомъ окропленный,
 Гордится юной красотой,
 Не знаетъ бритвы, выписною
 Онъ вѣчно лоснится сурьюю,
 Расправленъ грѣбнемъ и рукой.
4. „Чтобы не смять уса лихова,
 Ты къ ночи одою Хвостова
 Его тихонько обвернешь.—
 Въ подушку носомъ лечь не
 смѣешь,
 И въ крѣпкомъ снѣ его лелѣешь,
 И утромъ вновь его завьешь.

5. „На долгихъ ужинахъ веселыхъ,
Въ кругу Гусаровъ посѣдѣлыхъ
И черноусыхъ Удальцовъ,
Веселый гость, любовникъ пылкой,
За чье здоровье бьешь бу-
тылки?
Коня, Красавицъ и Усовы
7. „Окованный волшебной силой,
Наединѣ съ красоткой милой
Ты маешься,—одной рукой
Въ восторгахъ нѣги сладостраст-
ной—
Блуждаешь по груди прекрасной,
А грозный усъ крутишь другой.
6. „Сраженья страшный часъ
настанетъ,
Въ ряды ядро со трескомъ грянетъ;
А ты, надъ ухарскимъ сѣдломъ,
Разсудка, памяти не тратишь,
Сперва кудрявый усъ ухватишь,
А саблю вѣрную потомъ.
8. „Гордись, Гусары! но помни
вѣчно,
Что все на свѣтѣ скоротечно,—
Летятъ губительны часы!
Румяны щеки пожелтѣютъ,
И черны кудри посѣдѣютъ,
И старость выщеплетъ усы“.

Переписано 8 Марта 1817 г.

Сохранилось в авт. и списке с поправками П—а 1825 г. Воспроизводим текст авт. где вар.:

Строфа 5:	Стремя къ бокалу мысли пылки...
Поправки 1825 г.:	
Строфа 2:	Гусарь, нѣтъ вѣчнаго въ природѣ! Какъ ода вслѣдъ похвальной одѣ...
4:	Въ глубокомъ снѣ его лелѣешь...
7:	Ты нѣжишься; одной рукой...
8:	Летаешь по груди прекрасной... И старость выбѣлить усы.

Мечтая о военной службѣ, П.-лицейст уже имел знакомства в кругу гусаров, см. Вступ. оч. *Стѣны Вавилона* славились в древности толщиной. *Клеонъ*—условное имя. *Хвостовъ* см. раньше. Напеч., без ведома П—а, 1831 г. за подписью *Д. Давыдовъ*, потом Посм. изд. Подзаголовок «Философическая ода» дан, вероятно, чтобы оттенить ироническое (насмешливое) отношение автора к сюжету.

3. ИЗЪ ПИСЬМА.

Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ
Мечтаетъ объ уединеннѣ,
Кто видитъ только въ отдаленнѣ
Пустыню, садикъ, сельской домъ,
Холмы съ безмолвными лѣсами,
Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ
И даже... стадо съ пастухомъ!
Блаженъ, кто съ добрыми друзьями

Сидитъ до ночи за столомъ,
И надъ Славенскими глупцами
Смѣется русскими стихами;
Блаженъ, кто шумную Москву
Для хижинки не покидаетъ...
И не во снѣ, а на яву
Свою любовницу ласкаетъ!..

[27 марта 1816].

Стихи включены в письмо к П. А. Вяземскому 27 марта. Писалось не для печати. *Славенскіе глупцы*—члены «Беседы», см. раньше. Напеч. с письмом, см. т. III.

4. ЖЕЛАНІЕ.

[изъ письма].

Христосъ воскресъ, питомецъ Феба!
Дай Богъ, чтобъ милостию неба
Разсудокъ на Руси воскресъ—
Онъ что-то, кажется, исчезъ...
Дай Богъ, чтобы во всей вселен-
ной
Воскресли миръ и тишина;
Чтобъ въ Академіи почтенной
Воскресли члены ото сна:
Чтобъ въ наши грѣшны времена

Воскресла предковъ добродѣ-
тель;
Чтобы, Шихматову на зло,
Воскреснулъ новый Буало,—
Расколовъ, глупостей свидѣтель,
А съ нимъ побольше серебра
И золота, et caetera.
Но да не будетъ воскресенья
Усопшей прозы и стиховъ;
Да не воскреснутъ отъ забвенья

Покойный господинъ Бобровъ,
Хвалы газетчика достойный,
И Николевъ, поэтъ покойный,
И непокойный графъ Хвостовъ.

И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено,
То-есть, и хладно, и темно,
Что очень стыдно и грѣшно.

Авт. не сохранилось, но он был у Анненкова в виде письма П—а к В. Л. Пушкину; воспроизводим этот текст. Сблизившись в 1815 г. с членами Арзамаса, см. Вступ. оч., П. поспешил выразить в шуточных стихах свои симпатии их литературным взглядам. *Буало* — знаменитый франц. критик XVII в. *Et caetera* — и все другое. Кн. С. А. Шихматовъ-Ширинскій, плохой драматург, С. С. Бобровъ, Н. П. Николевъ, гр. Хвостовъ — плохие поэты, приверженцы «Беседы». Николев, автор сентиментальных песенок, пользовавшихся некоторым успехом, умер с год тому назад (24 января 1815 г.). *Россійская Академія* держалась в литературе того же направления, как «Беседа» Напеч. 1857 г.

5. АМУРЬ И ГИМЕНЕЙ.

СКАЗКА.

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю васъ новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слѣпаго мальчика съ повязкой?
Слѣпаго?... Вотъ? Помилуй, Фебъ!
Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ!
Но шалости—его забавы.
Ему хотѣлось— о лукавый!—
Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на

зло,

Его Дурачество вело.
Дурачество ведетъ Амура,
Но скоро богу моему
Наскучила богиня дура,
Не знаю вѣрно почему.
Задумалъ новую затѣю:
Повязку съ милыхъ снявъ очей,
Идетъ проказникъ къ Гименею...
А что такое Гименей?
Онъ изъ Кипридиныхъ дѣтей,
Бѣдняжка дряхлый и лѣнивый,
Холодный, грустный, молчаливый,
Ворчитъ и дремлетъ цѣлый вѣкъ,
А впрочемъ добрый человекъ
Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый.
Отъ ревности печальный богъ
Спокойно и заснуть не могъ;
Все трусилъ маленькаго брата,
За нимъ подсматривалъ тайкомъ,
И караулилъ супостата
Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.
Вотъ мальчикъ мой къ нему под-
ходить
И рѣчь коварную заводитъ:

„Помилуй, братецъ Гименей!
Что это? Я стыжусь, любезный,
И нашей ссоры бесполезной
И вѣчной трусости твоей.
Ну помиримся. Будь умнѣй,
Забудемъ нашъ раздоръ постылый
Да только навсегда, смотри!
Возьми жъ повязку въ память,
милой,
А мнѣ фонарь свой подари!“
И что жъ? Повѣрилъ богъ уны-
лый.

Амуръ отъ радости прыгнулъ,
И на глаза со всей онъ силы
Обнову брату затянулъ.
Съ тѣхъ поръ таинственные взоры
Его не страшны красотамъ,
Не страшны грустные дозоры,
Ни пробужденья по ночамъ.
Спокоенъ онъ, но братъ ковар-
ный,
Шутя надъ честью и надъ нимъ,
Войну ведетъ, неблагодарный
Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
Лишь сонъ на смертныхъ нале-
таетъ,

Амуръ въ молчаніи ночью
Фонарь любовнику вручаетъ
И самъ щастливца провожаетъ
Къ уснувшему супругу въ домъ;
Самъ отъ безпечнаго Гимена
Онъ охраняетъ тайну дверь...
Пожалуйста, мой другъ Елена,
Премудрой повѣсти повѣрь!

Сохранилось в списке с поправками П—а 1825 г. и его пометой: «переписать», Напеч. изд. 1826 г. в позднейшей ред.; первоначальная печатается в нашем изд. впервые. Сказка не повторяет какого-либо античного мифа: ее сюжет заново создан П—ым. Древние иногда изображали Амура (Эрота) символически с повязкой на глазах, в знак того, что любовь слепа. *Гимен* или *Гименей*—бог брака. *Киприда*—Венера, богиня любви, мать Амура. Из этих мифических данных П. создал шутовую сказку. *Елена*—условное имя. Вторую редакцию стихотв. см. в Прил. II.

6. ФИАЛЬ АНАКРЕОНА.

Когда на поклоненье
 Ходилъ я въ дальній Пафосъ,
 Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
 Въ уборной у Венеры
 Фіаль Анакреона.
 Онъ Вакхомъ былъ наполненъ
 Свѣтлѣющею влагой;
 Кругомъ висѣли розы,
 Зеленый плющъ и мирты,
 Сплетенныя рукою
 Царицы наслажденій.—
 На краюшкѣ я видѣлъ
 Коварнаго Амура;—
 Смотрилъ онъ, пригорюнясь,
 На пѣнистую влагу.
 „Что смотришь ты, проказникъ,
 На пѣнистую влагу?“

Спросилъ я Купидона.
 „Скажи, что такъ утихнулъ?
 Иль хочется зачерпнуть
 Тебѣ вина златаго,
 Да ручка не достанетъ?“
 — „Нѣтъ!“ отвѣчалъ малютка:
 „Рѣзвясь, я въ это море
 Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы
 Всѣ бросилъ не нарочно,
 А плавать не умѣю.
 Вонъ, вонъ—на днѣ бли-
 стають.
 Охъ, жалко мнѣ;— послушай,
 Достань мнѣ ихъ оттуда!“
 „О, нѣтъ!“ сказалъ я Богу:
 „Спасибо, что упали;
 Пускай тамъ остаются.“

Сохранилось в списке с поправками П—а 1825 г. Стихи — подражание песням Анакреона. *Пафосъ*—остров, посвященный Венере, *Купидонъ*—то же, что Амур; лук и стрелы—его атрибуты: символ того, что любовь уязвляет как стрела. *Вакхъ*—бог вина. *Царица наслажденій*—Венера. Поправки 1825 г.:

Ст. 6: Виномъ онъ былъ наполненъ...
 13: Печальнаго Амура...
 20—22: Не хочешь ли зачерпнуть,
 Да ручкой не достанешь?
 24: Играя въ это море...
 26: Я уронилъ, и факель
 Погасъ въ волнахъ багряныхъ...

В др. списке, Корфа:
 20: Тебѣ златаго соку?
 Напеч. Посм. изд.

7. ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

1. Кубокъ янтарной
 Полонъ давно,—
 Пѣною парной
 Блещетъ вино;
 Свѣта дороже
 Сердцу оно:
 Но за кого же
 Выпью вино?
 2. Пейте за славу,
 Славы друзья!
 Браней забаву
 Любить не я.
 Это веселье—
 Не веселитъ,
 Дружбы похмѣлье
 Грома бѣжитъ.

3. Вы, Геликона
 Давни жрецы,
 За Аполлона
 Пейте, пѣвцы!
 Рѣзвой Камены
 Ласки—бѣда!
 Токъ Иппокрены,
 Други, вода!
 4. Пейте за радость
 Юной любви,—
 Скроется младость,
 Дѣти мои...—
 Кубокъ янтарной
 Полонъ давно—
 Я—благодарной—
 Пью за вино.

Сохранилось в списке с поправками П—а 1825 г. Напеч., не по желанию П—а, 1825 г. Поправки 1825 г. остались незаконченными:

Строфа 1: Кубокъ тяжелой
 Полонъ давно—
 Пѣною бѣлой...
 Ну, за кого же...
 2: Здравіе славы
 Выпью ли я?
 Бранной забавы
 Мы не друзья...
 Дружбы похмѣлье
 Крови бѣжитъ...
 Жители неба,
 3: Чеба жрецы!
 (Давни жильцы!)
 Здравіе Чеба...

Стр. 4 осталась без поправок. *Камена*—муза. *Геликонъ*, *Иппокрена* и др. см. Общ. прим. Стихотв. напоминает стихи Шиллера, перевод кот. приписывается П—у, см. дальше Г. Перевеч. Посм. изд.

8. ИСТИННА.

Издавна мудрые искали
Забытых Истинны слѣдовъ;
И долго, долго повторяли
Пустые толки стариковъ.
Твердили: Истинна нагая
Въ колодезь убралась тайкомъ.
И дружно воду выпивая
Кричали: здѣсь ее найдемъ.

Но кто-то смертныхъ благодѣтель,
(И чуть ли не старикъ Силенъ)
Ихъ важной глупости свидѣтель
Водой и крикомъ утомлень,
Оставилъ невидимку нашу,
Подумаль первый о винѣ,
И осушивъ до капли чашу
Увидѣль Истинну на днѣ.

Сохранилось в списках: один—с пометами П—а, в другом вар.:

Ст. 3—4: И долго, долго толковали
Давнишни толки стариковъ.

Силенъ,—по мифам, один из полубожеств, спутник Вакха, изображаемый пьяным козлоногим стариком на осле или на бочке. Нагая Истинна, скрытая в колодеце, — тоже античный образ. «Истинна в вине»—латинская поговорка. Напеч. Посм. изд.

9. ПОСЛАНИЕ ЛИДЪ.

Тебѣ, наперсница Венеры,
Тебѣ, которой Купидонъ
И дѣти рѣзвья Цитеры
Украшили цвѣтами тронъ,
Которой нѣжные примѣры
Улыбка, взоры, милой тонъ
Краснорѣчивѣй чемъ Вольтеры
Намъ проповѣдаютъ законъ
И Аристиповъ и Глицеры,
Тебѣ привѣтливой поклонъ
Вѣнокъ любви и лиры звонъ.
Презрѣвъ Платоновы химеры
Твоей я святостью спасень
И сталъ Апостоль мудрой вѣры
Анакреоновъ и Нинонъ:
Всего; но лишь извѣстной мѣры:
Я вижу: хмурится Зенонъ
И вся его сѣда свита:
И мудрый другъ вина Катонъ,
И скучной рабъ Эпафродита,
Сенека, даже Цицеронъ
Кричатъ: ты лжешь, Профанъ! му-
ченъе
Прямое смертныхъ наслажденье!—
Друзья, согласенъ: плачь и стонъ
Стократъ конечно лучше смѣха;
Терпѣть великая утѣха;
Совѣтъ вашъ вовсе не смѣшонъ:
Но онъ мнѣ, слышателю, не нуженъ,
За тѣмъ что слишкомъ онъ мудренъ;
Дороже мнѣ хорошій ужинъ
Философовъ трехъ цѣлыхъ дюжинъ,

Я вами право не прельщонъ...—
Соборъ угрюмой разсержонъ,
Но пусть кричатъ на супостата,
Ихъ споръ лишь времени утрата,
Кто ихъ примѣромъ оболщонъ?
Люблю я добраго Сократа!
Онъ въ жизни жилъ, онъ былъ уменъ;
Съ своею важною притворной
Любилъ пиры, театры, женъ;
Онъ между прочимъ былъ влюбленъ,
И у Аспазии въ уборной,
(Тому свидѣтель самъ Платонъ)
Невольникъ робкій и покорной,
Вздыхалъ частѣхонько въ хитонъ,
И ей съ улыбкою придворной
Шепталъ: все призракъ, ложь и сонъ:
И мудрость и народъ и Слава;
Чтожь истинно? Одна Забава,
Повѣрь: одна любовь не сонъ!
Такъ ладонъ жегъ прекрасной онъ,
И ею... бѣдная Ксантипа!
Твой мужъ, совмѣстникъ Аристипа,
Бываль до неба вознесенъ.
Межь тѣмъ на милыхъ грозно лая
Злой циникъ, нѣгу презирая,
Одинъ всѣхъ радостей лишонъ,
Дышалъ отъ міра отлученъ.
Но съ бочкой странствуя пустою
Во слѣдъ за Мудростью слѣпою,
Пустой чудакъ былъ ослѣпленъ,
И воду черпая рукою
Не могъ зачерпнуть щастья онъ.

Сохранилось в списках с пометами П—а и мелкими вар. Напеч. 1817 г., но не полно. Кто была *Лида*, не выяснено; м. б., Мария Смит, к которой обращены стихи 1816 и 1817 г. «Слово милой», «Лида», «Къ молодой вдовѣ» и др. Лицеист-П, словно желая блеснуть начитанностью, упоминает ряд имен мифологических и исторических.

В шутиливой форме он сравнивает два философских направления. С одной стороны — то, которое учило, что единственная цель жизни — наслаждение («эпикурейство»); и проповедниками которого были также философы, как *Аристипп* (предшественник Эпикура), также поэты, как *Анакреон* (см. раньше) и отчасти *Вольтер* (см. раньше), и куртизанки, как др.-греческие «гетеры» (женщины вольного поведения) *Глицера*, *Аспазия* или *Нинон де Ламкло* (французская прелестница XVII в.) К числу таких же проповедниц П. относит и *Лиду*, «напероницу» (т. е. любимицу) *Венеры*, богини любви, любимую *дьяблами Цитеры*, т. е. прислужницами Венеры (*Цитера* или *Кивера* — остров, посвященный ей) и *Купидоном* (он же Амур). С другой стороны — то, которое учило стремиться к высшим целям и требовало от человека строгости нравов, воздержания. Из прегставителей этого направления П. называет ряд др.-греческих философов: *Зенон* (основатель школы, т. е. учения *цинников*), его последователь *Диоген* («злой циник»), по преданию, живший в бочке), *Платон*, *Эпиктет* («раб Эпафродита»), и др. римских мыслителей: *Катон*, *Сенека*, *Цицерон*. Преувеличивая выводы первого учения («цинников» и «стоиков»), П. шутя уверяет, будто по их мнению «мучение» было наслаждением («плачь и стон» лучше смеха и т. под. Сам П. высказывается за первое направление («эпикурейство») и осыпается на пример др.-греческого мудреца *Сократа*, кот., хотя учил добродетели, не набегал веселий и даже (как сообщает Платон, его ученик) увлекался Аспазией, за что терпел нападки от своей сварливой жены *Ксантины*. *Профан* (нариц.) — человек не ученый. *Хитон* — др.-греческая одежда. Стихотв. примечательно по форме тем, что во всем нем выдержана одна мужская рифма на *он*, повторенная 30 раз, образцы чего есть в старо-франц. поэзии. Полно напеч. 1859 г. по списку.

10. КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

Довольно битвы мчался громъ,
Тупился мечь окровавленной,
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ вселенной.

Свершилось... Взорами царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ.
Узрѣлъ онъ въ пламени Мос-
скову —

И былъ низверженъ ужасъ міра;
Покрыла падшаго главу
Благословеннаго порфира!

И мглой повлекся окруженъ,
Притекъ, и буйной вдругъ из-
мѣной
Ужъ воздвигалъ свой шаткой
тронъ
И палъ, отторженъ отъ вселенной.

Утихло все! Не мчится громъ,
Не блещетъ мечь окровавленной,
И брань погибельнымъ крыломъ
Не мчится грозно надъ вселенной.
Хвала, о юноша-герой!

Съ героемъ дивнымъ Альбіона
Онъ вѣрныхъ велъ въ послѣд-
ній бой
И мстил за лиліи Бурбона.

Предъ нимъ мятежныхъ громъ
гремѣлъ,
Текли во слѣдъ щиты кровавы;
Грозой онъ въ бранной мглѣ ле-
гѣлъ

И развивалъ блистанье славы!
Его текла младая кровь,
На немъ сияетъ язва чести.
Вѣнчай, вѣнчай его, любовь!
Достойный былъ онъ воинъ мести!

Сохранился беловой авт., где вар., — строфа 4: «свой падшій тронъ»; 7: «блескъ ..... славы...» Стихотв. было написано для праздника 6 июня 1816 г., в честь принца, вписав. короля Нидерландов (Голландии), приехавшего в Россию, чтобы жениться на одной великой княжне; поэтому в стихах — «официальные» взгляды на Наполеона и др., см. раньше. *Злодѣй* — Наполеон. *Шаткой тронъ* — второй период его власти, «сто дней». *Благословенный* — Александр I. *Лиліи* были в гербе франц. королев. *Герой Альбіона* — Веллингтон, командовавший при Ватерло. Напеч. Посм. изд.

11. НАЪЗДНИКЪ.

Глубокой ночи на поляхъ
Давно лежали покрывала,
И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
Звѣзда пустынная сіяла
При умирающихъ огняхъ.
Въ невѣрной темнотѣ тумана
Безмолвно два стояли стана
На помраченныхъ высотахъ.

Все спитъ; — лишь волнъ мятежный
ропотъ
Разносится въ тиши ночной.
Да слышенъ издали глухой
Булата звонъ и конской топотъ. —
Толпа наѣздниковъ младыхъ
Въ дубравѣ ѣдетъ молчаливой.
Дрожать и нынуть кони ихъ,

Главой трясуть нетерпѣливой.
 Ужь полемъ воины летятъ,
 Дубравы кровь покинувъ зыбкой.
 Усами грозно шевелятъ
 И съ гордой шепчутся улыбкой,—
 Ихъ лица радостью горятъ,
 Огнемъ пылаютъ гнѣвны очи;
 Лишь ты, воинственный поэтъ,
 Уныль какъ сумракъ полуночи,
 И блѣдень—какъ осенній свѣтъ.
 Съ главою мрачно наклоненной
 Къ тѣснямой горестью груди,
 Печальной думой увлеченный,
 Онъ ѣдетъ молча впереди.—
 „Пѣвецъ угрюмой, что съ тобою?
 Одинъ предъ боемъ ты уныль“
 Поникъ безстрашно главою,
 Бразды и саблю опустилъ;
 Ужель, невольникъ празднои нѣги,
 Отраднѣй сонъ твоихъ полей,
 Чѣмъ наши бурные набѣги
 И ночью бранной стукъ мечей?
 Стезя войны пускай опасна,
 Завиденъ гордой нашъ удѣлъ,—
 Тебѣ ли въ полѣ смерть ужасна?
 Но ты средь боевъ не блѣднѣль,
 Тебя мы зрѣли подъ мечами
 Съ спокойнымъ, дерзостнымъ че-
 ломъ,
 Всегда межъ первыми рядами,
 Все тамъ, гдѣ падалъ первой
 громъ.
 Съ побѣднымъ съединяя кли-
 комъ,
 Твой голосъ наши битвы пѣль,
 А нынѣ ты въ уныньи дикомъ,
 Какъ робкой ратникъ, онѣмѣль.“

Сохранилось в авт., отысканном в 1911 г., и в списке с пометами П—а и поправками 1825 г. Отношение между рук. не вполне выяснено, 'повидимому авт.—позднейшая лицейская ред., но поправки 1825 г. внесены в список. Даем поэтому обо ред., авт—а и списка. Согласно с авт. напеч. Посм. изд., где ст. 6 с конца: «... На полѣ славы». Ред. списка см. дальше; при ней указаны и внесенные в нее поправки 1825 г. *Наѣздникъ*, у П—а, значило: «партизан», см. дальше, каким был, напр., в 1812 г. Денис Давыдов. Герой стихов выражает, однако, чувства самого поэта, почему эта полу-баллада отнесена нами к лирике.

11а. НАѢЗДНИКИ.

Глубокой ночи на поляхъ
 Давно лежали покрывала,
 И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
 Звѣзда пустынная сіяла.
 При умирающихъ огняхъ,
 Въ невѣрной темнотѣ тумана,
 Безмолвно два стояли стана
 На помраченныхъ высотахъ.
 Все спать: лишь волнъ мятежный ропотъ
 Разносится въ тиши ночной,
 Да слышенъ изъ дали глухой
 Булата звонъ и конской топотъ.
 Толпа наѣздниковъ младыхъ
 Въ дубравѣ ѣдетъ молчаливой;

Но медленно пѣвецъ печальной
 Главу и взоры приподнялъ,
 Взглянулъ угрюмо въ сумракъ даль-
 ной
 И вздохомъ грудь поколебаль.
 „Глубокой сонъ въ долинѣ бранной,
 Одни мы мчимся въ тьмѣ ночной;
 Готовъ, готовъ ударъ желанной,
 Предчувствую послѣдній бой!
 Зоветъ меня конецъ жестокой,
 Мы грозно ринемся въ огонь,
 Ударить часъ,—и одинокой
 Въ долину выбѣжить мой конь.
 О вы, которые костями
 Сей ночью ляжете со мной,
 Скажите: милыя слезами
 Вашъ усладятъ ли сонъ нѣмой?
 Но я... напрасно сердце дышетъ,
 Настанетъ хладъ и тишина,
 Ельвина скоро вѣсть услышетъ:
 „Онъ палъ“,—и не вздохнетъ она.
 А вы, хранимые судьбами
 Для тихихъ жизненныхъ отрадъ,
 Щастливцы!.. милыя слезами
 Благословится вашъ возвратъ!
 За чашей сладкаго спасенья,
 О братья, вспомните пѣвца,
 Его любовь, его мученья
 И славу грознаго конца!“
 Умолкъ и мчится въ бой кровавый.
 Уже не возвратился онъ.
 На полѣ . . . . . славы
 Его покрылъ безвѣстный сонъ.
 И утромъ юнаго поэта
 Наѣздники въ веселой часъ,
 За чашей дружнаго привѣта
 Въ послѣдній вспомнули разъ.

Дрожать и пышутъ кони ихъ,
 Главой трясуть нетерпѣливой.
 Ужь полемъ всадники спѣшатъ,
 Дубравы кровь покинувъ зыбкой,
 Усами мрачно шевелятъ
 И съ гордой шепчутся улыбкой;
 Ихъ лица радостью горятъ,
 Огнемъ пылаютъ гнѣвны очи,
 Лишь ты, воинственный поэтъ,
 Уныль, какъ сумракъ полуночи,
 И блѣдень,—какъ осенній свѣтъ.
 Съ главою мрачно преклоненной,
 Съ укрытой горестью въ груди,
 Печальной думой увлеченной,

Онъ молча ѣдетъ впереди.
 «Пѣвецъ угрюмой, что съ тобою?
 Одинъ предъ боемъ ты уныль,
 Поникъ безстрашною главою,
 Бразды и саблю опустили!
 Ужель, невольникъ праздной нѣги,
 Отраднѣй миръ душѣ твоей,
 Чѣмъ наши бурные набѣги
 И ночью бранной стукъ мечей?
 Одна стезя войны прекрасна,
 Завиденъ гордой нашъ удѣлъ.
 Тебѣ ли нынѣ смерть ужасна?
 Ты вѣкъ средь боевъ не блѣднѣлъ:
 Тебя мы зрѣли подъ мечами
 Съ спокойнымъ дерзостнымъ челомъ,
 Всегда межъ первыми рядами,
 Все тамъ, гдѣ битвы падалъ громъ.
 Съ побѣднымъ съединяясь кликомъ,
 Твой голосъ нашу славу пѣлъ,
 А нынѣ ты въ уныньи дикомъ
 Какъ бѣглой ратникъ онѣмѣлъ.»
 Но медленно пѣвецъ печальной
 Главу и взоры приподнялъ,
 Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальной
 И вздохомъ грудь поколебаль.

«Глубокой сонъ въ долину бранной;
 Одни мы мчимся въ тмѣ ночной;
 Готовъ, готовъ ударъ желанной;
 Меня зоветь послѣднй бой!
 Расторгну цѣпь судьбы жестокой;
 Влечу я съ братьями въ огонь;
 Влечу грозой,—и одинокой
 Въ долину выбѣжить мой конь!...
 «О вы! которымъ здѣсь со мною
 Предѣлъ могилы положень,
 Скажите: милая слезоу
 Вашъ усладить ли долгой сонъ?
 Но для меня никто не дышетъ,
 Меня настигнетъ тишина,
 Ельвина смерти вѣсть услышетъ:
 И въ тайнѣ не вздохнетъ она.
 «А вы, хранимые судьбами
 Для счастья жизненныхъ отрадъ,
 Пускай любовницы слезами
 Благословится вашъ возвратъ!
 За чашей сладкаго спасенья,
 О братья, вспомните пѣвца,
 Его любовь, его мученья
 И славу грознаго конца!...»

Переделывая стихотв. в 1825 г., П. изменил в этой ред. многие стихи, среди них:

Ст.	6:	Въ невѣрной темнотѣ тумана...
	18—19:	Дубравы кровь оставя зыбкой, Коней ласкаютъ и смирятъ...
	30:	Пѣвецъ печальный, что съ тобою...]
	40:	Тебѣ ли браней смерть ужасна...]
	56—57:	Предчувствую конецъ желанной, Меня зоветь послѣднй бой...]
	60:	(Готовъ ударъ — и одинокой)... Ударъ падеть, — и одинокой...
	67—72:	Но для пѣвца никто не дышетъ, Его настигнетъ тишина; Ельвина смерти вѣсть услышетъ,— И не вздохнетъ обь томъ она. О вы, хранимые судьбами, Для сладостныхъ любви награды...

Некоторые четверостишия зачеркнуты. Анненков видел еще одну ред. в рук. для изд. 1826 г., где стихотв. начиналось стихом:

Ужъ полемъ всадники спѣшать...

В тексте не было четверостиший: «Стезя войны пускай опасна...» и «Съ побѣднымъ съединяясь кликомъ...» Кроме того, в рук. был ряд других вар. (эта ред., предположительно восстановленная, внесена в Акад. изд.)

12—31. Стихи о любви 1816 года.

В середине 1816 г. П.—ымъ написан ряд элегий и др. стихотворений, посвященных его «первой любви», первому серьезному увлечению, возбужденному в нем Ек. Павл. Бакуиной, вполс. Полторацкой (см. Вступ. очерк). Насколько ранние стихи П.—а проникнуты легкомысленнымъ восхвалениемъ радостей жизни («эпикурейство»), настолько любовные элегии 1816 г. все исполнены чувства грусти и унынья, конечно, также—неглубоких. Эти стихотв. следуютъ почти непосредственно одно за другим, и только послание Горчакову написано, вероятно, ранее, м. б., весной, и «Пробужденіе» стоит в рук. отдельно. П. в 1825 г. начиналъ переделывать многие из этих стихотв., но большею частью поправок не закончил и стихов в изд. 1826 г. не включил.

12. ПОСЛАНИЕ КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Встрѣчаюсь я съ осмнадцатой весной;
 Въ послѣднй разъ, быть можетъ, я съ тобой,
 Задумчиво внимая шумъ дубравной,
 Надъ озеромъ иду рука съ рукой.
 Гдѣ вы, лѣта безпечности недавней?

Съ надеждами во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
 Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
 Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравной,
 И розный намъ оставить въ мѣрѣ слѣдъ:
 Тебѣ рукой Фортуны своенравной
 Указанъ путь и щастливой и славной—
 Моя стезя печальна и темна.
 И нѣжная краса тебѣ дана,
 И нравиться блестящій даръ природы,
 И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
 Ты сотворенъ для сладостной свободы,
 Для радости, для славы, для забавъ.
 Они пришли, твои златые годы,
 Огня любви прелестная пора!
 Спѣши любить и щастливый вчера,
 Сегодня вновь будь щастливъ осторожно;
 Амуръ велить—и завтра, если можно,
 Вновь миртами красавицу вѣнчай...
 О сколькихъ слезъ, предвижу, ты виновникъ!
 Измѣны другъ и вѣтренный любовникъ,
 Будь вѣренъ всѣмъ, плѣняйся и плѣняй!...
 А мой удѣлъ—но пасмурнымъ туманомъ
 За чѣмъ же мнѣ грядущее скрывать?
 Увы, нельзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ
 И щастья тѣнь, забывшись, обнимать!
 Вся жизнь моя—печальный мракъ ненастья;
 Двѣ, три весны младенцемъ, можетъ быть,
 Я щастливъ былъ, не понимая щастья.
 Онѣ прошли, но можно ль ихъ забыть?
 Онѣ прошли и скорбными глазами
 Смотря на путь, оставленный на вѣкъ,
 На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
 Которымъ я такъ весело протекъ—
 Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно,
 Мучительнымъ желаніемъ горя...
 Твоя заря—заря весны прекрасной;
 Моя жъ, мой другъ!—осенняя заря.
 Я зналъ любовь—но я не зналъ надежды:
 Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ...
 Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
 Но мрачныя я грезы не забылъ.
 Душа полна невольной грустной думой;
 Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
 Одинъ съ тоской явлюсь я гость угрюмой,
 Явлюсь на часъ и одинокъ умру.
 И не придетъ другъ сердца незабвенный
 Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть,
 И не придетъ на холмъ уединенный
 Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть!
 Ужель моя пройдетъ пустынно младость?
 Иль мнѣ чужда щастливая любовь?
 Ужель умру, не вѣдая что радость?
 За чѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?
 Чего мнѣ ждатель? Въ рядахъ забытый воинъ,
 Среди толпы затерянный пѣвецъ—
 Какихъ на градъ я въ будущемъ достоинъ
 И щастія какой возьму вѣнецъ?...

Но что! стыжусь! Нѣтъ ропоть—униженье,
 Нѣтъ праведно боговъ опредѣленье—
 Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
 Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье—
 И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье:
 Мой скромный даръ и щастіе друзей!

Не сохранилось ни в авт., ни в лицейском списке; известно лишь по печ. тексту.
 Кн. А. М. Горчаковъ школьный товарищ П—а, впоследствии государственный канцлер.
 См. дальше, др. послания к нему. *Фортуна, боги* см. Общ. прим. Напеч. 1856 г.

13. ПРОБУЖДЕНИЕ.

Мечты, мечты, Гдѣ ваша сладость? Гдѣ ты, гдѣ ты, Ночная радость? Исчѣзнулъ онъ, Веселой сонъ, И одинокой Во тмѣ глубокой Я пробуждѣнъ... Кругомъ постели Нѣмая ночь. Вмигъ охладѣли, Вмигъ улетѣли Толпою прочь	Любви мечтанья. Еще полна Душа желанья И ловить сна Воспоминанья. Любовь, любовь, Внемли моленья: Пошли мнѣ вновь Свой видѣнья, И поутру, Вновь упоенный, Пускай умру Не пробужденный. 18 Марта.
--	---

Сохранилось в списке с поправками П—а 1825 г. Напеч. 1817 г. и в изд. 1826 г.
 Даем текст изд., так как поправки сделаны, повидимому, еще в Лицее. Текст 1817 г.:

Ст. 21—23: Пусть упоенный
 Усну я вновь
 Обвороженный.
 25: Вновь утомленный...

Чрезвычайно изящное стихотв. выгодно выделяется в ряду тоскливых элегий и позднее П. вспоминал его в «Евгенія Онѣгина» (гл. 6-ая, стр. XLIV). Помета, м. б., означает: «переписано 18 марта 1817 года».

14. А. А. ШИШКОВУ.

Поэтъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
 Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
 Въ помѣсть мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
 Гдѣ нѣжился Шольё съ Мелецкимъ и Парни?
 Тебѣ, балованной питомецъ Аполлона,
 Съ напѣвомъ соглашать игривую свирѣль:
 Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
 Твою щастливую качали колыбель.
 И нынѣ, въ юности прекрасной,
 Съ тобою въоряя сопутницы твои.
 Брядай, о трубадуръ, на арфѣ сладострастной
 Ты гимны щастливой любви,
 Пой сердца юнаго кипящее желанье,
 Красавицы твоей упорство, трепетанье,
 Со груди сорванный завистливый покровъ,
 Стыдливости послѣднее роптанье
 И страсти торжество на ложѣ изъ цвѣтовъ;
 Пой, въ нѣгѣ устремивъ на друга томны очи,
 Тебѣ подвластныя красы,
 Въ ея объятяхъ исчезнувшія ночи—
 Любви безцѣнные часы.

Мой другъ, она—твоя, она—твоя награда,
 Таинственной любви безцѣнная отрада!
 Но мнѣ ли радость воспѣвать,
 Когда гнететь меня страданье,
 Когда на каждый стихъ, на каждое мечтанье
 Унынье черную свою кладеть печать...
 Но я... Друзей любить открытою душою,
 Въ молчаньи чувствовать, плѣняться красотой:
 Вотъ жребій мой: ему я слѣдовать готовъ!
 Покорствую судьбамъ, но сжался надо мною,—
 Не требуй отъ меня стиховъ!

Не вѣчно нѣжиться въ прелестномъ ослѣпленьи,
 Ужъ холодной истинны докучный вижу свѣтъ,
 По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньи
 Обманчивой мечтѣ, шепнувшей: ты поэтъ!
 И, прѣзря мудрые угрозы и совѣты,
 Съ небрежной легкостью нанизывалъ куплеты,
 Игрушкою себя невинной веселилъ;
 Угодникъ Бахуса, я съ трезвыми друзьями
 Бывало пѣлъ вино водяными стихами,
 Въ дурныхъ стихахъ дурныхъ писателей бранилъ,
 Иль дружбѣ плель вѣнокъ, и дружество зѣвало
 И сонные стихи въ просонкахъ величало,
 И даже, каюсь, я, пустынный, согрѣшилъ;
 Простятъ мнѣ страшный грѣхъ поэты:

Я написалъ придворные куплеты,
 Кадилломъ дерзостнымъ я щастію кадилъ;
 Я первый пѣлъ любви невинное начало,
 Но такъ таинственно, съ такимъ разборомъ словъ,
 Съ такою скромностью стыдливой,
 Что, не краснѣя бояливо,
 Меня бы выслушалъ и дѣвственный К - - овъ.
 Но скрылись отъ меня Парнасскія забавы,
 Не долго юношу лелѣялъ Аполлонъ,
 Не долго снились мнѣ мечтанья Музъ и славы,
 Не долго былъ я усыпленъ!
 Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулся,
 Увидѣлъ, что еще не генія печать—
 Охота смертная на риомахъ лепетать,
 Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся:
 И полно мнѣ писать!

Сохранилось в списке с поправками П—а 1825 г. Напеч. в измененной ред. изд. 1826 г. *А—ндр Ард. Шишковъ* (1799—1833 г.), племянник А. С. Шишкова, см. раньше, начинающий поэт, стихи кот. оценены П—ым, конечно, слишком великодушно. Шишков вел жизнь беспорядочную и погиб от кинжала убийцы; в своей поэзии подражал: аббату *Шолье*, *Парни*, франц. поэтам, о кот. см. раньше, *Нелединскому-Мелецкому*, автору популярных песенок, и др. *Эрата*—одна из муз. Др. об. раньше. *Помѣстье межъ Пиндом и Цитерой*, т.-е. область между поэзией и любовью. Кто был *К—овъ* не выяснено. Стихотв. любопытно, как строгая самооценка. Текст 1826 г. см. Прил. II; первоначальный печатается полностью в нашем изд. *впервые*.

15. О К Н О.

1. Гдѣ миръ одной мечтѣ послуш-
 ной?
 Мнѣ настоящій опустѣлъ!
 На все взираю равнодушно,
 Дышать уныньемъ мой удѣлъ,

Напрасно лѣтнею порою
 Любовникъ рожищъ и луговъ
 Колышетъ розой полевою
 Летя съ тѣнистыхъ береговъ.

2. Напрасно поздняя зарница
 Мерцаетъ въ темнотѣ ночной
 Иль въ зыбкихъ облакахъ ден-
 ница
 Разлита пламенной рѣкой,
 Иль день багряный вечерѣтъ
 И тихо тускнеть неба сводъ
 И кленъ на мѣсяцѣ бѣлѣтъ
 Склонясь на берегъ синихъ водъ

3. Вчера вечерней темнотою,
 Когда пустынная луна
 Текла туманною стезею—
 Я видѣлъ, дѣва у окна

Сохранилось в двух авт. В одном, собр. Грота, вар.,—строфа 2: «Тмится неба зводъ...»; 3: «Склонившись на руку сидѣла...» В др. авт., Рум. муз., поправки 1825 г.—строфа 3: «Недавно темною порою...»; «Она с волненіемъ глядѣла...» Напеч. Посм. изд.

Одна задумчиво сидѣла,
 Дышала въ тайномъ страхѣ
 грудь—
 Съ волненіемъ дѣвица глядѣла
 На темной подъ холмами путь.

4. „Я здѣсь!“ шепнули торопливо,
 И дѣва трепетной рукой
 Окно открыла боязливо...
 Одѣлся мѣсяцъ темнотою.
 Щастливецъ, молвилъ я съ тоскою.
 Тебя веселье ждетъ одно!—
 Когда жъ вечернею порою
 И мнѣ откроется окно.

16. Э Л Е Г І Я.

[ЛЮБОВЬ ОДНА ВЕСЕЛЬЕ ЖИЗНИ ХЛАДНОЙ...]

Любовь одна веселье жизни хлад-
 ной!

Любовь одна мученіе сердець!
 Она даритъ одинъ лишь мигъ от-
 радной,

А горестямъ не видѣнь и конецъ.
 Стократъ блаженъ, кто въ юности
 прелестной

Сей быстрый мигъ поймаешь на лету;
 Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣст-
 ной

Стыдливую преклонитъ красоту!
 Но кто любви не жертвовалъ со-
 бою?

Вы, чувствами свободные, пѣвцы!
 Предъ милыми смирились вы душою,
 Вы пѣли страсть—и гордою рукою
 Красавицамъ несли свои вѣнцы.

Слѣпой Амуръ, жестокой и при-
 страстной,

Вамъ тернии и мирты раздавалъ;
 Съ Пермесскими царицами соглас-
 ной,

Инымъ изъ васъ на радость ука-
 залъ;

Другихъ на-вѣкъ печалами связалъ;
 И въ даръ послалъ огонь любви не-
 щастной.

Наслѣдники Тибулла и Парни!
 Вы знаете безцѣнной жизни сла-
 дость;

Какъ утра лучъ, сіяютъ ваши дни.
 Пѣвцы любви! младую пойте ра-
 дость.

Склонивъ уста къ пылающимъ ус-
 тамъ,

Въ объятіяхъ любовницъ умирайте;
 Стихи любви, тихонько возды-
 хайте!..

Завидовать уже не смѣю вамъ.
 Пѣвцы любви! вы вѣдали печали

И ваши дни по терніямъ текли;
 Вы свой конецъ съ волненіемъ при-
 зывали;

Пришелъ конецъ, и въ жизненной
 дали

Не зрѣли вы минутную забаву;
 Но, не нашедъ блаженства вашихъ
 дней,

Вы встрѣтили по крайней мѣрѣ сла-
 ву—

И мукою безсмертны вы своей!
 Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ на-
 значень:

Подъ сумрачнымъ навѣсомъ обла-
 ковъ,

Въ глуши долинъ, въ печальной тмѣ
 лѣсовъ,

Одинъ, одинъ брожу уныль и мра-
 чень.

Въ вечерній часъ, надъ озеромъ съ-
 дымъ,

Въ тоскѣ, слезахъ, нерѣдко я стенаю;
 Но ропотъ волнъ стенаніямъ моимъ
 И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я
 внимаю.

Прервется ли души холодный
 сонъ,

Поэзіи зажжется ль упоенье.—
 Родится жаръ, и тихо стынетъ онъ:
 Бесплодное проходитъ вдохновенье.
 Пускай она прославится другимъ;

Одинъ люблю — онъ любить и лю-
 бимъ!..
 Люблю, люблю!.. но къ ней ужъ не
 коснется
 Страдальца гласъ; она не улыбнется
 Его стихамъ небрежнымъ и про-
 стымъ.

Къ чему мнѣ пѣть? подѣ кленомъ
 полевымъ
 Оставилъ я пустынному зефиру
 Ужъ навсегда покинутую лиру—
 И слабый даръ, какъ легкій скрыл-
 ся дымъ.

Село Михайловское, Іюль 1817.
 [Переписано].

В лицейской тетради не сохранилось, но известен в авт. отрывок с пометой: «Продолжение въ тетради 7» и датой, когда переписано. Текст по Посм. изд., где напеч. *Тибулл*—римский поэт; *Пермесскія царицы*—музы, *Парни* и др. об. раньше. Три стиха из этого стихотв. были внесены в «Гавриладиу», что важно, так как стихотв. при жизни П—а не печаталось, О намекахъ стихотв. см. Вступ. сч.

17. НАСЛАЖДЕНИЕ.

1. Въ неволѣ скучной увядаетъ
 Едва развитый жизни цвѣтъ,
 Украдкой младость отлетаетъ,
 И слѣдъ ея—печали слѣдъ.
 Съ минутъ безчувственныхъ ро-
 жденья
 До нѣжныхъ юношества лѣтъ
 Я все не знаю наслажденья,
 И счастья въ томномъ сердцѣ
 нѣтъ.

Златыя крылья развивая,
 Волшебной, нѣжной красотою
 Любовь явилась молодая
 И полетѣла предо мной.

2. Съ порога жизни въ отдаленье
 Нетерпѣливо я смотрѣлъ:
 „Тамъ, тамъ, мечталъ я, насла-
 жденье.“
 Но я за призракомъ летѣлъ.

3. Я вслѣдъ... но цѣли отдален-
 ной,
 Но цѣли милой не достигъ!..
 Когда жъ весельемъ окрылен-
 ной,
 Настанетъ счастья быстрой мигъ?
 Когда въ сѣньхъ возгорится
 Свѣтильникъ тусклыхъ юныхъ
 дней,
 И мрачной путь мой озарится
 Улыбкой спутницы моей?

Сохранилось в авт., где вар.:

Строфа 1: Со мной и тѣни счастья нѣтъ...

2: Тумановъ окруженный тмою
 Бродилъ одинъ — и наконецъ
 Любви далъ руку и съ тоскою
 Сказалъ: веди меня, слѣпецъ!

или: И вдутъ прелестная нагая,
 Дыша небесной чистотой
 Явилась Дружба молодая..

3: Люблю.. но цѣли отдаленной...

Слѣпецъ, т.-е. Амур, см. раньше. Напеч. Посм. изд.

18. СЛОВО МИЛОЙ.

Я Лилу слушалъ у клавира.
 Ея прелестной томной гласъ
 Волшебной грустью нѣжить насъ,
 Какъ ночью вѣянье зефира.
 Упали слезы изъ очей,
 И я сказалъ пѣвицѣ милой:
 „Волшебной голосъ твой унылой,
 Но слово милой моей
 Волшебнѣй нѣжныхъ пѣсень Лилы!“

Сохранилось в списке с поправками П—а 1825 г. Этот позднейший текст см. Прил. II. Есть предание, что *Лилой* П. называет некую Марию Смит, см. стихотв. 1817 г. «Къ молодой вдовѣ». *Клавирь*—музыкальный инструмент, в рода фортепиано. *Зефиръ*—ветерок. Напеч. Посм. изд.

19. НАДПИСЬ ВЪ БЕСЪДКЪ.

Съ благоговѣйною душой
 Приблизься путникъ молодой
 Любви къ пустынному приюту.
 Здѣсь ею счастливъ былъ я разъ,
 Въ восторгѣ сладостномъ погасъ,
 И время самое для насъ
 Остановилось на минуту.

Сохранилось в авт., где вар.: «Въ восторгѣ пламенномъ погасъ...» Два последних стиха — подражание французским. Напеч. 1857 г.

20. С Н У.

Знакомецъ милой и старинной, О Сонъ, хранитель доброй мой! Гдѣ ты? Подъ кровлею пустын- ной	Моей мучительной любви. Сокрой отъ памяти унылой Разлуки грустный приговоръ; Пускай увижу милый взоръ, Пускай услышу голосъ милой.
Мнѣ ложе стелеть ужъ покой Въ безмолвной тишинѣ ночной. Приди, задуй мою лампаду, Мои мечты благослови, До утра только дай отраду	Когда жъ умчится ночи мгла, И ты мои покинешь очи,— О, если бы душа могла Забудь любовь до новой ночи!

Сохранилось в авт. с поправками П—а 1825 г. Этот позднейший текст см. Прил. II, под загл.: «Къ Морфею». В рук. помета П—а: «4 стиха оставить» и: «Если оставить, то перемести въ мелкия стихотворения». В изд. 1826 г. не вошло, но напеч. в «Полярной Звезде» 1824 г. в позднейшей ред., где ст. 1—5 откинута; раньше, однако, они были переделаны:

Гдѣ ты, знакомецъ мой старинной,
 Гдѣ ты, любимецъ вѣрной мой?
 Введи, Морфей, подъ кровъ пустынной
 Давно утраченный покой.

Морфей — бог сна. Знакомецъ старинной см. поэму «Сонъ» и др.

21. ЖЕЛАНЬЕ.

Медлительно влекутся дни мои, И каждый мигъ въ уныломъ сердцѣ множить	Моя душа, плѣненная тоской, Въ нихъ горькое находитъ насла- жденье.
Всѣ горести несчастливой любви И всѣ мечты безумія тревожить. Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой; Я слезы лью; мнѣ слезы утѣшенье:	О, жизни часъ! лети, не жаль тебя! Изчезни въ тмѣ, пустое привидѣнье; Мнѣ дорого любви моей мученье Пускай умру, но пусть умру—любя!

Сохранилось в списке с поправками П—а 1825 г., при чем П. дал загл.: «Унынье» и изменил выражения,—ст. 2: «въ увядшемъ сердцѣ...»; 3: «И тяжкое безуміе...» 7: «объятая тоской...»; 9: «О жизни сонъ!» Напеч., не по желанію П—а, 1827 г. в позднейшей ред. и перепеч. Посм. изд. Первоначальная ред. печатается полностью в нашем изд. *впервые*.

22. МЪСЯЦЪ.

Зачѣмъ изъ облака выходишь, Уединенная луна, И на подушки, сквозь окна, Сіянье тусклое наводишь? Явленьемъ пасмурнымъ своимъ, Ты будишь грустные мечтанья, Любви напрасныя страданья, И гордымъ разумомъ моимъ	Чуть усыпленные желанья. Летите прочь воспоминанья! Засни, несчастная любовь! Ужъ не бывай той ночи вновь, Когда спокойное сіянье Твоихъ таинственныхъ лучей Сквозь темный ясенъ пронизало И блѣдно, блѣдно озаряло
---	--

Красу любовницы моей.
 Что вы, восторги сладострастья,
 Предъ тайной прелестью от-
   радь,
 Прямой любви, прямого щастья!
 Примчатся ль радости назадъ?
 Почто, минуты, вы летѣли

Тогда столь быстрой чередой
 И тѣни легкія рѣдѣли
 Предъ неожиданной зарей?
 За чѣмъ ты, мѣсяць, укатился?
 И въ небѣ свѣтломъ утонулъ?
 За чѣмъ лучъ утренній блеснулъ,
 За чѣмъ я съ милою простился?

Сохранилось в списке с поправками П—а 1825 г. П. изменил выражения,—ст. 17: «темный завѣсъ...»; 19: «Красу возлюбленной...» и зачеркнул 4 стиха, начиная с: «Что вы, восторги...» Напеч. Посм. изд.

23. РАЗЛУКА.

Когда пробилъ послѣдній щастью
   часть,
 Когда въ слезахъ надъ бездной я
   проснулся
 И, трепетный, уже въ послѣдній разъ
 Къ рукъ твоей устами прикоснулся—
 Да, помню все!.. я сердцемъ ужас-
   нулся,
 Но заглушалъ несносную печаль;
 Я говорилъ: „Не вѣчная разлука
 Всѣ радости уносить нынѣ вдаль.
 Забудемся! въ мечтахъ потонетъ
   мука;

Уныніе, губительная скука
 Пустынника приютъ не посѣтятъ;
 Мою печаль усладой Муза встрѣтитъ;
 Утѣшусь я, и дружбы тихій взглядъ
 Души моей, холодной мракъ освѣ-
   титъ.“

Какъ мало я любовь и сердце
   зналъ!
 Часы идутъ, за ними дни проходятъ,
 Но горестямъ отрады не приводятъ,
 И не несутъ забвенія фіяль.
 О, милая! повсюду ты со мною!

Но я унылъ и втайнѣ я грущу.
 Блеснетъ ли день за синею горою,
 Взойдетъ ли ночь съ осеннею лу-
   ною-

Я все тебя, прелестный другъ, ищу;
 Лишь о тебѣ въ уныніи—мечтаю,
 Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
 Задумаюсь—неволью призываю,
 Заслушаюсь—твой голосъ слышенъ
   мнѣ.

Разсѣянный сажу между друзьями,
 Невнятенъ мнѣ ихъ шумной раз-
   говоръ;

Гляжу на нихъ недвижными глазами,
 Не знаетъ ихъ уже мой хладный
   взоръ!

И ты со мной, о лира, приуныла,
 Наперсница души моей больной!
 Твоей струны печаленъ звонъ глухой
 И лишь любви ты голосъ не забыла...
 О, вѣрная! грусти, грусти со мной!
 Пускай твои небрежные напѣвы
 Изобразятъ уныніе мое,
 И слушая бряцаніе твое,
 Пускай вздохнуть задумчивыя дѣвы.

Сохранилось в списке с поправками П—а 1825 г. и его пометой: «Начиная с этого стиха: «О милый другъ...» См. Прил. II, под загл. «Уныніе». Бакунина жила в Царском Селе только летом. Первоначальный текст напеч. Посм. изд.; обе ред. 1855 г.

24. ЭЛЕГИЯ.

[п р о щ а н і е].

Подражаніе.

Я видѣлъ смерть, она въ молчаньи сѣла
 У мирнаго порогу моего.
 Я видѣлъ гробъ; открылась дверь его:
     Душа, померкнувъ, охладѣла...
     Покину скоро я друзей,
     И жизни горестной моей
     Никто слѣдовъ ужъ не примѣтитъ;
     Послѣдній взоръ моихъ очей
     Луча безсмертія не встрѣтитъ,
 И погасающій свѣтильникъ юныхъ дней
 Ничтожества спокойной мракъ освѣтитъ.

Прости, печальной міръ, гдѣ темная стезя
 Надъ бездной для меня лежала,
 Гдѣ вѣра тихая меня не утѣшала,
 Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
 Прости, свѣтило дня! Прости, небесъ завѣса,
 Нѣмая ночи мгла, денницы сладкій часъ,
 Знакомые холмы, ручья пустынный гласъ,
 Безмолвіе таинственнаго лѣса,
 И все прости въ послѣдній разъ!

А ты, которая была мнѣ въ міръ богомъ,
 Предметомъ тайныхъ слезъ и горестей залогомъ,
 Прости! Минуло все... Ужъ гаснетъ пламень мой,
 Схожу я въ кладную могилу
 И смерти сумракъ роковой
 Съ мученьями любви покроетъ жизнь унылу!

А вы, друзья, когда лишенный силъ,
 Едва дыша въ болѣзненномъ бореньи,
 Скажу я вамъ: „О, други, я любилъ!“
 И тихой духъ умереть въ изнеможенъи,
 Друзья мои, тогда, тогда пойдите къ ней;
 Скажите: взять онъ вѣчной тмою;
 И, можетъ быть, объ участи моей
 Она вздохнетъ надъ урной гробовою!

Сохранилось два авт. и несколько списков. Авт. Рум. ж. с поправками П—а 1825 г., дает лицейскую ред., которую мы и воспроизводим. Текст 1825 г. см. Прил. II. Загл. первое в авт.; второе: «Прощаніе»—в списке; подзаголовок: «Подражаніе»—в авт. На что намекает стихотв. (м. б., мысли о самсубийстве), не выяснено. *Ничтожество*, по словоупотреблению П—а, значило «небытие»; *пустынный*—одинокій. Сам П. ценит стихотворение, так как много над ним работал. Многочисленные поправки 1825 г. дают промежуточную ред., которая столь отличается от первоначальной и окончательной, что мы даем ее полностью:

24а. ЭЛЕГІЯ.

Подражаніе.

Я видѣлъ смерть: она безмолвно съла
 У мирнаго порогу моего;
 Я видѣлъ гробъ: открылась дверь его,
 Къ нему душа съ надеждой полетѣла...
 Минутной младости моей
 Никто, никто слѣдовъ пустынныхъ не примѣтитъ!
 И взора милаго не встрѣтитъ
 Послѣдній взоръ моихъ очей.
 Прости, печальной міръ, гдѣ темная стезя
 Надъ бездной для меня лежала,
 Гдѣ жизнь меня не утѣшала,
 Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
 Прости, родныхъ небесъ завѣса!
 Нѣмая тѣнь, веселой утра часъ,
 Знакомые холмы, ручья знакомой гласъ,
 Вы, сѣни тихія таинственнаго лѣса!...
 И все... прости въ послѣдній разъ!
 А ты, которая была мнѣ въ міръ богомъ,
 Предметомъ вѣчныхъ слезъ и горестей залогомъ,
 Прости, все кончено... безумной пламень мой
 Теряетъ навсегда мучительную силу:
 Схожу въ отрадную могилу,
 Съ послѣдней радостью, съ послѣднею слезой.
 А вы, друзья, когда лишенный силъ,
 Едва дыша, томясь еще желаньемъ,
 Скажу я вамъ: о други! я любилъ!
 Когда вздохну съ послѣднимъ содроганьемъ,

Друзья мои — тогда подите къ ней;
Скажите ей: погибъ нашъ другъ печальной...
И, можетъ быть, объ участи моей
Она вздохнетъ надъ урной погребальной.

Напеч. 1855 г.; ред. 1825 г.—Ак. изд.; промежуточная—нами 1907 г.

25. ЭЛЕГИЯ.

Щастливъ, кто въ страсти самъ
Безъ ужаса признаться смѣетъ,
Кого въ невѣдомой судьбѣ
Надежда тихая лелѣетъ,
Кому луны туманный лучъ
Въ полночи свѣтитъ сладострастной;
Кому тихонько вѣрной ключъ
Отворить дверь его прекрасной!

Но мнѣ въ унылой жизни нѣтъ
Отрады тайныхъ наслажденій;
Увяль надежды ранній цвѣтъ:
Цвѣтъ жизни сохнетъ отъ му-
ченій!

Печально младость улетитъ,
Услышу старости угрозы,
Но я, любовью позабытъ,
Моей любви забуду ль слезы?

Сохранилось в списке с поправками П—а 1825 г., ст. 14 и 16:

И съ ней увянутъ жизни розы...
Любви не позабуду ль слезы?...

и выражений: ст. 4—«робкая»; 5—«Кого»; 6—«Ведетъ въ полночи...» Напеч. Посм. изд.

26. ОСЕННЕЕ УТРО.

Поднялся шумъ; свирѣлью полевой
Оглашеное мое уединенье,
И съ образомъ любовницы драгой
Послѣднее слетѣло сновидѣнье.
Съ Небесъ уже скатилась ночи тѣнь,
Взошла заря, блистаетъ блѣдной
день,—

А вокругъ меня глухое заустенье...
Ужъ нѣтъ ея... я былъ у береговъ,
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный:
На берегу, на зелени луговъ
Я не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ,
Оставленныхъ ногой ея прекрасной.
Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее,—и гласъ уединенной
Пустыхъ долинъ позвалъ ее въ дали.
Къ ручью пришелъ, мечтами при-
влеченной;

Его струи медлительно текли,

Не трепеталъ въ нихъ образъ не-
забвенной.—

Ужъ нѣтъ ея!... до сладостной
весны

Простился я съ блаженствомъ и съ
душою.

Ужъ осени холодною рукою
Главы березъ и липъ обнажены,
Она шумитъ въ дубравахъ опустѣ-
лыхъ;

Тамъ день и ночь кружится желтой
листь,

Стоитъ туманъ на волнахъ охладѣ-
лыхъ,

И слышится мгновенной вѣтра
свистъ.

Поля, холмы, знакомыя дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидѣтели моей тоски, забавы!
Забыты вы... до сладостной весны.

Сохранилось в списке с поправками П—а 1825 г. ст.—

3: И съ милою любви моей мечтой...

12: Уже нигдѣ не встрѣтилъ я прекрасной,...

и выражений: ст. 4—«взвезло сновидѣнье»; 6—«сіяеть»; 11—«Ужъ не нашелъ»; 15—
«лишь гласъ»; 16—«откликнулся въ дали»; 20—«несравненной»; 25—«мертвый листь»;
26—«на нивахъ пожелтѣлыхъ»; 30 (первонач. «безпечныя забавы») — «младенческой за-
бавы», «минувшихъ дней забавы». См. выше стихотв. «Разлука». Напеч. Посм. изд.

27. ЭЛЕГИЯ.

Опять я вашъ, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки,
И брату вновь простерлись ваши
руки,
Вашъ рѣзвой кругъ увидѣлъ снова я.

Все тѣ же вы, но сердце ужъ не
то же,

Уже не вы ему всего дороже,
Ужъ я не тотъ... Невидимой стезей
Ушла пора веселости безпечной,

Ушла на вѣкъ, и жизни скоротечной
Лучь утренній блѣднѣть надо мной;
Веселіе разсталось съ душой.

Отверженный судьбиною ревнивой,
Улыбку, смѣхъ, и рѣзвость и покой,
Я все забылъ: печали молчаливой
Покровъ лежитъ надъ юною главой.
Напрасно вы бесѣдою шумливой
И съ нѣжностью души краснорѣ-

чливой
Мой тяжкой стонъ хотите перервать.
Все кончилось,—и рѣзвости щаст-

ливой
Въ душѣ моей изгладилась печать.
Чтобъ удалить угрюмыя страданья,
Напрасно вы несете лиру мнѣ;

Минувшихъ дней погаснули меч-

танья,
И умеръ гласъ въ безчувственной
струнѣ.

Сохранилось в авт. с поправками 1825 г., где вычеркнут ряд стихов (11, 16—20) и изменен ряд выражений, среди них:

- Стих 2: Печальные сокрылись дни разлуки...
12: Отверженный судьбой несправедливой—
13: И ласки Музъ, и рѣзвость, и покой—
15: Рука лежитъ надъ юною главой...
31: Не доцѣли до завтрашнихъ лучей...

Передъ собой одну печаль я вижу!—
Мнѣ страшень міръ; мнѣ скучень
дневной свѣтъ;

Пойду въ лѣса, въ которыхъ жизни
нѣтъ,

Гдѣ мертвой мракъ—я радость не-

навижу,
Во мнѣ застылъ ея минутный слѣдъ.
Опали вы, листы вчерашней розы!

Не доцѣту до мѣсячныхъ лучей,
Умчались вы, дни радости моей!

Умчались вы—неволью лютятся
слезы,

И вяну я на темномъ утрѣ дней.
О Дружество! предай меня заб-

венью;
Въ безмолвіи, покорствуя судьбамъ,
Оставь меня сердечному мученью,

Оставь меня пустынямъ и сле-

замъ.

28. ДРУЗЬЯМЪ.

Къ чему, веселые друзья,
Мое тревожитъ васъ молчанье?
Запѣвъ послѣднее прощанье,
Ужъ муза смолкнула моя.
Напрасно лиру бралъ я въ руки
Бряцать веселье на пирахъ,
И на ослабленныхъ струнахъ
Искалъ потерянные звуки.

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златая ночи,
И на любовь устремлены
Огнемъ исполненные очи!
Играйте, пойте, о друзья,
Утратьте вечеръ скоротечной,—
И вашей радости безлечной
Сквозь слезы улыбнуса я.

Сохранилось в авт. с поправками 1825 г. Этот позднейший текст см. Прил. II. П. А. Ефремовым была опубликована еще одна редакция этого стихотв. «Среди бесѣды вашей шумной...», но принадлежность ее П—у ничем не утверждается. Позднейшая ред. напеч. П—ым в изд. 1826 г.; первоначальная Посм. изд.

29. ЭЛЕГИЯ.

Я думалъ, что любовь погасла навсегда,
Что въ сердцѣ злыхъ страстей умолкнулъ гласъ мятежной,
Что дружбы наконецъ отрадная звѣзда
Страдальца довела до пристани надежной.
Я мнилъ покоиться близъ вѣрныхъ береговъ,
Ужъ издали смотрѣлъ, указывалъ рукою
На парусъ бѣдственныхъ пловцовъ,
Гонимыхъ яростной грозой.
Я говорилъ: „стократъ блаженъ
Чей вѣкъ, свободной и прекрасной,
Какъ вѣкъ весны, промчался ясной
И страстью не былъ омраченъ—
Кто не страдалъ въ любви напрасной,
Кому невѣдомъ страстный плѣнь.

Блаженъ! но я блаженнѣй болѣ!
 Я цѣпь мученій разорвалъ,
 Опять я дружбѣ—я на волѣ—
 И жизни сумрачное поле
 Веселой блескъ очаровалъ.“

Но что я говорилъ... несчастной!

Минуту я заснулъ въ невѣрной тишинѣ
 Но мрачная любовь таилася во мнѣ

Не угасалъ мой пламень страстной.

Весельемъ позванный въ толпу друзей моихъ
 Хотѣлъ на прежній ладъ настроить рѣзву лиру
 Хотѣлъ еще воспѣть прелестницъ молодыхъ.

Веселье, Вакха и Дельфиру.

Напрасно!.. я молчалъ, усталая рука
 Лежала, томная, на лирѣ непослушной,
 Я все еще горелъ—и въ грусти равнодушной
 На игры младости взиралъ издалека.

Любовь, отравя нашихъ дней,

Бѣги съ толпой обманчивыхъ мечтаній!

Не сожигай души моей,

Огонь мучительныхъ желаній!

Летите, призраки... Амуръ, ужъ я не твой,
 Отдай мнѣ радости, отдай мнѣ мой покой...
 Брось одного меня въ безчувственной природѣ
 Иль дай еще летать Надежды на крылахъ,
 Позволь еще заснуть, и въ тягостныхъ цѣпяхъ
 Мечтать о сладостной свободѣ.

Сохранилось в списке с поправками П—а 1825 г., при чем был изменен—

Ст. 5: Съ безпечною душой покоясь у береговъ...

и выражения: ст. 8—«Носимыхъ гибельной»; ст. 10—«свободою прекрасной»; ст. 15—«счастливей болѣ». Напеч. 1884 г. *Дельфира*—условное имя.

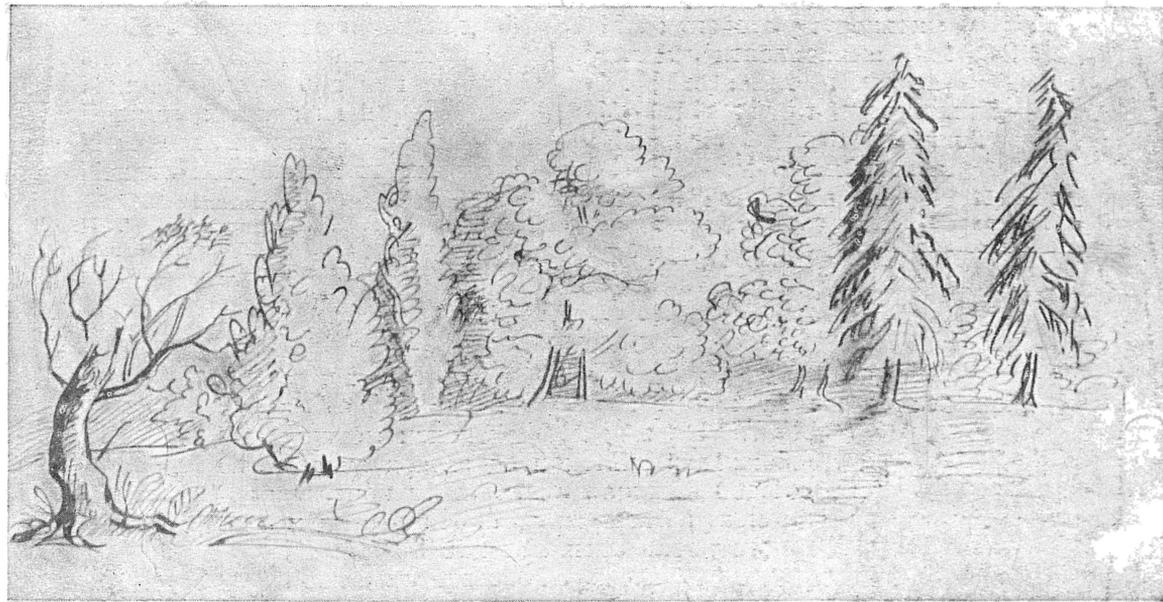
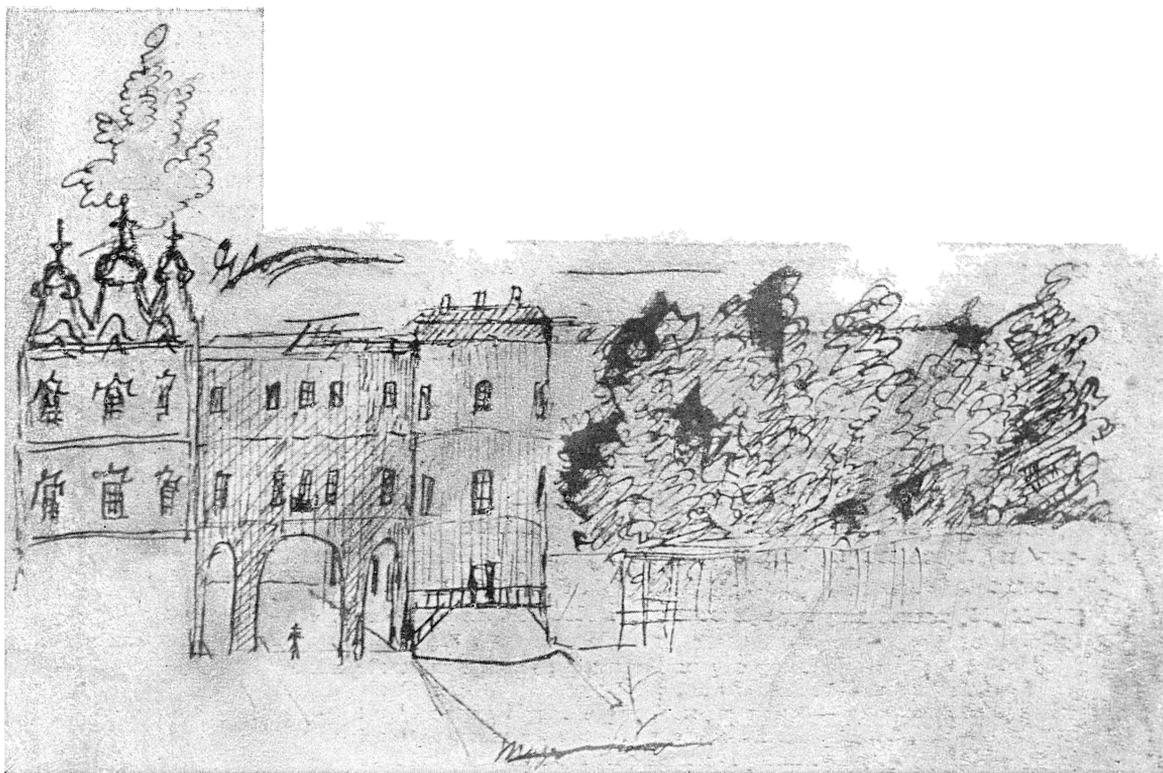
30. КЪ НЕЙ.

1. Ельвина, милой другъ, приди, подай мнѣ руку,
 Я вяну, прекрати тяжелый жизни сонъ;
 Скажи,—увиджу ли... на долгую ль разлуку
 Любовникъ осужденъ?
2. Ужели никогда на друга другъ не взглянетъ?
 Иль вѣчной темнотой покрыты дни мои?
 Ужели никогда насъ утро не застанетъ
 Въ объятіяхъ любви?
3. Ельвина, почему въ часы глубокой ночи
 Я не могу тебя съ весельемъ обнимать,
 На милую стремить томленья полны очи
 И страстью трепетать?
4. И въ радости нѣмой, въ восторгахъ упоеня
 Твой шопотъ сладостной и томный стонъ внимать,
 И въ нѣгѣ въ скромной тмѣ, для нѣги пробужденья
 Близъ милой засыпать?

Напеч. 1817 г. и сохранилось в авт. и трех списках, из кот. один с поправками П—а 1825 г. Даем текст авт., где первоначальные вар., бывшие и в печатном тексте 1817 г.:

Строфа 1: Я роком осужден...
 2: Уже ли вѣчной тмой покрыты дни мои,
 И больше никогда насъ утро не застанетъ...

В 1825 г. П. изменил: строфа 3: «съ восторгомъ обнимать...»; 4: «въ блаженствѣ упоеня...» *Ельвина*—условное имя. Обращено, м. б., не к Бакуниной, а к Марии Смит.

I. Лицей. II. Лицейский парк.

Два рисунка А. С. Пушкина

31. ПѢВЕЦЪ.

1. Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирѣли звукъ унылый и простой
Слыхали ль вы?

---

2. Встрѣчали ль вы въ пустынной тмѣ лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали,
Иль тихой взоръ, исполненный тоской,
Встрѣчали ль вы?

---

3. Вздохнули ль вы, внимая тихой гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали;
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
Вздохнули ль вы?

Напеч. 1817 г. и сохранилось в лицейских списках. Даем текст 1817 г.; в списках вар. строфы 2: «Прискорбную ль (Прискорбѣя ль) улыбку замѣчали?» Музыка к стихотв. была написана еще в 1831 г. О всех предыдущих стихах о любви см. Вступ. оч.

Стихи, написанные совместно с В. А. Жуковским, 1816 г.

32. [ГИМНЪ.]

1. Боже, Царя храни! Славному долги дни Дай на земли! Гордыхъ смирителю, Слабыхъ хранителю Всѣхъ утѣшителю Все ниспосли!	2. Тамъ громкой славою Сильной Державою Миръ онъ покрылъ! Здѣсь безмятежною Сѣнью надежною, Благостью нѣжною Насъ осѣнилъ.	3. Брани въ ужасной часть Мощно хранила насъ Вѣрная длань— Гласъ умиленія, Благодаренія, Сердце стремленія— Вотъ наша дань!

Строфа 1 взята из стихотв. Жуковского, напеч. в 1815 г. Для празднования дня основания Лицея, 19 октября 1816 г., П—у было поручено написать продолжение. Таким образом, П., продолжая стихи Жуковского тем же размером, только выполнял приказание своего школьного начальства. Сохранилось в авт., где вар. — строфа 2: «Тамъ кроткой славою—Свѣтлой державою...»; стр. 3: «Гласъ удивленія...»; «Славному дань...»—и др. ред. стр. 3:

Рабства покинувъ тму,
Пусть миръ несетъ ему
Славы вѣнецъ,
[Гласъ умиленья],
Благодаренья,
Дань упоенья
Нашихъ сердець.

В рук. ошибка: «Нашихъ сердець». Сам П. этих стихов не печатал. В общем и две строфы, написанные П—ым, очень близки к стихам Жуковского, почти вариация их. Напеч. Посм. изд.

1817 ГОД.

I—5. Стихи начала года.

1. ПИСЬМО В. Л. ПУШКИНУ

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
 Въ бояхъ воспитанный Поэтъ,
 Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
 На страшной высотѣ Парнаса,
 Защитникъ вкуса, грозный Вотъ
 Тебѣ, мой дядя, въ новой годъ
 Веселья прежняго желанье,
 И слабый сердца переводъ—
 Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы называли
 меня братомъ; но я не осмѣлился
 назвать васъ этимъ именемъ, слыш-
 комъ для меня лестнымъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ
 потерялъ,
 Отъ риѣмъ Бакхическихъ шатаюсь
 на Пегасѣ;
 Я знаю самъ себя хоть радъ, хо-
 тя не радъ...
 Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ
 не брать:
 Вы дядя мой и на Парнасъ.

Итакъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ
 дядей-Поэтовъ здѣшняго міра—
 можно ли мнѣ надѣяться, что
 вы простите девятимѣсячную бере-
 менность пера лѣвивѣйшаго изъ
 Поэтовъ-племянниковъ?

Да, каюсь я конечно передъ
 вами;
 Совсѣмъ не правъ пустынный-
 риѣмоплетъ;
 Онъ въ лѣности сравнится лишь
 съ Богами;
 Онъ виноватъ и прозой и стихами:
 Не старое забудьте въ новый
 годъ.

Несмотря на прозаические вставки, это письмо имеет характер стихотворного «послания», почему и помещается здесь. *Вас. Лев. Пушкинъ*, см. Вступ. очерк, назвал своего племянника в письме от 17 апреля 1816 г., «братъ по Аполлону»; юноша-П. шуточно на это возражает. *Вотъ*—прозвище В. Л. Пушкина в Арзамасе. *Несторъ*—т.-е. патриарх (Несторъ был старейшій изъ греков, поплывшихъ под Трое). *Пегасъ*—крылатый конь мифов, стал символомъ вдохновения поэтов. *Ословъ*, вероятно,—гр. Хвостов; *Шутовской*—кн. Шаховской. *Шолье Андреевичъ*—кн. П. А. Вяземскій, котораго П. сравниваетъ с Шолье, франц. поэтом. О перечисленныхъ лицахъ см. Вступ. оч. *Парнас* и др. см. Общ. прим. Сравнивая своего дядю съ Ювеналом (см. раньше), П., конечно, шутитъ что видно изъ его отказа признать В. Л. Пушкина «братомъ по Аполлону» и изъ сочетаніи словъ: «умели... обедать и писать». Писалось не для печати; напеч. с письмом, см. т. III

Кажется, что судьбою опредѣле-
 ны мнѣ только два рода писемъ:
 общительныя и извини-
 тельныя: первыя, въ началѣ го-
 довой переписки, а послѣднія при
 послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому
 же примѣтилъ я, что и всѣ оци со-
 стоятъ изъ двухъ посланій; это, мнѣ
 кажется, непростительно.

Но вы, которые умѣли
 Простыми пѣснями свирѣли
 Красавицъ нашихъ воспѣвать,
 И съ гнѣвной Музой Ювенала
 Глухаго варварства начала
 Сатирой грозной осмѣять,
 И мучить бѣднаго Ослова
 Священнымъ Феба языкомъ,
 И лобъ угрюмый Шутовскова
 Клеймить единственнымъ стихомъ!
 О вы, которые умѣли
 Любить, обѣдать и писать—
 Скажите искренно—уже ли
 Вы не умѣете прощать?

Напоминаю о себѣ моимъ незаб-
 веннымъ; не имѣю больше време-
 ни; но... надобно ли еще общать?
 Простите, вы всѣ, которыхъ любить
 мое сердце, и которые любите еще
 меня...

Шолье Андреевичъ конечно
 Меня забылъ давнымъ давно,
 Но я его люблю сердечно,
 За то, что любить онъ безопасно
 И пить, и пѣть свое вино,
 И надъ всемирными глупцами
 Своими рѣзвыми стихами
 Смѣется, право, пресмѣшно.

2. ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неистовые
клики?
Кого, куда зовутъ и бубны и тим-
панъ?

Что значать радостные лики
И пѣсни поселянъ?
Въ ихъ кругѣ звѣтлая сво-
бода

Пріяла праздничный вѣнокъ.
Но двинулись толпы народа...
Онъ приближается... Вотъ онъ, вотъ
сильный богъ!
Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно
юный!
Вотъ онъ, вотъ Индіи герой!
О радость! Полныя тобой
Дрожать, готовы грянуть,
струны
Нелицемерною хвалой.

Эванъ, эвое! дайте чаши,
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные
бойцы!

Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О часъ
отрадный!
Державный тирсъ въ его ру-
кахъ;
Вѣнецъ желтѣетъ виноградный
Въ чернокудрявыхъ волосахъ...
Течетъ. Его молодые тигры
Съ покорной яростью влекутъ;
Кругомъ летятъ Эроты, Игры,
И гимны въ честь ему поютъ.
За нимъ тѣснится козлоногій
И Фавновъ и Сатировъ рой,
Плющомъ опутаны ихъ роги;
Бѣгутъ смятенною толпой
Вослѣдъ за быстрой колесницей:
Кто съ тростниковою цѣвницей,
Кто съ вѣрной кружкою своей;
Тотъ оступившись упадетъ,
И бархатный коверъ полей
Виномъ багровымъ обливаешь!
При дикомъ хохотѣ друзей.

Тамъ далѣ вижу дивный ходъ:
Звучать веселые тимпаны;
Младья Нимфы и Сильваны,
Составя шумный хороводъ,
Несутъ недвижнаго Силена...

Вино струится, брызжетъ пѣна,
И розы сыплотся кругомъ;
Несутъ за спящимъ старикомъ
И тирсъ, символъ побѣды мир-
ной,

И кубокъ тяжко-золотой,
Вѣнчаный крышкою сапфирной,
Подарокъ Вакха дорогой.

Но воетъ берегъ отдаленный.
Власы раскинувъ по плечамъ,
Вѣнчанны гроздемъ, обна-
женны,
Бѣгутъ Вакханки по горамъ.
Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ
перстами,
Гремятъ и вторятъ ихъ ужаснымъ
голосамъ.
Промчались, летятъ, свиваются ру-
ками,
Волшебной пляской топчутъ
лугъ:
И младость пылкая толпами
Стекается вокругъ.

Поютъ неистовыя дѣвы;
Ихъ сладострастные напѣвы
Въ сердца вливаютъ жаръ люб-
ви;
Ихъ перси дышатъ вожделѣ-
ньемъ;
Ихъ очи, полныя безумствомъ и то
мленьемъ,
Сказали: счастье лови!
Ихъ вдохновенныя движенья
Сперва изображаютъ намъ
Стыдливость милаго смятенья,
Желанье робкое, а тамъ
Восторгъ и дерзость насла-
жденья.
Но вотъ разсыпались по холмамъ и
полямъ;
Махая тирсами несутся;
Ужъ издали ихъ вопли разда-
ются,
И гулъ имъ вторитъ по лѣ-
самъ:

Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные
бойцы!

Друзья, въ сей день благосло
венной
Забвенью бросимъ суеты!
Теки, вино, струю пѣнной
Въ честь Вакха, музъ и красоты!

Эванъ, эво! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные
бойцы!

Авт. не сохранилось. Налеч. изд. 1826 г. Как в послании «Къ Лицинію» юноша П. сумел передать дух Ювеналовой сатиры, так в «Торжествѣ Вакха» он удачно воспроизвел характер античного дифирамба, т.-е. восторженного гимна в честь Вакха. Вакхъ (*Бахусъ, Дионисъ*), первоначально, бог вина, по мифу, прибывший из Индии в колеснице, запряженной тиграми и сопровождаемый свитой из *сатировъ, фавновъ* (коллоногие полубожества), *сильвановъ* (божества лесов), *нимфъ* (божества источников). Позднее Вакх стал центром особых мистических верований, и создалась как бы особая религія Вакха. Но служения Вакху всегда сопровождалась истступленным (оргиастическим) веселием. В стихах П—а верно переданы античные представления: свита Вакха из сатиров, фавнов, сильванов, нимф; круг *вакханокъ* (жриц Вакха), в венках из виноградных веток («венчанны гроздьями»),⁸ с *тимпанами* (музык. инструмент, вроде бубна) в руках, с обычным восклицаніемъ «*Эванъ! Эво!*»; «*тирсы*» (жезлы, оплетенные виноградом), которые были в руках у всех присутствующих, и т. д. Верно изображен и весь ход праздника. *Силень*, сатир, считался воспитателем Вакха. См. также Общ. Прим. и прим. к другим стихотв. Образцом П—у могли служить стихи Батюшкова и франц. поэтов.

3. СТАНСЫ

ИЗЪ ВОЛЬТЕРА.

Ты мнѣ велишь пылать душою:
Отдай же мнѣ минувши дни,
И мой разсвѣтъ соедини
Съ моей вечернею зарёю.

Мой вѣкъ невидимо проходить,
Изъ круга смѣховъ и Харитъ
Ужъ Время скрытъся мнѣ велить
И за руку меня выводить.—

Предъ нимъ смириться должно
намъ

Кто примѣняться не умѣтъ
Своимъ премѣнчивымъ годамъ,
Тотъ горестъ ихъ одну имѣтъ.

Щастливцамъ рѣзвымъ молодымъ
Оставимъ страсти заблужденья;
Живемъ мы въ мѣрѣ два мгновенья—
Одно разсудку отдадимъ.—

Ужель навѣкъ вы убѣжали,
Любовь, мечтанья первыхъ дней—

Вы, усладившія печали
Минутной младости моей?

Намъ должно дважды умирать:
Проститься съ сладостнымъ меч-
таньемъ—

Вотъ смерть ужасная страданьемъ!
Что значитъ послѣ не дышать?—

На сумрачномъ моемъ закатѣ,
Среди вечерней темноты,

Такъ сожалѣлъ я объ уtratѣ—
Обмановъ сладостной мечты.—

Тогда на гелосъ мой унылой
Мнѣ дружба руку подала,

Она любви подобна милой
Въ одной лишь нѣжности была.

Я ей принесъ увядши розы
Веселыхъ юношества дней,

И въ слѣдъ пошелъ, но лилъ я слѣзы
Что могъ идти во слѣдъ лишь ей!—

Сохранилось в списке с поправками П—на, где мелкие вар.; среди них:

Стрфа 1: Отдай же мнѣ протекши дни,
Съ моей вечернею зарею
Мое ты утро соедини...

3: Не дастъ оно пощады намъ...

Близкий перевод стихов Вольтера, см. Вступ. оч. В рук. помета П—на: «У Илличевскаго въ пам...» Налеч. Посм. изд.

4. ПИСЬМО КЪ ЛИДЬ.

Лишь благосклонный мракъ раз-
кинеть
Надъ нами тихой свой покровъ,
И время къ полночи придвинетъ
Стрѣлу медлительныхъ часовъ,

Когда не спитъ въ тиши при-
роды

Одна щастливая любовь,
Тогда моей темницы вновъ
Покину я глухіе своды...

Летучихъ остальныхъ минутъ
 Мнѣ слишкомъ тягостна потеря—
 Но скоро Аргусы заснутъ,
 Замкамъ предательнымъ повѣря,
 И я въ обители твоей...
 По скорой поступи моей,
 По сладострастному молчанью

По смѣлымъ, трепетнымъ рукамъ,
 По воспаленному дыханью
 И жаркимъ, ласковымъ устамъ
 Узнай любовника—настали
 Восторги, радости мои!..
 О Лида, если бѣ умирали
 Съ блаженства, нѣги и любви!

Сохранилось в авт. с поправками 1825 г. *Лида*, по преданию, — Мария Смит, молодая вдова, жившая в доме директора Лицея Энгельгардта; къ ней же, вероятно, обращены стихотв.: «К молодой вдовѣ», «Слово милой», «Лида» и др. Поправки 1825 г.:

Ст. 3: И время дважды передвинетъ...

5—6: Въ щастливой тишинѣ природы,

Когда не спать одна любовь...

22: Съ восторговъ, нѣги и любви...

Аргус—зоркий страж, см. раньше. *Темница*—Лицей. М. А. Корф рассказывает, что старшие лицеисты, действительно, уходили иногда из Лицея на всю ночь, см. Вступ. оч. и след. стихотв. Напеч. 1855 г.

5. КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

Лида, другъ мой неизмѣнной,
 Почему сквозь легкой сонъ,
 Часто нѣгой утомленной,
 Слышу я твой тихой стонъ,
 Почему, въ любви щастливой
 Видя страшную мечту,
 Взоръ недвижной, боязливой
 Устремляешь въ темноту?
 Почему, когда вкушаю
 Быстрый обморокъ любви...
 Иногда—я примѣчаю
 Слезы тайныя твои?
 Ты разсѣянно внимаешь
 Рѣчи пламенной моеи,
 Хладно руку пожимаясь,
 Хладенъ взоръ твоихъ очей,
 О безцѣнная подруга,
 Вѣчноль слезы проливать?
 Вѣчноль мертваго супруга
 Изъ могилы вызывать?

Вѣрь мнѣ—узниковъ могилы
 Тамъ объемятъ вѣчной сонъ,
 Имъ не милъ ужъ голосъ милый,
 Не прискорбенъ скорби стонъ.
 Все забыто... вешни розы,
 Сладость утра, шумъ пировъ,—
 Откровенной дружбы слезы
 И любовницъ робкой зовъ!
 Рано другъ твой незабвенной
 Вздохомъ смерти воздохнулъ
 И блаженствомъ упоенной
 На груди твоей заснулъ.
 Спать увѣнчанной щастливецъ.
 Вѣрь любви,—невинны мы:
 Нѣтъ... разгнѣванный ревнивецъ
 Не придетъ изъ вѣчной тьмы;
 Тихой ночью громъ не грянетъ,
 И завистливая тѣнь
 Близъ любовниковъ не станетъ,
 Вызывая спящій день.

Сохранилось в черн. авт., часть кот. переписана Илличевским, и в списке с поправками П—на 1825 г. Даем текст по авт., кот., в посл. ред., почти совпадает с текстом списка (до внесения в него поправок 1825 г.), но имеет ряд первоначальных вар. ст.:

21 и сл.: Вѣрь, для узниковъ могилы
 Лишь забвенья мертвой сонъ,
 Имъ не милъ ужъ голосъ милой,
 Имъ не слышенъ скорби стонъ.
 Не для нихъ весенни розы...

29 и сл.: Рано твой супругъ мгновенной
 Вздохомъ смерти воздохнулъ
 И люсъвъ упоенной
 На груди твоей уснулъ.—
 Спать увѣнчанной щастливецъ.
 Насладимся,—живы мы,
 Но разгнѣванный ревнивецъ
 Изъ пустынной гроба тмы

Поправки 1825 г.:

Ст. 1—9: Лида, другъ мой неизмѣнной,
 Почему сквозь тонкой сонъ,
 Наслажденьемъ утомленной

Не воскреснетъ ужъ съ упре-
 комъ,
 Не увидишь въ ночь и день
 Въ домѣ тихомъ, одинокомъ
 Ты—завистливую тѣнь...

[или:] И въ безмолвіи глубокомъ,
 Въ ночь покинувъ гроба сѣнь,
 Не заглядывать ужъ съ упре-

комъ
 Онъ—завистливая тѣнь...
 [или:] Въ головахъ во мглѣ не ста-

нетъ
 Ожидая ранній день...

Слышу я твой тихой стонъ? —
 Почему, когда спораю
 Въ нѣгѣ пламенной любви...

Ст. 17—31: Все ли слезы проливать?
 Все ли мертвого супруга
 Изъ могилы выывать?
 Вѣрь мнѣ узниковъ мо-
 гилы
 Безпробуденъ хладной сонъ!
 Имъ не милъ ужъ голосъ ми-
 лый,
 Не прискорбень скорби стонъ.

Не для нихъ надгробны розы,
 Сладость утра, шумъ пировъ,
 Дружбы искреннія слезы.
 И любовницъ робкой зовъ!
 Рано другъ твой незабвенной
 Вздохомъ встрѣтилъ смертный
 часть,
 И блаженствомъ упоенной,
 На груди твоей погасъ.

Кромѣ того, в рук. 1818 г. записано:

Ты не внимлешь (мнѣ)!
 Въ часъ восторговъ, упоенья (и забвенья)...
 Лида, другъ мой...

Датировка стихотв. возбуждает некоторые сомнения: Акад. изд. относит стихи к 1816 г., но в авт. точная дата: 1817 г. То, что стихотв. переписано Илличевским, показывает на время до выхода из Лицея. «Темница», «глухие свиды» и др. образно означает Лицей. Этому не противоречит содержание: ночные свидания, см. предыд. Стихи обращены к *Марии Смит*, возбудившей въ П. первую страстную любовь. Напеч. Пссм. изд.; вар.—изд. Л. Ф.

6—11. Прощальные стихи товарищам.

Перед выходом из Лицея П. написал прощальные послания всем наиболее близким из своих школьных товарищей. Помещаем все эти стихи рядом, так как они относятся к одному и тому же времени (весна 1817 г.). Большая часть этих стихотв. была потом П.—ым переработана в 1825 г. О товарищах П.—а см. Вотуп. оч.

6. ДЕЛЬВИГУ.

Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою
 Извивы темные двухолмной высоты,
 Кто жизни въ тайный путь, съ невинною душою,
 Пустился плѣнникомъ мечты!
 Наперснику боговъ безвѣстны бури злыя;
 Надъ нимъ ихъ промыселъ: безмолвною порою
 Его баюкають Камены молодя,
 И съ пѣрстомъ на устахъ хранять пѣвца покой.
 Стыдливой Граціи внимаешь онъ совѣты
 И, чувствуя въ груди огонь еще молодой,
 Восторженный, поетъ на лирѣ золотой.
 О Дельвигъ! щастливы поэты!

Пѣвецъ! въ безвѣстности глухой
 Живи подъ дружественной сѣнью;
 Страшись увидѣть свѣтъ; неопытной душой
 Не жертвой ослѣпленью!
 Воспитанный въ тиши, не зная грозныхъ бѣдъ,
 Съ любовью, дружествомъ и лѣнью
 Въ уединеніи ты щастливъ—ты поэты!

Но для меня прошли, увяли наслажденья!
 Мой другъ, и я пѣвецъ! И мой смиренной путь
 Въ цвѣтахъ украсила богиня пѣснопѣнья,
 И мнѣ въ младую боги грудь
 Вліяли пламень вдохновенья.
 Ребенокъ—лирной звукъ я чувствовать умѣлъ;
 Все жизнью вкругъ меня дышало,
 Все рѣзвой умъ обворожало,
 И первую черту я быстро пролетѣлъ.

Сія тихою красою
 Минуты дѣтства протекли
 Хвала, о Боги, вамъ! вы мощною рукою
 Отъ ярыхъ грозъ мірскихъ невинность отвели,
 И были дни мои посвящены покою.

Но все прошло навѣкъ—и скрылись въ темну даль,
 Свобода, радость, восхищенье!
 Другимъ и юность—наслажденье:
 Она мнѣ—мрачная печаль!
 Такъ рано встрѣтилъ я и зракъ вражды кровавой,
 И низкой клеветы во мглѣ сокрытый ядъ!
 Нѣтъ, нѣтъ, ни щастіемъ, ни славою
 Не буду ослѣпленъ. Пускай они маняютъ
 На край погибели любимцевъ оболъщенныхъ!

Изчезъ священный жаръ;
 Забвенью—сладкихъ пѣсней даръ,
 И голосъ струнъ одушевленныхъ!
 Во прахъ и лиру и вѣнецъ!
 Пускай не будутъ знать, что нѣкогда пѣвецъ
 Враждою, завистью на жертву обреченный,
 Погибъ на утрѣ вешнихъ лѣтъ,
 Какъ ранній на полянѣ цвѣтъ,
 Косой безвременно сраженный!
 Что нужды? проживу въ безвѣстной тишинѣ,
 Потомство грозное не вспомнитъ обо мнѣ—
 И памятникъ пѣвца, въ пустынѣ мрачной, дикой,
 Забытый поростетъ ползущей повиликой!

Авт. не сохранилось, но известно несколько списков, среди них—два лицейских. Напеч. изд. 1826 г. в измененной, вероятно, в 1825 г., ред. Список, собр. Якушкина, дает первоначальную, лицейскую ред., совпадающую с текстом Посм. изд., кот. мы воспроизводим здесь. Текст изд. 1826 г. см. Прил. II. Список Илличевского, не вполне исправный, дает промежуточную ред., где вар.:

Посл. стихи: И гробъ несчастного въ пустынѣ мрачной, дикой,
 Забвенья поростетъ ползущей повеликой.

Кроме того, после ст. 12 поставлен ст. 21 и сл., и др. мелкие вар., *Двуххолмная высота*—Парнас, *Камени*—музы, *Граци* и др. см. Общ. прим. Три ред. напеч.—изд. 1826 г., Посм. изд., К. Гротом 1911 г. Стихотв. любопытно в биографическом отношении. О какой «клевете» говорит П., точно не выяснено.

7. ВЪ АЛЬБОМѢ А. Д. ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

Мой другъ, не славный я поэтъ, Хоть Христіанинъ православной. Душа безсмертна, слова нѣтъ: Моймъ стихамъ удѣлъ неравной: И пѣсни Музы своенравной, Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ Погибнуть смертію забавной И насъ не тронетъ здѣшній свѣтъ. Ахъ, вѣдаетъ мой добрый Геній, Что предпочелъ бы я скорѣй, Безсмертіе ль души моей Безсмертіе ль своихъ твореній?	Не властны мы въ судьбѣ своей; По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнья— Сей плодъ небрежной вдохновенья, Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ На скромныхъ дружба листкахъ, Уйдетъ отъ общаго забвенья. Но пусть напрасенъ будетъ трудъ, Твоею дружбой оживленный; Мои стихи пускай умрутъ; Гласъ сердца, чувства неизмѣнны Навѣрно ихъ переживутъ. Май 31.
--	--

Сохранилось в списке Илличевского, текст кот. и даем. Напеч. Посм. изд., где вар.:

Ст. 11—12: Безсмертію души моей
 Безсмертіе своихъ твореній...

В стихотв. уж следы того «безверия», за кот. П. позднее подвергся преследованиям

8. ВЪ АЛЬБОМЪ И. И. ПУЩИНУ.

Взглянувъ когда нибудь на тайной сей листокъ,
 Исписанный когда-то мною,
 На время улети въ Лицейскій уголокъ
 Всесильной, сладостной мечтою.
 Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
 Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
 Печали, радости, мечты души твоей,
 Размолвки дружества и сладость примиренья,
 Что было и не будетъ вновь...
 И съ тихими тоски слезами
 Ты вспомни первую любовь.
 Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями
 Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключень;
 Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
 О милой, вѣченъ онъ!

Авт. не сохранилось. Текст, по сообщению Пущина, напеч. 1841 г. Посл. ст. вар.
 О милой, вѣченъ, вѣченъ онъ!

9. ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. ЗУБОВУ.

Когда погаснутъ дни мечтанья,
 И позоветъ насъ шумный свѣтъ,
 Кто вспомнитъ братскія свиданья
 И дружество минувшихъ лѣтъ?
 Позволь въ листахъ воспоминанья
 Оставить имъ минутный слѣдъ.

1817 г.

Напеч. «Листики Грацій» 1829 г. безъ загл.; перепеч. 1842 г. подъ нашимъ загл.
 Сохранился позднейшій авт. съ загл. «Въ альбомъ» и датой: «1817 г.», дающій позднейшую ред. Этотъ текстъ см. Прил. II.

10. ВЪ АЛЬБОМЪ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

Въ послѣдній разъ, въ тиши уединенья,
 Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ Пенатъ,
 Лицейской жизни милый братъ,
 Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья;
 Итакъ они прошли, лѣта соединенья,
 Итакъ разорванъ онъ, нашъ братской, вѣрной кругъ!
 Прости! Хранимый тайнымъ Небомъ,
 Не разлучайся, милой другъ,
 Съ Фортуной, Дружествомъ и Фебомъ!
 Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
 Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья:
 И дни твои полетомъ сновидѣнья
 Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
 Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
 При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
 Святому братству вѣренъ я.
 И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?),
 Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

Авт. не сохранилось. Напеч. 1820 г. в первоначальной, лицейской ред., которую и воспроизводимъ. Позднейшая ред. напеч. изд. 1826 и 1829 г., этотъ текстъ см. Прил. II. *Пенатъ*, см. Общ. прим.; здесь—бог-покровитель Лицея. С *Фортуной*, *Дружествомъ* и *Фебомъ*, т.-е со счастьемъ, дружбой и поэзией.

11. ТОВАРИЩАМЪ.

Промчались годы заточенья;
 Недолго, милые друзья,
 Намъ видѣть кровъ уединенья
 И Царскосельскія поля.
 Разлука ждетъ насъ у порогу,
 Зоветь насъ дальній свѣта шумъ,
 И каждый смотритъ на дорогу
 Съ волненьемъ гордыхъ, юныхъ
 думъ.

Иной, подъ киверъ спрятавъ умъ,
 Уже въ воинственномъ нарядѣ
 Гусарской саблею махнулъ—
 Въ крещенской утренней прохладѣ
 Красиво мерзнетъ на парадѣ,
 А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
 Другой, рожденный быть вельможей,
 Не честь, а почести любя,
 У плута знатнаго въ прихожей

Покорнымъ плутомъ зрить себя;
 Лишь я судьбѣ во всемъ послуш-
 ный,

Щастливой лѣни вѣрный сынъ,
 Душей безпечной, равнодушной,
 Я тихо задремаль одинъ...
 Равны мнѣ писари, уланы,
 Равны „Наказъ“ и кивера,
 Не рвусь я грудью въ капитаны
 И не ползу въ ассора.
 Друзья! немного снисхожденья—
 Оставьте красной мнѣ колпакъ.
 Пока его за прегрѣшенья
 Не промѣнялъ я на шишакъ,
 Пока *лѣнливому* возможно,
 Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
 Еще рукой неосторожной
 Въ Юлѣ распахнуть жилетъ.

Сохранилось в двух авт.; один—с поправками 1825 г., причем П. изменил—

Ст. 7:	И всякъ избралъ свою дорогу...
24:	Равны законы, кивера...
28:	Оставьте пестрый (мирный) мнѣ колпакъ...

Последние поправки были сделаны, очевидно, в виду цензуры, не благоволившей къ красному цвету. *Наказъ* — известная инструкция Екатерины II, казавшаяся слишкомъ свободомыслящей в 20-х годах XIX в. Напеч. Посм. изд.

12—14. Стихи середины 1817 года.

Около времени выхода из Лицея П—ым были написаны: послание В. Л. Пушкину, Безверие и послание Жуковскому; первое еще связано с лицейскими мечтами о военной службе, второе читалось на лицейском экзамене, третье составляет как бы порог к самостоятельной жизни П—а.

12. ПОСЛАНИЕ КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Скажи Парнаской мой отецъ,
 Не ужъ-то вѣрныхъ Музъ любовникъ
 Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
 И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
 Ужели тотъ, кто иногда
 Жжетъ ладонь Аполлону даромъ,
 За честь не смѣетъ безъ стыда
 Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ?
 И, если можно, города?
 Беллона, Муза и Венера—
 Вотъ, кажется, святая вѣра
 Дней нашихъ всякаго пѣвца;
 Я шлюсь на русскаго Буфлера
 И на Дениса храбреца,
 Но не на Глинку офицера,
 Довольно плоскаго пѣвца;
 Не нужно мнѣ его примѣра!
 Ты скажешь: „Перестань, болтунъ,
 Будь челоуѣкъ, а не драгунъ!

Парады, караулъ, ученье—
 Все это оды не внушить,
 А только душу изсушить,
 И къ Марину для награжденья,
 Быть можетъ, прямо за Коцитъ
 Пошлетъ читать его творенья.“
 Послушай, дядя милый мой,
 Ступай себѣ къ слѣпой Ѧемидѣ,
 Ты съ дипломатикой косою!
 — „Кропай, мой другъ, посланье къ
 Лидѣ,

Оставь военные грѣхи
 И въ сладостяхъ успокоенья
 Пиши сенатскія рѣшенья
 И пятистопные стихи;
 И не съ гусарскаго корнета,
 Возьми примѣръ съ того поэта
 Съ того, котораго рука
 Нарисовала Ермака

Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта,
 И плѣнь могучаго Мегмета,
 И мужа модные рога;
 Который, милостію Бога,
 Министръ и сладостный пѣвецъ,
 Быль строгой чести образецъ,
 Какъ образецъ онъ будетъ слога...“
 Все такъ, почтенный дядя мой,
 Почтенъ, кто глупости людской
 Рѣшилъ запутанные споры,
 Умѣлъ кто хитрости рукой
 Переплетать между собой
 Дипломатическіе вздоры
 И править нашею судьбой.
 Смѣшенъ, конечно, мирной воинъ,
 И эпиграммы самой злой
 Въ извѣстныхъ „Святкахъ“ онъ
 достоинъ.
 Что восхитительнѣй, живѣй
 Войны, сраженій и пожаровъ,
 Крoвавыхъ и пустыхъ полей,
 Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
 И что завиднѣй бранныхъ дней
 Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
 Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
 Они живутъ въ своихъ шатрахъ,

Вдали забавъ и нѣтъ и Грацій,
 Какъ жилъ безсмертный трусъ Го-
 рацій
 Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ,
 Не знаютъ свѣта принужденья,
 Не вѣдаютъ, что скука, страхъ;
 Даютъ обѣды и сраженья,
 Поютъ и рубятся въ бояхъ.
 Щастливъ, кто милъ и страшенъ міру;
 О комъ за пѣсни, за дѣла
 Гремитъ правдивая хвала;
 Кто славилъ Марса и Темиру,
 И бранную повѣсилъ лиру
 Межъ вѣрной сабли и сѣдла!
 Но вы, враги трудовъ и славы,
 Питомцы Феба и забавы,
 Вы, мирной праздности друзья,
 Шепну вамъ науко, вы правы,
 И съ вами соглашаюсь я.
 Богъ создалъ для себя природу,
 Свой рай и щастіе глупцамъ,
 Злословіе, мужчинъ и моду,
 Конечно, для забавы дамъ,
 Заботы знатному народу,
 Дурачество для всѣхъ; а намъ—
 Уединенье и свободу.

Авт. не сохранилось. При жизни П—а печатался, 1824 г., и изд. 1826 и 1829 г., лишь отрывок, начиная со стиха: «Что восхитительнѣй, живѣй». Остальное напечат. 1858 г. с неизвестного списка, и не вполне связано. *Парнаской отецъ*—В. Л. Пушкин. *Беллона*—война, *Муза*—поэзия, *Венера*—любовь: идеалы П—а того времени. *Русскій Буфлеръ*—К. Н. Батюшков (Буфлер—франц. поэт, 1737—1815 гг.) *Денисъ*—Д. В. Давыдов, поэт и партизан 12-го года. *Глинка*—Ф. Н. Глинка, автор «Писем русского офицера», см. дальше. *С. Н. Маринъ*—поэт-юморист (1775—1813 г.). *Коцитъ*—мифическая река в царстве мертвых. *Фемида*—богиня правосудия, изображавшаяся с повязкой на глазах. Автор «*Ермака*» и «*Модной жены*»—И. И. Дмитриев, бывший министр. *Святки*—сатира кн. Д. П. Горчакова. *Горацій* бежал в сражении при Филиппах. *Мегмет*—т. е. Магомет—действующее лицо в поэме Дмитриева о Ермаке, завоевателе Сибири. *Марс, Феб (Аполлон)* и др. см. Общ. прим. *Темира*—условное имя. П. говорит в стихах о своем намерении поступить на военную службу, см. Вступ. оч.

13. БЕЗВѢРІЕ.

О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ,
 Щитая мрачное безвѣріе порокомъ,
 Бѣжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лѣтъ
 Безумно погасилъ отраднѣй сердцу свѣтъ;
 Смирите гордости жестокой изступленье:
 Имѣетъ онъ права на ваше снисхожденье.
 Съ душою тронutoй внемлите брата стонъ:
 Нещастной не злодѣй, собою страждетъ онъ.
 Кто въ мірѣ усладитъ души его мученья?
 Увы! онъ перваго лишился утѣшенья!
 Настигнетъ ли его глухихъ Судебъ ударъ,
 Отъемлется ли вдругъ минутной щастья даръ,
 Въ любви ли, въ дружествѣ обниметъ онъ измѣну
 И ихъ почувствуетъ обманчивую цѣну:
 Лишенный всѣхъ опоръ отпадшій вѣры сынъ
 Ужъ видитъ съ ужасомъ, что въ свѣтѣ онъ одинъ,
 И мощная рука къ нему съ дарами мира

Не простирается изъ за предѣловъ міра...
 Напрасно, въ пышности свободной красоты,
 Природы передъ нимъ открыты красоты,
 Напрасно вокругъ себя печальной взоръ онъ водить:
 Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ.

Нешастія, страстей и немощей сыны,
 Мы всѣ на страшной гробъ родясь осуждены.
 Всечасно бранныхъ узъ готово разрушенье;
 Нашъ вѣкъ—невѣрной день, всечасное волненье;
 Когда холодной тмой объемля грозно насъ
 Завѣсу вѣчности колеблетъ смертной часъ,
 Ужасно чувствовать слезы послѣдней муку—
 И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!
 Тогда бесѣдуя съ разкованной душой,
 О вѣра, ты стоишь у двери гробовой,
 Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь,
 И ободренную съ Надеждой отпускаешь.
 Но, други! пережить ужаснѣе друзей!
 Лишь Вѣра въ тишинѣ отрадою своей
 Живить унывшій духъ и сердца ожиданье.
 „Настанетъ! говорить, назначенно свиданье.“

А онъ (слѣпой мудрецъ!) при гробѣ стоить онъ;
 Съ отрадой бытія несчастной разлученъ,
 Надежды сладкаго не внемлетъ онъ привѣта,
 Подходить къ гробу онъ, взываетъ... нѣтъ отвѣта!

Видали ль вы его въ безмолвныхъ тѣхъ мѣстахъ,
 Гдѣ кровныхъ и друзей священной тлѣтъ прахъ?
 Видали ль вы его надъ хладною могилой,
 Гдѣ нѣжной Делии таятся пепель милой?
 Къ почившимъ позванный вечерней тишиной,
 Къ кресту прикинулъ онъ безчувственной главой;
 Въ слезахъ отчаянья, въ слезахъ ожесточенья,
 Въ молчаньи ужаса, въ безумствѣ изступленья
 Рыдаетъ и межъ тѣмъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ
 У гроба матери колѣна преклонивъ,
 Тамъ дѣва юная въ печали безмятежной
 Возводитъ къ небу взоръ болѣзненной и нѣжной;
 Одна, туманною луной озарена,
 Какъ Ангель горести является она;
 Вздыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ—
 Все тихо вокругъ его, а кажется внимаетъ.
 Нешастной на нее въ безмолвіи глядитъ,
 Качаетъ головой, трепещетъ и бѣжитъ,
 Спѣшитъ онъ далѣе, но вслѣдъ унынье бродитъ.

Во храмъ ли вышняго съ толпой онъ молча входитъ,
 Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей:
 При пышномъ торжествѣ священныхъ олтарей,
 При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоровъ пѣньѣ,
 Тревожится его безвѣрія мученье
 Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зреть.
 Съ померкшею душой святынѣ предстоить,
 Холодный ко всему и чуждый умиленью,
 Съ досадою тихому внимаетъ онъ моленью.
 „Щастливцы! мыслить онъ: почто не можно мнѣ,
 „Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ
 „Забывъ о разумѣ и немощномъ и строгомъ,
 „Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ!“

Напрасный сердца крикъ! нѣтъ, нѣтъ, не суждено
 Ему блаженство знать! Безвѣріе одно
 По жизненной стезѣ во мракѣ вождь унылой,
 Влечетъ несчастнаго до вѣчныхъ вратъ могилы.
 И что зоветъ его въ пустынь гробовой—
 Кто вѣдаетъ? Но тамъ лишь видитъ онъ покой.—

Сохранилось в списке (по Акад. изд.—авт.) с поправками П—а. Написано по приказанию лицейского начальства в виде наказания за высказываемые о религии суждения, и читано П—ым на публичном экзамене. Напеч. в «Трудах» Общ. Люб. Росс. Словесности. В рук. вар.,—среди них:

После ст. 10-го:

Взгляните на него—не тамъ, гдѣ каждый день
 Тщеславіе на вѣхъ наводитъ ложну тѣнь,
 Но въ тишинѣ семьи, подъ кровлею родною,
 Въ бесѣдѣ съ дружествомъ иль темною мечтою.
 Найдите тамъ его, гдѣ илистой ручей
 Проходитъ медленно среди нагихъ полей,
 Гдѣ сосенъ вѣковыхъ таинственныя сѣни,
 Шумя, на влажный мохъ склонили вѣчны тѣни.
 Взгляните—бродитъ онъ съ увядшею душой,
 Своей ужасною томимый пустотой,
 То грусти слезы льетъ, то слезы сожалѣнья
 Напрасно ищетъ онъ унынью развлеченья...

Вместо ст. 48-го:

Стенанья изрѣдка глухія раздаются,
 Онъ плачетъ, но не тѣ потоки слезъ лютя
 Которы сладостны для страждущихъ очей
 И сердцу дороги свободою своею—
 Но слезъ отчаянья, но слезъ ожесточенья... и т. д.

«Безвѣріе» было напечатано въ «Трудахъ», с поправками, сделанными, вероятно, не автором; поэтому этихъ поправокъ мы не приводим. *Делія*—условное имя. Подробнее см. Вступ. оч.

14. КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Благослови, поэтъ!... Въ тиши Парнаской сѣни,
 Я съ трепетомъ склонилъ предъ Музами колѣни,
 Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
 Мнѣ жребій вынулъ Фебъ—и лира мой удѣлъ.
 Страхусь, неопытной, безславнаго паденья,
 Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья.
 Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
 Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія, ¹⁾
 Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ Музъ любимой
 И блѣдной зависти предметъ неколебимой,
 Привѣтливимъ меня вниманьемъ ободрилъ;
 И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
 И славный старецъ нашъ, Царей пѣвецъ избранный, ²⁾
 Крылатымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный,
 Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
 И щастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
 И ты, природою на пѣсни обреченный, ³⁾
 Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
 Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
 Безмолвный я стоялъ,—и молненной струей—
 Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
 И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла,—
 Нѣтъ, нѣтъ! рѣшился я—безъ страха въ трудной путь;
 Отважной вѣрою исполнилася грудь;

¹⁾ Карамзинъ. [*Примеч. П—а в рук.*]

²⁾ Державинъ. [*Примеч. П—а в рук.*]

³⁾ Жуковский.

Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья!
 Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья,
 Лечу къ *безвѣстному* отважною мечтой,
 И мнится Геній вашъ промчался надо мной!

Но что? Подъ грозною Парнасскою скалою
 Какое зрѣлище открылось предо мною?
 Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины,
 Вражды и Зависти угрюмые сыны,
 Возвышенныхъ творцовъ Зоилы записные,
 Сидятъ—Безмыслицы дружины боевыя.
 Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкой вой,
 Варяжскіе стихи визжить Варяговъ строй;
 Смѣхъ общій имъ отвѣтъ; надъ мрачными толпами
 Во мглѣ два призрака склонились главами;—
 Одинъ на груды сѣлъ и прозы и стиховъ,
 Тяжелые плоды полуночныхъ трудовъ,
 Усопшихъ одѣ, поэмъ забвенныя могилы!
 Съ улыбкой внемлетъ вой стопосложитель хилый: ⁴⁾
 Предъ нимъ растерзанный стонаетъ Тилимахъ;
 Желѣзное перо скрипитъ въ его перстахъ
 И тянетъ за собой Гекзаметры сухіе,
 Спондеи жесткіе и Дактили тугіе.—
 Ретивой Музою прославленный пѣвецъ,
 Гордись—ты Мевія надутый образецъ.
 Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
 Стоить среди толпы друзей непросвѣщенья?
 Торжественной хвалы къ нему несется шумъ,
 Онъ, онъ подъ риѣмую попралъ и Вкусъ и Умъ.
 Ты ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
 Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
 Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
 Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
 И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?
 Ему ли, карлику, тягаться съ исполиномъ?
 Ему ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ,
 Въ которомъ возблисталъ бессмертный нашъ пѣвецъ,
 Веселье Россіянъ, полунощное диво?... ⁵⁾
 Нѣтъ! въ тихой Летѣ онъ потонетъ молчаливо!
 Ужъ на челѣ его забвенія печать.
 Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
 Страшилась Грація цинической свирѣли,
 И персты грубые на лиръ костенѣли.
 Пусть будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ;
 Явится Депрео—исчезнетъ Шапеленъ.

И чтожъ? Всегда смѣшнымъ останется смѣшное,
 Невѣжду пѣсуетъ Невѣжество слѣпое,
 Оно сокрыло ихъ во мрачной свой приютъ;
 Тамъ прозу и стихи отважно всѣ куютъ,
 Тамъ всѣ враги Наукъ, всѣ глухи,—лишь не нѣмы.
 Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
 Одни Славянскихъ одѣ громады громоздятъ,
 Другіе въ бѣшеныхъ Трагедіяхъ хрипятъ;

⁴⁾ Тредьяковский.

⁵⁾ Ломоносовъ. [Примеч. П—а в рук.]

Тотъ, вѣрный своему мятежному союзу,
 На сцену возведя зѣвающую Музу,
 Безсмертныхъ Геніевъ сорвать съ Парнасса мнить;
 Рука содрогнулась, ударъ его скользнетъ,
 Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ,
 Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ,—
 При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ...
 И маковый вѣнецъ Ѳеспису ими свить...
 Всѣ, руку положивъ на томъ Тилимахиды,
 Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
 Волнуясь, встаютъ неистовой толпой.¹
 Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ *чувствительной* душой!
 Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
 Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
 Кто выражается правдивымъ языкомъ,
 И Руской глупости, не хочетъ бить челомъ!..
 Онъ врагъ Отечества, онъ сѣятель разврата!
 И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.

И вы возстаньте же, Парнаскіе жрецы,
 Природой и трудомъ воспитаны пѣвцы
 Въ щастливой ереси и Вкуса и Ученья,
 Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенья.
 Отмститель Генія,—другъ истины, поэты!
 Люющая съ небесъ и жизнь и вѣчной свѣтъ,
 Стрѣлою гибели десница Аполлона
 Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиѳона;
 Смотрите: пораженъ враждебными стрѣлами,
 Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,¹
 Къ вамъ Озерова духъ взываетъ: други! мести!..
 Вамъ оскорбленный Вкусъ, вамъ Знанья дали вѣсть,
 Летите на враговъ: и Ѳебъ и Музы съ вами!
 Разите варваровъ кровавыми стихами;
 Невѣжество, смирясь, потупитъ хладный взоръ,
 Спѣсивыхъ риторовъ безграмотный соборъ...

Но вижу: возвѣщать намъ истинны опасно,
 Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно,
 И смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ.
 Гоненія терпѣтъ ужель и мой удѣлъ?
 Что нужды? смѣло *въ даль* дорогою прямою:
 Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
 Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердой Карамзинъ,
 Мнѣ ты примѣръ. Что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ,
 Пускай бесѣдуютъ отвѣрженные Ѳеба;
 Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ Неба;
 Ихъ слава—имъ же стыдъ, творенья—смѣхъ уму;
 И въ тмѣ возникшіе низвергнутся во тму.

Сохранилось в авт., где много мелких вар.: о Карамзине—«безастранный судія»; о Дмитриеве—«мощной зависти предметъ...»; о Жуковском—«О, незабвенный часъ!...»
 Далее, важнѣйшіе вар.:

Ст. 27: Лечу къ *безвѣстному* съ веселою мечтой...

37—38: Смѣхъ общій имъ отвѣтъ; и челами сѣдыми
 Во мглѣ два призрака склонились надъ ними...

47—48: Другой на крикуновъ умильный взоръ вперилъ
 И вялою рукой толпу ихъ осѣнилъ...

52: У ногъ его лежать пограны Вкусъ и Умъ...

54: Завистникъ Генія, спѣсивый Сумароковъ,
 Столь малый въ зависти и гордый.....

- Ст. 79: Свои стыдъ на Геніевъ отбросить тайно мнить...
 95—102: И вы, возстаньте же, шастливые пѣвцы,
 Прелестныхъ Аонидъ священные жрецы...
 113—114: На цѣпи указаль и ими загремѣль,
 Гоненья новья ужель и мой удѣль.

Варяговъ строй,—«Беседа» см. Вступ. оч. *Тилимахъ*—герой «Тилимахида», поэмы Тредьяковскаго. *Мевій*—плохой др.-римскій поэт. *Расинъ*—великій франц. поэт-трагик. *Депрео Буало*—знаменитый франц. поэт-критик. *Шапеленъ*—плохой франц. поэт. *Весписъ*—основатель др.-греческой трагедии. *Пивонъ*, по мифу,—чудовище, соперник Аполлона, см. дальше. *Озеровъ*—поэт-трагик, ум. 1816 г. *Зоилъ*—критики. *Никонъ*—патриарх. XVII в. *Гекзаметры, спондеи, дактили*—стихотворные размеры. Стихотв. высмеивает реакционеров литературы, членов «Беседы», о кот. см. Вступ. оч. Их покровителями П. называет двух поэтов XVIII в.: бездарнаго Тредьяковскаго и Сумарокова, тщетно оспаривавшаго первенство у Ломоносова. Члены «Беседы» писали устарѣлымъ языком (отчего П. и называет их *варяги, славяне* и т. под.), резко нападали на поэтов школы Карамзина, «сентиментальной» (на всё «с чувствительной душ й») и вообще на новыхъ поэтов, в том числѣ на Жуковскаго. П. надеется, что явится истинная критика и уничтожитъ этихъ лже поэтов «Беседы», как во Франціи, в XVII в. «исчез Шапеленъ» и ему подобные, когда явился Буало. См. Вступ. оч. и Общ. прим. Напеч. 1840 г.

Б. Лицейскіе стихотворенія, время написанія которыхъ точно не выяснено.

1813 ГОДЪ

1. О, ДЕЛІЯ ДРАГАЯ.

1. О, Делія драгая!
 Спѣши, моя краса,—
 Звѣзда любви золотая
 Вошла на небеса.
 Безмолвно мѣсяцъ покотился;
 Спѣши, твой Аргусъ удалился,
 И сонъ сомкнулъ его глаза.

---

2. Подъ сѣнью потаенной
 Дубравной тишины,
 Гдѣ токъ уединенной
 Сребристыя волны
 Журчить съ унылой Филомелой,
 Готовъ приютъ любви веселой
 И блескомъ освѣщенъ луны.

---

3. Накинуть тѣни ночи
 Покровы намъ свои
 И дремлютъ сѣни рощи,
 И быстро мигъ любви
 Летить—я весь горю желаньемъ,
 Спѣши, о Делія! свиданьемъ
 Спѣши въ объятія мои.

2. ДЕЛІЯ.

1. Ты-ль передо мною,
 Делія моя?
 Разлученъ съ тобою—
 Сколько плакалъ я!
 Ты ль передо мною,
 Или сонъ мечтою
 Обольстиль меня?

---

2. Ты узнала ль друга?
 Онъ не то, что былъ;
 Но тебя, подружка!
 Все жъ не позабылъ—
 И твердить унылой:
 Я любимъ ли милой,
 Какъ, бывало, былъ?

---

3. Что теперь сравнится
 Съ долею моею?
 Вотъ слеза катится
 По щекѣ твоей—
 Делія стыдится...
 Что теперь сравнится
 Съ долею моею?

Сохранилось 1-ое в черн. авт.—первоначальная ред. и в списках: Илличевскаго и Матюшкина, дающихъ ред. позднейшую. В списке Илличевскаго, по преданію, поправки—не П.-а. Поэтому даемъ текстъ согласно копии Матюшкина. В авт. вар., показывающие, как усердно работалъ надъ своими стихами мальчикъ-П.:

Строфа 1: Въ туманѣ мѣсяцъ покотился,
 Спѣши, твой сторожъ уснулъ,
 И тронулъ сонъ его глаза...

Строфа 2: (Оставь свой страх...)
 Оставь уединенье
 Средь тихаго лѣска (замка)...
 Гдѣ дремлетъ...
 Гдѣ кроетъ ручейка (рука)...
 Вечернія волны...
 Приди въ любви приютъ веселый...
 Сіяньемъ освѣщенъ луны...
 3: Накинуть сонны тѣни
 Свои покровы намъ...
 (Покровы полуночи...)
 Летить—и быстро исчезаетъ,
 За нимъ и счастье улетаетъ,
 Летижъ въ объятія мои.

Список Илличевского—промежуточная ред. между авт. и нашим текстом (дано в Акад. изд.). Стихотв. обычно относится к 1812 г., но в нем есть подражание стихам Жуковского, напеч. 1813 г. *Делія*—условное имя. *Филомела*—соловей. *Аргус*—зоркий страж, см. раньше. Напеч. Посм. изд.

Авт. 2-го не сохранилось. Обычно относится к 1812 г. по сродству с предшл., т.-е. по одинаковому имени «Делія», весьма обычному в поэзии XVIII в. По стиху—из самых ранних опытов П—а. Напеч. Посм. изд.

1812—1815 ГОДЪ

3. ИЗМѢНЫ.

„Все миновалось!
 Мимо промчалось
 Время любви.
 Страсти мученья!
 Въ мракѣ забвенья
 Скрылися вы.
 Такъ, я премѣны
 Сладость вкусилъ;
 Гордой Елены
 Цѣпи забылъ.
 Сердце, ты въ волѣ!
 Все позабудь;
 Въ новой сей долѣ
 Щастливо будь.
 Только весною
 Зѣфиръ младою
 Розой плѣненъ;
 Въ юности страстной
 Былъ я прекрасной
 Въ сѣтъ увлеченъ.
 Нѣтъ, я не буду
 Впредь воздыхать,
 Страсть позабуду;
 Полно страдать!
 Скоро печали
 Встрѣчу конецъ;
 Ахъ! для тебя ли,
 Юный пѣвецъ,
 Прелесть Елены
 Розой цвѣтеть?..
 Пусть весь народъ,
 Ею прельщенный

Въ слѣдъ за мечтой
 Мчится толпой;
 Въ мирномъ жилищѣ,
 На пепелищѣ,
 Въ чашѣ простой
 Стану въ смиренны
 Черпать забвенья,
 И—для друзей
 Рѣзвой рукою
 Двигать струною
 Арфы моей.“

Въ скучной разлукѣ
 Такъ я мечталъ,
 Въ горести, въ мукѣ
 Себя услаждалъ;
 Въ сердцѣ возженный
 Образъ Елены
 Мнилъ изтребить.
 Прошлой весною
 Юную Хлою
 Вздумалъ любить;
 Какъ вѣтерочикъ
 Ранней порой
 Гонить листочикъ
 Съ рѣзвой волной,
 Такъ непрестанно
 Непостоянной
 Страстью игралъ.
 Лилу, Темиру,
 Всѣхъ обожалъ,
 Сердце и лиру
 Всѣмъ посвящалъ.—

Что же?—напрасно
 Съ груди прекрасной
 Шаль я срываю.
 Тщетны измѣны!
 Образъ Елены
 Въ сердцѣ пылалъ!
 Ахъ! возвратися,
 Радость очей,
 Хладна, тронися
 Грустью моею—

Тщетно взываетъ,
 Бѣдный пѣвецъ!
 Нѣтъ! не встрѣчаетъ
 Мукамъ конецъ...
 Такъ! до могилы
 Грустенъ, унылый,
 Крова ищи!
 Всѣми забытый,
 Терномъ увиты
 Цѣпи влачи...

Прежними изд. стихотв. относилось к 1812 г.; изд. Венгерова отнесено к 1815 г., когда напеч. в «Росс. Муз.». Однако по технике стихи принадлежат к самым ранним опытам П-а, если не 1813 г., то начала 1814 г. Елена. Хлоя, Лила, Темира—условные имена.

1814 ГОД?

4. РОМАНСЪ.

Подъ вечеръ, осенью ненаст-
 ной,
 Въ пустынныхъ дѣва шла мѣ-
 стахъ;
 И тайный плодъ любви нещаст-
 ной—
 Держала въ трепетныхъ рукахъ.
 Все было тихо: лѣсъ и горы,
 Все спало въ сумракъ ночномъ;
 Она внимательные взоры
 Водила съ ужасомъ громомъ.

И на невинномъ семъ твореньѣ,
 Вздохнувъ, остановила ихъ...
 Ты спишь, дитя, мое мученье...
 Не знаешь горестей моихъ!
 Откроешь очи, и тоскуя
 Ты къ груди не прильнешь моею,
 Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
 Нещастной матери твоею!

Ее манить напрасно будешь!
 Мнѣ вѣчный стыдъ вина моя!
 Меня навѣки ты забудешь...
 Но не забуду я тебя!
 Дадутъ покровъ тебѣ чужіе,
 И скажутъ: ты для насъ чужой!
 Ты спросишь: гдѣ мои родные?
 И не найдешь семьи родной!

Авт. не сохранилось. Напеч., без разрешения П—а, 1827 г. П. в рук. не признавал себя автором этого стихотв., но, по Анненкову, оно находилось в тетради, с кот. печаталось изд. 1826 г., где было зачеркнуто и где были вар.:

Строфа 1: Въ далекихъ дѣва шла мѣстахъ...

» 2: И на невинное творенье...

К 1814 г. относится предположительно. М. б., подражание стихам Ив. Пнина или Жуковского. Замечательно, как протест юноши-П—а против «неправедного закона».

Нещастный! будешь грустной
 думой
 Томиться межъ другихъ дѣтей,
 И до конца съ душой угрюмой
 Взирать на ласки матерей.
 Повсюду странникъ одинокой,
 Всегда судьбу свою кляня,
 Услышишь ты упрекъ жестокой...
 Прости, прости тогда меня!

Ты спишь!.. позволь себя не-
 щастной
 Прижать къ груди въ послѣдній
 разъ.
 Законъ неправедный, ужасной,
 Къ страданью осуждаетъ насъ.
 Пока лѣта не отогнали
 Невинной радости твоею,
 Спи, милой! горькія печали
 Не тронуть дѣтства тихихъ дней!

Но вдругъ за рощей освѣ-
 тила—
 Вблизи ей—хижину луна.
 Блѣдна, трепещуща, уныла,
 Къ дверямъ приблизилась она:—
 Склонилась, тихо положила,
 Младенца на порогъ чужой,—
 Со страхомъ очи отвратила—
 И скрылась въ темнотѣ ночной.

1815 ГОД?

5. КН. А. М. ГОРЧАКОВУ.

Пускай, не знаясь съ Аполлономъ,
 Поэтъ, придворный философъ,
 Вельможѣ знатному съ поклономъ
 Подноситъ оду въ двѣсти строфъ;
 Но я, любезный Горчаковъ!
 Не просыпаюсь съ пѣтухами,
 И напыщенными стихами,
 Наборомъ громозвучныхъ словъ
 Я пѣть пустаго не умѣю
 Высоко, тонко и хитро;
 И въ лиру превращать не смѣю
 Мое гусиное перо!
 Нѣтъ, нѣтъ! любезный князь, не оду
 Тебѣ намѣренъ посвятить;
 Что прибыли соваться въ воду,
 Сначала не спросившись броду,
 И въ слѣдъ Державину парить?
 Пишу своимъ я складомъ нынѣ
 Кой-какъ стихи на имянины!..

Что долженъ я, скажи, въ сей
 часъ

Желать отъ чиста сердца другу?
 Глубоку ль старость, милый князь?
 Дѣтей, любезную супругу,
 Или богатства, громкихъ дней,
 Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей?

Не пожелать ли, чтобы славою
 Ты увлеченъ былъ въ путь крова-
 вой,
 Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сиялъ,
 Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ
 металъ?

И чтобъ побѣда за тобою,
 Какъ древле Невскому герою,
 Всегда, вездѣ летала въ слѣдъ?
 Не сладострастія поэтъ
 Такою пѣсенкой поздравить—
 Онъ лучше музъ на-вѣкъ оста-
 вить!

Дай Богъ любви, чтобъ ты свой
 вѣкъ

Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура,
 Провелъ межъ Вакха и Амура!
 А тамъ, когда Стигійскій берегъ
 Мелькнетъ въ туманномъ отда-
 леньи,

Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упо-
 еньи

Ты съ томной сладостью въ очахъ
 Изъ рукъ младаго Купидона,
 Вступая въ мрачный чолнъ Харона,
 Уснуль... Елены на грудяхъ!

Стихотв. обычно относится к 1815 г., что возможно, но не обосновано. Сохранилось в списке Матюшкина, где вар.:

Всегда, всегда летѣла вслѣдъ...
 Уснуль... Ершовой на грудяхъ.

Кн. А. М. Горчаковъ см. Вступ. оч. *Невскій герой*—Александр Невский (победитель Ледового побоища 1241 г.) *Эпикуръ*—др.-греческий философ, основатель эпикурейства. *Стиксъ*—река въ царствѣ мертвых; *Харонъ*—перевозчикъ черезъ нее *Купидонъ*—Амур и др см. Общ. прим. *Ершова*—актриса. *Елена*—условное имя. Напеч. Посм. изд.

6. РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ.

Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой,
 „Постой,—кричалъ,—прелестная постой!
 Скажи—люблю!—и бѣгать за тобой
 Не стану я, клянуса въ томъ Кипридой!“
 „Молчи, молчи!“—разсудокъ говорилъ;
 А плуть Эроть: „скажи: ты сердцу милъ!“

Ты сердцу милъ!—Пастушка повторила,
 И ихъ сердца огнемъ любви зажглись:
 И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ,
 И страстный взоръ Дорида потупила.
 Бѣги, бѣги! Разсудокъ ей твердилъ,
 А плуть Эроть: останься! говорилъ.

Осталася и трепетной рукою
 Взялъ руку ей счастливый пастушокъ.
 Взгляни, сказалъ, съ подругой голубокъ,
 Тамъ обнялись подъ тѣнью липъ густою.
 Бѣги, бѣги! Разсудокъ повторилъ;
 У нихъ учись! Эротъ ей говорилъ.

И нѣжная улыбка пробѣжала
 Красавицы на пламенныхъ устахъ,
 И вотъ она съ томленіемъ въ глазахъ
 Къ любезному въ объятія упала.
 Будь щастлива! Эротъ ей прошепталъ;
 Разсудокъ чтожь?—Разсудокъ ужъ молчалъ.

Сохранилось только в лицейских списках. Текст везде одинаковый; но в списке собр. Симанского, строфа 3: «подъ тѣнью дровъ густою...» Напеч. 1835 г., вероятно, без согласия П-а. *Дафнисъ, Дорида* — условные имена. О пастушеской поэзии см. предисл. к «Фавнъ и Пастушка». *Эротъ, Киприда* см. Общ. прим.

7. П-О-Г-Р-Е-БЪ.

О, сжальтесь надо мною,
 Товарищи, друзья!
 Красоткой удалою
 Въ-конецъ измученъ я!
 Всечасно я тоскую;
 Горька моя судьба!
 Несите-жь круговую,
 Откройте погреба.
 Тамъ, тамъ во льду хранится
 Бутылокъ гордой строй

И портера таится
 Боченокъ выписной.
 Намъ Либерь, заикаясь,
 Къ нему покажетъ путь;
 Пойдемте всѣ, шатаясь,
 Подъ бочками заснуть!
 Въ нихъ сердца утѣшенье,
 Награда для пѣвцовъ,
 И мукъ любви забвенье,
 И жаръ моихъ стиховъ.

Стихотв обычно относится к 1815 г. без особых оснований. *Либерь*—Вацх. Сохранилось в списках. Стихотв., вероятно, перевод. Напеч. Посм. изд.

1816 ГОДЪ

8. КЪ НАТАШЪ.

Вянеть, вянетъ лѣто красно,
 Улетаютъ ясны дни,
 Стелется туманъ ненастной
 Ночи въ дремлющей тѣни;
 Опустѣли злачны нивы,
 Хладенъ ручеекъ игривый,
 Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ,
 Сводъ небесный поблѣднѣлъ.
 Свѣтъ-Наташа, гдѣ ты нынѣ?
 Что никто тебя не зреть?
 Иль не хочешь часъ единый
 Съ другомъ сердца раздѣлить?

Ни надъ озеромъ волнистымъ,
 Ни подъ кровомъ липъ душистымъ
 Ранней, позднею порой
 Не встрѣчаюсь я съ тобой.
 Скоро, скоро холодъ зимній
 Рошу, поле посѣтитъ;
 Огонекъ въ лачушкѣ дымной
 Скоро ярко заблеститъ;
 Не увижу я прелестной,
 И какъ чижики въ клѣткѣ тѣсной,
 Дома буду горевать
 И Наташу вспоминать.

Стихотв. обычно относится к 1816 г., когда П. ухаживал за Наташей, горничной княжны Волконской (см. дальше), но имя Наташи встречается и в позднейших стихах П-а. В стихотв. П. искусно пародирует (передразнивает) пошлые романсы того времени. Сохранилось в списках, и в списке Корфа указано: «Дочери князя Кочубея» Напеч. Посм. изд.

1817 ГОД?

9. КЪ КАВЕРИНУ.

Забудь, любезной мой Каверинъ,
 Минутной рѣзвости нескромные стихи;
 Люблю я первый, будь увѣренъ,
 Твои щастливые грѣхи.
 Прослыть апостоломъ Зенонова ученья
 Похвально, можетъ быть, но ни тебѣ, ни мнѣ:
 Я знаю, что страстей волненья
 И шалости, и заблужденья
 Пристали нашихъ дней блистательной веснѣ.
 Все чередой идетъ опредѣленной,
 Всему пора, всему свой мигъ:
 Смѣшонъ и вѣтренной старикъ,
 Смѣшонъ и юноша степенной.
 Насытьсь жизнью у младости въ гостяхъ,
 Простимся навсегда съ веселостью шумливой,
 Съ Венерой пламенной и нѣгой прихотливой;
 Вздохнемъ объ нихъ, какъ о друзьяхъ,
 И хладной старости дождемся терпѣливо.
 Теперь съ безпечностью живи,
 Люби друзей, храни объ нихъ воспоминанье,
 Молись и Кому, и Любви
 Минуту юности лови
 И черни презирай ревнивое роптанье.
 Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
 Съ стихами, картами, Невтономъ и бокаломъ,
 Что рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ
 И умъ возвышенный, и сердце можно скрыть.

Сохранилось в 4 звт., из кст. один—стривок, и в нескольких списках того времени. В рук. и в печати П. пометил стихотв. 1817 г., но есть основания полагать, что оно написано уже по окончании Лицея. *Петр Павл. Каверин* служил в лейб-гусарах в 1816—1819 г., отличался благородством характера, но также известен был проказами и кутежами; упоминается в «Евг. Онѣгине», как приятель Онѣгина. В черн. рук. (отрывок) вар.:

У рѣзвой Младости не вѣчно мы въ гостяхъ,
 Не долго знаться намъ съ весельемъ прихотливымъ,
 Съ Венерой пылкою и Бахусомъ шумливымъ;
 Вздохнемъ объ нихъ, какъ о друзьяхъ
 И старости дождемся молчаливо.

В др. списке—еще строфа:

Пускай умно, хотя неосторожно
 Дурачиться мы будемъ иногда,
 Пока безъ лишняго труда
 Дурачиться намъ будетъ можно...

И вар.: ст. 1—«Прости»; 21—«Молись и Вахху»; 25—«Платономъ» (вм. «Невтономъ»), и ст. 18:

И старость посѣтимъ съ поклономъ молчаливымъ...

Зенонъ—др.-греческий философ., основатель школы циников, проповѣгывал крайнее воздержанье. *Платонъ*—др.-греческий философ. *Невтонъ* (Ньютон)— знаменитый англійский математик. *Комъ*—богъ пиров. О какихъ «нескромныхъ стихахъ» говорит П., не вполне выяснено: если о «Молитвѣ», помещенной в отделе сомнительныхъ стихотв. (*dubia*), то данное послание написано уже в 1818—1819 г. См. Прил. II—переделку этого стихотв. 1825 г. Переработанный текст напеч. 1828 г. с датой: «1817 г.» и перепечатан, безъ разрешения П—а, 1829 г.; первоначальный текст, даваемый здесь, напеч. 1859 г. См. еще Общ. прим. и Вступ. оч.

В. Эпиграммы, надписи к портретам и др., альбомные стихи, экспромпты,
шутки, мелочи 1814—1817 г.

Эпиграммы и мелочи Лицейского периода обычно не имеют в рук. даты, так что почти все они приурочены к определенным годам предположительно. Многие сообщены по памяти или на основании рук., ныне утраченных, так что текст не всегда достоверен.

1814 ГОД.

1. ЭПИГРАММА.

Аристь намъ общалъ Трагедію такую,
Что всѣ отъ жалости въ театрѣ заревуть,
Что слезы зрителей рѣкою потекутъ...
Мы ждали Драму золотую.
И что же дождались—и нечего сказать,
Достоинству ея нельзя убавить вѣсу:
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалостну піесу.

2. ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ.

Супругою твоей я такъ плѣнился,
Что естлибъ три въ удѣлъ достались мнѣ,
Подобныя во всемъ твоей женѣ,
То даромъ двухъ ябъ отдалъ сатанѣ,
Чтобъ третью лишь принять онъ согласился.

Обе эпиграммы напеч. самим П—ым «Росс. Муз.» 1815 г. *Аристь* — условное имя, м. б., того же, к кому обращено: «Къ другу стихотворцу», по некоторым,—В. К. Кюхельбекер. В Акад. изд. отнесены к 1814 г.

3. НЕСЧАСТЬЕ КЛИТА.

[НА КЮХЕЛЬБЕКЕРА].

Внукъ Тредьяковскаго, Клитъ гекзаметромъ пѣсенки пишетъ,
Противу ямба, хорей злобой ужасною дышетъ:
Мѣра простая сія все портитъ, по мнѣнію Клита,
Смысль затмѣваетъ стиховъ, жаръ охлаждаетъ піта.
Спорить о томъ я не смѣю, пусть онъ безвинныхъ поноситъ,
Ямбъ охладилъ риэмача, гекзаметры-жъ онъ заморозитъ.

Сообщено В. П. Гаевским по рук., ныне утраченной. *Клитъ*—В. К. Кюхельбекер, ж. Вступ. оч. *Гекзаметръ*—стихотворный размер (обычно без рифм); *ямбъ* и *хорей*—тоже (обычно с рифмами). *Піитъ* (старинное)—псѣт. П. в юности не любил белых стихов (без рифм). Напеч. 1863 г.

4. НА ПОЭМУ ШИХМАТОВА.

„Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ,
Или спасенная Россія“—
Слогъ темень, важень, напыщенъ,
И тяжки словеса пустыя.

Сообщено В. П. Гаевским по неизвестной ныне рук. *Кн. С. А. Ширинский-Шихматов*—драматург, над которым охотно смеялись в «Арзамас»; его поэма появилась еще в 1807 г. под загл.: «Пожарскій, Минин, Гермоген или спасенная Россія». Напеч. 1863 г.

1815 ГОД.

5. ЭПИГРАММА

Бывало, прежнихъ лѣтъ Герой,
Окончивъ славну брань съ противной стороной,
Повѣситъ мечъ войны средь отческія кущи;
А Трагикъ нашъ Бурунь, скончавъ чернильный бой,
Повѣсилъ уши.

Напеч. самим П—ым «Росс. Муз.» 1815 г., но, м. б., написана ранее. Акад. изд. относит к журнальной полемике начала 1815 г., но эпиграмма — общего содержания. *Бурунь* — условное имя

6. МОЯ ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь Пушкинъ погребень: онъ съ Музой молодою,
Съ любовью, лѣнностью провелъ веселый вѣкъ;
Не дѣлалъ добраго—однако жъ былъ душою,
Ей Богу, добрый человекъ.

Напеч. самим П—ым «Росс. Муз.» 1815 г., но, м. б., написано раньше. Настроение—усвоенное П—ым из французской лирики XVIII в. *Эпитафія*—надгробная надпись.

7. Е. П. БАКУНИНОЙ.

Напрасно воспѣвать мнѣ ваши имянины,
При всемъ усердіи послушности моей.
Вы не милѣе въ день святой Екатерины,
За тѣмъ что никогда не лъзя быть васъ милѣй.

Подлинник-автограф был поднесен П—ым Е. П. Бакуниной в день ее именин, 24 ноября 1815 г. (или 1816 г.). Напеч. 1913 г.

8. ЭПИГРАММА ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ:
Шихматовъ, Шаховской, Шишковъ.
Уму есть тройка супостатовъ:
Шишковъ нашъ, Шаховской, Шихматовъ;
Но кто глупѣй изъ тройки злой?
Шишковъ, Шихматовъ, Шаховской.

[10 декабря 1815].

Записано в лицейском дневнике П—а. *А. С. Шишковъ*—автор «Рассуждения о старом и новом слоге», один из основателей «Беседы», см. Вступ. оч. *С. А. Ширинскій-Шихматовъ* см. выше. *Кн. А. А. Шаховской*—драматург. Все трое—приверженцы старины, враги новаго «карамбинскаго» направленія. Писалось не для печати. Напеч. 1855 г.

1816 ГОД.

9. НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
Какъ свѣтъ забылъ его стихи.

Напеч. самим П—ым «Сѣв. Наблюдатель» 1817 г. *Клитъ*—условное имя.

10. СКАЖИ, ЧТО НОВАГО.

„Скажи, что новаго,—ни слова
 Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто?“
 — О братецъ, отвѣжись—я знаю только то,
 Что ты дуракъ... но это ужъ не ново.

Сохранилось в авт. В Прил. II см. переделку этой эпиграммы ~~на~~ изд. 1829 г.
 Вероятно, подражание франц. Напеч. Посм. изд.

11. БОЛЬНЫ ВЫ, ДЯДЮШКА.

„Больны вы, дядюшка,—нѣтъ мочи,
 „Какъ безпокоюсь я! Три ночи,
 „Повѣрите, глазъ я не смыкалъ.“
 — Да слышалъ, слышалъ,—въ банкъ игралъ.

Сохранилось в авт. Напеч. 1863 г.

12. ЭКСПРОМПТЪ НА АГАРЕВУ.

Въ молчаньи предъ тобой сижу.
 Напрасно чувствую мученье,
 Напрасно на тебя гляжу:
 Того ужъ вѣрно не скажу,
 Что говорить воображенье.

Было известно в авт. Напеч. Посм. изд. *Е. С. Огарева*—красивая и умная дама,
 которую П. встречал у Карамзиных. См. к ней стихи 1817 г.

13—14. НА ПУЧКОВУ.

I.

Пучкова, право, не смѣшна:
 Перомъ содѣйствуетъ она
 Благотворительнымъ газетъ недѣль-
 ныхъ видамъ,
 Хотъ въ смѣхъ читателямъ да въ
 пользу Инвалидамъ.

Сохранилось в авт под данными загл. *Е. Н. Пучкова* печатала весьма по-
 средственные стихи в «Русск. Инвалиде», в одном стихотв. несколько раз повто-
 ряется слово «дева». В рук. вар.: «вовсе не смѣшна»...; «На каждомъ маленькомъ
 стихѣ»... Напеч. 1884 г.

II.

НА НЕЕ ЖЪ.

Зачѣмъ кричишь ты, что ты *дѣва*
 На каждомъ дѣвственномъ стихѣ,
 О вижу я—пѣвица Эва,
 Хлопочешь ты о женихѣ.

15. ЗАУТРА СЪ СВѢЧКОЙ.

Заутра съ свѣчкой грошевою
 Явлюсь предъ образомъ святымъ.
 Мой другъ! остался я живымъ,
 Но былъ ужъ смерти подъ косою:
 Сазоновъ былъ моимъ слугою,
 А Пешель лекаремъ моимъ!

Пешель был лицейский врач, а *Сазоновъ* — лицейский дядька, оказавшийся убий-
 цей и грабителем, совершившим в Царском Селе и его окрестностях семь преступлений
 В-рук. 15-ое не сохранилось. Напеч. 1857 г. и сообщено Гаевским 1863 г.

16-ое сохранилось в копии А. Д. Иляичевского; дата — предположительна.
 Напеч. 1863 г.

16. ЗАВѢЩАНІЕ.

Друзья! простите—завѣщаю
 Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ бо-
 гать:
 Обиды, пѣсни—все прощаю,
 А миѣ пускай долги простятъ.

17. КЪ ПИСЬМУ.

Въ немъ радости мои; когда померкну я,
 Пускай оно груди безчувственной коснется:
 Быть можетъ, милые друзья,
 Быть можетъ, сердце вновь забьется.

Может быть, относится к письму Е. П. Бакуниной. Сохранилось в копии для Посм. изд. и напеч. в нем.

18. НА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

Вотъ Виля—онъ любовью дышетъ,
 Онъ пѣсни пишетъ зло;
 Какъ Геркулесъ сатиры пишетъ,
 Влюбленъ, какъ Буало.

Сохранилось 18-ое в авт. Виля—В. Кюхельбекер. Геркулесъ, по мифам, отличался силой, но не остроумием. Буало—наоборот, см. след. В рук. вар.: «посланья пишет». Напеч. 1863 г.

По сообщению Ефремова, 19-ое напеч. с авт., кот. не сохранился. Буало Дебрео—знаменитый франц. поэт-критик был кастрирован.

19. НА БУАЛО.

Ты хочешь знать, моя драгая,
 Какая разница межъ Буало и мной?
 У Буало была лишь запятая,
 А у меня двѣ точки съ запятой.

20. ТВОЙ И МОЙ.

Богъ вѣсть за что философы; пѣнты
 На *твоей* и *моей* давнымъ давно сердиты.
 Не спорю я съ ученой ихъ толпой,
 Но и бранить причины не имѣю
 То, что дарить мнѣ радость и покой.
 Что ежели бъ ты не была *моею*?
 Что ежели бъ я не былъ, Ниса, *твоей*?

Сохранилось в авт.; рядом — франц. стихи, которым подражал П. Относится к 1816 г. без оснований. В рук. поправка, вероятно, 1825 г.; вм. ст. 4—5:

Но потакать и вѣрить имъ не смѣю.

Намек на философские споры о праве собственности. Напеч. Посм. изд.

1817 ГОД.

21. СНОВИДѢНІЕ.

[изъ вольтера].

Не давно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ,
 Въ вѣнцѣ сіяющемъ, царемъ я зрѣлъ себя;
 Мечталось, я любилъ тебя—
 И сердце билось наслажденьемъ.
 Я страсть у ногъ твоихъ въ восторгахъ изъяснялъ,
 Мечты! ахъ! отъ чего вы счастья не продлили?
 Но боги не всего теперь меня лишили:
 Я только царство потерялъ.

Перев. стихов Вольтера, почему только и относится к 1817 г., когда П. перевел из Вольтера «Стансы», — основание шаткое. Текст—по списку Матюшкина. Напеч. Посм. изд.

22. О Н А.

„Печаленъ ты, признайся; что съ тобой?“
 — Люблю, мой другъ! — „Но кто жъ тебя плѣнила!“
Она. — „Да кто жъ, Глицера ль, Хлоя, Лиля?“
 — О, нѣтъ! — „Кому жъ ты жертвуешь душой?“
 Ахъ, *ей!* „Ты скромнень другъ сердечный!
 Но почему жъ ты столько огорченъ?
 И кто виной? Супругъ, отецъ конечно...“
 Не то, мой другъ! — „Но что жъ?“ Я *ей* не *онь!* —

Сохранилось в достоверной копии, относится обычно к 1816 г., но, вероятнее, написано в 1817 или 1818 г. *Глицера* и др.—условные имена. Напеч. Посм. изд.

23. КЪ БАБОЛОВСКОМУ ДВОРЦУ.

— Прекрасная! пускай восторгомъ насладится
 Въ твоихъ объятяхъ Россійскій полубогъ.
 Что съ участью твоей сравнится?
 Весь міръ у ногъ его — здѣсь у твоихъ онъ ногъ.

Стихи обращены к баронессе Софии Вельо, любовнице Александра I, который посещал ее в Баболовском дворце, неподалеку от Лицея, что наблюдали лицеисты. Сохранилось в копии для Посм. изд., но принадлежность П—ну оспаривается. Напеч. 1884 г.

24—25. НАДПИСИ КЪ ПОРТРЕТАМЪ.

I. КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Онъ вышней волею небесъ
 Рожденъ въ оковахъ службы царской;
 Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳиннахъ—Периклесь,
 А здѣсь онъ—офицеръ гусарской.

II. КЪ ПОРТРЕТУ П. П. КАВЕРИНА.

Въ немъ пунша и войны кипить всегдашній жаръ,
 На Марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ воитель,
 Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучитель,
 И всюду онъ Гусаръ.

Чаадаевъ, Каверинъ см. Вступ. оч. *Брутъ, Периклесь*—знаменитые люди древности. *Марсъ*—бог войны. I сохранилось в авт., напеч. 1861 г.; II—в списке для Посм. изд.

26—28. Эпиграммы, сообщенные по памяти.

1815—1817 ГОД.

I. Ш У Т К А.

Отъ всеобщей, вечеръ, идя домой, Антипьевна съ Марѳушкою брани-	Ты думаешь, что я уже забыла, Ту ночь, когда, забравшись въ уго-
лась:	локъ,
Антипьевна отменно горячилась.	Ты съ крестникомъ Ванюшею ша-
„Постой! кричить: управлюсь я съ	лила?
тобой.	Постой! о всемъ узнаеть муженекъ!“

—Тебѣ ль грозить? Марѳушка отвѣ
часть:
Ванюша что? Вѣдь онъ еще дитя!
А свать Трофимъ, который у тебя
И день и ночь? Весь городъ это
знаеть.

Молчи жъ, кума: и ты какъ я грѣш-
на:
Словами жъ всякаго пожалуй раз-
обидишь.
Въ чужой ... соломинку ты видишь
у себя не видишь и бревна.

II. НА ОМУ.

Мы недавно отъ печали,
Пушкинъ, Пущинъ, я, баронъ,
По бокалу осушали,
И Ому прогнали вонъ..

Эти три эпиграммы сообщены И И Пущиным много лет после их написанья, в
аписке 1859 г., по стиху и приемам эпиграммы могут быть II—а, но текст вряд ли
передан точно. I должна относиться к 1815, если не 1814 г., II говорит о попойке,
описанной в стихотв. 1815 г. «Воспоминание» и написана от лица Малиновского; баронъ—
Дельвиг; Ома—лицейский дядька, доставший лицеистам ром III будто бы была тайно
написана II—ым над постелью Пущина, когда он лежал в лицейской больнице неза-
долго перед выпуском, т.-е. 1817 г.

III. НА ПУЩИНА.

Вотъ здѣсь лежитъ больной сту-
Судьба его неумолима! [дентъ—
Несите прочь медикаментъ:
Болѣзнь любви неизлѣчима.

29—34. Стихотворения из изданий 1826 и 1829 г., относимые обычно к лицейским.

29. Л И Л Ъ.

Лиля, Лиля, я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;

Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лиля: ты прекрасна
И безчувственной красой.

30. К. А. Б.

ЭКСПРОМПТЪ.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всего дороже.
Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
Подумавъ, я скажу все то же.

31. ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свистъ;
Марааетъ онъ единымъ духомъ
Листъ;

Потомъ всему терзаетъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ: и въ Лету
Бухъ!

32. ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнью играть;
Пусть чернъ слѣпая суетится—
Не намъ безумной подражать.
Пусть наша вѣтрена младость
Потонетъ въ нѣгѣ и въ винѣ;

Пусть измѣняющая радость
Намъ улыбнется хоть во снѣ.
Когда же юность легкимъ дымомъ
Умчитъ веселость юныхъ дней,
Тогда у старости отыметимъ
- Все что отыметъ у ней.

33. ИМЯНИНЫ.

Умножайте шумъ и радость;
Пойте пѣсни въ-доброй часъ:
Дружба, грація и младость
Имянинницы у насъ.

Между тѣмъ дитя крѣладо,
Васъ привѣтствуя, друзья,
Втайнѣ думаетъ: когда-то
Имянинникъ буду я?

34. ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несносенъ Фирсъ ученый,
 Педантъ надутый и мудреный:
 Онъ важно судить обо всемъ,
 Всего онъ знаетъ понемногу.
 Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ:
 Ты просто глупъ, и слава Богу!

Эти 6 стихотв. включены в изд. 1826 и 1829 г., в отдел «Рязных годовъ», а «Исторія стихотворца» раньше того напеч. 1821 г. В авт. сохранилось: «Добрый человекъ» — в лицейской тетради, но, повидимому, запись более поздняя; «Добрый советъ» — на бумаге 1823 г.; «Лилъ» и «К. А. Б.» (посл. под загл.: «Экспромптъ») — в тетради, приготовленной для изд. 1826 г., авт. собр. Капниста. Следовательно, все 6 стихотв. могли быть написаны после Лицея: «Добрый человекъ» после 1817 г.; «Исторія стихотворца» до 1821 г.; «Добрый советъ» до 1823 г.; остальные до 1826 г. «Лилъ» относят к 1816 г. по «сходству» со стихотв. «Слово милой», хотя имя Лилъ встречается и позднее. «К. А. Б.» — к 1816 г., ошибочно смешивая с Ек. П. Бакуниной. «Исторія стихотворца», в тексте 1821 г., стихи 1—2 и 3—4 стояли в обратном порядкѣ. «Добрый советъ» записан в авт. на одном листке с «Къ Каверину» и тут же приписано: «Къ Щербинину, къ Давыдову». «Имянины», «дитя крылато» — Амур. «Добрый человекъ», в авт. вар. (в Акад. изд. не указаны):

1-я ред. Дамонъ, согласенъ я съ тобою,
 Всего глупѣй глупецъ мудреный
 Всего судья онъ понемногу...
 Ну, тѣмъ бы ты, Пахомъ...
 2-я ред.: Дуракъ надутый и мудреный;
 Онъ громко судить объ одномъ,
 Всего онъ слышалъ понемногу...

Посл. стих П. повторял как свою поговорку. *Фирсъ*, *Пахомъ*, *Дамонъ* — условные имена. *Педантъ* см. раньше. Все 6 стихотв., действительно, повторяют «мотивы, обычные в лицейских стихах.

Г. Лицейские стихи, принадлежность которых Пушкину сомнительна (dubia), 1815—1817 г.

1815 ГОД.

1. В И Ш Н Я.

Румянбй зарею
 Покрылся востокъ,
 Въ селѣ за рѣкою
 Потухъ огонекъ.
 Росой окропились
 Цвѣты на поляхъ,
 Стада пробудились
 На мягкихъ лугахъ.
 Туманы сѣдые
 Плывутъ къ облакамъ,
 Пастушки младыя
 Спѣшать къ пастухамъ.
 Съ журчаньемъ стремится
 Источникъ межъ горъ,
 Вдали золотится
 Во тмѣ синій боръ.
 Пастушка младая
 На рынокъ спѣшитъ

И въ даль, припѣвая,
 Прилежно глядитъ.
 Румянецъ играетъ
 На полныхъ щекахъ,
 Невинность блистаетъ
 На робкихъ глазахъ.
 Искусной рукою
 Коса убрана,
 И ножка собою
 Прельщать создана.
 Корсетомъ прикрыта
 Вся прелесть груди,
 Подъ фартукомъ скрыта
 Приманка людей.
 Пастушка приходитъ
 Въ вишенникъ густой,
 И много находитъ
 Плодовъ предъ собой.

Хоть видъ ихъ прекрасенъ,
Красотку манить,
Но путь къ нимъ опасенъ—
Бѣдняжку страшить.

Подумавъ, рѣшилась
Сихъ вишень поѣсть,
За вѣтвь ухватилась
На дерево взлѣзть
Уже достигаетъ
Награды своей
И робко ступаетъ
Ногой межъ вѣтвей.

Бери плодъ рукою—
И вишня твоя,
Но, ахъ, что съ тобою,
Пастушка моя?

Вдали усмотрѣла,
Спѣшитъ пастушокъ—
Нога ослабѣла,
Скользить башмачокъ.

И вѣтвь затрещала,
Бѣда! смерть грозитъ!
Пастушка упала,
Но, ахъ! какой видъ!

Сучекъ преломленный
За платье задѣлъ,
Пастухъ изумленный
Всю прелесть узрѣлъ.

Среди двухъ прелестныхъ
.....

На стѣбахъ чудесныхъ,
Пастухъ то зрѣть могъ,
Что скрыто на время

.....
За что изъ Эдема
Былъ выгнанъ Адамъ.

Пастушку несчастну
Съ сучка тихо снялъ
И грудь свою страстну
Къ красоткѣ прижалъ.

Вся кровь закипѣла
Въ двухъ пылкихъ сердцахъ,
Любовь прилетѣла
На быстрыхъ крылахъ.

Утѣха страданій
Двухъ юныхъ сердець,
Въ любви ожиданій,—
Супругамъ вѣнецъ.

Прельщенный красою
Младой пастушекъ
Горячей рукою
Коснулся до ногъ.

И вмигъ зарѣзвился
Амуръ въ ихъ ногахъ;
Пастухъ очутился
На полныхъ грудяхъ.

И вишню румяну
Въ соку раздавилъ,
И сокомъ багрянымъ
Траву окропилъ.

Стихи по своей фактуре (строфы 13, 15, 16, 17-ая и др.) вряд ли принадлежат П—у. Рукописных данных для решения вопроса не сохранилось. О пастушеской поэзии см. «Фавнъ и Пастушка»; об эротических (прославляющих сладостраст.-е) стихах П—а см. Вступ. сч. Напеч. за границей 1861 г.

1816 ГОД.

2. ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

(изъ шиллера.)

Силы четыре,
Соединясь,
Жизнь образуютъ,
Миръ создаютъ.
Влажно-зернистый
Выжми лимонъ:
Бѣдная сила—
Жизни зерно.
Сладостной влагой
Ты укроти
Острую силу
Бѣдой струи.

Влагою грѣтой
Воду налей:
Миръ весь объемлемъ
Тихо водой.
Примѣсью рома
Все освяти:
Ромъ одаряетъ
Жизнию жизнь.
Только кипучій
Ключъ утолитъ:
Прежде, чѣмъ стихнетъ,
Черпай его!

Стихи—близкий перевод из Шиллера. П. немецкий яз. знал плохо, и в принадлежности этой песни П—у сомневались многие издатели, в том числе Анненков, который говорит, что видел эти стихи переписанными рукой П—а. Рук. эта затерялась; кроме того, П. нередко списывал чужие стихи. М. б., П. списал перевод песни Шиллера, когда писал свое стихотв. «Заздравный кубокъ», 1816 г. Четыре силы: едкость (лимон) и сладость (сахар), трезвость (вода) и хмель (вино, ром). Напеч. 1857 г.

Эпиграммы, экспромпты, шутки, мелочи.

1814—1817 ГОД.

3. НА ГР. А. К. РАЗУМОВСКАГО.

Ты слышалъ вѣсть смѣшную?
Разумникъ получилъ вѣдь ленту голубую.
— Богъ съ нимъ! я недругъ никому:
Дай Богъ и царствія небеснаго ему.

Сообщено Ф. Ф. Матюшкиным по памяти и вряд ли точно, если вообще эпиграмма принадлежит П—у. *Гр. А. К. Разумовскій*, министр народного просвещения, никогда не получал «голубой ленты», т.-е. ордена св. Андрея. Напеч. 1880 г.

4. ПОРТРЕТЪ.

Вотъ карапузикъ нашъ, монахъ,
Поэтъ, писецъ и воинъ,
Всегда, за все, во всѣхъ мѣстахъ,
Крапивы онъ достоинъ.
Съ Мартыномъ попъ онъ записной,
Съ Фроловымъ математикъ;
Вступаетъ Энгельгардтъ-герой—
И вмигъ онъ дипломатикъ.

В кого метит эпиграмма, не, выяснено. *Мартынъ*—лицейский надзиратель М. С. Пилецкий-Урбанович. *С. С. Фроловъ*—инспектор Лицея. *Е. А. Энгельгардтъ*—директор Лицея. Имелось в списке Матюшкина, но не сохранилось. В эпиграмме есть недоразумения: Пилецкий оставил Лицей в 1813 г. и т. под. Напеч. 1887 г.

5. НА СЕБЯ.

Я самъ въ себѣ увѣренъ,
Я умникъ изъ глупцовъ,
Я маленькой Каверинъ,
Лицейской Молоствовъ.

Сообщено П. П. Кавериним. *Молоствовъ* см. дальше.

6.

Ахъ, тошно, тошно! помогите!
„Да отчего же тошно вамъ?
Ужъ не отъ сладкаго ль, скажите?“
Такъ, такъ! отъ вашихъ эпиграммъ!

М. 6., стихи Илличевского. Сохранился в лицейских списках.

7. ЭКСПРОМПТЪ.

И останешься съ вопросомъ
На берегу замерзлыхъ водъ:
„Мамзель Шредеръ съ краснымъ носомъ
„Милыхъ Вельо не ведетъ?“

Будто бы экспромпт; *Вельо*—дети Софии Вельо, см. раньше; *Шредеръ*—увернантка. Сообщено И. И. Пуцциным.

Гауэншильдъ и Энгельгардтъ,
 Карцовъ и Кошанскій,
 И танцмейстеръ Эбергардъ,
 И Эбергардъ кавказскій,
 Всѣ, какъ отставной солдатъ,
 Тянутъ пѣснь унылу:
 „Господа похраповать!“
 „Господи помилуй!“

Боже мой, охъ, Боже мой,
 Господи мой Боже!
 Вотъ приходитъ годъ шестой,
 И экзамень тоже.
 Что жъ? какой намъ аттестать
 Выдали насилу?—
 „Господа похраповать!“
 „Господи помилуй!“

М б.,—коллективный труд лицейстов: *Гауэншильдъ, Карцовъ, Кошанскій, Эбергардъ*—преподаватели Лицея; *отставной солдатъ*—дядька. «Похраповать»—замена иного слова. Напеч 1863 г.

9. КЪ ПОРТРЕТУ МОЛОСТОВОА

Не большой онъ Русской баринъ,
 Дуракомъ онъ не былъ въ вѣкъ,
 Онъ Татаринъ, онъ Татаринъ,
 Онъ не Русской человекъ.

П. Х. Молоствовъ—один из военных, с которыми П. сблизился в 1817 г.; см. дальше упоминание его имени в черн. набросках. Надпись сделана на портрете, но выяснено, что это—не авт. П—а. По содержанию, надпись—челеча. Н печ 1898 г.

10. МОЛИТВА

ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Избави, Господи, ума такого,
 Какъ у Александра Васильича
 Попова!

Слатвинскаго скромности,
 Зубова томности,
 Ильина чистоты,
 Тютчева красоты,
 Любомірскаго чванства,
 Каверина пьянства,
 Гротовой скупости,
 Ховрина глупости,
 Суетливости Оффенберга,
 Разсудительности Унгеръ-Штерн-
 берга,

Чаадаева гордости,

Юшкова подлости,
 Крекшина службы,
 Сабурова дружбы,
 Завадовскаго щедрости,
 Гернгросовой мерзости,
 Кнабенау усовъ,
 Пашковскихъ носовъ,
 Салтыкова дикости,
 Соломирскаго лихости,
 Слѣпцова смиренья,
 Круглицова пѣня,
 Барятинскаго спросовъ,
 Рахманова вопросовъ,
 Молостцова хвалы
 И Микѣшина хулы...

Из упомянутых офицеров некоторые поступили в л.-гусары лишь в 1819 г.; следовательно, стихи—не П.-лицейста, да и вообще грубое это стихотв.—вряд ли П—а: м. б.,—коллективное произведение, где П—ым вставлено несколько строк. См. «Къ Каверину» 1817 г. Н печ П. Е. Ефремовым со сп ска.

Включенные в Акад. изд.:

11. Третья эпиграмма на Пучкову; «зачѣмъ объ инвалидной долѣ..» принадлежит Илличевскому; 12. Надпись на мой портрет, «Не бойся, Глазуновъ, ты моего портрета...»—Дельвигу.

Помещаемые в других изд. стихотв.: 13, «Съ позволения сказать...» и др.—П—у несомненно не принадлежат.

ПРИЛОЖЕНИЕ I. ЛИЦЕЙСКИЕ СТИХИ, ПЕРЕДЕЛАННЫЕ ПО ВЫХОДЕ
ИЗ ЛИЦЕЯ, В 1825 (ИЛИ 1820) ГОДУ.

а) Стихотворения, включенные в издания 1826 и 1829 г.

В 1825 г., готовя первое изд. своих стихов, П. пересматривал свои лицейские тетради и переделывал записанные там стихи. Однако, значительная часть исправленных стихотв. не была включена в книгу и даже самые исправления не закончены. Далее помещены те позднейшие редакции стихотворений, которые значительно отличаются от первоначальных. Мелкие поправки были указаны в примечаниях к отдельным стихотворениям.

ПОД 1815 ГОДОМ.

1. ЛИЦИНИЮ.

СЪ ЛАТИНСКАГО.

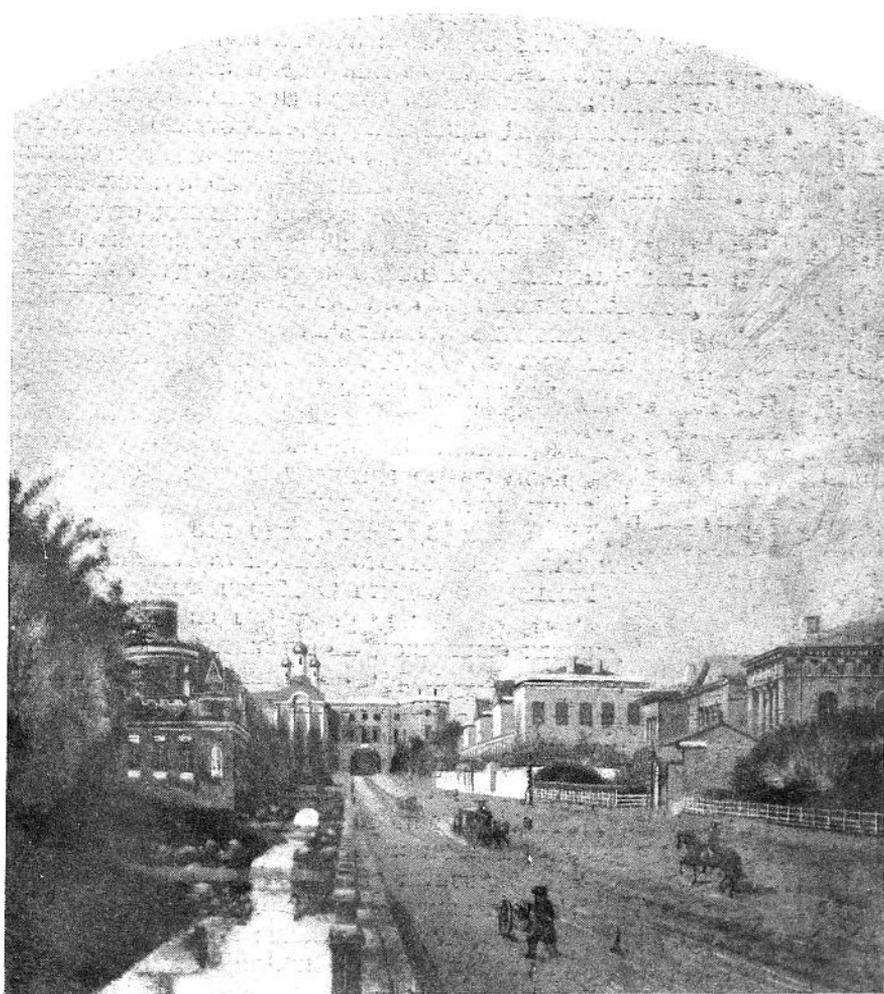
Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вѣнчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спесиво развалясь, Ветулій молодой
Въ толпу народную летитъ по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонятъ;
Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гонятъ!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ стремитъ усердный взглядъ;
Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
И дѣти малыя, и старцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:
Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнной,
Есть нѣкій памятникъ почетный и священной.
О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
Квириты гордые подъ иго преклонились.
Кому жъ, о небеса, кому поработились?
(Скажу ль?) Ветулію! Отчизны стыдъ мой,
Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ править,
На Римъ простеръ яремъ, отечество безславить.
Ветулій римлянъ царь!.. О стыдъ, о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою,
Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
Куда ты нашъ мудрецъ, другъ истины, Даметъ?
„Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу.“
Лициній, добрый другъ! не лучше ли и намъ,
Смиренно поклонясь фортунѣ и мечтамъ,
Сѣдаго циника примѣромъ научиться?
Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ проститься,
Гдѣ все продажное: законы, правота,
И консулъ, и трибунъ, и честь, и красота?
Пускай Глицерія, красавица младая,
Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,

Неопытность другихъ въ наемну ловить сѣты!
 Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣтъ; —
 Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій:
 Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ, Корнелій
 Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
 Отъ знатныхъ къ богачамъ ползуть изъ дома въ домъ!
 Я сердцемъ Римлянинъ; кипитъ въ груди свобода;
 Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
 Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
 Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красоты!
 Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
 Въ деревню пренесемъ отеческіе лары!
 Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
 Найти нетрудно намъ укромный, свѣтлый домъ,
 Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,
 Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
 И тамъ, расположась въ уютномъ уголкѣ,
 При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ камелькѣ,
 Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
 Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
 Въ сатирѣ праведной пороки изображу
 И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.
 О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
 Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья.
 Предвижу грознаго величія конецъ:
 Падеть, падеть во прахъ вселенныя вѣнецъ.
 Народы юные, сыны свирѣпой брани,
 Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани,
 И горы, и моря оставятъ за собой
 И хлынуть на тебя кипящею рѣкой.
 Исчезнетъ Римъ; его покроетъ мракъ глубокой;
 И путникъ, устремивъ на груды камней око,
 Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
 „Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ.“

Напеч. изд. 1826 г. П. в стихотв. сделал поправки преимущественно стилистические, но изменены и некоторые выражения. Вместо «пенаты» поставлено «лары», что почти одно и то же: в каждом др.-римском доме были свои домашние боги, лары и пенаты. *Даметь* в 1-ой релакции был назван *стоиком*, во 2-ой—*циником*. Стоики и циники — представители двух философских школ, которые были распространены в Риме (так же, как эпикурейцы). Стоики были умереннее в своем нравственном учении; циники доходили до крайностей, отрицая чуть ли не всю культуру. П. говорил, что двустишие «Пускай Глицерия..» и т. д., ему приснилось, т.-е. было сочинено во сне.

2. ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Все въ таинственномъ молчаньи; Холмъ одѣлся темнотою; Ходитъ въ облачномъ сіяньи Подумѣяцъ молодой. Вижу: лира надъ могилой Дремлетъ въ сладкой тишинѣ; Лишь порою звонъ унылой, Будто лѣни голось милой, Въ мертвой слышится струнѣ. Вижу: горлица на лирѣ. Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ... Други, здѣсь почіеть въ мирѣ Сладострастія мудрецъ.	Посмотрите: на порфирѣ Оживилъ его рѣзецъ! Здѣсь онъ въ зеркало глядится, Говоря: я сѣдъ и старъ, Жизнью дайте жъ насладиться; Жизнь, улы, невѣчный даръ! Здѣсь, поднявъ на лиру длани И нахмуря важно бровь, Хочетъ пѣть онъ бога брани, Но поетъ одну любовь. Здѣсь готовится природѣ Долгъ послѣдній заплатить; Старецъ пляшетъ въ хороводѣ,
---	---

Виды на Лицей.
С современных литографий

Жажду просить утолить.
Вкругъ любовника сѣдаго
Дѣвы скачутъ и поютъ;
Онъ у времени скупаго
Крадетъ нѣсколько минутъ.
Вотъ и Музы, и Хариты
Въ гробъ любимца увели:
Плющемъ, розами увиты,
Игры вслѣдъ за нимъ пошли...

Напеч. изд. 1826 г. Испр. влечения сделаны только стилистическіе. В изд. 1829 г. под 1815 г. помещено только два стихотв. Правописание по изд. 1829 г. как и далее.

Онъ исчезъ, какъ наслажденье,
Какъ веселый сонъ любви.
Смертный, вѣкъ твой приви-
дѣнье:

Счастье рѣзвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубокъ наливаи;
Страстью пылкой утомляйся,
И за чашей отдыхай!

ПОД 1816 ГОДОМ.

3. ДРУЗЬЯМЪ.

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.

Напеч. изд. 1826 г. Стихотв. сильно сокращено.

Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечеръ скоротечной:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуса я.

4. АМУРЪ И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю васъ новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слѣпаго мальчика съ повязкой?
Слѣпаго?.. Вотъ? Помилуй, Фебъ!
Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ:
Но шалуну пришла жъ охота,
Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
Его безуміе вело.
Безуміе ведетъ Эрота:
Но вдругъ, не знаю почему,
Оно накучило ему.
Взялся за новую затѣю:
Повязку съ милыхъ снявъ очей,
Идетъ проказникъ къ Гименею...
А что такое Гименей?
Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и лѣнивый,
Ворчитъ и дремлетъ цѣлый вѣкъ,
А впрочемъ добрый человѣкъ,
Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый.
Отъ ревности печальный богъ
Спокойно подремать не могъ;
Все трусилъ маленькаго брата,
За нимъ подсматривалъ тайкомъ,
И караулилъ супостата
Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.
Вотъ мальчикъ мой къ нему подходитъ
И рѣчь коварную заводитъ:

„Развеселися, Гименей!
„Ну, помиримся, будь умнѣй!
„Забудь, товарищъ мой любезный,
„Раздоръ смѣшной и безполезный!
„Да только навсегда, смотри!
„Возьми жъ повязку въ память, ми-
лый,
„А мнѣ фонарь свой подари!“
И что жъ? Повѣрилъ богъ унылый.
Амуръ отъ радости прыгнулъ,
И на глаза со всей онъ силы
Обнову брату затянулъ.
Гимена скучные дозоры
Съ тѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотамъ;
Спокоенъ онъ, но братъ коварный,
Шутя надъ честью и надъ нимъ,
Войну ведетъ неблагодарный
Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ,
Амуръ въ молчаніи ночномъ
Фонарь любовнику вручаетъ
И самъ счастливца провожаетъ
Къ уснувшему супругу въ домъ;
Самъ отъ безпечнаго Гимена
Онъ охраняетъ тайну дверь...
Пойми меня, мой другъ Елена,
И мудрой повѣсти повѣрь!

Напеч. изд. 1826 г. Эротъ — Амур; Вулканъ (или Гѣфест) — богъ кузнеца, хромой супругъ Афродиты (Венеры). Стихотв. значительно переделано: вместо дурачества поэтъ в это безуміе и т. п. д., но основная мысль осталась: любовь (Эротъ) слепляетъ мужей (Гименея, бога брака).

5. ШИШКОВУ.

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
 Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
 Въ помѣстьѣ мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
 Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мелецкій и Парни?
 Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
 Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
 Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
 Твою счастливую качали колыбель.
 Друзей любить открытою душою,
 Въ молчаньи чувствовать, плѣняться красою:
 Вотъ жребій мой; ему я слѣдовать готовъ,
 Но, милый, сжался надо мною.
 Не требуй отъ меня стиховъ!
 Невѣчно нѣжиться въ пріятномъ ослѣплѣнни:
 Докучной истины я поздній вижу свѣтъ.
 По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньи
 Мечтѣ шепнувшей: ты поэтъ,
 И, презря мудрые угрозы и совѣты,
 Съ небрежной лѣнностью нанизывалъ куплеты,
 Игрушкою себя невинной веселилъ;
 Угодникъ Бахуса, я трезвый межъ друзьями,
 Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;
 Мечтательныхъ Доридъ и славилъ и бранилъ,
 Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ: и дружество зѣвало
 И сонные стихи въ просонкахъ величало.
 Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
 Душѣ наскучили Парнаскія забавы;
 Не долго снились мнѣ мечтанья музъ и славы:
 И, строгимъ опытомъ неволью пробуждѣнъ,
 Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулся,
 Увидѣлъ, что еще не генія печать
 Охота смертная на рифмахъ лепетать,
 Сравнивь стихи твои съ моими, улыбнулся:
 И полно мнѣ писать!

Напеч. изд. 1826 г. Стихотв. сокращено и сделано более стройным. В изд. 1829 г. под 1816 г. помещены еще стихотв.: «Пробужденіе» и «Пѣвецъ» в той же редакции как выше.

ПОД 1817 ГОДОМ.

6. ДЕЛЬВИГУ.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
 Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
 Живи подъ ихъ надежной сѣнью;
 Въ уединеніи ты счастливъ: ты поэтъ.
 Наперснику боговъ не страшны бури злыя:
 Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой;
 Его баюкають камни молодыя
 И съ перетомъ на устахъ хранять его покой.
 О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья

Еще въ младенческую грудь
 Вляяли искру вдохновенья
 И тайный указали путь:
 Я мирныхъ звуковъ наслажденья
 Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
 И лира стала мой удѣлъ.
 Но гдѣ же вы, минуты упоенья,
 Неизъяснимый сердца жаръ,
 Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья!
 Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ.
 Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой
 И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
 Нѣтъ, нѣтъ, ни счастьемъ, ни славой,
 Ни гордой жаждою похвалъ
 Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ
 Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
 Но, можетъ быть, вздохну въ восторгѣ молчаливомъ,
 Внимаю звуку струнъ твоихъ.

Напеч. изд. 1826 г. Стихотв. сильно сокращено. Ст. 13, м. 6.: «лирныхъ».

7. РАЗЛУКА.

[в. к. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ].

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
 Моимъ стихамъ внимаешь нашъ пенать.
 Лицейской жизни милый братъ,
 Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.
 Прошли лѣта соединенья,
 Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
 Прости! Хранимый небомъ,
 Не разлучайся, другъ,
 Съ свободою и Фебомъ!
 Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
 Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья:
 И дни твои полетомъ сновидѣнья
 Да пролетяютъ въ счастливой тишинѣ!
 Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
 При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
 Святому братству вѣренъ я.
 И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?),
 Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

Напеч. изд. 1826 г. Под 1817 г. в изд. 1829 г. помещены еще стихотв.: «Торжество Вакха» в той же ред., какъ выше.—и отрывок из посланія В. Л. Пушкину.

ПОД ЗАГЛАВИЕМ: „РАЗНЫХЪ ГОДОВЪ“.

8. СТАРИКЪ.

[изъ марота.]

Ужъ я не тотъ любовникъ страстной
 Кому дивился прежде свѣтъ:
 Моя весна и лѣто красно
 Навѣкъ прошло, пропалъ и слѣдъ.

Амуръ, богъ возраста младаго!
Я твой служитель вѣрный былъ;
Ахъ, если бь могъ родиться снова,
Ужъ такъ ли бь я тебѣ служилъ!

Напеч. изд. 1826 г.

9. ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Что-жъ новаго?—„Ей Богу ничего“.
— Эй не хитри: ты вѣрно что-то знаешь,
Не стыдно ли, отъ друга своего,
Какъ отъ врага ты вѣчно все скрываешь.
Иль ты сердить: помилуй, братъ, за что?
Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово...
„Охъ! отвяжись, я знаю только то,
Что ты дуракъ, да это ужъ не ново.“

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1829 г. и изд. 1829 г.; распространение первоначального четверостишия.

В изд. 1829 г., в отделе «Разныхъ годовъ», помещены еще стихотв.: «Роза» 1815 г., «Лилъ», «К. А. Б.», «Исторія стихотворца», «Добрый человекъ», «Имянины» и др., вошедшие в наше изд. в той же ред.

б) Стихотворения, не вошедшие в издания 1826 и 1829 года.

Следующие ред. при жизни П—а напеч. не были и появились въ изд. Анненкова, Литер. Фонда 1887 г., Акад. и др.

10. КЪ ДЕЛЬВИГУ.

ОТВѢТЪ.

Послушай, Музъ невинныхъ
Лукавый клеветникъ!
Въ тиши полей пустынныхъ
Природы ученикъ,
Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою;
И я главою поникъ
Предъ милой суетою.
Жуковский нашъ поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ Музами сосваталъ.
Сначала я игралъ,
Шутя стихи мараль,
А тамъ переписалъ,
А тамъ и напечаталъ.
И что же? Радъ не радъ,
Но вотъ уже я братъ
Безтолкову пустому...
Тому, сему, другому,
Что дѣлать! виноваты!
Измѣнникъ! Съ Аполлономъ
Ты, видно, за одно;
А мнѣ прослыть Прадономъ
Отнынѣ суждено:
Вездѣ бѣды застану.
Увы, мнѣ, метроману!

Куда сокроюсь я?
Измѣнники-друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ
И плодъ уединенья
Тиснеңю предають—
Бумагу убиваютъ!
Поэта окружають
Съ улыбкой остряки:
„Признайтесь, намъ сказали,
„Вы пишете стишки?
„Увидѣть ихъ нельзя ли?
„Вы въ нихъ изображали
„Конечно ручейки.
„Конечно василѣчикъ,
„Лѣсочикъ, вѣтерочикъ,
„Барашковъ и цвѣтки...“
О, Дельвигъ, начертали
Мнѣ Музы мой удѣлъ;
Но тѣ ль мои печали
Умножить захотѣлъ?
Межъ лѣни и Морфея
Безпечный духъ лелѣя,
Еще хотъ годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И нѣгой насладиться:

Я право, нѣги сыны!
 А тамъ, хоть нѣтъ охоты,
 Но придуть ужь заботы
 Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
 Я буду принужденъ

Съ журналами сражаться,
 Съ газетой торговаться,
 Съ Графовымъ восхищаться...
 Помилуй, Аполлонъ!

См. примеч. к стихотв. 1815 г. Правписание по аѳг., как и далее.

11. МОЕМУ АРИСТАРХУ.

Помилуй, трезвой Аристархъ
 Моихъ бахическихъ посланій!
 Не осуждай моихъ мечтаній
 И чувства въ вѣтреньхъ стихахъ!
 Плоды веселаго досуга
 Не для безсмертья рождены,
 Но развѣ такъ сбережены—
 Для самого себя, для друга,
 Да для Темиры молодой:

Помилуй, сжался надо мной!
 Я знаю самъ свои пороки,
 Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
 Твоей учености сухой:
 Конечно, бѣденъ геній мой:
 За риемой часто холостой,
 На зло законамъ сочетанья,
 Бѣгутъ трехстопные толпой
 На *аю*, *аеть* и на *ой*.

Еще немногія признанья:
 Я ставлю (кто безъ грѣха?)
 Для риѣмъ и мѣры восклицанья,
 Для смысла, лишникъ три стиха;
 Не хорошо; но оправданья
 Позволь мнѣ скромно принести:
 Мои летучія посланья
 Въ потомствѣ будутъ ли цвѣсти?
 Не думай, цензоръ мой угрюмой,
 Что я бѣснуюсь по ночамъ,
 Объятый стихотворной думой;
 Что лѣнью жертвую стихамъ,
 Что засвѣтивъ свою лампаду,
 Едва дыша, нахмуря взоръ,
 За вѣрный столъ крехтя засяду,
 Сижу, сижу три ночи сряду
 И высижу—трехстопный вздоръ...
 Такъ пишетъ (молвить не въ
 укоръ)

Конюшій дряхлаго Пегаса
 Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ,
 Служитель старенькой Парнасса,
 Родитель старенькихъ стиховъ
 И одъ не слишкомъ громозвуч-
 ныхъ,

И сказочекъ довольно скучныхъ..
 Люблю я праздность и покой,
 И мнѣ досугъ совсѣмъ не бремя;
 И днемъ найду себѣ я время,
 Когда нечаянной порой

Стихи кропать найдеть охота
 На славу дружбы иль Эрота:
 Тотчасъ я трудъ окончу свой
 Сижу ли съ добрыми друзьями,
 Лежу ль въ постелѣ пуховой,
 Брожу ль надъ тихими водами
 Въ дубравѣ темной и глухой,
 Задумаюсь, взмахну руками,
 На риѣмахъ вдругъ заговорю,
 И никого ужь не морю
 Моими тайными стихами.
 Но если я когда-нибудь
 Расположусь передъ каминомъ,
 Желая въ нѣгѣ отдохнуть,
 Одинъ, свободнымъ господиномъ,
 Поймаю прежню мысль мою
 И не для имени поэта
 Мараю два иль три куплета
 И ихъ въ полголоса пою.

Но знаешь ли, о мой гонитель,
 Какъ я бесѣдную съ тобой?
 Безпечный Пинда посѣтитель,
 Я съ Музой нѣжусь молодой...
 Ужь утра яркое свѣтило
 Поля и рощи озарило;
 Давно пропѣли пѣтухи.
 Въ пол-глаза дремля и зѣвая,
 Шапеля въ пѣсняхъ призывая,
 Пишу короткіе стихи
 Среди пріятнаго забвенья,
 Склонясь въ подушку головой,
 И въ простотѣ, безъ украшенья,
 Мои слагаю извиненья
 Немного сонною рукой;
 Подъ сѣнью лѣни неизвѣстной,
 Такъ нѣжился пѣвецъ прелестной,
 Когда Веръ-Вера воспѣвалъ
 Или съ улыбкой рисовалъ,
 Въ непринужденномъ упоеньи,
 Уединенный свой чердакъ.
 Въ такомъ лѣнивомъ положеньи
 Стихи текутъ и такъ и сякъ.
 Возможно ли въ свое твореньи,
 Унявъ веселыхъ мыслей шумъ,
 Тогда вперять холодный умъ,
 Отдѣлкой портить небыллицы,
 Плоды бродящихъ рѣзвизъ думъ,
 И сокращать свои страницы?

Нашъ другъ Лафаръ, Шолье,
 Парни,
 Враги труда, заботъ, печали,
 Не такъ бывало въ прежни дни
 Своихъ любовницъ воспѣвали.
 О вы любезные пѣвцы,
 Сыны безпечности лѣнливой!
 Давно вамъ отданы вѣнцы
 Отъ Музы праздности щастливой,
 Но не блестяще дары
 Поэзіи трудолюбивой!
 На верхъ Тессальскія горы
 Вели васъ тайные извивы!

Веселыхъ Грацій персть игривой
 Младья лиры оживляя,
 И ваши челы обвивая
 Дѣтей Пафосскихъ рой шумливой.
 И я—неопытный поэтъ,
 Небрежный вашихъ риѣмъ наслѣдникъ,
 За вами крадуся во слѣдъ...
 А ты, мой скучный проповѣдникъ,
 Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ!
 Поди, кричи, брани другова,
 И брось лѣнивца молодова,
 Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

См. объяснения под 1815 г. *Аббатъ Лафаръ* — франц. поэт, современник Шолье, одного с ним направления. Въ 1825 г. П. уже изменил свои взгляды на поэзию, почему, вероятно, и не перепечатал этого стихотв. Парни, Шолье и др. перестали быть для П—а образцами; вообще он отказался от легкомыслия франц. поэзии XVIII в. *Трехстопные* размеры стиха (в 6 слогов) общны у П—а только в юношеских стихств.

12. СЛОВО МИЛОЙ.

Я Лилу слушалъ у клавира:
 Она пріятнѣ поетъ,
 Чѣмъ соловей близъ тихихъ водъ
 Или полунощная лира.
 Упали слезы изъ очей,

И я сказалъ пѣвицѣ милой:
 „Прелестенъ голосъ твой унылой;
 Но слово милоя моей
 Прелестнѣй томныхъ пѣсенъ
 Лилы.“

См. 1816 г.

13. КЪ МОРФЕЮ.

Морфей, до утра дай отраду
 Моей мучительной любви!
 Приди, задуи мою лампаду,
 Мои мечты благослови;
 Сокрой отъ памяти унылой
 Разлуки страшный приговоръ!

Пускай увижу милый взоръ,
 Пускай услышу голосъ милой.
 Когда жъ умчится ночи мгла
 И сонъ мой покинетъ очи,
 О, если бы душа могла
 Забыть любовь до новой ночи!

См. 1816 г.; «Къ сну», *Морфей*—бог сна.

14. УНЫНІЕ [РАЗЛУКА].

Мой милой другъ, разстался я съ
 тобою,
 Душой уснувъ безмолвно я грущу,
 Блеснетъ ли день за синею горою,
 Взойдетъ ли ночь съ осеннею лу-
 ною,
 Я все тебя, далекой другъ, ищу:
 Одну тебя вездѣ воспоминаю,
 Одну тебя въ невѣрномъ вижу
 снѣ;
 Задумаюсь—неволью призываю,
 Заслушаюсь—твой голосъ слышенъ
 мнѣ.

И ты со мной, о лира, при-
 уныла,
 Наперсница души моей больнои!
 Твоей струны печаленъ звонъ
 глухой
 И лишь тоски ты голосъ не за-
 была...
 О вѣрная, грусти, грусти со мной!
 Пускай твои небрежные напѣвы
 Изобразятъ уныніе любви,
 И слушая бряцанія твои
 Пускай вздохнуть задумчивыя
 дѣвы.

См. 1816 г.

15. ЭЛЕГИЯ.

ПОДРАЖАНИЕ.

Я видѣль смерть; она сидѣла
 У тихаго порога моего.
 Я видѣль гробъ; открылась дверь его:
 Туда, туда моя надежда полетѣла...
 Умру—и младости моей
 Никто слѣдовъ пустынныхъ не замѣтитъ
 И взора милаго не встрѣтитъ
 Послѣдній взоръ моихъ очей.

. . . . .

Прости, печальный міръ, гдѣ темная стезя
 Надъ бездною для меня лежала,¹
 Гдѣ жизнь меня не утѣшала,
 Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
 Небесъ лазурная завѣса,
 Любимые холмы, ручья веселый гласъ,
 Ты, утро—вдохновенья часъ,
 Вы, тѣни мирныя таинственнаго лѣса,
 И все—прости въ послѣдній разъ!

См. 1816 г. П. долго работал над этим стихотв. Печатаемая здесь ред. не может считаться окончательной, так как П. поправок не закончил.

16. КЪ П. П. КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверинъ,
 Минутной рѣзвости нескромные стихи:
 Люблю я первый, будь увѣренъ,²
 Твои щастливые грѣхи.
 Все чередой идетъ опредѣленной,
 Всему пора, всему свой мигъ:
 Смѣшенъ и вѣтранный старикъ,
 Смѣшенъ и юноша степенной.
 Пока живется намъ, живи,
 Гуляй въ мое воспоминанье,
 Усердствуй Вакху и любви
 И черни презирай ревнивое роптанье:
 Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
 Съ Киѳерой, съ Портикомъ и съ книгой, и съ бокаломъ,
 Что умъ высокій можно скрыть
 Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

См. 1817 г., *Киѳера*,—т.-е. любовь; *портикъ*,—т.-е. философия, ибо «под портикомъ» (под *стаа*) проповѣдывал основатель стоической философии.

17. ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. ЗУБОВУ.

Пройдетъ любовь, умрутъ желанья,
 Разлучитъ насъ холодный свѣтъ;
 Кто вспомнитъ тайныя свиданья,
 Мечты, восторги прежнихъ лѣтъ?..
 Позволь въ листахъ воспоминанья
 Оставить имъ свой легкій слѣдъ.

См. 1817 г. Поправки, быть может, сделаны после 1825 г., так как в 1829 г. стихотв. было напеч. в первоначальной ред.

ПРИЛОЖЕНИЕ II. ФРАНЦУЗСКИЕ СТИХИ ПУШКИНА ДО 1817 ГОДА.

В детстве П. свободнее говорил по французски, чем по-русски, и сначала заслужил в Лицее прозвище «француз». Поэтому первые стихотворные опыты П.—а были на французском яз. да и позднее он писал иногда стихи по-французски, а письма—часто.

1—2. СТИХИ 1810—1811 Г.

I.

Dis moi: pourquoi «L'Escamoteur»
Est-il sifflé par le parterre?
«Hélas—c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière».

II.

Je chante ce combat que Toly remporta,
Où maint guerrier fût, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche...

Эти стихи сохранены по памяти сестрой П., Ольгой С., и были написаны еще до поступления П.—а в Лицей, т. е. до осени 1811 года. Первое четверостишие—эпиграмма. Мальчик-П. сочинил комедию «Похититель» («L'Escamoteur») и сам разыграл ее перед сестрой, которая пьесу освистала. Автор утешился эпиграммой, которую можно передать так:

Нашъ «Похититель» отчего
Свистками встрѣченъ былъ партера?
— Увы! отвѣтъ простой: его
Похитилъ авторъ изъ Мольера.

Второе четверостишие—начало шутиливой поэмы, пародии на «Генриаду» Вольтера. Перевод стихов:

Пою сраженіе, Толі гдѣ побѣдилъ,
Гдѣ цвѣтъ бойцовъ погибъ, а Поль прославленъ былъ,
Съ нимъ также Малкрень, и гдѣ Нитушъ прекрасной
Рука наградою была борьбы ужасной...

Насколько верно сохранены стихи памятью О. С., конечно, определить невозможно...

1814 ГОД.

3. STANCES.

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclose,
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore
Parut Eudoxie aujourd'hui;
Plus d'un printemps la vit eclose,
Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'hiver,

Перевод:

Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose,
L'aimable fille des amours
Tombe fanée à peine éclose:
Il a fui, le temps des beaux jours!

Eudoxiel aimez, le temps presse;
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?

СТАНСЫ.

Вы розу нежную узрѣли,
Дитя златого дня, весной?
Полураскрытая, въ Апрельѣ,
Она—любви симболъ живой!

Евдѣсія такой предстала,
Или еще прекраснѣй, мнѣ.
Она не разъ весну встрѣчала,
Красой подобная веснѣ.
Но, горелъ скоро вѣтры, бури,
Питомцы Сѣвера, падутъ
На наши головы съ лазури,
Сушь, воду, воздухъ окуютъ.
Не станеть болѣ розъ прекрасныхъ,
Люби плѣнительныхъ дѣтей,
Увядшихъ въ пору дней ненастныхъ!
Минуло время ясныхъ дней.
Евдѣсія! люби свободно!
Используй радости е дни!
Во время ль старости холодной
Люби мы вѣдаемъ огни?

Полагают, что стихи обращены к княжне Е. М. Горчаковой, сестре лицейского товарища П—а. Французские стихи написаны бойко, но так в ту пору писали многие (напр., отецъ поэта, его дядя и др.)

4. MON PORTRAIT.

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature;
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

J'aime et le monde, et son fracas,
Je hais la solitude;
J'abhorre et noises, et débats,
Et tant soit peu l'étude,

Je suis un jeune polisson
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.

Spectacles, bals me plaisent fort
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encore,
Si je n'étais au Lycée.

Oui! il ne fut de babillard,
Ni docteur de Sorbonne
Plus ennuyeux et plus braillard
Que moi-même en personne.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui! tel que le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Ma taille, à celle des plus longs,
Las n'est point égale,
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

Vrai démon pour l'espégerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie,
Ma foi, voilà Pouchkine.

Стихи написаны товарищу П—а по Лицею, П. Ф. Гривеницу и сохранились у П. А. Корсакова, издававшего в 1817 г. журнал «Сѣверный Наблюдатель», куда юноша-П. посылал для печати свои стихотв. Перевод:

МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Ты просишь у меня портретъ,
Притомъ написаннй съ натуры:
Готовъ онъ будетъ, слова нѣтъ,
Но въ видѣ лишь миниатюры.

Я не скажу, чтобъ черезчуръ
Высокъ былъ ростомъ межъ друзьями,
Но свѣжъ лицомъ, и бѣлокуръ,
А кудри вьются завитками.

Вотъ я, повѣса молодой,
Еще не кончившй ученья;
Не глупъ, скажу я съ простотой
И безъ притворнаго смиренья.

Быть одинокимъ не терплю,
Мнѣ свѣта шумъ всего дороже,
Но ссоръ и сплетенъ не люблю,—
Уроковъ, правду молвить,—тоже.

Я надоедливъ, можетъ быть,
Болтунъ, почти неугомонный;
Рѣчиюстью могу затмить
Любого доктора Сорбонны!

Спектакли, балы—страсть моя!
Про то, что мнѣ еще милѣе,
Сказаль бы откровенно я,
Когда бы не былъ я въ Лицеѣ.

По этимъ признакамъ ты могъ,
Каковъ я, быстро догадаться.
Меня такимъ и создалъ Богъ,
Такимъ я и хочу казаться.

Въ проказахъ — настоящей бѣсъ,
Лицомъ похожъ на обезьяну,
Во всемъ — повѣса изъ повѣсь,
Вотъ — Пушкинъ, отрицать не стаю!

П. Корсаков, сообщая эти стихи, сделал замечания, что в ранней юности волосы П.—а были светлорусы (потом потемнели) и что юноша-П. был, действительно, «душой общества», с неистощимой веселостью. В посл. строфе П. признает себя «похожим на обезьяну»; многие современники считали его некрасивым, и в другом стихотв. он называет себя: «Потомок негров *безобразный*». Сорбонна—богословскій факультет Парижскаго университета.

1816 ГОД.

5. КНЯЖНѢ В. М. ВОЛКОНСКОЙ.

On peut très bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon:
Mais pour une Grâce,—oh, mon Dieu non.

Перевод:

Сударыня, могу сказать,
За сводню можно васъ принять,
И на мартышку вы похожи...
На Грацію жъ... помилуй Боже!

П., по ошибке, в темноте поцеловал фрейлину кн. Волконскую, приняв ее за горничную Наташу (см. раньше). Пришлось писать извинительное письмо, но П. вознаградил себя *эпиграммой*. Слово «мартышка» по-французски употребляется в смысле «потаскушка».

1817 ГОД.

6. COUPLETS.

Quand un poëte en son extase
Vous lit son ode on son bouquet,
Quand un conteur traîne sa phrase,
Quand on écoute un perroquet—
Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Amis, la vie est un passage,
Et tout s'écoule avec le temps!
L'amour aussi n'est qu'un volage,
Un oiseau de notre printemps;
Trop tôt il fuit, riant sous cape,
C'est pour toujours, adieu l'espoir!
On ne dit pas dès qu'il s'échappe:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais tête-à-tête avec sa belle,
Ou bien avec de gens d'esprit,
Le vrai bonheur se renouvelle,
On est content, l'on chante, on rit;
Prolongez vos paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir—
A vos amis, à vos bouteilles:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Le temps s'enfuit triste et barbare
Et tôt ou tard on va là-haut,
Souvent—le cas n'est pas si rare—
Hazard nous sauve du tombeau.
Des maux s'éloignent les cohortes,
Et le squelette horrible et noir
C'en va, frappant à d'autres portes:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais quoi? Je sens que je me lasse,
En lassant mes chers auditeurs...
Allons, je descends du Parnasse,
Il n'est pas fait pour les chanteurs.

Pour des couplets mon feu s'allume,
Sur un refrain j'ai du pouvoir,
C'est bien assez... adieu, ma plume!
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Перевод:

КУПЛЕТЫ.

Когда поэтъ, горя экстазомъ,
Читаетъ оду или сонетъ,
Разокавчикъ лѣпить фразу къ фра-
замъ
Иль мучить насъ болтунъ-сосѣдъ,—
Терпя жестокия терзанья,
Мы спимъ, вѣваемъ мы въ платокъ
И ждемъ, когда жь настанетъ срокъ
Сказать: до милого свиданья.

Но на пиру, гдѣ умъ сверкаетъ,
Или съ возлюбленной вдвоемъ,
Въ насъ радость быстро оживаетъ,
Мы веселы, смѣлы, поемъ;
Продлимъ же наши ликования,
Чтобъ довелось попозже намъ
Бутылкамъ тѣснымъ и друзьямъ
Сказать: до милого свиданья.

Вся жизнь проходить мимолетно;
Все годы мчатъ своей волной;
Мелькаетъ птичкой перелетной,
Любовь лишь нашею весной;

Съ собой уносить уповаѣя,
Прочь исчезая навсегда,
И невозможно намъ тогда
Сказать: до милого свиданья.

Всѣхъ, рано ль повдно ль, въ мракъ
унылый
Навѣкъ уводитъ смертный часъ;
Но,—такъ бываетъ,—отъ могилы
Порой спасаетъ случай насъ.
Уходитъ мрачныхъ воль собранье,
И остовъ черный къ тѣмъ, кто живъ,
Стучится въ двери, не забывъ
Сказать: до милого свиданья.

Но что? и самъ я утомляюсь,
Томя другихъ чредой стиховъ
И вотъ съ Парнасса я спускаюсь:
Вѣдь онъ не созданъ для пѣвцовъ.
Къ куплетамъ у меня призванье,
Припѣва я люблю игру,
Чего жь еще? — пора перу
Сказать: до милого свиданья.

Редкий у П.—а случай «припева», впрочем, встречающийся и в др. лицейских стихах, Стихи безусловно слабее русских стихотв. П.—а той же поры.

ПЕРИОД ВТОРОЙ.

От окончания Лицея до высылки на юг, с осени 1817 г. по май 1820 г.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворения.

Начиная с 1817 г., большая часть стихотв. П—а сохранилась в авт. или была напеч. при его жизни. Поэтому в дальнейшем указываем рук. только в более важных случаях.

1817 ГОД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА).

16. КЪ НЕЙ.

Въ печальной праздности я лиру забывалъ,
Воображеніе въ мечтахъ не разгоралось,
Съ дарами юности мой геній отлеталъ,
И сердце медленно хладѣло, закрывалось.
Васъ вновь я призывалъ, о дни моей весны,
Вы, пролетѣвшіе подъ сѣнью тишины,
Дни дружества, любви, надеждъ и грусти нѣжной,
Когда, поэзіи поклонникъ безмятежной,
На лирѣ счастливой я тихо воспѣвалъ
Волненіе любви, уныніе разлуки -
И гулъ дубравъ горамъ передавалъ
Мои задумчивые звуки.
Напрасно! я влачилъ постыдной лѣни грузъ,
Въ дремоту хладную невольно погружался,
Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ Музъ
И—слезы на глазахъ—со слагою прощался.
Но вдругъ, какъ молніи стрѣла,
Зажглась въ увядшемъ сердцѣ младость;
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Все снова расцвѣло! я жизнью трепеталъ;
Природы вновь восторженный свидѣтель,
Живѣе чувствовалъ, свободнѣе дышалъ,
Сильнѣи плѣняла добродѣтель...
Хвала любви, хвала богамъ!
Вновь лиры сладостной раздался голосъ юный,
И съ звонкимъ трепетомъ воскреснувшія струны
Несу къ твоимъ ногамъ.

По указанию Анненкова, это стихотв. написано в Зуеве-Михайловском, куда П. приезжал вскоре по окончании Лицея. К кому обращены стихи, не выяснено. Авт. не сохранилось, но список находился в тетради, с кот. печаталось изд. 1826 г., где был зачеркнут П—ым. Ср. дальше «Я помню чудное мгновенье». *Музы, мой геній, боги см.* Общ. прим. Напеч. по рук. Анненковым 1855 г.

17. ПРОЩАНИЕ СЪ ТРИГОРСКИМЪ.

Простите, вѣрныя дубравы!
 Прости, безпечный миръ полей,
 И легкокрылыя забавы
 Столь быстро улетѣвшихъ дней!
 Прости, Тригорское, гдѣ радость
 Меня встрѣчала столько разъ!
 На то ль узнать я вашу сладость,
 Чтобъ навсегда покинуть васъ?

Отъ васъ беру воспоминанье,
 А сердце оставляю вамъ.
 Быть можетъ (сладкое мечтанье!),
 Я къ вашимъ возвращусь полямъ,
 Приду подъ липовыя своды
 На скать Тригорскаго холма,
 Поклонникъ дружеской свободы,
 Веселья, Грацій и ума.

Августа 17. [Переписано:] 1 Сентября; 16 Сентября.

Написано в альбом П. А. Осиповой (о которой см. дальше), при отъезде из Зуева. Тригорское, имение Осиповыхъ, было расположено рядомъ съ Зуевымъ-Михайловскимъ, см. Вступ. оч. В Михайловскомъ, в 1817 г., П. былъ с начала июля (отпускъ выданъ 8 июля) по конецъ августа. Нагеч. 1866 г., но, по сообщению Бикермана, «печаталось при жизни П—а». Текст—по Бикерману.

18. КЪ Е. С. ОГАРОВОЙ,

которой митрополитъ прислалъ плодовъ изъ своего сада.

Митрополитъ, хвастунъ безстыд-
 ной,
 Тебѣ прислалъ своихъ плодовъ:
 Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно,
 Что будто самъ онъ богъ садовъ.
 Чему дивиться тутъ? Харита
 Улыбкой святость побѣдитъ,

Съ ума сведетъ Митрополита
 И пылъ желанья въ немъ родитъ,
 И онъ, твой встрѣтя взоръ вол-
 шебный,
 Забудетъ о своемъ крестѣ,
 И нѣжно станетъ пѣть молебны
 Твоей небесной красотѣ.
 1817... Петербургъ.

В рук. вар. (не указаны Акад. изд.):

Ст. 2: Тебѣ приславъ своихъ плодовъ...

5—6: Возможно все тебѣ,—Харита

Улыбкой дряхлость побѣдитъ...

9: И онъ, твой встрѣтивъ взоръ волшебный...

Заглавие в рук.: «Къ V». Е. С. Огарова см. раньше. *Молебны* — смешение христианскихъ понятій с языческими: *Харита*—то же, что Грация, *богъ садовъ* см. Общ. прим. Напеч. 1858 г.

19. А. И. ТУРГЕНЕВУ.

Тургеневъ, вѣрный покровитель
 Поповъ, евреевъ и скопцовъ,
 Но слишкомъ щастливый гони-
 тель
 И езуитовъ, и глупцовъ,
 И лѣности моей безплодной,
 Всегда безпечной и свободной,
 Подруги благодатныхъ сновъ!
 Къ чему смѣяться надо мною,
 Когда я слабою рукою
 По лирѣ съ трепетомъ вожу
 И лишь изнѣженные звуки
 Любви, сей милой сердцу муки,
 Въ струнахъ незвонкихъ нахожу?
 Душой предавшись наслажденью
 Я сладко-сладко задремалъ...

Одинъ лишь ты — съ глубокой
 лѣнью
 Къ трудамъ охоту сочеталъ;
 Одинъ лишь ты, любовникъ стра-
 стной
 И Соломирской, и креста,¹
 То ночью прыгаешь съ прекрасной,
 То проповѣдуешь Христа.
 На свадьбахъ и въ Библейской залѣ,
 Среди веселій и заботъ,
 Роняешь Лунину на балѣ,
 Подъемлешь трепетныхъ сиротъ;
 Лѣнивонецъ милый на Парнасъ,
 Забывъ любви своей печаль,
 Съ улыбкой дремлешь въ Арзамасѣ
 И спишь у графа де-Ляваль.

¹ Креста, сирѣчь не Аннинскаго и не Владимірскаго, а честваго и животворящаго. (Примечание Пушкина).

Нося мучительное бремя
 Пустыхъ и тяжкихъ должностей,
 Одинъ лишь ты находишь время
 Смѣяться дѣности моей.
 Не вызывай меня ты болѣ
 Къ навѣкъ оставленнымъ трудамъ,
 Ни къ поэтической неволѣ,
 Ни къ обработаннымъ стихамъ.

Что нужды, если и съ ошибкой,
 И слабо иногда покою?
 Пускай Нинета лишь улыбкой
 Любовь безпечную мою
 Воспламенитъ и успокоитъ!
 А трудъ и холодень и пусть:
 Поэма никогда не стоитъ
 Улыбки сладострастныхъ устъ.

8 Ноября.

Сохранилось только в списке с поправками П—а. Писалось не для печати. *Андрѣй Ив. Тургеневъ* (1784—1845 г.)—один из замечательнейшихъ людей своего поколенія; позднее долго жилъ за границей. В первыхъ стихахъ—намеки на то, что Тургеневъ былъ директоромъ департамента духовныхъ делъ иностранныхъ исповѣданій и участвовалъ в составленіи указа об удаленіи иезуитовъ изъ Россіи. *Саломирская*, светская дама, была тогда влюбленной Т—ва. *Е. С. Лунина*, по мужу Уварова, — видная красавица. *Гр. И. С. де-Лаваль* — богатый франц. эмигрантъ. В Библейскомъ О-ве Т—въ былъ секретаремъ. В общемъ А. И. Тургеневъ былъ серьезнее, нежели изображаетъ его шутилая характеристика П—а., какъ и самъ П отнесся серьезнее къ поэзии, нежели признается. *Арзамасъ* и др. см. Вступ. оч. и Общ. прим. Напеч. 1895 г.

20. УНЫНЬЕ. Къ ***.

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
 Среди забавъ я часто омрачѣю,
 Зачѣмъ на все подѣмлю взоръ угрюмой,
 Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкой жизни сонъ.
 Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
 Я разлюбилъ веселую любовь
 И никого не называю милой:
 Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
 Кто щастье зналъ, ужъ не узнаетъ щастья.
 На краткой мигъ блаженство намъ дано:
 Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
 Останется унынье одно.

Напеч. изд. 1826 г.; и изд. 1829 г., в отделе «Разныхъ годовъ». Стихотв.—отголосокъ настроеній 1816 г. В рук. отдельно записано сверху; «Онъ улетѣлъ любви прекрасный мигъ»; внизу: «Я клялся на свободной (лирѣ?)». 1819, 8 Марта». Вар.:

Въ твоихъ объятіяхъ я вѣчно омрачѣю...
 (Въ кругу друзей я вѣчно омрачѣю)...
 Короткой день блаженствовать дано...

21. КН. Е. И. ГОЛИЦЫНОЙ.

Краевъ чужихъ неопытнѣйшій любитель
 И своего всегдашнѣйшій обвинитель,
 Я говорилъ: „въ отечествѣ моемъ
 Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
 Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
 Возвышенной и пламенно-свободной?
 Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
 Но съ пламенной, плѣнительной, живой?
 Гдѣ разговоръ найду непринужденный,
 Блистательный, веселый, просвѣщенный?
 Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ?...“
 Отечество почти я ненавидѣлъ;
 Но я вчера Голицыну увидѣлъ —
 И примиренъ съ отечествомъ моимъ.

30 Ноября.

Печ. по авт. В другой рук. вар.: ст. 8—«Но съ огненной. .»; 10—«Плѣнительный...»
 Кн. Евд. Ив. Голицына, ур. Ивмайлова (1780—1850 г.),—женщина умная и красивая, собиравшая в своей гостиной лучшихъ людей своего времени, см. Вступ. оч. Напеч. 1857 г.

22. Н. И. КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милой другъ,
Гроба близкимъ новосельемъ:
Право, намъ такимъ бездѣльемъ
Заниматься недосугъ!
Пусть остылой жизни чашу
Тянетъ медленно другой;
Мы жъ утратимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы
Мы присядемъ на порогъ,
У Пафоскія царицы

Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
Круговой нальемъ сосудъ,
И толпою наши тѣни
Къ тихой Летѣ убѣгутъ.
Смертный мигъ нашъ будетъ свѣ-
тель,
И подруги шалуновъ
Соберутъ ихъ легкой пепель
Въ урны празднаго пировъ.
1817, Декабрь.

Напеч. изд. 1826 г. и изд. 1829 г., где неправильно отнесено к 1819 г. Н. И. Кривцов (1791—1843 г.), потеряв ногу в 1813 г., служил дипломатом. Он любил философию и держался свободныхъ воззреній, казавшихся в его время «вольномудствомъ». *Пафосская царица* — богиня любви, Венера. *Лета* — река в мифическомъ царствѣ мертвых. Собрать в урну *пепель* покойников (сожженных на костре) — обычай древности. Сохранилось в двухъ авт., черн. в тетради 1817 г. и беловом о датѣ: «1817. Декабрь»; в 1819 г., вероятно, отделано. См. дальше первоначальную ред. и вар., в Отд. II.

23—26. Экспромты и отрывки.

При жизни П—а напеч. не были.

23. ВѢНЕЦЪ ЖЕЛАНІЯМЪ.

[ОТ РЫВКИ].

Вѣнецъ желаніямъ! И такъ я вижу васъ,
О други свѣтлыхъ Музъ, о дивный Арзамасъ!

Гдѣ славиль нашъ Тиртей кисель и Александра,
Гдѣ смерть Захарову пророчила Кассандра,

...въ безпечномъ колпакѣ,
Съ гремушкой, лаврами и съ розгами въ рукѣ..

Повидимому, стихотв. было «закончено и отделано», но затерялось; отрывки сохранены по памяти слушателями. Это—речь, которую П. произнес при своемъ «вступлении» в Арзамас по окончаніи Лицея, т. е. на первомъ засѣданіи, на которомъ могъ присутствовать лично (такъ какъ в члены Арзамаса П. былъ записанъ уже в 1816 г., см. Вступ. очерк). Члены Арзамаса имели свои шуточные прозвища. *Тиртей* (др.-греческій поэт)—В. А. Жуковский, написавшій сказку «Овсяной кисель» и стихи к императору Александру (сочетаніе того и другого «кисель и Александра» было высоко комично). *Кассандра* (мифическая пророчица)—Д. Н. Блудов, произнесшій в Арзамасе шутивную похоронную речь И. С. Захарову, члену «Беседы», который вскоре после того действительно умер. Хотя стихи документально не удостоверены, самый ихъ склад свидѣтельствуетъ за авторство П—а.

24—26. ЭКСПРОМПТЫ.

I.

Я дружкой пламенью
Я дружбѣ вѣренъ сталь.

II.

Ужель ты измѣнилъ
Любви и дружбѣ нѣжной
И рѣзвости небрежной?

Пушкин был 4 сент. 1817 г. в Царском Селе с Жуковским, Батюшковым и Плещеевым. Вчетвером они сочинили две стихотворные шутки экспромптом, которые сохранились в бумагах Жуковского. Полный текст шуток таков:

I.

(Плещеев.) Писать я не умѣю
(Я много уписаль).
(Пушкин.) Я дружбой пламенѣю,
Я дружбѣ вѣренъ сталь.
(Батюшков.) Мнѣ дружба замѣняетъ
Умершую любовь!
(Жуковский.) Пусть жизнь намъ измѣняетъ;
Что было—будетъ вновь.

4 Сентября 1817.

II. ВЯЗЕМСКОМУ.

(Плещеев.) Зачѣмъ забывши славу
Пускаешься въ Варшаву?
(Пушкин.) Ужель ты измѣнилъ
Любви и дружбѣ нѣжной
И рѣзвости небрежной
(Батюшков.) Но ты все такъ же миль...
(Жуковский.) Все миль—и неизмѣнно
Въ душѣ твоей живетъ
Все то, что въ цвѣтѣ лѣтъ
Столь было намъ безцѣнно.

Кн. П. А. Вяземский, действительно, уезжал тогда в Варшаву.

• III.

Штабсъ-капитану, Гѣте, Грею,
Томпсону, Шиллеру привѣтъ!
Имъ поклониться честь имѣю,
Но сердцемъ истинно жалѣю,
Что никогда ихъ дома нѣтъ.

Третий экспромпт, сообщенный Коншиным,—записка П—а Жуковскому, которого он не застал дома. *Гете, Грей, Томпсонъ, Шиллеръ*—поэты, стихи которых переводил Жуковский, Точно ли передан текст экспромпта, доказательств нет.

1818 ГОД.

1. ДРУГУ ОТЪ ДРУГА.

[н. и. кривцову].

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебѣ дарить,
На скучный путь и на разлуку,
Святую Библию Харить?
Амуръ нашель ее въ Цитерѣ,
Въ Архивѣ шалости молодой:
По ней молись своей Венерѣ
Благочестивою душой.
Прости, Эпикуреецъ мой!

Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ:
Лети во мрачный Альбионъ!—
Да сохранять тебя въ чужбинѣ
Христось и вѣрной Купидонъ!
Неси въ чужой предѣлъ Пената,
Но, помня прежни дни свои,
Люби недѣвственнаго Брата,
Страдальца чувственной любви!

1818, Марта 2.

В Поем. изд. былъ подзаголовок: «Н. И. Кривцову, при посылкѣ Вольтеровой поэмы». Эта поэма («Библия Харить») — «Дѣвственница» («La Pu elle»), которую П. любил и начиналъ переводить в 1825 г. *Цитера (Кивера)* — остров, посвященный Венере. Сочетание: «Христось и Купидонъ» намекает на миросовершенство Кривцова, стремившегося примирить христианство с античным язычеством. Др. об. раньше и см. Общ. прим. Кривцов (см. раньше) уезжал тогда служить при посольствѣ в Англию (*Альбионъ*), см. письма т. III. Напеч. Поем. изд.

2. МЕЧТАТЕЛЮ.

[в. к. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ].

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье;
 Тебѣ приятно слезы лить,
 Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
 И въ сердцѣ тихое уныніе таить:
 Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель.
 О, если бы тебя, унылыхъ чувствъ искатель,
 Постигло страшное безуміе любви;
 Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ твоей крови;
 Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи,
 На ложѣ медленно терзаемый тоской,
 Ты звалъ обманчивый покой,
 Вотще смыкая скорбны очи,
 Покровы жаркіе рыдая обнималъ
 И сохнулъ въ бѣшенствѣ бесплоднаго желанья:
 Повѣрь, тогда бъ ты не питалъ
 Неблагодарнаго мечтанья.
 Нѣтъ, нѣтъ: въ слезахъ упавъ къ ногамъ
 Своей любовницы надменной,
 Дрожащій, блѣдный, изступленной,
 Тогда бъ воскликнулъ ты къ богамъ:
 „Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
 Возьмите отъ меня сей образъ роковой;
 Довольно я любилъ; отдайте мнѣ покой...“
 Но мрачная любовь и образъ незабвенный
 Остались вѣчно бы съ тобой.

О Кюхельбекере см. раньше. Напеч. «Сынъ Отечества» 1818 г., где вар.:
 ст. 4—«хладное страданіе»; 10—«растерзанный тоской»; 11—«Забывъ надежду и покой»;
 19—«дикой» (вм. «блѣдный»); 20—«онъ» (вм. «ты»); 23—«стралаль» (вм. «любиль»).
 Перепеч. изд. 1826 и 1829 г. Первоначальную ред. рук. см. Отд. IV.

3. ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Тебя ль я видѣлъ, милой другъ?
 Или невѣрное то было сновидѣнье,
 Мечтанье смутное, и пламенный недугъ
 Обманомъ волновалъ мое воображенье?
 Въ минуты мрачныя болѣзни роковой,
 Ты ль, дѣва нѣжная, стояла надо мной
 Въ одеждѣ воина съ неловкостью приятной?
 Такъ, видѣлъ я тебя; мой тусклый взоръ узналъ
 Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной:
 И слабымъ шопотомъ подругу я назвалъ...
 Но вновь въ умѣ моемъ тѣснились мрачны грезы:
 Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ...
 И вдругъ я чувствую твое дыханье, слезы
 И влажной поцѣлуй на пламенномъ челѣ...
 Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
 Желанья, жизни огонь по сердцу пробѣжалъ!
 Я закипѣлъ, затрепеталъ:
 И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.
 Жестокій другъ, меня томишь ты упоеньемъ:
 Приди, меня мертвить любовью!
 Въ молчаньи благосклонной ночи
 Явись, волшебница: пускай увижу вновь
 Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,

И плащъ, и поясъ боевой,
И бранной обувью украшенныя ноги...
Не медли, поспѣшай, прелестной воинъ мой,
Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой
Мнѣ снова низпослали боги,
А съ нимъ и сладкія тревоги
Любви таинственной и шалости младою.

Напеч. изд. 1826 г. и 1829 г. В рук. есть еще стихи:

На саблю опершись, казалось, ты дрожала,
Я зрѣлъ въ твоихъ очахъ унынія туманъ,
Казалось, тяжкая тоска приподнимала
Накинутый на перси доломанъ...

и дальше опять:

И чуждымъ поясомъ объятый крѣпко станъ,
И сей ревнивый доломанъ...

В изд. 1826 г. вар.: ст. 7—«Въ одеждѣ ратника»...; ст. 12—«Вотще мой слабый взоръ искалъ тебя во мглѣ»... П. был серьезно болен в феврале 1818 г. К кому обращено стихотв., не выяснено. *Безсмертные боги* см. Общ. прим.

4. КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Сначала было напечатано «Благонамѣренный» 1818 г. в след. ред.:

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ время въ таинственную даль:
Услыша ихъ, воспламенится младость
Безмолвная утѣшится печаль
И рѣзвая задумается радость!

В измененной 'ред.—изд. 1826 г. В рук. вар.: ст. 3—«Внимая имъ...»

5. КЪ ЖУКОВСКОМУ,

по прочтении изданныхъ имъ книжекъ „Для немногихъ“.

Когда къ мечтательному міру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣнахъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда емѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемятъ на челѣ:
Ты правъ, творишь ты *для немно-*
гихъ,
Не для завистливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ

Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбить щастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ.
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслаженіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ,
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

[Мартъ—Апрѣль.]

Первоначально было напечатано «Сынъ Отеч.» 1821 г. в иной, более распространенной, ред. Стихотворение начиналось стихами:

Когда младымъ воображеньемъ
Твой гордый геній окрыленъ,
Тревожить лѣни праздный сонъ,
Томясь мятежнымъ упоеньемъ;

Когда возвышенной душой
Летя къ мечтательному міру,
Ты держишь на колѣняхъ лиру...

10-й стих заменил два прежнихъ:

Не для подкупленныхъ судей,
Ревнивыхъ милостью своей...

20: Въ завѣднѣй получилъ удѣлъ...

22: Восоргомъ сладостнымъ и яснымъ...

После заключительного стиха следовало еще:

Смотри, как пламенный поэтъ,
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На свитокъ генія склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ!
Онъ духомъ тамъ, въ дыму столѣтій;
Предъ нимъ волнуются толпой
Злодѣйства, мрачной славы дѣти,
Съ сынами доблести прямой;
Отъ сна воскресшими вѣками

Онъ бродить тайно окружень,
И благодарными слезами
Карамзину приноситъ онъ
Живой души благодаренье
За мигъ восторга золотой,
За благотворное забвенье
Безплодной суеты земной:
И въ немъ трепещетъ вдохновенье.

Выражение «въ дыму столѣтій» поражало и восхищало современников. Под заглавием «Для немногихъ» Жуковский издал свои стихотворные переводы. П. тогда высоко ценил поэзию Жуковского и увлекался «Историей» Карамзина; позднее начал относиться критически, см. эпиграммы 1818 и 1819 г.

6. ПРЕЛЕСТНИЦЪ.

Къ чему нескромнымъ симъ убо-
ромъ,
Умильнымъ голосомъ и взоромъ
Младое сердце распалать
И тихимъ, сладостнымъ укоромъ
Къ побѣдѣ легкой вызываеъ?
Къ чему обманчивая нѣжность,
Стыдливости притворный видъ,
Движеній томная небрежность,
И трепеть усть, и жаръ ланитъ?
Напрасно хитрая старанья:
Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ...
Невольный хладъ негодованья
Тебѣ мой роковой отвѣтъ.
Твоею прелестью надменной
Кто не владѣлъ во тмѣ ночной?

Скажи: у двери оцѣненной
Твоей обители презрѣнной
Кто смѣло не стучалъ рукой?
Нѣтъ, нѣтъ, другому' своей за-
вядлый
Неси, прелестница, вѣнокъ;
Ласкай неопытный порокъ,
Въ твоихъ объятіяхъ усталый;
Но гордый замыселъ забудь:
Не привлечешь питомца Музы
Ты на предательскую грудь.
Неси другимъ наемныя узы,
Своей любви постыдный торгъ,
Корысти хладныя лобзанья,
И принужденныя желанья,
И златомъ купленный восторгъ!

Полагают, что стихи обращены к некоей Штейнгель, одной из модных «прелестницъ» того времени. Характерно для «рассеянной» жизни, какую вел П. в Петрограде. Напеч. 1820 г. «Невск. Зритель» и изд. 1826 г. с мелкими вар.: ст. 3—«восторгъ менять»; 25—«предательную грудь». Наш текст по изд. 1829 г.

7. О. Ф. ЮРЬЕВУ.

Любимецъ вѣтреныхъ Лаисъ,
Прелестный баловень Киприды,—
Умѣй сносить мой Адонисъ,
Ея минутныя обиды!
Она дала красы молодой
Тебѣ въ удѣлъ очарованье,
И черный усь, и взглядъ живой,
Любви улыбку, и молчанье.
Съ тебя довольно, милой другъ!
Пускай, желаній пылкихъ чуждый,
Ты поцѣлуями подругъ
Не наслаждаешься, что нужды?
Въ чаду веселій городскихъ
На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры,
Къ тебѣ красавицъ молодыхъ
Летятъ задумчивыя взоры.—

Увы! языкъ любви нѣмой,
Сей вздохъ души краснорѣчивой,
Быть долженъ сладокъ, милой мой,
Безпечности самолюбивой.
И щастливъ ты своей судьбой.—
А я, повѣса вѣчно праздный,
Потомокъ Негровъ безобразный,
Взрощенный въ дикой простотѣ,
Любви невѣдая страданій,
Я нравлюсь юной красотѣ
Безстыднымъ бѣшенствомъ жела-
ній;
Съ невольнымъ пламенемъ ланитъ,
Украдкой, Нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На Фавна иногда глядитъ.

Напеч. (1821 г.?) отдельным листком; перепеч., не по желанию П—а, 1829 г. «Сѣв. Звѣзда». *Вед. Фил. Юрьевъ*, лейб-улан, принадлежал к «золотой молодежи» Петрограда и был членом «Зеленой лампы» (см. Вступ. очерк). *Лаиса*, здесь,— условное имя (прелестница); *Киприда*—Венера; *Адонисъ*, здесь, вообще—красавец (египетский бог). *Терпсихора*—муза танцев. *Фавнъ и Нимфа*—обычный сюжет античных художников. *Потомокъ негровъ*—см. Вступ. оч. К 1818 г. стихотв. относится по преданию. Есть известие, что К. Батюшков был поражен красотой этих стихов, но сам П. их не перепечатывал.

9.—9. Эпиграммы.

I. НА ПЕРЕВОДЪ ЖУКОВСКАГО „ТЛѢННОСТЬ“.

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ
Приходить въ мысль: „что если это проза,
Да и дурная?“

Пушкин в юности не признавал белых стихов (без рифм, см. Лиц. с ижи): Это четверостишие—пародия стихотв. Жуковского «Тлѣнность».

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходить въ мысль, что если тожь случится
И съ нашей хижинкой... и т. д.

П. высмеивает прозаичность этих стихов, неправильное выражение: «Приходить въ мысль» и осуждавшееся теоретиками деление стиха (цезуру). Напеч. 1855 г.

II. НА М. Т. КАЧЕНОВСКАГО.

Безсмертною рукой раздавленный Зоиль,
Позорнаго клейма ты вновь не заслужил!
Безчестью твоему нужна ли перемѣна?
Нашъ Тацитъ на тебя захочетъ ли взглянуть?
Уймись—и прежнимъ ты стихомъ доволенъ будь,
Плюгавый выполозокъ изъ г.... Дефонтена.

А. И. Тургенев советовал П—у написать на М. Т. Каченовского (злобного журналиста) эпиграмму, в ответ на непристойную критику истории Карамзина. П. ответил эпиграммой, последний стих которой заимствован из эпиграммы И. И. Дмитриева (на Каченовского же, 1806 г.). *Нашъ Тацитъ* — Карамзин, *Зоиль* — пристрастный критик! В изд. соч. П—а напеч. 1903 г.

1819 ГОД.

1. НА А. М. КОЛОСОВУ.

Все плѣняетъ насъ въ Эсѳири:	Голосъ нѣжный, взоръ любви,
Упоительная рѣчь,	Набѣленная рука,
Поступь важная въ порфирѣ,	Размалеванныя брови
Кудри черныя до плечъ,	И огромная нога!

А. М. Колосова (1802—1880 г.) — артистка, выступившая соперницей знаменитой Е. С. Семеновой (о которой см. дальше), исполняя 3 января 1819 г. роль Эсфи и. П., как страстный поклонник Семеновой, гострил Колосову насмешкой, в которой позднее рассказывался (см. дальше). Посл. ст. читается также:

И широкая нога!

Напеч. 1879 г. со списка.

2. О Т В Ѣ Т Ъ

НА ВЫЗОВЪ НАПИСАТЬ СТИХИ ВЪ ЧЕСТЬ Е. И. В. Г. И. ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ.
КЪ Н. Я. ПЛЮСКОВОЙ.

На лирѣ скромной, благородной, Земныхъ Боговъ я не хвалилъ, И силѣ, въ гордости свободной, Кадиломъ лести не кадилъ. Свободу лишь учася славить, Стихами жертвуя лишь ей,	Я не рожденъ Царей забавить Стыдливой Музою моею. Но, признаюсь, подъ Геликономъ, Гдѣ Касталійской токъ шумѣлъ Я, вдохновенный Аполлономъ, Елисавету въ тайнѣ пѣлъ.
--	--

Небеснаго земной свидѣтель, Воспламененною душой Я пѣлъ на тронѣ Добродѣтель Съ ея привѣтною красой.	Любовь и тайная свобода Внушали сердцу Гимнъ простой; И неподкупный голосъ мой Быль эхо Рускаго народа.
---	--

Напеч. 1819 г., но более при жизни П—а не перепечатывалось. *Елисавета*—жена Александра I, была довольно популярна, так как ее жалели за ее невеселую судьбу. Сохранилось два авт., черн. и белой; в черн. ряд вар., среди них:

На лирѣ дикой, благородной...
Я говорилъ, — пускай Державинъ,
Пускай Жуковский намъ...
Не мнѣ вѣнокъ еще прибавить
Къ вѣнкамъ торжественнымъ Царей...
Мой гласъ свободной и прямой...

Касталійской токѣ—ключ под Геликоном, горой, посвященнй музам. Первое загл. в печати; в авт. собр. Маркевича—загл.: «Къ Н. Я. П.», т.-е. Плисковой, фрейлике императрицы, вероятно, сделавшей «вызов». В нашем тексте ст. 5—по старинному списку; в печати: «Природу лишь учася славить»; в обоих авт.: «Природу лишь умѣя славить...»

3. ВЕСЕЛОЙ ПИРЪ.

Я люблю вечернй пиръ, Гдѣ веселье предсѣдатель, А свобода, мой кумиръ, За столомъ законодатель.	Гдѣ до утра слово пей Заглушаетъ крики пѣсень, Гдѣ просторенъ кругъ гостей, А кружокъ бутылокъ тѣсень.
--	---

Напеч. 1824 г. и перепеч. изд. 1826 г. Правописание по черн. авт., гдѣ еще стихи:

Я люблю въ моемъ стеклѣ
Часто видѣть перемѣну,
Рагъ я вафлямъ на столѣ,
Пирогу я знаю цѣну;
Я люблю, чтобы заря
За (Подъ) столомъ меня застала;
Чтобъ желаніемъ гогя
Близъ меня..... дремала...
Я люблю младыхъ (межъ младыхъ)...

4. БАЛЛАДА.

Что ты, дѣвица, грустна, Молча присмирѣла, Хороводъ забывъ, одна Въ уголку присѣла? „Имяниницу, друзья, Нечѣмъ позабавить, Думала въ балладѣ я Щастье наше славить, Но Жуковский нашъ заснулъ, Гнѣдичъ заговѣлся, Пушкинъ бѣсомъ ускользнулъ, А Крыловъ обѣлся.“	Вотъ въ гостиной столъ накрытъ, Поскорѣ сядемъ, Въ рюмкахъ пѣна закипитъ И сладу сладимъ: Вотъ и слажена она— Нужны-ли поэты? Рюмки высушивъ до дна, Скажемъ: многи лѣты Той, которую друзьямъ Ввѣкъ любить неподно! Многи лѣта также намъ, Только съ ней нерозно.
---	---

В день рождения Е. М. Олениной, 2 мая 1819 г., в имени Олениныхъ разыгрывали «шараду» на слово «баллада». Шарада была сочинена И. А. Крыловымъ, а стихи к ней (отгадка), повидимому, Жуковскимъ и Пушкинымъ. По крайней мере, два первыхъ стиха записаны рукой Жуковского, остальные—рукой П—а. Но возможно и то, что П. только записал эти стихи. Стихотв. написано в манере баллад Жуковского («Свѣтлана» и др.) Напеч. Акад. изд., т. II.

5. СТАНСЫ Я. Н. ТОЛСТОМУ.

Философъ ранній, ты бѣжишь Пировъ и наслажденй жизни, На игры младости глядишь Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.	Ты милья забавы свѣта На грусть и скуку промѣнялъ, И на лампаду Эпиктета Златый Гораціевъ фіалъ.
--	---

Повѣрь, мой другъ, она придетъ,
Пора унылыхъ сожалѣній,
Холодной истины заботъ
И бесполезныхъ размышлений.

Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ,
Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки:
Надъ сѣдинами не гремятъ
Безумства рѣзвья гремяшки.

Напеч. изд. 1826 и 1829 г., как ответ на послание Толстого. Я. Н. Толстой, которого П. встречал в об-ве «Зеленая лампа», был человек хорошо образованный, писал и печатал стихи. Позднее эмигрировал за границу, но через несколько лет сделался там тайным агентом русского правительства. Эпиктетъ — античный философ, бывший рабом; проповедывал стоицизм (твердость духа, умеренность), см. раньше. Гораций, Зевесъ (Зевсъ)—см. Общ. прим. Подстрочное примеч. к стихотв. было сделано издателями (П. Плетневым) во избежание придинок цензуры.

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
Зови же сладкое бездѣлье,¹
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмелье!
До капли наслажденье пей,
Живи безпечень, равнодушень!
Мгновенью жизни будь послушень,
Будь молодъ въ юности твоей!

6. В. В. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

[изъ письма.]

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
Худой, обрיתой, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготѣть надо мной.
Здоровье, легкой другъ Приапа,
И сонъ, и сладостной покой,
Съ Кипридой посѣтили снова
Мой уголь тѣсной и простой.
Утѣшь и ты полубольнаго!
Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
Съ тобой, щастливой беззаконникъ,
Лѣнивый Пинда гражданинъ,
Свободы, Вакха вѣрной сынъ,
Венеры набожной поклонникъ
И наслажденій властелинъ!
Отъ суеты столицы праздной,
Отъ хладныхъ прелестей Невы,
Отъ вредной сплетницы молвы,

Отъ скуки, столь разнообразной,
Я ѣду въ даль! Простите, дамы,
Актрисы, франты, доктора,
Шумящи игры, вечера,
Гдѣ льются пушъ и эпиграммы!
Меня зовутъ поля, луга,
Тѣнисты липы огорода,
Озеръ пустынныхъ берега
И деревенская свобода.
Дай руку мнѣ — приѣду я
Въ началъ мрачномъ Октября:
Съ тобою пить мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говоря,
На счетъ глупца, вельможи злаго,
На счетъ холопа записнаго,
На счетъ небеснаго царя,
А иногда на счетъ земнаго.

[Юль.]

Напеч. не полно и с цензурными изменениями изд. 1826 и 1829 г. В. В. Энгельгардтъ—богач и игрок, был членом о-ва «Зеленая лампа». П. был серьезно болен в начале 1819 г. и 8 июля уехал, выздоровев, в деревню, откуда и послал свое послание Э — гту. Эскулапъ — мифический врач, обожествленный, как бог-покровитель медицины; здесь, вообще,—врач. Приапъ—бог страсти; Киприда—Венера (любовь). Пинда гражданинъ—поэт, Вакха сынъ—любящий вино. В изд. при жизни П—а—изменения ради цензуры;

Пировъ и нѣги вѣрный сынъ,
Венеры вѣтренный поклонникъ... и др.

Авт. не сохранилось; печатаем полный текст по списку (в Акад. изд. 4 стиха выпущены).

7. КЪ ГЕНЕРАЛУ А. Θ. ОРЛОВУ,

ОТСОВѢТОВАВШЕМУ МНѢ ВСТУПИТЬ ВЪ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ.

О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной
(Хотя и Руской Генералъ)
Любезность, разумъ просвѣщенной;

О ты, который съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ, верьхомъ
Преподаешь Царя науку,

¹ Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, поэтъ шутитъ надъ философией эпикурейцевъ; читатель, безъ с мненія, не будетъ смѣшивать чистыхъ душевныхъ наслажденій съ удовольствіями чувственными. (Примеч. в изд. 1826 г.)

Но не безславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача!
Орловъ, ты правъ: я забываю
Свои Гусарскія мечты
И съ Саломономъ возкликаю:
„Мундиръ и сабля — суеты!“
На Генерала Киселева
Не положу своихъ надеждъ;
Онъ очень милъ—о томъ ни слова,
Онъ врагъ притворства и невѣждъ;
За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;
Но онъ придворный:—общанья
Ему не стоятъ ничего.
Смиривъ немирныя желанья;
Безъ доломана, безъ усовъ,
Сокроюсь съ тайною свободой,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой

Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ,
Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
Или въ травѣ густыхъ луговъ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ.
Я буду пѣть моихъ боговъ,
И буду ждать. Когда жъ возстанетъ
Съ одра покоя Богъ мечей
И новой Брани вызовъ грянетъ,
Тогда покину миръ полей.
Любимецъ пламенный Беллоны,
У трона вѣрной гражданинъ,
Орловъ, я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ!
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь по-
жаровъ,
Съ мечомъ и съ лирой боевой
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.

4 Юля. [Переписано:] 1819. Юль,

Сохранилось в двух авт.: черн. с датой: «4 Юля», и беловом, с датой: «1819 Юль». Напеч. в отрывках в 1829 г., без согласия П—а; полно—в 1882 г. А. Θ. Орловъ—генерал, был командиром конно-гвардейского полка. П. Д. Киселевъ—генерал-майор, был начальником штаба армии в Тульчине, куда на службу и хотел поступить П. При Киселеве тогда служили будущие декабристы—Пестель, кн. Волконский, кн. Трубецкой и др. Орлов окончательно отклонил П—а от военной службы. Печатаем по беловому авт.; в черн. и печ. тексте («Сѣв. Звѣзда» 1829 г.) вар.:

- Ст. 3: Достойный Руской Генераль...
19: Онъ врагъ тирановъ и невѣждъ...
25: Смиривъ мятежныя мечтанья...
37: И Брани громкій вызовъ грянетъ..

После 38. Надѣну киверь я пернатой...

Вместо «Любимецъ»—«Питомецъ», «Наперсникъ». «Царя (вар.: Царей) наука»—военное дело. Палка палача—намеки на «телесные воздействия», обычные тогда в армии. Саломонъ—намеки на изреченіе «Екклесиаста»: «Все—суета сует». Беллона—богиня войны.

8. ВЪ АЛЬБОМѢ М. А. ЩЕРБИНИНУ.

Житье тому, любезной другъ,
Кто страстью глупою не боленъ,
Кому влюбиться не досугъ,
Кто занятъ всѣмъ и всѣмъ доволенъ;
Кто Надиньку подвечерокъ
За тайнымъ ужиномъ ласкаетъ,
И жирный Стразбургской пирога
Виномъ душистымъ запиваетъ;
Кто, удаливъ заботы прочь,
Какъ вѣрный сынъ Пафоской вѣры,
Проводитъ набожную ночь
Съ мѣлой монашенкой Цитеры.
Поутру сладко дремлетъ онъ,
Читая листикъ „Инвалида“;
Весь день веселью посвященъ,
А ночью царствуетъ Киприда!

И мы не такъ ли дни ведемъ,
Щербининъ, рѣзвый другъ забавы,
Съ Амуромъ, шалостью, виномъ,
Покаместъ молоды и здравы?
Но дни младые пролетятъ,
Веселье, нѣга насъ покинутъ,
Имъ чувства наши измѣнятъ,
Сердца изсохнутъ и остынутъ.
Тогда, безъ пѣсень, безъ подругъ,
Безъ милыхъ, вѣтренныхъ желаній,
Найдемъ отраду, милой другъ,
Въ туманномъ снѣ воспоминаній!
Тогда, качая головой,
Скажу тебѣ у двери гроба:
„Ты помнишь Фанни, милый мой?“
И тихо улыбнемся оба.

[Юль—Августъ].

М. А. Щербининъ—штабс-капитан л.-гв. полка, был член о-ва «Зеленая лампа». При жизни П—а стихи не были в печати; напеч. 1841 г. и перепеч. (также Акад. изд.) с неисправныхъ списков. Восстанавливаем текст. по черн. авт., где вар.:

- Ст. 16: А въ ночь всю царствуетъ Киприда...
19: Съ б..... Шалостью, виномъ...

- Ст. 22—23: Веселья вихоръ насъ покинетъ...
 Желаньямъ чувства изменять...
 26: Безъ наслажденій, безъ желаній...

Кроме того, в авт. еще стихи:

После ст. 4: Кто мимо Бьянки поутру
 Летитъ въ саду въ двойной каретѣ,
 И кто въ театрѣ ввечеру
 Влюбленъ...

Ст. 13 и след.: По утру въ красномъ колпакѣ
 Съ пахабной книжкою в рукѣ
 Каптитъ онъ пенковую трубку...

Пафосская вѣра—религия любви, наслаждений. *Цитера, Киприда* и др. см. Общ. прим. *Надинька, Фанни*—условные имена «прелестниц». «Русскій Инвалидъ»—журнал, выходившій с литературными приложениями.

9. ДЕРЕВНЯ.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
 Приютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
 Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
 На лонѣ счастья и забвенья!
 Я твой: я промѣнялъ порочной дворъ царей,
 Роскошные пиры, забавы, заблужденья
 На мирной шумъ дубровъ, на тишину полей,
 На праздность вольную, подругу размысленья.
 Я твой: люблю сей темный садъ
 Съ его прохладой и цвѣтами,
 Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
 Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумять.
 Вездѣ передо мной подвижныя картины:
 Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
 Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣетъ иногда,
 За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
 Вдали разсыпанныя хаты,
 На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
 Овины дымные и мельницы крылаты;
 Вездѣ слѣды довольства и труда.
 Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденной,
 Учуся въ истинѣ блаженство находить,
 Свободною душой законъ боготворить,
 Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
 Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
 И не завидовать судьбѣ
 Злодѣя иль глупца въ величїи неправомъ.
 Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
 Въ уединенїи величавомъ
 Слышиѣе вашъ отрадный гласъ;
 Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
 Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
 И ваши творческія думы
 Въ душевной зрѣютъ глубинѣ
 Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
 Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
 Другъ челоуѣчества печально замѣчаетъ
 Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
 Не видя слезъ, не внемля стона,
 На пагубу людей избранное судьбой,
 Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
 Присвоило себѣ насильственной лозой

И трудъ, и собственность, и время земледѣльца;
 Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
 Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
 Неумолимаго владѣльца.
 Здѣсь тягостной яремъ до гроба всѣ влекутъ;
 Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
 Здѣсь дѣвы юныя цвѣтуть
 Для прихоти развратнаго злодѣя;
 Опора милая старѣющихъ отцовъ,
 Младые сыновья, товарищи трудовъ,
 Изъ хижины родной идутъ собою множить
 Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
 О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
 Почто въ груди моей горитъ бесплодный жаръ
 И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
 Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенной
 И рабство падшее по манію царя,
 И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
 Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Напеч. отрывок (первая половина, 34 стиха) изд. 1826 г. Стихи написаны в Зуеве, где П. мог наблюдать всю картину крепостного права, так как С. Л. Пушкин, отец поэта, придерживался всех обыкновений старых бар; соседи по имению—тоже. Протест П—а еще столь сдержан, что стихи понравились Александру I и он приказал «благодарить» автора: правительство страшилось восстания снизу и готово было допустить мечты о падении рабства «по манію царя» — в неопределенном будущем. В рук. незначительные вар.: «убійственный позоръ» (вместо: «губительный»); «съ уныньемъ замѣчаетъ» (вм. «печально»); «для прихотей безчувственныхъ» (вм. «для прихотей развратнаго») и т. под. В изд. при жизни П—а, ради цензуры, загл. «Уединеніе» и вар.: «Цирцей» (вм. «царей»). *Дворъ царей* — условность, так как П. в те годы при дворе не бывал. *Оракулы вѣковъ* — великие писатели прѣшлого. *Просвѣщенная свобода* — отголосок франц. философии XVIII в. (Вольтер, Руссо и др.), на которой воспитался П. Стихотв., при всей его сдержанности, замечательно, как резкая критика крепостничества и трезвое изображение действительности: «рабство дикое», «рабство тощее», «чуждый плугъ», «бичи» и т. под. Раньше 1826 г. были напеч., в 1824 г., без рѣзрешения П—а, 14 первых стихов, как эпиграф. Полно напеч. за границей 1856 г.; в России — 1870 г.

10. ДОМОВОМУ.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
 Тебя молю, мой доброй домовой,
 Храни селенье, лѣсъ и дикой садикъ мой
 И скромную семьи моей обитель!
 Да не вредятъ полямъ опасной хладъ дождей
 И вѣтра поздняго осенніе набѣги;
 Да въ пору благотворны снѣги
 Покроютъ влажный тукъ полей!
 Останься тайный стражъ въ наслѣдственной сѣнѣ,
 Постигни робостью полуночнаго вора
 И отъ недружескаго взора
 Щастливый домикъ охрани!
 Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
 Люби мой малой садъ, и берегъ сонныхъ водъ,
 И сей укромною огородъ
 Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
 Люби зеленый скать холмовъ,
 Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
 Прохладу липъ и кленовъ шумной кровъ:
 Они знакомы вдохновенью!

Напеч. 1824 г. П. обращается к *домовому* в том же духе, как античные поэты молили бога-покровителя садов Пана. Перепеч. изд. 1826 и 1829 г.

11. УЕДИНЕНИЕ.

[изъ арно].

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни, Кому судьба друзей послала,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ, Кто скрытъ, по милости Творца,
Дни дѣлать межъ трудовъ и лѣни, Отъ усыпителя глупца,
Воспоминаній и надеждъ; Отъ пробудителя нахала

Напеч. изд. 1826 и 1829 г. В черн. авт. вар.:

Вдали тирановъ и невѣждъ.

Ср. 1819 г. «Къ Орлову», вар. ст. 19. Стихотв.—перевод стихов Л. Арно, франц. поэта XVIII и начала XIX в.: «Къ уединенному шалашу» или (загл. в другом изд.) «Уединение»,

12. НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА.

Чья мысль восторгомъ угадала, Ты, Геній!.. Но любви страданья
Постигла тайну красоты? Его сразили. Взоръ нѣмой
Чья кисть, о небо, означала Вперилъ онъ на свое созданье,
Сии небесныя черты? И гаснетъ пламенной душой.

Напеч. изд. 1826 и 1829 г. В рук. наброски еще двух строф, между 1-й и 2-й (так что всего было бы 4 строфы):

Кто сотворилъ воображеньемъ
Сей огненной, сей страстной взоръ,
Кто слышалъ душу вдохновеньемъ,—
Безмолвной сердца разговоръ?

Любовь! Но гдѣ поэта пламень,
Кто держитъ кисть любимца Музъ?
Безчувственъ онъ, какъ хладной камень,
Расторгнуть съ жизнью союзъ.

13. ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Художникъ-варваръ кистью сонной Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Картину Генія чернить Спадаютъ ветхой чешуей;
И свой рисунокъ беззаконной Созданье генія предъ нами
Надъ ней безмысленно чертитъ. Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней.

Напеч. 1828 г. Авт. не сохранилось. Стихотв.—горькое сожаление о беспутно проведенном времени петрградской жизни. Перепеч. изд. 1829 г.

14. О. Ф. ЮРЬЕВУ.

Здорово, Юрьевъ имянинникъ! Здорово, рыцари лихіе
Здорово, Юрьевъ лейбъ-уланъ! Любви, Свободы и вина!
Сегодня для тебя пустынный Для васъ, союзники младые,
Осушить пѣнистый стаканъ. Надежды лампа зажжена.
Здорово, Юрьевъ имянинникъ! Здорово, Юрьевъ имянинникъ!
Здорово, Юрьевъ лейбъ-уланъ! Здорово, Юрьевъ лейбъ-уланъ!

Здорово, молодость и счастье,
Застольной кубокъ и б.....,
Гдѣ съ громкимъ смѣхомъ сладострастье
Ведетъ насъ пьяныхъ на постель!

Здорово, Юрьевъ имянинникъ!
Здорово, Юрьевъ лейбъ-уланъ!

[Сентябрь.]

О. Ф. Юрьевъ см. выше. Рыцари лихіе — члены о-ва «Зеленая лампа»; Надежды лампа — о-во «Зеленая лампа». Именинник Федор Ю. был 30 сент. Стихи были написаны, конечно, не для печати и галеч. 1859 г. В авт. (беловом) после каждой строфы написано только: Здорово и пр.»

15. КН. А. М. ГОРЧАКОВУ.

Питомецъ модъ, большаго свѣта другъ,
 Обычаевъ блестящихъ наблюдатель.
 Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ,
 Гдѣ, красоты безпечный обожатель,
 Я провожу незнаемый досугъ.
 Какъ ты, мой другъ, въ неопытныя лѣта,
 Опасною прельщенный суетой,
 Терялъ я жизнь, и чувства, и покой;
 Но угорѣлъ въ чаду большаго свѣта
 И отдохнуть убрался я домой.
 И, признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
 Младыхъ повѣсъ щастливая семья,
 Гдѣ умъ кипить, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
 Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
 И гдѣ мы всѣ—прекраснаго друзья,
 Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
 Гдѣ умъ хранить невольное молчанье,
 Гдѣ холодомъ сердца поражены,
 Гдѣ Бутурлинъ невѣждъ законодатель,
 Гдѣ Шеппингъ—царь, а скука—предсѣдатель,
 Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
 Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
 Злыхъ безъ ума, безъ гордости спѣсивыхъ,
 И, разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
 Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ.
 Когда въ кругу Лаисъ благочестивыхъ
 Затянутый невѣжда-генералъ
 Красавицамъ изношеннымъ и соннымъ
 Съ трудомъ остритъ французскій мадригалъ,
 Глядя на всѣхъ съ нахальствомъ благосклоннымъ,
 И всѣ вокругъ и дремлютъ и молчатъ,
 Крутятъ усы, иль шпорами бренчатъ,
 Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ,—
 Тогда, мой другъ, забытыхъ шалуновъ
 Свобода, Вакхъ и Музы угощаютъ.
 Не слышу я въ то время острыхъ словъ,
 Политика смѣшнаго лепетанья,
 Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
 Святыхъ невѣждъ, почетныхъ подлецовъ,
 И мистика придворнаго кривлянья.
 И ты, Харитъ любовникъ своевольный,
 Пріятный лжець, язвительный болтунъ,
 По прежнему острякъ небогомольный,
 По прежнему философъ и шалунъ,
 И ты на мигъ оставь своихъ вельможъ—
 И милой кругъ друзей моихъ умножь!

См. примеч. к след. стихотв.

16. Е М У Ж Е.

[отрывок].

Ужъ я не тотъ! мои златые годы,
 Безумства жаръ, веселость, острота,
 Любовь стиховъ, любовь моей свободы—
 Проходитъ все, какъ легкая мечта:

Такъ иногда за чашей ликованья
Найдешь меня объятаго тоской,
Задумчивымъ, съ поникшей головой—
И ты поймешь души моей страданья!..

Эти два стихотв. (или два отрывка из одного послания) в авт. не сохранились и при жизни П—а напечатаны не были, так что нельзя судить, правильно ли воспроизведен первыми издателями 1854 г. текст и было ли стихотв. отделано П—ым, или это черновой набросок. Кн. А. М. Горчаковъ, товарищ П—на по Лицею, позднее — госуд. канцлер, см. выше и Вступ. оч. Д. П. Бутурлинъ—флигель адъютант, позднее член госуд. совета, директор Публ. библиотеки, председатель цензурного комитета Д. А. Шеппингъ — фл.-адъютант, упоминаемый П—ым в послании 1821 г. к Чаадаеву. По определению П—а, они «равны единой глупостью». *Благочестивыя Лаисы* (развратницы), *святые невежды*, *придворные мистики*—намекы на ханжество и мистицизм того времени в высших слоях общества, см. дальше эпиграммы на Фотия, А. Н. Голицына и др. *Шалуны*—члены о-ва «Зеленая лампа». Стихотв. важно выраженным в нем презрением П—а к «большому» свету. *Хариты* и др. см. Общ. прим. Наш текст—по изд. Анненкова, с восстановлением цензурных пропусков.

17. Н. В. ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Прости, щастливой сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы!
Итакъ, отъ нашихъ береговъ,
Отъ мертвой области рабовъ,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,
Безпечно дремлютъ на яву
И въ жизни любятъ перемѣну.
Въ сей Азіатской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ, жизнь игрушка!
Въ почтенной кичкѣ, шушунѣ,
Москва премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ круже-
вахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тучной знатности похмелье,
И скуку съ картами въ рукахъ
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой;
Но вскорѣ, вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни золотой,
Держась моего совѣта
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большаго свѣта
И жить рѣшишься для себя.
Уже въ приютѣ отдаленномъ
Я вижу мысленно тебя:

Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ
Аи ¹ холодная струя;
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ тру-
бокъ,
Въ халатахъ новые друзья
Шумятъ и пьютъ; задорный ку-
бокъ
Обходить ихъ безумный кругъ,
И мчится въ радостяхъ до-
сугъ;
А тамъ Египетскія дѣвы
Летаютъ, вьются предъ тобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стонъ нѣги, вопли, дикой вой!
Ихъ изступленныя движенья,
Огонь неистовыхъ очей
И все, мой другъ, въ душѣ
твоей
Рождаетъ трепеть упоенья...
Но вспомни, милой: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая;
Весь день уныла и томна,
Въ своей задумчивости сладкой,
Тихонько плачетъ подъ окномъ
Отъ грозныхъ Аргусовъ украд-
кой,
И смотреть на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро ль милаго найдутъ
Ея потупленные взоры,
И предъ любовью затудутъ
Замковъ ревнивые затворы?

¹ Аи—Champagne C. M. D. frappé à la glace. (Замороженное шампанское марки С. М. Д. Примеч. П—а в рук.).

А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро ль оживится?
Когда прискачешь, милой другъ?
Душа вослѣдъ тебѣ стремится.

Гдѣ бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
Изъ рукъ младаго сладострастья,
И докажи, что ты знатокъ
Въ невѣдомой наукѣ щастья.

27 Ноября 1819.

Н. В. Всеволожскій—богач, основатель и член о-ва «Зеленая лампа», страстный театрал. Послание было включено в изд. 1826 и 1829 г., но с изменениями, явно ради цензуры (начало сокращено). Вот—важнейшие из этих поправок (все же Пушкинских):

После ст. 2: Любимецъ Музъ, поклонникъ моды,
И Терпсихоры, и стиховъ!
Ты въ жизни любишь перемѣну,
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ сладко дремлютъ наяву
И наслажденьямъ знаютъ цѣну.
Разнообразной и живой... и т. д.

Сохранилось два авт., среди них: «Въ старинной кичкѣ» (вместо: «Въ почтенной»); «предобрая старушка» (вм.: «премилая»); «въ халатахъ праздничныхъ» (вм.: «Въ халатахъ новых»...); «Ихъ сладострастныхъ движенъ» (вм.: «изступленных»); «Въ разчетливой наукѣ щастья» (вм.: «Въ невѣдомой»). В черн. авт. отрывок, где вар. конца:

Прощай, возьми себѣ вѣнокъ.

В другом авт.:

Лети, возьми себѣ вѣнокъ, —
И доплети. Но ты знатокъ...

и т. под. «Египетскія дѣвы»—цыганки. *Аргусы* (вар. рук.: «вѣры», «грубые»), *Терпсихора* и др. см. Общ. прим. *Пльница*—танцовщица Овсѣяныча, вселюбленная Всеволожского. Между прочим, ему П. проиграл в карты рукопись своих стихотв. см. дальше и т. III, письма.

18. ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ.

КЪ Л И Д Ъ .

Я знаю, Лидинька, мой другъ,
Кому въ задумчивости сладкой
Ты посвятила свой досугъ,
Кому ты жертвуешь украдкой
Отъ подозрительныхъ подругъ.
Тебя страшитъ проказникъ милый,
Очарователь легкокрылый,
И хладной важностью своей
Тебѣ несносенъ Гименей.
Ты молишься другому Богу.
Своей покорствуя Судьбѣ.
Восторги пылкіе къ тебѣ
Нашли пустынную дорогу.
Я понялъ слабый жаръ очей,
Я понялъ взоръ полузакрытый,
И поблѣднѣвшія ланиты,
И томность поступи твоей...
Твой Богъ не полною отрадой
Своихъ поклонниковъ дарить,
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожитъ;
Онъ любить сны воображенья,
Онъ терпитъ на дверяхъ замockъ,

Онъ другъ стыдливый наслажденья
Онъ братъ любви—но одинокъ.
Когда безсонницей унылой
Во тмѣ ночной томишься ты,
Онъ оживляетъ тайной силой
Твои неясныя мечты,
Вздыхаетъ нѣжно съ бѣдной Лидой
И гонитъ тихою рукой
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкой, дѣвственный покой.
Въ уединенномъ наслажденьи
Ты мыслишь обмануть Любовь,
Напрасно!—въ самомъ упоеньи
Томишься и вздыхаешь вновы!
Амуръ ужели не заглянетъ
Въ не освященный твой приютъ?
Твоя краса какъ роза вянетъ,
Минуты юности бѣгутъ...
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступныя мечты—
Не вѣчно будешь ты прекрасна
Не для себя прекрасна ты!

[Нсябрь—Декабрь].

Сохранилось два авт., белой и черн. В первой ред. черн. авт. начало:

Посмѣйся надъ моей догадкой:
Я знаю, Лидинька, мой другъ,
Кому ты молишься украдкой,
Кому одна, вдали подругъ,
[Ты посвящаешь свой досугъ.]

Не богъ Паеоса, не Венера...
Тебѣ ужасенъ Гименей,
Твоя мечтательная вѣра
Бойтся радостной любви...

Во второй ред. черн. авт. вар.:

- Ст. 7: Непостоянный, легкокрылый...
 12—13: Веселье странную дорогу
 Нашло, прелестная, къ тебѣ...
 20—21: Его волшебною наградою
 Воображенъ дорожить...
 26: Когда на дѣвственной постелѣ...
 36: (И [ты] трепещешь въ иступлен-и)
 И въ долгомъ нѣжномъ иступлен-и...
 41: Любовь зоветъ тебя напрасно...

В друг. месте рук.:

- Ст. 1: Повѣрь, я точно угадалъ.
 Отступница любви сладкой...

В беловом авт. вар.: 14—«томный взоръ очей» и первое загл.; второе—в черновом. В списках загл. «Платонизмъ». Платонъ, др.-греческий философ, осуждал чувственность, прославлял нежную дружбу между мужчинами; позднее платонической любовью стали называть любовь без телесной связи. Гименей—бог браков, и др. см. Общ. прим. *Лида*, по преданию, гр. Софья Потоцкая. Напеч. с неисправного списка 1858 г.; с авт.—1902 г.

1820 ГОД (НАЧАЛО).

1. ДОРИДѢ.

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
 Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
 Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
 Стыдливость робкая, Харить безцѣнный даръ,
 Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
 И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

[Январь].

Напеч. 1820 г. *Дорида*—условное имя, как и в след. стихотв. Посл. стих—из А. Шенье. Под влиянием изучения этого поэта (см. о нем дальше) П. начал писать ряд «антологических» стихотв., т. е. в духе «антологий» (античных сборников маленьких стихотв.), см. стихи 1820 г., 1821 г. и др. Перепеч. изд. 1826 и 1829 г., как и большинство следующих стихотв., напечатанных при жизни П—а (поэтомъ далее, кроме особых случаев, указывается только год, когда стихотв. напеч. впервые).

2. ДОРИДА.

Въ Доридѣ нравятся и локоны златые,
 И блѣдное лицо, и очи голубыя.
 Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
 Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
 Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
 Желанья гасли вдругъ и снова разгорались.
 Я таялъ: но среди невѣрной темноты
 Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
 И весь я полонъ былъ таинственной печали,
 И имя чуждое уста мои шептали.

[Январь—февраль].

Напеч. 1820 г. См. предыд. В авт. вар., среди них:

Мнѣ гъ *Лида* нравятся и локоны златые...
 Независимую я видѣлъ красоту,
 И удары черныя и черныя рвоницы...

3. МНѢ БОЙ ЗНАКОМЪ...

[НАБРОСОКЪ].

Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей;
 Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной Славы,
 Люблю войны кровавыя забавы,
 И смерти мысль мила душѣ моей.
 Во цвѣтъ лѣтъ, Свободы вѣрный воинъ,
 Передъ собой кто смерти не видалъ,
 Тотъ полного Веселья не вкушалъ
 И милыхъ женъ лобзаній недостойнъ.

[Апрѣль].

Набросок остался не вполне обработан, но замечателен своей выразительностью и звукописью. Неясно, однако, говорит ли П. от своего лица, или от вымышленного, кому действительно был «бой знакомъ». В авт. вар., среди них:

И мысль объ ней сладка душѣ моей..
 Во цвѣтъ лѣтъ восторга полный воинъ...

Напеч. 1860 г.

Б. Стихи на политические темы, эпиграммы, мелочи, 1817—1820 г.

1817 ГОДЪ

1. ВОЛЬНОСТЬ.

О Д А.

1: Бѣги, сокройся отъ очей, Цитеры слабая Царица! Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза Царей, Свободы гордая Пѣвица?— Приди, сорви съ меня вѣ- нокъ, Разбей изнѣженную лиру,— Хочу воспѣть Свободу міру, На тронахъ поразить порокъ.	Вездѣ неправедная Власть Въ сгущенной мглѣ предразсуж- деній Возсѣла,—Рабства грозный Геній И Славы роковая страсть!
2. Открой мнѣ благородной слѣдъ Того возвышеннаго Галла, Кому сама средь славныхъ бѣдъ Ты гимны смѣлые внушала. Питомцы вѣтренной Судьбы, Тираны міра! трепещите! А вы, мужайтесь и внемлите, Возстаньте, падшіе рабы!	4. Лишь тамъ надъ Царскою гла- вой Народовъ не легло страданье, Гдѣ крѣпко съ Вольностью Свя- той Законовъ мощныхъ сочетанье, Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твер- дой щитъ, Гдѣ, сжатый вѣрными руками, Гражданъ надъ равными главами Ихъ мечъ безъ выбора сколь- зитъ,—
3. Увы! куда ни брошу взоръ, Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы, Законовъ гибельный позоръ, Невольи немощныя слезы;	5. И преступленье съ высока Сражаетъ праведнымъ разма- хомъ; Гдѣ не подкупна ихъ рука Ни алчной скупостью, ни стра- хомъ.

Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
 Даетъ Законъ—а не Природа.—
 Стоите выше вы Народа,—
 Но вѣчный выше васъ Законъ.

6. И горе, горе племенамъ,
 Гдѣ дремлетъ онъ неосто-
 рожно,
 Гдѣ иль Народу иль Царямъ
 Закономъ властвовать возможно!
 Тебя въ свидѣтели зову,
 О мученикъ ошибокъ славныхъ,
 За предковъ въ шумъ бурь не-
 давнихъ
 Сложившій Царскую главу.

7. Восходитъ къ смерти Людо-
 викъ
 Въ виду безмолвнаго потомства.
 Главой развѣнчанной приникъ
 Къ кровавой плахѣ Вѣролом-
 ства.
 Молчить Законъ—Народъ мол-
 чить,
 Падетъ преступная сѣкира...
 И се!—злодѣйская порфира¹
 На Галлахъ скованныхъ ле-
 жить.—

8. Самовластительный Злодѣй!
 Тебя, твой тронъ я ненавижу,
 Твою погибель, смерть дѣтей
 Съ жестокой радостью вижу.
 Читаютъ на твоёмъ челѣ
 Печать проклятія Народы,
 Ты ужасъ міра; стыдъ при-
 роды,
 Упрекъ ты Богу на землѣ,

9. Когда на мрачную Неву
 Звѣзда полуночи сверкаетъ,
 И беззаботную главу
 Спокойный сонъ отягощаетъ,
 Глядитъ задумчивый пѣвецъ
 На грозно спящій средь тумана,
 Пустынной памятникъ тирана,
 Забвенью брошенный дворець.—

10. И слышитъ Кли страшной
 гласъ
 Надъ семи страшными стѣнами,
 Каллигуллы послѣдній часъ,
 Онъ видитъ живо предъ очами,
 Онъ видитъ, — въ лентахъ и
 звѣздахъ,
 Виномъ и Злобой упоенны,
 Идутъ убійцы потаенны,
 На лицахъ дерзость, въ сердце
 страхъ

11. Молчить невѣрной часовой,
 Опущенъ молча мостъ подъем-
 ной,
 Врата отверзты въ тѣмѣ ночной
 Рукой предательства наемной...
 О стыдъ! о ужасъ нашихъ дней!
 Какъ звѣри вторглись Янычары!..
 Падутъ безславные удары...
 Погибъ увѣнчанный злодѣй!—

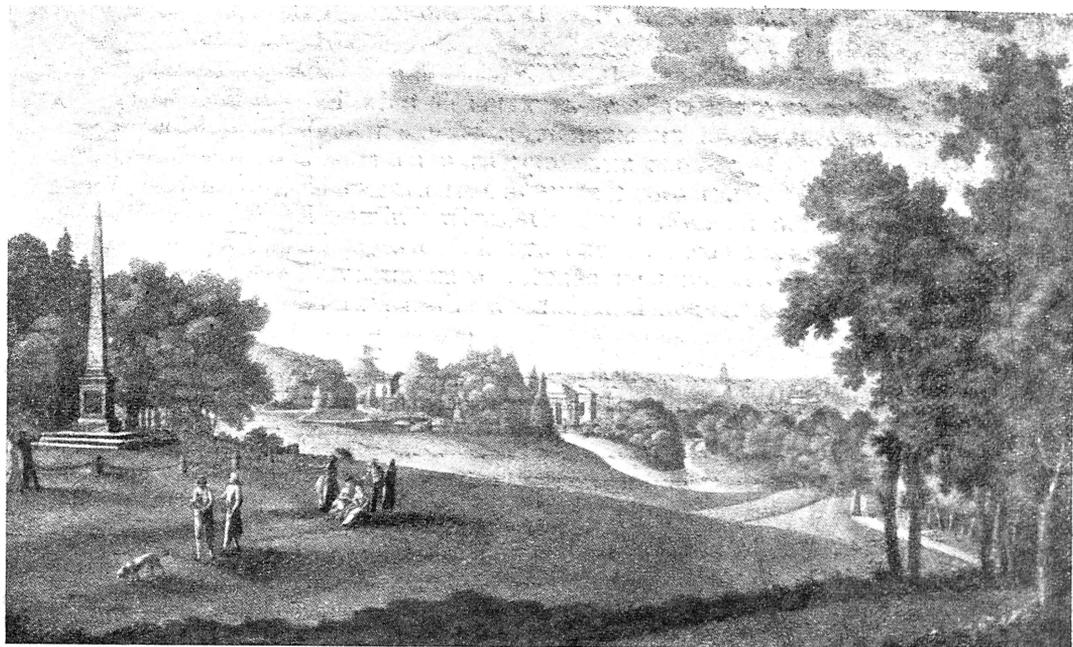
12. И днесъ учитесь, Цари:
 Ни наказанья, ни награды,
 Ни кровь темницъ, ни олтари
 Не вѣрныя для васъ ограды.
 Склонитесь первые главою
 Подъ сѣнь надежную Закона,
 И станутъ вѣчной стражей трона
 Народовъ Вольность и покой.

1817.

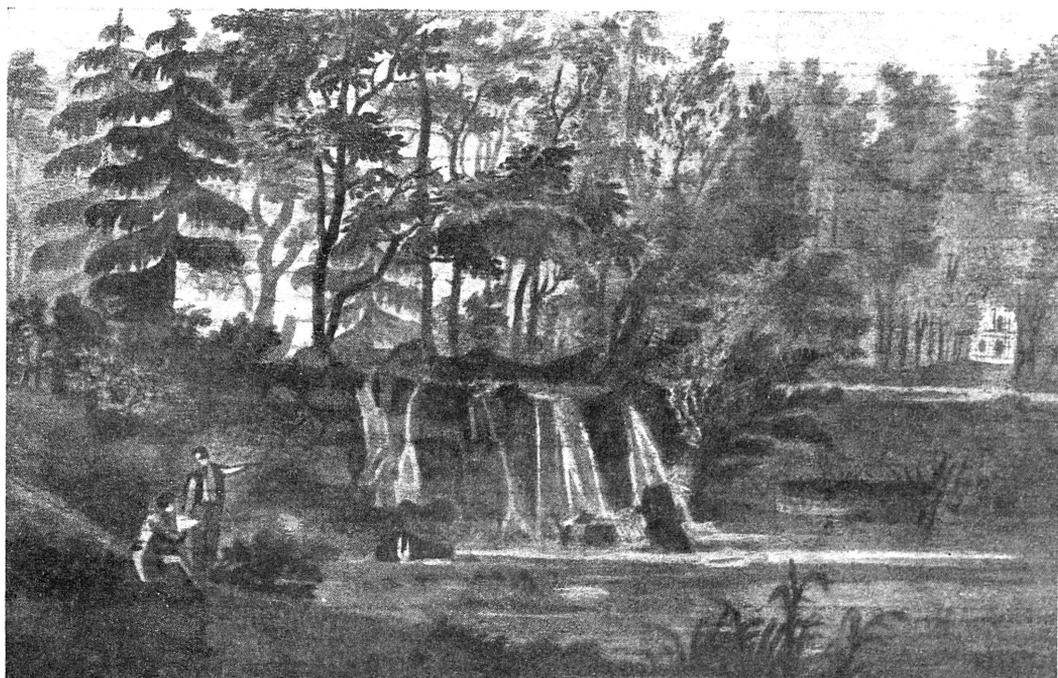
Вопрос, когда написана эта ода, решен не вполне Сам П указывал 1817 г. и в беловом авт. пометил: «1817 г.». Однако, данные переписки А. И. Тургенева с П. А. Вяземским указывают 1819 г. Ода послужила одной из причин ссылки П—а 1820 г., так как правительству казалась «возмутительной», хотя ее идеалы не идут далее конституционной монархии. В списках незначительные вар.:

- Строфа 1: Свободы грозная пѣвица...
 Хочу воспѣть я Вольность міру...
 2: Кому сама, средь грозныхъ бѣдъ...
 Любимцы вѣтреной Судьбы...
 3: Вездѣ неволи грозный Геній...
 И къ славы роковая страсть...
 4: Не слышится людей стenanъ...
 5: Разится праведнымъ размахомъ
 6: Гдѣ онъ блюденъ неосторожно!..
 7: И лишь главу снесла сѣкира,
 Какъ самовластная порфира..
 8: Тебя, твой родъ я ненавижу...
 9: Спокойно сонъ къ себѣ склоняетъ...¹

¹ Напелзонсва порфира. Замѣчаніе для В. Л. Пушкина, моего дяди (родного) (Примеч. П—а в рук).

Вид Царского Села.
С акватинты Меіера.

Каскады в Царском Селе.
С литографии В. П. Лангера.

Также: стр. 1—«на тронѣ»; 7—«челомъ развѣнчаннымъ»; 8—«срамъ природы»; 10—«смрачными стѣнами»; 12—«учитесь, о Цари», «вѣрной стражей» и т. под.—*Цитеры Царица*—Венера. *Возвышенный Галль*, вероятно,—Экушар Лебрен, франц. революционный поэт XVIII в. *Галлы*—французы. *Мученикъ*—Людовик XVI. *Злодѣйская порфира*—см. выше; П. в оде «Наполеонъ» 1821 г. повторил обвинение Наполеона, как врага революции. В посл. строфах изображено убийство Павла I. *Клио*—муза истории. *Янычары*—турецкий полк, известный свирепостью. *Калигула*—император древнего Рима, убитый, как Павел I, своими приближенными. Основная мысль — в посл. стихах. П., в этот период, был против насильственных переворотов (но вскоре изменил взгляд, см. дальше). Поэтому он называет Людовика XVI «мученикомъ», «сложившимъ главу» (казненным) за предков (действительно, то был король не столько преступный, как, напр., его отец, Людовик XV, сколько тупой, безвольный и т. под.); считает самовластье Наполеона I как бы возмездием за эту казнь; убийство Павла I—«стыдомъ, ужасомъ» (хотя сам называет Павла «увенчаннымъ влодеемъ»), и т. под. Тем не менее ода решительно осуждает самодержавие, что для того времени было и смело, и нужно. В «Памятникѣ» 1836 г. П. ставил себе в заслугу (вар.),—

Что вслѣдъ Радищеву возславиль я Свободу...

Напеч. «Вольность» в Лондоне в 1856 г.; в России отрывки—в 1880 г.; полно—в 1905 г. Печатаем текст по авт.

2. КНЯГИНѢ ГОЛИЦЫНОЙ, ПОСЫЛАЯ ЕЙ ОДУ ВОЛЬНОСТЬ.

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я бывало воспѣвалъ
Мечту прекрасную Свободы
И ею сладостно дышалъ.

Но васъ я вижу, вамъ внимаю,
И что-же? слабый человекъ,
Свободу потерявъ навѣкъ,
Неволю сердцемъ обожаю.

1817.

Печ. по авт. *Е. И. Голицына* см. раньше. О дате см. предыд. Напеч. 1844 г.

1818 ГОДЪ

3. КЪ ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тѣшилъ насъ обманъ:
Излезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ.
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья.
Мы ждемъ, съ томленьемъ упо-
ванья,
Минуты вольности святой,

Какъ ждетъ любовникъ молодымъ
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго щастья,
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Напеч. 1829 г., без согласия П—а, с искаженными и в стрелках. *Петръ Як. Чаадаевъ* (1793—1856 г.), сначала — блестящий военный, потом — видный член московского общества, был человек хорошо образованный с самостоятельными взглядами. Чаадаев на П—а, который с ним познакомился еще лицеем, оказал значительное влияние. Принужденный выйти в отставку, Ч. стал «в оппозицию» правительству: позднее, в 1836 г., напечатанное Ч—ым «Философическое письмо» вызвало большой шум; журнал, где оно появилось, был закрыт, а автора приказано было объявить сумасшедшим. См. дальше другие послания П—а к Чаадаеву. Стихотв. в автографе не сохранилось; в разных изд. мелкие и не авторитетные вар. Полно напеч. за границей 1856 г.; в России—1902 г. Дата—предположительна. По смелости мысли, стихотв.— шаг вперед сравнительно с «Деревней» и «Вольностью».

Б. Эпиграммы, альбомные стихи, шутки, мелочи, 1818—1820 г.

Большая часть собранных здесь стихов в авт. не сохранилась и может быть приурочена к определенному году лишь приблизительно.

1818 ГОД?

4. ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Я. СОСНИЦКОЙ.

Вы съединить могли съ холодностью сердечной
Чудесный жаръ плѣнительныхъ очей,
Кто любить васъ, тотъ очень глупъ, конечно,
Но кто не любить васъ, тотъ во сто разъ глупѣй.

Е. Я. Сосницкая—известная артистка того времени. Напеч. 1857 г. В авт. неизвестно.

5. НИМФОДОРЪ СЕМЕНОВОЙ.

Желалъ бы быть твоимъ, Семенова, покровомъ,
Или собачкою постельною твоей,
Или поручикомъ Барковымъ.
Ахъ, онъ поручикъ! ахъ, злодѣй!

Нимф. С. Семенова—сестра известной артистки Е. С. Семеновой, о кот. см. раньше и черн. набр. Кто *Барковъ*, не выяснено. В авт. неизвестно.

1819 ГОД?

6. ЗАПИСКА КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Раевской, *молоденецъ* прежній,
А тамъ уже *отважный сынъ*,
И Пушкинъ, школьникъ непримеч-
ный
Парнасскихъ дѣвственницъ-богинь,
Къ тебѣ, Жуковский, заѣзжали,
Но, къ неописанной печали,
Поэта дома не нашли
И, увѣнчавшись кипарисомъ,
Съ французской повѣстью *Борисомъ*

Домой уныло побрели.
Какой святой, какая сводня
Сведеть Жуковского со мной?
Скажи, не будешь ли сегодня
Съ Карамзинымъ, съ Карамзи-
ной?
На всякій случай—ожидая,
Тронися просьбою моей,
Тебя зоветь на чашку чаю
Раевской, *слава нашихъ дней*.

В стихах Жуковского о 1812 г. («Пѣвецъ въ станѣ...») генерал Н. Н. Раевский назван «слава нашихъ дней», а его сыновья—«отважные сыны»; в другом послании Раевский назван «молоденецъ». П. смеется над этой риторикой. Стихи написаны в Царском Селе, где летом жил и историк Карамзин. «*Борисъ*»—повесть Сен-Ипполита, изд. в 1819 г. Парнасския богини—музы. Напеч. 1888 г. по авт.

1818—1819 ГОД?

7. П. Б. МАНСУРОВУ.

Мансуровъ, закадышный другъ,
Надѣнь вѣнокъ терновой,
Вдохни,—и рюмку выпей вдругъ
За здравіе Крыловой.

Повѣрь, она вѣрна тебѣ,
Какъ дѣвственница Ласси,
Она покорствуетъ Судьбѣ
И Господжѣ Казасси.

Но скоро щастливою рукой
 Набойку школы скинетъ,
 На бархатъ ляжетъ предъ тобой
 И . . . . . раздвинетъ.

П. Б. Мансуровъ—приятель П—а по общ. «Зеленая лампа». *Крылова*—воспитанница Театральной школы. *Казасси*—надзирательница в той же школе. *Ласси*—актриса. Сохранился авт., но без даты; бумага 1816 г. Напеч. часть 1881 г., полнее—1903 г.

8. НА СТУРДЗУ.

Я вокругъ Стурдзы хожу,
 Вкругъ библическаго,
 Я на Стурдзу гляжу
 Монархическаго.

А. С. Стурдза—крайний ретроград и мистик. Стихи—пародия песни: «Я вокругъ очки хожу...» Напеч. 1874 г.

9—10. НА КАРАМЗИНА.

I.

„Послушайте: я вамъ скажу про старину,
 Про Игоря и про его жену,
 Про Новгородъ, про время золотое,
 И наконецъ про Грознаго Царя.“
 —Эхъ, бабушка, затѣяла пустое:
 Окончи лучше намъ Илью-богатыря.

II.

Въ его „Исторіи“ изящность, простота
 Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
 Необходимость самовластья
 И прелести кнута.

Сам П. признавался только в одной эпиграмме на К. (см. письма, т. III.) В списках с именем П—а известно несколько, но довольно слабых («Рѣшишишь хамсмъ статью» и т. под.). II читается и иначе:

На плаху истину влача,
 Онъ доказалъ намъ безъ пристрастья
 Необходимость палача
 И прелесть самовластья.

П. уважал Карамзина, как человека и поэта, но решительно не разделял его политических взглядов, см. т. III. *Игорь* и др.—исторические лица; «Илья-Б.»—неоконченная сказка в стихах Карамзина. I напеч. 1859 г., II 1855 г., со списков.

11. НА А. Н. ГОЛИЦЫНА.

Вотъ Хвостовой покровитель,	Напирайте, Бога ради,
Вотъ холопская душа,	На него со всѣхъ сторонь!
Просвѣщенія губитель,	Не попробовать ли сзади?
Покровитель Бангыша.	Тамъ всего слабѣ онъ.

Кн. А. Н. Голицынъ—министр духовных дел, по словам Д. Давыдова, «отличался подлостью и... вкусами, на Востоке распространенными». *В. Н. Бантышъ-Каменскій*—сын историка, позднее заточенный в монастырь за те же вкусы. *А. П. Хвостова*—член реакционного мистического о-ва бар. Крюднер. См. Вступ. оч. Напеч. 1858 г.

12—14. НА ФОТІЯ.

I.

Полуфанатикъ, полуплутъ;
 Ему орудіемъ духовнымъ—
 Проклятье, мечъ и крестъ, и кнутъ. }
 Пошли намъ, Господи, грѣховнымъ,
 Поменьше пастырей такихъ—
 Полублагихъ, полусвятыхъ.

II.

Благочестивая жена
 Душею Богу предана,
 А грѣшной плотію
 Архимандриту Фотію.

III.

„Внимай, что я тебѣ вѣщаю:
 Я тѣломъ евнухъ, мужъ душой.“
 — Но что жъ ты дѣлаешь со мной?
 „Я тѣло въ душу превращаю!“

Фотій—архимандрит новгородского Юрьевского монастыря, был вдохновителем реакции того времени. *А. А. Орлова*—его поклонница; она же—*благочестивая жена*, была членом о-ва бар. Крюднер, см. Вступ. оч. Эпиграмму I некоторые относят к А. Н. Голицыну. Напеч. I—1858 г. II и III—за границей 1861 г., в России 1903 г.

1819—1820 ГОДЪ

15—16. НА АРАКЧЕЕВА.

I.

Всей Россіи притѣснитель,
 Губернаторовъ мучитель,
 И Совѣта онъ учитель,
 А царю—онъ другъ и братъ.
 Полонъ злобы, полонъ мести,
 Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести,—
 Кто-жъ онъ, „преданной безъ лести“?
 Просто фрунтовой солдатъ.

II.

Холопъ вѣнчаннаго солдата,
 Благослави свою судьбу:
 Ты стоишь лавровъ Герострата
 Иль смерти нѣмца Коцебу.

Отвратительная деятельность А. А. Аракчеева, как военного министра, учредителя «военных поселений» и т. под.,—общеизвестна. В конце царствования Александра I Аракчеев пользовался огромной властью. «*Безъ лести преданной*»—так А. сам называл себя. *Коцебу*, агент русской полиции в Германии, был убит в 1819 г. К. Зандом, (см. дальше. *Совѣтъ* т.-е. государственный, действительно, должен был считаться с мнениями невежественнаго Аракчеева. *Лавры* (т.-е. слава) *Герострата* см. раньше. Напеч. за границей 1861 г., в России—1880 г. В списках II имеет 5-ый ст.: «А впрочемъ...»—вряд ли II—а.

17. ТЫ И Я.

Ты богатъ, я очень бѣденъ,
 Ты прозаикъ, я поэтъ;
 Ты румянь, какъ маковъ цвѣтъ,
 Я какъ смерть и тощъ и блѣденъ.
 Ты не знаешь вѣкъ заботъ,
 Ты живешь въ огромномъ домѣ,
 Я-жъ средь горя и хлопотъ
 Провожу дни на соломѣ.
 Ышь ты сладко; цѣлой день
 Тянешь вины на свободѣ
 И тебѣ не рѣдко лѣнь
 Нужный долгъ отдать природѣ;

Я же съ черстваго куска,
 Отъ воды сырой и прѣсной,
 Сажень за-сто съ чердака
 За нуждой бѣгу извѣстной.
 Окруженъ рабовъ толпой,
 Съ грознымъ деспотизма взоромъ,
 Аведронъ ты жирной свой
 Подтираешь коленкоромъ;
 Я же грѣшную . . . .
 Не балую дѣтской модой
 И Хвостова жесткой одой,
 Хотъ и морщуся, да тру.

«Ты», это—император Александр; «я»—сам поэт; в последних строках остроумный намек на «жесткость», шероховатость стихов гр. Хвостова (о кот. см. выше). Напеч. отрывок—1858 г., полно за границей—1861 г.

В. Стихотворения, принадлежность которых Пушкину не доказана или сомнительна (*dubia*), 1817—1819 г.

1. NOËL.

[СВЯТОЧНАЯ ПЕСЕНКА.]

(1818 г.)

Ура! въ Россію скачетъ
Кочующій деспотъ.
Спаситель горько плачетъ,
А съ нимъ и весь народъ.
Марія въ хлопотахъ, Спасителя стращаетъ:
„Не плачь, дитя, не плачь, сударь,
Вотъ бука, бука, Руской царь!“
Царь входитъ и вѣщаетъ:

„Узнай, народъ Россійскій,
Что знаетъ цѣлой міръ:
И Пруссскій и Австрійскій
Я сшилъ себѣ мундиръ.
О, радуйся народъ: я сытъ, здоровъ и тученъ;
Меня газетчикъ прославлялъ,
Я ѣлъ, и пилъ, и обѣщалъ,
И дѣломъ не измученъ;

„Узнай еще въ прибавку,
Что сдѣлаю потомъ;
Лаврову дамъ отставку,
А Соца—въ желтый домъ;
Законъ постановлю на мѣсто вамъ Горголи,
И людямъ всѣ права людей
По царской милости моей
Отдамъ изъ доброй воли.“

Отъ радости въ постелѣ
Запрыгало дитя:
„Неужто въ самомъ дѣлѣ,
Неужто не шутя?“
А мать ему: „бай, бай, закрой свои ты глазки;
Пора уснуть бы, наконецъ,
Послушавши, какъ царь-отецъ
Разсказываетъ сказки!“

Noël, святочная песенка, — особый род стихотворной шутки, распространенный в XVIII в. П. сам признает себя автором такого «ноэля» (см. письма, т. III), но данное стихотв. приписывают и П. А. Вяземскому; вероятнее, оно — П.—на. Стихи написаны на возвращение Александра I в Россию в 1818 г., после долгого пребывания за границей («кочующій деспотъ»). «Газетчики», действительно, «прославляли» Александра после побед над Наполеоном, и русский царь был назначен «шефом» многих прусских и австрийских полков. И. П. Лавровъ—директор департамента в министерстве полициии; В. И. Соцъ—секретарь комитета цензуры; И. С. Горгола—обер-полициеймейстер Петрограда. Жестокое было время, когда обещать людям «права людей» можно было лишь «разсказывая сказки!» Главч. за границей 1859 г.; въ России стржки 1880 г. полностью в нашем изд. впервые.

2. 27 МАЯ 1819.

Веселой вечеръ въ жизни нашей	Мы пили, и Венера съ нами
Запомнимъ, юные друзья.	Сидѣла прѣя за столомъ.
Шампанскаго въ стеклянной чашѣ	Когда-жъ вновь сядемъ вчетверомъ
Шипѣла хладная струя.	Съ б..., виномъ и чубуками?

Записано П. П. Каверинымъ, но в рук. П—а нетъ следовъ этого стихотв.

3—5. Четверостишия.

I. НАДИНЬКЪ.

Съ тобой пріятно удѣлить
 Часокъ—два—три уединенью:
 Одинъ желаньямъ посвятить,
 А два послѣднихъ наслажденью.

II. ОНА ТОГДА...

Она тогда ко мнѣ придетъ,
 Когда весь міръ угомонится,
 Когда все доброе ложится,
 И все недоброе встаетъ.

III. ПРО СЕБЯ.

Великимъ быть желаю,
 Люблю Россіи честь,
 Я много общаю,
 Исполню ли, Богъ вѣсть.

I—III в авт. неизвестны и напеч. на основании сомнительныхъ списков. III—1858 г.
 I и II—1880 г.

6—7. Экспромпты.

I.

За ужиномъ объѣлся я,
 Да Яковъ заперъ дверь оплошно,—
 Такъ было мнѣ, мои друзья
 И кюхельбекерно и тошно.

II.

Есть въ Россіи городъ Луга
 Петербургскаго округа.
 Хуже бъ не было сего

Городишки на примѣтѣ,
 Если бъ не было на свѣтѣ
 Новоржева моего.

[1817 г.]

I. *Кюхельбекерно* — лицейское шутовое выражение. II записано по памяти; относится к первой поездке П—а в Михайловское 1817 г. Напеч. Бартевским I—1861 г. II—1855 г.

8—15. Эпиграммы.

I. НА Н. Н. ГНѢДИЧА.

Съ тобою въ споръ я не вступаю,
 Что жесткое въ стихахъ твоихъ встрѣчаю:
 Я руку наложилъ,
 Погладилъ—занозилъ.

II. НА ГР. ХВОСТОВА.

Сожалѣнье не поможетъ,
 Все жь мнѣ жаль, что графъ Хвостовъ
 Удержатъ въ себѣ не можетъ
 Ни урины, ни стиховъ.

I, по рассказу Я. Н. Толстого, будто бы экспромпт, сказанный П—ым после чтения Гнегичем отрывков из его перевода «Илиады» (еще в первой ред. рифмованными стихами). II. *Гр. Хвостовъ* см. раньше. Напеч. I—1857 г., II—1861 г.

III.

Снесу иль нѣтъ главу свою,
 Изъ полноувснаго стакана
 Твое здоровье, Пестель, пью
 И рвусь и злюся на тирана.

IV.

Онъ добрый малой, братъ сестрицынъ,
 Онъ не былъ золъ ни для кого,
 Скажите правду, князь Голицынъ,
 Ужъ не повѣсятъ ли его?

Принадлежность П—у этих 4 эпиграмм крайне сомнительна. III. *Пестель*—декабрист, см. дальше. IV. *Голицынъ* см. раньше; эп. грамма, м. б., относится к поре после казни декабристов, 1826 г.; смысл: достаточно быть «добрым малым», чтобы при Голицыне рисковать петлей. Напеч. III—IV—1861 г.

Из других, приписываемых П—у эпиграмм (в сборнике Н. Огарева «Русская поэтическая литература», Лондон 1861 г., и в списках), к периоду 1818—1819 г. могут относиться следующие:

V.

Въ Россіи нѣтъ закона,
 А столбъ и на столбѣ корона.

VIa.

Сказалъ деспотъ: «Мои сыны!
 Законы будутъ вамъ даны:
 Я возвращу вамъ дни златыя
 Благословенной тишины!»
 И обновленная Россія
 Надѣла съ выпушкой штаны:

VIb.

Желали правъ они; права имъ и даны:
 Изъ узкихъ сдѣлали широкими штаны.

Безусловно в противоречии с подлинными стихами П—а находятся эпиграммы (из того же сборника):

VII. ФОНАРЬ.

Друзья, не лучше ли на мѣсто фонаря
 Который темень, тусклѣ, чуть свѣтитъ въ непогоды,
 Повѣсить намъ царя?
 Тогда бы сталь свѣтитъ лучъ пламенной свободы!

VIII. ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ.

Народъ мы русскій позабавимъ
 И у позорнаго столба
 Кишкой послѣдняго попа
 Послѣдняго царя удавимъ.

Остальные эпиграммы, разошедшиися под именем П—а и помещенные в названном сборнике Н. Огарева, частью заведомо написаны другими поэтами (напр., Соболевским), частью относятся к позднему времени, см. дальше. Вообще об эпиграммах П—а 1817—1819 г. см. Вступ. оч. т. III.

Отдел II. А. Незаконченные и необработанные стихотворения 1817—1818 г.

1817 ГОД.

1. КЪ АНАКСАГОРУ.

[первоначальная редакция послания н. и. кривцову.]

Не пугай, мой милой другъ,
Насъ подземнымъ новосельемъ.
Право намъ такимъ бездѣльемъ
Заниматься недосугъ!

Пусть кипящей жизни чашу
Выпьеть медленно другой;
Сочетаемъ младость нашу
Мигомъ съ ночью гробовой.

Ляжемъ въ дружеской кружокъ,—
Каждый у своей гробницы;—
Отъ Пафоскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній часть у вѣрной лѣни,
Лишній осушимъ сосудъ,
И толпою наши тѣни
Къ тихой Летѣ убѣгутъ.

Краткой вѣкъ нашъ будетъ свѣтель;
Други юныхъ шалуновъ
Соберутъ нашъ легкой пепель
Въ кубокъ радостныхъ пировъ.

Черн. авт. Рум. муз.; заглавие—из белого авт. Публ. Библ., как и стих 14-й (в черн. неотделанный). Объяснения см. при послании Кривцову. В черн. вар.:

Ст. 5: Недосугъ!... дай чашу жизни...

7—8: Лучше вдругъ зарю мы нашу
Смѣнимъ ночью гробовой...

14: А у ..... вина сосудъ...

Напеч. В. Я. Брюсовым 1907 г.

1818 ГОД.

2. В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

[первоначальный набросокъ стихотв. „мечтателю“.]

Ты въ горестяхъ любви находишь наслажденье,
Тебѣ приятно слезы лить,
Безплоднымъ пламенемъ ласкать воображенье
И въ сердцѣ дремлющемъ безуміе таить.
Ты любишь томный жаръ мучительныхъ мечтаній,
И сны волшебные. . . . .

И трепеть сладостныхъ надеждъ...
Нещастный, ты еще не вѣдаешь любви,
Ни непрерывн[аго] волненья,
Не знаешь мрачнаго мученья,
• Ни думъ убійственныхъ, ни пламени въ крови.
О еслибъ ты во мракѣ ночи
На ложѣ скозанный безумною тоской,
Забывъ желаемый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркіе рыдая обнималъ
И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья,
Тогда бъ въ мечтѣ ты не питалъ
Неблагодарнаго св[оей любви] мечтанья.
Скажи, въ забвеньи чувствъ, восторгомъ упоенный,
Ты падать ли къ ногамъ любовницы надменной,

Гремѣль ли рѣчью передъ ней,
 Угрозою страшною [и] мольбою?
 [И] все презрѣвъ, насильною рукою
 Срывалъ ли ты затворъ съ завистливыхъ дверей?..
 Тотъ любить, кто нигдѣ не зреть себѣ препонъ,
 Кто жизнь отдать. . . . .
 За ночь волшебную [согласенъ],
 Кому одна Любовь—законъ!

Черн. авт. Рум. муз. Объяснения см. при стихотв. «Мечтателю». В авт. многие стихи не дописаны и много мелких вар. В предпосл. стихе «согласенъ» поставлено предположительно (м. б.: «готовъ», «быть бы радъ» и т. под.). В этом черн. набр. чувство выражено гораздо ярче, нежели в окончательной ред., где зато больше стройности. Свясно напеч. в нашем изд. впервые

Б. Черновые наброски 1818—1819 г.

Следующие далее черн. наброски находятся преимущественно в тетрадях П—а 1817—1819 г., хранящихся в Рум. муз.; некоторые, на отдельных листках,—в музее Онегина в Париже и в собр. Акад. Наук (бывш. Майкова). Напеч. «Русс. Старина» 1884 г., изд. Л. Ф. 1887 г., Акад. изд. II, 1905 г. Многие набр. знакомят с неосуществленными художественными замыслами П—а или дают новые черты к его биографии.

1818 ГОД.

1. ПОЗВОЛЬ ДУШѢ МОЕЙ...

Позволь душѢ моей открыться предъ тобою
 И въ дружбѢ сладостной отраду почерпнуть, —
 Скучая жизнью, томимый суетою
 Я жажду близъ тебя, другъ нѣжный, отдохнуть.

Ты помнишь, милая, зарею нашихъ лѣтъ,
 Младенцы, мы уже любить умѣли...

Какъ быстро наши лѣта улетѣли!

Въ кругу чужихъ, въ немилрой сторонѣ
 Я мало жилъ и наслаждался мало,
 И дней моихъ печальное начало
 Наскучило, давно постыло мнѣ!

Къ чему мнѣ жить. Я не рожденъ для счастья,
 Я не рожденъ для дружбы, для забавъ.
 . . . . . избѣжавъ,
 Я хладно пилъ изъ чаши сладострастья.

В авт. Рум. муз. вар.:

Строфа 3: Я не рожденъ для счастья, для любви,
 Я много чувствовалъ и наслаждался мало,
 Жарь юности потушь въ моей крови...

Ср. далее набросок 10.

2. [КЪ ВОЛШЕБНИЦѢ.]

Какъ сладостно!... но, боги, какъ опасно
 Тебѣ внимать, твой видѣть милой взоръ! —
 Забуду ль я отнынѣ взоръ прекрасной
 Могуль забыть волшебный разговоръ?
 Волшебница, зачѣмъ тебя я видѣлъ.—
 Узнавъ тебя, блаженство я позналъ
 И щастіе мое возненавидѣлъ...

Авт. Рум. муз. К кому обращено, не выяснено.

3. [ДРУЖБА И ЛЮБОВЬ].

И я слыхаль, что бѣлый свѣтъ— Нигдѣ не дремлетъ и горитъ—
 Единой дружбою прекрасенъ, Оно мучительно, жестоко,
 Что безъ нее отрады нѣтъ:— Коль язвы пламенной, глубокой
 Что былъ бы жизни путь ужасенъ, Элей надежды не живить...
 Когда не тихой дружбы свѣтъ...

Но слушай, чувство есть другое Вотъ страсть, которой я сгораю,
 Оно и нѣжитъ и томитъ, Которой вяну и дышу,
 Въ трудахъ, заботахъ и въ покоѣ Которую въ душѣ ношу
 И ни на что не промѣняю...

(Черн. авт. Рум. муз. Все эти три наброска, 1—3, вероятно, обращены к одному лицу, к кому именно, нам неизвестно. В другом, более обработанном авт., в музее Онегина, вар. посл. ст.: «Но исцѣлиться не желаю!» и др. В рук. 2—3—мелкие вар.; наш текст 1—3—по авт. и спискам.

1819 ГОД.

4. КЪ ***

Щастливъ, кто близъ тебя любовникъ упоенной
 Безъ томной робости твой ловить свѣтлой взоръ,
 Движенья милыя, игривый разговоръ
 И слѣдъ улыбки незабвенной.
 К. . . . .

Стихотв. — подражание стихам Леонара, франц. поэта XVIII в.; рядом в авт. записано 4 стиха П. Гара, по франц.: «Я такъ люблю тебя...» и т. д.

5. ЭЛЕГІЯ.

[къ кагульскому памятнику.]

Воспомянемъ упоенный, Не смѣлый подвигъ Россіянъ,
 Съ благоговѣнемъ и тоской, Не слава, даръ Екатеринѣ,
 Объемлю грозный мраморъ твой, Не задунайскій Великанъ
 Кагула памятникъ надменный! Меня воспламеняютъ нынѣ...
 30 Марта 1819.

Сохранилось в трех авт.; П., очевидно, придавал значение этим стихам и предполагал их обработать. Более ранняя ред.:

КЪ КАГУЛЬСКОМУ ПАМЯТНИКУ, 1819 Г. 30 МАРТА.

Побѣды памятникъ надменный,
 Съ благоговѣнемъ и тоской,
 Объемлю грозной мраморъ твой,
 Воспомянемъ оживленный.
 Не подвигъ Россовъ, не Султанъ,
 Не Задунайскій великанъ
 Тревожать...

Др. вар. рук.: «Побѣды памятникъ могучій...»; «Въ тѣни деревь...»; «Не стыдъ Султана...» и др. Памятник в честь победы Румянцева при Кагуле 1771 г. поставлен в Царском Селе. По Анненкову, с памятником была связана у П—а какая-то любовная история.

6. НАПРАСНО, МИЛЫЙ ДРУГЪ...

Напрасно, милой другъ, я мыслилъ утаить
 Тоскующей души холодное волненье.
 Ты поняла меня — проходить упоенье,
 Перестая тебя любить...

Исчезли навсегда часы очарованья,
 Пора прекрасная прошла,
 Погасли юныя желанья,
 Надежда въ сердцѣ умерла...

В авт. вар.: «Исчезли навсегда минуты заблужденья...» М. б., обращено к той же, как отрывки 1—3.

7. НАЧАЛО САТИРЫ.

Скажи какія заклинанья	Въ ладони по турецки хлопъ,
Имѣють надъ тобою власть.	Присвистни, позвони и мигомъ
— Всѣ хороши: на всѣ призванья	Явлюсь. Что дѣлать,—я служу,
Готовъ я какъ бы съ неба пасть —	Живу, крихчу подъ вѣчнымъ игомъ—
Довольно одного желанья!	Какъ нянька бѣдная хожу
Я какъ догадливый холопъ!	За вами — слушаю, гляжу...

Авт. Рум. муз., с мелкими вар. М. б., начало сатиры, где действующим лицом выведено демоническое существо, являющееся на заклинания.

8. [КЪ МИХАЙЛОВСКОМУ].

О Zauberei der ersten Liebel
Wieland.
 [О, чары первой любви!
Виландъ.]

Дубровы, гдѣ въ тиши свободы	Иду съ волненьемъ. Предо мною
Сіяль мнѣ щастьемъ каждый день,	Знакомая синѣть даль.
Ступаю вновь подъ ваши своды,	И въ сердцѣ . . . . .
Подъ вашу дружескую тѣнь!	Давно заснувшая печаль.

Ужель минувшей жизни радость
 . . . . . нахожу я вновь,
 Тоски мучительную сладость,
 И сердца первую любовь!..'

Авт. Рум. муз. О Михайловском и приездах в него П—а см. Вступ. оч. *Виландъ* см. раньше.

9. [ЛАИСЪ].

Лаиса, я люблю твой смѣлой взоръ,
 Жарь откровеннаго желанья,
 И непрерывныя лобзанья
 И страсти пылкій разговоръ.
 Люблю твоихъ очей я вызовы нѣмые,
 Восторги бурные, живые...

Авт. Рум. муз., как и следующие. *Лаиса*—«прелестница», см. раньше, обычное у П—а условное имя.

10. НЕ УГРОЖАЙ...

Не угрожай лѣнивцу молодому
 Концомъ безвременнымъ: я смерти жду.
 Въ вѣнкѣ любви, къ приюту гробовому,
 Не думая, безъ ропота иду.
 Я мало жилъ, я наслаждался, мало,
 Но иногда цвѣты веселья рвалъ,
 Я жизни видѣлъ лишь начало,
 Но . . . . .

Ср. отрывок № 1, но эти два набр. записаны совершенно отдельно. М. б., первый очерк стихов «Къ Анаксагору» (И. И. Кривцову).

11. [ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНИМЪ.]

Могущій Богъ садовъ, паду передъ тобою.
 Твой ликъ уродливой поставилъ я съ мольбою,
 Не съ тѣмъ, чтобъ удалялъ ты своенравныхъ козъ
 И птичекъ отъ плодовъ незрѣлыхъ.
 Тебя украсилъ я вѣнкомъ изъ дикихъ розъ
 При пѣсняхъ мирныхъ и веселыхъ...

У древнихъ былъ обычай ставить у входа в садъ изображение бога Фавна (или иногда Приапа и др.) Ср. стихотв. 1819 г. «Домовому».

12. [ДРУЗЬЯМЪ.]

Нѣтъ, нѣтъ, мои друзья, напрасны ваши пени!
 Я васъ люблю, все тотъ же я!
 Пусть наши дни бѣгутъ, какъ утреннія тѣни,
 Какъ воды быстрого ручья!
 Мы наслаждаемся, цвѣтемъ,
 Но часто памятью мы ищемъ усып[ляться],
 Въ минувшемъ времени живемъ,
 И [наше] сердце тихимъ сномъ
 Въ минувшемъ любить забываться...

Посл. 2 стиха, м. б., вар. предыд.; в авт.: «усыпиться» и «Но сердце...» Мысль, которую П. нередко повторялъ и раньше и позднее; ср. 1816 г.—«Друзьямъ», 1828 г.—«Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я» и др.

13. Я ВИДѢЛЪ, КАКЪ ОНА ПРИ МНѢ...

Я видѣлъ, какъ она при мнѣ
 Красою нѣжной расцвѣтала
 Въ уединенной тишинѣ.
 Потомъ любовь моя . . . . .
 Въ тѣни плѣнительныхъ дубравъ
 Я былъ свидѣтель умиленной
 Ея младенческихъ забавъ
 Ея весны . . . . .

Она цвѣла передо мною.
 Ея чудесной красоты
 Уже отгадывалъ мечтою
 Ея неясныя черты.
 И мысль объ ней одушевила
 Моей цѣвницы первый звукъ
 И тихо душу приучила
 Къ унылой . . . . .

Развитие той же мысли в наброске 1823 г.: «Умомъ и нѣжною красей...» и потомъ в «Евг. Онѣгине», гл. III, стр. XXI—XXII. К кому обращено, не выяснено. В рук. мелкие вар.:

Я былъ свидѣтелемъ счастливымъ
 Ея плѣнительной весны... и др.

14. ВСЕ ПРИЗРАКЪ, СУЕТА...

Все призракъ, суета,
 Все дрянъ и гадость,
 Стаканъ и красота
 Вотъ жизни радость

Любовь и вино
 Намъ нужны равно,
 Безъ нихъ человекъ
 Зѣвалъ бы весь вѣкъ.¹

Къ нимъ лѣнь еще прибавлю,
 Лѣнь съ ними—заодно:
 Вино я съ нею славлю:
 Она мнѣ льетъ вино...

Один изъ последнихъ отголосковъ «эпикурейства» ранней юности; см. Вступ. оч.

15. ДАВНО-ЛИ ТАЙНЫМИ СУДЬБАМИ..

Давно-ли тайными судьбами
 Намъ жизни чаша подана?
 Еще для насъ она полна,
 Къ ея краямъ, прильнувъ устами.

Мы пьемъ восторги и любовь,
 Все намъ надеждой наслажденья,
 Для насъ всѣ новы заблужденья,
 Какъ новы . . . . .

Ср. дальше «Демонъ». 1823 г. В наш текст, сравнительно с Акад. изд., (как в большинство этих отрывков, 1—15,) внесены поправки по рук,

16. НАДЕЖДА ПАРНАСА.

[Е. С. СЕМЕНОВОЙ].

Амуръ тебя обрѣлъ, самъ Фебъ тебя готовилъ
 На славу нашей сцены;
 Ея надеждой будешь ты...

—
 Мойна нашей сцены!

Вездѣ готовятся . . . . . торжества...

—
 Когда явилась ты предъ нами въ первый разъ
 На пышныхъ играхъ Мельпомены,
 У тихихъ алтарей любви...

Исчерканный авт.: несколько раз начато стихотв. Е. С. Семенова см. раньше. Мойна—ее роль. Мельпомена, муза трагедии, и др. см. Общ. прим. П. был страстный поклонник таланта Семеновой, см. дальше и т. III. Загл., м. б., вар. 1-го стиха.

17. КЪ НАТАШѢ.

[ИЗ НАБРОСКОВ К ПОЭМЕ „РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА“].

Недавно тихимъ вечеркомъ
 Пошелъ гулять я въ роцу нашу
 И тамъ у рѣчки подъ дубкомъ
 Увидѣлъ спящую Наташу.
 Спокойно дѣвица спала,
 Сіяла въ небѣ . . . . .
 Вы знаете, мои друзья...
 Къ Наташѣ [вдругъ] подкравшись, я

Поцѣловалъ [ее] два раза.
 „Во снѣ“, сказалъ я . . . . .
 Я далъ и третій [поцѣлуй].
 Она проснуться не хотѣла,
 Во снѣ вздохнула, покраснѣла
 И послѣ личико ея...
 Тогда я ей въ четвертый разъ...
 И тутъ уже . . . . .

В окончательнѣйш. ред. поэмы этот эпизод, песня V, изложен иначе, и вместо Наташи выведена Лида. См. примеч. к поэме.

18. ТАКЪ Я БЫВАЛО.

Такъ я, бывало, забавлялъ
 Златые дни свободы праздной,
 И свой досугъ однообразной
 Игривой лирой оживлялъ.
 Я пѣлъ и вымыслы живые,
 И сладострастія . . . . .
 Умѣлъ рассказы, небылицы...

Исчерканный авт., где слова и стихи написаны как бы без определенного порядка. Писано в 1818—1819 г.; позднее в 1820 г., эти стихи внесены в «Эпизодъ» поэмы «Русланъ и Людмила». В текстах 16—18 многое спорно.

19—21. Шутки и эпиграммы.

1818—1819 ГОД.

I.

За старые грѣхи наказанный судьбой,
 Я стражду восемь дней съ лѣкарствами въ желудкѣ,
 Съ меркуриемъ въ крови, съ разкаяньемъ въ разсудкѣ.
 Я стражду... Эскулапъ ругается . . . . .

В рук. вар.: «Съ позмой на умѣ, с лекарствами в желудкѣ...» Намек на болезнь П—а в феврале 1819 г. Эскулапъ—врач (обожествленный врач древности). Меркурій, здесь,—лекарство (ртуть).

II. А. И. ТУРГЕНЕВУ.

... Въ себѣ всѣ блага заключая,
 Ты, наконецъ, къ ключамъ отъ рая
 Привяжешь камергерскій ключъ.

А. И. Тургеневъ служил по духовному ведомству («ключи отъ рая»), а в марте 1819 г. был сделан камергером. Стихи—отрывок из начатаго послания. О Тургеневе см. послание к нему 1817 г.

III.

Фебъ и Геркулес
 [Веселы] сегодня.
 Ожидаетъ сводня
 Щастливыхъ повѣсть.

Бахусъ будетъ дома:
 Приглашаетъ онъ.
 Три бутылки рома
 Съ бочкой

Пародия на античные мифы. Фебъ, Геркулесъ, Бахусъ см. Общ. прим.

22—28. ОТРЫВОЧНЫЕ СТРОКИ.

I.

Чудесный Ангель, Геній мой!
 Не ты ль любви жестокой . . . . .
 Меня страдать покорно [научила],
 Меня къ уныню приучила,
 И хладной . . . . .

II.

Ты мнѣ велишь открыться предъ тобою,
 Тебя любить безвѣстный я дерзалъ,
 Но можешь ты одна, повелѣвая мною...
 Увы, зачѣмъ . . . . . осмѣлился любить...

III.

Такъ, Маша, это точно онъ! Не правда ль?
 Сходнѣе нѣтъ. Подъ шляпой съ розами,
 И грудь открытая, и эти кружева,
 И на одно плечо накинута шаль...

IV.

Все ненавистно становится...
Сіятельный Аристофанъ!
Сіятельный больной всегда мнѣ...

VI.

Краснорѣчивый забіяка,
Повѣса, пламенный поэтъ...

V.

Она мила, твоя подруга,
Ей въ прежнемъ . . . . .

VII.

Оставь, о Лезбія, лампаду
Близъ ложа тихова любви...

I рядом с набр.: «Позволь душѣ моей...» II среди набр. 5 песни «Русл. и Л.» III, м. б., из залуманнѣй комедии. IV, вероятно, обращено к кн. Шаховскому, драматургу. *Аристофанъ*—др.-греческий драматург-комик. V—VII—так в рук. *Лезбія*, здесь,—условное имя (возлюбленная поэта Катулла).

29—30. НАЧАЛО НАБРОСКОВ.

I.

Въ лѣсу подъ липою, гдѣ келья за долиной...

II.

Хранитель милыхъ чувствъ и прошлыхъ наслажденій,
Приди, пѣвцу дубравъ давно знакомый Геній,
Воспоминаніе...

I—II начала набр. по нескольку строк, в собр. Онегина, еще недоступном для исследователей.

ПЕРИОД ТРЕТИИ.

Жизнь на юге России: 1) Кавказ, Крым, 1820 год.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворения.

1820 ГОД (КОНЕЦ).

Кавказ, Крым, первые дни въ Кишиневе.

4. ЭЛЕГИЯ. ЧЕРНОЕ МОРЕ.

ПОДРАЖАНИЕ БАЙРОНУ.

Good night, my native day!
[Доброй ночи, родная страна!
Байронъ.]

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмой океанъ.
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волнеьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаемъ упоенный...
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипитъ и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмой океанъ.
Лети, корабль, носи меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгорались,
Гдѣ Музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное страданью предала.

Искатель новыхъ впечатлѣній,
 Я васъ бѣжалъ, отечески края;
 Я васъ бѣжалъ, питомцы наслаждений,
 Минутной младости минутные друзья;
 И вы, наперсницы порочныхъ заблуждений,
 Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
 Покоемъ, славою, свободой и душой,
 И вы забыты мной, измѣнницы младья,
 Подруги тайныя моей весны златья,
 И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
 Глубокихъ ранъ любви, ничто не излечило...
 Шумы, шуми, послушное вѣтрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмой океанъ...

Черное море. 1820 Сентябрь.

Написано в августе; в сентябре отделано. Сохранилось три авт., один—беловой, два—черн., где мелкие вар. Напеч. 1820 г. под загл. «Элегія»; в оглавлении изд. 1826 г.: «Подражаніе Байрону»; в авт. собр. Капниста: «Черное море». При перепеч. было изменено, ст. 10: «Смушенный духъ...»; 17: «Неси меня, корабль, неси...»; 32: «мятежныхъ заблуждений...» Стихотв. вызвано впечатлениями поездки в Крым; здесь впервые у П—а сказано о влиянии Байрона (о кот. см. дальше и Вступ. оч.) Стихи вызвали восторженные отзывы со стороны друзей П—а.

5. ЧААДАЕВУ.

Съ морскаго берега Тавриды.

Къ чему холодныя сомнѣнья?	Своимъ созданьемъ возгордилось.
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ	.....
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ	Чадаевъ, помнишь ли бывшее?
Дымились жертвоприношенья;	Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Здѣсь успокоена была	Я мыслилъ имя роковое
Вражда свирѣпой Эвмениды:	Предать развалинамъ инымъ?
Здѣсь провозвѣстница Тавриды	Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
На брата руку занесла;	Теперь и лѣнь и тишина,
На сихъ развалинахъ свершилось	И, въ умиленіи вдохновенномъ,
Святое дружбы торжество,	На камнѣ, дружбой освященномъ,
И душъ великихъ божество	Пишу я наши имена.

Напеч. «Сѣв. Пчела» 1825 г., «Сѣв. Цвѣты» 1826 г. и изд. 1826 г. В авт. вар.:

Здѣсь Дѣва чистая Тавриды
 За святотатственной обиды...

Строке точек в рук. соответствует:

Вотъ онъ сей.....
 Здѣсь видѣлъ я,—народъ и Царь,
 Атрея внука и Пилада
 (Атридовъ, Ореста, Пилада),
 Огнемъ пылающій алтарь]....

Чадаевъ см. 1819 г. В Крыму П. посетил развалины храма Артемиды (Дианы), с которым связан миф о его жрице — Ифигении: она едва не принесла в жертву на алтаре своего брата Ореста (внука Атрея), связанного тесной дружбой с Пиладом. Эвмениды—богини мщениа, преследовавшие Ореста за убійство матери. Дружба Ореста и Пилада напомнила П—ну о его друге Чадаеве. Посл. стихи—намек на послание 1819 г. Таврида—Крым. Миф. об Атридах был в числе самых распространенных.

6. Э Л Е Г І Я.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ	Недолго радовать собою
Минутной, нѣжной красотой?	Щастливый кругъ семьи своей,
Она примѣтно увядаетъ	Безпечной, милой остротою
Во цвѣтѣ юности живой...	Бесѣды наши оживляй,
Увянетъ! Жизнью молодою	И тихой, ясною душою
Недолго наслаждаться ей;	Страдальца душу усладить.

10. ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза Луны, свободы воинъ,
 Покрытый кровію святой,¹
 Чудесной твой отецъ, преступникъ и герой,
 И ужаса людей, и славы былъ достоинъ.
 Тебя младенца онъ ласкалъ
 На пламенной груди рукой окровавленной;
 Твоей игрушкой былъ кинжалъ,
 Братоубійствомъ изощренной.
 Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
 Онъ, молча, надъ твоей невинной колыбелью
 Убійства новаго обдумывалъ ударъ,
 И лепетъ твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью!
 Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
 Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
 Смиренной жизнию предъ небомъ изкупила:
 Съ могилы грозной къ небесамъ
 Она, какъ сладкій ѳиміамъ,
 Какъ чистая любви молитва восходила.

Кишиневъ, 5 Октября.

Напеч. изд. 1826 г. *Дочери Кара-Георгія* (Георгія Черного), народного героя греческого восстания, было в 1820 г. лет. 6—7: она жила с матерью в Хотине, и П. лично их не знал. *Луна*—символ магометанства. Сохранилось 4 авт., где вар.:

- Ст. 6—8: На поясъ его ты трогала кинжалъ,
 Проклятіемъ небесъ запечатлѣнной...
 11—14: Злодѣйства дерзкаго обдумывалъ ударъ.
 Ты улыбалася минутному веселью,
 Когда, ласкаемый побѣдою кровавой,
 Спѣшилъ онъ въ свой шатеръ, насытятся гордой славой.
 13 и сл.: Внезапно мечъ блеснулъ (Другой кинжалъ блеснулъ) и дни
 его пресѣкъ.
 Но ты, прекрасная, отца преступный вѣкъ
 Невинной жизнию предъ богомъ изкупила...

11. ТАВРИЧЕСКАЯ ЗВѢЗДА.

ЭЛЕГІЯ.

ЭПИГРАММА ВО ВКУСЪ ДРЕВНИХЪ.

Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда.
 Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
 Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
 И дремлющій заливъ и черныхъ скалъ вершины.
 Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;
 Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ:
 Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
 Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
 Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
 Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
 И сладостно шумятъ полуденныя волны.
 Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,

¹ Отца и брата. (Примеч. П—на в рук.)

Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,
 Когда на хижины сходила ночи тѣнь—
 И дѣва юная во мглѣ тебя искала
 И именемъ своимъ—подругамъ называла.

Каменка.

Напеч. 1824 г. полностью без разрешения П—а; в изд. 1826 и 1829 г. без 3 посл. стихов. В тексте 1824 г. и беловом авт. вар.: ст. 8—«для взоромъ мило»;—«Таврическія волны; 12—«сердечной нѣги полный». В черн. рук. мелкие вар., среди них:

Онъ сладокъ для меня въ вечерней вышинѣ...

Первое загл. и подзаголовок—в черн. рук.; второе—в беловом авт., где относится к ряду стихотв. *Таврида*—Крым; *таврическій*—крымскій; *полуденный*—южный. Обращено, как и след., к Е. Н. Раевской; она же—«дѣва юная». См. т. III, письма, относящиеся к этим двум стихотв. Наш текст—по авт. и изд.

12. НЕРЕИДА.

ЭПИГРАММА ВО ВКУСЪ ДРЕВНИХЪ.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
 На утренней зарѣ, я видѣлъ Нереиду.
 Сокрытый межъ деревъ, едва я смѣлъ дохнуть:
 Надъ ясной влагою полубогиня грудь
 Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
 И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

Каменка.

Напеч. 1824 г., «Пол. Звѣзда», с ошибками, исправно—«Лит. Листки», оба раза с вар.: «Сокрытый межъ оливъ...», измененным изд. 1826 г. Первое загл.—в печати; второе—в беловом авт., где относится к ряду стихотв. *Нереида*, у древних,—морская русалка, см. Общ. прим. *Таврида* и др. см. примеч. к предыд. Наш текст—по авт.

13. ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

МОЛДАВСКАЯ ПѢСНЯ.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
 И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
 Младую Гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня;
 Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я сѣзвалъ веселыхъ гостей;
 Ко мнѣ постучался презрѣнный Еврей.

Съ тобою пируютъ (шепнулъ онъ) друзья.
 Тебѣ жъ измѣнила Гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его,
 И вѣрнаго по́звалъ раба моего

Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ,
 И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ Гречанки порогъ,
 Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ...

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
 Невѣрную дѣву лобзалъ Армянинъ.

Не взвидѣль я свѣта: булатъ загремѣль...
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣль.

Безглавое тѣло я долго топталъ,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

Я помню моленья, текущую кровь...
Погибла Гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

Кишиневъ, 1820 года, Нсября 14.

Напеч. 1821 г., «Сынъ Отеч.» с ошибками, исправно «Благонамѣренный», но с мелкими вар.: «призваль раба», «на борзомъ конѣ» и др. В черн. авт. вар., среди них:

Но женщины любятъ до чернаго дня...
Я позвавъ Гасана, раба своего...
Я выхватилъ саблю, булатъ загремѣль...
Она трепетала; не слушалъ я. . . . .
Съ главы Армянина снявъ сем. . . . .

Тсмой П—у послужила песня одной молдаванки, служившей в ресторане. *Молдавия* — страна по нижнему течению Дуная, в большей своей части вошедшая в состав Румынии; в Кишиневе было много молдаван, см. письма кишиневского периода, т. III.

Б. 14—17. Эпиграммы конца 1820 года.

I. НА КАЧЕНОВСКАГО.

Хавроніосъ! ругатель закоснѣлый,
Во тмѣ, въ пыли, въ презрѣнны поцѣдѣлый,
Уймись, дружокъ! къ чему журнальный шумъ
И пасквилей томительная тупость?
„Затѣйникъ золы!“ съ улыбкой скажетъ Глупость;
„Невѣжда глупъ!“ зѣвая, скажетъ Умъ.

II.

Когдабъ писать ты началъ съ дуру,
Тогдабъ навѣрно ты пролѣзъ
Сквозь нашу тѣсную цензуру,
Какъ увидеши въ царствіе Небесъ.

III. НА Ѡ. И. ТОЛСТОГО.

— Въ жизни мрачной и презрѣнной
Былъ онъ долго погруженъ;
Долго всѣ концы вселенной
Осквернялъ развратомъ онъ,—
Но, исправясь понемногу,
Онъ загладилъ свой позоръ,
И теперь онъ.—слава Богу,
Только что картежный воръ.

IV.

Какъ брань тебѣ не надоѣла!
 Разсчесть коротокъ мой съ тобой:
 Ну, такъ! я празденъ, я безъ дѣла;
 А ты бездѣльникъ дѣловой.

Каченовскій см. выше. О. И. Толстой был высажен капитаном Крузенштерном за какой-то проступок в Аляске, откуда через Камчатку и Сибирь вернулся в Россию. П. был с Толстым в ссоре. О Толстом говорится в «Горе от ума» («Ночной разбойникъ, дуэлисть...» и т. д.); подробнее об нем см. дальше и письма, т. III. К кому обращены II и IV, не выяснено. Все четыре сохранились в авт., где во II вар.: «узкую цензуру.» Напеч. I—IV—1855 г.

Отдел II. Черновые наброски 1820 г.

1

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей,
 Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной!
 Мнѣ васъ не жаль, о таинства ночей,
 Воспѣтыя цѣвницей сладострастной!
 Мнѣ васъ не жаль, невѣрные друзья,
 Вѣнки пировъ и чаши круговыя;
 Мнѣ васъ не жаль, измѣнницы младыя!—
 Задумчивый, забавъ чуждаюсь я.
 Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
 Младыхъ надеждъ, сердечной тишины,
 Часы мечты и нѣга вдохновенья?
 Придите вновь, года моей весны!

1820. Юрзуфъ. 20 Сентября.

Рук.—черновая, испещренная помарками. Вар. ст. 11:

Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенья?

2.

Я видѣлъ Азіи бесплодные предѣлы,
 Кавказа дальный край, равнины обгорѣлы,
 Жилище дикое Черкесскихъ табуновъ,
 Машука . . . . . вершины,
 Обвитыя вѣнцомъ летучимъ облаковъ,
 И Закубанскія равнины.

Ужасный край чудесь! Тамъ жаркіе ручьи
 Кипятъ въ утесахъ раскаленныхъ,
 Благословенныя струи,
 Надежда вѣрная болѣзнью изнуренныхъ!

Мой взоръ встрѣчалъ близъ дивныхъ береговъ
 Увядшихъ юношей пировъ,
 На муку тайную Кипридой осужденныхъ,
 И Марсовыхъ сыновъ,
 И старость хилая въ печальныхъ сѣдинахъ...
 . . . . .
 И скалы....
 Не возвратятъ....

Перечеркнутый авт., где многие слова прочитаны лишь по догадке. *Машукъ* и др. см. поэму «Кавкавскій Плѣнникъ» и письма т. III. *Кипридой* т.-е. утехами любви, *Марсовы сыны*—военные. П. говорит о целебных серных источниках у подножия Машука, в Пятигорске. Ср. строфы в «Путешествии Евг. Онѣгина»

3. ЭПИГРАММА.

Аптеку позабудь ты для вѣнковъ лавровыхъ
И не мори больныхъ, но усыпляй здоровыхъ.

Эпиграмма на какого-то врача, начавшего писать стихи, м. б., на Рудыковского, лечившего П—а на Кавказе и писавшего стихи. Некоторые читают: «утѣшай здоровыхъ».

4—6. Отрывки.

I. Е. С. СЕМЕНОВОЙ.

Ужель умолкъ волшебный гласъ
Семеновой, сей чудной Музы,
И славы Руской лучь угась...

II.

Чей голосъ выразить яснѣй
И нѣжность и тоску желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній?...

III.

На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный,
Твое я имя повторялъ;
Тамъ часто я бродилъ уединенный
И въ даль глядѣлъ... и милой встрѣчи ждалъ...

IV.

И чувствую, душа моя
Твоей любви, тебя достойна;
Зачѣмъ же не всегда она
Чиста, печальна и покойна?...

I—II в записной книжке 1820—21 г.; III—IV—в рук. Рум. муз. I. Семенова см. раньше, слух о ее смерти оказался ложным. II вошло в измененном виде, в «Бахч. Фонтанъ». III в рук. начинается: «Тамъ на берегу...» IV «она» и «моя» — зачеркнуто. III—IV могут относиться к М. Н. Раевской, см. Вступ. оч.

7—9. Наброски элегии.

Въ забвеньи ночи насладись,
Наслушайся рѣчей волшебныхъ,
Красы небесной наглядись...

Свободы баловень безпечной!
Забудь безумныя [мечты].
Забудь меня: твоей любви...
Лови минуту наслажденья
Безпечной жадною душой,
Лови плѣнительные взоры,
Лови рѣчей . . . . . [звукъ],
Умѣй движенья, разговоры...

Еще ты слышишь . . . . .
Они придутъ, часы страданій.
Цѣною жизни будешь [радъ]
Тогда [купить] . . . . .
Изъ дней минувшихъ мигъ единый,
Единый [звукъ ея рѣчей]...
. . . . . безвременной мечтой...
Тебя мученіе томить,
. . . . . мучительномъ обманѣ
Цѣнить . . . . . заранѣ
. . . . . ночей...

Наброски в трех местах тетради 1820 г., дополняящие друг друга. П. воспользовался ими для стихотв. 1821 г., обработанного 1 ноября 1826 г.: «Къ ***», «Зачѣмъ безвременную скуку...»; см. это стихотв. и черн. набр. 1819 г., а также поэму «Цыганы», вар.: «Моей любовью насладись». Обращено, м. б., к М. Н. Раевской.

10. Отрывочные строки.

Жуковской,
Какъ ты шалишь и какъ ты милъ,
Тебя хвалить—тебя порочить!

Набросок не получил дальнейшего развития, 1—10 напеч. 1884 г., 1903 г. и Акад. изд.

ПЕРИОД ЧЕТВЕРТЫЙ.

Жизнь на юге России. 2) Кишинев, 1821 г.—1823 г.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворения.

1821 ГОД.

I—5. Подражания древним.

1. ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

МОРСКОЙ БЕРЕГЪ.

Идиллія Мосха.

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣтъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣтъ;
Заботь и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣ
И забываю пѣсни Музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣ.
Когда же волны по брегамъ
Ревуть, кипятъ и пѣной плещуть,

И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещуть;
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый—
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надѣжной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

8 Февраля 1821. Кіевъ.

Напеч. 1825 г. под загл.: «Море и земля» и вар. ст. 18: «Игралищѣ...» В черн. рук. загл.: «Морской берегъ» и вар.: ст. 2—«нѣжно вѣтъ»; 4—«челны робкіе»; 7—«важныхъ Музъ»; 8—«Мнѣ волны мирныя»; 12—«въ пучинѣ блещуть», и посл. стихов 17—2:

На утломъ онъ челнѣ живетъ,
Его труды среди пучины...
Я внемлю шумъ веселыхъ водъ
Ручья текущаго въ долины.

Мосхъ—др.-греческий поэт; стихи—не близкий перевод. Это стихотв., четыре следующих и из предшествующих: «Дорида», «Доридѣ», «Нереида» и нек. др. въ рук. и изд. 1826 г. озаглавлены: «Подражанія древнимъ». Раньше такие подражания удачно писал Батюшков, но П. превзошел его, передав, хотя и в современной форме (стихи с рифмами) сжатость и пластичность (наглядность) поэзии античных «антологій» (см. раньше).

2. КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Эпиграмма во вкусъ древнихъ.

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играетъ локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

Напеч. 1825 г. с вар.: ст. 1—«Мила красавица, когда...»; 2—«цвѣтами убираетъ». К кому обращено это и два след. стихотв., не выяснено; м. б., это—свободное творчество, а, м. б., П. имел в виду кого-либо из семьи Раевских. скорее—Ел. Н., чем М. Н. Первое загл.—в печати; второе—в беловом авт.

3. ДІОНЕЯ.

Идиллия.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ и не разъ
 Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
 Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя,
 Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ,
 И долго послѣ, Діонея,
 Улыбку нѣжную лицо твое хранить.

Напеч. 1825 г. в первоначальной ред.:

АНТОЛОГИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

Подруга милая! Я знаю, отчего
 Ты съ нынѣшней весной отъ нашихъ игръ отстала,
 Я тайну сердца твоего
 Давно, повѣрь мнѣ, отгадала.

Кларисъ въ тебя влюбленъ; онъ молодъ — и не разъ
 Украдкою вдвоемъ я замѣчала васъ... и т. д.

Далее вместо «Діонея» — «Галатя». В рук., озагл. «Идиллия», вместо «Кларисъ» — «Хромидъ»; вместо «Галатя» — «Хризеида». Измененная ред. — в изд. 1826 г., где первое загл. второе — в черн. рук. К кому обращено, см. предыд.

4. ДѢВА.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой
 Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
 Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
 Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
 Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
 Пылаеть близъ нея задумчивая младость;
 Любимцы щастія, наперсники судьбы
 Смиренно ей несутъ влюбленные мольбы:
 Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ
 И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

Напеч. 1825 г. и изд. 1826 г. В тексте 1825 г. вар.: ст. 4 — «Другую замѣчать...»; 5: «Жужжать вокругъ нея ревнивыя мольбы...» 10 — «очи опустя...» Сохранилось два вт., где еще вар.: ст. 2 — «Увы! она сердца...»; 3: «Она волшебница; нельзя, нельзя при ней...»; 6 — «Томится близъ нея...»; 8 — «напрасныя мольбы...» К кому обращено, см. предыд.

5. МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
 И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
 Она внимала мнѣ съ улыбкой, — и слегка
 По звонкимъ скважинамъ пустава тростника
 Уже наигрывалъ я слабыми перстами
 И гимны важныя, внушенные богами,
 И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
 Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
 Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной
 И, радуя меня наградою случайной,
 Откинувъ локоны отъ милаго чела,
 Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала.
 Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
 И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

14 Февраля. [Отдѣлано:] Апрѣля 5, 1821 г. Кишиневъ.

Напеч. 1821 г.; перепеч. 1823 г. и изд. 1826 и 1829 г. Ныне известно 4 автографа этихъ стиховъ, такъ какъ П. счастно вписывалъ ихъ в альбомы. Вар. — незначительны; важнейшіе — конца:

Сама изъ рукъ моихъ тростникъ она брала,
 И дивно оживленъ божественнымъ дыханьемъ,
 Онъ волновалъ меня святымъ очарованьемъ.

Или еще: «Тростникъ меня томилъ» или «плѣнялъ», также: «И душу наполнялъ ..» Стихи — подражаніе А.Шенье. *Музы* см. Общ. прим.; позднее говорилось, что у каждого поэта своя муза. *Фригія*, в древности, — страна в Малой Азии. В духе «аңтологической» поэзии стихам дана обстановка первобытной жизни, когда пастухи были певцами-поэтами.

6. ЭЛЕГИЯ.

Изъ поэмы „Кавказъ“.

Я пережилъ свои желанья,	Подъ бурями судьбы жестокой
Я разлюбилъ свои мечты.	Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ;
Остались мнѣ одни страданья,	Живу печальный, одинокой,
Плоды сердечной пустоты.	И жду: придетъ ли мой конецъ?

• Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

Каменка, 22 Февраля 1821.

Напеч. 1823 г. с вар.:

	Безмолвно жребію послушный
	Влачу страдальческій вѣнецъ,
	Живу печальный, равнодушный...
В рук.:	Живу в. бытій, равнодушный
	И жду печальныхъ дней конецъ...

О поэме «Кавказъ» см. Часть 2-ую. Стихотв. выражает настроеніе не П—а, а героя его поэмы.

7. ЖЕЛАНІЕ.

1. Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубровы и луга,
Гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды
И мирные ласкаютъ берега,
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?
2. Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
Туда летятъ желанія мои.
Я помню горъ высокія вершины,
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя простыхъ Татаръ семьи,
Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
Подъ кровлею живутъ гостепріимной.
3. Все мило тамъ красою безмятежной,
Все путника плѣняетъ и манить,
Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
Повсюду трудъ веселой и прилежной
Сады Татаръ и нивы богатить,
Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.
4. Все живо тамъ, все тамъ—очей отрада:
Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
Вокругъ домовъ рѣшетки винограда,
Монастыри, селенья, города,
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгущія суда,
И яркіе лучи златова Феба,
И синій сводъ полуденнаго неба.

5. Приду ли вновь, поклонникъ Музъ и мира,
 Забывъ Молву и свѣта суеты,
 На берегахъ веселаго Салгира
 Воспоминать души моей мечты?
 И ты, моя задумчивая лира,
 Ты, вѣрная пѣвица красоты,
 Пѣвица нѣгъ, изгнанья и раздуки,
 Найдешь ли вновь утраченные звуки?
6. И тамъ, гдѣ миртъ шумить надъ тихой урной,
 Увижу ль вновь, сквозь темные лѣса,
 И своды скаль, и моря блескъ лазурной,
 И ясныя, какъ радость, небеса?
 Утихнутъ ли волненья жизни бурной?
 Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ ли краса?
 Приду ли вновь подъ сладостныя тѣни
 Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?..

Напеч. Посм. изд., повидимому, по рук. окончательной ред., которую и воспроизводим. Кроме того, сохранилось два черн. авт. и перебеленный с поправками текст которого был принят изд. Анненкова, а за ним Акад.; в нем вар.:

- Строфа 1: Гдѣ весело синѣютъ, блещутъ воды,
 Роскошные лаская берега...
 4: Все живо тамъ: кудрявыхъ рошъ прохлада...
 5: Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
 Щастливая пѣвица красоты...
 Найдеть ли вновь свои живые звуки?

В черн. авт.—вар. мелкие. Загл. в рук. нет. Форма стихотв.—«октавы», см. «Домикъ въ Коломнѣ». П. и в письмах, см. т. III, выражал сильное желание вторично посетить Крым. Стихотв. при жизни П.—напечатано не было, почему отдельными стихами поэт воспользовался для поэмы «Бахч. Фонтанъ». Вступление близко к песче Миньоны Гете. *Фебъ*, здесь,—солнце. *Салгиръ*—река в Крыму! *Эльвина*—условное имя.

8. КЪ А Г Л А Ъ.

КОКЕТКЪ.

И вы повѣрите мнѣ могли, Какъ семилѣтная Агнеса? Въ какомъ романѣ вы нашли, Чтобъ умеръ отъ любви повѣса? Помилуйте вамъ тридцать лѣтъ, Да, тридцать лѣтъ—не многимъ болѣ;	Себѣ Гусара взяли вы, А я наперсницу Наташу. Мы разошлись; до этихъ поръ Все хорошо, благопрійстойно. Могли бы мы безъ дикихъ ссоръ Жить мирно, дружно и спокойно; Но нѣтъ, въ трагическомъ жару Вы мнѣ сегодня по утру Такую воскресили древность: Вы проповѣдуете вновь Покойныхъ рыцарей любовь, Учтивый жаръ, и грусть, и ревность... Помилуйте, нѣтъ, право нѣтъ, Я не дитя, хотя поэтъ. Оставимъ юный пылъ страстей, Когда мы клонимся къ закату, Вы—старшей дочери своей, Я—своему меньшому брату. Имъ можно съ жизнію шалить И слезы впредь себѣ готовить; Еще пристало имъ любить, А намъ уже пора злословить.
Мнѣ за двадцать: я видѣлъ свѣтъ, Кружился долго въ немъ на волѣ: Ужъ клятвы, слезы мнѣ смѣшны, Проказы утомить успѣли; Вамъ также съ вашей стороны Тревоги сердца надоѣли; Давно сердца въ насъ охладѣли, Не кстати намъ учиться вновь— Мы знаемъ—вѣчная любовь Живетъ едва ли три недѣли! Я вами точно былъ плѣненъ, Къ тому же скука, мужъ ревнивый... Я притворился, что влюбленъ, Вы притворились, что стыдливы. Мы поклялись; потомъ—увы! Потомъ забыли клятву нашу,—	[Февраль—Мартъ.]

При жизни П.—а напеч. не было, но сохранилось в двух авт., дающих две разных ред., обе—с позднейшими поправками. Воспроизводим более распространенную, Публ. Библ.; в сокращенной, Рум. муз., вар.:

Ст. 1—4: *зачеркнуты.*

Ст. 5: Послушайте: вамъ 30 лѣтъ..
 11—13: Вамъ вѣрно съ вашей стороны
 Имѣны также надоѣли;
 Остепенясь, мы охладѣли...
 17—20: Съ начала были мы друзья,
 Но случай, скука, мужъ ревнивой ..
 Безумнымъ притворился я,
 Вы притворилися стыдливей...
 29—36: *вытѣщены.*

В авт. Публ. Б. ст. 41.: Дурачиться пристало имъ...
 Или: Еще прѣстало имъ любить...

и ряд мелких стлч й: «простодушная Агнеса»; «Живеть не болѣе недѣли»; «Давно мушны недоѣли»; «Гусара полюбили вы» и т. под. Стихи обращены к Аглае Ант. Давыдовсой, жившей в Каменке; к той же Аглае стнсится и эпиграмма: «Инсй имѣль мою Аглаю». П. был близок с «Аглаей» и в дружеских отношениях с ее мужем, В. Л. Давыдовым, послание к кот. см. дальше. Загл. первое—авт. Публ. Б., второе—Рум. м. Напеч. 1857 г.

9. КЪ ДЕЛЬВИГУ.

[Изъ письма.]

Другъ дельвигъ, мой Парнасской братъ,	И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу. Къ молвѣ болтливой я хладѣю
Твоей я прозой былъ утѣшенъ; Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:	И изъ учтивости одной Донынѣ волочусь за нею,
Стихамъ я больше былъ бы радъ... Ты знаешь: я въ минувши годы	Какъ мужъ лѣнивый за женой. Наскуча Музъ бесплодной службой,
У береговъ Кастальскихъ водъ Любилъ марать поэмы, оды;	Другой богиней, тихой дружбой Я славы замѣнилъ кумиръ;
Ревнивой зрѣлъ меня народъ На кукольномъ театрѣ моды;	Но все люблю, мои поэты, Фантази волшебный мѣръ
Поклонникъ правды и свободы, Бывало, что ни напишу,	И, чуждымъ пламенемъ согрѣтый, Внимаю звуку вашихъ лиръ...
Все для <i>иныхъ не Русью пахнетъ</i> ;	Такъ точно, позабывъ сегодня Проказы, игры прежнихъ дней,
О чемъ цензуру ни прошу, Ото всего Тимковской ахнетъ.	Глядитъ съ лежанки ваша сводня На шашни молодыхъ б.....
Теперь я, право, чуть дышу, Отъ воздержанья Муза чакнетъ,	Кишиневъ. 23 Марта 1821.

Писано не для печати. *Дельвигъ, Парнасъ, Кастальскіе воды* и др. см. Общ. прим., Еступ. оч. и ранше. *Тимковскій*—цензор. В черн. рук. помета: «Въ Мартѣ 1821» и вар.:

Къ невѣрнсй Славѣ я хладѣю
 И по привычкѣ лишь сднсь
 Лѣниво волочусь за нею,
 Какъ мужъ за гордою женой.
 Я псабылъ ея обѣты,
 Одна Свобода — мой кумиръ;
 Но все люблю, мои поэты,
 Щастливой голсѣ вашихъ лиръ.

Напеч. 1854 г. с письмами Дельвигу, см. т. III.

10. КЪ ГНѢДИЧУ.

[изъ письма.]

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный И хитрымъ Августомъ изгнанный Овидій мрачны дни влачилъ;	Тревожитъ сонныхъ Молдаванъ. Все тотъ же я, какъ былъ и прежде, Съ поклономъ не хожу къ не-
Гдѣ элегическую лиру Глухому своему кумиру Онъ малодушно посвятилъ;	вѣждѣ, Съ Орловымъ спорю, мало пью, Октавію—въ слѣпой надеждѣ— Молебновъ лести не пою,
Далече сѣверной столицы Забылъ я вѣчный вашъ туманъ, И вольный гласъ моей цѣвницы	И Дружбѣ легкія посланья Пишу безъ строгаго старанья

Ты, коему судьба дала
И смѣлой умъ и духъ высокой,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера музу намъ явилъ
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ,—
Твой гласъ достигъ уединенья,
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья

Ханжи и гордаго глупца—
И вновь онъ оживилъ пѣвца;
Какъ сладкой голосъ вдохновенья.
Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для Музы и дружбы, живъ поэтъ.
Его враги ему презрѣнны:—
Онъ Музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ,
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ—мимоходомъ.

Кишиневъ. 24 Марта 1821.

Писано не для печати. Римский поэт *Овидій Назонъ* был сослан императоромъ Августомъ на берега Черного моря за неизвестный нам проступок, кажется имевший отношение к разврату Юлии (дочери Августа). *Октавій* — другое имя Августа; Овидий из ссылки льстил императору в стихах, умоляя о помиловании. П. охотно сравнивал свою ссылку с изгнанием Овидия. См. дальше послания к Чаадаеву, к Овидию и др. *Молдаване, Орловъ* см. рѣньше. *Н. Гнѣдичъ* в эту пору начал переводить «Иліаду» Гомера (*Ахиллъ*—ее герой) гексаметром без рифм, тогда как раньше все переводили (Костров и др.) рифмованными стихами (у П—а это выражено словами: «пѣвицу славы отъ звонкихъ узъ освободилъ»). *Зоиль*—несправедливый критик. Напеч. 1874 г. с письмами, см. т. III.

11. П. А. КАТЕНИНУ.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантовъ обожатель страстной,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можетъ быть, неправой,
Когда одна въ дыму кадилъ
Красавица блистала славой,
Я свистомъ гимны заглушилъ.

Погибни, злобы мигъ единой,
Погибни, лиры ложный звукъ.
Она виновна, милый другъ,
Предъ Селименой и Моинной.
Такъ легкомысленной душой,
О боги, смертный васъ поноситъ;
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приносить.

5 Апрелья.

Напеч. изд. 1826 г. В черн. авт. вар.:

Но оскорбилъ я красоту,
Когда она блистая славой,
Въ вѣнцѣ любви....
Въ дыму пылающихъ кадилъ...

П. А. Катенинъ (1792—1853 г.)—писатель, см. т. III. *Волшебница*—А. М. Колосова, артистка, см. 1819 г. *Селимена и Моина*—ее роли. В изд. 1826 г.: «Предъ Мельпоменой...» (муза трагедии). «*Лиры ложный звукъ*»—стихи «На А. М. Колоссу» 1819 г. Отноше ния П—а к Колосовой см. письма, т. III.

12. КИНЖАЛЪ.

1. Лемносскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судя позора и обиды!
2. Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.
3. Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.

4. Вездѣ его найдеть ударъ надежный твой:
 На сушѣ, на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами,
 За потаенными замками,
 На ложѣ сна, въ семьѣ родной.
5. Шумить подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
 Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
 Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
 Кинжалъ, ты кровь излилъ,—и, мертвъ, объемлетъ онъ
 Помпея мраморъ горделивый.
6. Изчадѣ мятежа подѣмлетъ злобный крикъ.
 Презрѣнный, мрачный и кровавой,
 Надъ трупомъ вольности безглавой
 Палачъ уродливый возникъ.
7. Апостолъ гибели, усталому Аиду
 Перстомъ онъ жертвы назначалъ;
 Но высшій судъ ему послалъ
 Тебя и дѣву-Эвмениду...
8. О юный праведникъ, избранникъ роковой,
 О Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
 Но добродѣтели святой
 Остался гласъ въ казенномъ прахѣ.
9. Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
 Грозя бѣдой преступной силъ,
 И на торжественной могилѣ
 Горить безъ подписи кинжалъ.

Стихи при жизни П—а не могли быть напечатаны; сохранились в черн. рук. и списках, есьма неисправных. Мы даем (как и Акад. изд.) текст «Полярной Звѣзды» 1856 г., где стихотв. напечатано впервые, отличающийся, однако, от черн. автографа. Он и списки дают ряд важных вар.:

- Строфа 1: Свободы тайный стражъ, недремлющій кинжалъ,
 Послѣдній судія позора и обиды,
 Для рукъ безсмертной Немезиды
 Лемносской богъ тебя сковалъ,
 Супругъ божественной Киприды.
- 3-2: Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
 Нѣмое лезвіе въ глазахъ тирана блещеть.
 И посреди пировъ
 Злодѣй блѣднѣетъ [и] трепещеть.
- 4-3: Вездѣ его найдеть ударъ нежданный твой,
 Въ семьѣ, на стогнахъ, подъ шатрами,
 За потаенными замками,
 На ложѣ нѣгъ, въ толпѣ глухой.
- 5-4: Сенатъ и Римъ упалъ (душой)
 У ногъ Фортуны горделивой...
 Воздвигся Брутъ вольнолюбивой...

Далее в авт. строфа, в нашем тексте стоящая 2-й; конец стихотв. совершенно не отделан; можно прочесть лишь отдельные стихи:

Державной Кесарь, полу-богъ...
 Мятежная толпа подѣмлетъ крикъ...
 Презрѣнный царь (Марать) возникъ
 Надъ гильотиною кровавой...
 Но дѣва славная тебя коснулась,
 И палъ Марать...

В списках читается еще:

Ст. 20: Ты Кесаря сразилъ,—и мертвъ объемлетъ онъ...
 Посл. ст. Горить безъ надписи кинжалъ.

Строфы 1—5: образцы античной жизни. *емносской богъ* — Вулкан (или Гефест), бог-кузнец, жившій на острове Лемносе, муж Вены (Киприды). *Зевса громъ* — божій гром. *Кесарь* (Юлій Цезарь), перейдя речку Рубикон, тем самым превысил свои права; позднее Цезарь, правившій Римом, почти как царь, был убит Брутом и др. у подножия статуи Помпея (вождя республиканцев). 6—7: Террор Франц. резолюции. *Палачъ уродливой* — Марат; *дѣва-Эменида* — убившая его Шарлотта Корде. 8—9: *Карль Зандъ* — студент, убившій в 1819 г. Августа Коцебу, писателя и тайного агента русской полициі в Германіи. Др. об. раньше (*Аидъ* — ад.; *Немезида* — богиня возмездія; *Эмениды* — божества мести, и т. под.) Ср. стихотв. 1825 г. «Андрей Шеньев». Стихотв. важнс в развитіи политическихъ взглядовъ П—а. Он уже не возлагаетъ всехъ надеждъ на «законъ» т.-е. на мирную эволюцію (преобразования), но обращается къ «последнему судиі», кинжалу, т.-е. къ революционному пути. Стихотв. широко расходилось в списках, и П—а называли «певцомъ кинжала».

13. ЧААДАЕВУ.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой 'сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздѣхнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ единеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихой трудъ и жажду размышленій;
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились Музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣнемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И Царскосельскія хранительныя сѣни.
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный, вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ни Музы, ни труды, ни радости досуга,
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга.
Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткой вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной;
Въ минуту гибели надъ бездною потаенной

Ты поддержаль меня недремлющей рукой;
 Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
 Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
 Ты оживляль ее совѣтомъ иль укоромъ;
 Твой жаръ воспламеняль къ высокому любовь;
 Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь;
 Ужь голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
 Умѣль я презирать, умѣя ненавидѣть.
 Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
 Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
 Или философа, который въ прежни лѣта
 Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
 Но, просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ,
 Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ?
 Ораторъ Лужниковъ, никѣмъ не замѣчаемъ,
 Мнѣ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.
 Мнѣ ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
 О лепетаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ
 И сплетней разбирать игривую затѣю,
 Когда гордиться могъ я дружбою твоею?
 Благодарю Боговъ: прошелъ я мрачный путь;
 Печали раннія мою тѣснили грудь:
 Къ печалямъ я привыкъ, разцелся я съ судьбою,
 И жизнь перенесу стоической душою.
 Одно желаніе: останься ты со мной!
 Небесъ я не томилъ молитвою другой.
 О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
 Когда соединимъ слова любви и руки?
 Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
 Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
 Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
 И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель;
 Приду, приду я вновь, мой милой домосѣдъ,
 Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
 Младые вечера, пророческіе споры,
 Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
 Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
 Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
 И счастливъ буду я: но только, ради Бога,
 Гони ты Шёппинга отъ нашего порога.

6 Апрѣля, 1821. Кишинев. -

[Отдѣлано] Кишиневъ, 20 Апрѣля 1821.

Напеч. 1821 г.; в изд. 1826 и 1829 — с пропусками ради цензуры и потому, что Катенин, автор комедии «Сплетня», принял стих на свой счет. Чаадаевъ см. раньше. Сохранилось два авт., черн. и более отделанный с загл. «Къ Чаадаеву» и датой «6 Апрѣля»; в них много вар.; среди них важнейшие:

После ст 4: Тебя, хранителя моихъ душевныхъ силъ... [ст. 37 и сл.].

11: Оставилъ милья, быть можетъ, заблуждегья...

26: Воспѣль мечты мои,—геройство и любовь...

44—46: Ты сердцу замѣнилъ надежду и покой,
 Ты поддержаль меня надежною рукой
 Въ минуту гибели надъ бездною глубокой...

54: Холопа знатнаго въ Андреевской звѣздѣ...

69: На жизненномъ пути останься ты со мною ..

76: И вѣтреной толпы недвижный наблюдатель...

Также гелки: 27 — «дружбу сладкую»; 31 — «обитель мира, лѣнія»; 32—«И Царскаго Села», 34 — «роскошные края», и т. под. *Философъ* — Ф. И. Толстѣй, *ораторъ* — Каченовскій, *Овидій*, *Шеппингъ* и др. об. раньше. См. выше эпиграмму на Толстого. Кто знатный холопъ, не выяснено. Вар. текста 1821 г — не П—а. При постоянной пртв-

2

Когда же воевал по бреламъ
 Ревно, ахъ и нѣкоу мунуфъ
 И промъ гримамъ по небамъ
 И мочил въ пунктъ блещущемъ
 И удачливъ отъ муринъ
 Въ военнорешительнѣ дурблѣ,
 Делка митъ капризномъ вѣжливѣ,
 И граномъ митъ флѣбамъ суровѣмъ,
~~Пѣть означенъ въ пунктъ дурблѣ,~~
~~И французъ сѣтроу~~
~~Его мунуфъ ардеу мунуфъ,~~
~~И вѣжливъ мунуфъ мунуфъ~~
~~И вѣжливъ мунуфъ мунуфъ~~
~~И вѣжливъ мунуфъ мунуфъ~~
~~И вѣжливъ мунуфъ мунуфъ~~

Внесены

8 февр. 1821. Кибѣ

стилихъ кривовица когда вѣе село
 Она прѣтъ управленъ отъ мамъ озруррррр,
 Мунуфъ мунуфъ — и вѣжливъ мунуфъ
 Мунуфъ мунуфъ мунуфъ мунуфъ мунуфъ

9

дивости поэзии П—а, стихотв. важно, как биографическое свидетельство: П. говорит о своих серьезных занятиях, признает влияние на себя Чаадаева, («гордиться могъ», вар.: «утѣшенъ былъ я дружбою твоею»), заверяет, что в нем живы «вольнo-любивыя надежды» и т. д. Некоторые подробности об этом послании выяснены в письмах, см. т. III. Наш текст по авт. и изд.

14. Н. С. АЛЕКСѢВУ.

Мой милой, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты:
Я позабылъ любви призывы
И плѣнъ опасной красоты;
Свободы другъ миролюбивый,
Въ толпѣ красавицъ молодыхъ
Я, равнодушный и лѣнивый,
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томной взоръ, привѣтной лепеть
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нѣжной трепеть
И пламя юности живой.
Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
Вдыхать неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣрить безразсудно,
Мужей обманывать—грѣшно.
Прошелъ веселой жизни праздникъ.
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Баратынскій, я твержу:
„Нельзя ль найти подруги нѣжной?
Нельзя ль найти любви надежной?“
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призракъ ложной,
Безъ упоительныхъ страстей,
Я сталъ наперсникъ осторожной
Моихъ неопытныхъ друзей.
Вдали штыковъ и барабановъ
Такъ точно старый инвалидъ
Встрѣчаетъ молодыхъ Улановъ
И имъ о битвахъ говорить.
Когда любовникъ изступленной,
Тоскуя, плачетъ предо мной
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;

Когда въ жару своихъ желаній
Съ восторгомъ изъясняетъ онъ
Неясныхъ, темныхъ ожиданій
Обманчивой, но сладкій сонъ
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянеть ревниваго супруга
Или докучливую мать:
Его безумнымъ увѣреньямъ
И поминутнымъ повтореньямъ
Люблю съ участіемъ внимать;
Я лъщу слѣпой его надеждѣ,
Я молодъ юностью чужой,
И говорю: такъ было прежде,
Во время оно, и со мной.

Я былъ рожденъ для наслажденья,
Въ моей утраченной веснѣ
Какъ мало нужно было мнѣ
Для милыхъ сновъ воображенья!
За чѣмъ же въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ
Мнѣ стало чуждо сладострастья?
Зачѣмъ же вдругъ увяло счастье
И ни къ чему стремленья нѣтъ?
И что жъ—измѣной хладнокровной
Я ль стану дружеству вредить
И снова тактики любовной
Уроки хитрые твердить?
Нѣтъ, милой, если голосъ томной,
Обманъ улыбки, нѣжный взоръ,
Умилный видъ печали скромной
Тобой владѣютъ до сихъ поръ—
Люби, ласкай свои желанья,
Надеждѣ, взору слѣпо вѣрь...
Увы, пройдутъ любви мечтанья,
И будешь то, чѣмъ я теперь.

1821 г.

Напеч. не полно 1825 г.; еще с большими сокращениями изд. 1826 и 1829 г. без 4 ст.: «Вдали штыковъ...» и без конца: «Я былъ рожденъ...» В черн. авт. вар.; среди них посл. стихи:

Надеждѣ и Еврейкѣ вѣрь.
Какъ тѣнь пройдутъ любви мечтанья
И станешь тѣмъ, что я теперь!

Н. С. Алексѣевъ—приятель П—а в Кишиневе; они жили на одной квартире и одно время очень сблизились; см. письма, т. III, и Вступ. оч. *Барейка* см. Сатиры 1821 г. *Баратынскій* см. дальше.

15. ГРОБЪ ЮНОШИ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЭЛЕГИИ.

. . . . . Сокрылся онъ,
Любви, забавъ питомецъ нѣж-
ной;
Кругомъ него глубокой сонъ
И хладъ могилы безмятежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной въ тѣни деревь
Онъ кружились на свободѣ;
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили межъ собой:
„И мы любили хороводы,
Блистали также въ насъ умы;
Но погоди, приспѣютъ годы,
И будешь то, что нынѣ мы;
Какъ намъ, о міра гость игривый,
Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ;
Теперь играй...“ Но старцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ жень, его любившихъ,
Одна, быть можетъ, слезы льетъ,
И память радостей почившихъ
Привычной думою зоветъ...
Къ чему?

Надъ ясными водами
Гробницы мирною семьей
Подъ наклоненными крестами,
Таятся въ роцѣ вѣковой.
Тамъ, на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумитъ,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдный юноша лежитъ.
Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вокругъ безчувственной гроб-
ницы
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;
Напрасно утромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзи-
ной
Идетъ и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ:
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой...
18 Іюля.

Напеч. изд. 1826 г.; написано по поводу смерти в Италии лицейского товарища — Корсакова. В рук. первоначальная ред., значительно отличающаяся, которую см. в Отд. II. Ср. «19 Октября 1825 г.»

16. НАПОЛЕОНЪ.

На СМЕРТЬ НАПОЛЕОНА. Ода.

Ingrata patria.

[Неблагодарное отечество. Эпиграф в черн. рук.]

1. Чудесной жребій совершился:
Угасъ великой человѣкъ.
Въ цеволѣ мрачной закатился
Наполеона грозной вѣкъ.
Изчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣд:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.
2. О ты, чьей памятью кровавой
Миръ долго, долго будетъ полнъ,
Приосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ ле-
житъ,
Народовъ ненависть почилла.
И лучъ безсмертія горитъ.
3. Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своеправной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.
4. Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился миръ,
И Галлъ десницею разъяренной
Низвергнулъ ветхой свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахъ царскій трупъ лежалъ
И день великой, неизбѣжной,—
Свободы яркій день вставалъ;
5. Тогда въ волненьи буръ на-
родныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное щастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой,
Тебя плѣняло Самовластье
Разочарованной красой.
6. И обновленнаго народа
Ты буйностью юною смирилъ:
Новорожденная Свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилася силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ:

7. И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ;
Ты вель мечи на пиръ обильной.
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла,—сонъ могильной
Носился надъ ея главой.
8. Сбылось! Въ величій постыд-
номъ
Ступилъ на грудь ея колоссы!
Тильзитъ—при звукъ семь обид-
номъ
Теперь не поблѣднѣетъ Россѣ—
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но холодъ покоя
Щастливца душу волновалъ.
9. Надменной, кто тебя подвиг-
нулъ?
Кто обуялъ твой дивной умъ?
Какъ сердца Рускихъ не постиг-
нулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ
дара;
Но поздно Рускихъ разгадалъ...
10. Россія, бранная царица,
Вспомни древнія права!
Померкни солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война: по гробъ нашъ договоръ.
11. Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
- Бѣжать Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И тагетъ съ ними слѣдъ врага.
12. И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе пле-
менъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видить великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!
13. Изкуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ снѣю чуждою небесъ.
И знойной островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,
14. Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ ме-
чей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ
онъ.
15. Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушной, кто гъ сей
день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!.. Онъ Рускому народу
Высокой жребій указалъ
И міру вѣчную Свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Юль 1821. [Отдѣлано въ 1825 г.]

Напеч стрыжки 1 изд. 1826 г.; добавленія 1857, 1858 г.; полностью—1880 г. Наполеон умер 5 мая 1821 г. (и ст.); вѣсть об этом дошла до Книжица лишь через 3 месяца: в бумагах П—а записано по франц: «18 июля 1821 г. извѣстие о смерти Наполеона. Валь у армянскаго аѣжей скопа» В рук. оде предшествуетъ программа: «Народы спрашиваютъ: гдѣ ли который Гдѣ онъ?.. Угасъ тотъ, который то и то—и Россю... Но да не упрекивать его Русской... Россія славно—бѣлая Франція въ униженіи... Онъ объ ней мыслилъ Островъ Елены—тамъ онъ думалъ объ Россіи.» Далее следуетъ черновой набросокъ оды. В нем и в другой рук. (более отдаленной) много с изгов, не вошедших в окончательную ред. и вар., в том числе в строках:

1: Чуждой жребій совершился:
Угасъ чуждой человекъ.
Еъ молчаньи мрачномъ застился
Наполеонъ грозной вѣкъ..
Молва прослулась.— снова миръ

И. полнець именемъ Злодѣя..
Изчезъ гуо тель сужужелной,
Могучъ й баловень побѣтъ;
И для страшилища вселенной
Потомство мудрое встаетъ.

- 2: Се — примиренная могила!
Надъ гробомъ, гдѣ твоей прахъ укрытъ,
Съ тобою ненавишь почва
И Славы яркой лучъ блеститъ...
- 5: Во браняхъ, въ шумѣ битвъ народныхъ
Ужъ голосъ разума гремѣлъ...
Въ свое торжественное шествіе
Ты вѣрять гибельно дерзнулъ.
Тебя плѣнило самовластье,—
И къ трону руку протянулъ.
- 6: Но тщетно жадной взоръ возводишь
На высоту...
Свершилось,—ты на тронъ восходишь,
Ты вѣдешь...
- 7: Европа гибла предъ тобой...
Все стало тѣнью гробовой...
- 8: И се! Въ величии постыдномъ
Неколебимо [сталь] колосъ
Идетъ на Русь...
- 9: Въ чаду Кремлевскаго пожара
Ты позабылся, возмечталъ..
- 10: На Русь! Восстань, племя Царица,
Вспомни древнія права...
Въ Москвѣ не царь, въ Москвѣ
Россия,
Вражда, вражда — нашъ договоръ!
- 11: Схватилъ невѣрной своей вѣнецъ,
Ты бездну видишь предъ очами,
Губитель, — гибнешь, наконецъ!
Бѣгутъ безстрашныхъ ополченья,
Падутъ на чуждые брега,
И возгласили ихъ паденье
Окровавленные стѣгал...
- 12: И ты съ лица земли сокрылся...
Рука великой Немизиды
Простерлась, — трепещи, тиранъ...
(Развила гордой истуканъ)...
Омыты кровью ихъ обиды,
Во прахъ низвергнуть Великанъ...
(Великъ и падшій Великанъ!)...
- 13: Онъ изкупилъ свои стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою тяжкаго изгнанья
Подъ сѣнью душевной тѣхъ небесъ
И нынѣ островъ ваточенья
Полнощный путникъ посѣтитъ
И тихо слово примиренья
На грозномъ камнѣ начертитъ
- 15: Но Руской лиры звукъ свободный...
И міру вѣчную свободу
Съ утесовъ Эльбы завѣщаль...
(Со скаль Елены завѣщаль)..

Кроме этихъ отличій, в двухъ сохранившихся рук.—рядъ менее важныхъ вар. Вообще ода потребовала большого труда. Она говоритъ о франц. революции и казни короля Людовика XVI (строфа 4), о военныхъ удачахъ Наполеона (стр. 5—8), его победѣ при Аустерлицѣ и позорномъ для Россіи Тильзитскомъ мирѣ (стр. 8—10), о походе на Россію 1812 г., пожаре Москвы и ваточении на о-ве св. Елены (стр. 10—15). «Вѣчную свободу міру» Наполеон, хотя и не прямо, «завѣщаль» в своихъ запискахъ, диктованныхъ в ваточении; там же «указанъ высокій жребій Россіи». Немизиды—возмездіе. Галлы, Галлія—Франція, французы, см. раньше. Въ черн. наброскахъ—еще отголоски раннихъ взглядовъ П—а на Наполеона, какъ на «злодея». В окончательной ред. П. становится выше: не сблываясь «воинственными чудесами» («зло»), онъ ставитъ въ укор Наполеону одно: что онъ уничтожилъ «новорожденную свободу» Франціи. Загл. первое в печати, второе—в рук. Некоторые черты в оде напоминаютъ оду Карамзина.

17. ЭЛЕГІЯ.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долготу любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила страстной;
Но если я любимъ: позволь, о милой другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.
Когда меня навѣкъ обуметь смертный сонъ,
Надъ урною моей промовли съ умиленьемъ:
„Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолженъ
И пѣсень, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.“

23 Августа 1821.

Напеч. изд. 1826 г. Сохранилось два авт.; в черн. начинается:

Нѣтъ, повдно милой другъ, узналъ я наслажденье:
Ничто души моей не воскреситъ.
Ей чуждо страсти упоенье,
И счастье тихое меня не веселитъ.

После 10-го ст.: Не бойся вѣтреныхъ незѣждъ,
Не бойся клеветы ревнивой,
Не обмани моихъ надеждъ
Своею скромностью пугливой.

Конец стихотв. первоначально (в другой рук.):

И скоро, милая, когда меня не будет,
Но сердце чье-нибудь поэта не заслушет,
Герезживи меня и молви съ умилильемь...

Изменяю: Надъ рангей урноу пусть молвятъ с умилильемь:
Онъ Лидсей быть любимъ, онъ мнѣ быть одолженъ
Послѣдней радостью, послѣднимъ вдохновеньемъ.

И ряд мелких вар.: «Но если ты сама...»; «И дѣвы нѣжному »; «Священнымъ ивнемь.. » и т. под. К кому обращены стихи, спорно; м. б. к М. Н. Раевскій. Урна — старинный образ: древние сожигали мертвых и прах их собирали в урны.

18. ЭЛЕГИЯ. КЪ ***.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.
Пускай я радости вкушаю невольнѣ;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцѣлуевъ сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
Незанимательную повѣсть?
Она твоей тихій умъ невольно возмутитъ;
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.
Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лишиться я боюсь послѣднихъ наслаждений.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровений
Сегодня я люблю, сегодня щастливъ я!

24 Августа ночь. 25 Августа 1821.

Напеч. 1825 г. и изд. 1826 г. Пометы в двух авт., где варі:
Мой другъ, не забывай слѣды минувшихъ лѣтъ...
Что ваяло мертвое забвенье..
Въ моихъ объятіяхъ ты сердцемъ содрогнешься,
Довѣренность любви, быть можетъ, улегить...
Люби меня теперь . . . . .
Какъ я не требую невѣрныхъ увѣреній...

В тексте 1825 г. мелкие вар.: ст. 7 — «Но ты, прекрасная»; 12 — «Ясна, какъ свѣтлый день»; 19 — «Нѣтъ, милая моя» (без начала стиха). Обращено к той же, как предыд. Загл. в рук.: «Элегія», в печати: «Къ ***».

19. КЪ ***.

[Н. С.] Алексѣеву.

Зачѣмъ безвременную скуку	Ты будешь звать воспоминанья
Зловѣщей думою питать	Потерянныхъ тобою дней:
И неизбѣжную разлуку	Тогда изгнатьемъ и могилой,
Въ унынѣ робкомъ ожидать?	Несчастный, будешь ты готовъ
И такъ ужъ близокъ день страданья!	Купить хоть слово дѣвы милой,
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,	Хоть легкой шумъ ея шаговъ.

[Отдѣлано:] 1 Ноября 1826 г. Москва.

Нагеч. 1827 г.; перепеч. изд. 1829 г. под 1821 г. По рук. относится к 1821 г., но черн. набр. в рук. 1820 г., см. черн. набр. «Периода третьяго». К кому обращено не выяснено: «дева милая», вероятно, — Е. Н. (а не М. Н.) Раевская, см. Вступ. оч. т. II. Алексѣев — приятель П—а, Н. С., см. раньше.

20. ЛИДЪ

Лидъ страшно полюбить—
 Полно, нѣтъ ли тутъ обмана?
 Берегитесь: можетъ быть,
 Эта новая Діана

Притаила нѣжду страсть
 И стыдливими глазами
 Ищетъ робко между вами:
 Кто бы ей помогъ упасть.

При жизни П. не было напечатано, но, повидимому, по причинам личным. Имя «Лиды» в стихах 1821 г. встречается еще в черновых вар. М. б., написано позже, в 1822—1823 г. Циана была также богиней девственности и целомудрия. Напеч. 1857 г.

21. ВОЙНА.

МЕЧТА ВОИНА.

Война!... Подъяты наконецъ,
 Шумять знамена бранной чести!
 Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
 Засвищеть вкругъ меня губительный свинець.
 И сколько сильныхъ впечатлѣній
 Для жаждущей души моей:
 Стремленье бурныхъ ополченій,
 Тревоги стана, звукъ мечей,
 И въ роковомъ огнѣ сраженій
 Паденье ратныхъ и вождей!
 Предметы гордыхъ пѣснопѣній
 Разбудятъ мой уснувшій геній.
 Все ново будетъ мнѣ: простая тѣнь шатра,
 Огни враговъ, ихъ чуждое званье,
 Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
 И смерти грозной ожиданье.
 Родисься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
 Ты, жажда гибели, свирѣпой жаръ героевъ?
 Вънокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
 Кончину ль темную судить мнѣ жребій боевъ,
 И все умереть со мной: надежды юныхъ дней,
 Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
 Воспоминаніе и брата и друзей,
 И мыслей творческихъ напрасное волненье,
 И ты, и ты, любовь?... Ужель ни бранный шумъ,
 Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы,
 Ничто ни заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
 Я таю, жертва злой отравы:
 Покой бѣжить меня; нѣтъ власти надъ собой,
 И тягостная лѣнь душою овладѣла...
 Что жъ медлить ужась боевой?
 Что жъ битва первая еще не закипѣла?...

29 Ноября 1821 г. '

Напеч. 1823 г. В 1821 г. ожидали объявленія войны Турціи в связи с восста-
 нием греков, и П. мечталъ участвовать в борьбѣ за свободу Греціи. В рук. ряд вар., в
 том числѣ:

Война! Раввиты, наконецъ...
 Движенье ратныхъ ополченій..
 Паденье гробовъ Беллонинныхъ друзей..
 Свобода пылкихъ чувствъ, къ высокому стремленье...

В другой рук.: «Привычной барабанъ» вместо «Вечерній»; «трескъ ядра» вм.
 «свистъ»; «И страшной битвы» вм. «смерти грозной» и т. под. В текстѣ «Полярной

Звѣзды» 1823 г., кроме ошибок, вар.: «моихъ тревожныхъ думъ». Загл. первое в изд. 1826 г.; второе в «Пол. Зв.» Беллона см. Ощ. прим. Вообще об этом стихотв. см. письма, т. III.

22. КЪ ОВИДИЮ.

Мнѣніе, будто бы Овидій былъ сосланъ въ нынешнюю Акерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ: *Ex Ponto* [т.-е. «Письма съ Понта»] онъ ясно самъ указываетъ место пребыванія городъ *Томы*, при самомъ устьѣ Дуная. Столько же несправедливо и мнѣніе Вольтера, полагающаго причиною его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія, десять лѣтъ тому прежде была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ не что иное, какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово и тайна его съ нимъ умерла: «*Alterius facti culpa silenda mihi*». [т.-е. «О моемъ другомъ преступленіи я долженъ молчать»].—*Предисловіе Пушкина в рук.*]

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
 Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
 Ты нѣкогда принесъ и пепель свой оставилъ,
 Твой безотрадный плачь мѣста сіи прославилъ:
 И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
 Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
 Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеніѣ
 Пустыню мрачную, поэта заточенье,
 Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
 И краткой теплотой согрѣтые луга.
 Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
 Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
 Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
 И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
 Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.
 Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
 Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
 Тамъ холодной Скиѣи свирѣпыя сыны,
 За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ,
 И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
 Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ,
 И по-льду звучному безтрепетно идутъ.
 Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!),
 Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
 Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
 И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
 Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелой,
 И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣлой.
 Ни дочь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
 Ни Музы, легкія подруги прежнихъ дней,
 Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.
 Напрасно Граціи стихи твои вѣнчали,
 Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
 Ни слава, ни лѣта, ни жалобъ, ни грусть,
 Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ;
 Дни старости твоей въ забвеніи потонуть.
 Златой Италіи роскошный гражданинъ,
 Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
 Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
 Ты въ тяжкой горести далекой дружбѣ пишешь:
 „О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
 И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
 О други, Августу мольбы мои несите!
 Карающую длань слезами отклоните!

Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ¹,
 И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ;
 Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
 Приблизьте хоть мой гробъ къ Италиі прекрасной!
 Чье сердце хладное, презрѣвшее Харить,
 Твое уныніе и слезы укорить?
 Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
 Сіи элегіи, послѣднія творенья.
 Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?
 Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
 И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
 Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
 Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
 Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
 И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
 Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
 Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
 Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;
 Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
 На Скиѣскихъ берегахъ переселенецъ новый,
 Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
 Ужъ пасмурный Декабрь на Рускіе луга
 Слоями разстилалъ пушистыя снѣга;
 Зима дышала тамъ: а съ вешней теплою
 Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
 Младою зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
 Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
 Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
 Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
 Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
 Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
 Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
 Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
 Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
 И по льду новому, казалось, предо мной
 Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
 Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.
 Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
 Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
 Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній:
 И, жертва темная, умретъ мой слабый геній
 Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!...
 Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
 Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
 Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной:
 Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
 Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
 И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
 Да сохранится же завѣтное преданье:
 Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
 Не славой, участію я равенъ былъ тебѣ.

¹ Овидій провель 9 лѣтъ въ изгнаніи, а въ 20, какъ говорилъ Шатобрианъ.
 (Примеч. Пушкина в руж.)

Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
 Скитался я въ тѣ дни, какъ на берега Дуная
 Великодушный Грекъ свободу вызывалъ:
 И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ.
 Но не унижилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
 Ни гордой совѣсти, ни лиры, непреклонной.

26 Декабря 1821.

Напеч. 1823 г. под загл. «Овидію». *Овидій Назонъ* см. выше, П. искусно включил в послание ряд стихов из последних стихотворений Овидія, писанных в ссылке: «Печали» и «Письма с Понта». Как в лицейском стихотв. «Лицинію» верно передан характер сатир Ювенала, так в послании «Къ Овидію» воссозданы основные черты этих книг. *Скиѳія*—древнее название Ю. России; *Истръ*—Дунай; др. об. раньше. *Грекъ*—намек на восстание греков, см. выше. Овидій горько жаловался в стихах, что вынужден жить на севере (для П—а то был юг) и должен участвовать в отражении набегов кочевых племен; как исконный житель Италии, с удивлением рассказывает о снеге и о льде и т. под. При жизни П—а приходилось вместо заключительного двустихия печатать:

Но чуждые холмы, поля и рощи сонны
 И Музы мирныя мнѣ были благосклонны.

В черн. рук.—ряд вар., преимущественно изменения эпитетов. Первоначально было: «Лирѣ сладкій гласъ»; «тобою полнѣ угрюмѣ сей предѣль»;

Здѣсь любить находить мое воображенье
 Уединеннаго поэта заточенья...

«волшебныхъ струя»; «Скиѳіи суровые сыны»; «по дѣду хрупкому»; «презрѣвшій мечь булатный»; «миртами вѣнчать»; «чье сердце строгое» и т. псд.

Стих 52: Си послѣднія, живыя пѣснопѣнья...

Стихи 54 и сл.: Я грубой Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но зналъ несчастіе. Изгнанникъ самовольный
 Забытый дружесвомъ, собою недовольный,
 Страстями растерзанный, задумчивъ я бродилъ

Ст. 96: О лира, сохрани жь правдивое преданье!
 Посл. ст. Ни сердца гордаго, ни Музы непреклонной!

В текстѣ 1823 г. мелкие вар.: ст. 24—«Ты, съ юныхъ лѣтъ забывъ...»; 25—«Пріемы муть розами...» (так и изд. 1826 г., изменено изд. 1829 г.); 45—«И ввѣкъ мнѣ...»

23—30. Сатиры, эпиграммы, шутки, мелочи 1821 г.

23. ВСЕГДА ТАКЪ БУДЕТЬ...

Всегда такъ будетъ, какъ бывало;
 Таковъ издревле бѣлый свѣтъ;
 Ученыхъ много, — умныхъ мало,
 Знакомыхъ тма, — а друга нѣтъ!

Напеч. 1829 г. Рук. не сохранилось; когда написано, не выяснено, но по сходству с кишиневскими набросками относится к 1821 г. В изд. Анненкова вар.: «и бывало».

24—25. [САТИРА НА КИШИНЕВСКИХЪ ДАМЪ].

I.

Раззѣвавшись отъ обѣдни
 Къ Катакази ѣду въ домъ.
 Что за Греческія бредни,
 Что за Греческій содомъ!
 Подогнувъ подъ . . . . . ноги,
 За вареньемъ средь прохладъ,
 Какъ Египетскіе боги
 Дамы прѣютъ и молчатъ.

Признаюсь предъ всей Европой,
 Хромоногая кричитъ,
 Маврогеній толсто . . . . . ый,
 Душу, сердце мнѣ томить!
 Мужъ! вотще карманы грузно
 Ты набилъ въ семьѣ моей,
 И вотще ты пятишь грузно
 Маврогеній мнѣ милѣй.

*

Здравствуй, круглая сосѣдка,
Ты бранчива, ты скупа,
Ты неловкая кокетка,
Ты спесива, ты глупа.
Говорить съ тобой нѣтъ мочи,—
Все прощаю! Богъ съ тобой:
Ты съ утра до темной ночи
Рада въ банкъ играть со мной.

*

Ты наказана сегодня,
И тебя пронзилъ Амуръ,
О, чувствительная сводня,
О, краса Молдавскихъ дурь!
Смотришь: каждая дѣвица
Предъ тобою съ молодцомъ,
Ты жъ одна, моя вдовица,
Съ указательнымъ перстомъ.

*

Вотъ Еврейка съ Тадорашкой.
Пламя пышетъ въ подлецѣ,
Лапу держать подъ рубашкой,
Рыло на ея лицѣ.
Весь отъ ужаса хладѣю:
Ахъ, Еврейка, Богъ убьетъ!
Если вѣрять Моисею,
Скотоложница умретъ.

Ты умна, велерѣчива,
Кишиневская Жанлисъ,
Ты бѣла, жирна, шутлива,
Пучеокая Тарсисъ,—
Не хочу судить я строго,
Но къ тебѣ не льнетъ душа—
Такъ послушай, ради Бога,
Будь глупа, да хороша.

II. ТАДОРАШКА.

Тадорашка въ васъ влюбленъ,
И для вашихъ ножекъ,
Говорятъ, заводитъ онъ
Родъ какихъ-то дрожекъ.
Намъ приходитъ нелегко!
Какъ неосторожно!
Охъ, на дрожкахъ далеко
Вамъ уѣхать можно.

В сатире высмеяно кишиневское общество времен П—а. *К. А. Катакази*—губернатор; *Маврогеній*—богатый молдаванин; *круглая сосѣдка*—г-жа Богдан; *Еврейка*, может быть, — г-жа Эйхфельдт; *Тадорашка*—Ф. Е. Крупенский, брат вице-губернатора; *Кишиневская Жанлисъ* (франц. писательница)—Тарсис А. Катакази, сестра губернатора, дама лет 40, но образованная. Таким образом, резко высмеянные дамы составляли «высшій светъ» города. Ср. письма П—а из Кишинева, т. III. Написано размером молдаванскихъ песен «джока». Напеч. стрывки 1881 г.; полно Акад. изд. 1912 г.

26. ЭПИГРАММА.

Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядной,
Эмилій человекъ *пустой*.
Да ты чѣмъ *полонъ*, шутъ нарядной?
А, понимаю: самъ собой;
Ты *полонъ* дряни, милой мой!

П. включил эти стихи в изд. 1826 и 1829 г. (без указания года) и не мало работал над ними; известна другая ред. эпиграммы:

Ты правъ: хоть онъ поэтъ изрядной,
Людмилинь человекъ пустой.
— А ты, мѣй князь, мѣй шутъ нарядной,
Ты вѣчно *полонъ* самъ собой,
Ты *полонъ* глупости большой.

Очевидно, П. отвечал на упрек, обращенный к нему самому. Ср. еще эпиграмму 1820 г. «*Эмилій*» или «*Людмилинь*», повидимому,—сам П.; кто был «князь», не выяснено. Написано, м. б., позже—1822 г.

27—31. «Пакоствя».

«Вотъ тебѣ нѣсколько пакоствя», писал П. кн. П. А. Вяземскому из Кишинева в концѣ 1822 г., переписывая 5 следующихъ стихотв., см. письма т. III.

I. ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ.

Христосъ воскресъ, моя Ревекка!
Сегодня, слѣдуя душой,
Закону Бога-человѣка,
Погибшаго за мѣръ земной,
Съ тобой цалуюсь, Ангель мой.
А завтра къ вѣрѣ Моисея
За поцалуй я не робѣя
Готовъ, Еврейка, приступить —
И даже то тебѣ вручить,
Чѣмъ можно вѣрнаго Еврея
Отъ православныхъ отличить.
12 Апрѣля.

II. НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

НА КАЧЕНОВСКАГО.

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ.
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

III. ЭПИГРАММА.

Лѣчись — иль быть тебѣ Панглосомъ,
Ты жертва вредной красоты, —
И то то, братецъ, будешь съ носомъ,
Когда безъ носа будешь ты.

IV. ОСТАВЯ ЧЕСТЬ...

Оставя честь судьбѣ на произволъ,
N. N., — живая жертва Фурий,
Отъ малыхъ лѣтъ любила чуждый полъ.
И вдругъ бѣда! казнить ее Меркурій.
Разкаяться приходитъ ей пора,
Она лежитъ, глазъ пухнетъ по немногу,
Вдругъ лопнулъ онъ; что-жъ курва? — „Слава Богу!
Все къ лучшему: вотъ новая...”

V. ИНОЙ ИМѢЛЬ МОЮ АГЛАЮ...

Иной имѣль мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усь,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что былъ Французъ;
Клеонъ — умою ея страдая,
Дамисъ за то, что нѣжно пѣлъ...
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

В черн. авт. I, ст. 4-ый — зачеркнут; 8 — «И то во власть тебѣ вручить...» II. Первое загл. в авт. собр. Капниста. III. Ст. 1: «Повѣрь мнѣ, быть тебѣ...» V. В авт. Кап

ниста предложена замена: «мою Данаю». *Пангелоссъ*—герой в повести Вольтера, лишившийся по болезни носа. *Фурии* (эвмениды)—богини мщения. *Меркурий*, здесь,—ртуть, как лечебное средство. *Каченовскій*—журналист, см. раньше. *Аглая*—А. А. Давыдова, см. раньше 1821 г. и Вступ. оч. *Ревекка*—та же, кто «еврейка» см. раньше. *Клеонъ* и др. в V—условные имена. К кому обращены III и IV, не выяснено. Напеч. I—за границей 1861 г., II, III, V—1858 г., IV—1880 г. Беловой авт. I—V—в письме; в нашем изд. проверено по списку.

1822 ГОД.

1. ДРУЗЬЯМЪ.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЪСНЬ.

Кеку, Полторацкимъ и Горчакову.

Вчера былъ день разлуки шумной,	Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ,	Что жажду Скиѣскую поя,
При кликахъ юности безумной,	Бутылка полная вливалась
При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.	Въ ея широкіе края.
Такъ, Музы васъ благословили,	Я пилъ и думою сердечной
Вѣнками свѣше осѣня,	Во дни минувшіе леталъ,
Когда вы, други, отличили	И горе жизни скоротечной,
Почетной чашею меня.	И сны любви воспоминалъ.
Честолюбивой позолотой	Меня смѣшила ихъ измѣна:
Не ослѣпля нашихъ глазъ,	И скорбь исчезла предо мной,
Она не суетной работойъ,	Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Не рѣзбою плѣняла насъ;	Подъ закипѣвшею струей.

16 Февраля 1822.

Напеч. дважды 1824 г. и изд. 1826 и 1829 г. В тексте 1824 г. вар.: строфа 1—«При блескѣ чашъ»; 3—«взвасишь глазъ». Первое загл. в печати и беловом авт.; второе—в беловом авт.; третье (посвящение)—в черн. Написано по поводу прощального обеда при отъезде В. Т. Кека из Кишинева. Обед происходил у М. А. Полторацкого. В. П. Горчаков—лицейский товарищ П—а. П—у, действительно, поднесли «почетную чашу». Пьянство скифов, см. раньше, вошло у древних в поговорку. *Вакхъ* и др. см. Общ. прим. В черн. и беловом авт. мелкие вар., среди них:

Строфа 4: Что жажду пылкую (вѣчную) (юноши) поя...
 6: Скорбь исчезала предо мной,
 Какъ исчезала въ чашахъ пѣна
 Надъ закипѣвшею струей (волной)...

Помету читают также «15 Февраля».

2. ПРИЯТЕЛЮ.

Не притворяйся, милый другъ,	Я слишкомъ вѣтренъ и лѣнигъ.
Соперникъ мой широкоплечій:	Твоя красавица не дура;
Тебѣ не страшенъ лиры звукъ,	Я вижу все и не сержусь:
Ни элегическія рѣчи.	Она прелесная Лаура,
Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ,	Да я въ Петрарки не гожусь.

Напеч. изд. 1826 и 1829 г.; обращено, вероятно, к Н. С. Алексееву. В рук. вар. ст. 7: «Она, к несчастью, не дура». *Петрарка*—знаменитый итальянскій поэт XIV в., «воспевавшій» Лауру. Кто была «красавица», ухаживая за которой Алексеев опасался соперничества П—а, не выяснено.

3. УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой,
 Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
 Мой грустной товарищъ, махая крыломъ,
 Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.

Клюеть, и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветь меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: „Давай улѣтимъ!

„Мы вольныя птицы; пора, братъ; пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляетъ лишь вѣтеръ.... да я!...“

Напеч. изд. 1832 г. Высланный из Петрограда, поставленный под надзор полиции, П. по праву мог себя чувствовать узником. Текст по изд. 1832 г. В изд. 1880 г. ст. 2: «Вскормленный на волю...», со ссылкой на беловой авт., ныне утраченный. Но по смыслу правильнее «в неволе»: то был орел, выросший при тюрьме, также мечтавший о свободе, поэтому — *грустный* товарищ. В черн. рук. первоначальная ред.

И тихо, и грустно въ темницѣ глухой.

Плѣнень, обезкрылень, орелъ молодой,
Единый товарищъ въ изгнаньи моемъ,
Кровавую пищу клюеть подъ окномъ.

Клюеть и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
И вымолвить хочетъ мнѣ слово одно:

«Мой вѣрной [товарищъ, давай] улѣтимъ!»
Зоветь меня взоромъ и крикомъ своимъ.

«Давай, встрепенемся! Пора намъ, пора!
Острогъ намъ—не ближній, тюрьма—не сестра,
Мы—вольныя птицы, ты—братъ мой, а я—
Гдѣ соколъ летаетъ, тамъ наша семья.»

4. ПТИЧКА.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.

Я сталъ доступенъ утѣшенью;
Зачто на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать!

13 Мая 1822,

Напеч. «Литер. Листки» 1823 г. под загл. «На выпускъ птички» и с примеч. издателя (Ф. Булгарина): «Сіе относится къ тѣмъ благодѣтелямъ человечества, которые употребляютъ свои достатки на выкупъ изъ тюрьмы невинныхъ должниковъ». Текст по изд. 1826 и 1829 г.; в тексте 1823 г. мелкие вар.; в рук. вар.: «Могу я волю даровать!»

5. ЭЛЕГИЯ.

О Т Р Ы В О К Ъ.

Люблю вашъ сумракъ неизвѣст-
ной

И ваши тайныя цвѣты,
О вы, поэзіи прелестной
Благословенныя мечты!
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни легкою толпой,
Отъ береговъ холодной Леты,
Слетаются на брегъ земной
И невидимо навѣщаютъ
Мѣста, гдѣ было все милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Ихъ поджидаютъ въ Элизей,
Какъ ждетъ на пиръ семья родная

Своихъ замедлившихъ гостей...
Но, можетъ быть, мечты пустыя—
Быть можетъ, съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя,
И чуждъ мнѣ будетъ міръ зем-
ной;
Быть можетъ, тамъ, гдѣ все бли-
стаетъ
Нетлѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранитъ душа моя,
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я...

27 Мая 1822.

Напеч. 1826 г. и изд. 1829 г. Сохранилось два авт.: первый—черновой набросок, второй—уже обработанное стихотв., но более распространенное и несколько иное по мысли. См. эту 2-ую обработку в Отд. II под загл. «Ничтожествов». *Элизей (Элизій)*—мифическое местопребывание праведных по смерти; *Лета*—река забвения, текущая там. Редкое у П.—а раздумье в стихах о загробной жизни, обставленное античными образами. См. Общ. прим. и ср. черн. набр., 1823 г. Загл. первое—в печати. второе—в рук.

6. ПРИМѢТЫ.

ОТРЫВОКЪ.

Старайся наблюдать различныя примѣты,
 Пастухъ и земледѣль въ младенческія лѣты,
 Взглянувъ на небеса, на западную сѣнь,
 Умѣютъ ужъ предрѣчь и вѣтръ, и ясный день,
 И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
 И мразовъ ранній хладъ, опасной винограду.
 Такъ, если лебеди, на донѣ тихихъ водъ
 Плещаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
 Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
 Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
 Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
 Готовясь ужъ косить высокой злакъ долинъ,
 Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
 И погрузится вновь въ лѣнливую дремоту.

Напеч. изд. 1826 и 1829 г. под 1821 г., но в собственноручном П—а перечне стихотв. помечено 1822 г., что соответствует рук. Загл. первое—в печати, второе—в рук. В авт. мелкие вар.: ст. 2—«Пастухъ и рыбсловъ»; 5—«вешние дожди»; 6—«И поздны хладъ росы»; 7—«Знай, если лебеди у берега...»; 10—«юныхъ дѣвъ». В 1-м. ошибка ст. 3—«тѣньи вмести сѣнь», как в авт. Стихотв.—в духе А. Шенье и антологии, см. раньше.

7. БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБИИ

Сія пустынная страна
 Священна для души поэта:
 Она Державинимъ воспѣта
 И славой Рускою полна.
 Еще донинѣ тѣнь Назона
 Дунайскихъ ищетъ береговъ:

Она летитъ на сладкой зовѣ
 Питомцевъ Музъ и Аполлона
 И съ нею часто при лунѣ
 Брожу вдоль берега крутаго;
 Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
 Въ тебѣ Овидія живаго.

8. ЕМУ ЖЕ.

Я жду обѣщанной тетради:
 Что жъ медлишь, милой трубадуръ!
 Пришли ее мнѣ, Феба ради.
 И награди тебя Амуръ.

Напеч. оба—«Сѣв. Цв.» 1826 г. и изд. 1826 и 1829 г. *Е. А. Баратынскій* (1800—1844 г.)—один из лучших поэтов начала XIX в., высоко ценимый П—ым (см. его статью т. III). *Тетрадь*, вероятно,—со стихами Баратынского. *Овидій Назонъ* см. раньше. Державин воспел Бессарабию в оде на взятие Измаила. *Трубадуры*, в Средние века,—бродячие певцы-поэты. Др. об. раньше. В черн. авт. мелкие вар. «Питомцевъ гордыхъ Аполлона» и др.

9. Я. Н. ТОЛСТОМУ.

Горишь ли ты, лампада наша,
 Подруга бдѣній и пировъ?
 Кипишь ли ты, золотая чаша,
 Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
 Все тѣ же ль вы, друзья веселья,
 Друзья Киприды и стиховъ?
 Часы любви, часы похмелья
 По прсжнему ль летятъ на зовъ
 Свободы, лѣни и бездѣлья?

Въ изгнаньи скучномъ, каждый
 часъ
 Горя завистливымъ желаньемъ,
 Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
 Воображаю, вижу васъ.
 Вотъ онъ, приютъ гостепримной,
 Приютъ любви и вольныхъ Музъ,
 Гдѣ съ ними клятвою взаимной
 Скрѣпили вѣчный мы союзъ;

Гдѣ дружбы знали мы блаженство,   И разгорались наши споры
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ   Отъ искръ, и шутокъ, и вина.
Садилось милое равенство;   Я слышу, вѣрные поэты,
Гдѣ своенравный произволь   Вашъ очарованный языкъ..
Мѣнялъ бутылки, разговоры,   Налейте мнѣ вина кометы!
Разказы, пѣсни шалуна,   Желай мнѣ здравія, Калмыкъ.

Кишиневъ. 26 Сентября 1822.

Я. Н. Толстой—см. послание 1819 г. *Лампада*—о-во «Зеленая лампа». Калмыкъ—слуга в о-ве, «желающий здравія» провинившемуся пошлым словом. В черн. рук. вар.:

Я вижу васъ, друзья обжоры,
Примите брата—шалуна....
Услышу ль я, мои поэты,
Боговъ торжественный языкъ?..

После окончания стихотв. следовало еще (черн. набр.):

Разлуки долгой и тяжелой	Непостоянный обожатель!
Забыва хладная печаль;	Вы оба въ прежни времена
Ты здѣсь, Амфитрионъ веселой,	Любимой лестью баловали
Щастливцевъ доброй, умной вралы!	Пѣвца свободы и вина...
Благословите мой возвратъ.	Забывъ и лиру и покой,
Но гдѣ же онъ, твой милый братъ,	Бѣгу за милою мечтой,—
Недавній рекрутъ Гименея?	Гдѣ позабуду я любовь
Гдѣ ты, прелестной Адонисъ,	И сердца пыль неосторожный,
Жилецъ Палеоса и Киееры,	И брошу посохъ мой дорожный
Любимецъ вѣтренныхъ Ламсъ,	И равнодушенъ буду вновь
Щастливый баловень Венеры?	А вы, товарищи, малые,
Приди, щастливый царь кулисы,	Друзья, готовьте шумной пиръ,
Театра злой лѣтописатель,	Готовьте чаши круговыя,
Очаровательныхъ актрисъ	Вѣнки цвѣтовъ и гимны лиры!

В этих стихах П. обращается к Н. В. Всеволожскому и к Ф. Ф. Юрьеву, см. послания 1818 и 1819 г., повторяя стелные стихи из стих посланий. Три стиха внесены в «Евг. Онѣгина» (гл. I стр. XVII). *Амфитрионъ* (в мифах—тип гостеприимного хозяина, устроителя пиров)—Н. В. Всеволожский; «недавний рекрут Гименея» (т.-е. недавно женившийся)—его брат, А. В.; «Адонис» (т.-е. красавец)—Ф. Ф. Юрьев. *Вино кометы*—марка шампанского. *Ламсы* и др. см. раньше и Общ. прим. В это время «З. лампа» уже перестала собираться, и Толстой писал П.—у в ответ: «Ах, лампа погасла.— Не стало в ней масла!» Напеч. не полно 1857 г., полное—1870 г. Наш текст по авт.

10. АДЕЛИ.

въ альбомѣ малюткѣ.

Играй, Адель,	Твоя весна	Младья лѣта
Не знай печали.	Тиха, ясна:	Отдай любви,
Хариты, Лель	Для наслажденья	И въ шумѣ свѣта
Тебя вѣнчали	Ты рождена.	Люби, Адель,
И колыбель	Чась упоенья	Мою свирѣль.
Твою качали.	Лови, лови!	Ноябрь 1822. Каменка.

Напеч. «Полярная Звѣзда» 1824 г., под вторым загл., первое—в изд. 1826 и 1829 г. *Адель*—девочка, лет 12 в 1822 г., дочь А. А. Давыдовой, о которой см. раньше. *Лель* вьят из славянской мифологии (бог брака); *Хариты*—из др.-греческой. Адель кончила жизнь в монастыре, не осуществив, таким образом, светлых предсказаний поэта. В черн. авт. вар. ст. 9—12:

Для наслаждений,	Живую радость,
Для упоений	Минутой сладость
Ты рождена,	Лови, лови!

11. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ.

Угрюмой сторожъ Музъ, гонитель давній мой,
Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
Не бойся, не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной—
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У насъ писатели я знаю каковы;

Ихъ мыслей не тѣснить цензурная расправа,
 И чистая душа передъ тобою права.
 Впервыхъ, искренно я признаюсь тебѣ,
 Нерѣдко о твоей жалѣю я судьбѣ:
 Людской безсмыслицы присяжный толкователь,
 Хвостова, Буниной единственный читатель,
 Ты вѣчно разбирать обязанъ за грѣхи
 То прозу глупую, то глупые стихи.
 Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожить:
 Тотъ Англійской романъ съ Французскаго преложить,
 Тотъ оду сочинить, потѣя да крехтя,
 Иной трагедію напишетъ намъ шутя—
 До нихъ намъ дѣла нѣтъ, а ты читай, бѣсися.
 Зѣвай, сто разъ засни, а послѣ подпишися.
 Такъ—Цензоръ мученикъ! Порой захочеть онъ
 Умъ чтемъ освѣжить; Руссо, Вольтеръ, Бюфонъ,
 Державинъ, Карамзинъ манять его желанье—
 А долженъ посвятить бесплодное вниманье
 На бредни новыя какого-то враля,
 Которому досугъ пѣть рощи, да поля...
 Да связь утрата въ нихъ, ищи ее сначала,
 Или вымарывай изъ тощаго журнала
 Насмѣшки грубыя и площадную брань:
 Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань.

Но Цензоръ гражданинъ, и санъ его священный!
 Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
 Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;
 Но мнѣнья не тѣснить и разумъ терпитъ онъ.
 Блюститель тишины, приличія и нравовъ
 Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
 Закону преданный, отечество любя,
 Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
 Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
 Живой поэзіи развиваться не мѣшаетъ;
 Онъ другъ писателю, предъ знатію не трусливъ,
 Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
 А ты, глупецъ и трусь! что дѣлаешь ты съ нами!
 Гдѣ должно бѣ умствовать, ты хлопаешь глазами,
 Не понимая насъ, марашь и дерешь;
 Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
 Сатиру—пасквилемъ, поэзію—развратомъ,
 Гласъ правды—мятежемъ, Куницына—Маратомъ.
 Рѣшилъ,—а тамъ поди, хоть на тебя проси!
 Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
 Благодаря тебѣ, не видимъ книгъ доселѣ?
 И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
 То, славу Рускую и здравой умъ любя,
 Самъ государь велитъ печатать безъ тебя.
 Остались намъ стихи, поэмы, триолеты,
 Баллады, басенки, элегіи, куплеты,
 Досуговъ и любви невинныя мечты,
 Воображенія минутные цвѣты...
 О варваръ! кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
 Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
 Докучнымъ евноухомъ ты бродишь между Музъ:
 Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
 Ни слогъ пѣвца „Пировъ“, столь чистый, благородной—

Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
 На все кидаешь ты косою, невѣрный взглядъ.
 Подозрѣвая всѣхъ—во всемъ ты видишь ядъ.
 Оставь, пожалуй, трудъ нимало не похвальный:
 Парнасъ не монастырь и не гаремъ печальный,
 И, право, никогда искусный коноваль
 Излишней пылкости Пегаса не лишаль.
 Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ, чьи забавы—
 Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
 Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
 Тотъ не знавалъ тебя—мы знаемъ почему—
 И рукопись его, не погибая въ Летѣ,
 Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
 Барковъ шутивыхъ одъ къ тебѣ не посылалъ,
 Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ,
 И Пушкина стихи въ печати не бывали—
 Что нужды? Ихъ и такъ иные прочитали
 Но ты свое несешь—и въ нашъ премудрый вѣкъ
 Едва ли Шаликовъ не вредной человекъ.
 Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
 Скажи, читалъ ли ты „Наказъ“ Екатерины?
 Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
 Свой долгъ, свои права; пойдешь инымъ путемъ.
 Въ глазахъ монархини сатирикъ превосходной
 Невѣжество казнилъ въ комедіи народной,
 Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
 Кутейкинъ и Христось два равныя лица;
 Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры
 Ихъ горделивые разоблачалъ кумиры;
 Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ;
 Наперсникъ Душеньки двусмысленно шутилъ,
 Киприду иногда являлъ безъ покрывала—
 И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
 Ты что же хмуришься? Признайся, въ наши дни
 Съ тобой не такъ легко бь раздѣлялись они.
 Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зеркало—
 Дней Александровыхъ прекрасное начало:
 Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
 На поприщѣ ума нельзя намъ отступать..
 Старинной глупости мы праведно стыдимся,
 Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
 Когда никто не смѣлъ отечества назвать,
 И въ рабствѣ ползали и люди, и печать!
 Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло, губительное время,
 Когда невѣжества несла Россія бремя;
 Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
 Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ.
 Исправся жъ, будь умнѣй и примирился съ нами.
 „Все правда, скажешь ты, не стану спорить съ вами;
 Но можно ль цензору по совѣсти судить?
 Я долженъ то того, то этого щадить.
 Конечно, вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу,
 Читаю, да крещусь—мараю наудачу..
 На все есть мода, вкусъ. Бывало, напимъръ,
 У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
 А нынче и Миллотъ попался въ наши сѣти.
 Я бѣдный человекъ; къ тому жъ жена и дѣти...“—

Жена и дѣти, другъ, повѣрь—большое зло:
 Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
 Но дѣлать нечего! Такъ если невозможно
 Домой тебѣ скорѣй убраться осторожно,
 И службою своей ты нуженъ для царя,
 Хоть умнаго возьми себѣ секретаря.

Прежние изд. относили послание к 1824 г.; Акад. изд. доказало, что оно написано в 1822 г. Обращено к цензору *А. С. Бирукову*, который вместе с Красовским прямо свирепствовал в 20-х годах. В послании упоминается ряд имен, частью объясненных раньше. *Гр. Д. И. Хвостов* — известный бездарностью одосочинитель. *А. П. Бунина* (1784—1829 г.) — сочинительница стихов, получавшая за то пенсию. *А. П. Куницынъ* — профессор Лицея, заподсаренный в безбожии за свою книгу «Право естественное», 1818 г. *Пльвецъ «Пировъ»* — Е. А. Боратынский, см. раньше. *Кн. П. И. Шаликовъ* — издатель «Дамского Журнала», сентиментальный поэт. *Барковъ, Радищевъ*, — см. выше и дальше. *Пушкина стихи*, вероятно, — шуточная поэма «Опасный сосѣдъ» В. Л. Пушкина. *Наказъ* — см. выше. *Кутейкинъ* — герсй Фон-Визина. *Хемницеръ* — баснописец. *Наперсникъ «Душеньки»* — И. Ф. Богданович. *Дней Александровыхъ прекрасное начало* — либеральный цензурный устав 1804 г. *Руссо, Вольтеръ* — см. выше. *Аббат Миллотъ* — автор «Всеобщей истории» (XVIII в.), в переводе искаженной цензором. *Бюфонъ* — франц. ученый, автор увлекательных книг по естествознанию. *Иеремія Бентамъ* (1748—1832 г.) — знаменитый английский юрист-философ, основатель школы (учения) «радикалов», оказавший сильное влияние на франц. энциклопедистов и через них на великую революцию; пользовался огромным значением во Франции, Польше, южной Америке, лично был в России; сочинения Бентама были изданы в России «по высочайшему повелению» (1805—1811 г.), но в 20-х годах их признали «опасными». *Маратъ* см. раньше; *Державинъ* и др. тоже; *Лета* и др. см. Общ. прим. *Триолетъ* — особая форма стихотворений. Посл. стих — намек на известную басню. Послание — крайне умеренно, но тем оно сильнее: в конце царствования Александра I реакция дошла до пределов; что прежде даже поощрялось (Бентам), подверглось гонению; доступное еще Державину, Богдановичу (автор. «Душеньки»). Хемницеру, — стало запретным, и т. под. Вообще все послание — горькая и ужасная правда. В черн. авт. (отрывок) мелкие вар., среди них:

Сегодня разрѣши свободу имъ тисненья,
 Что завтра выйдетъ въ свѣтъ? — Баркова сочиненья.

Полностью в рук. не сохранилось. Напеч. не полно 1857 г.; полно за границую — 1858 г., в России — 1880 г.

12. КЪ Ѡ. Н. ГЛИНКѢ.

[ИЗЪ ПИСЬМА.]

Когда средь оргій жизни шумной	Пускай судьба опредѣлила
Меня постигнулъ остракизмъ,	Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Увидѣлъ я толпы безумной	Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Презрѣнный, робкій эгоизмъ;	Какъ измѣнила мнѣ любовь. —
Безъ слезъ оставилъ я съ досадою	Въ моемъ изгнаньи позабуду
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,	Несправедливость ихъ обидъ:
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой	Онѣ ничтожны, если буду
Великодушный Гражданинъ!	Тобой оправданъ, Аристидъ!

Сообщено в письме к брату. В рук., м. б., позднейший текст, без первых 4 стихов и с вар.:

Давно оставилъ я съ досадою	Какъ измѣнила мнѣ любовь,
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,	Пускай судьба опредѣлила
Гдѣ голосъ твой мнѣ былъ отрадой	Гоненья грозныя мнѣ вновь, —
Великодушный Гражданинъ.	Какъ хладный Клиник, я забуду
Пускай мнѣ слава измѣнила,	Несправедливость... и т. д.

Написано, как ответ, на стихотворное послание Глинки, напечатанное вскоре по высылке П — а на юг. *Ѡ. Н. Глинка*, подробнее см. дальше. П. подсмеивался над ним, как поэтом и мистиком, но уважал его, как человека. *Аристидъ* (V в. до Р. Х.) был изгнан из Афин тайным голосованием, называвшимся *остракизмъ*. *Киникъ* (циник) см. Общ. прим. Аристид считался «справедливѣйшимъ» из греков и был изгнан из эвисты. П. сравнивает отношение к себе современников с поведением афинян V века. Напеч. отрывок 1855; полно — 1856 г.

13—16. Надписи, эпиграммы, мелочи 1822 г.

I. СОВѢТЪ.

У Клариссы денегъ мало,
Ты богатъ; иди къ вѣнцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебѣ къ лицу.

Январь.

Напеч. изд. 1826 и 1829 г. К кому обращено, не выяснено.

II. КЪ ПОРТРЕТУ ВЯЗЕМСКАГО.

Судьба свои дары явить желала въ нёмъ,
Въ щастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой.

Напеч. 1824 г. *Вяземскій* см. раньше; его портрет был издан в 1822 г. Отношения П—а к Вяземскому, подробнее см. письма, т. III.

III. МАДРИГАЛЬ.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати;
Съ щастіемъ у васъ разладъ;
И прекрасны вы не кстати,
И умны вы не впопадъ.

Напеч. «Уранія» 1826 г. К кому обращено, не выяснено. *Мадригаль* — льстивое приветствие в стихах; здесь—в насмешку.

IV. РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

Куда ты холоденъ и сухъ!
Какъ слогъ твой чопоренъ и блѣденъ!
Какъ въ изобрѣтеняхъ ты бѣденъ!
Какъ утомляешь ты мой слухъ!
Твоя пастушка, твой пастухъ
Должны ходить въ овчинной шубѣ:
Ты ихъ морозишь на-легкѣ!
Гдѣ ты нашель ихъ? въ Шустерь-клубѣ
Или на Красномъ-кабачкѣ?

Напеч. 1828 г.; направлено против В. И. Панаева (1792—1859 г.), поместившего ряд «идиллий» в «Сынъ Отеч.» и «Благонамѣренномъ». *Шустерь-клубъ* и *Красный кабачекъ*—увеселительные места Петрограда того времени. *Геснеръ*—немецкий поэт-идиллик. Приторные идиллии Панаева оскорбляли в П—е чувство реализма.

1823 ГОД (НАЧАЛО).

1. ГРЕЧАНКЪ.

Ты рождена воспламенять
Воображеніе поэтовъ,
Его тревожить и плѣнять
Любезной живостью привѣтовъ,

Восточной странностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги томной,

Для упоенія страстей
 Скажи когда пѣвецъ Лейлы *
 Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
 Свой неизмѣнный идеалъ,
 Ужъ не тебя ль изображалъ
 Поэтъ мучительный и милый?
 Быть можетъ, въ дальной сторонѣ,
 Подъ небомъ Греціи священной,
 Тебя страдалецъ вдохновенной
 Узналъ, иль видѣлъ какъ во снѣ,
 И скрылся образъ незабвенной
 Въ его сердечной глубинѣ.

Быть можетъ, лирою щастливой
 Тебя волшебникъ искушалъ;
 Невольный трепетъ возникалъ
 Въ твоей груди самолюбивой:
 И ты, склоняся къ его плечу...
 Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты рев-
 нивой

Питать я пламя не хочу:
 Мнѣ долго щастье чуждо было,
 Мнѣ ново наслаждаться имъ,
 И, тайной грустію томимъ,
 Боюсь: невѣрно все, что мило.

1823. 11/1v ч.

Напеч. 1823 г. Обращено к красивой гречанке, Калипсо Полихроня, бывшей будто бы всзлюбленнѣй Байрона. В списке, собр. Онегина, рукою не П—а подпись: «А. Пушкинъ» и дата: «1823 11/1v ч.»; что она означает, не выяснено. Ср. стихи в Отделе II, обращенные к той же Калипсо. Байрон (см. раньше и дальше) кончил жизнь в Греции; *Лейла*—одна из его героинь

Б. Стихотворения, принадлежность которых Пушкину строго не доказана или сомнительна (*dubia*), 1821—1823 гг.

1. НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

кн. А. Н. ГОЛИЦЫНУ.

Отраднымъ ангеломъ ты съ неба къ намъ явился,
 И радость райскую принесть съ собою къ намъ;
 Но, житель горнихъ мѣстъ, ты міромъ не прельстился,
 И снова отлетѣлъ въ отчизну къ небесамъ.

Сообщено кн. Н. Н. Голицыным (братом А. Н.). В рук. П—а нетъ следъ этой надписи. Кн. А. Н. Голицын умер (младенцем) не то 18 мая, не то 24 июля 1823 г. Напеч. 1858 г.

2. Г-ЖѢ ЭЙХФЕЛЬДТЪ.

Ни блескъ ума, ни стройность платья	Лишили вы меня покоя, Но вы не любите меня;
Не могутъ васъ обворожить;	Одна моя надежда—Зоя;
Одни двоюродные братья	Женюсь и буду вамъ родня...
Узнали тайну васъ плѣнить.	

Сообщено В. П. Горчаковым. В рук. П—а нетъ следъ этихъ стихов. *Г-жа Эйхфельдтъ*—одна из кишиневскихъ дам, всзлюбленная Н. С. Алексеева. Кто была *Зоя*, не выяснено. Напеч. 1850 г.

3. В. П. ГОРЧАКОВУ.

Зима мнѣ рыхлою стѣною Къ воротамъ заградила путь; Пока тропинки предъ собою Не протопчу я какъ-нибудь,	Сижу я дома, какъ бездѣльникъ Но ты, душа души моей, Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ, Что скажетъ нашъ Варроломей... Кишиневъ. Январь 1823.
--	---

Сообщено В. П. Горчаковым. В рук. П—а не сохранилось. *Варроломей*—молдавский боярин. Напеч. 1858 г.

* См. поэму лорда Байрона «Гяуръ», а не «Джауръ», какъ пишутъ нѣкоторые (Примеч. П—а в рук.)

4. ДЕСЯТАЯ ЗАПОВѢДЬ.

Добра чужаго не желать
 Ты, Боже, мнѣ повелѣваешь;
 Но мѣру силъ моихъ ты знаешь—
 Мнѣ ль нѣжнымъ чувствомъ упра-
 влять?

Обидѣть друга не желаю
 И не хочу его села
 Не нужно мнѣ его вола:
 На все спокойно я взираю.
 Ни домъ его, ни скотъ, ни рабъ—
 Не лестна мнѣ вся благостыня...
 Но ежели его рабыня
 Прелестна... Господи, я слабъ!

Но ежели его подруга
 Мила, какъ ангель во-плоти...
 О Боже праведный, прости
 Мнѣ зависть ко блаженству друга!...
 Кто сердцемъ могъ повелѣвать,
 Кто рабъ усилій безполезныхъ?
 Какъ можно не любить прелестныхъ?
 Какъ райскихъ благъ не пожелать?
 Смотрю, томлюся и вздыхаю,
 Но строгій долгъ умѣю чтить:
 Страшусь желаньямъ сердца льстить,
 Молчу... но втайнѣ я страдаю.

Во многих старинных списках приписывается П—у; напеч. за границей 1861 г. В рук. П—а нет следа этих стихов. Их склад заставляет сомневаться в авторстве П—а, особенно 20-х годов но по содержанию они близки к «Гавриладѣ» и др.

5—6. Отрывочные строки.

I.

Дай, Никита, мнѣ одѣться,
 Въ митрополиі звонять...

II.

Скучной ролью Телемака
 Я наскучилъ, о друзья.
 О Москва, Москва—Итака,
 Скоро ли тебя увижу я!

I—сообщает П. С. Липранди; *Никита* — слуга П—а в Кришчевѣ; II—сообщает Ф. Ф. Вигель; Телемак, задержанный нимфой Калипсо, мечтал вернуться на родину, на остров Итаку; близость П—а к гречанке, носившей то же имя (Калипсо Поп. хрѣсти, см. выше), подала ему, вероятно, мысль о сравнении себя с Телемаком. Текст вряд ли сообщен правильно.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ФРАНЦУЗСКИЕ СТИХИ ПУШКИНА. 1821—1822 Г.

1.

A son amant Eglé sans resistance
 Avait cédé,—mais lui pâle et perclus
 Se deménait enfin, n'en pouvant plus,
 Tout essoufflé tira... sa révérence.—
 „Parlez, Monsieur; pourquoi donc mon aspect
 Vous glace-t-il? M'en direz-vous la cause?
 Est-ce degout?“—Mon Dieu, c'est autre chose,—
 „Excès d'amour?“—Non, excès de respect.

Перевод:

На просьбы страстный любовника, Аглая
 Сдалася, наконецъ,—но, блѣдень и смущень,
 Заволновался тѣтъ, какъ поступить не зная,
 И показать спѣшить... почт тельный поклонъ.
 «Но, сударь, это что жъ? Ужели приближенъе
 Ко мнѣ васъ леденить? Но дайте же отгадъ:
 То стращанье ли?»—Ахъ, Боже мой! о, нѣтъ!...
 «Любовь чрезмѣрная?»—Чрезмѣрное почтенъе!

2.

J'ai possédé maîtresses honnêtes;
 Je les servais comme il le faut,
 Mais je n'ai point tourné de têtes:
 Je n'ai jamais visé si haut.

Перевод:

Любовницъ честныхъ я имѣлъ,
 Служилъ имъ съ ревностью глубокой,
 Но имъ головъ я не вертѣлъ:
 Нѣтъ, я не мѣтилъ такъ *высоко!*

Оба стихотв. написаны с поправками и вариантами, так что, вероятно, *сочинены* П—ым, а не только *записаны* им, хотя бы по памяти. I—метит в кого-нибудь из соперников П—а в любви, в Кишиневе, о чем. см. Вступ. оч. II—игра слов. Напеч. 1907 и 1912 г.

Отдел II. А. Незаконченные и необработанные стихотворения
 Кишиневского периода.

1821 ГОД.

1. ОТРЫВОКЪ ИЗ ЭЛЕГИИ.

[ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ СТИХОТВ. „ГРОБЪ ЮНОШИ“].

Увы, навѣки скрылся онъ,
 Любви, забавъ питомецъ нѣжной.
 Вокругъ него глубокой сонъ
 И сѣнь могилы безмятежной.
 Любилъ онъ игры юныхъ дѣвъ,
 Когда весной, въ тѣни деревъ,
 Онъ кружились на свободѣ;
 Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
 Не слышенъ ужъ его припѣвъ.
 Давно ли старцы любовались
 Его веселостью живой,
 Полупечально улыбались
 И говорили межъ собой:
 „И мы любили хороводы,
 И наши искрились умы;
 Но погоди, приспѣють годы,
 И будешь то, чѣмъ нынѣ мы—
 И также міра гость игривый,
 Изчезнетъ твой забытый слѣдъ,
 Теперь играй“... Но старцы живы,
 А онъ увялъ во цвѣтѣхъ лѣтъ.
 И безъ него друзья пируютъ,
 Ужъ многихъ полюбить успѣвъ,
 И друга рѣдко именуютъ
 Въ бесѣдѣ черноокихъ дѣвъ.
 Изъ вѣтреницъ, которыхъ очи
 Онъ прежде втайнѣ привлекалъ,
 Которымъ онъ во мракѣ ночи
 Младья бдѣнья посвящалъ,
 Изъ милыхъ женъ, его манившихъ,
 Одна, быть можетъ, слезы льетъ

И въ память радостей почившихъ
 Привычной думою зоветъ
 Не воззоветъ!.. Его гробница
 Уединенна и темна;
 Надъ нею спитъ ночная птица,
 Вблизи ея журчитъ волна.
 Къ чему?—Надъ ясными водами,
 Гробницы, въ роцѣ вѣковой,
 Съ ихъ суевѣрными крестами
 Таятся тихою семьей.
 За ними, на краю дороги,
 Одна могила,—тамъ навѣкъ
 Почили радости, тревоги
 И все, чѣмъ дышетъ человѣкъ...
 Въ тѣни березъ одна стоитъ...
 Нашъ бѣдный юноша сокрытъ.
 Ласкается ли лучъ денницы,
 Луна ли ходитъ средь небесъ,
 И вокругъ безчувственной гробницы
 Волна журчитъ и шепчетъ лѣсъ,—
 Не выдетъ онъ взглянуть на горы,
 Осеребренная луной,
 Не улыбнется онъ, и взоры
 Не встрѣтятъ утра надъ рѣкой.
 Напрасно сельская дѣвица
 Съ корзиной въ ближній лѣсъ
 Идетъ
 И отдыхаетъ у гробницы...
 . . . . .
 Одной рукой приподнимаетъ
 Одежду,—и въ прохладу водъ

Тихонько ногу опускаетъ,
И съ берега идя, поетъ.
Напрасно рощу оглашаетъ
Охотника веселой рогъ

И стая гончихъ пробѣгаетъ.
Напрасно . . . . .
Трубитъ охотникъ молодой,
Надъ облаками скачутъ лани...

В рук. многочисленныя вар., частью не вошедшие в окончательный текст. См. примеч. к стихотв. «Гробъ юноши». Ряд намеченных картин остался без развития. Полностью печатается в нашем изд. *первые*.

2. КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦѢ.

Подруга думы праздною,
Чернильница моя!
Мой вѣкъ разнообразной
Тобой украсилъ я.—
Какъ часто другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условной часъ похмѣлья
И праздничный бокалъ!
Подъ сѣнью хаты скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой.
Въ минуты вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ,
И Музу призывалъ
На пиръ воображенья.
Прозрачный, легкой дымъ
Носился надъ тобою,
И съ трепетомъ живымъ
Въ немъ быстрою чередою

. . . . .
Сокровища мои
На днѣ твоемъ таятся,
Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга.
И съ Лѣнью примирилъ:
Она твоя подруга!
Съ тобою успѣхъ узналъ
Отшельникъ неизвѣстной...
Завѣтный твой кристалъ
Хранить огонь небесной;
И подъ-вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродить,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,
То правды слогъ суровой,
То странность риѣмы новой,
Неслыханной дотоль.
Любовница свободы,
Ты съ нею заодно
Прославила вино
И прелести природы;

Ты смѣху обрела
Пустыхъ любимцевъ моды
И рѣчи и дѣла.
Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
Я весело клеймилъ
Зоила и Невѣжду
Пятномъ твоихъ чернилъ...
Но ихъ не разводилъ
Ни тайной злости пѣной,
Ни ядомъ клеветы,
И сердца простоты
Ни лестью, ни измѣной
Не замарала ты.
Но здѣсь, на лонѣ лѣни,
Я слышу нѣжны пени
Заботливыхъ друзей...
Ужели ихъ забуду,
Друзей души моей,
И имъ невѣренъ буду?
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи,
И дактиль, и хорей,
Для прозы почтовой.
Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты,
Уныніе разлуки,
Всегдашнія мечты,
Мои надежды, чувства
Безъ лести, безъ искусства
Бумагѣ передай...
Болтливостью небрежной
И вѣтреной, и нѣжной
Ихъ сердце утѣшай...

Безпечной сынъ природы,
Пока златые годы
Въ забвеньи трачу я,
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя!
Когда же берегъ Ада
Навѣкъ меня возьметъ,
Когда со мной заснетъ
Перо, моя отрада,
И ты, въ угл. пustomъ
Осиротѣвъ, остынешь
И навсегда покинешь
Поэта тихой домъ—

Тебя возьметъ, унылой,
 Чадаевъ, другъ мой милой;
 Послѣдній будь привѣтъ
 Любимцу праздныхъ лѣтъ.
 Изсохшая, пустая,
 Межъ двухъ его картинъ

Останься, вѣкъ нѣмая,
 Укрась его каминъ.
 Взыскательнаго свѣта
 Очей не привлекай,
 Но вѣрнаго поэта
 Дружьемъ напоминай.

Кишиневъ. 11 Апрѣля 1821.

Черновая рук., из которой вырван лист, почему не дстаетъ больше 30 ст. Вар.— незначительны. Со слов: «Любовница свободы»—7 стиховъ зачеркнуто. *Дактили и хорей*— стихотворные размеры. *Занятія досуга, Лѣнь*—условность. *Музы, Адъ* и др. см. Общ. прим.: *Зоиль, Чадаевъ* и др. см. раньше. Стихотв. ценно, какъ самохарактеристика. Напеч. Посм. изд.

3. [МУЗА].

Наперсница волшебной старины,
 Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ—
 Тебя я зналъ во дни моей весны,
 Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
 Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
 Являлась ты веселою старушкой,
 И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
 Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой
 Ты, дѣтскую качая колыбель,
 Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
 И межъ пеленъ оставила свирѣль,
 Которую сама заворожила!
 Младенчество прошло, какъ легкій сонъ;
 Ты отрока безпечнаго любила—
 Средь важныхъ Музъ тебя лишь помнилъ онъ,
 И ты его тихонько посѣтила.
 Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
 Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
 Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
 Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!
 Покровъ, клубясь волною непослушной,
 Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушной;
 Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ,
 Прелестницы глава благоухала;
 Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
 Румянилась и тихо трепетала! . . . . .

Загл. д-но Анненковымъ, впервые напечатаннымъ стихотв. 1855 г. В рук. незначительные вар. См. примеч. к стихотв. «Муза» 1821 г. Образ *старушки*—няня П—а или его бабушка, см. Вступ. оч. Датировка—приближительна.

4. В. Л. ДАВЫДОВУ.

Межъ тѣмъ, какъ Генераль	И съ горя на берегахъ Дуная
Орловъ,	Бушуетъ нашъ безрукой князь—
Обритый рекрутъ Гименея,	Тебя, Раевскихъ и Орлова
Священной страстью пламенѣя,	И память Каменки любя,
Подъ мѣру подойти готовъ;	Хочу сказать тебѣ два слова
Межъ тѣмъ, какъ ты, проказникъ	Про Кишиневъ и про себя...
умной,	На этихъ дняхъ, тиранъ собора,
Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной,	Митрополитъ, сѣдой обжора,
И за бутылками Аи	Передъ обѣдомъ невзначай
Сидятъ Раевскіе мои;	Велѣлъ жить долго всей Россіи
Когда вездѣ весна младая	И съ . . . . . [Маріи]
Съ улыбкой распустила грязь,	Пошелъ христосоваться въ рай...

Я сталь умень и лицемърю:
 Поцусь, молюсь и твердо вѣрю,
 Что Богъ проститъ мои грѣхи,
 Какъ государь мой стихи.
 Говѣтъ Инзовъ, и намѣдни
 Я промѣнялъ Вольтера бредни
 И лиру, грѣшный даръ судьбы,
 На часословъ и на обѣдни,
 Да на сушеные грибы.
 Однакожь гордый мой разсудокъ
 Меня порядочно бранитъ,
 А мой ненабожный желудокъ
 [Причастья] вовсе не варить...
 . . . . .
 Еще когда бѣ Эвхаристія
 Была хотъ, напримѣръ, лафитъ
 Иль кло д'вужо, тогда ни слова,
 А то—подумать, такъ смѣшно,
 Съ водой молдавское вино...
 . . . . .
 Но я молюсь и воздыхаю,

Крѣщусь, не внемлю Сатанѣ,
 А все невольно вспоминаю,
 Давыдовъ, о твоёмъ винѣ—
 Вотъ Эвхаристія другая,
 Когда и ты и милой братъ,
 Передъ каминомъ надѣвая
 Демократической халатъ—
 Спасенья чашу наполняли
 Безпенной, мерзлою струей
 И за здоровье *тѣхъ* и *той*
 До дна, до капли выпивали...
 Но *тѣ* въ Неаполѣ шалать,
 А *та* едва ли тамъ воскреснетъ:
 Народы тишины хотятъ,
 И долго ихъ яремъ не треснетъ.
 Ужель надежды лучъ исчезъ?
 Но нѣтъ!—мы щастьемъ насла-
 димся,
 Кровавой чаши причастимся—
 И я скажу: Христосъ Воскресъ!
 [Кишиневъ. Начало апрѣля 1821 г.]

В черн. рук. несколько строк так змазано чернилами, что их нельзя прочесть. *Генераль М. О. Орловъ* был тогда женихом Е. Н. Раевской («рекрутъ Гименей», — бога браков). *Раевскіе*—братья Александр и Николай. *Проказникъ умной* — В. Л. Давыдов; его брат — *А. Л. Давыдовъ*; у Давыдовых, в имении Каменка, гостил П. (см. Вступ. оч. и выше—послания). *Безрукой князь*—кн. Александр Ипсиланти, вождь греческого восстания. Кишиневский *митрополитъ* Г. Бануческо, ум. в марте 1821 г. *Инзовъ*—начальник П—а по службе в Кишиневе, Обо всех этих лицах см. Вступ. оч. и раньше примеч. к посланиям. *Аи*—шампанское; *лафитъ*, *кло-де-вужо*—красные вина. *Вольтера бредни* см. раньше. В последних ст. речь идет о революционных движениях в Испании и Неаполе (в Италии—«карбонариев»). В Каменке, в обществе Давыдовых и их родственников Раевских, П. провозглашал за столом тосты за *ту*, т. е. за *свободу*, и за *тех*, т. е. за неаполитанских карбонариев. В Кишиневе, вынужденный (как чиновник) говеть, П. с грустью вспоминает эти тосты: революционное движение в Испании («та») было подавлено, в Неаполе («те»)—не имело успеха; греческое восстание шло еще неудачно (кн. Ипсиланти «бушуетъ съ горя»). С этим связано в послании поворная смерть митрополита (объевшегося) и насмѣшки над причастием (евхаристией). Но П. еще не отказывается от надежды причаститься иной, «кровавой» чаши, т. е. торжествующей революции. Писалось, конечно, не для печати. В рук. мелкие вар. Напеч. отрывки 1874 г.; полнее—1902, 1903, 1912 г. Наш текст—го авт. с дополнениями по спискам.

5. СѢТОВАНИЕ.

[Д. В. Давыдову.]

Недавно я—въ часы свободы,
Уставъ Наѣздника читалъ,
 И даже ясно понималъ
 Его искусные довѣды;
 Узналъ я рѣзкія черты
 Неподражаемаго слога,—
 Но перевертывалъ листы,
 И—признаюсь—ропталъ на Бога.
 И думалъ: вѣтранный пѣвецъ!
 Перебѣсилась наконецъ
 Твоя проказливая лира—
 И сердцемъ охладѣвъ навѣкъ,
 Ты видно сталь, въ угоду міра,
 Благоразумной человекъ!

О, горе! молвилъ я сквозь слезы,
 Кто далъ Давыдову совѣтъ
 Оставить лавръ, оставить розы?
 Какъ могъ унизиться до прозы
 Вѣнчанный Музою поэтъ,
 Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ,
 И Бурцова души угрозы!
 И вдругъ разтрепанную тѣнь
 Я вижу прямо предъ собою.
 Пьяна,—какъ въ самой смерти день,
 Столбомъ усы, виски горою,
 Жестокой ментикъ за спиною
 И киверъ звѣрски на бекрень,

Д. В. Давыдовъ—известный поэт-партизан (по Пушкину: «наѣздникъ»). *Уставъ Наѣздника*—его соч.: «О: ыть теоріи партизанскаго дѣйствія» (М. 1921). *А. В. Бурцевъ*

(ум. в 1813 г.) — однополчанин Дениса Давыдова. Разудалые стихи Д. Давыдова пользовались успехом: некоторые выражения из них заимствованы П—ым («кивергъ звѣрски на бокренъ» и др.) Пьянство Бурцева было поговоркой. В черн. рук. мелкие вар., среди них:

Онъ нынѣ сталъ въ угоду міра
Благоразумный человекъ,
А Муза, присмирѣвъ на вѣкъ,
Пошла въ отставку безъ мундира.

Напеч. отрывок Посм., полно—Акад. изд. 1912 г., по собр. Ак. Н. Загл. в Посм. изд.

1822 ГОД.

6. [НИЧТОЖЕСТВО.]

(Первоначальная обработка стихотв.: „Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной...“)

Ты, сердцу непонятный мракъ,
Приюти отчаянья слѣпова,
Ничтожество, пустой призракъ,
Не жажду твоего покрова!
Мечтанья жизни разлюбя,
Щастливыхъ дней не знавъ отъ
вѣка,

Я все не вѣрую въ тебя;
Ты чуждо мысли человекъ,
Тебя страшится гордый умъ.
Такъ путникъ, съ вышины внимая
Ручьевъ Альпійскихъ вѣчный шумъ
И взоры въ бездну погружая,
Невольнымъ ужасомъ томимъ,
Дрожить, колеблется; предъ нимъ
Предметы движутся, темнѣютъ,
Въ немъ чувства хладныя нѣ-
мѣютъ.

Кругомъ оплота ищетъ онъ;
Все мчится, меркнетъ, исчезаетъ...
И хладный обморока сонъ
На край горы его бросаетъ...
Но улетѣвъ въ міры иные,
Ужели съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя
И чуждъ мнѣ станеть міръ зем-
ной?

Ужели тамъ, гдѣ все блистаетъ

Нетлѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранить душа моя:
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я...
Любви! Но что же за могилой
Переживетъ еще меня?
Во мнѣ безсмертна память милой;
Что безъ нея душа моя?
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни тайною толпой,
Отъ береговъ печальной Леты,
Слетаются на брегъ земной.
Онѣ уныло навѣщаютъ
Мѣста, гдѣ жизнь была милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Въ Элизій поджидаютъ ихъ,
Какъ ждетъ на пиръ семья род-
ная
Замедлившихъ гостей своихъ.
Мечты поэзіи прелестной
Благословенныя мечты!
Люблю вашъ сумракъ неизвѣ-
стной

И ваши тайные цвѣты!

См. стихотв. 1822 г. «Отрывокъ». *Ничтожество* на языке начала XIX в. значило *небытие*. П. в этих стихах отрицает исчезновение личности по смерти. Заглавие по списку. В этой первоначальной ред. стихотв. полнее выражает мысль П—а; красивое сравнение с путником в альпийских горах позднее откинута. Сохранилось два авт., черн. и переписанный с поправками, где много вар., среди них:

Конечно, духъ безсмертенъ мой...
Мой духъ къ Юрзуфу прилетитъ...
За чемъ же вѣрить вамъ, поэты?..

Юрзуфъ — в Крыму, см. раньше. Напеч. 1903 и 1912 г.; связано в нашем изд. впервые.

7. [ИЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРІЯТЕЛЮ.]

Сегодня я поутру дома	Ханжи, поэта, балагура,—
И жду тебя, любезной мой.	Тардифъ, который Коленкура
Приди ко мнѣ на рюмку рома,	И откормилъ и обокралъ,—
Приди—тряхнемъ мы стариной!	Тардифъ, полиціей гонимый
Нашъ другъ Тардифъ, любимецъ Кома,	За неуплатные долги,
Поварни полный генераль,	Тардифъ, умомъ неистощимый
Достойный дружбы и похвалъ	На <i>entre-mets</i> . на пироги...

Черн. рук. почти без помарок. *Тардифъ* — б. петроградский ресторатор, скрывавшийся от долгов в Кишиневе и служивший там у Вигеля. *Коленкура* — франц. посол в Петрограде. *Комъ* — бог пиров. *Entre-mets* (антреме)—кушанья. Напеч. 1857 г.

8. Н. С. АЛЕКСѢВУ.

Мой другъ, уже три дня	Побить немножко мною
Сижу я подъ арестомъ	И что бояръ пугнулъ
И не видался я	Я новою тревогой,
Давно съ моимъ Орестомъ:	Къ моей каморкѣ строгой
Спаситель Молдаванъ,	Проставилъ карауль...
Бахметьева намѣстникъ,	. . . . .
Законовъ провозвѣстникъ;	. . . . . пустую
Смиранный Іоаннъ,	А именно—рисую
Забывъ мой свѣтлый санъ	Небрежныя черты,
(Я Музь и Феба крестникъ)	Пишу карикатуры,
За то, что Яской панъ,	Знакомыхъ столько лицъ,
Извѣстный намъ болванъ	Восточныя фигуры
Мазуркою, чалмою,	Куконовъ, куконицъ,
Несносной бородою,	И ихъ мужей рогатыхъ,
И трусь, и грубіанъ,	Обритыхъ и брадатыхъ!

П. называет «своим Орестомъ» (т. е. верным другом) Н. С. Алексеева, с которым жил в одном доме. *Іоаннъ* — генерал Ив. Ник. Инзов, под наблюдением которого находился в Кишиневе П. *Яской панъ* — молдавский боярин Теод. Балш, которому П. дал пощечину. *Куконъ*, по-молдавски, — боярин; старшего ранга куконы носили бороду, низшего должны были бриться. В рук. недостает угла, отчего пропуск нескольких стихов. Вар. незначительны (напр.: «Подлецъ и грубіанъ»), но после пропуска исправлено:

Невинною игрою:
А именно—мараю...

что не дает рифмы; стих 3-й с конца исправлен: «Е...выхъ куконицъ...» Подробности см. письма, т. III. Напеч. 1884 г.

1821—1823 ГОД.

9—12. НАБРОСКИ ЭЛЕГИЙ.

I.

1. Ты правъ, мой другъ, напрасно я презрѣлъ
Дары природы благосклонной.
Я зналъ досугъ, безпечныхъ Музь удѣлъ
И наслажденье жизни сонной.

---

2. Я дружбу зналъ,—и жизни молодой
Ей отдалъ вѣтренные годы,
И вѣрилъ ей за чашей круговой
Въ часы веселья и свободы.

---

3. Я зналъ любовь,—не страстную мечту,
Не безнадежнымъ заблужденьемъ:
Я зналъ ума и сердца красоту,
Очарованьемъ, упоеньемъ...
-
4. Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
Я зналъ и трудъ и вдохновенье,
И сладостно мнѣ было—жаркихъ думъ
Уединенное волненье.
-
5. Но все прошло. Остыла въ сердцѣ кровь.
Въ ихъ наготѣ теперь я вижу
И свѣтъ, и жизнь, и дружбу, и любовь,
И мрачный опытъ ненавижу.
-
6. Свою печать утратилъ рѣзвый нравъ,
Душа часъ-отъ-часу нѣмѣетъ
Въ ней чувствъ ужъ нѣтъ. Такъ легкой листь дубравъ
Въ ключахъ Кавказскихъ каменѣтъ.
-
7. Разоблачивъ плѣнительный кумиръ,
Я вижу призракъ безобразный...
Но что жъ теперь тревожить хладный миръ
Души безчувственной и празднои?
-
3. Ужели онъ казался прежде мнѣ
Столь величавымъ и прекраснымъ?
Ужель въ . . . . . разврата глубинѣ
Я наслаждался сердцемъ яснымъ?
-
- 9 Чтожъ видѣлъ въ немъ безумецъ молодой?
Кого любилъ, къ чему стремился?
Когожъ, кого возвышенной мечтой
Боготворить не постыдился?

II.

10. Красы Лаисъ, завѣтные пиры,
И клики радости безумной,
И мирныхъ Музъ минутные дары,
И лепетанье славы шумной...
-
11. Все скучно мнѣ, я обнажилъ кумиръ,
Увидѣлъ призракъ безобразный.
Но чтожъ теперь тревожить хладный миръ
Души безчувственной и празднои?
-
12. Любилъ я жизнь, и славу, и любовь,
И многому я въ жизни вѣрилъ,
Когда еще кипѣла въ сердцѣ кровь
И самъ съ собой я лицемѣрилъ.

III.

13. Я говорилъ предъ хладною толпой
Языкомъ истины свободной,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородной.
-

14. Я замолчалъ съ веселостью моею
И встрѣтилъ . . . . .
Я видѣлъ . . . . . для избранныхъ судей
То малое число . . . . .
15. Встрѣчались мнѣ наперсники Молвы,
Но чтожь въ избранныхъ я увидѣлъ?
Ничтожный блескъ, одежду [и] обманъ,
Повсюду . . . . .
16. Вездѣ яремъ, сѣкира иль вѣнецъ,
Вездѣ злодѣй иль малодушной.
Что человѣкъ? . . . . . тиранъ [да] льстецъ,
Иль презразаудковъ рабъ послушной...

IV.

1. Чего жъ, мечтатель молодой,
Ты въ немъ искалъ, къ чему стремился?
Кого восторженной душой
Боготворить не устыдился?...
2. И взоръ я бросилъ на людей,
Увидѣлъ ихъ надменныхъ, низкихъ,
Жестокихъ, вѣтренныхъ судей,
Глупцовъ, всегда къ злодѣйству близкихъ.
3. Предъ ихъ ничтожною толпой
Смѣшонъ гласъ правды благородной;
Толпѣ подкупленной, тупой,
Жестокой, вѣтренной, холодной,
Ничтоженъ опытъ вѣковой,
Смѣшонъ [гласъ истины свободной]...

I—III записано в двух местах рук. 1821 г.; IV—в рук. 1823 г. непосредственно за черн. набр. «Свободы съятель пустынной...» При I в рук. еще как бы программа: «Ко всему была охота,—ко всему охладѣлъ; вѣтренный, я сталъ безчувственъ... Теперь кого упрекну—и это смѣшно. Хочу возобновить дружбу,—какъ мертвецъ не въ силахъ. Любовь, труды—не могу...» В рук. много вар., среди них:

- Стрфа 2: Я зналъ досугъ, безопасности удѣлъ...
Я дружбу зналъ, и дружбѣ поселягилъ
Моей весны златые годы...
- 3: Я зналъ любовь, не мрачную (прелестную) мечту...
- 4: Младыхъ пировъ оставя блескъ и шумъ...
И полноту кипучихъ жаркихъ думъ...
- 5: стихи переставлены в порядке: 3, 2, 1, 4.
Чего искалъ, то ненавижу...
- После 7: Такъ бьется лань, пронзенная свинцомъ,
И силится...
- 8: Ужель въ презрѣнной... глубинѣ...
- 16: А человѣкъ—тиранъ иль... льстецъ,
Порабощенію послушной...

В IV, среди строк вар. из «Свободы съятель...», после строфы 2:

Стадамъ не надобно свободы...

Кроме того, — мелкие вар.: 4 — 5: «Прошли мечты...»; «Не знаю слезъ...»; 13: «Устами истинны...» и т. под. Отдельные стихи вошли потом в «Альбомъ Онѣгина» и др. *Лаисы*—прелестницы и др. об. раньше. *Листъ дубравъ* (древесный лист), опущенный в серный источник, на Кавказе, становится твердым. Наброски важны, как самохарактеристика П—а; с этой поры (а не съ 1826 г.) начинается его разочарование в «ничтожной толпе», ср. дальше. Напечат. стывки 1855 г., полнее 1884 г., полно 1912 г., полностью I—IV в нашем изд. *первые*.

Б. Черновые наброски Кишиневского периода, 1821—1823 г.

1821 ГОД.

1—2. НАБРОСКИ САТИРЫ.

I. кн. п. а. вяземскому.

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый,
Щастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
Невѣжество разить Анаемой игривой...

II.

Блаженъ, стократъ [блаженъ] риемачь миролюбивый,
Никѣмъ незнаемый, предъ знатию учтивый,
Смиренный, какъ Добра союзникъ записной,
Довольный изрѣдка журнальной похвалой,
Невинный фабулистъ, всегда смиренный лирикъ..
Но Фебъ во гнѣвѣ мнѣ промолвилъ: будь сатирикъ!
Съ тѣхъ поръ безплодный жаръ въ груди моей горитъ,
Браниться жажду я, рука моя свербитъ.
Едва суровой умъ поймаетъ звукъ лукавый,
Онъ риему грозную невольню . . . . .
И въ глупомъ бѣшенствѣ кричу я, наконецъ,
Хвостову: ты—дуракъ! а Стурдзѣ: ты—подлецъ!
Но шутку не могу придумать я другую,
Какъ только отослать Толстого [просто] къ ....
Климъ пошлою меня щекотитъ остротой...
Кто Фирсъ, ничтожной шутъ, невѣжда молодой
Задорной говорунъ, когда-то бывший въ модѣ,
Толстова вѣрной другъ,—по Греческой методѣ...—
Ну, можно ли глупцу себя не побранить?
Но можно ль комара тотчасъ не раздавить?

Такъ точно трусь, буянь . . . . . обинякомъ
Рѣшить въ харчевнѣ споръ . . . . . кулакомъ...

Составляют ли эти наброски два отдельных замысла, или одно целое (что вероятнее),—неясно. В рук. крайне неразборчивой—продолжение I-го:

Профессоръ и знатокъ Фонвизина...
Наставникъ... насмѣшки...
И глупости казнить или покой поповъ...
И мирныхъ мертвецовъ сатирикъ...

Во II многие слова зачеркнуты и могут быть прочитаны различно, особенно начало, напр.:

Когда бъ еще я былъ рифмачъ миролюбивой,
Предъ знатию... Парнасской... покорный, молчаливый,
Добро готовый пламенно... любезникъ записной...

Связь с предыдущими стихами намечается в набросанных строках:

Повѣдай тайну мнѣ, [какъ] смѣло...
Еще когда бъ я могъ польза...
. . . . . Блаженъ и Ломоносовъ.....

Гр. Хвостовъ, Стурдза, Ф. Толстой см. выше; Климъ, Фирсъ — условные имена.
П. А. Вяземскій см. раньше и письма. П. высоко ценил Вяземского, как критика, осо-

бенно его исследование о Фонвизине; но сатиры и эпиграммы Вяземского поверхностны: их цель—насмешить. П. противопоставляет этому глубокую сатиру, обличающую порок и поражающую определенных лиц (как у Ювенала). Напеч. отрывок 1881 г., полно 1912 г., в связанном виде в нашем изд. *впервые*.

3. НЕ ТЪМЪ ГОРЖУСЬ...

Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ,
Что возбуждать умѣлъ стихами
Движенья томныя сердцецъ,
Играя смѣхомъ и слезами;
Не тѣмъ горжусь, что иногда
Мои коварныя напѣвы
Смиряли въ мысляхъ юной дѣвы
Волненье страха и стыда;
Не тѣмъ, что у столба сатиры
Развратъ и злобу я казнилъ,

И что разящій голось лиры
Тирана въ ужасъ приводилъ;
Не тѣмъ, что пылкимъ вдохновеньемъ,
И бурной юностью моею,
И жаждой воли, и гоненьемъ
Я сталъ извѣстенъ межъ людей;
Иная, высшая награда
Была мнѣ рокомъ суждена —
Самолубивыхъ думъ отрада!
Мечтанья неземнаго сна...

В черн. рук. много вар.:

- Ст. 6—8: Мои небрежныя напѣвы
Вливали нѣгу въ сердце дѣвы...
Порывы тайнаго стыда...
10: Казнилъ презрѣннаго злодѣя...
13—15: Не тѣмъ, что пылкимъ дерзновеньемъ
Мятежной юности моею,
И страстью правды, и гоненьемъ...
19—20: До гроба щастіе отнынѣ—
Мечтанья суетнаго сна...

Четыре стиха внесено отсюда в «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» 1823 г. Ценно, как интимная исповедь поэта. Напеч. 1887 г.; вар.—1912 г.

4. ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ.

Пѣвецъ-Гусарь, ты пѣлъ биваки.
Раздолье ухарскихъ пировъ
И грозную потѣху драки
И завитки своихъ усовъ.
Съ веселыхъ струнъ во дни покоя
Походную сдувая пыль,

Ты славилъ, лиру не настроя
Любовь и мирную бутылъ.
Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю.
Мнѣ сладокъ жаръ твоихъ рѣчей:
Повѣрь, я снова пламенѣю
Воспомянемъ прежнихъ дней...

О Д. Давыдове см. выше. В рук. ряд вар. и еще стих:

Пировъ и радости блистательной пѣвецъ!

Прежние дни—сношения П.—а в юности с гусарами, см. раньше. Напеч. 1881 г., полное—1912 г.

5. П. С. ПУЩИНУ.

Въ дыму, въ крови, сквозь тучи стрѣлъ
Теперь твоя дорога:
Но ты предвидишь свой удѣлъ
Грядущій нашъ Квируга!
И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа —
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь: „свобода!“
Хвалю тебя, о вѣрный Братъ,
О Каменщикъ почтенный!
О Кишиневъ, о темной градъ!
Ликуй, имъ просвѣщенный.

Пав. Серг. Пущинъ, генерал, был основатель мѣсонской ложи в Кишиневе. Масоны, или «вольные каменщики» (строители будущаго), были члены полутайнаго общества, распространеннаго по всей Европе. Масоны делились на ложи; у нихъ были свои тайные знаки и т. п.; отсюда—выраженія: «братъ», «каменщикъ», «молотокъ». *Антоніо Квируга*—испанскій политическій деятель, революціонер. Напеч. отрывок 1874 г., полно—1912 г.

1822 ГОД.

6. ОТРЫВОКЪ.

Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжной,
 Я прихожу въ послѣдній разъ.
 Любви щастливой, безмятежной
 Дѣлю съ тобой послѣдній часъ.
 Впередъ одна въ надеждѣ томной
 Не жди меня средь ночи темной,
 До первыхъ утреннихъ лучей
 ....не жги свѣчей...

Сохранилось в двух ает. К кому обращено, не выяснено. Напеч., как и большинство след. отрывков, 1884 г. (или Акад. изд. 1912 г.) В черн. рук. вар.:

Смири твой страхъ, о (другъ мой нѣжной),
 Любви, отрады безмятежной.,.
 Впередъ во мракъ тихой ночи,
 Смыкая сномъ усталы очи,
 Въ дѣвичьей комнатѣ твоей,
 Не жди меня... прѣсти!...

9. [КЪ ЛИРЪ].

Наперсница моихъ сердечныхъ думъ,
 О ты, чей гласъ приятной и небрежной
 Смирялъ порой мечты души мятежной
 И веселилъ порой унылый умъ,
 О вѣрная задумчивая лира,
 Послушная перстамъ...

В рук. многое зачеркнуто. Напеч. 1903 г.

9. НАБРОСОКЪ.

Какъ наше сердце своенравно! ..... томимый вновь, Я умолялъ тебя недавно Обманывать мою любовь, Участьемъ, нѣжностью притворной Одушевлять свой дивный взглядъ, Играть душой моей покорной, Въ нее вливать огонь и ядъ...	Ты согласилась, нѣгой влажной Наполнился твой южный взоръ, Твой видъ задумчивый и важный, Твой сладострастный разговоръ. И то, что дозволяешь нѣжно, И то, что запрещаешь мнѣ, Все впечатлѣлось неизбѣжно Въ моей сердечной глубинѣ...
--	---

Рук. карандашом почти без поправок. К кому обращено, не выяснено. Напеч. 1884 г.

10. ОТРЫВОКЪ.

На тихихъ берегахъ Москвы
 Церквей, вѣнчанныя крестами,
 Сіяютъ ветхія главы
 Надъ монастырскими стѣнами;
 Кругомъ простерлись по холмамъ
 Во вѣкъ не рубленные рощи;
 Издавна почивали тамъ
 Угодниковъ святыя мощи...

В рук. вар.: «Щедротю царей, царицъ...» и др. Напеч. 1884 г.

Ш. И. Пущин.
С современного портрета.

П. Я. Чаадаев.
С современного портрета.

11. ЗА НЕЮ ПО НАКЛОНУ ГОРЬ.

За нею по наклону горь
Я шель дорогой неизвѣстной
И примѣчалъ мой робкой взорь
Слѣды ноги ея прелестной.
Зачѣмъ не смѣлъ ея слѣдовъ
Коснуться жаркими устами...

Нѣтъ, никогда средь бурныхъ дней
Мятежной юности моей
Я не желалъ съ такимъ волненьемъ
Лобзать уста молодыхъ Цирцей'
И перси полныя томленьемъ,
Какъ я желалъ . . . . .
Сей милый слѣдъ . . . . .

16 Августа 1822.

Обращено к М. Н. Раевской. Этими стихами П. позднее воспользовался для XXXIII строфы 1-й главы «Евг. Онѣгина», нач. того 28 мая (9 июня) 1823 г., т.-е. 9 месяцев спустя. *Цирцея*—соблазнительница (в мифах—волшебница). Стихи—воспоминание о Крыме. Напеч. 1912 г.

12. Я. Н. ТОЛСТОМУ.

[ДРУГАЯ РЕДАКЦИЯ ПОСЛАНИЯ].

Молвой покинутый изгнанникъ
Въ степяхъ Молдавіи забыть...

Непримиримую Судьбою
Пѣвцы давно разлучены;
Ихъ лиры вѣтренной игроу

Не славятъ счастья чередою
Умы тоской уstraшены.
Молчатъ пиры, умолкли смѣхи,
Утихъ безумья вольный гласъ,
Любовницы забыли насъ
И разлетѣлися утѣхи...

Далее в рук. Рум. муз. следуют стихи послания: «Въ изгнаньи скучномъ каждый часъ...» и т. д. М. б., сюда же относятся и некоторые «отрывочные строки» из других мест рук.: «До меня доходятъ...»; «Изгнанье—славно» и т. под. Напеч. 1908 г.

13. ОДИНЪ, ОДИНЪ...

Одинъ, одинъ остался я!
Пиры, любовницы, друзья
Исчезли съ легкими мечтами,
Померкла молодость моя
Съ ея невѣрными дарами.

В рук. вар.:

Такъ свѣчи, на столахъ горѣвъ,
Для юношей и вольныхъ дѣвъ...

М. б., связано по мысли с предмд. Напеч. 1884 г.

Такъ свѣчи въ долгу ночь го-
рѣвъ
Для рѣзвыхъ юношей для дѣвъ,
Въ концѣ безумныхъ пированій
Блѣднѣютъ предъ лучами дня...

14—17. ПРИ ПОСЫЛКѢ ГАВРИЛАДЫ.

I.

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, дѣвицы!
Не веселѣе ль вамъ читать
Игривой Музы небылицы,
Чѣмъ пиндарическихъ похвалъ
Высокопарныя страницы
Иль усыпительной журналъ,
Который, вѣкъ не зная цѣли,
Усердно такъ тяжель и грубъ,
И ровно кажды двѣ недѣли
Быть хочеть золь и только
группъ.

Раньше ошибочно считалось «приписками к «Кавказскому Плъннику». В рук. вар. 1:

Друзья стихсвъ...
Красавицы, мои Царицы...
Иль ежемѣсячной журналъ,

Пиндаръ—др.-греческий поэт, автор
«Кавк. Плънника». Напеч. 1857 г.

II.

О вы, которые любили
Парнаса тайные цвѣты,
И грѣшной младости мечты
Вниманьемъ слабымъ наградили!
Спасите трудъ небрежной мой
И своевольной подвигъ слова
Отъ рукъ Невѣжества слѣпова,
Отъ взоровъ Зависти косою.
Картины, вымыслы, рассказы
Для васъ я вновь перемѣшалъ,
Смѣшное съ важнымъ сочеталъ,
И бѣшеной любви проказы
Въ архивахъ Адскихъ отыскалъ.

Который былъ когда-то въ модѣ,
А нынче такъ тяжель и грубъ;
Который вопреки природѣ... и т. д.

знаменитыхъ од. В рук. следует за черн.

III.

Прими въ залогъ воспоминанья
 Мои завѣтные стихи...
 И подъ завѣтною печатью
 Прими опасные стихи...
 Вотъ Муза добрая душой,
 Не испугайся, милой мой,

Ея Израильскому платью...
 Прости ей прежние грѣхи...
 Ее Всевышній осѣнилъ
 Своей небесной благодатью...
 Она духовному занятю
 Преступной жертвуетъ игрой...

IV.

Вотъ Муза, рѣзвая болтуня,
 Которую ты такъ любилъ.
 Она разкаялась, шалунья:
 Придворной тонъ ее плѣнилъ.

II и IV, можетъ быть, образуютъ одно стихотв. В рук. вар. III:

И подъ печатью потаенной...
 Не удивляйся, милой другъ...
 Она смиренному занятю...
 Опредѣлилъ . . . . . вѣждой..

IV: Престижъ двора ее плѣнилъ...

Упоминанья: «бѣшеной любви проказы», «архивы Адские», «Израильское платье», «опасные стихи» и т. под. определенно намекаютъ на «Гавриладу», см. Часть 2-я. В рук. III и IV—рядом. Напеч. 1884 и 1881 г.

18. КЪ БРАТУ.

Братъ милой! отрокомъ разстался ты со мной;
 Въ разлукѣ протекли медлительные годы;
 Теперь ты юноша и полною душой
 Цвѣтешь для радости, для свѣта, для свободы.
 Какое поприще открылось предъ тобой!
 Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій,
 И сладостныхъ заботъ, и милыхъ заблужденій...
 Какъ юный жаръ твою волнуетъ кровь!
 Ты сердце пробуешь въ надеждѣ торопливой...

Отношения П—а к брату Льву С. см. том III письма, Вступ. оч. и др. послания. Напеч. 1884 г. В рук. далее отрывочные строки:

Твой юной умъ.....
 Торопиться.....
 Вѣряться то дружбѣ то любви...

19. ОТРЫВОКЪ.

Кто, волны, васъ остановилъ,
 Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій,
 Кто въ прудъ безмолвный и дре-
 мучій
 Потокъ мятежный обратилъ?
 Скажите мнѣ, чей жезлъ мо-
 гучій,
 Чей жезлъ волшебной поразилъ

Во мнѣ надежду, скорбь и радость,
 И душу, прежде бурн.....
 Одной дремотой осѣнилъ?
 Вы, бури, вѣтры, взойте воды,
 Разрушите гибельный оплотъ!
 Гдѣ ты, гроза? символъ свободы,
 Промчись поверхъ невольныхъ
 водъ!

М. 6., относится к «Евг. Онѣгину», среди черн. которого записано. В авт. вар.: «Одною лѣнью усыпиль...» и др. Напеч. 1884 г.

20—22. Стихи, вызванные восстанием греков.

1822—1823 Г.

20. ВОЗСТАНЬ, О ГРЕЦІЯ!...

Возстань, о Греція, возстань!	Святые мраморы Аеинъ,
Не даромъ напрягаешь силы,	Гроба Тезея и Перикла!
Не даромъ потрясаетъ брань	Страна Героевъ и Боговъ,
Олимпъ, и Пиндъ, и Эермопилы.	Расторгни рабскія вериги,
Подъ сѣнью вѣтхой ихъ вершинъ	При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Свобода древняя возникла,—	Тиртея, Байрона и Риги!

Напечат. Анненковым 1857 г. по автографу и отнесено к 1823 г. И. Шляпкин нашел автограф этих стихов (тот же или другой, не выяснено) на бумаге 1830 г. с вар. и авторскими поправками, почему Акад. изд. перенесло стихи в 1830 г. (после заключения Адрианопольского мира 1829 г.). Но по складу и по содержанию стихотв. принадлежит к «кишиневским», а в 30-х годах было, вероятно, лишь восстановлено П-ым по памяти. В этой поздней ред. 3-я строфа записана 2-й, что несообразно, ибо тогда в 3-ей строфе слово «ихъ» — неуместно. В числе вар. поздней ред.: «Парнасъ, и Пиндъ»...; «Подъ сѣнью снѣжной»...; «Свобода юная»; два посл. стиха (в первой ред. 5-й и 6-й):

Тезея гробъ и гробъ Перикла
 . . . . . среди мраморныхъ Аеинъ...

Олимпъ, Пиндъ — знаменитые горы Греции; *Эермопилы* — горный проход, памятный в истории; *Тезей (Тезей)* — мифический, *Периклъ* — исторический герой афинской истории. *Тиртей* — др.-греческий, *Риги* (Конст. Ригас) — ново-греческий поэт; первый, по преданию, одушевлял песнями к бою спартанцев, второй казнен в 1798 г. за революционные стихи; *Байронъ* (см. раньше) кончил жизнь, участвуя в греческом восстании.

21. ГРЕЧАНКЪ.

Гречанка вѣрная! не плачь, онъ палъ Героемъ,
 Свинецъ врага ему вонзился въ грудь;
 Не плачь,—не ты ль сама предъ первымъ боемъ,
 Ему назначила кровавой чести путь.

Быть можетъ, втайнѣ онъ предчувствовалъ разлуку,
 Когда въ послѣдній разъ тебѣ простеръ онъ руку,
 Младенца своего въ слезахъ благословилъ.

Но знамя черное Свободой возшумѣло,
 Какъ Аристокетонъ, онъ миртомъ мечъ обвилъ,
 Свершить великое святое дѣло
 Онъ въ сѣчу ринулся,—и падшій совершилъ!

Рук.—в музее Онегина. Многие восстановлено по догадке. *Аристокетонъ* вместо с Гармонием изгнали из (древних) Афин тиранна Писистрата; песнь в их честь была народным гимном Афин. Напеч. Акад. изд. 1912 г., как и след.

22. КЪ ЭЛЕӨФЕРІИ (т.-е. КЪ СВОБОДѢ).

Гречанка, прелесть! предъ тобой	И ласки Музъ, и свѣта шумъ,—
Затмились красоты другія.	Милѣ мнѣ—Элеөферія!
Горю, дышу въ любви тобой,	. . . . . красоты
Я—твой навѣкъ, Элеөферія!	Вредна холодная Россія.
Пуускай иныхъ плѣняетъ умъ,	На Югъ, въ мирной темнотѣ
Придворный блескъ . . . . . другія;	Жива сама Элеөферія!

Элеөферія значит свобода. Среди многих вар.: «Люблю въ ней пылкой, ясный умъ...» П., живя в Кишиневе, живо интересовался ходом греческого восстания; см. 1820 г. «Дочери Карагеоргія», 1822 г. «Гречанкѣ», конец послания 1821 г. «Къ Овидію» и др., также письма этих годов, т. III. В рук. далее: «Привыкнешь тамъ»...

22—28. МЕЛКИЕ ОТРЫВКИ.

1821—1823 г.

I.

Тѣснится средь толпы Еврей трудолюбивой,
 Подъ буркою Черкесь, Кавказа властелинъ,
 Болтливой Грекъ и Турокъ молчаливой,
 И важный Персь и хитрой Армянинъ.

М. б., описание Кишинева. Далее в рук.: «И злой Черкесь»... Напеч. 1903 г.

II.

Чугунъ Кагульской, ты священъ
 Для Рускаго, для друга славы,
 Ты средь торжественныхъ знаменъ
 Упалъ горящій и кровавый,
 Героевъ Сѣвера губя,
 Но...

Обращение к осколку бомбы, найденному на поле сражения при Кагуле (1770 г.).
 Напеч. 1884 г.

III.

Въ голубомъ ээира полѣ
 Блещетъ мѣсяцъ золотой;
 Старый Дождь плыветъ въ гондолѣ
 Съ Догарессой молодой...

Напеч. 1857 г. по авт., ныне утерянному. Видевшие авт. сообщают, что в нсм
 былъ вар.: ст. 2—«Ходитъ Весперь волотой...» и др. и начато далее:
 Догаресса молодая...

Дожи—правители самостоятельной Венеции (до XVIII в.).

IV.

Венерѣ, Фебу и Фемидѣ
 Полезно посвѣщая дни,
 Дозоромъ ѣздитъ по Тавридѣ
 И проповѣдуетъ Парни...

К кому обращено, не выяснено. М. б., вар. к «Евг. Онѣг.». *Фемиса*, богиня правосудия, и др. см. Общ. прим. *Таврида* (Крым), *Парни* см. раньше. Напеч. 1884 г.

V. ЭПИГРАММА.

Князь Г. со мною незнакомъ,
 Я не видалъ такой негодной смѣси:
 Составленъ онъ изъ подлости и спѣси,
 Но подлости побольше въ немъ.

Въ сраженіи онъ трусь,—въ трактирѣ онъ бурлакъ,
 Въ передней онъ подлець, въ гостиной онъ дуракъ.

В рук. вар.: «Мишурный Князь, составъ негодной смѣси»... К кому обращено,
 не выяснено. Ср. эпиграмму: «Хоть впрочемъ онъ поэтъ нарядный», где тоже упомянут
 какой-то «князь». Напеч. полно 1912 г.

VI.

.... Мудрецъ Китая
 Насъ учить юность уважать,
 Отъ заблуждений охранять,
 Не торопиться осуждать.
 Она одна даетъ надежды,
 Надежду можетъ [оправдать]...

Уч с авт. М. б., набросок к «Евг. Онѣгину», среди черновых которого записано (гл. I, строфы V—VII). *Мудрецъ Китая*—Конфуцій

VII. ИЗЪ БАЙРОНА.

Нѣтъ вѣтра; тихая волна
 На прахъ Аѳинъ катится,
 Туда, гдѣ...
 Возвышенно могила зрится.

Перевод начальных стихов «Гяура», поэмы Байрона. В рук. записан тут же перевод ее первых строк по-французски. Напеч. 1912 г.

29—35. ОТРЫВОЧНЫЕ СТРОКИ.

I.

Когда луны сіяетъ ликъ двурогой
 И лучь ея во мракѣ серебрить утесъ...

II.

Во времена царя Додона	Святые жили чернецы .....
Въ какой-то дальней сторонѣ	Былъ монастырь, и въ немъ отцы
Былъ монастырь, гдѣ въ тишинѣ.....	Достойны были Вавилона;
Въ монастыряхъ временъ Додона	(Они) безъ правилъ, безъ закона...

III.

Вы, промелькнувшіе въ живомъ очарованьи,
 Въ безпечныхъ радостяхъ.....
 Теките медленнѣй въ моемъ воспоминаньи...
 Дни сладостныхъ надеждъ, восторговъ.....

IV.

Одна черта руки моей,—
 И ты довольна, другъ мой нѣжной...

V—VI.

Изгнанье—славно, спору нѣтъ,	... до меня доходятъ
Но промѣнялъ бы я охотно...	..... и звуки струнь
—	Печаль на душу мнѣ наводятъ...

VII.

Улыбка устъ, улыбка взоровъ...

Из кишиневских рук. (Акад. изд., изд. Венг., Щег., автографы). I, м. б., начало стихотв.; II, м. б., — начало баллады или сказки; Вавилон был известен своим развратом. V—VI, м. б., разные отрывки одного замысла или вар. послания к Я. Н. Толстому см. раньше. VII—записано тотчас после программы «Бажч. Фонтана». Отрывок: «Не даромъ ты ко мнѣ воззвалъ...», записанный П—ым (и напеч. Акад. изд.),—не П—а.

ПЕРИОД ПЯТЫЙ.

Жизнь на юге России 3) Одесса, с июля 1823 по август 1824 г.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворения.

1823 Г. (С ИЮЛЯ).

2. ДЕМОНЪ.

[А. Н. РАЕВСКОМУ].

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы	Печальны были наши встрѣчи:
Всѣ впечатлѣнья бытія—	Его улыбка, чудный взглядъ,
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,	Его язвительныя рѣчи
И ночью пѣнье соловья, —	Вливали въ душу хладный ядъ.
Когда возвышенныя чувства,	Неистоимой клеветою
Свобода, слава и любовь,	Онъ провидѣнье искушалъ;
И вдохновенныя искусства	Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Такъ сильно волновали кровь;	Онъ вдохновенье презиралъ;
Часы надеждъ и наслажденій	Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
Тоской внезапной осѣня,	На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
Тогда какой-то злобный геній	И ничего во всей природѣ
Сталъ тайно навѣщать меня.	Благословить онъ не хотѣлъ.

Напеч. 1824 г. с ошибками; перепеч. 1825 г. и изд. 1826 и 1829 г. При появлении произвело сильное впечатленье. Прообраз «демона» видели в А. Н. Раевском, разочарованном скептике, имевшем несомненное влияние на П—а; см. о Раевском Вступ. оч. и в т. III заметку П—а о стихотв., оставшуюся в рук. Беловой рук. не сохранилось; вар. черн. относятся к иному замыслу, см. в Отд. II. В 1824 и 1825 г. загл. «Мой демонъ». Ст. 17—по «Сѣв. Цв.» 1825 г.; в изд. 1826 и 1829 г.: «Неистоимый клеветою».

3. ТЕЛЕГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя,	Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги:
Телега на ходу легка;	Поразтрясло насъ, намъ страшнѣй
Ямщикъ лихой, сѣдое время,	И косогоры и овраги;
Везетъ, не слезетъ съ облучка	Кричимъ: полегче, дуралей!
Съ утра садимся мы въ телегу,	Катить попрежнему телега,
Мы погоняемъ съ ямщикомъ,	Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И, презирая лѣнь и нѣгу,	И дремля ѣдемъ до ночлега,
Кричимъ: валяй по всѣмъ, по трѣмъ!	А время гонить лошадей.

Строфа 2-я так была изменена самим П—ым для печати: «Моск. Телеграфъ» 1825 г. и изд. 1826 г. В рук. читается (стихи 6 й и 8-й):

Мы рады голову сломать...
Кричимъ: пошолъ, ... мать!

В изд. 1829 г. восстановлен текст рук., при чем головина 8-го стиха заменена точками. Кроме того, в изд. 1826 г. было: «потихе, дуралей!» и «И время гонить ..»

4. ЭЛЕГИЯ.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
 Моей любви безумное волненье?
 Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
 Всегда пугать мое воображенье?
 Окружена поклонниковъ толпой,
 Зачѣмъ длѣ всѣхъ казаться хочешь милой,
 И всѣхъ дарить надеждою пустой
 Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой?
 Мною овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
 Увѣрена въ любви моей несчастной,
 Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной,
 Бесѣды чуждѣ, одинъ и молчаливъ,
 Терзаюсь я досадою одинокой;
 Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
 Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
 Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
 Заводитъ ли красавица другая
 Двусмысленный со мною разговоръ:
 Спокойна ты; веселый твой укоръ
 Меня мертвить, любви не выражая.
 Скажи еще: соперникъ вѣчной мой,
 Наединѣ заставъ меня съ тобой,
 Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?...
 Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
 Имѣеть онъ блѣднѣть и ревновать?...
 Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
 Безъ матери, одна, полуодѣта,
 Зачѣмъ его должна ты принимать?
 Но я любимъ... Наединѣ со мною
 Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
 Такъ пламенны! Слова твоей любви
 Такъ искренно полны твоей душою!
 Тебѣ смѣшны мученія мои;
 Но я любимъ, тебя я понимаю.
 Мой милой другъ, не мучь меня, молю:
 Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
 Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю.

Октябрь.

Обращено к Амалии Ризнич, о которой см. Вступ. оч., т. II. Напеч. «Полярная Звѣзда» 1824 г. с ошибками; перепис. «Литературный Листокъ» 1824 г.; потом изд. 1826 и 1829 г. В «Лит. Л.» мелкие вар.: ст. 2—«несчастное волненье»; 9—«чувства омрачивъ»; 10—«моей безумной»; 11—«ижь шумной»; 12—«угрюмъ и молчаливъ»; 15—«Хочу ль уйти»; 34—«Но ты вѣрна»... и выпущены ст. 26—28. В рук. тоже мелкие вар., напр., ст. 30—«Не искушай, не мучь меня...» и после ст. 20 еще:

А между тѣмъ Соперникъ мой надменный,
 Предательски тобою ободренный,
 Вездѣ, всегда преслѣдуетъ меня.
 Онъ вѣчно тутъ, колѣна преклоня.
 Являюсь я—блѣднѣеть онъ [порой],
 Иль иногда, предупрежденный мною,
 Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?
 (А ты меня привѣтствуешь лукаво?)

Этим стихотв. открывается ряд элегий П—а о любви, исполненных страсти и посвященных трем женщинам, с которыми он сблизился в Одессе: Амалии Ризнич, граф. Е. К. Воронцовой, и третьей, нам по имени неизвестной (и вскоре умершей, как и Ризнич.). Загл.—только в тексте 1824 г.

5. ОТРЫВОКЪ.

Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...

Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.
Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...

Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;
Тамъ, подъ завѣтными скалами,

Теперь она сидитъ печальна и одна...
Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цѣлуетъ;
Одна... ничьимъ устамъ она не передаетъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.

. . . . .
. . . . .
. . . . .
Никто ея любви небесной не достоинъ.

Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоенъ;

. . . . .
Но если . . . . .

Напеч. изд. 1826 и 1829 г. под 1823 г., но по содержанию написано в 1824 г. Рук. не сохранилось. Обращено, вероятно, к женщине, занимавшей мечты П—а в последнее время одесской жизни, как стихотв. 1825 г. «Желаніе славы» и набросок 1824 г. «Все кончено...»; по другим—к Амалии Ризнич, к Воронцовой, к М. Раевской. См. примеч. к предыд. В изд. 1829 г. эти два стихотв. поставлены рядом, что мы сохраняем.

6. НОЧЬ.

Мой голосъ для тебя и ласковой и томной
Тревожитъ позднее молчанье ночи темной.
Близъ ложа моего печальная свѣча
Горитъ; мои стихи, сливаясь и журча,
Текутъ, ручьи любви, текутъ полны тобою.
Во тмѣ твои глаза блистаютъ предо мною,
Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
„Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... твоя... твоя.“
Одесса. 26 Октября 1823 года.

Напеч. изд. 1826 г. в отделе «Подражанія древнимъ». Обращено, вероятно, к тому же лицу, как предыд. Перепеч. изд. 1829 г. и сохранилось два авт., без вар.

7. [ГОРОДЪ КИШИНЕВЪ.]

[изъ письма къ ф. ф. вигелю.]

Проклятой городъ Кишиневъ!
Тебя бранить—языкъ устанетъ!
Когда-нибудь на грѣшный кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ конечно грянетъ,
И,—не найду твоихъ слѣдовъ!
Падутъ, погибнутъ пламенѣя
И пестрый домъ Вареоломея,

И лавки грязные Жидовъ:
Такъ, если вѣрять Моисею,
Погибъ несчастливой Содомъ;
Но съ этимъ милымъ городкомъ
Я Кишиневъ равнять не смѣю:
Я слишкомъ съ Библіей знакомъ,
И къ лести вовсе не привыченъ.
Содомъ, ты знаешь, былъ отличенъ

Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
 Но просвѣщеніемъ, пирами,
 Гостепріимными домами
 И красотой не строгихъ дѣвъ!
 Какъ жаль, что ранними громами
 Его сразилъ Эгбвы гнѣвъ!
 Въ блистательномъ развратѣ свѣта,
 Хранимый Богомъ челоуѣкъ,
 И членъ Верховнаго Совѣта,
 Провелъ бы я смиренно вѣкъ
 Въ Парижѣ Вѣтхаго Завѣта!
 Но въ Кишиневѣ, знаешь самъ,
 Нельзя найти ни милыхъ дамъ,

Ни сводни, ни книгопродавца,—
 Жалѣю о твоей судьбѣ!
 Не знаю, придуть ли къ тебѣ
 Подъ вечеръ милыхъ три кра-
 савца;

Однако жъ, кое-какъ, мой другъ,
 Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
 Явлюся я передъ тобою;
 Тебѣ служить я буду радъ:
 Своей бесѣдою шальною,
 Стихами, прозой, всей душою,
 Но, Вигель, пощади мой ....!

Одесса. Ноябрь.

Ф. Ф. Вигель, кишиневский знакомый П—а, отличался весьма сомнительной нравственностью. П. в письме приуменьшается к уровню понимания своего корреспондента, пишет в его духе, подробнее см. Вступ. оч., т. II. Шутливое письмо стоило П—у много труда. В рук. много вар., среди них:

Въ блаженствѣ, въ равлеченьяхъ свѣта...
 На всякой случай, милой другъ...
 Прощусь с Одессою, явлюсь я...

В окончат. ред. выпущен ст. 3-й с конца («Своей бесѣдою шальною»). В библии рассказано, что города Содом и Гоморра были за свой разврат спалены небесным огнем. На юге П. усердно изучал библию, что видно по «Гавриліадѣ» и др. произведениям, см. Часть II. «Три красавца» — тоже намек на библейский рассказ. Напеч. 1863 г., полнее 1876, 1884 и Акад. изд.

8. ОТРЫВОКЪ.

1. Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ;
 Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
 Безмолвно бодрствовалъ и жребіи земли
 Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные лежали,
 Чредою выпадали
 И міру тихую неволю въ даръ несли—
2. И дѣлу своему владыка самъ дивился.
 „Се благо“, думалъ онъ, и взоръ его носился
 Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
 Отъ Царско-сельскихъ липъ до башенъ Гибралтара:
 Все молча ждетъ удара,
 Все пало—подъ яремъ склонились всѣ главы.
3. „Свершилось!“ молвилъ онъ. „Давно ль народы міра
 Паденье славили Великаго Кумира?
 . . . . .“
4. Давно ли ветхая Европа свирѣпѣла,
 Надеждой новою Германія кипѣла,
 Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ?
 За Пиренеями давно ль судьбой народа
 Ужъ правила свобода,
 И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?
5. Давно ль—и гдѣ же вы, зиждители свободы?
 Ну, что жъ? витійствуйте, ищите правъ природы,
 Волнуйте, мудрецы, безумную толпу:—
 Вотъ Кесарь—гдѣ же Бруть? О, грозные Вити,
 Цѣлуйте жезлъ Россіи
 И васъ поправшую желѣзную стопу“.

6. Онъ рекъ и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ, и вновь повѣялъ мимо.
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ;
На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи—
Раздался бой полночи—
И се внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.
7. То былъ сей чудный мужъ, посланникъ Провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольности наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей Царь—изчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари.
8. Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламя блѣдное нахмуренныхъ очей—
Не обличали въ немъ изгнаннаго Героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго, по манію царей.
9. Нѣтъ, чудной взоръ его, живой, неуловимой,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимой,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкаль;
Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи,
Владыкъ Полунощи
Владыка Запада грозящій предстояль.
10. Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австерлица
Дружины Сѣвера гнала его десница,
И Руской въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ,
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ и съ позоромъ
Предъ юнымъ онъ Царемъ въ Тильзитѣ предстояль...
[Ноябрь.]

Сохранилось два авт., черн. (отрывок) и белой с поправками, и несколько старинных списков. В черн. сначала записано: «Но вновь свободою Гишпанія кипела...»; далее наброски строф 1-й и 2-й. В обоих авт. вар., среди них:

- Строфа 2: И дѣлу своему Властитель улыбался...
Отъ замка Грузина до башенъ Гибралтара...
6: Владыку Сѣвера холодный страхъ объялъ;
Онъ въ оживленный трепъ вперилъ недвижно очи...
7: Сей всадникъ, передъ кѣмъ унизились цари...
8: Ни пламень гасущій нахмуренныхъ очей,
Ни обличали въ немъ изгнаннаго тирана,
Въ темницѣ Океана
Судьбой казненнаго, во мщеніе царей...
10: И съ миромъ иль позоромъ
Предъ юношей-Царемъ въ Тильзитѣ предстояль...

Стихотв., оставшееся незаконченным, обличает глубокий переворот во взглядах П—а на Наполеона. Поэт противопоставляет его, как «посланника Провидѣнья» (вар. рук.: «сей витязь Провидѣнья») — «владыку Сѣвера», т. е. Александру I, поставившему себе задачей подавить везде свободу и утвердить самовластие. И при появлении призрака Наполеона русского царя охватывает «мгновенный хладъ» (вар.: «холодной страхъ»). В 20-х годах русский самодержец, действительно, имел огромную власть во всей Европе: «от замка Грузина (имение Аракчеева) до Гибралтара». Строфа 4 говорит о революционных движениях в Неаполе и в Испании, подавленных при содействии России (ср. кишиневские стихи, Отд. II: «В. Л. Давыдову»), Имена и названия, встречающиеся в стихотв., объяснены выше (см. прим. к одам «Вольность», «Наполеонъ», «Кинжалъ» и др.) Отдельные стихи из «Отрывка» вошли позднее в стихотв. «Герой»

1830 г., в X гл. «Евг. Онѣгина» и др. Точки могут означать пропуск более одной строфы. *Великій Кумирь*—монархизм, неизвѣрнуый Франц. революцией XVIII в.; далее могло следовать: характеристика Наполеона I, подавившего свободу, и его падения и переход к новым революционным взрывам 20-х годов. Наш текст—по беловому авт. и спискам. Напеч. не полно 1857 г., полно за границей 1859, 1861 г., в России—1876 г.

9. СКАЗАЛИ РАЗЪ ЦАРЮ...

[НА ГР. М. С. ВОРОНЦОВА.]

Сказали разъ Царю, что наконецъ
Мятежный вождь, Ріэго былъ удавленъ.—
„Я очень радъ“, сказалъ усердный льстець:
„Отъ одного мерзавца міръ избавленъ.“
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ—
Всѣхъ удивилъ проворный приговоръ.
Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
Согласенъ я—но онъ за то повѣшенъ.
Пристойно ли, скажите, съ горяча
Ругаться намъ надъ жертвой палача?
Самъ Государь такого добротства
Не захотѣлъ улыбкой ободрить.
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И въ самой подлости осанку благородства.

Рафаэль Ріэго - и - Нуньецъ, испанский революционер, был казнен 26 октября 1823 г. Когда вѣсть о том дошла до двора Александра I в Тульчине гр. М. С. Воронцов воскликнул: «Какая счастливая новость, государы!» В рук. мелкие вар.: «нежданный (трусливой) приговоръ»; «сказалъ полуподлецъ»; «спредъ Фердинандомъ грѣшенъ»; «оттѣнокъ (немного) благородства»; также: «Усердное такое добротство — Могло Царю подъ часъ не угодить...» и т. под. Отделано, вероятно, в 1824 г., но среди рук. 1823 г. уже есть набросок:

Неловкой льстець за трапезой Царя,
О Ріэго казненномъ говоря...
Хоть подлецом однимъ на свѣтъ...

Гр. М. С. Воронцовъ—начальник П—а по службе в Одессе; см. Вступ. оч., т. II, и дальше эпиграммы на него. *Фердинандъ*—испанский король. Напеч. за границей 1861 г., в России—1863 г.

10. СВОБОДЫ СЪЯТЕЛЬ...

[ИЗЪ ПИСЬМА КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ].

Изыде съятель съяти сѣмена своя.

Свободы съятель пустынной,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ поработенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;—
Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды...

Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричъ;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ
роды
Ярмо съ гремушками да бичъ.

1 Декабря 1823.

В окончат. ред. (письма) выпущен ст. 9-й («Васъ не пробудитъ...»). В рук. мелкие вар., смешанные с наброском строфы: «Чего, мечтатель молодой, — Ты въ немъ искалъ, къ чему стремился..» и т. д.; см. черн. 1821—1823 г. *Пустынной* у П—а значит *одинокій* (см. выше). Стихотв. выражает то разочарованіе П—а в деле освобожденія народов, которое наступило едолого до неудачи декабристов 1825 г., под влияніем неуспеха революционных движеній 20-х годов (о чем см. раньше). Эпиграф—из евангелия. Напеч. 1866 г. с письмами, см. т. III.

11. КНЯГИНЪ М. А. ГОЛИЦЫНОЙ.

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ;
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ.
Твердилъ я стихъ обвороженный,
Мой стихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой.

Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вняла—
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки...
Довольно: въ гордости моей
Я мыслить буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,—
А можетъ быть, и вдохновеньемъ.

Напеч. в альманахе В. Олина 1830 г. под загл.: «Княгинѣ Голицыной, урожденной Суворовой». П. встречался с ней в Одессе. Кн. Голицына прекрасно пела, чем и объясняется смысл стихотв. При жизни П—а не перепеч. В рук. мелкие вар.: ст. 9—«хладной (мертвой) скуки»; 13—14—«Умолкну въ гордости моей,—Но...» и др.

1824 ГОД (ПО ИЮЛЬ).

1. А. Л. ДАВЫДОВУ.

НА ПРИГЛАШЕНІЕ ѢХАТЬ СЪ НИМЪ МОРЕМЪ НА ПОЛУДЕННЫЙ
БЕРЕГЪ КРЫМА.

Нельзя, мой толстый Аристипъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый
хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды;
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ

Немного тощей Энеиды
Пускался въ море наконецъ,
Ему Горацій, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
Сулилъ хорошую погоду.
Но льстивыхъ одъ я не пишу;
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу:
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

Напеч. 1829 г. А. Л. Давыдовъ, брат (сводный) ген. Н. Н. Раевского, один из владельцев Каменки, был муж «Аглаи», о которой см. выше. Аристипъ — др.-греческий философ, предшественник Эпикура (о кот. см. раньше). Горацій, «пѣвецъ Августа», был другом автора «Энеиды» Вергилия и написал особую оду на его путешествие, в котором Вергилий и умер. Др. об. раньше. В рук. (чистовсѣй) вар. нет.

2. ИНОСТРАНКЪ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

На языкъ тебѣ невнятномъ,
Стихи прощальные пишу;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну,
Въ разлукѣ чувство погубя,

Боготворить не перестану
Тебя, мой другъ, одну тебя.
На чуждые черты взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страстей не понимая.

Veux-tu m'aimer! 18, 19 mai 1824, pl. de D.

Напеч. изд. 1826 г., но первый набросок—в рук. 1820—1821 г.; кроме того, сохранилось еще два авт.; в этих рук.: еще 4 стиха—

Я не забуду, другъ любимый,
Во тмѣ плѣнительныхъ ночей,
Твой поцѣлуй неутолимый
И жаръ томительныхъ очей...

и вар.: «вниманья милаго...»; «покаместъ не увяну...»; «сердце погубя...» Перев. под писи: «Согласна ли ты меня любить? Чтобы больше не было Д[егильи]!» Другие читают: «pl. s. D»: т.-е.: «Более без Дегильи!» Этот Дегильи был соперником П—а в Кишиневе, см. письма, т. III. К кому обращено, не выяснено: вероятно, к той же, как «Неастный день погухъ...» и др.

3. КЪ МОРЮ.

1. Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.
2. Какъ друга ропоть зауныв-
ный,
Какъ зовь его въ прощальный
часть,
Твой грустный шумъ, твой шумъ
призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.
3. Моей души предѣлъ желан-
ный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ!
4. Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часть,
И своенравные порывы!
5. Смиранный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно средь зыбей:
Но ты выигралъ, неодолимый,
И стая тонетъ кораблей.
6. Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный
брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ напра-
вить
Мой поэтический побѣгъ.
7. Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ
окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.
8. О чемъ жалѣть? Куда бы
нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
- Одинъ предметъ въ твоей пу-
стынѣ
Мою бы душу поразилъ.
9. Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный
сонъ
Воспоминая величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.
10. Тамъ онъ почилъ среди муче-
ній.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури
шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.
11. Изчезъ, оплаканный свободой,
Оставляя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.
12. Твой образъ былъ на немъ
означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ тво-
имъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мра-
ченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.
13. Міръ опустѣлъ...Теперь куда же
Меня бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ
Иль просвѣщенъе, иль тиранъ.
14. Прощай же, море! не забуду
Твоей торжественной красоты,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.
15. Въ-лѣса, въ пустыни молча-
ливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ
волнъ.

Одесса 1824 г.

Напеч. отрывок, «Моск. Телеграфъ» 1825 г., в статье о Байроне (не П—а); полно (кроме строфы 18-ой) — «Мнемозина» 1825 г., где примеч., для цензуры, что точки поставлены автором; с тем же пропуском перепеч. изд. 1826 и 1829 г. Стихотв.—прощание с морем перед отъездом П—а (высылкой) в Михайловское. Строфа 6: намек на проекты побега П—а морем за границу, о чем см. наброски Отд. II и письма. Стр. 7: *могучая страсть* — к Ризнич (или к Воронцовой, или к «иностранке», см. раньше). Стр. 9: Наполеон I ум. на о-ве св. Елены в 1821 г. Стр. 10 и сл.: Байрон ум. в Греции 12 апреля 1824 г.; о Байроне и его влиянии на П—а см. Вступ. оч., т. II. Стр. 13: *просвѣщенъе* — в строгательном смысле, как ложная культура, лишаящая человека первоначальной

св. боды (см. очерк перед поэмой «Цыганы»). В текстах 1825 и 1826 г. мелкие отличия, — стр. 5: «тонеть стая»; 11: «Ревн, волнуясь»; 14: «помнить буду»; «Твой шумъ». Сохранилось несколько авт., где ряд вар.; среди них важнейшие:

- Строфа 5: Ты тихъ, какъ сельская рѣка,
И бѣдный парусъ рыбака,
Твою прихотью гонимый, (прелестью хранимый),
Скользить поверхъ твоихъ выбей,
Но ты выигралъ, неодолимый,
И гибнуть стаи кораблей.
- 8: Я путь отважной устремилъ.
- 10: Байронъ.....былъ твой пѣвецъ.
Передъ воскресшею свободой
Онъ встрѣтилъ гордо свой конецъ.
- 15: Перенесу тоскою (печалью, любовью) полнь...
И блескъ, и шумъ, и говоръ волнь..

Из стр. 13 при жизни П—я печаталось лишь 2 первых слова; в рук. вар.: «Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ—Ужъ просвѣщенье...»; в списках: «Непросвѣщенье...», «Коварство, влоба.....», «Иль самовластье...» и т. под. После стр. 9 в рук. стихи, перешедшие в окончат. ред. оды «Наполеонъ». В рук. загл.: «Морю».

Эпиграммы, экспромпты, шутки, мелочи одесского периода, 1823—1824 г.

1. НА ЦЕНЗОРОВЪ.

Тимковской царствовалъ—и всѣ твердили вслухъ,
Что врядъ ли гдѣ ословъ найдешь подобныхъ двухъ.
Явился Бируковъ, за нимъ вослѣдъ Красовской:
Ну, право, ихъ умнѣй покойный былъ Тимковской.

Названные лица — цензора; *И. О. Тимковскій* — по 1821 г.; *А. С. Бируковъ* — с 1821 по 1826 г.; *А. И. Красовскій* — с 1821 г. Напеч. за границей 1861 г.; в России— 1880 г. Авт. не сохранилось.

2—4. НА ВОРОНЦОВА.

I.

Полумилордъ, полукупецъ,
Полумудрецъ, полуневѣжда,
Полуподлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.

II.

Не знаю гдѣ, но не у насъ	Онъ не хранилъ въ своемъ запасѣ
Достопочтенный лордъ Мидасъ,	Глубокихъ замысловъ и думъ;
Съ душой посредственной и низкой,	Имѣлъ онъ не блестящій умъ,
Чтобъ не упасть дорогой склизкой,	Душой не слишкомъ былъ отваженъ;
Ползкомъ проползъ въ извѣстный	Зато былъ сухъ, учтивъ и важенъ.
чинъ	Льстецы героя моего,
И сталъ извѣстный господинъ.	Не зная, какъ хвалить его,
Еще два слова объ Мидасѣ:	Провозгласить рѣшились тонкимъ...

III.

Пѣвецъ-Давидъ былъ ростомъ малъ,
Но повалилъ же Голиафа,
Который былъ и Генералъ,
И, побожусь, не ниже Графа.

I—в письме 1824 г. к Вяземскому в инсй ред.:

Полу-Герей, полу-невѣжда,
Къ тому-жъ еще полу-подлецъ!..
Но тутъ однакожъ есть надежда,
Что полный будетъ наконецъ.

Напеч. за границей 1861 г.; в России—1880 г. II—напеч. «Сѣв. Цвѣты» 1828 г. и, может быть, написано после отъезда из Одессы. *Мидасъ*, в мифах, — царь, у которого вы росли ослиные уши. Об отношениях П—а к Воронцову см. Вступ. оч. См. еще стихотв. «Сказали разъ царю...» 1823 г. III—напеч. 1903 г.

5. НА АЛЕКСАНДРА I.

Воспитанной подъ барабаномъ	Зато былъ фрунтовой профес-
Нашъ Царь лихимъ былъ капита-	соръ!
номъ:	Но фрунтъ герою надоѣлъ,—
Подъ Австерлицомъ онъ бѣжалъ,	Теперь коллежскій онъ ассесоръ
Въ Двѣнадцатомъ году дрожалъ,	По части иностранныхъ дѣлъ.

В рук. ст. 2: «Нашъ Z...», как означено слово «Царь» и в др. рук. П—а (X гл. «Евг. Онѣг.» и др.)

6. НА КАЧЕНОВСКАГО.

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный Зоиль,
Разводитъ опиумъ чернилъ
Слюною бѣшеной собаки.

Напеч. изд. 1826 и 1829 г. В авт. вар.: «утомительный Зоиль»: «ядъ свихъ. чернилъ». *Зоиль* см. раньше.

7. ОТРЫВОКЪ.

Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ,
Онъ другъ Венеры и пировъ;
Онъ на обѣдахъ—богъ обѣдовъ,
Въ своихъ садахъ—онъ богъ садовъ.

К кому обращено, не выяснено. Сохранилось в авт. *Богъ садовъ* см. *Общ. прим.* Напеч. 1884 г.

8. ЖАЛОБА.

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя	Потомку предковъ благородныхъ,
поварь,	Увы, никто въ моей роднѣ
А вы, вы знатной господинъ:	Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ
Таковъ объ васъ народной говоръ,	модныхъ
Высокородной Сѣверинъ.	И не варить обѣда мнѣ.

Имя «*Сѣверинъ*» (Д. П. Северин—сын воспитанницы баронессы Строгановой, державший себя как аристократ) дано лишь в Берлинском изд. В черн. рук. ст. 4: «И дива нѣтъ,—не вы одинъ...» и мелкие вар. Напеч. Посм. изд.

Б. Мелочи, принадлежность которых Пушкину сомнительна (*dubia*), Одесского периода.

9. ЭКСПРОМПТЪ.

Саранча летѣла, летѣла,
И сѣла,
Сидѣла, сидѣла,—все сѣла
И вновь улетѣла.

Принадлежат ли эти стихи П—у, не выяснено. По преданию, написано, когда П. был командирован Воронцовым для истребления саранчи в Херсонской губ. (в мае 1824 г.). Напеч. 1854 г.

10. НА ОДЕССКИХЪ ДАМЪ.

Мадамъ Ризничъ съ Римскимъ носомъ...

Сообщено И. И. Липранди из несохранившейся сатиры и насколько точно, неизвестно. *Ризничъ* см. раньше.

Ко времени пребывания П—а на юге, 1820—1824 г., могут относиться след. три эпиграммы, напеч. в сборнике Огарева (указанном раньше) с именем Пушкина, но вряд ли ему принадлежащие;

10. Т. . . . . У.

Какъ счастливы бабисты:
Ихъ . . . . въчно чисты;
Ихъ лижутъ чернецы,
Священны подлещи!

11. АРХИЕРЕЙ.

Еще ли нашъ архіерей не святъ?
Онъ тамъ сидитъ, гдѣ всѣ стоятъ,
Онъ въ ризу . . . . ., ему кадятъ.

12. КАПИТАНУ БОРОЗДЪ.

Накажи, святой угодникъ,
Капитана Борозду, —
Разлюбилъ онъ, грѣховодникъ,
Нашу матушку. . . . .

В том же духе известно несколько подлинных шуток П—а, см. дальше и раньше (на А. Н. Голицына и др.)

Отдел II. А. Незаконченные и необработанные стихотворения Одесского периода.

1823 ГОД.

1. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ СТИХОТВОРЕНИЯ „ДЕМОНЪ“.

..Мнѣ было грустно, тяжко, больно, Но, одолѣвъ меня въ борьбѣ, Онъ сочеталъ меня невольно Своей таинственной судьбѣ. Мою задумчивую младость Онъ для мечтаній охладилъ;— Я неописанную сладость Въ его бесѣдахъ находилъ.— Я сталъ взирать его очами, Съ его печальными рѣчами Мои слова звучали въ ладъ. Открылъ я жизни бѣдной кладъ,— Въ замѣну прежнихъ заблужденій, Въ замѣну вѣры и надеждъ, Безъ ропота, безъ сожалѣній Для легкомысленныхъ невѣждъ...	Мое спокойное незнанье Строптивой Демонъ возмущалъ, И я его существованье Съ своимъ невольно сочеталъ. Непостижимое стремленье Меня къ Лукавому влекло; Желанье изтолкать творенье И разгадать добро и зло... Взглянулъ на міръ я взоромъ яснымъ И усмѣхнулся въ тишинѣ: Ужели онъ казался мнѣ Столь величавымъ и прекрас- нымъ? (Я усмѣхнулся, изумился... Я понялъ міръ).....
--	--

В рук. вар.: «Мою бунтующую (довѣрчивую) младость»; «Души безпечное незнанье»; «Онъ размышленьемъ (страстями Демонъ) возмущалъ»; «Взглянулъ на міръ, ужъ я не вѣрилъ» и т. под. «Изтолкать» — описка вмѣсто: «изтолковать». См. «Демонъ» 1823 г. Впоследствии П. горько разочаровался в А. Н. Раевском, см. стихотв. «Ксварность» 1824 г. Вообще 1823—1824 г. важны для П—а, как перелом: от наивных увлечений юности он перешел к скептицизму (сомнениям), отбросив вместе и ценное (напр., веру в народ, в то, что он способен добиться свободы).

2—3. НАБРОСКИ СТИХОВ О РЕВОЛЮЦИИ И НАПОЛЕОНЕ

I.

За чѣмъ ты посланъ былъ, и кто послалъ тебя,
 Земли чудесный посѣтитель?
 За чѣмъ явился ты, рождая иль губя,
 Чего ты былъ таинственный свершитель?
 Престолы дряхлые склонялись,
 Дрожали троны, олтари,
 Надъ ними тучи собирались,
 Вѣщали мудрецы, смирялися цари...
 Родился ты. . . . .

II.

Вѣщали книжники, тревожились цари,
 Толпа предъ ними волновалась,
 Разоблаченные пустѣли олтари,
 Свободы буря подымалась...
 И вдругъ нагрянула. . . . .
 Свободы тѣнь упала въ прахъ и въ кровь,
 Разбились вѣтхія скрижали.
 Явился мужъ меча; рабы воспряли вновь.
 Мечи, оковы зазвучали...
 И гордо . . . . . прошелъ . . . . . развратъ.
 И пораженные сердца застыли,
 За злато продалъ брата братъ,
 Отечество рабы въ отчаянїи забыли.
 Цари сказали: нѣтъ свободы!
 И имъ повѣрили народы,
 И безгранично, въ ихъ. . . . .
 Добро и зло, все стало тѣнью,
 И, кромѣ власти, ...
 Все было предано презрѣнью
 И всемогущимъ палачамъ...

Какъ обычно у П—а, многие стихи написаны по нескольку раз, что дает нѣск. вар.: «Чего, добра иль зла, ты чудный былъ свершитель?»; «Толпа (или: Семья народов) свободой волновалась...»; «Столпы упали въ прахъ иль въ кровь...»; «Рекли безумно: нѣтъ свободы...»; «Они... лгали просвѣщенью...»; «Все было предано, какъ вѣтру дольний прахъ», и т. под. Видимо, П. намеревался изобразить Вел. революцію и роль в ней Наполеона (см. выше, стихи о Наполеоне и примеч. к ним). Общая мысль набросков: «Просвѣтительная» философия XVIII в. («книжники»: Вольтер, Руссо, энциклопедисты и др.) потрясла в Европе основы старого порядка («ветхія скрижали»), т.-е. абсолютной монархии. Вел. франц. революція («свободы буря») освободила народы. Из революци вырос Наполеон I, но он не довершил ее дело, а, напротив, восстановил самодержавие. Утратив завоеванную свободу, народы впали в отчаянїе, псверили «царямъ», сказавшим: «свободы нетъ»; всцарился разврат, продажность и т. под. Далее стихотв. могло перейти к новым революционным попыткам 20-х годов XIX в., как в отрывке: «Недвижный стражъ...» П. в 1823 г. много читал о революци и Наполеоне; в рук. выписаны стихи Жуковского о нем. Наброски напеч. в отрывках 1884 г.; полно—Акад. изд. 1912 г.; свяно—в нашем изд. *первые*.

4—5. НАБРОСКИ ЭЛЕГИИ.

I.

Придетъ ужасный мигъ... твои небесны очи
 Покроются, мой другъ, туманомъ вѣчной ночи,
 Молчанье вѣчное твои сомкнетъ уста,
 Ты навсегда сойдешь въ тѣ мрачныя мѣста,

Гдѣ прадѣдовъ твоихъ почіють мощи хладны;
 Но я, дотолѣ твой поклонникъ безотрадный,
 Въ обитель скорбную сойду я за тобой
 И сяду близъ тебя, недвижный и нѣмой—
 Лампада блѣдная твой блѣдный трупъ освѣтитъ
 Недвижимый; мой взоръ движенья не замѣтитъ,
 Ни чувства нѣжнаго, ни гнѣва на лицѣ.
 Не поразить меня судьбы моей...
 Коснусь я хладныхъ ногъ; къ себѣ ихъ на колѣни
 Сложу и буду ждать . . . . . но чего?
 Чтобъ силою мечтанья моего . . . . .

II.

Надеждой сладостной младенчески дыша,
 Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
 Отъ тлѣнья убѣжавъ, уносить мысли вѣчны,
 И память, и любовь въ пучины безконечны,
 Клянусь! давно бы я оставилъ этотъ міръ:
 Я сокрушилъ бы жизнь, уродливый кумиръ.
 И улетѣлъ въ страну свободы, наслажденій,
 Въ страну, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій,
 Гдѣ мысль одна живетъ въ небесной чистотѣ....
 Но тщетно предаюсь обманчивой мечтѣ!
 Мой умъ упорствуетъ, надежду презираетъ...
 Ничтожество меня за гробомъ ожидаетъ...
 Какъ! ничего! ни мысль, ни первая любовь!
 Мнѣ страшно... и на жизнь гляжу печально вповѣ,
 И долго жить хочу, чтобъ долго образъ милой
 Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой!
 Такъ, даже смертной часъ, неотразимой часъ,
 Мой другъ, мой нѣжный другъ, [пусть не] разлучитъ насъ!

Эти два наброска, в которых многое прочитано лишь по догадке, были впервые напеч. 1857 г. Анненковым, как «Образцы стиховъ Ленскаго»: предположение правдоподобное, но ни на чем не основанное, кроме того, что стихи написаны рядом со строфами «Евг. Оньгина». В рук. много вар., среди них:

- I: Ужель, мой другъ, когда твои небесны очн...
 И сяду близъ тебя печальный и живой...
 Мой будетъ . . . . . напрасно робкій умъ...
 II. Надеждою небесь и вѣрою дыша...
 Могилу (Земное) переживъ, въ природѣ безконечной...
 Узналъ бы я предѣлъ свободныхъ наслажденій,
 Предѣлъ, гдѣ нѣтъ оковъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій...
 Мой умъ упорствуетъ, не вѣритъ, негодуетъ,
 Ничтожество зоветъ—невольникомъ мечты...

Также: «покинуть мертвый міръ...»; «ни новая любовь...» и др. *Ничтожество*—небытие; ср. набросокъ под этимъ загл. 1822 г. В этотъ период II—а мучилъ вопросъ о загробной жизни и смерти. Напеч. полно 1912 г.

6. СЛѢПЕЦЪ.

Изъ А. Шенье.

„О Геліодъ, внемли, серебрянымъ лукомъ звенящій,
 Внемли, о Боже Клароскій, моленію старца,—погибнетъ
 Нынѣ онъ, ежели ты слѣпому вождемъ не предстанешь!“
 Рекъ и слѣлъ на камнѣ слѣпецъ утомленный. Но слѣдомъ
 Шли пастухи за нимъ,—дѣти страны той пустынной,—
 Скоро сбѣжались на лай собакъ, ихъ стада стерегущихъ.
 Ярость унявъ ихъ, они защитили безсиліе старца.
 Издали внемля ему, приближались и думали: кто же

Сей бѣлоглавой старикъ, одинокой слѣпой,—ужь не Богъ ли?
 Гордь и высокъ; висить на поясѣ бѣдномъ протая
 Лира и гласа его движуть чудесные звуки
 Небо и волны . . . . .
 Вотъ ихъ шаги онъ услышалъ,—ухо клонить въ смущеньи,
 Руки простеръ для моленья, страшась нещастья.—„Не бойся,
 Если только не скрытъ въ земномъ и старѣющемъ тѣлѣ
 Нѣкій богъ-покровитель, столь величаява прелесть
 Старость твою украшаетъ,—вѣщали они незнакомцу;—
 Если жъ ты смертной, то знай, что всегда тебя примуть здѣсь люди:
 Къ людямъ, боговъ дружелюбныхъ . . . . .

Довольно близкий перевод начала стихотв. А. Шенье, «Слѣпецъ», где изображен Гомер. Гомер, по преданию, — автор «Илиады» и «Одиссеи», слепой поэт-скавитель, бродивший с лирой по свету. *Гелиосъ, богъ Клароса* (остров), *съ серебрянымъ лукомъ*, — бог солнца, Феб-Аполлон (он же — бог поэзии). В отрывке П. впервые (кроме одной эпиграммы 1814 г. «Нещастіе Клиты») применил гексаметр; впрочем, размер не безусловно выдержан: в ст. 5 не достает слога, в ст. 16, в руж., лишнее слово («Жизни столь величаява прелесть...»). В рук. мелкие вар. Напеч., не точно, 1903 г.; полнс.—1912 г.

7. [КЪ „ПИТОМЦУ МОРЯ“.]

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
 Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый,
 Спокойной пристани давно ли ты достигъ,
 Давно ли тишины вкусилъ отраднѣй мигъ?
 И вновь тебя зовуть заманчивыя волны!
 Дай руку!—Для тебя, единой страстью полный...
 . . . . .
 И снова ты бѣжишь Европы обветшалой
 Для неба дальнаго, для неизвѣстныхъ странъ...
 Ищу стихій другихъ, земли жилецъ усталой,
 Привѣтствуя тебя, свободный Океанъ...

Обращено к какому-то моряку, м. б., тому, кто назван в «Евг. Он.»: «корсарь въ отставкѣ, Морали». В стихах — отражение помыслов П—а о побеге морем. Написано среди черн. конца 1-й главы «Евг. Он.», в 1823 г., в Одессе. Напеч. 1855 г., где ошибочно озагл.: «Къ Матюшкину».

Б. Черновые наброски.

1823 ГОД.

1. НАБРОСОКЪ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Когда желаніемъ и щастьемъ утомленный,
 Я на тебя гляжу колѣнопреклоненный;—
 И ты мнѣ говоришь, меня [ты] обнимаешь,
 Въ уста взойдешь и лѣчишь поцалуемъ,
 Дыханье жаркихъ устъ съ любовію вливаешь,—
 [Чего тогда] мы ждемъ, о чемъ тогда тоскуемъ?
 И, слезы на глазахъ, съ любовію . . . . .
 Ты думаешь, щастливъ ли я?...
 . . . . . я не завидую богамъ!
 [Декабрь 1823 г.]

Чтение во многом предположительное. Набросокъ сделан в декабре 1823 г. и послужил основой для стихотв. 1825 г. «Желаніе славы» (см.) Обращено к тому же лицу, как это стихотв. и как след. отрывок. Отдельно с авт. в нашем изд. напеч. *первые*.

1824 ГОД.

2. ВСЕ КОНЧЕНО...

Все кончено! межъ нами связи нѣтъ!
 Въ послѣдній разъ, обнявъ твои колѣни,
 Произносилъ я тягостныя пени.
 „Все кончено!“ я слышу твой отвѣтъ.
 Тебя роптаніемъ преслѣдовать не буду,
 Невозвратимое, быть можетъ, позабуду...
 Я зналъ: не для меня сотворена любовь,
 Не для меня блаженство упоенья...
 . . . . .
 Ты молода, душа твоя прекрасна,
 И многими любима будешь ты...

Обращено, м. б., к той же, как предыд. В рук. вар. незначительны. Напеч. отрывок 1873 г.; полно—1912 г.

3—4. I. ПРИЮТЬ ЛЮБВИ...

Приютъ любви, онъ вѣчно полнъ
 Прохлады сумрачной и влажной;
 Тамъ никогда стѣсненныхъ волнъ
 Не умолкаетъ гулъ протяжной...

II. УЕДИНЕННАЯ ПЕЩЕРА.

. . . . . у моря подъ скалой
 Пещера дикая таится.
 Обитель нѣги, въ лѣтній зной
 Она прохладной тишиной
 Полна . . .

[Май—іюнь].

Среди вар.: «Уединенная пещера...» Отрывок — воспоминание о Крыме или об Одессе; ср. «Ненастный день потухъ...» 1823 г.

5. МОРЕЙ НАПЕРСНИКЪ.

Морей наперсникъ окрыленный,	Ты, вѣтръ, ускоренныхъ дыханьемъ
Тебя зову—плыви, плыви,	Щастливый парусъ напрягай.
О, сохрани залогъ, безцѣнный	Но нечестивымъ колыханьемъ,
Мольбамъ, надеждамъ и любви	Ея груди не утомляй...

[Іюнь].

В рук. вар.: «Красавецъ воды плыви, плыви!»; «Эоль, дыханьемъ благосклоннымъ. . .»; «Вѣтрило вѣтромъ напрягай...»; «Ты, вѣтеръ, западнымъ дыханьемъ...»; и т. под. *Эоль*, в мифах,—владыка ветров. Печатаем по фотографии рук., как и след. Оба эти наброска могли быть написаны уже в Михайловском, после отъезда из Одессы. Напеч. 1911 г.

6. НАБРОСОКЪ.

На небесахъ печальная луна
 Встрѣчается съ веселою зарею,
 Одна горитъ, другая холодна:
 Заря блеститъ невѣстой молодою.
 Луна грядетъ, какъ мертвая, блѣдна...
 Такъ встрѣтился, Эльвина, я съ тобою.

В рук. еще строки: «Тебя любить? Холодная луна...—Видали ль вы на небѣ ясномъ... —Предъ утромъ... ущербную луну...» и т. под. Кто «Эльвина», не выяснено; ср. черн. набр. 1819 г.: «Въ лѣсу, подъ липою...» См. предыд. Напеч. 1911 г.

7. НАБРОСОКЪ.

Умомъ и нѣжною красой
 Ты развивалась предо мной.
 Скажи, не я ль тебя замѣтилъ
 Въ толпѣ застѣнчивыхъ подругъ,
 Твой первой взоръ не я ли встрѣтилъ,
 Не я ли былъ [твой] первой другъ?

См. черн. 1819 г.: «Я видѣлъ, какъ...» и примеч. к этим стихам. Напеч. 1912 г.

8—12. Отрывочные строки.

I. НА СОВРЕМЕННЫХЪ ПОЭТОВЪ.

Жуковской [нашъ,] святой Парнаса чудотворецъ,
 . . . . . [сталъ] царедворецъ.
 Крыловъ разбитъ параличемъ....

II. О КАВКАЗСКОМЪ ПЛѢННИКЪ.

Мой плѣнникъ вовсе не любезень,—
 Онъ хладень, скучень, бесполезень...
 Все такъ, но Плѣнникъ мой не я.
 Напрасно я . . . . . славилъ...
 Дидло плясать его заставилъ.
 Мой Плѣнникъ слѣдственно не я.

III. НАЧАЛО ЭПИГРАММЫ.

Онъ вѣжливъ былъ въ моей передней,
 Но дома скучень, сухъ и гордъ...

IV. [ОДЕССА].

Люблю Одессу я: имѣетъ
 Она какой-то южный видъ.
 Къ тому же море...

V. ИЗЪ ПОДРАЖАНІЙ КОРАНУ.

Слабъ и робокъ человѣкъ
 Слѣпъ умомъ,—и все тревожить...

13—14. Начала набросков.

VI.

Чу! пушки грянули. Крылатыхъ кораблей...

VII.

Но ты предвидѣнемъ своимъ...

I, м. б., начало сатиры. II—характерное для П—а различие себя от своих героев. *Дидло* поставил в Петрограде балет «Кавказскій плѣнникъ». III в авт. вар.: «Но у себя отмѣнно (несносно) гордъ». В кого метит эпиграмма, не выяснено. IV, м. б., из набросков к «Евг. Онѣг.» V, м. б., из набросков к «Подражанія Корану». VI — набросок, в 9 строк, собр. Онегина, недоступное исследователям. VII — набросок, собр. Ак. Н., также недоступное; м. б., вар. к стихотв.: «Недвижный стражъ дремалъ...» I—V напеч. 1912 г.

В некоторых изд. и списках П—у приписывается похожая по мысли на стрывск 8 эпиграмма на Жуковского: «Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею...» Эта эпиграмма принадлежит не П—у, а А. Б. Стужеву.

ПЕРИОД ШЕСТОЙ.

ССЫЛКА В СЕЛЕ МИХАЙЛОВСКОМ-ЗУЕВЕ, С ИЮЛЯ 1824 Г. ПО СЕНТЯБРЬ 1826 Г.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворения.

1824 ГОД (КОНЕЦ).

4. ПРОЗЕРПИНА.

[ПОДРАЖАНИЕ ПАРНИ.]

Плещутъ волны Флегетона,
Своды Тартара дрожать:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро къ нимфамъ Пеліона
Изъ Аида бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путемъ однимъ.
Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ.
И богинямъ лѣстить измѣна:
Прозерпинѣ смертный милъ.
Ада гордая царица
Взоромъ юношу зоветъ,
Обняла, и колесница
Ужъ къ Аиду ихъ несетъ:
Мчатся, облакомъ одѣты;
Видятъ вѣчные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные берега.
Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,

Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.
Прозерпина въ упоеньѣ,
Безъ порфиры и вѣща,
Повинуется желаньямъ,
Предаетъ его лобзаньямъ
Сокровенныя красы,
Въ сладострастной нѣгѣ тонетъ,
И молчитъ, и томно стонетъ...
Но бѣгутъ любви часы;
Плещутъ волны Флегетона,
Своды Тартара дрожать:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро мчатъ его назадъ.
И Кереры дочь уходитъ
И щастливца за собой
Изъ Элизія выводитъ
Потаенною тропой;
И щастливецъ отпираетъ
Осторожною рукою
Дверь, откуда вылетаетъ
Сновидѣнній ложный рой.

26 Августа 1824.

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1825 г., где ст. 12 поставлен в скобках. Стихотв.—вольный перевод поэмы Парни. В черн. рук. первонач. вар., среди них:

Плещутъ волны Флегетона
И берега его дрожать;
Кони гровнаго Плутона
Оставляютъ мрачный Адъ.
Вдоль туманнаго залива
Фжаль онъ путемъ глухимъ;
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,

Въ тайнѣ шла путемъ однимъ.
Предъ богинею суровой
Со слезами вдругъ пастухъ;
Въ ней пылаетъ пламень новой
Разгорѣлся [и] потухъ...
Льются Летскія струи...
Тамъ волшебное сіянье,
Тѣни миртъ [и], безъ кадилъ...

Адъ (*Адъ*), по мифам, — подземное царство мертвых, где протекают реки: *Лета* (река вавенія), *Флегетонъ*, *Стиксъ* и др. *Тартаръ* — отделение грѣшных, *Элизій* — праведных. *Плутонъ* — бог, царствующій над мертвыми; *Прозерпина* — его жена. *Пеліонъ* — гора в Греции. *Керера* (*Церера*) — мать Прозерпины. Изъ Ада были две двери: через одну из них вылетали ложные сновидения (через другую — вещіе). См. Общ. прим. Стихотв.—последняя дань П—а его юношеским увлеченіям Парни и мифологией (см. Вступ. оч.) и, в своем роде, — совершенство. Перепеч, изд. 1826 и 1829 г.

5. АКВИЛОНЪ.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальный небосклонъ
Ты облако столь гнѣвно гонишь?

Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой—
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавый.

Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался,
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.

Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ
И облакомъ зефиръ играетъ.
И тихо зыблется тростникъ.

1824, Михайловское.

Болдино, 7 Сентября [1830 г. отдѣлано].

Напеч. 1837 г., сообщенное самим П—ым, с вар. (или ошибкой?) «облачко» вм. «сблоко» (дважды, стр. 1 и 4). В рук. незначительные вар.: «чуждый небосклонъ»; «бурно гонишь»; «бурныхъ тучъ»; «мрачно облегался»; «черны тучи»; «Ты пубъ...» *Аквилонъ* — бурный западный ветер; *зефиръ* — нежный южный ветерок; см. Общ. прим. Некоторые критики видят в этой картине природы намек на личную жизнь П—а.

6. КЪ ЯЗЫКОВУ.

[изъ письма.]

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ Музъ;
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью:
Языковъ, близокъ я тебѣ.
Давно бѣ на Дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой,
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бѣ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играетъ щастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье;
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь;
Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньѣ,
Влачу закванные дни.
Услышь, поэтъ, мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани.
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,

Царей, Царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой Арапъ,
Гдѣ, позабывъ Елисаветы
И дворъ и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,
Я жду тебя. Тебя со мною
Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ
Мой братъ по крови, по душѣ,
Шалунъ, замѣченный тобою,
И Музъ возвышенный пророкъ,
Нашъ Дельвигъ все для насъ оста-
вить,

И наша троица прославить
Изгнанья темный уголокъ.
Надзоръ обманемъ караульной,
Восхвалимъ вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудимъ шумные пиры,
Вниманье дружное преклонимъ
Ко звону рюмокъ и стиховъ,
И скуку зимнихъ вечеровъ
Виномъ и пѣснями прогонимъ.

Михайловское, 20 Сентября 1824.

Напеч. 1830 г. без конца (кончая: «Я жду тебя...») и с вар. для цензуры:

Ст. 19: Куда подуетъ непогода,..

21—22: Теперь одинъ, въ глухомъ изгнаньѣ

Влачу томительные дни...

Н. М. Языковъ (1803—1846 г.), известный поэт, жил тогда в Дерпте (Юрьеве) и с П—ым лично еще не был знаком. *Дельвигъ*, *Овидій* см. выше. *Арапъ* см. Вступ. оч., где и об отношении П—а к Африке. В черн. рук. вар.: «Объ милой Африке свсей...» и др. Результатом послания было сближение П—а с Языковым, который посетил П—а. Как на юге П. себя сравнивал с изгнанным Овидием, так в Михайловском видел сходство своей судьбы с участью своего прадеда Ганнибала, который, находясь «в опале», жил в той же деревне. Свой «разгул» П. в стихах любил преувеличивать.

7. А. Н. ВУЛЬФУ.

[изъ письма.]

Здравствуй Вульфъ, приятель мой!
 Прѣзжай сюда зимой,
 Да Языкова поэта
 Затащи ко мнѣ съ собой—
 Погулять верхомъ порой,
 Пострѣлять изъ пистолета.
 Лайонъ, мой курчавый братъ
 (Не Михайловскій прикащикъ),
 Привезетъ намъ, право, кладъ!...

Что?..—бутылокъ полный ящикъ.
 Запируемъ ужъ, молчи!
 Чудо—жизнь анахорета!
 Въ Троегорскомъ до ночи,
 А въ Михайловскомъ до свѣта;
 Дни любви посвящены,
 Ночью царствуютъ стаканы,
 Мы же—то смертельно пьяны,
 То мертвецки влюблены.

Михайловское, 20 Сентября.

А. Н. Вульфъ—сын от 1-го брака П. А. Осиповой. *Лайонъ* (по-англ. лев)—прозвище Л. С. Пушкина. *Троегорское* (Тригорское) и *Михайловское* (Зуево) см. Вступ. оч., т. II. В Тригорскомъ жили Осиповы, которые (мать, дочери А. Н. Вульф и их гости, А. П. Керн и др.) составляли единственное общество П—а за все время его ссылки. *Языков* см. предыд. Напеч. 1857 г.

8. РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.¹

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Стишки для васъ одна забава,
 Немножко стоитъ вамъ присѣсть,
 Ужъ разгласить успѣла слава
 Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
 Поэма, говорятъ, готова,
 Плодъ новыхъ умственныхъ затѣй.
 Итакъ рѣшите; жду я слова:
 Назначьте сами цѣну ей.
 Стишки любимца Музъ и Грацій
 Мы вмигъ рублями замѣнимъ,
 И въ пукъ паличныхъ ассигнацій
 Листочки ваши обратимъ.
 О чемъ вздохнули такъ глубоко,
 Нельзя ль узнать?

ПОЭТЪ.

Я былъ далеко:
 Я время то воспоминалъ,
 Когда, надеждами богатый,
 Поэтъ безпечный, я писалъ
 Изъ вдохновенья, не изъ платы.
 Я видѣлъ вновь приюты скалъ
 И темный кровъ уединенья,
 Гдѣ я на пиръ воображенья,
 Бывало, Музу призывалъ.
 Тамъ сташе голосъ мой звучалъ;
 Тамъ долъ яркія видѣнья,
 Съ неизъяснимою красой,
 Вились, летали надо мной
 Въ часы ночнаго вдохновенья.

Все волновало нѣжный умъ:
 Цвѣтушій лугъ, луны блистанье,
 Въ часовнѣ вѣтхой бури шумъ,
 Старушки чудное преданье.
 Какой-то демонъ обладалъ
 Моими играми, досугомъ;
 За мной повсюду онъ леталъ,
 Мнѣ звуки дивные шепталъ,
 И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава;
 Въ ней грезы чудныя рождались;
 Въ размѣры стройные стекались
 Мои послушныя слова
 И звонкой-риемой замыкались.
 Въ гармоніи соперникъ мой
 Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь
 буйной,

Иль иволги напѣвъ живой,
 Иль ночью моря гулъ глухой,
 Иль шопоть рѣчки тихоструйной.
 Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
 Дѣлиться не былъ я готовъ
 Съ толпою пламеннымъ востор-
 гомъ,

И Музы сладостныхъ даровъ
 Не унижалъ постыднымъ тор-
 гомъ;

Я былъ хранитель ихъ скупой:
 Такъ точно, въ гордости нѣмой,
 Отъ взоровъ черни лицемѣрной
 Дары любовницы младой
 Хранить любовникъ суевѣрной.

¹ Замѣтимъ для щекотливыхъ любителей приличій, что Книгопродавецъ и Поэтъ—оба лица вымышленныя. Псхвалы перваго не что иное, какъ свѣтская вѣжливость, притворство, несбходимое въ разговорѣ или въ журналѣ. (Примеч. 1-го изд.)

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Но слава замѣнила вамъ
Мечтанья тайнаго отрады;
Вы разошлись по рукамъ,
Межъ тѣмъ, какъ пыльная громада
Лежалой прозы и стиховъ
Напрасно ждуть себѣ чтецовъ,
И вѣтреной ея награды.

ПОЭТЪ.

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ ли чтеца?
Гоненье ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Лордъ Байронъ былъ того же
мнѣнья;

Жуковской то же говорилъ:
Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
Ихъ сладкозвучныя творенья.
И впрямъ, завиденъ вашъ удѣлъ:
Поэтъ казнить, поэтъ вѣнчаеть;
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потомствѣ дальномъ поражаетъ;
Героевъ утѣшаетъ онъ;
Съ Коринной на Киѳерскій тронъ
Свою любовницу возносить.
Хвала для васъ докучный звонъ;
Но сердце женщинъ славы просить:
Для нихъ пишите; ихъ ушамъ
Пріятна лестъ Анакреона:
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

ПОЭТЪ.

Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искалъ вниманья красоты,
Мои слова, мои напѣвы,
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣхъ дѣвы
Волненье страха и стыда;
Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви:
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои!

Но полно! въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесетъ;
Пускай ихъ юноша поетъ,
Любезный баловень природы.
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ
глуши

Безмолвно жизнь моя несется;
Стонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой, вѣтреной души;
Нечисто въ нихъ воображенье:
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
Когда на память мнѣ неволью
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я содрогаюсь, сердцу больно:
Мнѣ стыдно идиоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унижилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?
Ахъ, лира, лира! что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, если бѣ Лега поглотила
Мои летучія мечты!

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Люблю вашу гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
Причины вашихъ огорченій
Мнѣ знать нельзя; но исключеній
Для милыхъ дамъ ужели нѣтъ?
Ужели ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей,
И вашихъ пѣсенъ не присвоить
Всесильной красотѣ своей?
Молчите вы.

ПОЭТЪ.

Зачѣмъ поэту
Тревожить сердца тяжелой сонъ?
Безплодно память мучить онъ.
И что жъ? Какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой. Душа моя
Хранить ли образъ незабвенный?
Любви блаженство зналъ ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таилъ я слезы въ тишинѣ?
Гдѣ та была, которой очи,
Какъ небо, улыбались мнѣ?
Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?
.....
И что жъ? Докучный стонъ любви,
Слова покажутся мои
Безумца дикимъ лепетаньемъ.
Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
И то съ печальнымъ содроганьемъ
Судьбою такъ ужъ рѣшено.

Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
 Одна была—предъ ней одной
 Дышаль я чистымъ упоеньемъ
 Любви поэзіи святой.
 Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ
 чудесный,

Гдѣ льются вѣчныя струи,
 Я находилъ огонь небесный,
 Сгорая жаждою любви.
 Ахъ, мысль о той души завялой
 Могла бы юность оживить,
 И сны поэзіи бывалой
 Толпою снова возмутить!
 Она одна бы разумѣла
 Стихи неясныя мои;
 Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
 Лампадой чистою любви.
 Увы, напрасныя желанья!
 Она отвергла закланья,
 Мольбы, тоску души моей:
 Земныхъ восторговъ изліянья,
 Какъ божеству, не нужно ей.

книгопродавецъ.

Итакъ, любовью утомленный,
 Наскуча лепетомъ молвы,
 Заранѣ отказались вы
 Отъ вашей лиры вдохновенной.
 Теперь, оставя шумный свѣтъ,
 И Музъ, и вѣтреную моду,
 Что жъ изберете вы?

поэтъ.

Свободу.

книгопродавецъ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ;
 Внемлите истинѣ полезной:
 Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ
 желѣзной

Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
 Что слава? Яркая заплата
 На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
 Намъ нужно злата, злата, злата:
 Копите злато до конца!
 Предвижу ваше возраженье;
 Но васъ я знаю, господа:
 Вамъ ваше дорого творенье,
 Пока на пламени труда
 Кипитъ, бурлитъ воображенье;
 Оно застынетъ, и тогда
 Постыло, вамъ и сочиненье.
 Позвольте просто вамъ сказать:
 Не продается вдохновенье,
 Но можно рукопись продать.
 Что жъ медлить? Ужъ ко мнѣ за-
 ходятъ

Нетерпѣливыя чтецы;
 Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
 За ними тощія пѣвцы:
 Кто проситъ пищи для сатиры,
 Кто для души, кто для пера,
 И, признаюсь, отъ вашей лиры
 Предвижу много я добра.

поэтъ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ
 моя рукопись. Условимся.

26 Сентября 1824, въ Михайловскомъ.

Напеч. 1825 г. при 1-ой главѣ «Евг. Онѣг.», с пропускомъ ст. 97—105, 125—128, 155—162 и вар. (кроме незначительных):

Ст. 107: Пускай ихъ Шаликовъ поэтъ...
 146: Гдѣ жъ ты была, которой очи...
 191—192: Я зню ваше возраженье,
 Но тутъ не вижу я стыда...

В черн. рук. загл.: «Разговоръ между книгопродавцемъ и поетомъ» и вар.:

После ст. 46: Меня не зналъ въ то время свѣтъ,
 Но мнѣ внимала вся природа;
 Во истину я былъ поэтъ
 Не для себя, — не для народа...

Вместо ст. 19—22: Отдайте мнѣ мои дубравы,
 Мои холмы, приюты скалы,
 Гдѣ я не понимая славы
 Одной поэзіей дышаль...

После ст. 128: И память злобной (гордой) красоты
 Сокрыла бъ темная могила...

После ст. 132: Ужели нѣтъ изъ нихъ единой,
 Которой посвятили [бъ вы],
 Назвали бъ сѣверной Коринной
 При плескахъ радостной Москвы.

Из числа мелкихъ вар. важныя:

Ст. 24—25: Тамъ долѣ яркія видѣнья
 Новорожденню толпой...

- Ст. 74—75: Хвала ли хладнаго невѣжды
(Преврѣнье ль гордаго невѣжды),
Гоненье ль знатнаго глупца?..
87: Для вась она кимвальный звонь...'
107—108: Пускай ихъ Батюшковъ поеть,
Рѣскошный баловень природы..
162: Томимый сладостью любви...
174—175: Нѣтъ, наши бранныя свиданья,
Какъ божеству, не нужны ей...

Расположены стихи в первой части в черн. рук. несколько в ином порядке. Сам П. всегда включал «Разговоръ» в ряд лирических стихотв. *Кн. Шаликовъ* — посредственный стихотворец. *Коринна* — героиня стихов Овидия. *Киевскій тронъ* — трон любви. О ком говорит П.: «Одна была...», не выяснено, м. б., М. Н. Раевская; по другим — Е. К. Воронцова, см. о них раньше. *Анакреонъ*, *Геликонъ*, *Лета* и др. см. Общ. прим. *Байронъ*, *Батюшковъ* и др. см. раньше. Стихотв. — последняя дань П—а наивному романтизму; в Михайловском П. переходит к «классическому реализму» (хотя продолжает считать себя романтиком). Мысль последних ст. неоднократно повторялась П—ым, см. дальше; в его время еще не осознали, что дело художника — важный для народа труд. П. сам поддавался предрассудкам времени, уверяя, что его стихи — «плоды досуга», что он — «праздный повеса» и т. под. Стихотв. имело большой успех у современников: многие стихи повторялись, как поговорки, Перепеч. изд. 1835 г.; полно—1857 г.

9. КЪ * * *.

Т [уманскій] правъ, когда такъ вѣрно вась
Сравниль онъ съ радугой живою:
Вы милы какъ она для глазъ
И какъ она премѣнчивы душою.
И съ розой схожи вы, блеснувшюю весной:
Вы также какъ она предъ нами
Цвѣтете пышною красой
И также колетесь, Богъ съ вами!
Но болѣе всего сравненіе съ ключемъ
Миѣ нравится—я радъ ему сердечно;
Да, чисты вы какъ онъ и сердцемъ и умомъ,
И такъ же холодны конечно.
Сравненья прочія не столько хороши,
Поэтъ не виноватъ—сравненья не удобны:
Вы прелестью лица и прелестью души,
Къ несчастью, неподобны.
[Сентябрь—октябрь].

Туманскій Ф. А. (1800—1853 г.) и его двоюр. брат, Туманскій В. И. (1800—1860), — поэты, см. примеч. к «Евг. Онегину». К кому обращены стихи и на какое стихотв. Туманского, которого из двух, даже вообще Туманского ли (рук.: «Т—правъ...») намекает П., не выяснено. В рук. мелкие вар. Напеч. 1855 г.

10. КОВАРНОВАТЬ.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ;
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содраганьемъ;
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою;
Не говори: „онъ болель, онъ дитя,
Онъ мучится безумною тоскою“;
Не говори: „неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золь, онъ дружбы недостоинъ“;
Вся жизнь его какой-то тяжкой сонъ...“
Уже ль ты правъ? Уже ли ты спокоенъ?

Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
 Чтобъ вымолить у друга примиренье.
 Но если ты святую дружбы власть
 Употреблялъ на злобное гоненье;
 Но если ты затѣйливо язвилъ
 Пугливое его воображенье,
 И гордую забаву находилъ
 Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;
 Не если самъ презрѣнной клеветы
 Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
 Но если цѣпь ему накинулъ ты
 И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
 И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
 Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
 Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей—
 Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

18 Октября 1824. Михайловское.

Напеч. 1828 г. В рук. мелкие вар., среди них:

- Ст. 11: Не говори: Нѣтъ, совѣсти (признавъ) законъ...
 (Отвѣтствуй мнѣ: Злой эгоизмъ [—законъ]...)
 12: Иль ты ничѣмъ предъ нимъ не виноватъ...
 26: Эхъ тайное своимъ орлинымъ взоромъ...
 28: Доволенъ будь, покрывъ себя поворомъ:
 Ты осужденъ сердечнымъ приговоромъ.

По преданію, обращено к А. Н. Раевскому, прообразу «демона», который, будучи возлюбленным гр. Воронцовой, прикрывал свои отношения любовью П—а. Легко увлекавшийся П. сначала очень высоко оценил А. Н. Р—ого, видел в нем личность исключительную. Раскрытие «коварности» друга тяжело повлияло на П—а. Оно было среди причин общего разочарования П—а 1823—1824 г. в людях и в жизни, см. Вступ. оч., т. III. Позднее, в письмах, П. отзывался о А. Н. Р—ом сухо и иронически (насмешливо). Перепеч. изд. 1829 г.

11. ПРИЗНАНИЕ.

Я васъ люблю,—хоть я бѣшусь,
 Хоть это трудъ и стыдъ напрасной:
 И въ этой глупости несчастной
 У вашихъ ногъ я признаюсь!
 Мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ...
 Пора, пора мнѣ быть умнѣй!
 Но узнаю по всѣмъ примѣтамъ
 Болѣзнь любви въ душѣ моей:
 Безъ васъ мнѣ скучно,—я зѣваю;
 При васъ мнѣ грустно,—я терплю;
 И мочи нѣтъ, сказать желаю,
 Мой Ангелъ, какъ я васъ люблю!
 Когда я слышу изъ гостиной
 Вашъ легкой шагъ, иль платья шумъ,
 Иль голосъ дѣвственный, невинной,
 Я вдругъ теряю весь свой умъ.
 Вы улыбнетесь—мнѣ отрада;
 Вы отвернетесь—мнѣ тоска;
 За день мученія—награда
 Мнѣ ваша блѣдная рука.
 Когда за пальцами прилежно

Сидите вы, склонясь небрежно,
 Глаза и кудри опуствя—
 Я въ умиленіи,—молча,—нѣжно,—
 Любуюсь вами какъ дитя!..
 Сказать ли вамъ мое несчастье,
 Мою ревнивую печаль,
 Когда гулять, порой, въ не-
 настье,
 Вы собираетесь въ даль?
 И ваши слезы въ одиночку,
 И рѣчи въ уголку вдвоемъ,
 И путешествія въ Опочку.
 И фортепьяно вечеркомъ?..
 Алина, сжальтесь надо мною!
 Не смѣю требовать любви:
 Быть можетъ за грѣхи мои,
 Мой Ангелъ, я любви не стою!
 Но притворитесь: этотъ взглядъ
 Все можетъ выразить такъ чудно!
 Ахъ, обмануть меня не трудно:
 Я самъ обманываться радъ!..

Обращено к А. И. Осиповой, в посл. Беклешовой, падчерице хозяйки Тригорского, П. А. Осиповой. Стихотв. — почти шутка; серьезного чувства здесь не было. Напеч. по смерти П—а в 1837 г. Авт. не сохранилось, но ст. 32 приведен П—ым в письме 1835 г

12. ИСПАНСКИЙ РОМАНСЪ.

Ночной зефиръ
Струить ээирь.
Шумить,
Бѣжитъ
Гвадалквивирь.

Ночной зефиръ
Струить ээирь
Шумить,
Бѣжитъ
Гвадалквивирь.

Вотъ взошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звонъ...
Вотъ Испанка молодая
Оперлася на балконъ.

Скинь мантилью, Ангелъ милый,
И явись какъ яркой день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ
Струить ээирь.
Шумить,
Бѣжитъ
Гвадалквивирь.

Напеч. 1827 г. с нотами; перепеч. еще раз 1827 г. и изд. 1829 г. Авт. не сохранилось. *Гвадалквивирь* — река в Испании, на которой стоит гор. Севилья; *мантилья* — широкий платок, большею частью черный, с бахромой, какой носили все испанки; др. об. раньше. Стихотв.—подражание «серенаде», т.-е. песни, которую в Испании влюбленные пели по вечерам под окнами своих возлюбленных, аккомпанируя себе на гитаре. В припеве П. подражает звукам гитары.

13. ПОДРАЖАНИЕ АНДРЕЮ ШЕНЬЕ.

Ты вянешь и молчишь, печаль тебя сѣдаетъ;
На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.
Давно твоей иглой узоры и цвѣты
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали;
Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
Любви не утаишь: мы любимъ, и какъ насъ,
Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуетъ васъ.
Щастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ими,
Красавецъ молодой съ очами голубыми,
Съ кудрями черными?.. Краснѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не онъ ли вѣчно бродитъ
Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
Ты тайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь,
И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
Никто на праздникѣ блистательнаго Мая,
Межъ колесницами роскошными летая,
Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.

Напеч. изд. 1826 г. Близкий, но сокращенный перевод стихов А. Шенье. Вар. рук.: «На рзовыхъ устахъ...» В другом авт. пометы: «1824» и «помѣстить въ элегіяхъ». Стихотв. — «антологическое» (см. раньше 1821 г. и др.), почему его обстановка — античная: колесницы и т. под., но «узоры и цвѣты» (пальцы, обычные в 20-х годах) взяты из русской жизни. Перепеч. изд. 1829 г.; в обоих изд. загл.—только в оглавлении, что относится к предыд. и некоторым другим стихотв. Правописание—по авт., а не по изд. где ст. 9: «меж ними», что также относится к ряду стихотв.

14. ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ.

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ!
 Позволь обнять тебя, мой прежній собесѣдникъ.
 Недавно, тяжкою цензурой угнетенъ,
 Послѣдникъ, жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
 Со всею братіей гонимый совокупно,
 Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно;
 Потѣшилъ языка бранчивую свербежь,—
 Но извини меня, мнѣ было не въ терпезь.
 Теперь, въ моей глуши журналы раздирая,
 И бѣдной братіи стишонки разбирая
 (А благо мнѣ читать теперь большой досугъ),
 Обрадовался я, по нимъ замѣтя вдругъ
 Въ тебѣ и правила, и мыслей образъ новый.
 Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый
 И твердостью души, и смѣлостью ума.
 Какъ изумилася Поэзія сама,
 Когда ты разрѣшилъ, по милости чудесной,
 Завѣтныя слова: *божественный, небесный*—
 И ими назвалась (для риѣмы) красота,
 Не оскорбляя тѣмъ ужъ Господа-Христа.
 Но что же вдругъ тебя, скажи, перемѣнило
 И нрава твоего кичливость усмирило?
 Свои посланія хоть очень я люблю,
 Хоть знаю, что прочелъ ты жалобу мою,
 Но, подразнивъ тебя, я перемѣной сею
 Приятно изумленъ, гордиться не посмѣю.
 Отнесся я къ тебѣ по долгу своему;
 Но мнѣ ль исправить васъ? Нѣтъ, вѣдаю, кому
 Сей важной новостью обязана Россія:
 Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
 Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ.
 Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
 Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
 Священной памятью Двѣнадцатаго года;
 Одинъ среди вельможъ онъ Рускихъ Музъ любилъ:
 Ихъ, незамѣченыхъ, созвалъ, соединилъ;
 Отъ хлада нашихъ дней укрылъ онъ лавръ единый
 Осиротѣлаго вѣнца Екатерины.
 Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой Отецъ,
 Омара да Гали приявъ за образецъ,
 Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,
 Усердно заглушить старался просвѣщенье.
 Благочестивая, смиренная душа
 Карала чистыхъ Музъ, спасая Бантыша,
 И помогалъ ему Магницкой благородной,
 Мужъ честный въ правилахъ, съ душою превосходной,
 И даже бѣдный мой Кавелинъ-дурачокъ,
 Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ.
 И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи пакостныя руки
 Вы были преданы, печальныя науки!
 Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
 Но полно! мрачная година протекла,
 И ярче ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья.
 Я, съ перемѣною несчастнаго правленья,

Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ;
 Но, самъ не знаю какъ, ты, видно, устоялъ.
 Итакъ я поспѣшилъ приятелей поздравить,
 А между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставить:
 Будь строгъ, но будь уменъ. Не просить отъ тебя,
 Чтобъ, всѣ законныя преграды изтребя,
 Все мыслить, говорить, печатать безопасно
 Ты нашимъ Господамъ позволилъ самовластно.
 Права свои храни по долгу своему;
 Но скромной Истинѣ, но мирному Уму,
 И даже Глупости, невинной и довольной,
 Не заграждай пути заставой своевольной,
 И если ты въ плодахъ досужнаго пера
 Порою не найдешь великаго добра,
 Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
 Престоловъ, алтарей и нравовъ супостата,
 То, славы Автору желая отъ души,
 Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

См. «Первое посланіе» 1823 г., обращенное, как и «Второе», к цензору Бирукову. А. Шишковъ см. раньше. *Святой отецъ* — кн. А. Н. Голицын, министр исповеданий, потом — народного просвещения. *Омаръ, Гали* — известные в истории изуверы. В. Н. Бантыш-Каменскій — племянник историка, см. эпигр. 1818—1819 г. М. П. Магницкій — попечитель Казанскаго учебнаго округа, известен гонением на университет. Д. А. Кавелинъ — директор Петроградскаго университета, известный преследованиемъ профессоров, в том числе Галича., бывш. профессора Лицея. Сохранилось три авт. Наш текст — по беловому авт. собр. Дашкова; Акад. инд. — по авт. Рум. муз., где отличия;

- Ст. 11;   Теперь же мнѣ читать охота и досугъ...
 33—34: (Сей старецъ дорогъ намъ — другъ чести, другъ народа,
 Онъ славенъ славою Двѣнадцатаго года.)
 [Исправлено — как в тексте.]
 46: (Мужъ твердый разумомъ и сердцемъ превосходный...
 Мужъ твердый въ правилахъ, душою превосходный...
 50: (Ввѣрялись бѣдныя, несчастныя науки...)
 Вы были ввѣрены, печальныя науки...

Также мелкие: ст. 3 — «цензурой притѣсненъ...»; 7 — «Потѣшилъ дерзости...»; 32 — «...наукъ ужъ...», и мн. др.; ст. 37 и 38 — переставлены. В черн. авт. еще ряд вар. В лицейскомъ эпиграммахъ П. зло смеялся над глупостью Шишкова, но назначению его министромъ просвещения обрадовался, Все же то был порядочный человекъ среди изуверовъ и дикихъ гасителей, какъ Голицын, Магницкій, Бантыш, Д. Кавелин, деятельность которыхъ П. сравнивалъ с поступкомъ Омара, арабскаго завоевателя, сжегшаго за «ненадобностью» библиотеку Александрии. Не надеясь на лучшее, П. готовъ былъ мириться с цензурой, только бы она не обращалась въ сплошное и невежественное гонение. Однако, самое поелание напеч. в отрывкахъ и с искажениями лишь 1857 г., полно — лишь 1880 г.

15—16. Эпиграммы конца 1824 года.

I. НА ПЕТЕРБУРГСКОЕ НАВОДНЕНИЕ.

Напрасно ахнула Европа:	Бестужевъ, твой ковчегъ на брегахъ!
...е унывайте, не бѣда!	Парнаса блещутъ высоты —
Отъ Петербургскаго потопа	И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслась „Полярная Звѣзда“.	Спаслись и люди, и скоты.

А. А. Бестужевъ-Марлинскій (1797—1837 г.), известный позднее романист, издавал альманахи «Полярная Звѣзда», где участвовал и П. См. том III, письма. *Потопъ* — наводнение 1824 г., описанное в пов. «Мѣдный Всадникъ». Авт. без вар. и без загл. Напеч. ва границей 1859 г.; в России — 1880 г.

II. А. Г. РОДЗЯНКЪ.

[изъ письма.]

Прости, Украинской мудрецъ,
 Намѣстникъ Феба и Приапа!
 Твоя соломенная шляпа

Завиднѣй, чѣмъ иной вѣнецъ
 Твой Римъ—деревня, ты—мой папа,
 Благослови жъ меня, пѣвецъ!

8 Декабря.

Изъ письма к А. Г. Родзянке; см. том. III, письма и дальше — послание к нему.
Приапъ — бог сладострастия. Напеч. 1859 г., точнее—1897 г.

1825 ГОД.

1. ПОДРАЖАНІЯ ПѢСНѢ ПѢСНЕЙ СОЛОМОНА.

I.

Въ крови горитъ огонь желанья,
 Душа тобой уязвлена,
 Лобзай меня: твои лобзанья
 Миѣ слаще мирра и вина.

Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
 И да почию безмятежной,
 Пока дохнетъ веселый день
 И двинется ночная тѣнь.

II.

„Вертоградъ моей сестры,
 Вертоградъ уединенный;
 Чистый ключъ у ней съ горн
 Не бѣжитъ запечатлѣнный.“
 — У меня плоды блестягъ
 Наливные, золотые;

У меня бѣгутъ, шумятъ
 Воды чистыя, живыя.
 Нардъ, алой и киннамонъ
 Благовоніемъ богаты:
 Лишь повѣтъ Аквилонъ,
 И закаплютъ ароматы.

Напеч. 1829 г. П. переложил из «Песни песней», по Библии, гл. I ст. 1—3 и гл. IV ст. 12—17. Первонач. наброски в рук. 1821 г.; в отделанном виде напеч. II—ым, в изд. 1829 г., под 1825 г. Вар. незначительны: «Тобой кипятъ любви желанья, — Душа тобой упоена...» и др. В подражаниях сохранены выражения подлинника (славянизмы): *вертоградъ*, т.-е. сад, *почию*, *двинется* и др.; *мирро*, *nardъ*, *алоз*, *киннамонъ* — различные благовония (парфюмерия), широко распространенные на Востоке в древности; *Аквилонъ* — ветер, см. раньше. В рук. программа-перевод I-го:

ПѢСНѢ ПѢСНЕЙ ЦАРЯ СОЛОМОНА.

Да лобзаетъ меня лобзаніемъ устъ своихъ. Перси твои пріятнѣй вина, запахъ мвра твоего лучше всѣхъ ароматъ, имя твое сладостно, какъ излиянное муро; для того, юная, възлюбилъ я тебя...

2. СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

ОТРЫВОКЪ

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
 Какъ долго медлить я, какъ долго не хотѣла
 Рука предать огню всѣ радости мои!...
 Но полно, часъ насталъ: гори письмо любви.
 Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.
 Ужъ пламя жадное листы твои пріемлетъ...
 Минуту!... вспыхнули... пылають... легкой дымъ,
 Віясь, теряется съ моленіемъ моимъ.
 Ужъ перстня вѣрнаго утрата впечатлѣнье,
 Разтопленный сургучъ кипитъ... О провидѣнье!

М. И. ЯКОВЛЕВ.
С современного портрета

Князь А. М. ГОРЧАКОВ.
С современного портрета.

Свершилось! Темные свернулись листы;
 На легкомъ пеплѣ ихъ завѣтныя черты
 Бѣлѣютъ... Грудь моя стѣснилась. Пепельъ милой,
 Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
 Останься вѣкъ со мной на горестной груди...

Напеч. 1826 г. и изд. 1826 и 1829 г. В черн. авт. ряд вар., среди них:

Ст. 6—8: Ужъ пламя легкое святой залогъ объемлетъ;
 Бумага вспыхнула... Свершилось! Легкой дымъ
 Летитъ и стелется съ веселиемъ моимъ...

11—12: Свѣтъ гаснетъ. Потемнѣвъ, свернулись листы.
 Ихъ пепельъ сохранилъ чужъ видныя черты...

Посл. ст.: Приди на грудь мою, на пламенную грудь,
 Близъ сердца моего останься! Не забудь
 Слова завѣтныя, слова души прекрасной...

Полагают, что стихи обращены к письму гр. Е. К. Воронцовой (см. Вступ. оч.), которая подарила П—у перстень — «талисман» с егрейской надписью (см. дальше), а себе оставила копию с него. Есть известие, что П. всегда сжигал письма, запечатанные таким перстнем. В тексте 1826-ая пунктуация.

3. ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
 Раздайтесь, Вакхальны припѣвы!
 Да здравствуютъ нѣжныя дѣвы
 И юныя жены, любившія насъ!
 Полнѣе стаканъ наливайте!
 На звонкое дно,
 Въ густое вино
 Завѣтныя кольца бросайте!
 Подыmemъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
 Да здравствуютъ Музы, да здравствуетъ разумъ!
 Ты, солнце святое, гори!
 Какъ эта лампада блѣднѣетъ
 Предъ яснымъ восходомъ зари,
 Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
 Предъ солнцемъ безсмертнымъ Ума.
 Да здравствуетъ солнце, да скроется тма!

Напеч. изд. 1826 г., перепеч. 1829 г. *Вакхъ* см. раньше. *Ложная мудрость*, м. б., — намек на мистиков того времени, см. 1818—1819 г. Сам П. отличался ясностью и трезвостью мысли. Авт. не сохранилось.

4. СТИХИ ВЪ АЛЬБОМѢ.

Если жизнь тебя обманетъ,
 Не печалься, не сердись!
 Въ день унынія смирись:
 День веселья, вѣрь, настанетъ.

Сердце въ будущемъ живетъ;
 Настоящее уныло:
 Все мгновенно, все пройдетъ;
 Что пройдетъ, то будетъ мило.

Напеч. 1825 г. Было вписано в альбом Е. Н. Вульф, впоследствии Бревской, дочери П. А. Осиповой от первого брака, которую в семье звали «Зина» и «Зизи». Евпр. Ник. Вульф была «душой общества» в Тригорском. Авт. утрачен; сохранился список с загл.: «Стихи въ альбаумъ Евпраксии Николаевны Вульфъ 1825 году». Перепеч. изд. 1826 г. под загл.: «Въ альбомѣ» и изд. 1829 г. без заглавия.

5. С А Ф О.

Щастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ:
 Душою гордою и пылкой и незлобной,
 И первой младости красой женоподобной.

Напеч. изд. 1826 г., с загл. «Юноша», и изд. 1829 г. *Сафо*—др.-греческая поэтесса.

6. И. И. КОЗЛОВУ.

Пѣвцы! когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся Геній,
На все минувшее воззрѣлъ
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки;
Тебѣ онъ создалъ новый міръ:

Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумирь.

А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенно далъ отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра;
О нѣтъ, недаромъ Жизнь и Лира
Мнѣ были ввѣрены Судьбой!

15 Мая 1825 г.

Михайловское-Арапово.

Напеч. изд. 1826 г. *И. И. Козловъ* (1779—1840 г.) ослеп в 1821 г. и тогда посвятил себя поэзии, став выдающимся поэтом; в 1825 г. он издал повесть в стихах «Чернецъ» и послал ее П—у с собственноручной подписью (см. том III, письма). В рук. вар.: «Цвѣтущей юности...» Перепеч. изд. 1829 г.

7. П. А. ОСИПОВОЙ.

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаньѣ мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться.

Но и въ дали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслю всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,

Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду, подъ сѣнью липъ домашней.

Когда померкнетъ ясный день,
Одна изъ глубины могильной
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
На милыхъ бросить взоръ умильной.

Сло Михайловское 25 Іюня 1825.

Напеч. 1829 г. П. имеет в виду не прекращение ссылки, а свои планы—бежать за границу, см. еще Отд. II. *Осипова*, *Тригорское* см. Вступ. оч., т. II, и раньше. П. А. Осипова, женщина простая, но добрая, была единственным другом П—а в его ссылке, в тягостные зимние месяцы, когда разъезжались все другие соседи. Перепеч. изд. 1821 г.

8. АНДРЕЙ ШЕНЬЕ ВЪ ТЕМНИЦѢ.¹

ПОСВЯЧЕНО Н. Н. РАЕВСКОМУ.

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait...

[Но плѣнная и горестная лира
Все жъ пробуждалась...

А. Шенье.]

Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору Европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,
Зоветъ меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій,
Съ кровавой плахи въ дни страданій,
Сошедшая въ могилу сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучитъ незнаемая лира,—
Несу надгробные цвѣты.

¹ Андрей Шенье погибъ (одной изъ благороднѣйшихъ) жертвъ Французской революціи на 31 году отъ рожденія (Долго онъ былъ извѣстенъ двумя или тремя отрывками въ древне-элегическомъ родѣ, одою «Младой Узницы» и словами Шатобриана). Долго славу его составляло два или три стихотворенія, нѣсколько словъ (воспоминанья), сказанныхъ о немъ Шатобрианомъ, и общее сожалѣніе объ утратѣ (прочихъ его стиховъ) всего прочаго.—Наконецъ, творенія его были отысканы и (выданы) вышли въ свѣтъ 1819 года... (Читая стихи давно умершаго и вмѣстѣ....), нельзя воздержаться отъ горестнаго чувства. (*Примеч. П—а в черн. рук.*; поставленное в скобки—в рук. зачеркнуто).

Подъялась вновь усталая сѣкира
 И жертву новую зоветъ.
 Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
 Въ послѣдній разъ ему поеть.³
 Заутра казнь, привычный пирь народу;
 Но лира юнаго пѣвца
 О чемъ поеть? Поеть она свободу—
 Не измѣнилась до конца!

„Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
 Я славилъ твой небесный ликъ,
 Когда онъ искрою возникъ,
 Когда ты въ бурѣ восходило;
 Я славилъ твой священный громъ,
 Когда онъ разметалъ позорную твердыню⁴
 И власти древнюю гордыню
 Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ;
 Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
 Я слышалъ братской ихъ обѣтъ,
 Великодушную присягу
 И самовластію безтрепетный отвѣтъ;⁵
 Я зрѣлъ какъ ихъ могущи волны
 Все ниспровергли, увлекли,
 И пламенный трибунъ⁶ предрекъ, восторга полный,
 Перерождение земли.
 Уже сиялъ твой мудрый геній,
 Уже въ безсмертный Пантеонъ
 Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни;⁶
 Отъ пелены предубѣждений
 Разоблачался ветхой тронъ;
 Оковы падали. Законъ,
 На вольность опершись, провозгласилъ равенство,
 И мы воскликнули: „Блаженство!“...
 О горе! о безумный сонъ!
 Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
 Единый властвуетъ топоръ.
 Мы свергнули царей?⁷ Убийцу съ палачами
 Избрали мы въ Цари! О ужась, о позоры!..⁸

³ Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyr
 Anime le soir d'un beau jour,
 Au picot de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.

V. Les derniers vers d'André Chénier.

(Примеч. П—а. Перевод:

И как послѣдний луч, как вѣянье зефира
 Бросаетъ вечеру прощальный свет,
 Пред плахой так моя заводитъ песню лира...

См. последние стихи Андрея Шенье).

⁴ Взятіе Бастилии, воспѣтое Андреемъ Шенье, (Объяснение П—а на вопросе 1827 г., при чем П—ымъ написано: «небесный громъ»).

⁵ Присяга du jeu de raquette [членов Национального Собрания 1789 г., в зале для игры в мяч] и отвѣтъ Мирабо: allez dire à votre maître etc. [скажите вашему господину, т. е. королю, что мы здесь собрались по воле народа, и т. д.] (Объяснение П—а там же).

⁶ Онъ же, Мирабо. (Объяснение П—а там же).

⁷ Перенесеніе тѣлъ Вольтера и Руссо въ Пантеонъ [бывш. церковь св. Жюльевы въ Париже]. (Объяснение П—а там же).

⁸ Въ 1793 году [т. е. казнь Людовика XVI]. (Объяснение П—а там же).

⁹ Робеспьер и конвентъ [т. е. власть террористовъ 1793 г.] (Объяснение П—а там же).

„Но ты, священная свобода,
 Богиня чистая! нѣтъ, не виновна ты:
 Въ порывахъ буйной слѣпоты,
 Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
 Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
 Завѣшенъ пеленой кровавой...
 Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой—
 И вновь твои враги падуть.
 Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
 Все ищетъ вновь упиться имъ;
 Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
 Онъ бродитъ, жаждою томимъ...
 Такъ! онъ найдетъ тебя. Подъ сѣнію равенства
 Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
 И буря мрачная минетъ...

„Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства!
 Я плахъ обреченъ. Послѣдніе часы
 Влachu. Заутра казнь. Торжественной рукою
 Палачъ мою главу подыметъ за власы
 Надъ равнодушною толпою.
 Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
 Не будетъ почивать въ саду, гдѣ провождали
 Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ
 И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.
 Но, други, если обо мнѣ
 Священно вамъ воспоминанье,
 Исполните мое послѣднее желанье:
 Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ!
 Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье!
 Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленье:
 О братъ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
 Еще жъ одна мольба: вы слушали стократъ
 Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
 Разнообразныя, завѣтныя преданья
 Всей младости моей. Надежды и мечты
 И слезы и любсвь, друзья, сіи листы
 Всю жизнь мою хранить. У Авеля, у Фанни,⁹
 Молю, найдите ихъ! Невинной музы дани
 Сберите! Строгий свѣтъ, надменная молва
 Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
 Безвременно падетъ! Мой нездѣльный геній
 Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній;
 Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
 Храните рукопись, о други, для себя!
 Когда гроза пройдетъ, толпою суевѣрной
 Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ вѣрной
 И, долго слушая, скажите: это онъ!
 Вотъ рѣчь его! А я, забывъ могильный сонъ,
 Взойду невидимо и сяду между вами,
 И самъ заслушаюсь, и вашими слезами

⁹ У Авеля, у Фанни. Abel, doux confident de mes jeunes mystères (El. I): одинъ изъ друзей А. Шенье; Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui s:nt adressées. (Примеч. П—а. Перевод: Авель, нежный наперсникъ моихъ юношескихъ тайн. См. Элегию 1-ю, — одинъ изъ друзей Андрея Шенье. Фанни — одна изъ возлюбленныхъ Андрея Шенье, — см. обращенные къ ней стихотворенія).

Упьюсь... и, можетъ быть, утѣшенъ буду я
Любовью; можетъ быть и *Узница* моя,¹⁰
Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая..."

Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
Младой пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
Пора весны его съ любовью, тоской
Промчалась передъ нимъ. Красавицъ томны очи,
И пѣсни и пиры и пламенные ночи,
Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
Далече... и стиховъ журчанье излилось:

„Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
Свободу и друзей и сладостную лѣнь?“
Судьба лелѣяла мою златую младость,
Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
И Муза чистая дѣлила мой досугъ.
На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и стихами
Сѣнь, охраненную домашними богами.
Когда жъ, Вакхической тревогой утомясь
И новымъ пламенемъ внезапно воспалась,
Я утромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
Она меня гнала, бранила и прощала:
Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнливой и простой,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что дѣлать было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами!
Мнѣ ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать безсильныя бразды?
И что жъ оставлю я? Забытые слѣды
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни голосъ мой! И ты, о призракъ ложной,
Ты, слово, звукъ пустой...

О, нѣты!

Умолкни ропоть, малодушной!
Гордись и радуйся, поэтъ!
Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ:
Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
Твой свѣточъ грозно пламенѣя,
Жестокимъ блескомъ озарилъ
Совѣтъ правителей безславныхъ;¹¹

¹⁰ И Узница моя. V. La jeune captive (Mlle de Coigny). (Примеч. П—а. Перевод: См. стихотворение Андрея Шенье: «Юная узница», в котором описана г-жа де-Куаньч).

¹¹ Voyez ses i mbs. — Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler

Твой бичь настигнулъ ихъ, казнилъ
 Сихъ палачей самодержавныхъ;
 Твой стихъ свисталь по ихъ главамъ;
 Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
 Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
 Кинжалъ и дѣву-Эвмениду!
 Когда святой старикъ отъ плахи отрывалъ
 Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой:
 Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
 И передъ вами трепеталь
 Ареопагъ остервенѣлой.
 Гордись, гордись, пѣвецъ! А ты, свирѣпый звѣрь,
 Моей главой играй теперь:
 Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:
 Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
 Пей нашу кровь, живи, губя:
 Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
 И часъ придетъ... и онъ ужь недалекъ:
 Падешь, тиранъ! Негодованье
 Воспрянетъ наконецъ. Отечества рыданье
 Разбудить утомленный рокъ.
 Теперь иду... пора... но ты ступай за мною!
 Я жду тебя..."

Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
 И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
 Блѣднѣлъ предъ утренней зарею,
 И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
 Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры...
 Вдругъ шумъ. Пришли, зовуть. Они! Надежды нѣтъ!
 Звучать ключи, замки, запоры.
 Зовуть... Постой, постой! День только, день одинъ:
 И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
 И живъ великой гражданинъ
 Среди великаго народа.¹²
 Не слышатъ. Шествіе безмолвно. Ждетъ палачъ.
 Но дружба смертный путь поэта очаруетъ.¹³
 Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуешь...¹⁴
 Плачь, Муза, плачь!..

Напеч. (не полно) изд. 1826 г. А. Шенье (1762—1794 г.) — один из лучших франц. поэтов конца XVIII в., которого П. высоко ценит и из которого много переводил (см. о нем примеч. П—а, извлеченное из черн. рук.) Стихотв. стояло П—у, как показывают

le peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier (H. de la Touche). (Примеч. П—а. Перевод: См. «Ямбы» Андрея Шенье.—Шенье возбудил к себе ненависть партий. Он прославлял Шарлотту Корде, осмеивал Колле д'Эрбуа, нападал на Робеспьера.—Как известно, король в письме, полном спокойствия и достоинства, требовал у Национального Собранія права—апеллировать к народу на свой смертный приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, было составлено Андреем Шенье. См. историю де-Ла-Туша).

¹² Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е. наканунѣ низверженія Робеспьера. (Примеч. П—а).

¹³ На роковой телегѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racin fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque. (H. de la Touche). (Примеч. П—а. Перевод: В свои последние мгновения они говорили о поэзии: после дружбы то была для них самая прекрасная вещь на земле. Предметом их разговора и их последнего восхищенія был Расин. Им хотелось декламировать его стихи, и они выбрали для того первую сцену из трагедии «Андромаха». См. историю де-Ла-Туша).

¹⁴ На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: «Pourtant j'avais quelque chose là. (Примеч. П—а. Перевод: «Все же у меня там кое-что было!»)

рук., много труда, но при жизни поэта могло быть напечат. лишь с большими пропусками. Вероятно, цензура вычеркнула в загл. слова «въ темницѣ», находящиеся во всех рук. По поводу пропущенных стихов возникло, в 1826 г., дело по обвинению П—а в сочинении стихов, будто бы, «на 14 декабря», и П—у грозило тяжелое наказание (см. Вступ. оч. т. III, письма). В черн. рук. первоначальные вар., среди них:

- Ст. 1—8: Межъ тѣмъ какъ Байроновой тѣни
Гремятъ [хвалы] надгробныхъ лирь,
Сыны . . . . . вдохновеній
Несутъ . . . . . пѣснопѣи
И полонъ сѣтующій (опустѣлый) міръ
Его слѣдами . . . . .
Другая тѣнь меня зоветъ...
Давно безъ пѣсень, безъ могилы
Давно кровавой дани ждетъ...
- 24—28: Я зрѣлъ когда ты разгорѣлось,
Когда раздался твой незапный громъ,
И древняя твердыня разлетѣлась
Далече пепломъ и стыдомъ...
- 29, 32: Я зрѣлъ твоихъ жрецовъ веселье и отвагу,
Свободу, Разуму торжественный привѣтъ...
- 60—61: Наперсникъ Вахка вдохновенной,
Какъ строкъ дерзкой и смятенной,
Онъ бродитъ за тобой, любовію томимъ...
- После ст. 63: Настанетъ свѣтлый день жажданнаго блаженства...
94—95: Когда гроза пройдетъ и дни настанутъ мирны,
Сбѣрайтесь иногда внимать напѣвы лирны...
- 117—120: На шумныхъ вечерахъ, мой взоръ, мой звонкой смѣхъ
Далеко возвѣщаль . . . . . часы утѣхъ,
Когда нѣ утомлены Вахкальною тревогой,
. . . . . надъ чашею треногой...
- 149—150: Ликъ палачей самодержавныхъ
Ты поруганьемъ поразилъ...
- 165—167: Тебя, губитель роковой,
Тебя, пигмей самодержавной,
Завистникъ Генія безславной!..

В печати оставалась и первонач. ред. стиха 12-го:

Пою. Мнѣ внемлетъ онъ и ты.

(Поправка, посланная П—ым в письмо, опоздала). — Имена и события объяснены раньше, в примеч. к стихотв. «Наполеонъ» и др. и в примеч. П—а. *Байронъ умер* незадолго перед тем (см. примеч. к стихотв. «Къ морю»). П., ставя Байрона по смерти рядом с Данте (величайшим из средневековых поэтов), увлекается. *Шатобрианъ*—франц. писатель, современник революции. *Мощный злодѣй, соетъ правителей, Ареопагъ* (в др. Афинах—высшее судилище)—члены правительства Террора 1793 г.: Робеспьер, Дантон, Марат и др. (также—Колле д'Эрбуа). *Маратъ* был заколот Шарлоттой Корде. *Термидоръ*—один из месяцев революционного календаря. *Немезида*, возмездие, *Эмениды*, богини отмщения, *Вахкъ, урна, Н. Н. Раевскій* и др. см. раньше. От лица Шенье (отчасти его словами) П. выражает свой собственный взгляд на Франц. революцію XVIII в., пересказывает весь ее ход (ст. 21—49) и осуждает террор (правление страха, казней, ст. 141 и сл.). Но вывод П—а, что народ, однажды изведавший свободу, уже никогда не примирится с деспотизмом (ст. 59—61). Перепеч. изд. 1829 г., с прежними пропусками (ст. 21—64 и 150); напеч. полно 1880 г. Наша пунктуация по изд. 1826 г.

9. ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя;
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальному упрековъ и похвалъ.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры
И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты щастливъ?

Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
 Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
 А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
 Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
 Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
 Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
 Измѣны, клевета, все на главу мою
 Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Стою,
 Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынѣ,
 И все передо мной затмилося! И нынѣ
 Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
 Желая славы я, чтобъ именемъ моимъ
 Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
 Окружена была; чтобъ громкою молвою
 Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
 Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
 Ты помнила мои послѣднія моленья
 Въ саду, во тмѣ ночной, въ минуту разлученья.

7 Іюля 1825.

Напеч. 1825 г., изд. 1826 и 1829 г. под 1825 г.; в рук. — дата. Но в черн. 1823 г. есть набросок, послуживший основой для стихотв. (см.) Обращено к тому же лицу, как «Ненастный день потужь» и др.

10. КЪ А. П. КЕРНЪ.

Я помню чудное мгновенье:
 Передо мной явилась ты,
 Какъ мимолетное видѣнье,
 Какъ геній чистой красоты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
 Тянулись тихо дни мои
 Безъ божества, безъ вдохновенья,
 Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
 Въ тревогахъ шумной суеты,
 Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжной,
 И снились милыя черты.

Душѣ настало пробужденье:
 И вотъ опять явилась ты,
 Какъ мимолетное видѣнье,
 Какъ геній чистой красоты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
 Разсѣялъ прежнія мечты,
 И я забылъ твой голосъ нѣжный,
 Твои небесныя черты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
 И для него воскресли вновь
 И божество, и вдохновенье,
 И жизнь, и слезы, и любовь.

Михайловское. 1825. XIX Іюля.

Напеч. 1827 г. *А. П. Кернъ*, урожд. Полторацкая, была племянница П. А. Осиповой и лето 1825 г. проводила в Тригорском. Раньше П. встречал А. П. у Олениной, ее другой тетки, в 1819 г. Псевднее А. П. Керн сблизилась с А. Г. Родзянскою (см. том III, письма). Увлечение П—а А. П. Керн было не глубокое, но навсегда он остался ее хорошим другом, немало помогал ей. А. П. Керн, по второму мужу Виноградская, оставила воспоминанія о П—е, где не все безупречно правдиво. См. Вступ. оч., т. II. В рук. (отрывок) мелкие вар.: ст. 19—«Какъ перелетное видѣнье...»; 23—«Восторгъ, мечты и вдохновенье...» Дата в списке. Перепеч. изд. 1829 г. с загл. «Къ ***».

11. ЭЛЕГІЯ.

НА СМЕРТЬ РИЗНИЧЬ.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
 Она томилась, увядала...
 Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
 Младая тѣнь уже летала:

Но недоступная черта межъ нами есть.
 Напрасно чувство возбуждалъ я:
 Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
 И равнодушно ей внималъ я.
 Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
 Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
 Съ такою нѣжною, томительной тоской,
 Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
 Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
 Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
 Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
 Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

Усл. о см. 25.

У. о с. Р. П. М. К. Б. 24.

Напеч. 1828 г. Стихи говорят о смерти Амалли Ризнич; об ее отлошениях к П—у см. раньше. А. Ризнич уехала в мае 1824 г. из Одессы в Италию, где и умерла в начале 1825 г. Пометы под стихами должно читать: «Услышал о смерти [Ризнич в.] 25 г.» и «Услышал о смерти Рыльева, Пестеля, Муравьева, Каховского, Бестужева (декабристов, казненных 13 июля 1826 г.) 24 [июля 1826 г.]» Кроме того, над стихотв. есть помета: «29 Июля 1826 г.», но она к стихам не относится. На основании этих помет стихи прежде относили к 1826 г., но сам П. печатал их под 1825 г., и А. Ризнич умерла в 1825 г. В рук. мелкие вар., среди них:

Ст. 1: Подъ небомъ сладостнымъ Италию своей...

Ст. 3: «быть можетъ, надо мной...»; 9: «бурню душой...»; 11: «Съ такою пламенной...»; 13: «Гдѣ мука...»; 14: «Для милой...» *Равнодушные уста*, вероятно,—В. И. Туманский. Подробнее см. Вступ. оч. т. II. Перепеч. изд. 1829 г. без загл.; первое загл.—«Съв. Цв.» 1828 г.; второе—собственноручный П—а перечень стихотв. Пометы в рук. сделаны, м. б., позже, так как на обороте—список драм. 1830 г.

12. КЪ А. Г. РОДЗЯНКО.

[изъ письма.]

Ты общалъ о романтизмѣ,
 О семъ Парнаасскомъ аеизмѣ,
 Потолковать еще со мной,
 Полтавскихъ Музъ повѣдать тайны,
 А пишешь лишь о ней одной.
 Нѣтъ, это ясно, милой мой,
 Нѣтъ, ты влюбленъ, Пиронъ Украй-

ны.

Ты правъ: что можетъ быть важ-

нѣй

На свѣтѣ женщины прекрасной?
 Улыбка, взоръ ея очей
 Дороже злата и честей,
 Дороже славы разногласной;
 Поговоримъ опять о ней.

Хвалю, мой другъ, ея охоту,
 Поотдохнуть, рожать дѣтей,
 Подобныхъ матери своей...

И щастливъ, кто раздѣлитъ съ ней
 Сію пріятную заботу:
 Не наведетъ она зѣвоту.
 Дай Богъ, чтобъ только Гименей
 Межъ тѣмъ продлилъ свою дремоту!
 Но не согласенъ я съ тобой,
 Не одобряю я развода:
 Во-первыхъ, вѣры долгъ святой,
 Законъ и самая природа...
 А во-вторыхъ, замѣчу я,
 Благопристойные мужья
 Для умныхъ женъ необходимы:
 При нихъ домашніе друзья
 Иль чуть замѣтны, иль незримы.
 Повѣрьте, милые мои,
 Одно другому помогаетъ
 И солнце брака затмеваетъ
 Звѣзду стыдливую любви!

Іюль.

Стихи были написаны не для печати, как шутка и как ответ на письмо А. Г. Родзянко, где он сообщал П—у о намерении А. П. Керн снова сойтись с мужем (см. стихотв. «Къ А. П. Кернъ»). *Родзянко*—автор стихов, неудобных для печати (эротических), почему П. раньше назвал его «намѣстникъ Феба и Пріапа», а здесь—«Пиронъ Украйны». *Пиронъ*—франц. эротический поэт. *Романтизмъ* был еще новостью в России в 1825 г. (см. Вступ. сч.); *аеизмъ*—безбожие. *Гименей*, бог брака и др. об. раньше. Родзянко в 1823 г. резко нападал на П—а; их отношения видны по письмам, см. т. III. Напеч. 1859 г. с авт., кот. не сохранился.

13. ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

[ВЪ АЛЬБОМѢ П. А. ОСИПОВОЙ].

Цвѣты послѣдніе милѣй
 Роскошныхъ первенцевъ полей.
 Они унылыя мечтанья
 Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
 Такъ иногда разлуки часъ
 Живѣе самаго свиданья.

16 Октября 1825.

В подл. альбоме объяснено (А. Н. Вульфом?): «Стихи, написанные по случаю въ позднюю осень присланныхъ цвѣтовъ». Напеч. 1838 г. В авт. не сохранилось.

14. 19 ОКТЯБРЯ [1825 г.].

Nunc est b.b.andum. Hor.

[Теперь время пить! Гораций.]

1.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ,
 Сребритъ морозъ увянувшее поле,
 Проглянетъ день, какъ будто поневоля,
 И скроется за край окружныхъ горъ.
 Пылай, каминь, въ моей пустынной кельѣ;
 А ты, Вино, осенней стужи другъ,
 Прелей мнѣ въ грудь отрадное похмелье
 Минутное забвеніе горькихъ мукъ.

1а.

Товарищи! сегодня праздникъ нашъ.
 Завѣтный срокъ! сегодня тамъ, далече,
 На пиръ любви, на сладостное вѣче
 Стеклися вы при звонѣ мирныхъ чашъ,—
 Вы собрались, мгновенно молодѣя,
 Усталый духъ въ минувшемъ обновить,
 Поговорить на языкъ Лицея
 И съ жизнью вновь свободно пошалить.

2.

На пиръ любви душой стремлюся я...
 Вотъ вижу васъ, вотъ милыхъ обнимаю,
 И праздника порядокъ учреждаю...
 Я вдохновенъ о слушайте, друзья:
 Чтобъ тридцать мѣстъ насъ ожидали снова!
 Садитесь, какъ вы сажались тамъ,
 Когда мѣста, въ тѣни святаго крова,
 Отличіе предписывало намъ.

3.

Спартанскою душой плѣняя насъ,
 Воспитанный суровою Минервой,
 Пускай опять Вольховскій сядетъ первой,
 Послѣднимъ я, иль Бродльо, иль Данзасъ;
 Но многіе не явятся межъ нами...
 Пускай, друзья, пустѣетъ мѣсто ихъ,
 Они придутъ: конечно надъ водами
 Иль на холмѣ подъ сѣнью липъ густыхъ

4.

Они твердятъ томительный урокъ
Или романъ украдкой пожираютъ,
Или стихи влюбленные слагаютъ,
Забывъ межъ тѣмъ полуденный звонокъ.
Они придутъ!—за праздные приборы
Усядутся; наполнять свой стаканъ;
Въ нестройный хоръ сольются разговоры,
И загромить веселый нашъ Пеанъ.

5.

Мечты, мечты! со мною друга иѣтъ,
Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ;
Знакомое не слышно приближенье,
И милаго душа моя не ждетъ.

6.

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ...
Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской, перекличкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?

7.

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,¹
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружеской рѣзецъ
Не начерталъ надъ Рускою могилой
Словъ нѣскольکو на языкѣ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

8.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?²
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полунощныхъ морей?
Щастливый путь!.. съ Лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнъ и бурь любимое дитя!

9.

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, Лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;

¹ Корсаковъ. (Примеч. П—а в рук. Н. А. Корсаковъ умер в 1820 г.)

² Матюшкинъ. (Примеч. П—а в рук.)

Ты простираль изъ-за моря намъ руку,
 Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
 И повторялъ: *на долгую разлуку*
Насъ тайный рокъ быть можетъ осудилъ!

10.

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
 Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ—
 Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
 Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ Музъ.
 Кудабы насъ не бросила Судьбина,
 И щастіе кудабъ ни повело,
 Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
 Отечество намъ Царское Село.

11.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
 Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
 Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
 Уставъ, приникъ ласкающей главой...
 Съ мольбой моей печальной и мятежной,
 Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
 Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
 Но горекъ былъ небратской ихъ привѣтъ.

12.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
 Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
 Мнѣ сладкая готовилась отрада:
 Троишь изъ васъ, друзей моей души,
 Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
 О Пушкинъ мой, ты первый посѣтилъ;
 Ты усладилъ изгнанья день печальный,
 Ты въ день его Лицея превратилъ.

13.

Что жъ я тебя не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ,
 Ты, нашъ казакъ и пылкій и незлобной,³
 Зачѣмъ и ты моей сѣни надгробной,
 Не озарилъ присутствіемъ своимъ?
 Мы вспомнили бъ какъ Вакху приносили
 Безмолвную мы жертву въ первый разъ,
 Какъ мы одну всѣ трое полюбили,
 Наперсники, товарищи проказы!..

13а.

• • • • •
 • • • • •
 • • • • •
 • • • • •
 • • • • •
 И все прошло,—проказы, заблужденья...
 Ты освятилъ тобой избранный санъ;
 Ему въ глазахъ общественнаго мнѣнья
 Завоевалъ почтеніе гражданъ.

³ Малиновскій.

14.

Ты, Горчаковъ, щастливецъ съ первыхъ дней,
 Хвала тебѣ—Фортуны блескъ холодной
 Не измѣнилъ души твоей свободной:
 Все тотъ же ты для чести и друзей.
 Намъ разный путь Судьбой назначенъ строгой;
 Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись;
 Но невзначай проселочной дорогой
 Мы встрѣтились и братски обнялись.

15.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
 Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной,
 Подъ бурею главою поникъ я томной,
 И ждалъ тебя, Вѣщунъ Пермесскихъ Дѣвъ,
 И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
 О Дельвигъ мой, твой голосъ пробудилъ
 Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
 И бодро я Судьбу благословилъ.

16.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
 И дивное волненье мы познали:
 Съ младенчества двѣ Музы къ намъ летали,
 И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
 Но я любилъ уже рукоплесканья,
 Ты, гордый, пѣлъ для Музъ и для души;
 Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
 Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

17.

Служенье Музъ не терпитъ суеты;
 Прекрасное должно быть величаво:
 Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
 И шумныя насъ радуютъ мечты...
 Опомнимся—но поздно! и уныло
 Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
 Скажи, Вильгельмъ, не то ль и съ нами было,
 Мой братъ родной по Музѣ, по судьбамъ?⁴

18.

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
 Не стоитъ мѣръ; оставимъ заблужденья!
 Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
 Я жду тебя, мой запоздалый другъ —
 Приди: огнемъ волшебнаго разказа
 Сердечныя преданья оживи;
 Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
 О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

19.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
 Предчувствую отрадное свиданье;
 Запомните жъ поэта предсказанье:
 Промчится годъ—и съ вами снова я!

⁴ Кюхельбекеръ.

Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ—и я явлюся къ вамъ!
О сколько слезъ и сколько восклицаній,
И сколько чашъ подъятыхъ къ небесамъ!

20.

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая Муза,
Благослови: да здравствуетъ Лицей!
Златые дни, уроки и забавы,
И черный столъ, и бунты вечеровъ,
И нашъ словарь, и плески мирной славы,
И критики Лицейскихъ Мудрецовъ!

21.

О други, съ мѣстъ! вторую наливайте!
Полнѣй, полнѣй—и, сердцемъ возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!..
Но за кого-жь?... О, други, угадajte...
Ура, нашъ Царь!—такъ, выпьемъ за Царя.
Онъ человѣкъ: имъ властвуетъ мгновенье;
Онъ Рабъ Молвы, сомнѣнья и страстей;—
Но, такъ и быть, простимъ ему гоненье:
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей.

22.

Куницыну дань Сердца и Вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена...
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

23.

Пируйте же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣеть;
Кто въ гробъ спитъ, кто дальній сиротѣеть;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому-жь изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

24.

Нещастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Доучный гость, и лишній и чужой,
Онъ вспомнить насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай-же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

Михайловское, 1825 года.

При жизни П—а, «Сѣв. Цв.» 1827 г. и изд. 1829 г., могло появиться в печати лишь с пропусками строк: 1а, 2—4, 13, 13а, второй половины 20, 21, первой половины 22,

всего—18 строк. Мы восстанавливаем счет строк по автографу П—а, а строфы, выпущенные им в рук., нумеруем 1а и 13а. Стихи стр. 13а первоначально составляли одну строфу со вторым четверостишием стр. 13-ой. В стр. 21-ой лишний стих, но в рук. ст. 4-ой отмечен как ненужный (цифрами 1, 2, 3, 4), хотя не зачеркнут. В рук. (чистой автограф) ряд вар., среди них важнейшие (по авт. и Акад. изд.):

- Строфа
- 1: Дожуль морозъ на убранный поле...
  - 2: Стремлюся къ вамъ, кожу межъ вами я..
  - 5: Когда мѣста, одно славнѣй другава...
Съ кѣмъ могъ бы я запить виномъ разлуку...
  11. Съ огнемъ любви печальной и мятежной,
Съ довѣрчивымъ незнаньемъ первыхъ лѣтъ...
  - 13: Смирень, суровъ тобой избранный санъ...
  - 20: И каведра, уроки и забавы,..
  - 21: Простимъ ему неправое гоненье...

Также мелки: 1—«многихъ (нашихъ) мукъ»; 1а—«на вѣрный пирь»; «чудесно молодѣя»; 11—«сколодный ихъ привѣтъ»; 13—«Ровесники» (вм. «Наперсники»); 24—«дни юныхъ наслажденій» (вм. «и дни соединеній») и др.—Лицейсты 1-го выпуска ежегодно праздновали день основания Лицея, см. 1827, 1831, 1836 г. Стихотв. дает ряд яркихъ характеристикъ техъ лицейстов, с кот. П. былъ особенно близок; о них см. Вступ. оч. и «Пирующие студенты» 1815 г. Стр. 1—3: *Языкъ Лицея, спартанская душа, В. Д. Вольховскій, К. К. Бродль, С. Ф. Данзасъ* см. там же. 4: *Пеанъ*, у др.-греков,—торжественная песня. 7: Н. А. Корсаков см. «Гробъ юноши» 1821 г. 8: Ф. Ф. Матюшкин много путешествовал, см. раньше. 12—15: И. И. Пущин посетил П—а в Михайловском в январе 1825 г.; А. М. Горчаков—в сентябре; *Взыщунъ Пермскихъ Дѣвъ*, т.-е. муз. А. А. Дельвиг,—в апреле, 13; *Жертву Ваху* см. «Воспоминаніе» 1815 г.; *одну естъ трое*, т.-е. П., Пущин и И. В. Малиновскій—Е. П. Бакунину; *санъ*—судьи наворного суда, что считалось неподобающимъ дворянину. 17; В. К. Кюхельбекер в 1822 г. былъ отправлен на Кавказ; Шиллер—любимый поэт К—ра. 20: За *Черный стол* в Лицее сажали накаваныхъ; в «словарь» лицейсты вписывали шуточные характеристики профессоровъ и товарищей; «*Лиц. Мудрецъ*»—лиц. рукописный журнал. 22; Куницын см. Вступ. оч. 23: Пережил всехъ товарищей Горчаков, ум. 1883 г. В стр. 9: «на долгую разлуку...» и т. д.—из стихотв. Дельвига. С. Д. Комовскій напечатал еще строфу—о себе, но въ рук. П—а нетъ ее следов. В текстах 1827 и 1829 г. вместо имен—звездочки. Напеч. полно 1901 г. Наш текст—по авт. и изд.; ст. 1 стр. 5-ой—по рук. (в печати для связи после пропуска: «Печалень я: со мною друга нѣтъ...»).

15. ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря мглою небо кроеть,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровль обветшалой
Вдругъ соломою зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ сгоря; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроеть,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ сгоря; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

1825.

Напеч. 1830 г. Рук. не сохранилось *Старушка*—Ариша Родионова, няня П—а почти единственный его собеседникъ в зимние месяцы изгнания; см. Вступ. оч., т. I и II и письма, т. III. Перепеч. изд. 1832 г.

16. ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

Покровъ, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью
Алкиду переданъ. Алкидъ его приялъ.
Въ божественной крови ядъ быстрый побѣжалъ:

Се—ярый мученикъ, въ почи скитаясь, востъ;
 Стопами тяжкими вершину Эты роетъ;
 Гнетъ, ломить древеся; изторженные пни
 Высоко громоздить; его рукой они
 Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ всходитъ;
 Недвижимъ на костре онъ въ небо взоръ возводитъ;
 Подъ мышцей палица, въ ногахъ Немейской левъ
 Разостланъ. Дунуль вѣтръ; поднялся свистъ и ревъ;
 Трещя, горитъ костеръ; и вскорѣ пламя, воя,
 Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ Героя.

20 Сентября 1825 г.

[Отдѣлано:] 20 Апрелья 1835 г.

Напеч. 1836 г. Близкий перевод стихов А. Шенье. В черн. рук. 1825 г. мелкие вар., среди них:

Ст. 3—4: Алкиду поднесенъ, и дивный полубогъ

Свергаетъ съ плечъ . . . . .

9—10: Подожжены и се—пылаютъ. Онъ восходитъ.

На гибельный костеръ; онъ къ небу взоръ возводитъ...

13: Костеръ, трещя, горитъ, и ярый пламень, воя...

Алкидъ (Геркулесъ)—полубог, свершивший 12 подвигов, в том числе убивший *Немейского льва* (вар.: «Добыча древняя, въ ногахъ Немейской левъ...») *Алкмена*, жена Алкида, подозревая мужа в неверности, дала ему одежду пропитанную кровью кентавра (полуконя), убитого Алкидом, думая тем вернуть любовь мужа. Но одежда вѣлась в тело Алкида. Победенный страданиями, он взшел на гору *Эту*, сложил костер и сжег себя на нем. Прекрасный перевод, особенно замечательный по движению стиха, 10 лет пролежал в рук. Наш текст—по копии Анненкова с авт. 1835 г.

17. ИЗЪ А. ГОНЗАГО.

СЪ ПОРТУГАЛЬСКАГО.

Тамъ звѣзда зари взошла,
 Пышно роза процвѣла:
 Это время насъ, бывало,
 Другъ ко другу призывало.

На постелѣ пуховой
 Дѣва сонною рукой
 Протирала томны очи,
 Удаляя грезы ночи,

И являлася она
 У дверей, иль у окна,
 Ранней звѣздочки свѣтлѣе,
 Розы утренней свѣжѣе.

Лишь ее завижу я,
 Мнилось, легче вокругъ меня
 Воздухъ утренній струился;
 Я вольнѣе становился.

Я красавицы моей,
 Межъ овецъ деревни всей,
 Зналъ любимую овечку
 И водилъ ее на рѣчку,

На тѣнистые брега,
 На зеленые луга;

Я поилъ ее, лелѣялъ,
 Передъ ней цвѣточки сѣялъ.

Дѣва издали ко мнѣ
 Приближалася въ тишинѣ.
 И я пѣлъ, ее встрѣчая,
 Пѣлъ, гитарою бряцая:

„Дѣвы, радости моей,
 Нѣтъ,—на свѣтѣ нѣтъ милѣй!
 Кто посмѣетъ подъ луною
 Спорить въ щастіи со мною?“

„Не завидую царямъ,
 Не завидую богамъ,
 Какъ увижу очи томны,
 Стройный станъ и косы темны.“

Такъ я пѣлъ, бывало, ей
 И красавицы моей
 Сердце пѣсною любовалось...
 Но блаженство миновалось!

Гдѣ красавица моя?
 Одинокой плачу я;
 Замѣнили пѣсни нѣжны
 Стонъ и слезы безнадежны.

(Gonzago).

Томасъ Гонзаго — португальский поэт (1747—1793 г.); П. мог читать его стихи во франц. переводе (изд. в 1825 г.) Стихотв. при жизни П—а напечатано не было и осталось не вполне отделанным. В черн. рук. много вар., среди них:

И являлася у дверей.

Дѣва, свѣтъ души моей...

Нѣтъ нѣжныѣ подъ луной,

И въ блаженствѣ кто со мной

Спорить смѣетъ (въ бѣломъ свѣтѣ?)

Нѣтъ щастливѣе на свѣтѣ...

Если вижу перси томны

Тонкой станъ и взоры скромны... и др.

Напеч. 1855 г.; дополнения 1884 г.

18. БУРЯ.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ,
Въ одеждѣ бѣлой, надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами,
Играло море съ берегами,
Когда лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,

И вѣтеръ бился и леталъ
Съ ея летучимъ покрываломъ?
Прекрасно море въ бурной мглѣ,
И небо въ блескахъ, безъ лазури;
Но вѣръ мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

Напеч. 1827 г., с вар.: «И вѣтеръ воилъ и леталъ...» Рук. не сохранилось. Мысль; красота человека выше, чем красота природы неодушевленной. Перепеч, изд. 1829 г.

Б. Сатиры, эпиграммы и мелочи 1825 года.

19. ПРИЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покамѣсть я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу, когда-нибудь любовь.
Не избѣжить пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, беспощадный.
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожитъ индѣекъ и гусей.

[25 Января].

Напеч. 1825 г., «Моск. Телеграфъ», с загл., измененнымъ Вяземским: «Къ журнальнымъ пріятелямъ», но П. восстановил свое, «Сѣв. Пчела» того же г. (см. письма, т. III) и изд. 1826 и 1829 г. В рук. первоначальная ред.:

Враги мои! довольны ли вы мной?
Одинъ изъ васъ убрался на покой...
Что, каковы слѣды моихъ когтей?
Смѣшонъ ли вамъ [подъ небомъ] ястребъ жадный,
Немедленный, нежданный, беспощадный,
И много ль васъ еще, моихъ гусей?

20. НА Ѡ. Н. ГЛИНКУ.

Нашъ другъ *Ѡита*, Кутейкинъ въ эполетахъ,
Бормочеть намъ растянутый псаломъ:
Поэтъ Ѡита, не становися Фертомъ!
Дьячекъ Ѡита, ты Вжица въ поэтахъ!

Сообщено в письме к Вяземскому 25 янв. (напеч. вместе с письмом) с просьбой не показывать никому. П. уважал Глинку, как человека (см. раньше), но смеялся над ним, как поэтом. Глинка печатал тогда переложения псалмов. В списках вар.: «Нашъ другъ Глаголь...» *Кутейкинъ*—лицо из «Недоросля» Фон-Визина.

21. КЪ ИМЯНИНИЦѢ.

Хотя стишки на именины
Натальи, Софьи, Катерины
Уже не въ модѣ, можетъ быть;
Но я, вашъ обожатель вѣрной,
Я въ знакъ послушности примѣрной
Готовъ и ими вамъ служить...
Но предаю себя проклятью,

Когда я знаю, почему
Васъ окрестили *благодатью*;
Нѣтъ, нѣтъ, по мнѣнью моему,
И ваша рѣчь, и взоръ унылой,
И ножка (смѣю вамъ сказать)—
Все это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

3 Февраля.

Напеч. 1857 г. Анненковым и, по его объяснению, обращено к Анне Ник. Вульф, старшей дочери П. А. Осиповой (от первого бр.ка) В Анне и ее сестре Евпраксии искала прообразы Татьяны и Ольги в «Евг. Онѣг.». По святамъ, Анна, с еврейского, значит «благодать».

22. О Д А.

ЕГО СІЯТЕЛСТВУ ГРАФУ ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ.

Съ примѣчаніями автора.

1. Султанъ ярится.¹ Кровь Эллады
И рѣзво скачетъ² и кипить.
Открылись Грекамъ древни кла-
ды,³
Трепещетъ въ Стиксѣ лютый
Пить.⁴
И се—летитъ продерзко судно
И мечетъ громы обоудно:
Се Бейронъ, Феба образецъ—
Притекъ—но недугъ быстропар-
ный⁵
Строптивный и неблагодарный
Взнесъ смерти на него рѣзецъ.—
3. Вамъ съ Бейрономъ шипѣла
злоба,
Гремѣла и правдива лесть.
Онъ Лордъ—Графъ ты! Поэты
оба:
Се, мнится, явно сходство есть—
Никакъ! Ты съ вѣрною супругой⁶
Подъ бременемъ Судьбы упругой
Живешь въ любви—и наконецъ
Глубокъ онъ но единообразенъ,
А ты глубокъ, игривъ и разенъ—
И въ шалостяхъ ты впрямь пѣ-
вецъ.
2. Пѣвецъ безсмертный и маститой!
Тебя Эллада днесъ зоветъ
На мѣсто тѣни знаменитой,
Предъ коей Церберъ днесъ реветъ.—
Какъ *здѣсь*—ты будешь *тамъ*
сенаторъ,
Какъ *здѣсь*—почтенный литера-
торъ,
Но новый лавръ тебя ждетъ тамъ,
Гдѣ отъ крови земля промокла:
Перикла лавръ, лавръ Фемистокла!
Лети туда, Хвостовъ нашъ, самъ!
4. А я, невѣдомый Пѣнта,
Въ восторгѣ новомъ воспою
Вослѣдъ Пѣнта знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бѣгущу,
Да Бейрона онъ узритъ кущу⁷
И да блюдутъ твой мирный
сонъ⁸
Нептунъ, Плутонъ, Зевсъ, Ците-
рея,
Гебея, Псиша, Кронъ, Астрея,
Фебъ, Игры, Смѣхи, Вакхъ, Ха-
ронъ.

Пародия на оды гр. Д. И. Хвостова (1757 — 1835 г., см. Вступ. оч.), бездарного стихотворца, над которым постоянно издевались писатели младшего поколения. В пародии высмеяны все приемы лже-классических од: высокопарность, темнота выражений,

Примечанія П—а: ¹ Подражаніе г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

² Слово, употребленное весьма щастливо Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ стихотворномъ его письмѣ къ г. Грибоѣдову.

³ Подъ словомъ *клады* должно разумѣть правдивую ненависть нынѣшнихъ Леонидовъ, Ахиллесовъ и Милтиадовъ къ жестокимъ чалмоносцамъ.

⁴ Г. Пить, знаменитый Англійскій Министръ и извѣстный противникъ свободы.

⁵ Горячка.

⁶ Графиня... Хвостова, урожденная Княжна Горчакова, достойная супруга маститаго нашего пѣвца. Во многочисленныхъ своихъ стихотвореніяхъ звездъ называется онъ ее Темирою (см. послѣднее замѣч. къ Одѣ: Заздравный кубокъ).

⁷ Подражаніе Его Высокопревосходительству Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Ивану Ивановичу Дмитріеву, знаменитому другу графа Хвостова:

Къ тебѣ я руки простиралъ,

Уже изъ отческаго куши

Взирая на суда бѣгуши.

⁸ Здѣсь поэтъ, увлекаясь воображеніемъ, видитъ уже Великаго нашего лирика, погруженнаго въ сладкій сонъ и приближающагося къ берегамъ благословенной Эллады. Нептунъ усмиряетъ предъ нимъ продерзкія волны; Плутонъ исходитъ изъ преисподней бездны, дабы узрѣть того, кто низпошлетъ ему въ непродолжительномъ времени богатую жатву тѣней поклонниковъ (Магомета) лже-Пророка; Зевсъ улыбается ему съ небесъ; Цитеря (Венера) осыпаетъ цвѣтами своего любимаго пѣвца; Геба подымлетъ кубокъ за здравіе его; Псиша, во образѣ Ипполита Богдановича, ему завидуетъ; Кронъ удерживаетъ косу, готовую разить; Астрея предчувствуетъ возвратъ своего царствованія; Фебъ ликуетъ; Игры, Смѣхи, Вакхъ, Харонъ веселою толпою слѣдуютъ за судномъ нашего безсмертнаго Пѣнты.

требующая примечаний, искажение собственных имен («Гебея» вм. «Геба», «Псища» вм. «Психея»), какофония (неприятное сочетание звуков: «Онъ Лордъ—Графъ ты» и т. под.), натянутость рифм («сулругой—Судьбы уругой» и т. под.), излишество мифологических образов (конец оды) и т. д. Нелепые примечания тоже пародируют объяснения самого Хвостова: неуместные похвалы упоминаемым лицам, перечисление их чинов и др. *Бейронъ*, как неправильно писали вм. Байрон, умер, сражаясь за освобождение Греции (Эплады, см. раньше), и П. в пародии предлагает продолжать его дело Хвостову, смешному старикашке. Ср. еще эпиграммы на Хвостова и письма. *Церберъ*—трехглавый пес, охраняющий подземное царство мертвых, где протекает река *Стиксъ*; *Нептунъ*, *Плутонъ* и др.—божества Олимпа. Др. имена объяснены раньше или в примечаниях П—а. Акад. изд. относит оду к 1825 г., так как выражение Кюхельбекера «рѣзвоскачущая кровь» появилось в печати в 1825 г., но П. мог узнать его раньше: в начале 1825 г. ода уже ходила по рукам, была у Дельвига, Вяземского и др. Черн. рук. не сохранилось. Напеч. 1857 г.; по авт.—1916 г.

23. ЖИВЪ, ЖИВЪ КУРИЛКА!

[на м. т. каченовскаго.]

— Какъ! Живъ еще курилка журналистъ?—
— Живехонекъ! все такъ же сухъ и скучень,
И грубъ, и глупъ, и завистью размучень,
Все тискаеть въ свой непотребный листъ—
И старый вздоръ, и вздорную новинку.
— Фу! надоѣлъ курилка журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ! — Да... плюнуть на него!
Апрѣль.

При П—е цензурой не пропущено, напеч. в 1857 г. *М. Каченовскій* — историк и журналист, небреговавший доносами, см. раньше. *Курилка*—свечечка, зажигающаяся для распространения аромата.

24. ЭКСПРОМПТЪ НА СЕСТРУ.

[изъ письма.]

Семейственной любви и нѣжной дружбы ради,
Хвалю тебя, сестра, не спереди, а сзади.

[Апрѣль].

Обращено к О. С. Пушкиной, вполс. Павлищевск. В письме дан и смягченный вар.:

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, мой другъ, и спереди и сзади.

25. ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ.

[изъ письма].

Охъ, тетенька! охъ, Анна Львовна! Василья Львовича сестра! Была ты къ маменькѣ любовна, Была ты къ папенькѣ добра. Была ты Лизаветой Львовной Любима больше серебра; Матвѣй Михайловичъ, какъ кровной, Тебя встрѣчалъ среди двора.	Давно ли съ Ольгою Сергѣвной, Со Львомъ Сергѣичемъ давноль, Какъ бы на смѣхъ судьбинѣ гнѣвной, Ты раздѣляла хлѣбъ да соль? Увы! зачѣмъ Василій Львовичъ Твой гробъ стихами обмочилъ! Или зачѣмъ подлець-поповичъ Его Красовскій пропустилъ.
---	--

[Апрѣль].

А. Л. Пушкина ум. 14 окт. 1824 г.; *Елиз. Л. Пушкина*, другая тетка поэта, была замужем за *Матв. Мих. Солнцевымъ*. *Ольга С. и Левъ Сер. Пушкины* — сестра и брат поэта. Стихи на смерть А. Л. Пушкиной написал не *Вас. Л. Пушкинъ* (дядя поэта), а кн. Шаликов. *А. И. Красовскій* — цензор. Обо всех этих лицах см. раньше. и письма, т. III. Как предьд., напеч. в письмах.

26. EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи своей;
Журнальной шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустивъ ее, злодѣй.
Но чтожъ? Ни мнѣ ни площадному шуту
Ни удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

[Юнь].

Напеч. П—ым в 1825 г. и вызвано критикой А. Е. Измайлова эпиграммы «Прятелямъ». Перев. загл.: «По когтямъ льва» т.-е. узнают. Перепеч. изд. 1826 и 1829 г.

27. ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь? Взложу на тетиву тугую,
Давай мнѣ мысль, какую хочешь: Послушный лукъ согну въ дугу,
Ее съ конца я заострю, А тамъ пошлю наудалую—
Летучей риемой оперю, И горе нашему врагу!

Напеч. П—ым 1827 г. и изд. 1829 г. Характеристика эпиграммы.

28. ДВИЖЕНИЕ.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
Сильнѣ бы не могъ онъ возразить;
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводить:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходить,
Однако жъ правъ упрямый Галилей.

В ноябре 1825 г. П. доставил Вяземскому эпиграммы: «Движеніе», «Совѣтъ», «Соловей и кукушка», «Дружба» и «Мадригалъ» (1822 г.); эти стихи были напеч. в «Ураніи» 1826 г. Галилей—великий астроном XVI в., доказавший вращение земли (идею Коперника). Инквизиция принудила Галилея отречься от такой ереси, но, по преданию, отрекшись, он воскликнул: «А все-таки движется!» Отрицал движение, как явление только кажущееся, др.-греческий философ Зенон Элейский. Перепеч. изд. 1829 г.

29. СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной, Одно куку свое твердить,
Весны пѣвецъ разнообразной И эхо вслѣдъ за нею тоже.
Урчить, и свищеть, и гремить; Накуковали намъ тоску!
Но безтолковая кукушка, Хоть убѣжать. Избавь, насъ, Боже,
Самолюбивая болтушка, Отъ элегическихъ куку!

См. предыд. П. не раз осуждал преувеличенную (и неискреннюю) чувствительность авторов элегий, см. «Евг. Он.» и др. Перепеч. изд. 1829 г., как 4 след.

30. СОВѢТЪ.

Повѣрь, когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной,
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной:
Ни логикой, ни вкусомъ, милой другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой;
Сердиться грѣхъ—но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпиграммой.

См. предыд. В рук. и журнале: «когда и мухъ...»

31. ДРУЖБА.

Что дружба?—Легкой пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья
Иль покровительства позоръ.

См. предыд. Вопрос о дружбе очень занимал П—а, см. ряд стихотв. Сохранилась черн. рук., где вар.:

Что дружба? шумный пылъ похмѣлья...
Невѣжества . . . . . судей приговоръ,
Глупости . . . . . договоръ,
Измѣнъ ревнивое волненье
Иль покровительства презрѣнье.

32. Н. Н.

ПРИ ПОСЫЛКѢ ЕЙ НЕВСКАГО АЛЬМАНАХА.

Примите Невскій Альманахъ, Онъ милъ и въ прозѣ и въ сти- хахъ:	Но не найдете вы меня: Мои стихи скользнули въ Лету. Что слава міра?.. Дымъ и прахъ.
Вы тутъ найдете Полевова, Великопольскаго, Хвостова; Княжевичъ, дальній вашъ родня, Украсилъ также книжку эту;	Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!.. Но, кажется, мнѣ трудно тоже Попастъ и въ этотъ Альманахъ. [Октябрь].

Напеч. «Невскій Альманахъ» 1826 г. с вар. 4-го ст.

Василья Пушкина, Хвостова...

Действительно, в альманахе 1825 г. поместили свои произведения: *Н. А. Полевой*—историк и стихотворец; *В. Л. Пушкинъ*—дядя поэта, гр. *Хвостовъ*—см. раньше, *Д. М. Княжевичъ*, с которым П. псвзнакомился в Одессе. *И. Е. Великопольскій*, о котором см. дальше, в альманахе 1825 г. не участвовал. К кому обращены стихи, не выяснено. В печати при жизни П—а вместо имен были звездочки и буквы, так что некоторые имена спорны. Рук. не сохранилось.

33. КЪ БАРАТЫНСКОМУ.

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучить и блещетъ какъ червонецъ.
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой Зоиль—прямой Чухонецъ.

Напеч. П—ым в 1829 г. *Е. А. Баратынскій*, о котором см. дальше и раньше, в 1824 г. написал псѣму «Эда», где героиня—финляндка (чухоночка). *Зоиль*—хули тель, см. раньше. Авт. не сохранилось.

34. КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

[изъ письма.]

Сатирикъ и поэтъ любезный, Нашъ Аристипъ и Асмодей, Ты не племянникъ Анны Львовны, Покойной тетущки моей;	Писатель нѣжный, тонкій, острый, ¹ Мой дядюшка—не дядя твой; Но, милый,—Музы наши сестры, И такъ ты все же братецъ мой. [Сентябрь].
--	--

Аристипъ см. раньше. *Асмодей*—арзамасское провинье Вяземскаго. Др. об. раньше. Напеч. с письмом, см. т. III.

¹ Variante: [Вариантъ:] Василій Львовичъ, тонкій, острый, [Примеч. П—а в письме.]

35. КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

[изъ письма.]

Въ глуши измучась жизнью пост- И только за большою нуждой.
ной, Но твой затѣйливый навозъ
Изнемогая животомъ, Приятно мнѣ щекотитъ носъ:
Я не парю—сiju орломъ Хвостова онъ напоминаетъ,
И болень праздностью поносной. Отца зубастыхъ голубей
Бумаги берегу запасъ, И духъ мой снова позываетъ
Натугу вдохновенья чуждый, Ко испражнению прежнихъ дней.
Хожу я рѣдко на Парнасъ, [Октябрь].

Арзамасцы уверяли, будто в одной басне гр. Хвостова голубь *зубами* перегрызает сенок. Как предид., напеч. с письмами. П., как всегда в своих письмах, применялся к характеру лица, которому писал: Вяземский любилъ сквернословие.

36. БРОВИ ЦАРЬ НАХМУРЯ...

[изъ письма.]

Брови царь нахмура, Говорилъ онъ съ горемъ
Говорилъ. вчера Фрейлинамъ дворца:
Повалила буря Вѣшаютъ за моремъ
Памятникъ Петра. И за два яйца.
Тотъ перепугался: То есть, разумью,
„Я не зналъ!—ужель?“— Вдругъ промолвилъ онъ,
Царь расхохотался: Вѣшаютъ за шею:
— Первый, братъ, Апрель! Строгъ у нихъ законъ.

[Октябрь]

Изъ письма к Дельвигу, где П. пишетъ: «Вотъ тебѣ, душа моя, приращеніе къ куплетамъ Эристовъ». См. дальше, в отделе «*dubia*», стихи под такимъ загл. Напеч. с письмом.

I. И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ.

[изъ письма.]

Съ тобой мнѣ вновь считается довелось,
Пѣвецъ любви и рѣзвой и унылой!
Играешь ты на лирѣ очень мило,
Играешь ты довольно плохо въ штось:
Пятьсотъ рублей проигранныхъ тобою,
Наличные свидѣтели тому.
Судьба моя сходна съ твоею судьбою;
Сейчасъ, мой другъ, увидишь, почему.

3 Июня 1826. Преображенское.

И. Е. Великопольскій (1797—1868 г.)—посредственный поэт, писавшій эпиграммы на П.—а. См. стихи 1828 г. и письма, т. III. Напеч. с письмом.

Мелочи первой половины 1826 года.

II. ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Н. ВУЛЬФЪ.

Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ: играйте!
Изъ розъ веселыхъ заплетайте
Себѣ торжественный вѣнецъ—
И впредь у насъ не разрывайте
Ни мадригаловъ, ни сердець.

1 Июля 1826. Зуево.

«*Зиной*» или «*Зизи*» в семье Осиповыхъ называли младшую дочь от первого брака Евпр. Ник. Вульфъ, о которой см. раньше и дальше. По преданию, Зина осталась недовольна мадригаломъ (приветственнымъ стихотв.), написаннымъ ей П.—ымъ и разорвала рукъ. П. сначала рассердился, потомъ обратилъ все в шутку. Напеч. 1857 г. со списка.

III. КЪ КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

[изъ письма.]

Такъ море, древній душегубецъ,
Воспламеняетъ геній твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ?

Не славь его! Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ—земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ—
Тиранъ, предатель или узникъ.

14 Августа. Михайловское.

Стихи вызваны слухом, будто Н. И. Тургенева арестовали за границей и привезли в Петроград морем. *Нептуна*, бога морей, изображали седым стариком с трезубцом в руке. Как предыд., напеч. с письмами.

V. Стихотворения, принадлежность которых Пушкину сомнительна (dubia), 1824—1826 г.

1. КЪ А. И. ОСИПОВОЙ.

Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки;
Жестоки вы, Богъ вамъ судья!
Вы говорите: я въ горячкѣ,
Вы говорите: брежу я.
За что же гнѣвъ такой? Не знаю!
Вѣдь я въ бреду, въ горячкѣ злой —
И потому я повторяю
Вамъ безпрестанно, что страдаю,
Что я люблю васъ, Ангель мой!

Напеч. 1861 г. с неизвестной рук. Обращено к А. И. Осиповой, как стихотв. 1824 г. «Признаніе» (см.)

2. КЪ А. Н. ВУЛЬФЪ.

Увы! напрасно дѣвѣ гордой
Я предлагалъ свою любовь:
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ея души не тронуть твердой!

Однимъ страданьемъ буду сытъ,
И пусть мнѣ сердце скорбь раско-
Она на щепочку. . . . . летъ,
Но и понюхать не позволить.

Напеч. 1861 г. по сообщению А. П. Керн. Обращено к А. Н. Вульф, как стихотв. 1824 г. «Къ именинницѣ» (см.)

3—6. Эпиграммы и шутки.

I. ЭКСПРОМПТЪ ВЪ ПСКОВСКОЙ ГОСТИНИЦѢ.

Господинъ фонъ-Адеркасъ,
Худо кормите вы насъ:
Вы такой же рестораторъ,
Какъ великій губернаторъ.

II. ПАРОДИЯ ЯЗЫКОВА.

Какъ широко,
Какъ глубоко,
Нѣтъ, Бога ради,
Позволь мнѣ сзати...

III. ЭПИТАФИЯ ДУХОВНИКУ ТЕТУШКИ.

Не памятникъ, а диво:
 Въ могилѣ гробъ,
 Во гробъ попъ,
 Въ попъ вино и пиво.

IV. НА СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА I.

Всю жизнь проведъ въ дорогѣ
 И умеръ въ Таганрогѣ.

I, по сообщению П. Рослова, будто бы написано алмазом на стекле псковской гостиницы; II—в письме А. Н. Вульффу 1825 г. (см. том III), но не ясно, приводит ли П. свои стихи или чужие; III и IV—в автографе не сохранилось. Александр I умер в Таганроге 19 ноября 1825 г. Напеч. 1861 г.

7. КУПЛЕТЫ ДЛЯ ВОДЕВИЛЯ.

Будь подобенъ полной чашѣ
 Молодыхъ щастливой домъ.
 Непонятно щастье ваше,
 Но молчите жъ обо всемъ.

Что за диво, что за каша
 Для разсудка моего?—
 Черть возьми!—но, воля ваша,
 Не скажу я ничего.

То-то праздникъ мнѣ, да Машѣ,
 Другу сердца моего,

Никогда про щастье наше
 Мы не скажемъ ничего.

Стойте,—тотчасъ угадаю
 Горе сердца твоего.
 Понимаю, понимаю,
 Не болтай же ничего.

Строгой судъ и слово ваше
 Цѣнимъ болѣе всего.
 Вы ль одни про щастье наше
 Не сказали ничего?

Сохранилось в списке Анненкова и в авт., будто бы черн., собр. Акад. Н. В письме 6 июня 1826 г. П. А. Катенин просил П—а «сделать» куплеты для водевиля, шедшего после «Андромахи», трагедии Катенина. Несмотря на все эти доводы, трудно приписывать П—у эти более чем слабые стишки. Напеч. 1903 г.

8. КУПЛЕТЫ ЭРИСТОВА.

За трапезой Царской
 Адъютантъ сидѣлъ,
 Съ важностью боярской
 Чинно раковъ ѣлъ.

Фрейлина съ тарелки
 Шарикъ—ему въ глазъ.
 „Барышня, вы цѣлки,
 Я же—ракомъ васъ!“

См. примеч. к стихам «Брови царь нахмура», 1825 г. Кн. Д. А. Эристовъ был лицеист, курсом моложе П—а. В списках приводимые стихи всегда приписываются П—у; принадлежат ли они Эристову, или выражение «куплеты Эристова» означает иное, не выяснено. Напеч. отрывок 1903 г. нами; полно в нашем изд. *впервые*.

Повидимому, не принадлежат П—у стихотв., относимые к той же поре:

9. ДѢДУШКА-ИГУМЕНЪ.

Дѣдушка-игуменъ
 Былъ ли намъ пріятенъ?
 Жилъ ли онъ межъ гуменъ
 Иль межъ голубятенъ?
 Дѣвушкамъ красоткамъ

Онъ ли строилъ куры?
 Бабушкамъ devot'камъ
 Говорилъ ли, куры
 Отчего несутся... и пр.

10. НА БРАТА.

Намъ пріятель Пушкинъ Лѣвъ
 Не лишень разсудка,
 Но съ шампанскимъ жирный пловъ
 И съ грузцями утка
 Намъ докажутъ лучше словъ,
 Что онъ болѣе здоровъ
 Силовъ желудка.

11. ЭКСПРОМПТЪ (ЕМУ ЖЕ).

Все измѣнилось подѣ нашимъ зодіакомъ:
Левъ козерогомъ сталь, а дѣва стала ракомъ.

12. АГАФЬЯ.

Ты просишь написать надгробную, Агафья?
Ахъ, ноги протяни,—я буду эпитафья.

9 напеч. Ефремовым, как в тексте (без конца), и во многих изд. после 1887 г. со списков; 10—12—в изд. Н. Огарева. 10 печаталась при жизни Л. С. Пушкина с вар.: «Нашъ пріятель Пустяковъ». 11. *Лев, козерог, дева, рак*—совездия зодиака. 12. *Эпитафья*—надгробная надпись.

Три стиха: «Веселаго пути...» (изд. Ефремова и др.) не П—а, а Жуковского; П—ым лишь добавлен в шутку 4-й (неумѣстный в печати).

Отдел II. А. Незаконченные и необработанные стихотворения, написанные в Михайловскомъ, 1824—1825 г.

Напеч. изд. Анненкова 1857 г., «Русс. Старина» 1884 г., Акад. изд. III и IV, 1912 и 1916 г. И. Шляпкиным 1903 г. и др.

1824 ГОД.

1. [ЗАЛОГЪ ЛЮБВИ.]

Пускай увѣнчанный любовью красоты
Въ завѣтномъ золотѣ хранить ея черты
И письма тайныя, награду долгой муки.
Но въ тяжкіе часы томительной разлуки
Ничто, ничто моихъ не радуеть очей
И ни единый даръ возлюбленной моей,
Драгой залогъ любви, утѣха грусти нѣжной
Не лѣчить ранъ любви, безумной, безнадежной...
[Октябрь—декабрь].

Мысль: счастливые любовники («увенчанные любовью») берегут портрет своей возлюбленной («ее черты») и ее письма; я же принужден сжигать письма той, кого люблю, вероятно, гр. Воронцовой; см. «Сожженное письмо». Напеч. 1912 г., с авт..

2. [КЪ БОКАЛУ.]

Едва уста краснорѣчивы	Кристалль, поэтомъ обновленной,
Тебя коснулись,—и въ мигъ	Укрась мой тихой уголокъ,
Его ума огонь игривый	Залогъ поэзіи священной
Въ тебя таинственно проникъ.	И дружбы сладостной залогъ.
Въ тебѣ таится жаръ цѣлебной...	

Конец рук. обрѣзан; вар.—незначительны. Стихи относятся к бокалу, подаренному П—у. Напеч., как ряд след., 1884 г.

3. ПОСЛАНИЕ КЪ БРАТУ.

Презрѣвъ и шопоть укоризны,	Простите, сумрачныя сѣни,
И зовъ обманурыхъ надеждъ,	Гдѣ дни мои прошли въ тиши,
Иду въ чужбину, прахъ отчизны	Исполнены страстей и лѣни
Съ дорожныхъ отряхнувъ одеждъ.	И сновъ задумчивыхъ души...
Умолкни, сердца шопоть сонный,	А ты—въ опасный день разлуки
Привычки и довольства гласъ!	Забылъ для брата о себѣ!
Прости предѣлъ неблагосклонный,	Соединимъ же братски руки
Гдѣ свѣтъ узрѣлъ я въ первый разъ!	И покоримся мы судьбѣ.

Благослови побѣгъ поэта
 Мой братъ, лишь вспомни иногда,
 Что отъ тебя далеко, гдѣ-то
 Онъ будетъ жить. . . . .
 Умолкнетъ онъ подъ небомъ даль-
 номъ

Угаснетъ въ чуждой сторонѣ...
 Къ моей могилѣ безымянной
 Не придетъ юный сынъ славянъ...
 . . . . . настанетъ часъ желанный.
 И гробъ мой . . . . . посѣтитъ
 И внукъ славянъ....

Стихи говорят о намерении П—а бежать за границу, см. «Къ морю» и др., также письма, т. III. Побегъ готовили Л. С. Пушкин, А. Н. Вульф и др.; 14 декабря расстроило эти планы. Напеч. 1884 г. отрывок; все стихи—Акад. изд.; связано—в нашем изд. впервые. Несколько стихов вошло в VI гл. «Евг. Он.»

4. ИЗЪ ПИСЬМА КЪ БРАТУ.

Что же? Будетъ ли вино,
 Лайонъ? Жду его давно.
 Знаешь ли, какого рода?
 Милой мой, мнѣ все равно,
 У меня законъ одинъ:
 Жажды полная свобода
 И терпимость всякихъ винъ.
 Погребъ мой гостепримной
 Радъ мадерѣ золотой,
 И подъ пробкой смоляной
 Сень-Пере бутылкѣ длинной.
 Въ лѣта юныя мои
 Поэтической Аи
 Нравился мнѣ пѣной шумной,
 Симъ подобіемъ любви,

Или юности безумной,
 И дымящійся бокаль
 Я всему предпочиталъ.
 Но бургонское густое
 . . . . .
 Мнѣ понравилось потомъ.
 Нынѣ нѣтъ во мнѣ пристрастья:
 Разсудительный умомъ,
 Безъ разбора. . . . .
 Вина обожу кругомъ,
 Всѣ . . . . . понемногу,
 Часто. . . . . стаканъ,
 Частью пью,—но слава Богу
 Рѣдко, рѣдко буду пьянъ.
 Михайловское. Декабрь.

Письмо сохранилось лишь в черн. наброске, где мелкие вар.:

Самъ себѣ я господинъ
 Въ погребу. . . .
 Раль бургонской пробкѣ [я]...
 [И] разумный безъ задора
 . . . . . за рогомъ, безъ разбора...

Лайонъ—прозвище Л. С. Пушкина, исполнявшего поручение П—а изъ Михайловскаго, всего чаще просьбы прислать—*книгъ и вина*, см. письма. *Сень-Пере, Аи* и др.—названия вин. Несколько стиховъ приведено П—ым в примеч. к «Евг. Он.». Напеч. 1884 г. отрывок; полнее 1912 г.

5. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

[изъ письма.]

Ты издалъ дядю моего:
 Творецъ Опаснаго Сосѣда,
 Достоинъ очень онъ того,
 Хотя покойная Бесѣда
 И не вѣнчала ликъ его.

Теперь издай меня, приятель,
 Плоды пустыхъ *моихъ* трудовъ.
 Но ради Феба, мой Плетневъ,
 Когда ты будешь *свой* издатель?..

[Сентябрь — октябрь.]

Черн. набр. письма. Дядя (В. Л. Пушкин), *Опасный Сосѣдъ, Бесѣда* и др. об. раньше. П. А. Плетневъ (1792—1862 г.)—писатель, поэт, с кот. П. сдружился по переписке и кот. одно время заведывал изданиемъ соч. П—а; см. письма, т. III. Речь идетъ об изд. «Стихотворений» 1826 г., которое готовилось.

6. ГРАФУ ОЛИЗARУ.

Пѣвцы! издревле межъ собою
 Враждуютъ наши племена,
 То наша стонетъ стѣрона,
 То гибнетъ ваша подъ грозою.
 И вы, бывало, пировали,

Кремля торжествовали плѣнъ;
 И мы о камень падшихъ стѣнъ
 Младенцевъ вашихъ разбивали,
 Когда навѣки попирали
 Красу Костюшкиныхъ знаменъ....

И тотъ не нашъ, кто съ дѣвой вашей
Кольцомъ завѣтнымъ сопряжень;
Не выпьемъ мы завѣтной чашей
Здоровье вашихъ красныхъ женъ;
И наша дѣва молодая,
Привлекши сердце Поляка,
Отвергнетъ, гордостью пылая,
Любовь народного врага.

Но огонь поэзіи чудесный
Сердца враждебныя дружить,
При звукахъ радости небесной
Вражда взаимная молчитъ...
. . . . . при пѣсняхъ вдохновенья
Сарматскихъ. . . . . [лирь]...
И возстаютъ благословенья
И на сердца нисходитъ миръ...

Гр. Г. Ф. Олизаръ, поляк, сделалъ предложение М. Н. Раевской, но получилъ отказ; П. узналъ Олизара в 1821 г. в Кишиневе, у Орловых. Рук. — черн., где вар.:

И вы на Русь позоръ и плѣнь
При кликахъ буйныхъ налагали,
И дѣтямъ жены завѣщали
При гробѣ ненависть къ врагамъ...
Поэты дружбою небесной
Передъ улыбкой нашей дѣвы... и др.

Костюшко—вождь польского восстания, см. раньше, *Сарматскій*—русский (Россия, в древности,—страна сарматов). Отношения П—а к Польше см. Вступ. оч. т. III. Напеч. как предыд.

7. НА ЕКАТЕРИНУ II.

Мнѣ жаль Великія Жены,
Жены, которая любила
И ради славы дымъ войны,
И дымъ Парнаскаго кадила.
Въ аллеяхъ Царскаго Села
Она съ Державинимъ, съ Орловымъ
Бесѣды мудрыя вела...
Любила въ ....., чай пила,
Она съ Делилемъ иногда...
. . . . .

Насильно Зубову мила,
Старушка умная жила
Приятно и немного блудно.
Вольтеру первый другъ была,
Наказъ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.
Съ тѣхъ поръ по всей Россіи мгла...
Россія, бѣдная держава!
Твоя удавленная слава
Съ Екатериной умерла!

Рук. крайне неразборчива. Вар.:

Она съ Потемкинимъ, съ Орловымъ...
Старушка милая (дряхлая) жила...
Съ тѣхъ поръ затмилось все, и мгла...
Екатерининская слава
На суднѣ съ нею умерла...

Отдельно записано:

Мы ей одолжены Тавридой,
И просвѣщенемъ. . . . .
Провать Минервой, Аонидой,
Любовью, Душенькой, Кипридой...
То цѣловалась, то любила,
Бразды правленія брала,
Черезъ цвѣтники она въ.....

Стихи—шутливая характеристика правления Екатерины II; *Потемкинъ*, *Орловъ* *Зубовъ*—деятели ее времени и ее возлюбленные; *Делиль*, *Вольтеръ*—франц. писатели, с которыми она вела переписку. *Наказъ* и др. об. раньше. Напеч. за границей 1861 г.; в России отрывок 1887 г.; полное—1912 г.

1825 ГОД.

8. Н. С. МОРДВИНОВУ.

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины.
Въ крылахъ отяжелѣвъ, онъ небо забывалъ
И Пинда острыя вершины.

Въ то время ты вставалъ; твой лучъ его согрѣлъ:
Онъ поднялъ къ небесамъ и крылья и зѣницы—
И съ шумной радостью взыгралъ и полетѣлъ
Во срѣтенъе твоей денницы.

Мордвиновъ! не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордится онъ и на берегахъ Коцита.
Ты лиру оправдалъ: ты ввѣкъ не измѣнилъ
Надеждамъ вѣщаго Пѣнта!...

Какъ славно ты сдержалъ пророчество его!
Сіяя доблестью, и славой, и наукой,
Въ совѣтахъ, недвижимъ у мѣста своего,
Стоишь ты, новый Долгорукой!

Такъ, въ пѣну волнъ съ вершины горъ скатясь,
Стоить сѣдой утѣсь. Вотще берега трепещуть,
Вотще грохочетъ громъ, и волны вкругъ мутясь
И увиваются, и плещуть.

Одинъ, на рамена подъявши мощный трудъ,
Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною;
Вдовицы бѣдный лептъ и дань Сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою...

Н. С. Мордвиновъ (1754—1845 г.), член Госуд. Совета, по словам П—а (письма), «заклочалъ въ себѣ одномъ всю русскую оппозицію». *В. П. Петровъ* — лирик XVIII в. *Коцитъ*, *Пиндъ* см. Общ. прим. *Кн. Я. Ѳ. Долгорукой*—деятель времен Петра I, известный той прямою, с какой оспаривал царя, см. дальше «Стансы». Ода Петрова о Мордвинове—1796 г. Рук.—черн., но почти без помарок. Напеч. 1855 г.

9.

Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны;
Тогда напрасенъ умъ, искусства не нужны
И самой красотѣ—семнадцать лѣтъ замѣна.
Но время протекло, настала перемѣна,
Ты приближаешься къ сомнительной порѣ,
Какъ больше жениховъ въ мечтахъ, чѣмъ на дворѣ,
И рѣже похвала твой умъ обворожаетъ,
А зеркало сильнѣй грозитъ и ужасаетъ.

.... Утѣшься и смиришь,

Отъ милыхъ прежнихъ сновъ заранѣ откажись,
Ищи другихъ побѣдъ,—успѣхи предъ тобою.
Я щастія тебѣ желаю всей душою...

..... и опытовъ моихъ
Мой дидактический, благоразумный стихъ...

В рук. вар. незначительны. К кому обращено, не выяснено. Далее начато: «Совѣты новые...» Напеч. 1884 г.

10. НАЧАЛО СТИХОТВОРЕНІЯ.

Блестить луна, недвижно море спитъ,
Молчать сады роскошные Гасана.
Но кто же тамъ въ тѣни деревъ сидитъ
На мраморѣ печальнаго фонтана?
Арапъ-Эвнухъ, Гарема стражъ сѣдой
И съ нимъ его товарищъ молодой...

„Мой другъ, недугъ тоски душевной
 Не отъ меня сокроешь ты.
 Твой мрачной взоръ, твой ропотъ гнѣвной,
 Твои свирѣпыя мечты,—
 Давно, давно мнѣ все сказали,
 Я знаю,—жизнь тебѣ тяжка,
 А что виной твоей печали,—
 Мой сынъ, послушай старика...

22 Іюля 1825.

В рук. мелкие вар.: «И тишина и мгла въ садахъ...»; «Сады прелестные...»; «Фонтанъ, журча, бѣжитъ дугой...»; «Въ тѣни оливокъ, на мраморѣ фонтана...»; «Не отъ моихъ привычныхъ взоровъ...» и т. под. См. примеч. к поэме «Бахч. Фонтанъ». Напеч. 1857 г.

11.

Пока супругъ тебя, красавицу младую,
 Между шести другихъ еще не заключилъ,—
 Ходи къ фонтану близъ могиль
 И черпай воду ключевую —
 И думай, милая моя:
 Какъ невозвратная струя
 Блеститъ, бѣжитъ—и исчезаетъ,
 Такъ жизнь и юность убѣгаетъ,
 Въ Гаремѣ такъ исчезну я...

По мысли, м. б., связано с предыд. Дата отрывка не выяснена; Акад. изд. отнесено к 1824 г. М. б., оба отрывка относятся к замыслу не лирическому. Напеч. 1884 г.

12. ВСЕ ВЪ ЖЕРТВУ...

Все въ жертву памяти твоей:	И славы блескъ, и мракъ изгнанья,
И голосъ лиры вдохновенной,	И свѣтлыхъ мыслей красота,
И слезы дѣвы воспаленной,	И мщенье, бурная мечта
И трепеть ревности моей,	Ожесточеннаго страданья.

1825. Тригорское 22. Тригорское 23.

В рук. вар. нет. К кому обращено, не выяснено; м. б., к той же, как: «Ненастный день потухъ...» Напеч. начало 1855 г.; полно—1903 г. по авт.

13. ЭПИГРАММА.

Припадками болѣзни женской	И хладной между тѣмъ Зоиль,
Словесность Русская больна.	Ей Каченовской застудилъ
Лежить въ истерикѣ она	Теченье мѣсячныхъ изданій.
И бредитъ языкомъ мечтаній,	

Каченовскій, Зоиль см. раньше. Напеч. 1909 г.

Б. Черновые наброски.

Напеч., как предыд., 1857 г., 1884 г., 1903 г., Акад. изд.

1824 ГОД.

1. САБУРОВУ.

Сабуровъ, ты оклеветалъ	Какъ, всѣ заботы отгона,
Мой Гусарскія затѣи,	Провелъ межъ ними годъ я круг-
Какъ я съ Каверинымъ гулялъ,	лой,
Бранилъ Россію съ Молоствовымъ,	Но Зубовъ не прельстилъ меня
Съ моимъ Чадаевымъ читалъ...	Своею . . . . . ею смуглой...

В отрывке говорится об отношениях П—а к царскосельским лейб-гусарам; Я. В. Сабуровъ, П. П. Ксеевичъ, П. Х. Молоствовъ, П. Я. Чадаевъ, А. Н. Зубовъ см. раньше

послания к ним и дальше. Все пять метко охарактеризованы в наброске («оклеветал», «гулял», «бранил Россію», «читал», «не прельстил»); ср., что говорит о них же П. в письмах. В чем состояла клевета С—а, неизвестно. Напеч. 1884 г.

2. ОТРЫВОКЪ.

Я не дремалъ, но сонъ изнеможенья

.....

И пролетали надо мной
Разнообразныя видѣнья.
Приснились мнѣ древа и воды,
И шумъ и тѣнь. Увидѣлъ я...

Написано, может быть, еще в Одессе. Вар. рук: «И совершались надо мной...»
Напеч. 1912 г.

3. МЛАДЕНЦУ.

Прощай, прелестное дитя!
Я не скажу тебѣ причины...

.....

Быть можетъ о судьбѣ моей
Она со временемъ услышитъ,
И клевета невѣрно ей
Чертами образъ мой опишетъ.

Дитя! Не смѣю надъ тобой
Произнести благословенья,
Ты—Ангель чистою душой,
Ты—тихой Ангель утѣшенья.

Прими желанія мои:
Какъ нынѣ ясенъ жребій твой,
Да будутъ ясны дни твои,

.....

М. б., обращено к дочери Е. К. Воронцовой. В рук. много вар.: «Враги мои...»; «Мой тайной клеветникъ...» и т. под. Зачеркнуто загл.; «Ребенку»: Саше Воронцовой было тогда 4 года. Напеч. 1884 г. отрывки; все стихи—Акад. изд.; связно—в нашем изд. *первые* с авт.

4.

Забылъ и рощу и свободу,
Невольникъ чижикъ надо мной:
Зерно клеветъ и брызжетъ воду
И пѣсню тѣшится живой...

Рук. ныне утрачена. Напеч. 1855 г.

5. ВЪ ПЕЩЕРѢ ТАЙНОЙ.

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья,
Читалъ я сладостный Коранъ,
Внезапно Ангель Утѣшенья,
Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ.

Его таинственная сила
Съ тѣхъ [поръ] . . .
Слова святыя начертила
На немъ безвѣстная рука.—

В. авт. вар.:

Передъ лампадой въ ночь гоненья...
(У берега водъ во дни гоненья)...
Читалъ таинственный Коранъ,
И горній Духъ явился . . . . .
Принесъ мнѣ тайный талисманъ...
Его таинственную силу...
Слова (Корана) Пророка начертила...

М. б., связано с «Подражаніями Корану» (см.), а, м. б., написано уже позже.
Напеч. отрывок 1854 г.; в нашем изд. полно с авт. *первые*.

6—10. ОТРЫВКИ.

I.

Играй, прелестное дитя,
Въ саду бѣги за мотыльками,
Лови ихъ . . . . .
Летай за бабочкой летучей,
Шутя лови, поймай шутя,
Надъ розой . . . . . колючей,

Потомъ . . . . . отпустя
Но не совѣтую тебѣ
Играть . . . . . съ уснувшимъ змиемъ.
Его завидую судьбѣ.
Съ смущеньемъ, пойманный . . . . .

Написано в самом конце 1824 г. Напеч. 1912 г.

II.

Бывало, въ сладкомъ ослѣпленьи,
Я вѣрилъ избраннымъ душамъ,
Я мнилъ, ихъ тайное рожденье
Угодно . . . . . небесамъ.

Я слушалъ . . . . .
Народное святое мнѣнье
(Самовластительное мнѣнье)...
Едва приближился я къ нимъ...

III.

Блаженъ, кто щастливъ, безъ вол-
ненья,
Кто наслаждаться могъ одинъ
И былъ невольнаго влеченья
Самолюбивый властелинъ.

Я принималъ безъ увлеченья,
И оставлялъ безъ сожалѣнья,
Когда крылатая любовь
. . . . . предавала вновь...

IV.

Не всѣ, конечно; нѣтъ сомнѣнья,
Найти возможно исключенья,
И вы—живой тому примѣръ.
Но вообще, клянусь предъ вами,
Что женщины не знаютъ сами
За чемъ онѣ того берутъ,
За чемъ . . . . .

V.

Иванъ-Царевичъ по горамъ
Охотой тѣшилъ въ лѣсу,
За бурымъ волкомъ разъ гонялся,
Травили сивую лису...

I—V—рук. Рум. муз. I, м. б., обращено к Саше Воронцовой, как «Младенцу», но, по положению в рук., писано уже в Михайловском. II, м. б., набросок к «Евг. Онѣг.»; сходные стихи позднее отнесены к Ленскому (гл. II, стр. VIII), но ср. «Демонъ», «Свободы сѣятель» и др. III—IV, м. б., тоже наброски к «Е. О.» V, м. б., начало сказки. В рук. мелкие вар., среди них:

II: На нихъ указывало мнѣнье
И я приближился тогда...

III: Я проводилъ безъ сожалѣнья
Дары любви...

IV: Иванъ-Царевичъ ѣдетъ на конѣ...

Напеч. по авт. Акад. изд.

1825 ГОД.

11.

Стрекотунья бѣлобока,
Подъ калиткою моей
Скачетъ пестрая сорока
И пророчить мнѣ гостей.

Колокольчикъ небывалой
У меня звенить въ ухахъ,
Лучъ зари сіяетъ алой,
Серебрится снѣжный прахъ...

Написано на приезд в Михайловское И. И. Пущина, см. «19 октября 1825 г.» и «И. И. Пущину» 1826 г. Ст. 7. м. б.: «Лучъ луны...» Напеч. 1855 г.

12.

Лишь розы увядаютъ,
Амврозіей дыша,
Въ Элизій улетаетъ
Ихъ легкая душа,

И тамъ, гдѣ волны сонны
Забвеніе несутъ,
Ихъ тѣни благовонны
Надъ Летою цвѣтутъ—

Элизій, Лета, амврозія см. Общ. прим. В рук. тут же начат перевод этого стихотв. на франц. яз. стихами же.

Quand la rose s'udain a terminé sa vie,
Au front du conviv, au banquet.....
Scud in sè détach nt d. sa tige natale,
Comm: un leger soupir, sa douce âme s'exhale...

Soudain se détachant . . . . . de la tige
 Dans les airs . . . . . voltige...
 Aux rives d'Elysée ses mânes parfumés,
 Charmant du doux Lèthe les bords inanimés...

Букв. перев. «Когда роза внезапно оканчивает свою жизнь, во главе пира, на празднестве... Внезапно отделясь от родного стебля, как легкий вздох, отлетает ее нежная душа... (Риторично: Внезапно отделясь... от своего стебля, в воздухе... кружится...). На Элизейских берегах, ее благоуханные маны (душа), чаруя бездушные берега тихой Леты...» Напсч. 1884 г.; франц. стихи—1916 г.

13.

О боги мирные полей, дубравъ и горъ,
 И Геній и стихи вашъ любятъ разговоръ,
 Межъ ними я нашель и Музу молодую,
 Подругу дней моихъ невинную, простую,
 Но чѣмъ-то милую,—не правда-ли, друзья?
 И своенравная волшебница моя,
 Какъ тихой вѣтерокъ или пчелка золотая
 Иль бѣглою поцѣлуй, туда, сюда летая,
 Жемчужныя . . . . .

Отдельные выражения заимствованы у А. Шенье. Напеч., как и след., 1916 г.

14.

Подъ какимъ созвѣздіемъ,
 Подъ какой планетою
 Ты родился, юноша
 Подъ звѣздой [какой?]

Золотая ль звѣздочка,
 Звѣздочка ль Кипридина,
 Али Марса яркаго,
 Аль звѣзда Меркурія,
 Аль Сатурна дальнаго?..

Уродился юноша
 Подъ звѣздой безвѣстною,
 Подъ звѣздой падучею,
 Мигъ одинъ блеснувшю
 Въ синевѣ небесъ.

Намек на астрологические представления о влиянии звезд. Звѣздочка Кипридина, Венера, Меркурій, Марсъ, Сатурнъ—планеты. В рук. вар.:

Подъ звѣздой златой
 Марса аль Меркурія?—и др.

15.

Заступники кнута и плети,
 О благодѣтели мои!
 Всѣ наши женщины и дѣти
 (Семья, жена моя и дѣти)
 Вамъ благодарны навсегда.
 Благодарить васъ . . . . .
 Не позабудемъ никогда.

За васъ молить я бога буду
 И никогда не позабуду,
 Когда для дѣла позовутъ
 Меня на [царскую] разправу.
 За ваше здравіе и славу
 Влетитъ [царю] мой первый кнут!

Повод к этим энергичным строкам не выяснен. Напеч. 1911 г. Печатаем с авт., где еще:

О вашемъ свѣтломъ . . . . .
 Вамъ заключенные . . . . .
 Ударь послѣдняго кнута.

16. НАЧАЛО СТИХОТВОРЕНИЯ.

Шумить кустарникъ... На утесъ
 Олень веселый выбѣгаетъ,—
 Недвижимъ, онъ подножный лѣсъ
 Съ вершины острой озираетъ.
 Глядитъ на свѣтлые края,
 Глядитъ на синий сводъ небесный
 И на далекіе берега,

Вѣнчанны чащею древесной—
 Надъ страшной бездною онъ сто-
 ить
 И чуткимъ ухомъ шевелитъ,
 Но дрогнулъ онъ—внезапный звукъ
 Его коснулся... и онъ вдругъ
 Съ вершины прынулъ . . . . .

В рук. вар.: «Онъ шею вытянулъ, и вдругъ...» Написано, м. б., позже (1829 г.?) Напеч. 1884 г.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
БАТЮШКОВЪ.

С гравюры С. Ф. Галактионова.

17.

Сосѣдство ваше всѣмъ опасно...
 Увы, плѣненъ я дѣвой бойкой;
 Вкусъ тонкой, правиль чистоту
 Я для [чего].....
 Напрасно вы какъ роза милы,
 Напрасно вамъ шестнадцать
 лѣтъ...

Сосѣдство ваше намъ опасно,
 Хоть мило, можетъ быть, оно,—
 Такъ утверждаю не напрасно
 И доказать не мудрено.

Вашъ домъ, учтивая бесѣда,
 И шутки съ злостью пополамъ
 Напоминаютъ живо намъ
 И впрямь „Опаснаго Сосѣда“...
 У вашихъ ногъ твержу всечасно,
 И даже можно вѣрить намъ.
 Повѣрьте жъ вы моимъ словамъ.

.....
 Она не старая мигушка,
 Не кровожадная вострушка
 И не спѣсивая .....

Эти два наброска, м. б.,—одно целое. *Опасный сосѣдъ*—поэма В. Л. Пушкина, см. раньше. К кому обращено, не выяснено. В рук. вар.:

- Ст. 1: Сосѣдство ваше всѣмъ сердцамъ опасно...
 2—3: Вкусъ вѣрный, мысли чистоту...
 Смѣшливый умъ, повѣса бойкой...
 7—14: Твое сосѣдство мнѣ опасно...
 Твой домъ и милая (любезная) бесѣда...
 Творца опаснаго сосѣда...
 20: Не неуклюжая вострушка...

Напеч. отрывок 1884 г.; все стихи—1916 г.; наш текст, по авт., в нашем изд. *первые*.

18.

Что съ тобой, скажи мнѣ, бра-
 тецъ.
 Блѣдень ты, какъ святотатецъ,
 Волоса стоятъ горой.—
 Или съ дѣвой молодой
 Пойманъ былъ ты у забора

И, принявъ тебя за вора,
 Сторожъ гнался за тобой?
 Иль смущенъ ты привидѣньемъ?
 Иль за тяжкіе грѣхи,
 Мучась дивнымъ вдохновеньемъ
 Сочиняешь ты стихи...

Сохранилось в черн. авт., собр. Ак. Н., и списке Анненкова. Датировка—предположительна. В авт. вар. начала:

Блѣдень онъ (какъ мертвый)... какъ убійца...
 Вѣрно ты съ младай дѣвицей...
 Или бѣсъ [тебя].....
 Мучимъ дикимъ вдохновеньемъ...

В ст. 10 чтение «дивнымъ» (список Анненкова), «дикимъ»—предположительно, Напеч. по списку 1903 г., по авт.—1916 г.

19—29. Отрывочные строки.

I. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

Да сохранить тебя твой добрый Геній
 Подъ бурей [и] въ тишинѣ . . . . .

II.

Но ты забудь меня, мой другъ,
 Забудь меня, какъ забываютъ
 Томительной, печальной сонъ,

Когда поутру отлетаютъ
 И тѣни . . . . .

III.

Расходились по поганому граду,
Разломали темную темницу...

IV.

Скажи мнѣ, ночь, зачѣмъ твой мракъ
Мнѣ радостнѣй . . . . .

V.

Когда бъ родилась ты . . . . .

VI.

Они твердили: „Онъ—поэтъ!
Его ли намъ купить“..

VII.

Такъ на п[ослѣднiя] страницы,
Пылая капаетъ сургучь....

VIII.

Блаженъ, кто вами любовался,
Блаженъ, блаженъ, кто видѣтъ могъ...

IX.

Молва, играя, очернила,
Меня неразъ,—не пощадил;
Ей помогала клевета...

X.

Не курится тамъ огонекъ малеше
некъ...

29. Начало наброска.

XI.

Онъ мнѣ ровесникъ...

. . . . .

1—среди черн. «Андрей Шенье въ темницѣ»; загл. в рук. II—к кому обращено, неизвестно. III, м. б.,—начало народной песни. I—IV—из Акад. изд. V—на листке, где черн. «Изъ Гонзаго». VI—на листке, где черн. «Ег. Ночей». VII—среди черн. «Сожж. Письма». VIII, м. б.,—вар. к др. стихотв. IX—вошло позднее в «Евг. Онѣг.» X—записано на письме П. А. Плетнева, 18 июля 1825 г.. см, т. III, письма. XI (29)—начало наброска (несколько строк) из собр. Ак. Н., недоступного исследователям, на листке, где куплеты для водевиля (см. выше).

ПЕРИОД СЕДЬМОЙ.

От возвращения из ссылки до второй поездки на Кавказ,
с августа 1826 по конец 1828 года.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворения.

1826 ГОД.

Законченных лирических стихотв. от начала 1826 г. до нас не дошло: эпиграммы и мелочи см. раньше, период шестой.

1. ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я влачился,
И шестикрылой Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами, легкими какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ при-
никъ,
И вырвалъ грѣшной мой языкъ,

И празднословной, и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ ме-
чемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынь я ле-
жалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, Пророкъ, и виждь, и
внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.“

Напеч. 1828 г. Авт не сохранилось. Написано ли в Михайловском, или по выезде из него в Москву, не выяснено. Стихи навеяны чтением Библии (книга Исаии и др.). Связанные со стихотв анекдоты и якобы 4 заключительных стиха (о «пророке России») — ничем не подтверждаются. В стихотв. усвоен язык Библии, откуда — ряд славянизмов: *персты* (пальцы), *отверзлись* (открылись), *мудрыя змѣи* (т.-е. мудрой змеи), *виждь* (повел. накл. от *видеть*) и т. под. Значение поэта в современной жизни П. уподобляет деятельности пророка у древних евреев Перепеч. изд. 1829 г.

2. КЪ ЯЗЫКОВУ.

Языковъ, кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь, и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!

Нѣтъ, не Кастальскою водой
Ты воспоилъ свою Камену;
Пегась иную Иппокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не хладной льется влагой,

Но пѣнится хмѣльною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородной,
Слянье рому и вина,

Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свобод-
ной
Открытый въ наши времена.

28 Августа.

Напеч. 1827 г. и перепеч. под 1826 г. изд. 1829 г. *Языковъ*, известный поэт (см. раньше) посетил П—а в деревне и обратился к нему с посланием из Дерпта: «О ты, чья дружба мнѣ дороже...» и т. д. Вар. рук.:

Языковъ, братья! Я получилъ...
Она кипить не холодной влагой...
Твоею лирою свободной
Воспѣтый въ наши времена!

Кастальская вода то же, что *Иппокрена*, — ключ, посвященный музам, и др. см. Общ. прим. *Тригорское* см. раньше. Набросано карандашом еще в Михайловском, отделано, вероятно, позже, но дата относится к 1826 г. (книжка «Моск. Вѣстника», где напеч., цензурована в апр. 1827 г.) В стихотв. П. перенимает склад речи и манеру Языкова.

3. Е. А. ТИМАШЕВОЙ.

Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ,
Сии прелестныя созданья,
Гдѣ ваши томныя мечтанья
Боготворятъ свой идеаль.

Я пилъ отраву въ вашемъ взорѣ,
Въ душой исполненныхъ чертахъ,
И въ вашемъ миломъ разговорѣ,
И въ вашихъ пламенныхъ стихахъ.

Соперницы Запретной Розы
Блаженъ безсмертный идеаль...
Стократъ блаженъ, кто вамъ внушалъ
И много риѣмъ, и много прозы!

Москва. 20 Октября 1826 г.

Екат. Александр. Тимашева (1798—1881 г.) — женщина-поэт, с которой П. был знаком лично (см. письма 1826 г., т. III). *Запретная Роза* — одна московская красавица. Стихи напеч. 1830 г., кажется, без разрешения П—а и с неисправного списка; точнее — 1862 г. с авт., который не сохранился.

4. С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

[изъ письма.]

У Гальони иль Кольони
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармазаномъ макарони,
Да яишницу сваря.
На дорогѣ отобѣдай
У Пожарскаго въ Торжкѣ:
Жареныхъ котлетъ отвѣдай
И отправься налегкѣ.
Какъ до Яжельбиць дотащить
Колымагу мужичекъ,
То-то другъ мой разтаращить
Сладострастный свой глазокъ!

Поднесутъ тебѣ форели!
Тотчасъ ихъ варить вели;
Какъ увидишь: посинѣли,
Влей въ уху стаканъ Шабли.
Чтобъ уха была по сердцу,
Можно будетъ въ кипятокъ
Положить немного перцу,
Луку маленькой кусокъ...
У податливыхъ крестьянокъ
(Чѣмъ и славится Валдай)
Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣ поѣзжай.

9 Ноября. Малинники.

С. А. *Соболевскій* (1803—1870 г.) — приятель П—а, автор ряда острых эпиграмм и стихотворных шуток. *Гальони* — содержатель трактира в Твери; *Кольони* — непристойная (по-итальянски) пародия его фамилии. *Д. Е. Пожарская* — содержательница постоялого двора в Торжке, изобретшая «пожарские котлеты». *Яжельбицы*, *Валдай* и др. — почтовые станции между Москвой и Петербургом. В стихотв. П. применяется к уровню интересов Соболевского: он любил поестъ, и П. его называл в письмах «обжорой» (*пармазан* — сыр, *шабли* — вино и т. под.) Писалось не для печати. Напеч. 1857 г. См. письма, т. III.

5. ОЛЬГА.

[къ оленькъ массонъ].

Ольга, крестница Киприды,
 Ольга, чудо красоты,
 Какъ же ласки и обиды
 Разточать привыкла ты
 Поцалуемъ сладострастья
 Ты, тревожа сердце въ насъ,—
 Соблазнительнаго щастья
 Назначаешь тайный часъ;
 Мы съ горячкою любовной
 Прибѣгаемъ въ часъ условной,
 Въ дверь стучимъ,—но въ сотый разъ

Слышимъ твой коварный шопоть,
 И служанки сонный ропоть,
 И насмѣшливый отказъ.
 Ради рѣзваго разврата,
 Приапическихъ затѣй,
 Ради нѣги, ради злата,
 Ради прелести твоей,
 Ольга, жрица наслажденья,
 Внемли нашъ влюбленный плачь—
 Ночь восторговъ, ночь забвенья
 Намъ навѣрное назначъ.

22 Ноября.

Ст. 6-й первоначально был написан:

Будорожа сердце въ насъ...

Потом и эта ред. и поправка — зачеркнуты, но не заменены, почему стих и оставлен нами в тексте. Прежними изд. относилось к 1820 г., но Акад. изд., на основании положения стихов в рук., перенесло их в 1826 г. *Оленька Массонъ*—петроградская куртизанка 20-х годов. *Приапъ*—бог-покровитель сладострастия. Оставляем дату Акад. изд., так как рук. не видели, но вероятнее, что в ноябре 1826 г. П. только записал (восстановил по памяти с новыми поправками) стихи, написанные в 1820 г., когда он предавался «резвому разврату». Писалось не для печати, Напеч. 1857 г.

6. ОТВѢТЬ Ѳ. А. ТУМАНСКОМУ.

Нѣтъ! не Черкешенка она:
 Но въ доли Грузіи отвѣка
 Такая дѣва не сошла
 Съ высотъ угрюмага Казбека.

Нѣтъ! не агать въ глазахъ у ней:
 Но всѣ сокровища Востока
 Не стоятъ сладостныхъ лучей
 Ея полуденнаго ока!

Напеч. изд. 1829 г. *Ѳ. А. Туманскій* см. раньше. О ком говорится в стихах, не выяснено. *Черкешенка, Грузія, Казбекъ* см. примеч. к поэме «Кавк. Пльнникъ» и дальше. В изд. указан 1826 г. и загл.: «Отвѣтъ Ѳ. Т***.» В авт. (кот. считался утраченным, но нами найден) загл.: «Отвѣтъ.....X + Y.» и вар.;

Ст. 1: Въ долины Грузіи отвѣка.,
 7: (Не замѣнять...)
 Не стоятъ сладостныхъ огней...

Проверен текст (знаки препинания и др.) по авт. и даны вар. в нашем изд. *первые*.

7. ИВ. ИВ. ПУЩИНУ.

Мой первый другъ, мой другъ
 безцѣнный!
 И я судьбу благословилъ,
 Когда мой дворъ уединенный,
 Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
 Твой колокольчикъ огласилъ.

Молю святое Провидѣнье,
 Да голосъ мой душѣ твоей
 Даруетъ то же утѣшенье!
 Да озаритъ онъ заточенье
 Лучемъ Лицейскихъ ясныхъ дней.

13 Декабря 1826 г. Псковъ.

И. И. Пущин, см. выше, посетил П—а в Михайловском; в 1825 г. арестован, как декабрист. Стихи П—а были доставлены Пущину в Сибирь. Текст—исправленная ред., сообщенная П—ым Плетневу; первоначальную ред. см. в Отд. II. Писалось, конечно, не для печати: 1826 г. строго воспрещалось в печати всякое упоминание о декабристах. Напеч. 1841 г., перепеч. Посм. изд. и изд. 1855 г. без имени Пущина, кот. дано лишь в 1858 г.

8. ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучной
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрной кругъ свой совершитъ,
И докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не разлучитъ.

Грустно, Нина: путь мой скученъ,
Дремля, смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ.

[Декабрь.]

Напеч. 1828 г. Вар. черн. рук.:

- Строфа 1: Сквозь печальные туманы...
Льетъ печальный свѣтъ она...
3: То душевная тоска...
5: Въ свѣтлой комнатѣ твоей...
6: И ровнищевъ удаляя...

В др. рук.: 14 — «Глушь и мракъ...»; 18 — «Завтра, въ городъ возвратясь...»
Нина, вероятно, — С. Ф. Пушкина, на кот. П. предполагал жениться, см. Вступ. оч.,
т. II. *Черная хата*—изба без печной трубы. О песняхъ ямщика ср. «Домикъ въ Коломнѣ»
и др. Особо музыкальное это стихотв. перепечат. при жизни П.—а много раз; изд. 1829 г.,
1831 г. с музыкой Алябьева, «Лиры Грацій» 1832 г., два песенника 1835 г.

9. СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
Во всемъ будь Пращурю подобенъ:
Какъ онъ неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ Онъ, незлобенъ.

22 Декабря 1826. Москва, у Зубкова.

Напеч. 1828 г.; в изд. 1829 г. неправильно под 1827 годом. В авт. точная дата;
там же и в списке 1828 г. вар.:

- Стр. 3: Онъ всюду сѣялъ просвѣщенье...
(Ея предвидѣлъ назначенье...)
Но зрѣлъ ея предназначенье...
4: (Онъ всеобъемлющей рукой...)
5 Какъ снѣ, рѣшителенъ и твердъ...

Писано в ту пору, когда П. еще верил обещаниям, которые давал ему Николай I. Считая, что после 14 декабря революционное движение в России надолго раздавлено, П. тогда соблазнялся надеждой проводить прогрессивные идеи через правительство. Подробнее см. Вступ. оч. т. III. В строфе 2-й говорится о стрелецком бунте при Петре I и о кн. Я. Ф. Долгоруком, смело противоречившем Петру. Посл. стих—призыв помиловать декабристов. В. П. Зубков—московский приятель П.—а.

10. СОЛОВЕЙ.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей,
Поэтъ надъ розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ,
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.
Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь, она цвѣтетъ; зываешь—нѣтъ отвѣта.

Напеч. 1827 г. и изд. 1829 г. под 1827 г.; написано в конце 1826 г. (цензуровано 28 декабря). Мысль заимствована у Байрона. Авт. не сохранилось.

Мелочи 1826 года (конец).

11. ЗОЛОТО И БУЛАТЬ.

[съ французскаго.]

Все мое, сказало злато;
Все мое, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказало злато;
Все возьму, сказалъ булатъ.

12. ВЪ ДѢТСКІЙ АЛЬБОМЪ

кн. п. п. вяземскому.

Душа моя Павель,
Держись моихъ правилъ,
Люби то-то, то-то,
Не дѣлай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасной.

13. Н. С. АЛЕКСѢВУ.

[изъ письма.]

Прощай, отщельникъ Бессарабской,
Лукавый другъ души моей!
Порадуй же меня нѣ сказочкой Арабской,
Но Руской правдою своей.

[1 Декабря. Псковъ.]

11. Напеч. 1827 г., написано в 1826 г. или раньше (цензуровано 7 декабря 1826 г.) Перепеч. изд. 1829 г. Авт. не сохранилось. Стихотв.—перевод с франц.

12. Кн. П. П. Вяземскій (1820—1880 г.)—единственный сын кн. П. А. Вяземского; П. охотно шутил с ребенком. Авт. ныне неизвестен. Напеч. 1867 г.; точнее—1880 и 1884 г.

13. Н. С. Алексѣевъ см. раньше и письма к нему, т. III. П. ошибался, полагая, что А. продолжает жить в Бессарабии (в Кишиневе). Арабские сказки—тип фантастических сказок вообще. Напеч. с письмами.

1827 ГОД.

Москва (продолжение).

1. ПОСЛАНИЕ ВЪ СИБИРЬ.

Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;

Нещастью вѣрная сестра,
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

[Начало года. Москва].

Было передано декабристамъ в Сибири через А. Г. Муравьеву, ехавшую к мужу-каторжнику. Ср., раньше, другое послание П—а, тоже пересланное каторжнику-декабристу, И. И. Пушкину (через Ершова, автора «Конька-Горбунка»). П. глубоко волновался судьбой декабристов, что видно по намекамъ в стихах, записямъ в рук. и т. под.; см. Вступ. оч. т. III. Ответ на «Послание» написан А. И. Одоевским («Струнъ вещей пламенные звуки—До слуха нашего дошли...» и т. д.) Авт. не сохранилось. Напеч. за границей 1856 г., в России—1874 г.

2. Е. Н. УШАКОВОЙ.

[въ альбомѣ.]

Когда, бывало, встарину,
Являлся духъ, иль привидѣнье,
То отгоняло сатану
Простое это изреченье:
„Аминь, аминь, разсыпья!“ Въ наши дни
Гораздо менѣе бѣсовъ и привидѣній—
Богъ вѣдаетъ, куда дѣвались они.
Но ты,—мой злой иль добрый геній!
Когда я вижу предъ собой
Твой профиль, иль глаза и кудри золотыя,
Когда я слышу голосъ твой
И рѣчи рѣзвыя, живыя—
Я очарованъ, я горю,
И содрогаюсь предъ тобою
И сердцу, полному мечтою,
„Аминь, аминь, разсыпья!“ говорю.

3 Апрѣля 1827. Москва.

С семьей Ушаковых, где были две дочери, Екат. и Елиз. Ник., П. познакомился осенью 1826 г., часто у них бывал и охотно писал в альбомъ барышень. В списки Ек. Н. Ушаковой помета: «Стихи, сочиненные на слова *Аминь, Аминь разсыпья* А. Пушкина въ моемъ альбомѣ». Авт. не сохранилось. Напеч. 1859 г. с мѣлкими вар. или ошибками.

3. Е. Н. УШАКОВОЙ.

[въ альбомѣ.]

Въ отдаленіи отъ васъ,
Съ вами буду неразлученъ,
Томныхъ устъ и томныхъ глазъ
Буду памятью размученъ;
Изнывая въ тишинѣ,
Не хочу я быть утѣшенъ—
Вы жъ вздохнете ль обо мнѣ,
Если буду я повѣшенъ!

16 Мая 1827.

См. предъид. В копии Ек. Н. Ушаковой помета (по-франц.): «Стихи Пушкина при его отъѣздѣ въ Петербургъ, написанные у насъ», и дата: «16 мая 1827». В Петроград П. выехал в ночь на 20 мая. Авт. не сохранилось. Напеч. 1859 г., с пометой (по позднейшему сообщению У—ых): «писано передъ отъѣздомъ П—а на Кавказъ».

Петроград и поездки 1827 года.

4. КН. З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

при посылкѣ ей поэмы „цыганы“.

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица Музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохно-
веній,

И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ гений.
Пѣвца, плѣненного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

Напеч. 1827 г. Кн. З. А. Волконская, ур. Белосельская-Белозерская (1792 — 1862 г.) была видным поэтом своего времени, а ее петроградский салон посещался всеми лучшими писателями тех лет; там встречались Пушкин, Мицкевич, Веневитинов, Боратынский, Вяземский, Шевырев, Киреевский и др. *Анджелика Каталани*, знаменитая итальянская певица, восхищалась в Москве песнями цыган. *Вист, бостон*—карточные игры. Др. об. раньше. Стихотв.—«мадригал»; П. намеренно доводит похвалы до несообразности. Авт. не сохранилось. Перепеч. изд. 1829 г.

5. Н. М. ЯЗЫКОВУ.

[письмо.]

Къ тебѣ собирался я давно
Въ Нѣмецкій градъ тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты
Тобой воспѣтое вино.
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю Невскихъ береговъ.
И что жъ? гербовыя заботы
Схватили за полы меня
И на Невѣ, хотъ нѣтъ охоты,
Прикованнымъ остался я.
О юность, юность удалая!

Могу ль тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало, утопая,
Заимодавцевъ избѣгая,
Готовъ былъ всюду я летѣть;
Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ,
Остепенившись, проклиная
Я тяжесть денегъ и годовъ.
Прости, Пѣвецъ! Играй, пируй,
Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,
Не знай сіятельнаго чванства,
Не знай любезныхъ должниковъ
И не плати своихъ долговъ
По праву Русаго Дворянства.

14 Юня. С.-ПБ.

Напеч. самим П—ым «Сѣв. Цв.» 1829 г. Авт. сохранился в письме. *Н. М. Языковъ*—см. раньше. *Нѣмецкій градъ*—Дерпт. *Н. Д. Киселевъ*—приятель Языкова и П—а. *Гербовыя заботы*, см. письма, т. III. В послании искусно перенята манера стихов Языкова. В рук. вар.: «Окованнымъ...»; «Ахъ юность...»; «Не знай ни скуки ни жеманства...» и др. Применяясь к кругу интересов Я—ва, П. преувеличивает свою беспечность. Посл. ст.—намек-шутка на закон о «правах р. дворянства».

6. АРІОНЪ.

Нась было много на челнѣ;
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ ти-
шинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ
умный
Въ молчаньѣ правилъ грузный челнъ;
А я—безпечной вѣры полнъ—

Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно
волнъ
Измаялъ съ-налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою.
Я гимны прежние пою,
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

16 Юля. [1827].

Напеч. 1830 г. без подписи. *Аріонъ*, мифический др.-греческий поэт, был опасен в море дельфином, который заслушался его пения. П. намекает на судьбу декабристов, о

которыми был лично близок. Как при кораблекрушении уцелел один Арлон, так он, П., не погиб вместе с друзьями после 14 декабря. В рук. П—а есть рисунок виселицы и пяти повешенных (декабристов) с подписью: «И я могъ бы какъ тутъ» (другие ошибочно читаютъ: «какъ шутъ»). В рук. сначала написано в третьем лице; вар.:

Ихъ было много на челну...
Могучи весла въ глубину...
Отважно править утлый челнъ;
А онъ,—безпечный въры полнъ,

Пловцамъ онъ пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ, вскочилъ вихоръ шумный...
Гимнъ избавленія пою...
(Спасень Дельфиномъ, я пою...)

7. ТРИ КЛЮЧА.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности, ключъ быстрой и мятежной,
Кипить, бѣжить сверкая и журча;
Кастальской ключъ, волною вдохновенья,
Въ степи мірской изгнанниковъ поить;
Послѣдній ключъ, холодный ключъ забвенья,
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолить.

[27 Іюля 1827. С.-Петербургъ.]

Напеч. по смерти П—а 1841 г. с датой «18 Іюля», исправленной по списку на 27 іюля. Сохранился беловой авт., в альбоме б. Е. Н. Карамзиной, в посл. Мещерской, без даты и без вар.; посл. стиха записана половина: «Онъ слаще всѣхъ..», и приписано по-франц.: «закончите какъ вамъ угодно»; но на другой стран. написано по-франц.: «вотъ» и дан весь посл. стих. *Кастальской ключъ*, т.-е. поэзия, см. Общ. прим. Пессимизм (склонность видеть только дурное) основной мысли (юность—для всех, поэзия—для многих, сладостней всего—небытие), м. б., и помешал П—у напечатать стихотв

8. ЧЕРЕПЪ.

ПОСЛАНИЕ КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Прими сей черепъ, Дельвигъ: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву;
Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его готическую славу.

Почтенный черепъ сей не разъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Литовскій мечъ, въ недобрый часъ,
По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ барона,
Барона Дельвига. Баронъ,
Конечно, былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ.
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ су-
ровый,

И предокъ твой крѣпкоголовой
Смутился бѣ рыцарской душой,
Когда бѣ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою, миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ и съ лирой золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.

Баронъ въ обители печальной
Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпитафіей плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ и поэтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, фізіологъ,
Идеологъ и філологъ,
Короче вамъ—студентъ присяжный,
Съ витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ,
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить
пиво

Въ дыму табачныхъ облаковъ,
Бродить надъ берегами моря,
Мечтать о Лотхенъ или съ горя
Стихи писать, да бить Жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницей трактира
Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:
Тамъ, въ видѣ зеркаль и картинъ,
Короткій плащъ, картузь, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,

Творенья Фихте и Платона,
 Да два восточныхъ лексикона
 Подъ паутиною въ углу
 Лежали грудой на полу,
 Предметъ занятій разнородныхъ
 Ученаго, да крысъ голодныхъ.
 Мы знаемъ: роскоши пустой
 Почтенный мыслитель не ищетъ;
 Смѣясь надъ глупой суетой,
 Въ чуланѣ онъ безпечно свищетъ.
 Умѣренность, вѣщаль мудрецъ,
 Сердцецъ высокихъ отпечатокъ.
 Студентъ однакожъ наконецъ
 Замѣтилъ важный недостатокъ
 Въ своемъ быту: ему предметъ
 Необходимый былъ... скелетъ;
 Предметъ, философамъ любезный,
 Предметъ приятный и полезный
 Для глазъ и сердца, слова нѣтъ:
 Но гдѣ достанетъ онъ скелетъ?
 Вотъ, онъ однажды въ воскресе-
 сень
 Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
 И тотчасъ, взявъ въ соображенъе
 Его характеръ и служенъе,
 Рѣшилъ подружиться съ нимъ.
 За кружкой пива, мой мечтатель
 Открылся кистеру душой
 И говорить: „нельзя ль, приятель,
 Тебѣ досужною порой
 Свести меня въ подвалъ могиль-
 ный,
 Костями праздными обильный,
 И между тѣмъ одинъ скелетъ
 Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
 Клянусь тебѣ Айдесскимъ богомъ:
 Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
 И до моихъ послѣднихъ дней
 Красой обители моей.“

Я бы никакъ не осмѣлился оставить риемы въ эту поэтическую ми-
 нуту, если бы твой прадѣдъ, коего гробъ попался подъ руку студента,
 вздумалъ за себя вступиться, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему
 костянымъ кулакомъ, или какъ-нибудь иначе оказавъ свое неудоволь-
 ствие; къ несчастью, похищенъе совершилось благополучно. Студентъ
 по частямъ разобралъ всего барона, и набилъ карманы костями его. Воз-
 вратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ
 образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва
 о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ раз-
 неслася по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ при-
 нужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему
 брать съ собою будущаго, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ
 его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась
 аптекарю. Мой пріятель Вульфъ получилъ въ подарокъ черепъ и дер-
 жалъ въ немъ табакъ. Онъ рассказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько
 я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которымъ обязанъ
 я твоимъ существованіемъ.

Смутился кистеръ изумленный!
 „Что за желанье? Что за страсть?
 Итти въ подвалъ уединенный,
 Встревожить мертвыхъ сонъ почтен-
 ный
 И одного изъ нихъ украсть!
 И кто же?.. Онъ, гробовъ храни-
 тель!
 Что скажутъ мертвые потомъ?“
 Но пиво, страха усыпитель
 И гнѣвной совѣсти смиритель,
 Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.
 Ну, такъ и бытъ! Даетъ онъ слово,
 Что къ ночи будетъ все готово,
 И другу назначаетъ часъ.
 Они разстались.

День угасъ:
 Настала ночь. Плащемъ покрытый,
 Стоитъ герой нашъ знаменитый
 У галереи гробовой,
 И съ нимъ преступный кистеръ
 мой,
 Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
 Готовъ на подвигъ роковой.
 И вотъ визжитъ замокъ заржавый,
 Визжитъ предательская дверь—
 И сходятъ витязи теперъ
 Во мракъ подвала величавый;
 Сіянемъ тощимъ фонаря
 Глухіе своды озаря,
 Идутъ—и эхо гробовое,
 Смущенное въ своемъ покоѣ,
 Протяжно вторитъ звукъ шаговъ.
 Предъ ними длинный рядъ гро-
 бовъ;
 Вездѣ щиты, гербы, короны;
 Въ тщеславномъ тлѣннн кругомъ
 Почіютъ непробуднымъ сномъ
 Высокородные бароны...

Прими жъ сей черепъ, Дельвигъ:
 онъ
 Принадлежитъ тебѣ поправу.
 Обдѣлай ты его, баронъ,
 Въ благопристойную оправу.
 Издѣлье гроба преврати
 Въ увеселительную чашу,
 Виномъ кипящимъ освяти,
 Да запивай уху да кашу.

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1828 г. и изд. 1829 г. В рук. (отрывки) вар., среди них:

Я расскажу тебѣ въ забаву...
 Сей черепъ нѣкогда хранилъ
 Мозги Лифляндскаго барона
 Барона Дельеига,—и кто
 Былъ сей Баронъ—безвѣстно то,
 Но, вѣроятно, всинь славный,
 Владѣлецъ замка, другъ пировъ,
 Безграмотный и своенравный
 Гроза Вассаловъ и враговъ...

Булатный мечъ его касался,
 На немъ звукъ сабли раздавался
 И вторилъ онъ . . . . . звономъ...
 О Вѣкъ веселый, боевой,
 Крѣпкоголовый и (тугой)...

Пѣвцу Корсара подражай,
 И Скандинавовъ рай воинской
 Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
 Или, какъ Гамлетъ-Баратынской,
 Надъ нимъ задумчиво мечтай:
 О жизни мертвый проповѣдникъ,
 Виномъ ли полный иль пустой,
 Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
 Онъ стоитъ головы живой.

И съ нимъ почтенный кистеръ мой...
 Держа еъ рукѣ фонарь разбитый
 И ключъ заржавленный въ другой...
 И вотъ звучитъ на петлѣ ржавой
 . . . . . встревоженная дверь,
 И вотъ идутъ они теперь...

Видъ поэтический предъ ними:
 Въ прозрачной тмѣ ряды гробовъ,
 Златыя надписи надъ ними,
 Съ гербами гордыми своими,
 Гласящя о славѣ мѣртвецовъ,
 О благородствѣ ихъ священномъ
 И о почтеннй надменномъ
 Наслѣдниковъ . . . . .

В прозе, в рук., мелкие вар. В Средние века Рига принадлежала немецкому Тевтонскому ордену (воинствующему монашескому братству); в крае утвердились все особенности западно-европейского средневековья; *феодалная система, вассалы*, постоянные войны с соседями (*литовцами*) и т. под. (см. Часть II: «На Нѣманѣ»). П., метко очертивъ эту эпоху, рисует потом жизнь современного (ему) рижского студента, с характерными для него чертами: пиво, трубка, буянство («бей Жидовъ»), дуэли («рапира»), мечтательная любовь (к «Лотхен»), увлечение философией («идеолог»), особенно *Фихте* (немецкий философ конца XVIII в.) и *Платоном* (др.-греческий, оба—«идеалисты»), но более—на словах, и т. под. *Барон А. А. Дельвиг*, см. раньше, носил очки; сочетание их с античными атрибутами (признаками) поэта, *лирой, митровым венком*,—высоко комично. *Айдеескій богъ*—Плутон (Гад), бог ада, подземного царства. *Взхатъ съ будущимъ* значило взять подорожную для себя и для попутчика (здесь,—для скелета). *Пѣвецъ Корсара* Байрон, написавший стихотв. «Надпись на кубке из черепа». *Скандинавовъ рай*—Валгалла, см. примеч. к подражаниям Оссиану 1814 г. *Баратынскій* (см. раньше) в стихотв. «Черепъ» 1825 г. подражал монологу шекспировскаго Гамлета, вообще казался П.—у сходным с типом Гамлета. *Вахъ* и др. см. Общ. прим. Стихотв. высмеивает «хвастовство предками», показывая, что П. стоял выше сословных предрассудков, о чем подробнее см. Вступ. оч. т. III.

9. ПОЭТЪ.

Пока не требуетъ поэта
 Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
 Въ заботахъ суетнаго свѣта
 Онъ малодушно погруженъ;
 Молчитъ его святая лира;
 Душа вкушаетъ хладный сонъ,
 И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
 Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
 Но лишь божественный глаголь
 До слуха чуткаго коснется,

Душа поэта встрепенется,
 Какъ пробудившійся орелъ.
 Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
 Людской чуждается молвы;
 Къ ногамъ народнаго кумира
 Не клонитъ гордой головы;
 Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
 И звуковъ, и смятенья полнъ,
 На берега пустынныхъ волнъ,
 Въ широкошумныя дубровы...

15 Августа 1827 г. Михайловское.

Напеч. 1827 г. и изд. 1829 г. В черн. рук. вар.:

- Ст. 1—2: На службу Музъ пока поэта
 (Пока свободнаго поэта)
 Не вызываетъ Аполлонъ...
 (Къ великой жертвѣ Аполлонъ)...
 5—6: Его заброшенная лира
 Вкушаетъ безпокойно сонъ...

- Ст. 12—14: Какъ испугавшійся орель...
Тоску ть онъ въ волненьи мира,
Уже чуждается молвы...
18—19: Съ пугливой лирою своей
Въ глухую тишину полей...
И звуковъ и восторга полнъ...

В «Моск. Вѣстникѣ» 1827 г. вар. (П—а?) ст. 15:

Къ подножью свѣтскаго кумира...

Образъ поэта, приносящего жертву богу поэзии, Аполлону,—дань увлечения античностью, см. Вступ. оч. Стихотв. было сообщено П—ым в письме к Погодину в августе 1827 г. см. т. III. П., чувствуя склонность к творчеству, действительно «убегал» (уезжал) в деревню. Разделение «поэта» и «человека»—влияние философии (эстетики) того времени: позднее П. изменил свой взгляд.

10. ПЕРЕВОДЪ НЕИЗДАННЫХЪ СТИХОВЪ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ.

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плыветь,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поеть.
Онъ любитъ пѣснь свою; поеть онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой Музы полнъ,
Умѣетъ услаждать свой путь надъ бездною волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокой,
Какъ онъ, безъ отзыва утѣшно я пою,
И тайные стихи обдумывать люблю.

17 Сентября 1827.

Напеч. 1828 г. Франц. подлинникъ изданъ в 1828 г. и вписан П—ым в его экз. соч. Шенье. В двухъ авт. много мелкихъ вар.; среди нихъ: въ 1-м, черн., авт.:

Ст. 1: Въ мѣстахъ, гдѣ царствуетъ Венеція (надъ моремъ) морская...

3—4: При блескѣ Веспера снользить по лону водѣ,
Поеть Эрминію, Ринальдо и любовь...

7—8: Одинъ поеть..... и тихо Бога полнъ
Поеть и радуеть надъ бездною мрачною путь...!

11: Какъ онъ надъ бездною безъ эха я пою...

Во 2-м: «И стихи невѣдомый и др. *Весперь*—вечерняя звезда. *Ринальдъ, Годфредъ, Эрминія*—герои поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалимъ». Гондольеры (подочники, заменяющие в Венеции извозчиков) в прежнее время пели октавы (строфы) из второй поэмы, переделывая их по-своему. Фактъ такой популярности поэта поразил П—а, и онъ несколько разъ упоминаетъ об этомъ, см. дальше «Кто знаетъ край» и др. *Тайные стихи* т.-е. не для печати; Перепеч. изд. 1829 г.

11. 19 ОКТЯБРЯ 1827.

КЪ ТОВАРИЩАМЪ МОЛОДОСТИ.

Богъ помочь вамъ, друзья мои, Въ заботахъ жизни, Царской служ- бы	Богъ помочь вамъ, друзья мои, И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ, Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
И на пирахъ разгульной дружбы, И въ сладкихъ таинствахъ любви!	И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

Напеч. 1830 г. под вторымъ загл.; изд. 1832 г.—под первымъ. В 1830 г. вар.:

Ст. 1: Богъ въ помощь вамъ, друзья мои...

2: Въ успѣхахъ дѣлъ и Царской службы...

6—7: Влачить удѣлъ тоски и горя,
Во дни войны, въ открытомъ морѣ...

В море былъ Матюшкин; в пропастяхъ земли—декабристы. Авт. не сохранилось. См. «19 Октября 1825 г.» и «Посланіе въ Сибирь».

12. АНГЕЛЪ.

Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный
 Главой поникшею сіялъ,
 А Демонъ мрачный и мятежный,
 Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
 На духа чистаго взиралъ,
 И жаръ невольный умиленья
 Впервые смутно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ
 И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
 Не все я въ небѣ ненавиждѣлъ,
 Не все я въ мірѣ презиралъ.

Напеч. 1828 г. Авт. не сохранилось. Положено на музыку 12 композиторами. Мысль: даже самое падшее существо («демон») в глубине души сохраняет добрые чувства: воспоминание о светлом прошлом и др. Перепеч. изд. 1829 г.

13. ТЫ—БОГОМАТЕРЬ...

Ты—Богоматерь, нѣтъ сомнѣнья,
 Не та, которая красой
 Плѣнила только Духъ святой:
 Мила ты всѣмъ безъ исключенья;
 Не та, которая Христа
 Родила, не спросясь супруга;—

Есть Богъ другой, земного круга,
 Ему послушна красота,
 Онъ Богъ Парни, Тибулла, Мура,
 Имъ мучусь, имъ утѣшенъ я,—
 Онъ весь въ тебя,—ты, мать Амура,
 Ты, Богородица моя!

Полагают, что обращено к княжне Хованской, *Тибулла* — римский поэт любви, *Парни* — французскій, *Томась Муръ* — англійскій. *Мать Амура* — Венера, см. Общ. прим. Напеч. за границей 1861 г, со списка; в России полностью в нашем изд. печатается впервые.

14. АКАѦИСТЪ ЕКАТЕРИНЪ НИКОЛАЕВНЪ КАРАМЗИНОЙ.

[въ альбомѣ.]

Земли достигнувъ наконецъ,
 Отъ бурь спасенный провидѣнемъ,
 Святой Владычицѣ пловецъ
 Свой даръ несесть съ благоговѣнемъ;
 Такъ посвящаю съ умиленемъ

Простой, увядшій свой вѣнецъ
 Тебѣ высокое свѣтило
 Въ эфирной тишинѣ Небесъ,
 Тебѣ сіяющей такъ мило
 Для нашихъ набожныхъ очесъ.

31 Июля 1827, Михайловское. [Въ альбомѣ:] 24 Ноября 1827 г.

Писалось не для печати. В черн. рук. вар., среди них:

Святой Владычицѣ сердцеъ,
 Звѣздѣ морей, Небесной Дѣвѣ,
 Приноситъ набожный пловецъ...
 Тебѣ цѣвницу и вѣнецъ...
 Святая странница [Небесъ]....
 Звѣздѣ, сіяющей уныло...

Беловой авт. в альбоме Е. Н. Карамзиной, в посл. Мещерской. Напеч. отрывки 1884 г.; полно—1916 г. Печатаем по авт.

15. ТАЛИСМАНЪ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть
 На пустынные скалы,
 Гдѣ луна теплѣе блещеть
 Въ сладкій часъ вечерней мглы,
 Гдѣ, въ гаремахъ, наслаждаясь,
 Дни проводитъ Мусульманъ;
 Тамъ волшебница, ласкаясь,
 Мнѣ вручила талисманъ.

И, ласкаясь, говорила:
 Сохрани мой талисманъ—
 Въ немъ таинственная сила!
 Онъ тебѣ любовью данъ.
 Отъ недуга, отъ могилы,
 Въ бурю, въ грозный ураганъ,
 Головы твоей, мой милый,
 Не спасетъ мой талисманъ.

И богатствами Востока
Онъ тебя не одарить,
И поклонниковъ Пророка
Онъ тебѣ не покорить;
И тебя на лоно друга,
Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ,
Въ край родной на сѣверъ съ юга
Не умчитъ мой талисманъ...

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракѣ ночи
Поцѣлуютъ, не любя:
Милый другъ! отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранить мой талисманъ!

6 Ноября, ночью.

Напеч. 1828 г. *Талисманъ*—перстень, подаренный П.—у Е. К. Воронцовой, с езрейской надписью, см. Вступ. оч., т. II. *Мусульмане, Пророкъ* и др. см. «Подражанія Корану». П. любил представляться несколько суеверным. См. еще Отд. II. Стихотв. имело огромный успех. В рук. только 4 стиха. Перепеч. изд. 1829 г.

16. КТО ЗНАЕТЪ КРАЙ...

[ОТРЫВОКЪ].

Kennst du das Land... *Wiltl Meist.*

[Знаешь ли ты край... *Geme, «Вильгельм Мейстер»*].

По клюкву, по клюкву,

По ягоду по клюкву. [*Народная песня.*]

1. Кто знаетъ край, гдѣ небо блестя
Неизъяснимой синевою,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещеть,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
На волѣ гордо разрослись,
Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
Гдѣ и теперь во мглѣ ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы,
Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
Послушный мраморъ оживлялъ,
И Байронъ, мученикъ суровый,
Страдалъ, любилъ и проклиналъ?
2. Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!
Кто жъ посѣтилъ твой древній рай,
Твои пророческія сѣни?
На берегу роскошныхъ водъ,
Порою карнавалныхъ оргій,
Кругомъ ее кипитъ народъ,
Ее привѣтствуютъ восторги?
Марія сѣверной красотой,
Все вмѣстѣ томной и живой,
Сыновъ Авзоніи плѣняетъ,
И по-неволѣ увлекаетъ
Ихъ пестры волны за собой...
3. Съ какою легкостью небесной
Земли касается она!
Какою прелестью чудесной
Во всѣхъ движеньяхъ полна!...
На рай полуденной природы,
4. Скажите мнѣ, какой пѣвецъ,
Горя восторгомъ умиленнымъ,
Чья кисть, чей пламенный рѣзецъ
Предастъ потомкамъ изумленнымъ,
Ея небесныя черты?
Гдѣ ты, ваятель безымянный
Богини вѣчной красоты?
И ты, Харитою вѣнчанный,
Ты вдохновенный Рафаэль?
Забудь Еврейку молодую,
Младенца Бога колыбель—
Постигни прелесть неземную,
Постигни радость въ небесахъ:
Пиши Марію намъ другую
Съ другимъ младенцемъ на рукахъ!..

Стихотв.—черновой набросок, далеко не завершенный и не отделанный, но, по совершенству стихов, яркости образов и определенности мысли, не может быть отнесен к

«незаконченным». Кроме того, данной ред. уже предшествовал ряд других, кот. см. в Отд. II, так что стихотв. было уже значительно обработано. Тем не менее отдельные вар. внесены в текст предположительно. В рук. первоначальные вар.; важнейшие из них:

Часть 1: Кто знает край и Музъ и славы?...

Гдѣ нѣжный царствовалъ рѣзецъ,
Гдѣ (сладковзвучныя) Тасса нѣжнаго октавы
Еще поеть ночной пловець...
(Еще рыбаць не позабыль)...
Гдѣ пѣль Петрарка величавый...
Гдѣ сладостный (пламенный) рѣзецъ Кановы
Паросскій мраморъ (высѣкаль) оживляль,
Боргезы . . . . . (создаваль) воскрешаль,
Гдѣ Dante [Данте], мрачный и суровый,
'Отвергнувъ' . . . . . всѣ оковы
Свой адъ . . . . . создаваль,
Гдѣ Альбіона бардъ суровый...

2: Страна искусствъ и вдохновеній...

Кто зреть Европы древній рай,
Когда, когда мой добрый Геній
Теои таинственныя сѣни...
Порой ночныхъ народныхъ оргій...

3: На чудеса святыхъ искусствъ...

Умильный (Безпечный) взоръ она возводитъ...

Кроме того, в части 2 сначала было: «Кругомъ кого кипить...»; «Кого привѣтствуетъ...»; «Кто (непонятно) идеальной красой...»; а имя «Марія» зачеркнуто и заменено: «Людмила», «Раиса», и в части 3: «Кто по-неволѣ за собой—Толпы ихъ бурно увлекаетъ»; «Людмила свѣтлый взоръ возводитъ». Последние вар. показывают желание скрыть, к кому обращено стихотв. Это остается не выяснено: Мария Н. Раевская? Но она никогда не была в Италии; та, к которой обращено «Ненастный день потухъ» и позже: «Для береговъ отчизны дальней...»? См. Вступ. оч., т. II. *Торквато (Тассо)*—поэт XVI в., что его октавы пелись гондольерами («ночные пловцы», «рыбаки») в Венеции (стоящей на *Адриатическом* море), см. раньше. *Данте*—тоже XIII в., изобразивший в «Божественной комедии» *ад. Петрарка*—тоже XIV в. *Рафаэль*—великий художник XVI в.; *Форнарина*—его всзлюбленная и модель. *Канова*—современный П—у скульптор; мрамор с о—ва *Пароса* славился, *Бардъ Альбіона*, т.-е. певец Англии, Байрон, долго жил в Италии. *Авзонія* («древний рай Европы») — Италия; в ней по обычаю шумно справляется масленица (*карнавальныя оргіи*). *Флорентійская Киприда* — знаменитая статуя Венеры. *Боргезе* были покровители искусств в XVI в. *Харита* и др. см. Общ. прим. Писалось не для печати: цензура не допустила бы, чтобы богоматерь называли еврейкой молодой и т. под. Анекдот, будто второй эпитаф намекает на план второй половины стихотв., — сомнителен. Напеч. не полно 1838 г., полностью 1916 г.

17—19. Эпиграммы.

I. ИЗЪ АНТОЛОГИИ.

[НА А. Н. МУРАВЬЕВА.]

Лукъ звенить, стрѣла трепещеть, Кто жъ вступился за Пиеона,
И клубясь издохъ Пиеонъ, Кто разбилъ твой истуканъ?
И твой ликъ побѣдой блещеть, Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерской Аполлонъ! Бельведерской Митрофанъ!

Напеч. 1827 г. *Андр. Н. Муравьевъ* (1806 — 1874 г.), в посл. церковный писатель, поэт, на вечерѣ у кн. Волконской нечаянно сломал руку у статуи Аполлона и в свое оправдание написал на пьедестале какие-то стихи. П. осмеял их эпиграммой. Статуя Аполлона, т. наз. Бельведерского, изображает бога, когда он только что убил чудовище *Пиеона*. Загл. в печати (шутка); в списках—«Къ Я***». Авт. не сохранилось.

Б. Стихи, принадлежность которых Пушкину сомнительна (*dubia*), 1827 г.

II. КНЯЖНѢ С. А. УРУСОВОЙ.

Не вѣровалъ я Троицѣ донинѣ:
Мнѣ Богъ тройной казался все мудренѣ:
Но вижу васъ—и, вѣрой озаренѣ,
Молкъсь тремъ Граціямъ въ одной богинѣ.

III.

Черна, какъ галка,
Суха, какъ палка,
Увы! весталка,
Тебя мнѣ жалко.

Напеч. I—1861 г., II—1882 г. В авт. не сохранились. Безусловно не принадлежат П—у стихи: Кн. А. А. Мещерской. «Тебѣ подобной...» и т. д.

1828 ГОД.

Петроград.

Январь—октябрь.

1. ДРУЗЬЯМЪ.

1. Нѣтъ, я не льстецъ, когда Царю Хвалу свободную слагаю: Я смѣло чувства выражаю, Языкомъ сердца говорю. 2. Его я просто полюбилъ: Онъ бодро, честно править нами; Россію вдругъ онъ оживилъ Войной, надеждами, трудами. 3. О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ, Но не жестокъ въ немъ духъ державной: Тому, кого караетъ явно, Онъ втайнѣ милости творить. 4. Текла въ изгнаньи жизнь моя, Влачилъ я съ милыми разлуку, Но онъ мнѣ царственную руку Подаль—и съ вами снова я!	5. Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье, Освободилъ онъ мысль мою, И я-ль, въ сердечномъ умиленѣ, Его хвалой не воспую? 6. Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ: Онъ горе на Царя накличетъ, Онъ изъ его державныхъ правъ Одну лишь милость ограничитъ. 7. Онъ скажетъ: „презирай народъ, Гнети природы голосъ нѣжный!“ Онъ скажетъ: „просвѣщенья плодъ— Страстей и воли духъ мятежный!“ 8. Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ Одни приближены къ Престолу, А небомъ избранный Пѣвецъ Молчить, потупя очи долу. [Январь].

В авт. сохранились только отрывки на обороте листка, где черн. «Талисмана», помеченного: «6 Ноября [1827 г.] ночью», собр. Ак. Н.; вар. авт. еще неизвестны. В списках вар.:

Строфа 5: Ему хвалы не воспую?

7: Раззрать и нѣкой духъ мятежный...

Стихотвор. вызвано упреками в лести по поводу стансов: «Въ надеждѣ славы и добра...» (см. примеч. к ним). П. еще верил обещаниям, которые дал Николай I, когда вызвал поэта в Москву. Вскоре пришлось убедиться, что все они—неправда: царь не «почтил вдохновенье», а отдал П—а под надзор полиции, не «освободил» его мысль, а поставил его под тройную цензуру и т. под. Подробнее см, Вступ. оч. т. III. Стихотв. «Друзьямъ» также называли лестью, но Николай I судил иначе и запретил его печатать. Напеч. 1857 г.

2. И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ,

сочинителю „САТИРЫ НА ИГРОКОВЪ“.

Такъ элегическую лиру
Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта—дѣльно міру!
Ему полезень розги свистъ.

Мнѣ жалокъ очень твой Аристъ:
Съ какимъ усердьемъ онъ молился
И какъ несчастливо игралъ!
Вотъ молодежь погорячился,
Продулся весь, и такъ пропалъ!

Дамонъ твой—человѣкъ ужасной;
 Забудь его опасной домъ,
 Гдѣ, впрочемъ, сознаюся въ томъ,
 Мой другъ, ты вель себя прекрасно:
 Ты никому тамъ не мѣшалъ,
 Эраста нѣжно утѣшалъ,
 Давалъ полезныя совѣты,
 И ни рубля не проигралъ.
 Люблю: вотъ каковы Поэты!
 А то, уча безумный свѣтъ,
 Порой грѣшить и проповѣдникъ.
 Послушай, Персіевъ наслѣдникъ,
 Разскажь мой:

Нѣкто, мой сосѣдъ,
 Въ томленьяхъ благородной жажды,
 Хлебнувъ Кастальскихъ водъ бокаль,

На игроковъ, какъ ты, однажды
 Сатиру злую написалъ
 И другу съ жаромъ прочиталъ.
 Ему въ отвѣтъ, его приятель
 Взялъ карты, молча стасовалъ,
 Далъ снять, и нравственный писа-
 тель

Всю ночь, увы! понтировалъ:
 Тебѣ знакомъ ли сей проказникъ?
 Но встрѣча съ нимъ была бѣ мнѣ
 праздникъ:
 Я съ нимъ готовъ всю ночь не
 спать,

И до полднего сѣдня
 Читать моральныя посланья
 И проигрышь его писать.

[Мартъ].

Напеч. 1828 г. *И. Е. Великопольскій* см. раньше. *Аристъ*, *Дамонъ*, *Эрастъ*—герои из его «Сатиры на игроковъ». *Персій* — др.-римскій сатирик. Др. об. раньше. Авт. не сохранилось. В—ий обиделся на П—а и отвѣтил бранными стихами, см. письма, т. III.

3. В. С. ФИЛИМОНОВУ,

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОЭМЫ ЕГО: „ДУРАЦКОЙ КОЛПАКЪ“.

Вамъ Музы, милыя старушки,
 Колпакъ связали въ добрый часъ,
 И прицѣпивъ къ нему гремушки,
 Самъ Фебъ надѣлъ его на васъ.
 Хотѣлось въ томъ же мнѣ уборѣ
 Предъ вами нынче шегольнуть
 И въ откровенномъ разговорѣ,
 Какъ вы, на многое взглянуть;

Но старый мой колпакъ изношенъ,
 Хоть и любилъ его поэтъ;
 Онъ по неволѣ мной заброшенъ:
 Не въ модѣ нынче красный цвѣтъ.
 И такъ, въ знакъ мирнаго привѣта,
 Снимая шляпу, бью челомъ,
 Узнавъ философа-поэта
 Подъ осторожнымъ колпакомъ,

[Мартъ].

Вл. Серг. Филимоновъ—автор сатиры «Дурацкій колпакъ», изданной в 1828 г., и др. стихотв. Стихи П—а были написаны не для печати и напеч. в 1840 г. со списка. Музы-старушки—шутка, см. Общ. прим. Авт. не сохранилось.

4. И. В. СЛЕНИНУ.

Я не люблю альбомовъ модныхъ:
 Ихъ ослѣпительная смѣсь
 Аспазій нашихъ благородныхъ
 Провозглашаетъ только смѣсь.
 Альбомъ красавицы уѣздной,
 Альбомъ домашній и простой,
 Милѣй болтливостью любезной
 И безыскусной пестротой.
 Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я
 смѣло,
 Являться впрочемъ не хочу;

Но твой альбомъ другое дѣло,
 Охотно данъ ему плачу.
 Тобой питомцамъ Аполлона
 Не изъ тщеславья онъ открытъ:
 Царицъ ты любишь Геликона
 И ими самъ не позабытъ;
 Вхожу въ него прямымъ поэтомъ,
 Какъ въ дружеской, приятный
 домъ,
 Почтивъ хозяина привѣтомъ
 И Ларъ молитвеннымъ стихомъ.

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1829 г. *Ив. Вас. Сленинъ* — книгопродавецъ того времени; в лавке Сленина сходились литераторы, и он сам писал и печатал стихи. *Аспазія*—знаменитая гетера (женщина вольного поведения) дрезности. *Царицы Геликона*, музы, лары, домашние боги, *Геликонъ* и др. см. Общ. прим. Об альбомах см. «Евг. Онѣг.», гл. IV, стр. XXVII—XXXI. Перепеч. изд. 1829 г.

5. [КЪ А. А. ОЛЕНИНОЙ].

Городъ пышный, городъ блѣдный,   Все же мнѣ васъ жаль немножко,
 Духъ неволи, стройный видъ,   Потому что здѣсь порой
 Сводъ небесъ зелено-блѣдный,   Ходитъ маленькая ножка,
 Сука, холодъ и гранитъ—   Вьется локонь золотой.

[Апрѣль].

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1829 г. Обращено к А. А. Олениной, впол. Андрю, дочери президента Академии Художеств; П. познакомился с Олениной зимой 1827 — 1828 г. и одно время увлекался ею. Авт. не сохранилось. Перепеч. изд. 1829 г.

6. О Т В Ъ Т Ъ.

[ЕЯ ГЛАЗА.]

Она мила, скажу межъ нами—   Какой задумчивый въ нихъ геній,
 Придворныхъ витязей гроза—   И сколько дѣтской простоты,
 И можно съ южными звѣздами   И сколько томныхъ выражений,
 Сравнить, особенно стихами,   И сколько нѣги и мечты!...
 Ея Черкесскіе глаза.   Потупить ихъ съ улыбкой Леля—
 Она владѣетъ ими смѣло,   Въ нихъ скромныхъ Грацій торже
 Они горятъ огня живѣй;   ство;
 Но, самъ признайся, то ли дѣло   Подниметь—ангелъ Рафаэля
 Глаза Олениной моей!   Такъ созерцаетъ Божество!

[Апрѣль].

Напеч. 1829 г., безъ согласія П—а и неисправно; по верному списку—1841 г., под вторымъ загл. В списке А. А. Олениной, где первое загл., вар.:

Ст. 2: Твоя Россетти егоса...

Вызвано стихами Вяземского «Черные очи» к А. О. Россетти, впол. Смирновой. В доме Смирновыхъ часто бывал П., Гоголь и др. писатели. *Лель* — божество славянской мифологии, *граціи* — античной, см. раньше. *Ангелъ Рафаэля* на его картине, такъ наз. «Сикстинской мадонны». См. т. III, черн. заметки П—а. Авт. не сохранилось.

7. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ.

Tel j'étais autrefois et tel je suis encore.

A. Chénier.

[Какимъ я прежде былъ, таковъ еще теперь.
А. Шенье.]

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
 Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
 Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
 Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
 Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
 Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
 Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, разкинутыхъ Кипридой:
 А неисправленный стократною обидой,
 Я новымъ идоламъ несу мои мольбы...

1828.

Напеч. изд. 1832 г. Вар. черн. авт., собр. Ак. Н., неизвестны. Вар. авт. Публ. Б.:

Безъ тайной нѣжности и сладкаго волненья...
 Я прежнимъ идоламъ несу мои мольбы.

Третий авт. Алекс. Лицея,—рук. для изд. 1832 г., где в оглавлении загл. и дата. Из Шенье взятъ лишь 1-й стих. *Киприда*,—богиня любви, и др. об. раньше. Стихотв.—на-мек на увлечения П—а по возвращении из ссылки Олениной, Закревской и др.

18*

8. ПОРТРЕТЪ.

Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными страстями,
О, жены сѣвера, межъ вами
Она является порой,

И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ—
Какъ беззаконная комета
Еъ кругу разчисленномъ свѣтилъ.

Напеч. 1820 г. Обращено к Агр. Фед. Закревской, которой посвящал страстные стихи Баратынский и др. поэты, женщине красивой, умной, но легко увлекающейся (ур. Толстая, жена финляндского, вполн. московского г.-губернатора). Въ эпоху П—а допускали, что некоторые кометы не имеют определенных орбит (путей). Авт. не сохранился. См. письма, т. III.

9. НЕ ПОЙ, КРАСАВИЦА...

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальней.
Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!...

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь—и предо мной
Его я вновь воображаю.
Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальней.

Напеч. 1829, г. и изд. 1829 г.; обращено, как предыд. Авт. не сохранилось.

10. КЪ ***.

Щастливъ, кто избранъ своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При комъ любовью млѣешь явно,
Чьи взоры властвуютъ тобой;

Но жалокъ тотъ, кто молчаливо,
Сгорая пламенемъ любви,
Потупя голову, ревниво
Признанья слушаетъ твои.

В черн. авт. Рум. муз. зар. ст. 3:

Чей голосъ томный, взоръ державной...

Начато послест. 4: Кого ты съ тайнымъ ждешь волненьемъ.

При комъ блѣднѣешь и горшишь,
Кого ревнуешь съ изступленьемъ,
Къ кому . . . .

Вар. другого авт., собр. Акад. Н., еще неизвестны. Обращено, как предыд. (А. Ф. Закревской). Напеч. Посм. изд.

11. НАПЕРСНИКЪ.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ:
Страстей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ упоителенъ языкъ!

Но прекрати свои рассказы;
Таи, таи свои мечты:
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

Напеч. 1829 г. с вар.: «Таи въ себѣ...» Обращено к той же, как предыд. стихств., и первоначально составляло одно целое с ним. Перепеч. изд. 1829 г.

12. ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ засохшій, безуханной,
Забутый въ книгъ, вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнила моя:

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
И долго ль цвѣлъ? и сорванъ къмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,   И живъ ли тотъ, и та жива ли?
Или разлуки роковой,   И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Иль одинокаго гулянья   Или уже они увяли,
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?   Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

Напеч. 1829 г. и изд. 1829 г. под 1828 г. Авт. не сохранилось. Ср. стихотв. М. Ю. Лермонтова «Вѣтка Палестины».

13. TO DAWE ESQT.

Зачѣмъ твой дивный карандашъ   Рисуи Олениной черты:
Рисуетъ мой Арапскій профиль?   Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Хоть ты вѣкамъ его предашь,   Лишь юности и красоты
Его освищеть Мефистофиль.   Поклонникомъ быть долженъ геній.

9 Мая 1828 года. Море.

Напеч. 1829 г. Написано на пароходе, когда П. провозжал знакомого, уезжавшаго за границу. *Оленина* см. выше. *Джорджъ Доу* — англ. портретист, жившій в России; портрета П — а его работы неизвѣстны. Перев. заглавия приблизительно: «Его Высокородию Г-ну Доу». *Мефистофель* — тип из «Фауста» Гете, см. Часть II. *Арапскій* см. Естуг, оч. Авт. ныне неизвѣстно; дата сообщена Анненковым. Перепеч. изд. 1829 г.

14. ВОСПОМИНАНІЕ.

1. Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ дневныхъ трудовъ награда,—
2. Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы гомительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
3. Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
4. И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.
5. Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
6. Я слышу вновь друзей предательской привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
7. И нѣтъ отрады мнѣ — и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя — два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые!

8. Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говѣрятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ щастія и гроба!...

19 Мая.

18 Мая у княгини Голицыной etc.

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1829, и изд. 1829 г., первая половина: 4 строфы; стр. 5—8—1855 г. В рук. вар., строфа 1: «дневныхъ заботъ...»; 3: «Вся кровь кипить...»; 5: «Въ изгнаныи, въ бѣдности...»; 6:

Я слышу ропотъ (жужжанье) клеветы лукавой...
Ущенья глупости и легкой суеты
И шопотъ зависти (укоръ) кровавой...
8: О тайнахъ вѣчности и гроба...

Посл. вар. (исправлено: «щастія и гроба») до сих пор печатался во всех изд. в тексте. Вторая дата рук., м. б., не имеет отношения к стихотв. Кто были «двѣ тѣни», не выяснено: м. б., одна — Амалия Ризнич, другая — та, к которой обращены стихи. «Ненастный день потухъ...» *Игры Вакха и Киприды*—пиры (вино и любовь, см. Общ. прим.) Ср. «Наброски элегий» 1821—1823 г. В строфе 6 ст. 3 короче других нечетных на 1 стопу (2 слога).

15. ТЫ И ВЫ.

Пустое *вы* сердечнымъ *ты*
Она обмолвясь замѣнила,
И всѣ щастливья мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.

Предъ ней задумчиво стою;
Свести очей съ нея нѣтъ силы;
И говорю ей: какъ *вы* милы!
И мыслю: какъ *тебя* люблю!

Мая 1828. 23 Мая.

Напеч. 1829 г. В рук. вар. «Холодный Вы...»; «Она ошибкой...» Обращено к А. А. Олениной, (см. раньше. Перепеч. изд. 1829 г.

16. 26 МАІЯ 1828.

Даръ напрасной, даръ случайной,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣняемъ взволновалъ?..

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1830 г. и изд. 1632 г. В рук. вар., среди них:

Разтерзаль мнѣ душу страстью
И сомнѣняемъ всколебалъ?..

Ничтожество — небытие, см. раньше. Митр. Филарет переделал эти стихи, как «ответ» поэту, см. дальше. 26 мая—день рожденія П—а.

17. ПОДРАЖАНІЕ АНАКРЕОНУ.

Кобылица молодая,
Честь Кавказскаго тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебѣ пришла пора;
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ

Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ на-
правляю
Укороченной уздой.

6 Іюня.

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1829 г. Близкий перевод стихов Анакреона, о кот. см. Общ. прим. и дальше при переводах 1835 г. *Кавказские* кони в древности славились. В рук. мелкие вар. Перепеч. изд. 1829 г., где загл. только в оглавлении.

18. ПРЕДЧУВСТВИЕ.

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдоу
Угрожаетъ снова мнѣ...
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Можетъ быть, еще спасенный
Снова пристань я найду...

Но, предчувствуя разлуку,
Неизбѣжный, грозный часъ,
Сжать твою, мой Ангель, руку
Я спѣшу въ послѣдній разъ.

Ангель кроткій, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: прости;
Опечалься, взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Замѣнить душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юныхъ дней.
— [Юль].

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1829 г. и изд. 1829 г. Вар. «Сѣв. Цв.»:

- Строфа 1. Непреклонное терпѣнье...
2. Шаткой жизнью утомленный...

В черн. рук. вар.:

- Строфа 1. Разпростерлись въ тишинѣ...
3. Ангель нѣжный, ангель ясный,
Ангель радостный,—прости!
Опечалься, взоръ прекрасный...

Два посл. ст. Все блаженство, все мечтанье
(Славы гордое мечтанье)
И надежду юныхъ дней.

Тучи было дело о «Гавриладѣ», угрожавшее П—у новой ссылкой, см. вступ. соч. к этой поэме, Часть II. *Ангель кроткій*—А. А. Оленина.

19. ДВА ВОРОНА.

ШОТЛАНДСКАЯ ПѢСНЯ.

Воронъ къ ворону летить,
Воронъ ворону кричить:
Воронъ, гдѣ бѣ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
Въ чистомъ полѣ подь ракитой
Богатырь лежитъ убитой.

Кѣмъ убить и отъ чего,
Знаетъ соколъ лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Соколъ въ рощу улетѣлъ,
На кобылку недругъ сѣлъ,
А хозяйка ждетъ милова,
Не убитаго, живова.

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1829 г. под первым загл., изд. 1829 г. с указанием второго в оглавлении. В рук. вар.:

Ст. 4. Кабы могъ [я] знать да вѣдать...

и после окончания еще 2 стиха:

Полетимъ же, полетимъ,
Мертва тѣла поѣдимъ.

Подражание народной шотландской балладе.

20. 19 ОКТЯБРЯ 1828.

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричавъ ура,
Прощайте, братцы. Мнѣ въ дорогу,
А вамъ въ постель уже пора.

Записано в протоколе празднования годовщины; напеч. 1861 г.; П. в ту же ночь выехал из Петрограда. О 19 октября см. 1825 г.

Малинники. Москва.

Октябрь—декабрь.

21. КЪ Е. В. ВЕЛЬЯШЕВОЙ.

Подъѣзжая подъ Ижоры,
 Я взглянулъ на небеса
 И вспомнилъ ваши взоры,
 Ваши синіе глаза.
 Хоть я грустно очарованъ
 Вашей дѣвственной красой,
 Хоть вампиромъ именованъ
 Я въ губерніи Тверской;
 Но колѣнъ моихъ предъ вами
 Преклонить я не посмѣлъ
 И влюбленными мольбами
 Васъ тревожить не хотѣлъ.
 Упиваясь непритяно

Хмѣлемъ свѣтской суеты,
 Позабуду, вѣроятно,
 Ваши милыя черты,
 Легкій станъ, движеній строй-
 ность,
 Осторожный разговоръ,
 Эту скромную спокойность,
 Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ.
 Если жъ нѣтъ... по прежню слѣду
 Въ ваши мирные края
 Черезъ годъ опять заѣду
 И влюблюсь до Ноября.

1828. Ижоры.

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1830 г. *Ек. Вас. Вельяшева*, вполс. Жандр, дочь Нат. Ив., ур. Вульф. В имени Вульфов, Малинниках, П. пробыл с 20 чисел октября до конца ноября. *Ижоры*—станция по пути между Петроградом и Москвой. Стихи 2 и 3 изменены П. И. Вульфом (дядя А. Н. Вульфа), о чем см. письма, т. III, но текст П—а неизвестен, так как авт. не сохранилось. Перепеч. изд. 1832 г., в отделе «Р. зных годов», при чем, как и в «Сѣв. Цв.», принята поправка Вульфа и в ст. 8 губерния означена звездочками; некоторые читают: «Псковской».

22. АНЧАРЪ.

ДРЕВО ЯДА.

1. Въ пустынь чахлой и скупой,
 На почвѣ, зноемъ раскаленной,
 Анчаръ, какъ грозный часовой,
 Стоитъ, одинъ во всей вселенной.
2. Природа жаждущихъ степей
 Его въ день гнѣва породила,
 И зелень мертвую вѣтвей
 И корни ядомъ напоила.
3. Ядъ каплетъ сквозь его кору,
 Къ полудню растопясь отъ зною,
 И застываетъ ввечеру
 Густой, прозрачною смолою.
4. Къ нему и птица не летитъ,
 И тигръ нейдетъ: лишь вихорь
 черный
 На древо смерти набѣжить—
 И мчится прочь уже тлетворный.
5. И если туча ороситъ,
 Блуждая, листь его дремучій,
 Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
 Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.
6. Но человекъ человекъ
 Послалъ къ анчару властнымъ
 взглядомъ:
 И тотъ послушно въ путь потекъ,
 И къ утру возвратился съ ядомъ.
7. Принесъ онъ смертную смолу,
 Да вѣтвь съ увядшими листьями,
 И потъ по блѣдному челу
 Струился хладными ручьями;
8. Принесъ — и ослабѣлъ, и легъ
 Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
 И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
 Непобѣдимаго владыки.
9. А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
 Свои послушливыя стрѣлы
 И съ ними гибель разослалъ
 Къ сосѣдамъ въ чуждые предѣлы.

9 Ноября 1828. Деревня Малинники.

Напеч. 1832 г. и изд. 1832 г. В рук. вар.:

Строфа 1. Въ пустынь тощей и глухой
 Растетъ на почвѣ раскаленной...

25. ЧЕРНЬ.

ЯМБЪ.

Procul este, profani.

[Отойдите, непосвященные. *Горацій.*]

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
 Рукой разсѣянной бряцаль.
 Онъ пѣлъ—а хладной и надменной,
 Кругомъ народъ непосвященной
 Ему безмысленно внималь.

И толковала чернь тупая:
 „Зачѣмъ такъ звучно онъ поеть?
 Напрасно ухо поражая,
 Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
 О чемъ бренчить? чему насъ учить?
 Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучить,
 Какъ своенравный чародей?
 Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
 За то какъ вѣтеръ и бесплодна:
 Какая польза намъ отъ ней?“

ПОЭТЬ.

Молчи, безмысленный народъ,
 Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
 Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкой.
 Ты червь земли, не сынъ небесъ;
 Тебѣ бы пользы все—на вѣсь
 Кумиръ ты цѣнишь Бельведерской.
 Ты пользы, пользы въ немъ не
 зришь.
 Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. такъ
 что же?
 Печной горшокъ тебѣ дороже:
 Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

ЧЕРНЬ.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
 Свой даръ, божественный послан-
 никъ,

Во благо намъ употребляй:
 Сердца собратьевъ исправляй,
 Мы малодушны, мы коварны,
 Безстыдны, злы, неблагодарны;
 Мы сердцемъ хладные скопцы
 Клеветники, рабы, глупцы;
 Гнѣздятся клубомъ въ насъ по-
 роки:
 Ты можешь, ближняго любя,
 Давать намъ смѣлые уроки,
 А мы послушаемъ тебя.

ПОЭТЬ.

Подите прочь—какое дѣло
 Поэту мирному до васъ!
 Въ развратѣ каменѣйте смѣло,
 Не оживитъ васъ лиры гласъ!
 Душѣ противны вы какъ гробы.
 Для вашей глупости и злобы
 Имѣли вы до сей поры
 Бичи, темницы, топоры;
 Довольно съ васъ, рабовъ безум-
 ныхъ!
 Во градахъ вашихъ съ улицъ шум-
 ныхъ
 Сметають соръ—полезный трудъ!—
 Но, позабывъ свое служенье,
 Алтарь и жертвоприношенье,
 Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
 Не для житейскаго волненья,
 Не для корысти, не для битвъ,
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и мо-
 литвъ.

Напеч. «Моск. Вѣстн.» 1829 г.—без эпитафия; изд. 1829 г.—с эпитафом; оба раза под первым загл.; второе—в рук.; третье—«Поэтъ и толпа»—в списке для Посм. изд. (в других—«Поэт и чернь»). Вар. рук. еще не изучены, среди них:

Довольно съ васъ! Поэтъ ли будетъ
 Возиться съ вами съ горяча,
 И лиру гордую забудеть
 Для глупой розги палача.

См. еще Черн. набр. 1827—1828 г., стихотв. «Поэтъ», «Поэту», «Эхо» и др. *Ямбъ*—названне стихотворного размера и рода стихотв., в духе острой сатиры. Слова Горация в эпитафии заимствованы из римского богослужения и соответствуют славянскому: «оглашенные, изыдите». Стихотв. вызвало много споров, породило целую литературу. Ныне установлено, что под «чернью» П. не разумел «простой народ» (нельзя поденщика *бранить* поденщиком и т. под.) «Чернь» П.—а, напротив,—светские круги тсго времени, обычные читатели поэта. Идея «бесполезности» искусства—отголосок немецкой философии, которую П. знал лишь из вторых рук. Подробнее см. Вступ. оч. т. III.

26—31. Эпиграммы и мелочи 1828 года.

I. СОБРАНИЕ НАСѢКОМЫХЪ.

Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣ булабочной головки!

Крыловъ.

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ:
Ну, что за пестрая семья!
За ними гдѣ не рылся я!
За то какая сортировка!
Вотъ Глинка—Божія коровка,
Вотъ Каченовскій—злой паукъ,
Вотъ и Свиньинъ—Россійскій жукъ,
Вотъ Олинъ—черная мурашка,
Вотъ Раичъ—мелкая букашка.
Куда ихъ много набралось!
Опрятно за стекломъ и въ рамкахъ
Они, пронзенныя насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ.

Напеч. «Подснѣжникъ» 1830 г. и «Литер. Газета» 1830 г., второй раз с шутивным примеч., кот. см. т. III; перепеч. изд. 1832 г. Вар. «Подснѣжника», ст. 9—10:

Вотъ Олинъ — тощая пѣвка,
Вотъ Раичъ — мелкая козявка.

Ө. Н. Глинка, религиозный поэт, *М. Т. Каченовскій*, критик, см. раньше. *П. П. Свиньинъ* (1788 — 1839 г.) — журналист, против котор. написана П—ым еще сказочка «Маленькій лжець», т. III. *В. Н. Олинъ* — незначительный поэт, журналист. *С. Е. Раичъ* (1792 — 1855 г.) — поэт и переводчик в стихах. В текстах 1830 и 1832 г. вместо имен — звездочки; поэтому подразумевались и другие лица; по П. А. Плетневу: «пѣвка» — *Рюминъ*, т.-е. *М. А. Бестужевъ-Рюминъ*, семейный П-ым в сценах «Альманашикъ» (см. Часть II); «козявка» — *Борька*, т.-е. *Борисъ Ѳедоровъ*, издатель, также (как Б.-Рюмин) печатавший стихи П—а без его разрешения (см. т. III). Эпиграмма многих обидела, вызвала бранную критику, ответные пародии и т. под. Авт. не сохранилось.

II. ЭПИТАФІЯ МЛАДЕНЦУ ВОЛКОНСКОМУ.

Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молить за отца.

Авт. не сохранилось. Относится к сыну декабриста С. Г. Волконского и его жены М. Н., ур. Раевской, о кот. см. раньше. Эпитафію М. Н. получила в Чите в конце года, и известно ее письмо, в котором она просит благодарить П—а за эти стихи. Напеч. 1857 г.

III. А. И. ВУЛЬФЪ.

За Netty сердцемъ я летаю
Въ Твери, въ Москвѣ—
И R и O позабываю
Для N и W.

Авт. не сохранилось. Обращено к Анне Ив. Вульф (двоюр. сестре Анны Ник. Вульф, о которой см. раньше), вполн. Трувеллер; она жила постоянно в Малинниках, и П. познакомился с нею в Тригорском, в годы ссылки; см. письма этого периода. *Netty* и *N* и *W* — Нетти, т.-е. Анна (Ив.) Вульф (в отличие от Анны Ник.); *R*—А. О. Россетти вполн. Смирнова; *O*—А. А. Оленина, о которых см. раньше. Список, сделанный А. И. Вульф, ныне собр. Акад. Н., еще недоступен исследователям. Дата предположительна (по ср.—1829 г.) Напеч. 1857 г.

IV. Н. Д. КИСЕЛЕВУ.

Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы,
 Но сѣверъ забывать грѣшно.
 Такъ слушай: послѣшай Карлсбадскія пить воды,
 Чтобъ съ нами снова пить вино.

14 (26) Юня 1828 г. Стрѣльна.

Было написано П—ым на своем портрете, подаренном Н. Д. Киселеву, о кот. см. раньше, уезжавшим за границу в гор. Карльсбад, где лечебные источники. Напеч. 1874 г.

V. НА КН. С. ПОТОЦКАГО.

Лищинскіи околѣль,—отечеству бѣда!
 Князь Сергій живъ еще,—утѣштесь, Господа!

В рук. вар.: «Потоцкой живъ еще...» В кого метит стихотв., не выяснено. Дата— по положению въ рук. Напеч. 1884 г.

VI. НА Н. НЕВѢДОМСКАГО.

Невѣдомской поэтъ, невѣдомой никѣмъ,
 Печатаетъ стихи, невѣдомо зачѣмъ.

Три поэмы Н. В. Неведомского изданы в 1828 г. Эпиграмма напеч. 1857 г. как лицейская. Авт. не сохранилось.

32—38. Шутки А. П. Керн.

I.

Если въ жизни поднебесной
 Существуетъ духъ прелестной,
 То тебѣ подобенъ онъ.
 Я скажу тебѣ резонъ:
 „Невозможно!“

II.

Amour, exil!
 Какая гиль!

III.

Не смѣю вамъ стихи Баркова
 Благопристойно перевести
 И даже имени такова
 Не смѣю громко произнести.

IV.

Когда помилуетъ насъ Богъ,
 Когда не буду я повѣшенъ,
 Го буду я у вашихъ ногъ,
 Въ тѣни Украинскихъ черешенъ.

V.

Когда стройна и свѣтлоока
 Передо мной стоитъ она,
 Я мыслю: „въ день Ильи пророка
 Она была разведена“.

VI.

Вези, вези, не жалѣй,
 Со мной ѣхать веселѣй.

VII.

Мнѣ изюмъ
 Нейдетъ на умъ,
 Цуккербродъ
 Нелѣзетъ въ ротъ,
 Пастила нехороша
 Безъ тебя, моя душа.

19 Октября 1828 года, С. П—гь.

I—V—напеч. 1859 г., по сообщению А. П. Керн, из ее альбома. I и V—пародия стихов, вписанных в альбом. II—подъ франц. стихами. III—под стихами Д. Н. Баркова не того, на кот. намекает П. (Ив. Барков, автор распространенных непристойных стихотв. XVIII в.) IV—намеки на декабристов. VI—VII—напеч. 1910 г., в описани библиотеки П—а; записано им в книге (соч. Стация по-латыни). Дата—рукой Керн и относится к VI—VII; дата I—V, приблизительно. *Amour exil!*—Любовь, изгнание! «Въ тѣни Украинскихъ черешенъ»—стих из поэмы «Полтава».

Б. Стихи, приписываемые Пушкину (dubia), 1828 года.

РЕФУТАЦІЯ БЕРАНЖЕРА.

T'en souviens-tu, disait un capitain
Au veteran qui m'endiit son pain...

[Ты помнишь ли, какъ молвилъ капитанъ,
Когда просилъ о хлѣбѣ ветеранъ...]

Ты помнишь ли, ахъ, ваше благородье,
Мусье Французъ, такой-то капитанъ
Какъ помнятся у насъ въ простонародѣ
Надъ нехристомъ побѣды Россіянъ?
Хоть это намъ не составляетъ много,
Не изъ иныхъ мы прочихъ, такъ сказать:
Но встарь мы васъ наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ... мать!

Ты помнишь ли, какъ за горы Суворовъ
Перемахнувъ, напалъ на васъ въ распlochъ?
Какъ нашъ старикъ трепалъ васъ, живодеровъ,
И васъ давилъ на ноготкѣ, какъ блохъ?
Хоть это намъ не составляетъ много,
Не изъ иныхъ мы прочихъ, такъ сказать,
Но встарь мы васъ наказывали строго.
Ты помнишь ли, скажи, ... мать!

Ты помнишь ли, какъ всю пригналъ Европу
На насъ однихъ вашъ Бонапартъ-буянъ?
Тогда Французовъ мы видали. . . .
Да и твою, такой-то капитанъ!
Хоть это намъ не составляетъ много,
Не изъ иныхъ мы прочихъ, такъ сказать,
Но встарь мы васъ наказывали строго.
Ты помнишь ли, скажи, ... мать!

Ты помнишь ли, какъ были мы въ Парижѣ,
Гдѣ нашъ казакъ иль полковой нашъ попъ,
Морочилъ васъ, къ винцу подсѣвъ поближе,
И вашихъ женъ похваливалъ, да. . . ?
Хоть это намъ не составляетъ много,
Не изъ иныхъ мы прочихъ, такъ сказать,
Но встарь мы васъ наказывали строго.
Ты помнишь ли, скажи, ... мать!

Записано в протоколе празднования Лицейской годовщины 19 октября 1828 г. Вряд ли эти грубые и неостроумныя стихи принадлежат П—у, самое большее он, м. б., участвовал в их сочинении. «Такой-то капитанъ» — чтение списков; в подл. рук. грубое выражение: «г. . . . . капитанъ». *Беранжеръ* (правильнее: Беранже) — известный франц. поэт того времени, автор смелых влюбденных песен. Но песня, на которую написана «рефутация» (опровержение), принадлежит не Беранже (а Дебро). Напеч. 1861 г. и перепеч. большинством изд. П—а (но в отрывках).

Отдел II. А. Незаконченные и необработанные стихотворения 1826—1828 г.

1826 ГОД.

1. ИВ. ИВ. ПУЩИНУ.

[ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ].

Мой давний другъ, мой гость без- цѣнный,	Гдѣ молодость? Гдѣ ты? Гдѣ я? .....
И я судьбу благословилъ, Когда мой дворъ уединенный Пустыннымъ снѣгомъ занесенный Твой колокольчикъ огласилъ.	Судьба рукой своей желѣзной Нашъ мирный развела Лицей, Но ты щастливъ, о братъ любез- ной
На сторонѣ глухой и дальной Забитый кровъ, шалашъ опальной Ты съ утѣшенемъ оживилъ, Ты день изгнанья, день печальной Съ печальнымъ другомъ раздѣлилъ.	(Щастливъ — ты гражданинъ полез- ной) На избранной чредѣ своей. Ты побѣдилъ предразсужденья; .....
Скажи, куда дѣвались годы, Дни упований и свободы? Скажи, что наши, что друзья? Гдѣ жъ эти ласковыя лица?	Ты отъ общественнаго мнѣнья Умѣлъ потребовать почтенья, Смиранный возвеличить санъ Въ глазахъ . . . . . гражданъ...

Вар.: «Съ изгнаннымъ другомъ раздѣлилъ...»; «Разбила мирный нашъ Лицей...»
Конец совершенно не отделан; читается еще: «Ты возвеличилъ...»; «Освободить полезной
санъ...»; «...клеймо предубѣжденья...»; «. . . . . основанья...»; «Законъ блюдетъ...»
И. И. Пущин определился судьей в уголовный департамент вопреки общему мнению, счи-
тавшему эту должность неприличной для дворянина, см. соответственную строфу в стихотв.
«19 Октября 1825 года». Напеч. по списку 1903 г., по авт.—1916 г.

1827 ГОД.

2. О. А. КИПРЕНСКОМУ.

Любимецъ моды легкокрылой, Хоть не Британецъ, не Французъ, Ты вновьсоздалъ, волшебникъ милый, Меня, питомца скромныхъ Музъ, И я смѣюся надъ могилой, Ушедъ навѣкъ отъ смертныхъ узь.	Себя какъ въ зеркалѣ я вижу, Но это зеркало мнѣ льститъ. Такъ Риму, Дрездену, Парижу Извѣстенъ впредь мой будетъ видъ, И онъ гласить, что не унижу Пристрастыя вѣрныхъ Аонидъ...
---	---

Обращено к Ор. Ад. Кипренскому, известному художнику (1785—1836 г.), написавшему
портрет П—а в 1827 г., воспроизведенный Н. Н. Уткиным гравюрой при «Сѣв. Цв.» 1828 г.
В рук. вар. «Освободясь отъ смертныхъ узь...»; «Берлину, Дрездену...»; посл. ст.—«Отнынѣ
славныхъ Пѣриды (чистыхъ Аонидъ)». *Пѣриды, Аониды*—музы. Портрет воспроизведен в
нашем изд. Напеч. 1894 г.

3. [КЪ НЯНѢ].

Подруга дней моихъ суровыхъ, Голубка дряхлая моя! Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ Давно, давно ты ждешь меня. Ты подъ окномъ своей свѣтлицы Горюешь, будто на часахъ, И медлятъ поминутно спицы	Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ. Глядишь въ забытыя ворота На черный, отдаленный путь: Тоска, предчувствія, заботы Тѣснятъ твою всечасно грудь; То чудится тебѣ . . . . .
--	--

В рук. вар.: «Среди лѣсовъ моихъ сосновыхъ...»; «Мечты, предчувствія...», и др.
Няня П—а см. Встгл. оч. Напеч. 1855 г.

4. [БОЯРСКІЯ КОНЮШНИ.]

Чистотой, прислугою и пойломъ,
 Всѣмъ довольны добры кони.....
 Кормомъ, стойлами..., надзоромъ,
 Всѣмъ красны боярскія конюшни,
 Сбруя блещетъ на столбахъ дубо-

выхъ,
 Стойлы полны борзыми конями,
 Кони сыты, лоснятся ихъ гривы.
 Лишь однимъ конюшни непри-

гожи:
 Домовой повадился въ конюшни.
 По ночамъ онъ ходитъ по ко-
 нюшнѣ,
 Чиститъ, холитъ онъ коней бояр-

скихъ,
 Заплетаеъ гривы имъ въ косички,
 Туго хвостъ завязываетъ въ узелъ...
 Какъ не взлюбить онъ [да] воро-

нова!
 На зарѣ вечерней съ водопою
 Обойду боярскія конюшни
 И зайду во стойло къ вороному:
 Конь стоитъ [и] смиренъ и испра-

А поутру отопрешь конюшню,—
 Конь не тихъ, весь въ мылѣ, грудью
 пышетъ,

Съ морды каплетъ кровавая пѣна:
 Во всю ночь домовой на немъ ѣз-

дитъ
 По горамъ, по рѣкамъ, по боло-

тамъ,
 Съ полудни до бѣлаго свѣта,
 До заката мѣсяца.....

— Ахъ ты, старый конюхъ, нераз-

умный!

Загадать ли старому загадку?
 Разгадаешь ли, старый, загадку?

Какъ влюбился въ красну дѣвку
 конюхъ,

Младой конюхъ, разудалый па-

ренъ;
 Онъ конюшню ночью отпираетъ,
 По тихоньку [онъ коня] сѣдлаетъ,
 По легоньку водитъ за ворота,
 На коня на борзаго садится,
 Къ красной дѣвкѣ въ гости скачетъ
 [конюхъ]...

Рук. черн., многое зачеркнуто, восстановлено предположительно, согласно с раз-
 мером стихотв. (5-стопный хорей). В рук.—

Ст. 2: Всѣмъ довольны добры кони...

3: Кормомъ, стойлами и надзоромъ...

13—17: Хвостъ въ кольцо завязываетъ туго.

Какъ не взлюбить онъ коня (гнѣдова) воронова.

На вечерней зарѣ обойду я конюшни

И зайду въ стойло къ вороному:

Конь стоитъ исправенъ и смиренъ...

27: Загадать ли тебѣ, старый, загадку?...

29—30: Полюбилъ красну дѣвку младой конюхъ,

Младой конюхъ, разгульный паренъ...

32—33: По тихоньку воронова сѣдлаетъ

По легоньку выводитъ за ворота...

(вар.): По легоньку на широкой дворъ выводитъ...

Вряд ли это—начало повествования; скорее — законченное, но не обработанное
 стихотв. Напеч. неполно 1884 г.

5. [ТАЛИСМАНЪ.]

[ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОКЪ].

1. Храни меня, мой талисманъ, Во дни печали и гоненья, Во дни разкаянья, волненья,— Ты въ день печали былъ мнѣ данъ.	3. Въ уединенъи чуждыхъ странъ, На лонѣ тучнаго покоя, Въ тревогѣ пламеннаго боя,— Храни меня, мой талисманъ.
2. Когда подыметъ океанъ Вокругъ меня вѣлы ревуци, Когда грозою грянутъ тучи,— Храни меня, мой талисманъ.	4. Мечтанья сладостный обманъ Души волшебное свѣтило,— Оно сокрылось, измѣнило... Храни меня, мой талисманъ.

5. Пускай же въ вѣкъ—сердечныхъ ранъ
 Не разтравить воспоминанье;
 Залогъ надежды и желанья,
 Храни меня, мой талисманъ.

В рук. вар.: строфа 1 — «(Во дни грозы и...) Въ дни безпокойнаго волненья...»;
 2—«валы зыбучи...»; «И надо мной сберутся (затмятся) тучи...»; 3—«празднаго покоя...»;
 «(Въ огнѣ) Въ трудахъ, въ кровавомъ вихрѣ боя...» Кроме того, начато:

Стр. 1: Во дни душевнаго страданья...

3: Когда плѣнительный обманъ...

4: Надежды сладостный обманъ,
 Любовь, любовь мое свѣтило
 Потухло . . . . .

После 5: Какъ сонъ, какъ утренній туманъ
 Любви сокрылось сновидѣнье...

Вместо этого замысла, П. разработал иной; см. «Талисманъ» 1827 г. и примеч. к стихотв. Напеч. 1916 г.

6. ЕСТЬ РОЗА ДИВНАЯ.

Есть роза дивная: она
 Предъ изумленною Киѳерой
 Цвѣтеть румяна и пышна,
 Благословенная Венерой.

Вотще Киѳеру и Паѳосъ
 Мертвить дыханіе мороза—
 Блеститъ между минутныхъ розъ
 Неувядаемая роза...

1 Апрѣля, 1827. Москва.

Напеч., 1859 г. по утраченному нынѣ беловому списку. В черн. рук. озаглавлено «Сонетъ» и начало: «Три розы на свѣтѣ цвѣтуть...» Далѣе можно прочесть:

Цвѣтеть (приятна) румяна и пышна,
 Благооленная (Венерой) Кипридой,
 Въ тѣни, подь,..
 Есть роза дивная—она
 Предъ изумленною Киѳерой...
 Вотще (ихъ) ранне морозы
 Дыханьемъ (сумрачнымъ), (мертвять),
 Въ Киѳерѣ . . . . . на берегу
 Цвѣтеть между минутныхъ розъ
 Неувядаемая роза.

Киѳера и Паѳосъ—мѣста, посвященные Венере, см. Общ. прим. Замысел, м. б., был близок к стихотв. Д. В. Веневитинова: «Три розы». Неувядаемая роза, м. б.—«Запретная роза», о кот. см. раньше. Печатаем вар. по снимку с черн. авт., напеч. 1853 г. Д та—в беловом авт.

1828 ГОД.

7. УВЫ, ЯЗЫКЪ ЛЮБВИ БОЛТЛИВОЙ...

Увы, языкъ любви болтливой,
 Языкъ и скромный, и простой,
 Своею прозой нерадивой
 Тебѣ докученъ, Ангелъ мой.
 Ты любишь мѣрные напѣвы,
 Ты любишь ризмы гордой звонъ,
 И сладокъ уху милой дѣвы
 Честолюбивый Аполлонъ.
 Тебя страшитъ любви признанье,
 Письмо мое ты разорвешь,

Но стихотворное посланье
 Съ улыбкой нѣжною прочтешь.
 Благословенъ же будь отнынѣ
 Судьбою ввѣренный мнѣ даръ!
 Доселѣ въ жизненной пустынѣ,
 Во мнѣ питаю сердца жаръ,
 Мнѣ навлекалъ одно гоненье
 Иль лицемѣрную хулу,
 Иль клевету, иль заточенье,
 И рѣдко—хладную хвалу...

9 Мая 1828, море, on day.

Рук. черн., некоторые слова зачеркнуты; написано между: «Вы избалованы прикройдой» и «Снова тучи надо мною...» *On day* значит: некий день, в некоторый день. Обращено, вероятно, к А. А. Олениной, см. раньше. Помета и дата, м. б., не относятся к стихотв. Вар. ст. 18: «Одну безмольную хулу...» Напеч. 1855 г., полное—1884 г.

Рис. П. Соколов.

Грав. А. Флоров.

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

С гравюры А. Флорова.

8. ПОСЛАНИЕ П. И. ЭГЕЛЬСТРОМУ.

О Эгельстромъ! Я восхищенный
Читаль творенія твои:
Твой стихъ, лишь Геніемъ внушен-

ный,
Блестить какъ солнце въ ясны дни!

Когда, соперникъ Ювенала,
Металь ты громъ твоихъ стиховъ,
Коварна злоба трепетала,
Дрожаль завистникъ Копыловъ.

Когда Анакреона лиру
Красъ прелестной посвящаль,
Тогда разнѣженному міру
Восторги сладостны внушаль.

Когда ты Грею подражаешь,
Слезясь надъ гробовой доской,
Весь свѣтъ ты пѣснью огор-

чаешь—
Тогда стенаеть все съ тобой.

Когда комедіей насъ хочешь
Плѣнить — что твой Мольеръ, Кры-

ловъ:
Съ тобой невольно захохочешь...
Сердись, какъ хочешь, Копы-

ловъ!
Поэтъ, сынъ Феба вдохновен-

ный,
Какъ милъ для насъ твой каждый
стихъ!

Скажи: почто, пѣвецъ смиренный,
Отъ свѣта ты скрываешь ихъ?

Пусти въ печать твои творенья,
Заслужишь множество вѣнцовъ—

Мы всѣ помремъ отъ восхи-

щенья!

О, Эгельстромъ, ты царь пѣв-

цовъ!

П. И. Эгельстромъ — помещик, сосед Вульфов по их тверскому имению, швед, плохо говоривший по-русски, но имевший пристрастие к сочинению стихов. *Копыловъ* — его сосед, постоянно над этими стихами смеявшийся, *Грей* — английский поэт. *Ювеналь* и др. об. раньше. Дата — по указанию А. Н. Вульфа. Авт. не сохранилось. Напеч. 1857 г.

1827—1828 ГОД.

9. [РИѠМА].

1. РиѠма—звучная подруга
Вдохновеннаго досуга,
Вдохновеннаго труда!
Ты умолкла . . . . .
Ахъ, ужель ты улетѣла,
Измѣнила навсегда?

2. Твой привычный, звучный ле-
петь
Усмирялъ сердечный трепеть,
Усыплялъ мою печаль!
Ты ласкалась, ты манила,
И отъ міра уводила
Въ очарованную даль!

3. Ты, бывало, мнѣ внимала
За мечтой моей бѣжала,
Какъ послушное дитя;
То—свободна и ревнива,
Своенравна и лѣнива—
Съ нею спорила шутя.

4. Но съ тобой не разставался,
Сколько разъ повиновался
Рѣзвымъ прихотямъ твоимъ
Какъ любовникъ добродуш-

ный,
Снисходительно-послушный,
Былъ я мучимъ и любимъ.

5. О, когда бы ты явилась
Въ дни, когда еще толпилась
Олимпійская семья!
Ты бы съ ними обитала,
Какъ бы пышно заблестала
Родословная твоя!

6. Взявъ божественную лиру,
Такъ повѣдали бы міру
Гезіодъ или Омирь:
„Фебъ однажды у Адмета,
Близъ лѣсисаго Тайгета
Стадо пасъ, угрюмъ и сиръ.“

7. „Онъ бродилъ во мракъ лѣса,
И никто, страшась Зевеса,
Изъ богинь или боговъ
Навѣщать его не смѣли—
Бога лиры и свирѣли,
Бога свѣта и стиховъ!
8. „Помня первыя свиданья,
Утолить его страданья
Мнемозина притекла,
И подруга Аполлона,
Въ тихой роцѣ Геликона,
Мучась, Риему родила.

9. „И младенца восприяли
.....
Боги: Сонъ, Діана, Ночь,
И отъ гнѣвнаго Зевеса
.....
..... сокрыли прочь...

Октябрь 1828 г.

Написано среди черн. «Полтавы». В рук. вар.: строфа 1—«Ахъ, зачѣмъ ты улетѣла»; стр. 4 рук.—«Рѣзвой прихоти твоей...»; стр. 6—«тѣнистаго Тайгета...»; стр. 8—

Мнемозина лишь одна
Изъ бессмертныхъ притекла...
Мучась, дочку родила...

В другой рук., 1827 г., рядом с наброском: «Чистотсѣй, прислужою...», другая ред. того же замысла:

Своенравная Царица
Романтическихъ октавъ,
Риема, сладкая пѣвица...
Своенравная подруга
Гармонической мечты,
Риема, мнѣ часы досуга
Оживлять умѣла ты...
Ты .....
И стиховъ моихъ вѣнчала
Своевольныя четы...

Античная древность знала рифму лишь как случайное украшение стихов, поэтому миф о рождении рифмы всецело создан П—ым. В основу положены, однако, подлинныя мифы античнаго мира: Феб был сослан в наказаніе к царю Адмету и должен был пасти стада подле горы Тайгета и т. под. *Гезіодъ*, *Омиръ* (*Гомеръ*)—др.-греческіе поэты, обработавшіе поэтически мифологию. *Фебъ* - *Аполлонъ*, бог поэзии. *Адметъ*—царь. *Мнемозина*—богиня памяти. *Зевесъ*, *Геликонъ*, *Діана* и др. см. Общ. прим.; *Сонъ*, *Ночь* также считались божествами. *Октавы* см. раньше. Позднее в 1830 г., П. обработал тот же замысел в двустушиях. Ср. еще: «Къ моей чернильницѣ» и в «Евг. Онѣг.»: «Лѣта шалуню риему гонять...» Напеч. 1855 г., полнее—1884 г.

10. СВОДНЯ..

1. Сводня грустно за столомъ
Карты разлагаетъ—
Смотрять барышни кругомъ,
Сводня имъ гадаетъ—
„Три девятки, тузъ червей
И король бубновый.—
Споръ, досада отъ рѣчей
И притомъ обновы...
2. А по картамъ—ждать гостей
Надобно сегодня...
Вдругъ стучатся у дверей.
Барышни и сводня
Встали, отодвинувъ столъ;
Всѣ толкнули ц . . . .
Шепчуть: „Катя, кто пришелъ,
Посмотри хоть въ щелку.“
3. Что? Хорошій человекъ;
Сводня съ нимъ знакома;
Онъ съ . . . . . цѣлой вѣкъ
Онъ у нихъ какъ дома.
. . . . . въ кухню (руки мыть)
Всѣ бѣгомъ, прыжками,
Обуваться, пукли взбить,
Прыскаться духами.
4. Гостя сводня между тѣмъ
Ласково встрѣчаетъ
Просить . . . его совсѣмъ
Онъ-же вопрошаетъ
„Что какъ торгъ идетъ у васъ—
Выручки довольно?“
Сводня за щеку взялась
И вздохнула больно.

5. Вѣрите-ль съ Христова дня
 Ровно до субботы
 Всѣ дѣвченки у меня
 Были безъ работы!
 Хоть и худо было мнѣ,
 Но такова горя
 Не видала я во снѣ.
 Хоть бѣжать за море.

Четверыхъ гостей, гляжу,
 Богъ мнѣ посылаетъ.
 Я . . . . . имъ вывожу,
 Всякой выбираетъ.

6. . . . . они всю ночь,
 Кончили,—и что же?
 Не плата пошли всѣ прочь
 Господи, мой Боже!“

7. Гость ей: „Право, мнѣ васъ жаль:
 Здравствуй, другъ, Анета!
 Ахъ Луиза! Что за шаль,
 Подойди, Жанета,

В авт. мелкие вар.: строфа 1—«Дремлють дѣвушки кругомъ...»; «Три десятки — интересъ...»; 3—

Входитъ доброй человекъ,
 «Съ нимъ ужъ я знакома,
 Шепчетъ Маша,—весь свой вѣкъ
 Онъ у насъ какъ дома». —
 Въ кухню барышни бѣгомъ —
 Мыться надъ лоханкой...

5—«Съ воскресенья, вѣрже мнѣ...» и т. под. В списках встречаются другие строфы этого стихотв., кажется 1828 г.:

И любви отдавши дань,
 Онъ умыться просить,
 Полотенце и лохань
 Барышня приноситъ...

Написано между черн. «Евг. Онѣг.» и «Арапа П. В.» Напеч. неполно 1884 г.; полнее—1916 г.

А Луиза—поцалуй!
 Выбратъ, такъ обидишь.
 Такъ на васъ и . . . . .
 Только васъ увидишь!“

8. „Что же, сводня говорить...
 . . . . .
 . . . . . ей въ отвѣтъ:
 „Нѣтъ, не беспокойтесь,
 Мнѣ охоты что-то нѣтъ,
 Дѣвушки, не бойтесь!“

9. Онъ ушелъ. Все смолкло
 вдругъ,
 Сводня приуныла,
 Дремлютъ дѣвушки вокругъ,
 Свѣчка вся оплыла.
 Сводня карты вновь беретъ,
 Молча вновь гадаетъ,
 Но никто, никто нейдетъ...
 Сводня засыпаетъ.

II—14. Игра рифмами.

I.

День блаженства настоящій
 Дѣва вкусить, наконецъ.
 Часъ пробьетъ и . . . . .
 Дѣва сядетъ . . . . .

II.

Мы наслажденіе удвоимъ,
 И въ руки взявши свой . . . . .

III.

Дѣва, ногъ . . . . .
 Залетитъ нетопырь!

IV.

— Авдотья Яковлевна пахнетъ.
 — Да? Что жъ у ней воняетъ? пахъ?—Нѣтъ.

Автограф П—а этих стихов принадлежал П. С. Киселеву. Датировка их 1827—1828 г., приблизительно. Все рифмы этих шуток «тождественные», т.-е. написание слов совершенно одинаково, хотя смысл различен, как у П—а ж.: «по колачу» и «поколочу» («Утопленникъ»), «по лбу» и «пѣлбу» («Сказка о Балдѣ») и др. Напеч. нами 1907 г., со списка.

Б. Черновые наброски 1826—1828 года.

Напеч., как предыд. периодов, «Русс. Старина» 1884 г., изд. Лит. Фонда 1888 г., Акад. изд. 1916 г. и др.; наши тексты несколько иные.

1826 ГОД.

1. О ТЫ, КОТОРЫЙ СОЧЕТАЛЪ.

О ты, который сочetalъ	О ты, который избѣжалъ
Съ глубокимъ чувствомъ разумъ	Сентиментальности манерной,
	И самый легкой мадригалъ—
И точный умъ, и слогъ примѣрный,	Умѣлъ . . . .

Обращено, вероятно, к Вяземскому. Ст. 1-й см. 1819 г. Ср. «Наброски сатиры» 1823 г. Напеч, 1884 г.

2. КОГДА ТАКЪ НѢЖНО...

Когда такъ нѣжно, такъ сердечно	. . . . .
Такъ радостно я встрѣтилъ васъ,	Съ тѣхъ поръ . . . . . слезами
Вы удивились конечно.	Мечту прелестную зову,
Все объясню я сей же часъ.	Во снѣ я ошастливленъ вами
Мое живое сновидѣнье	И благодаренъ наяву.
Вашъ милой образъ озарилъ...	

К кому обращено, не выяснено. Напеч. Акад. изд. 1916 г., где отнесено к 1827 г., наша датировка правильнее, Авт., собр. Акад. Н., еще недоступен исследователям.

1827 ГОД.

3—4. Я ЗНАЮ КРАИ...

[ПЕРВЫЕ ОЧЕРКИ СТИХОТВ. „КТО ЗНАЕТЪ КРАЙ...“].

I.

Я знаю край: тамъ на берега	На опаленные луга.
Сѣдое море вѣчно плещетъ,	Тамъ тѣни нѣтъ, дубравъ не видно,
Тамъ рѣдко падаютъ снѣга,	. . . . . степь нагая
Безоблачно тамъ солнце блещетъ	Надъ моремъ стелется одна.

II.

Когда порой воспоминанье,	Туда, гдѣ небо . . . . .
Какъ тѣнь опять бѣжитъ ко мнѣ,	Гдѣ т[ѣнь] кругомъ . . . . .
И злое, мрачное мечтанье	Гдѣ пожелтѣлыя струи
Грызетъ мнѣ сердце въ тишинѣ,	На мраморъ вѣтхой тихо плещуть...
[И] задыхаюсь я въ тяжеломъ	Гдѣ пѣль Т[оркватто величавой]
Страданьи	Гдѣ миртъ и темной [кипарисъ]
И страшно, душно [мнѣ].	На волѣ вышно разрослись,
. . . . .	Гдѣ и теперь [во тмѣ ночной]
Тогда людей вблизи увидя,	Порой далече звонкой славой
Хочу въ пустыню я бѣжать,	Повторены его октавы...
Ихъ слабой умъ возненавидя,—	Привычный къ сѣвернымъ водамъ,
Тогда лечу	Межъ бѣлоглавой ихъ толпой,

Скалу иль горъ отроги вижу,
 Приютъ пустынной птицъ морскихъ,
 Печальной [вижу] берегъ дикой;
 Гдѣ чахлой мохъ едва, едва
 Усыянь жалкою брусничкой.
 Одѣтый мхомъ, тундрой покрытъ,
 И хладной пѣною подмытъ...

Кой гдѣ разтетъ кустарникъ
 тощій...

Сюда порою приплываетъ
 Отважный сѣверный рыбакъ,
 И здѣсь свой неводъ выгружаетъ
 И свой разводитъ [онъ] очагъ.
 Сюда погода волновая....

В рук. ряд вар., среди них—

- I: Я помню край: тамъ вѣчныхъ волнь...
 Уединенно на берега
 Сѣдая пѣна вѣчно плещеть...
 II: И погружаюсь я въ мечтанье...
 Хотѣлъ бы я въ пустынь быть...
 Но тамъ, привычный къ.....
 Стремлюсь къ студенымъ.....
 И здѣсь онъ сѣти разгружаетъ...

Слова в скобках поставлены предположительно или взяты из позднейшей ред. Ход мыслей в наброске: воспоминание мучит поэта: он мечтой уносится далеко; видит перед собою Италию; но, привычный к северу, томится среди роскоши юга; тогда перед поэтом возникают картины скудной северной природы... Напеч. Акад. изд. 1916 г.; связано—в нашем изд. *впервы*.

5. [ПОЭТЪ И ТОЛПА].

Толпа холодная поэта окружала,
 И равнодушную хвалу ему жужжала,
 Но равнодушно ей, задумчивъ, онъ внималъ
 И звучной лирою разсѣянной бряцалъ...

Рук. исчерканная; записано в той же тетради, где «Поэтъ» («Пока не требуетъ поэта...»), но *после* этого стихотв.; м. б., первая мысль стихотв. 1828 г. «Поэтъ и чернь». В рук. вар.: «Толпа надменная...»; «равнодушная хвалы...»; «безмолвно (въ молчаньи) онъ внималъ...»; «сладкой лирою...» Напеч. 1884 г.; точнее—1916 г.; в нашем изд. в иной ред. по авт.

6. БЛАЖЕНЪ...

Блаженъ въ златомъ кругу вель-   Онъ украшаетъ ихъ пиры
 можъ   И сыплетъ Фебовы дары,
 Пить, внимаемый Царями: И внемлетъ . . . . .
 Владѣя смѣхомъ и слезами,   Межь тѣмъ . . . . .
 Приправя горькой правдой ложь,—   Тѣсясь у ступеней крыльца,
 Онъ вкусъ притупленный щекотитъ   Народъ колеблется волнами;
 И къ славъ спѣсь бояръ охотитъ,   Съ почтеньемъ слушаетъ пѣвца...

В рук. вар.: «Блаженъ въ чертогахъ золотыхъ...» Отдельные стихи повторены в других набросках. М. б., новое развитие мысли о «поэте и черни», при чем «чернь» (светская, здесь — «бояре») отделена от «народа». Народ с почтеньем слушает поэта, а светская чернь только ждет, чтобы пощекотали ее притупленный вкус. Таким обр., отрывком поясняется стихотв. о черни. Напеч. неполно 1884 г.; полнее—1916 г.

7. ВЪ РОЩАХЪ КАРІЙСКИХЪ.

Въ рощахъ Карійскихъ, любезныхъ ловцамъ, таится пещера.   :
 Стройныя сосны кругомъ склонились вѣтвями, и тѣнью   )
 Входъ въ нее заслонѣнъ—сквозь вѣтви блестящимъ въ извивахъ
 Плющемъ, любовникомъ скалъ и разсѣлинь. Звонкой дугою
 Съ камня на камень сбѣгаетъ, пробивъ глубокое русло,
 Рѣзвой ручей . . . . .
 Тихо по рощѣ густой, веселя ее, онъ вѣется
 Сладкимъ журчаньемъ . . . . .

В набросках П—а несколько раз встречается образ «уединенной пещеры», Эддз; начала обработка в духе древних. *Карія*—страна в М. Азии, в древности олавившаяся своими охотниками. В рук. вар.: «Темные клены кругомъ...» Напеч. 1887 г.

1828 ГОД.

8. [БУДЖАКЪ.]

Въ степяхъ зеленыхъ Буджака,
Гдѣ Прутъ, завѣтная рѣка,
Обходитъ Рускія владѣнья,
При бѣдномъ устьѣ ручейка
Стоитъ безвѣстное селенье;
Семействами Болгары тутъ

Въ убогой дикости живутъ,
Храня родительскіе нравы,
Питаюсь тягостнымъ трудомъ,
И не заботятся о томъ,
Какъ ратоборствуютъ державы
И мирно правятъ ихъ судьбой...

М. б., набросокъ к «Полтаве», где упоминается *Буджакъ*, местность в Бессарабии. *Прутъ*—река «завѣтная», как пограничная. *Державы*—Россия, Турция, Швеция, для кот Буджак служил театром войны. Мысль: народ, трудящееся население, чуждо войнам, которые ведут между собою правительства. Ср. «На Нѣманѣ». Напеч. 1884 г.

9.

Волненьемъ жизни утомленный.
Оставя заблужденій путь,
Къ тебѣ прибрелъ я отдохнуть
И близъ тебя, мой другъ безцѣнный...
Тебѣ принеси...

25 Іюня.

В авт. внизу приписано: «(Фанни)—няня—Elisa e Claudio [Элиза и Клавдио]». М. б., запись эта не относится к наброску. «Элиза и Клавдио», соч. Меркаданте, опера, поставленная в Петрограде 1828 г. Напеч. 1884 г.

10.

Брадатый староста Авдѣй
Съ поклономъ барынѣ своей,
Замѣсто краснаго яичка,
Поднесъ ученаго скворца.
Извѣстно всѣмъ, такая птичка
Умнѣй инаго мудреца.
Скворецъ, надувшись величаво,

Вздыхалъ о царствіи небесъ
И приговаривалъ картаво:
„Христось воскресъ! Христось вос-
кресъ!“
Скворецъ мой былъ не пустомеля,
Не вралъ онъ всякой чепухи,
Онъ былъ ученѣе....

М. б., навеяно преследованиями за «Гавриляду»: насмешка над ханжами и лицемерами. Вар. авт. еще не изучены. Напеч. непожн 1864 г.

11.

А въ ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули, Богъ ихъ прости,
Отъ пятидесяти
На сто.

И выигрывали
И отписывали
Мѣломъ.
Такъ въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ.

Из письма к Вяземскому 1828 г., см. т. III. Ст. 4-й дан в том чтении, как в эпиграфе к 1 гл. «Пиковой Дамы». В письме: «Гнули, . . . ихъ . . .». Стихи—пародия стихов Рыльева: «Ахъ, гдѣ тѣ острова...» Ред. письма напеч. 1902 г.

12—18. Отрывочные строки.

1826—1828 г.

I.

„Тебя покоу на томной лирѣ
„Но гдѣ найду мой идеаль
„И кто пойметъ меня въ семь мірѣ?“
Но Анатолю не понималъ...

II.

Кругомъ его цвѣтетъ шиповникъ,
Минутный вѣстникъ теплыхъ дней,
И вьется плющъ, могила любовникъ,
И свищетъ ночью соловей...

III.

Въ рюмкѣ свѣтлой предо мною
Брыжжитъ, пѣнится вино.

IV.

Цвѣтокъ любви!
Тому одно, одно мгновенье
Они цвѣли.... свѣжа....

V.

Покойникъ, авторъ сухощавый,
Писаль для денегъ, пилъ изъ славы...

VI.

Пріятно письма получать,
Но что за мука отвѣчать....
Тому причина просто лѣнь:
Мой черный день—почтовой день.

VII.

НАЧАЛО НАБРОСКА.

Какъ щастливъ я, когда могу покинуть...

I, м. б., относится к роману Б. Констана, где герой—Анатоль и о кот. см. т. III, статьи. II записано (дважды) рядом с набр. 1827 г. «Въ рошажъ Карійскихъ...» и в измененном виде вошло в «Евг. Онѣг.», гл. VII, стр. VI. Напеч. I—III—1884 г. IV—в музее Онегина на бумаге 1827 г. V—в собр. Акад. Н. на полях белой рук. «Чернь». VI, м. б.—вар. к «Евг. Онѣг.»—18—в собр. Акад. Н. (4 стиха) среди стихотв. 1826 г. и еще недоступно исследователям. Напеч. IV—VII—«П. и его современники» и изд. Венгерова.

Программа стихотворения.

19. СТАРЫЙ ПОЭТЪ.

Старый поэтъ. Благодарю [васъ] за привѣтъ,
Но вы во мнѣ почтили годы,
Не геній: онъ угасъ . . . . .

[Голось.] . . . . . Мы почитаемъ
Въ тебѣ твою . . . . . славу.

Старый поэтъ. Что слава? . . . . .
Я ею наслаждался, какъ просилъ.
Другія времена, другія вдохновенья.
Другой поэтъ . . . . .

[Голось.] . . . . . Спой
Намъ что-нибудь! . . . . .

В авт., диалог изложен *прозой*, как программа стихотв., и дан лишь один стих, 2-й. Однако, эта проза почти сплошь разлагается на размерные (ямбические) строки; нами добавлено только одно слово («васъ») и не пропущено ни одного. М. б., в лице «Старого поэта» перед П—ым предносился образ Державина. Набросок также относится к развитию мысли о «поэте и черни», см. выше наброски 5 и 6. Напеч. *прозой* 1884 г.; стихами—в нашем изд. *впервые*.

ПЕРИОД ВОСЬМОЙ.

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ
МЕСЯЦЫ, 1829 ГОД.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворения.

1829 ГОД.

Москва, Петроград, Москва.

Январь—апрель.

1. Е. Н. УШАКОВОЙ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить немудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ станомъ вы Сильфида,
Что ваши алыя уста,
Какъ гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза,
Предъ вами шумъ и суета.
Но красоты воспоминанье
Намъ сердце трогаетъ тайкомъ—
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
Авось на память поневолѣ
Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ Прѣсенское поле
Еще заборъ не заграждалъ.
[До 16 января].

Напеч. «Галатея» 1829 г. и изд. 1829 г., под 1829 г. Вар. «Галатеи»: ст. 4—«докучной модой»; 11—пропущен. Сохранилось два авт.; один из них—первоначальная ред.:

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была
И наша страстная хвала
Вамъ кажется докучной модой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ хвалить не мудрено,
Что ваши взоры—сердцу жалы,
Что ваши ножки очень малы; .
Что вы чувствительны, остры,

Что вы умны, что вы добры,
Что можно васъ любить сердечно,
Но, кажется до сей поры
Еще не знали вы, конечно,
Что и хвастливая Москва
Порою правды не умалить,
Что иногда и сердце хвалить
И съ нимъ согласна голова.

В рук. исправлено: ст. 13 — «Но вы не знаете, конечно»; 14 — «болтливая Москва...»; 17 — «Хоть и кружится голова». Загл. первое — в изд., второе — в журнале. Обращено к Елиз. Ник. Ушаковой, вполн. Киселевой. Ей и ее сестре, Екат. Ник., П., часто бывая в доме Ушаковых, охотно писал стихи в альбом, см. Вступ. оч. т. II. *Армида* — тип соблазнительницы из поэмы Тассо. *Сильфида*, в германской мифологии, — воздушное существо (сильфы — духи воздуха). В тексте 1829 г. «Прѣсенское поле» (площадь в Москве) означено двумя буквами: «Пр.***» (имя, как и во многих др., начальными буквами: «Е. Н. У***вой»). Некоторые изд. ошибочно печатают под 1828 г., несмотря на показание самого П—а, сделанное в *том же* году. Вар. другого авт. (ред. текста, листок из альбома У—вой, еще неизвестны.

2. ПРИМѢТЫ.

Я ѣхаль къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяць съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивой.

Я ѣхаль прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было;
И мѣсяць съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

Напеч. 1829 г. и изд. 1832 г. В тексте 1829 г. («Подснѣжникъ»):

Осеребрялъ мой путь ретивой...

В беловом авт.—тоже, но «бѣгъ» вм. «путь». Черн. авт., где было много вар., ныне утрачен. Обращено к А. А. Олениной, о кот. см. раньше. П. рисовался своей верой в народные приметы.

2. ВЪ АЛЬБОМѢ

СОБАНЬСКОЙ.

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умереть, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставить мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.

Но въ день печали, въ тишинѣ,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мирѣ сердце, гдѣ живу я.

Напеч. 1830 г. В изд. 1832 г. помечено 1829 г., а в собственноручном списке стихотв. П—а—1830 г. В изд. первое загл.; в списке — «Соб—ой», т.-е. *Собаньской*. Граф Собаньский жил в Одессе в 1823 г., когда там жил и П.; поэтому стихотв. относят и к 1823 г. Собаньская покинула мужа для некоего гр. Витте, которым была брошена в 1836 г. Встречался ли П. с Собаньской в 1829—1830 г., не выяснено. Предпочитаем, как и далее, показание изд.—данном списка, во многом явно ошибочного. Авт. не сохранилось*

4. Я ВАСЬ ЛЮБИЛЪ...

Я вась любилъ: любовь еще, быть можетъ,
 Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
 Но пусть она вась больше не тревожитъ;
 Я не хочу печалить вась ничѣмъ.
 Я вась любилъ безмолвно, безнадежно,
 То робкостью, то ревностью томимъ;
 Я вась любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
 Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

Напеч. «Сѣв. Изв.» 1830 г.; перепеч. изд. 1832 г. и, безъ согласія П—а, «Венера» 1831 г. Полагаютъ, что обращено къ А. А. Олениной, Авт. не сохранилось.

5. КЪ ***.

[къ А. П. Кернъ.]

Когда твои младыя лѣта
 Позорить шумная молва,
 И ты по приговору свѣта
 На честь утратила права;

Но свѣтъ... Жестокихъ осуждений
 Не измѣняетъ онъ своихъ:
 Онъ не караетъ заблуждений,
 Но тайны требуетъ для нихъ.

Одинъ среди толпы холодной,
 Твои страданья я дѣлю,
 И за тебя мольбой бесплодной
 Кумиръ безчувственный молю.

Достойны равнаго презрѣнья
 Его тщеславная любовь
 И лицемѣрная гоненья:
 Къ забвенью сердце приготовь;

Не пей мутительной отравы;
 Оставь блестящій, душный кругъ;
 Оставь безумныя забавы:
 Тебѣ одинъ остался другъ.

Напеч. 1830 г. подъ нашимъ загл.; изд. 1832 г. безъ загл. По однимъ обращено къ А. Ф. Закревской, по другимъ—къ А. П. Керн (о нихъ см. раньше). Второе—вероятнее, А. П. Керн в 1829 г. уже разошлась съ мужемъ и съ Родзянкою и жила съ М. И. Глинкою; у нее была уже взрослая дочь. Авт. не сохранилось. Ст. 17—по тексту 1830 г. («Лит. Газ.»); в изд. 1832 г. и всехъ позднейшихъ: «мучительной отравы».

Поездка на Кавказъ и путешествіе въ Арзрумъ.

Май—сентябрь.

6. ОТРЫВОКЪ.

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла;
 Шумить Арагва предо мною.
 Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
 Печаль моя полна тобою,
 Тобой, одной тобой... Унынья моего
 Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
 И сердце вновь горитъ и любитъ—отъ того,
 Что не любить оно не можетъ

15 Мая.

Напеч. 1831 г. Известны три авт., черн., бел. ред. в Берлинской Библ., и рук. в бывш. собр. Конст. Романова Вар. бел. ред.:

На холмы Грузіи ночная тѣнь легла...
 Тобой, одной тобой... мечтанья моего...
 И сердце живо вновь и любитъ—отъ того...

Бар. черн. рук.:

Все тихо—на Кавказъ идетъ ночная мгла,
Восходятъ звѣзды надо мною...
Я снова юнъ и твой,—унынья моего...
И сердце (прежнее) юное [вновь] любить,—сть того...

Далее в рук. продолжение, помещаемое нами в черн. набросках. Обращено вряд ли к Гончаровой; «Я снова юнъ и твой» скорее указывает на любовь прошлого; к Рязнич? к М. Н. Раевской? Перепеч. изд. 1832 г., где загл.—в оглавлении. Вар. 3-ей рук. еще неизвестны.

7. КАЛМЫЧКЪ.

Прощай, любезная Калмычка!
Чуть-чуть, на зло моихъ затѣй,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосокъ носъ, и лобъ широкъ,
Ты не лепечешь пофранцузски,
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ,
Поангльйски предъ самоваромъ,
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маромъ,
Слегка Шекспира не цѣнишь,

Не погружаешься въ мечтанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь: Ma dov'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраньѣ...
Что нужды?—Ровно полчаса,
Пока коней мнѣ запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же
Забутыя праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной
ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

22 Мая 1829. Капъ-Кой.

Напеч. 1830 г. См. «Путешествіе въ Арзрумъ», т. II, где та же встреча описана в прозе (и черн. вар. описания). *Сен-Маръ*—роман Альфреда де Виньи, имевший большой успех в те годы (см. о нем т. III, статьи). *Шекспира* (об отношениях к кот. П—а см. Часть 2) в 20-х годах только начинали ценить в России. *Ma dov'è* (ма-довэ)—начало арии изъ популярной тогда оперы. Перепеч. изд. 1832 г., по кот. наш текст (во всех изд. ст. 19 ошибочно: «мы запрягали»). Вар. черн. авт. еще не изучены.

8. ДЕЛИБАШЪ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ Казаками
Вьется красный Делибашъ.

Делибашъ! не суйся къ *лавѣ*,
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, Казакъ! не рвися къ бою:
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ
Посмотрите! каковы?.. [крикъ...
Делибашъ уже на пикѣ,
А Казакъ безъ головы.

Сыганъ-Лу [14—18 июня 1829 г.]

[Отдѣлано:] 7 Сентября 1830 г. [Болдино.]

Напеч. 1832 г. *Делибашъ*, с турецкого,—удалой наездник. *Лавѣ*—казачья сотня, выстроившаяся в ряд для атаки. Сохранилось два авт.: Радищ. муз. и собр. Акад. Н.; их вар. не известны; во втором — помета: «Сыганъ-Лу, 7 Сентября», откуда выводятся даты. П. во время своего путешествия несколько раз участвовал в перестрелках, см. «Путеш. в Арзрумъ», т. II. Перепеч. изд. 1832 г.

9. Д О Н Ъ.

Блещи среди полей широкихъ,
Вонъ онъ летится!.. Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Какъ прославленнаго брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса и Эвфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
 Чуя родину свою,
 Пьютъ уже Донскіе кони
 Арпачайскую струю.

Приготовь же Донъ завѣтный,
 Для наѣздниковъ лихихъ
 Сокъ кипучій, искрометный
 Виноградниковъ твоихъ.

1829.

Напеч. 1831 г. В рук. вар.: строфа .—

Здравствуй Донъ, завѣтный Донъ!
 Отъ сыновъ твоихъ удалыхъ,
 Казаковъ большихъ и малыхъ...

Араксъ, Эвфратъ, Арпачай — реки; последняя была границей России. *Казаки большие и малые* — принятые термины. Дальнейшие вар. рук. не изучены. Перепеч. изд. 1832 г.

10. ИЗЪ ГАФИЗА.

ШЕЕРЪ I.

ФАРГАТЬ-БЕКУ.

Лагерь при Эвфратъ.

Не плѣняйся бранной славой,
 О красавецъ молодой!
 Не бросайся въ бой кровавой
 Съ Карабахскою толпой!
 Знаю: смерть тебя не встрѣтитъ;
 Азраиль, среди мечей,

Красоту твою замѣтитъ—
 И пощада будетъ ей!
 Но боюсь: среди сраженій
 Ты утратишь навсегда
 Скромность робкую движеній,
 Прелесть нѣги и стыда!

5 Юля 1829.

Напеч. «Царское Село» 1830 г. под первым загл.; изд. 1832 г. под пометой в скобках: «Лагерь при Эвфратъ»; в рук.—второе загл. и помета внизу с правописанием: «при Эвфратъ». В рук. вар.:

Ст. 4: (Съ христіанскою толпсой)...

Съ этой ратию слѣпой...

6: Азраэль среди мечей...

8: И защитой будетъ ей...

11: (Скромность) Робость дѣвственныхъ движеній...

Гафизъ — персидский поэт XIV в.; стихи П—2—не перевод, а общее подражаніе. *Азраиль (Азраэль)* — ангел смерти у мусульман. *Шееръ* — стихотворение, песня. *Фаргатель-Беку* — имя вымышленного восточного поэта. *Эвфратъ* — река. *Карабахи* — маленькое кавказское горное племя, удалцы. П. вообще хотел передать дух восточной поэзии, по чему приписал свои стихи сначала Фаргат-Беку, потом Гафизу.

Москва.

Конецъ сентября—начало октября.

11. МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЪ.

Высоко надъ семью горъ,
 Казбекъ, твой царственный шатеръ
 Сіяетъ вѣчными лучами.
 Твой монастырь за облаками,
 Какъ въ небѣ рѣущій ковчегъ,
 Царитъ, чуть видный, надъ горами.

Далекій, вождельнный брегъ!
 Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
 Подняться къ вольной вышинѣ!
 Туда бъ, въ заоблачную келью,
 Въ сосѣдство Бога скрыться
 мнѣ!..

[20 сентября].

Напеч. 1831 г. См. «Путешествіе въ Арзрумъ», т. II. Это и след. стихотв. были, вероятно, набросаны во время путешествія и лишь отделаны в Москве. Дата указана Анненковым. Авт. не сохранился. Перепеч. изд. 1832 г.

12. КАВКАЗЪ.

1. Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины;
Орель, съ отдаленной поднявшись вершины,
Парить неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

---

2. Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

---

3. А тамъ ужъ и люди гнѣзятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;

---

4. Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснять его грозно нѣмыя громады.

20 Сентября.

Напеч. 1831 г. В черн. рук. начато продолжение:

5. Такъ буйную юность Законы тѣснять,
Такъ дикое племя подъ властью тоскуеть,
Такъ нынѣ безмолвный Кавказъ негодуеть,
Такъ чуждыя силы его тяготять...

Вар. рук. в строфѣх—

- 1: Достигъ я священной Кавказа вершины,
Стою надъ горами (межъ снѣгами) одинъ въ вышинѣ;
Орель съ преизподней (лишь съ глубокой) поднявшись долины
Въ недвижномъ пареньи (Парить одиноко) со мной наравнѣ.
Здѣсь тайное слышу потоковъ рожденье
И первое снѣжныхъ обваловъ (глухое) движенье.
- 2: Здѣсь тучи смиренно лежатъ подо мной...
(Гдѣ живы) Межъ нихъ обитаютъ (орлы)...
Гдѣ вѣкъ обитаютъ одни...
А тамъ ужъ холмы, зеленыя сѣни...
- 3: И пастыри сходятъ къ веселымъ долинамъ...
Гдѣ Терекъ стѣсненный таится въ ущельи...
Играетъ и воетъ въ свирѣпомъ весельи.
- 4: И бьется о камни (скалы) въ тоскѣ бесполезной,
И жадно ихъ лижетъ голодной волной,—
Вотще, нѣтъ ни пищи ему ни свободы,
Тѣснять его хладно (молча) кремнистые своды.
- 5: Такъ дѣтскую юность Законы тѣснять...
Такъ чуждые силы надъ нимъ тяготять...

Стихотв. верно изображаетъ горный мир: постепенный переходъ пустынныхъ снеговъ къ «злачнымъ долинамъ». *Арагва, Терекъ*—реки. О завоевании Кавказа русскими см. мысли П.—а «П. в Арзрумъ», т. II. Перепеч. изд. 1832 г., где начинается 3-ья часть.

13. ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

ДОРОЖНЫЕ СТИХИ.

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телегѣ, то пѣшкомъ?

Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ,

На каменьяхъ подѣ копытомъ,
На горѣ подѣ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подѣ разобранномъ мостомъ.

Иль чума меня подцѣпить,
Иль морозъ окостенить,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣ-
пить
Непроворный инвалидъ.

Иль въ лѣсу подѣ ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,
Иль со скуки околѣю
Гдѣ нибудь въ карантинѣ.

Долго ль мнѣ въ тоскѣ голод-
ной
Постъ невольный соблюдать,
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой разѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
Надосугѣ помышлять!

То ли дѣло рюмка рома,
Ночью сонъ, поутру чай;
То ли дѣло, братцы, дома!..
Ну, пошелъ же, погоняй!..

4 Октября.

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1832 г. и изд. 1832 г. Вар. «Сѣв. Цв.»:

Объ отставкѣ, о невѣстѣ,
О деревнѣ помышлять!

Яръ—ресторатор, *Мясницкая*—улица в Москвѣ. Загл. первое—в печати, второе—в рук. Вар. черн. авт., собр. Акад. Н., неизвестны. В карантинѣ П. провел три дня на пути из Арзрума в Тифлис; ср. письма 1830 г. П. в своей жизни ездил очень много, хотя ни разу не выезжал за пределы России. *Невѣстой* П.—а в 1829 г. уже была Н. Н. Гончарова, см. Вступ. оч. т. III.

Болдино.

Конец октября—начало ноября,

13. ОБВАЛЪ.

Avalanche.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумя и пѣнясь валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщеть борь,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разѣ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ.
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могущій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ
О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирипѣвъ,
Свои берега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудой лежалъ,
И Терекъ злой подѣ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкой шель:
 И конь скакалъ, и влекся вошь,
 И своего верблюда велъ
 Степной купецъ,
 Гдѣ нынѣ мчится лишь Эоль,
 Небесь жилецъ.

29 Октября 1830 г. 30 (октября—окончено.)

Напеч. 1831 г. Размер заимствован у англ. поэта Берри Корнуэля, см. дальше. Первое загл.—в печати, второе (франц.)—пояснение в рук. Вар. черн. авт., собр. Ак. Н., еще неизвестны. *Эоль*—ветер (в мифах—владыка ветров). Обвал, подобный описанному П—ым, произошел вскоре *после* проезда П—а и лежал, не тая, несколько лет, Стихотв. замечательно своей звукописью; звуки слов, размер, рифма—изображают описываемое (напр., быстроту явления слова: «загородил», «остановил»; скок коня и медленные движения вола ст. 2 посл. строфы, и т. под.) Перепеч. изд. 1832 г. как второе стихотв. тома.

14. ОЛЕГОВЪ ЩИТЬ.

Когда ко граду Константина
 Съ тобой, воинственный Варягъ,
 Пришла Славянская дружина
 И развила побѣды стягъ;
 Тогда во славу Руси ратной,
 Строптиву Греку въ стыдъ и страхъ,
 Ты пригвоздилъ свой щить булат-
 ной
 На Цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
 Твой путь мы снова обрѣли.
 Но днесь, когда мы вновь со славой
 Къ Стамбулу грозно притекли;
 Твой холмъ потрясся съ браннымъ
 гуломъ,
 Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
 И нашу рать передъ Стамбуломъ
 Твой старый щить остановилъ.
 (Сентябрь—октябрь, отделано).

Напеч. 1830 г. Вызвано Адрианопольским миром 2 сентября 1829 г.; *Варяг*— князь Олег, см. Часть 2. Есть предание, что Олег прибил свой щит к воротам Константинополя, тогда столицы Византийской (греческой) империи (у турок: Стамбул), в знак победы. Стихи П—а принимались некоторыми, как элая насмешка над графом Закревским (русским главнокомандующим) за то, что он не взял Стамбула. Ср. еще черн. набр. стихов по тому же поводу. Перепеч. изд. 1832 г.

Петроград.

Ноябрь—декабрь.

16. ЗИМА...

2 Ноября.

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
 Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
 Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
 Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
 Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
 Возиться съ старыми журналами сосѣда?
 Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
 И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
 Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
 Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилѣжными глазами;
 Кружимся, рыскаемъ, и поздней ужъ порой,
 Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
 Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
 Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
 По каплѣ, медленно, глотаю скуки ядъ.
 Читать хочу; глаза надъ буквами скользятъ,

А мысли далеко... Я книгу закрываю;
 Беру перо, сижу; насильно вырываю
 У Музы дремлющей несвязныя слова.
 Ко звуку звукъ нейдетъ... Теряю всѣ права
 Надъ рифмой, надъ моею прислужницею странной:
 Стихъ вяло тянется, холодный и туманный.
 Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
 Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
 О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ;
 Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
 Стальными спицами проворно шевеля,
 Иль про червоннаго гадаеъ короля.
 Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединенѣ!
 Но если подъ-вечеръ въ печальное селенье,
 Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
 Приѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
 Нежданая семья: старушка, двѣ дѣвицы
 (Двѣ бѣлокуроыя, двѣ стройныя сестрицы),
 Какъ оживляется глухая сторона!
 Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
 Сначала косвенно-внимательныя взоры,
 Потомъ словъ нѣскольکو, потомъ и разговоры,
 А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
 И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
 И взоры томныя, и вѣтренныя рѣчи,
 На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи;
 И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
 Открыта шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!
 Но бури сѣвера не вредны Руской розѣ.
 Какъ жарко поцѣлуй пылаеъ на морозѣ!
 Какъ дѣва Руская свѣжа въ пыли снѣговъ!
 2 Ноября 1829.

Напеч. 1830 г. Вар. черн. рук. не изучены; в ст. 1 было: «что дѣлать мнѣ...»
 Записано среди черн. «Путешествія въ Арзрумъ» и рядом со след. Изображенная обста-
 новка—не Болдино, где П. жил один; скорее Малинники-Павловсксе. Стихотв. замеча-
 тельно реализмом (правдивостью) описаний. Перепеч. изд. 1832 г.

17. ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце; день чудесный!
 Еще ты дремлешь, другъ прелест-
 ный—
 Пора, красавица, проснись:
 Открой сомкнуты нѣгой взоры,
 На встрѣчу сѣверной Авроры,
 Звѣздою сѣвера явись!

Вечоръ, ты помнишь, вьюга зли-
 лась,
 На мутномъ небѣ мгла носи-
 лась;
 Луна, какъ блѣдное пятно,
 Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
 И ты печальная сидѣла—
 А нынче... погляди въ окно:

Подъ голубыми небесами
 Великолѣпными коврами,
 Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
 Прозрачный лѣсъ одинъ чер-
 нѣетъ,
 И ель сквозь иней зеленѣетъ,
 И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Вся комната янтарнымъ блес-
 комъ
 Озарена. Веселымъ трескомъ
 Трещитъ затопленная печь.
 Приятно думать у лежанки.
 Но знаешь: не велѣтъ ли въ
 санки
 Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снѣгу,
 Другъ милый, предадимся бѣгу
 Нетерпѣливаго коня,
 И навѣстимъ поля пустыя,
 Лѣса, недавно столь густые,
 И берегъ, милый для меня.

3 Ноября.

Напеч. «Царское Село» 1830 г. Вар. черн. рук. не изучены; в стр. 4—«Коня Черка-
 скаго запречь?». *Аврора*—заря (у древних—богиня зари). Ср. примеч. к предыд. Перепеч.
 «Роза Граций» 1830 г. и изд. 1832 г.

18. ЭЛЕГИЧЕСКИЙ ОТРЫВОКЪ.

Поѣдемъ, я готовъ: куда бы вы, друзья,
 Куда бѣ ни вздумали, готовъ за вами я
 Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
 Къ подножію ль стѣны далекаго Китая,
 Въ кипящей ли Парижъ, туда ли наконецъ,
 Гдѣ Тасса не поеть уже ночной гребецъ,
 Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
 Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи,
 Повсюду я готовъ. Поѣдемъ... но, друзья,
 Скажите, въ странствіяхъ умереть ли страсть моя?
 Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
 Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
 Какъ дань привычную, любовь я принесу?

23 Декабря 1829.

Напеч. «Моск. Вѣстн.» 1830 г. и изд. 1832 г. В «Моск. В.» вар. — «недвижнаго
 Китая»; в рук.—«спокойнаго Китая». Вар. рук. не изучены; в рук. начато дальше:

Но полно,—разорву оковы я любви...

Вызвано временным разрывом с Н. Гончаровой, см. Вступ. оч. В Китай в 1829 г.
 снаряжалось русское посольство; П. просил позволения ехать с ним или в Париж, но
 получил отказ. *Тассо, ночной гребец* см. раньше: «Близъ мѣсть, гдѣ царствует...», «Кто
 знаетъ край...» и др. *Мощи древнихъ городовъ*—засыпанные пеплом Везувія города Пом-
 пѣя и Геркулан.

19. СТАНСЫ.

1. Брожу ли я вдоль улицъ шум-
 ныхъ,
 Вхожу ль во многолюдный храмъ,
 Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
 Я предаюсь моимъ мечтамъ.
2. Я говорю: промчатся годы,
 И сколько здѣсь ни видно насъ,
 Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны
 своды—
 И чей нибудь ужъ близокъ часъ.
3. Гляжу ль на дубъ уединенный,
 Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
 Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
 Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
4. Младенца ль милаго ласкаю,
 Уже я думаю: прости!
 Тебѣ я мѣсто уступаю:
 Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.
5. День каждый, каждую годину
 Привыкъ я думой провождать,
 Грядущей смерти годовщину
 Межъ нихъ стараясь угадать.
6. И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судь-
 бина:
 Въ бою ли, въ странствіи, въ вол-
 нахъ?
 Или сосѣдняя долина
 Мой приметъ охладѣлый прахъ?

7. И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бѣ хотѣлось почивать.
8. И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сиять.

26 Декабря 1829 года.

С.-Петербургъ, 3 часа 5 минутъ.

Напеч. «Лит. Газ.» 1830 г. под загл.: «Станцы», и изд. 1832 г., где загл.—в оглавлении. В «Лит. Газ.» стр. 5:—«Межъ ихъ...» Вар. рук. не изучены, среди них:

- После стр. 4: Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбѣжной
Всегда близка, всегда со мной.
- 5: Но не вотще меня знакомить
Съ могилой ясная мечта...

Мысли о смерти у П. см. черн. набр.; «Ничтожество», «Придетъ ужасный мигъ...» и мн. др.; ср. также «Дорожныя жалобы» выше, Стр. 8—примирение с молодой жизнью, идущей на смену; ср. сходные мысли раньше.

20. ЗАГАДКА.

ПРИ ПОСЫЛКѢ БРОНЗОВАГО СФИНКСА.

Кто на снѣгахъ возрастилъ Теокрытовы нѣжныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, родомъ Германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши!

Напеч. 1830 г. Обращено к Дельвигу, немцу (германцу)—родом, русскому (славянину)—по языку и подданству, греку—по духу своей поэзии. В авт., ныне утраченном, было (сообщ. Е. Ф. Розена, издателя «Царск. Села» на 1830 г.):

Кто Славянинъ молодой, духомъ Грекъ, родомъ Германецъ...

Исправлено не П—ым, при чем добавлено было еще: «а родомъ»; нами это «а» выпущеной но сохранена перестановка слов, необходимая для размера. *Теокрытъ*—др.-греческие поэт. *Эдипъ*, по мифу, разгадал трудную загадку чудовища *Сфинкса*. Античное предание говорит, что на земле сменялись века: золотой, серебряный, медный железный. Пѣрепеч. изд. 1832 г. Загл. первое—«Ц. С.»; второе—подзаголовок и изд. 1832 г.

21—30. Эпиграммы 1829 года.

21—24. На Каченовскаго.

I. ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ элизіи Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій,
Свои статьи Елагинъ обѣщаль;
Кургановъ самъ надъ критикой хлопочеть,
Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочеть;
И, говорятъ, надняхъ они начнутъ,
Благословясь, сей преполезный трудъ—
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чтобъ подоспѣлъ Михайло Каченовскій.

II.

Обиженный журналами жестоко,
Зоиль Пахомъ печалился глубоко.
Вотъ подаль онъ на цензора доносъ;
Но цензоръ правъ; намъ смѣхъ, Зоилу носъ.

Иная брань, конечно, неприличность.
 Нельзя сказать: „*такой-то-де старикъ,*
Козель въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
И золь, и подль“—все это будетъ личность;
 Но можете печатать, напимърь,
 Что „*господинъ парнасскій старовъръ*
 Въ своихъ статьяхъ нелѣпицы ораторъ,
 Отмѣнно вяль, отмѣнно скучновать,
 Тяжеловать и даже глуповать“:
 Тутъ не лицо, а только литераторъ.

III.

Тамъ, гдѣ древнѣй Кочерговскій	Дурень, къ солнцу ставъ спиною
Надъ Ролленемъ опочилъ,	Подъ холодный „Вѣстникъ“ свой,
Дней новѣйшихъ Тредьяковскій	Прыскаль мертвою водою,
Колдовалъ и ворожилъ:	Прыскаль вжицу живой.

IV.

Какъ сатирой безымянной	Справедливы ль эти слухи?
Ликъ Зоила я пятналъ,	Отвѣчалъ онъ? Точно ль такъ?
Признаюсь: на вызовъ бранной	Въ полученьи оплеухи
Возраженій я не ждалъ.	Разписался мой дуракъ?

Напеч. I—«Подснѣжникъ», II—IV—«Моск. Телегр.» 1829 г. I отнесено Акад. изд. к 1825 г. на основании письма, выражения кот. неопределенны; но в беловом авт. дата: 1829 г., впрочем, зачеркнутая; по ходу журнальной полемики принадлежит тому году, в кот. напеч. II, вызвано доносом Каченовского на цензора С. Глинку, III—введением Каченовским в «Вѣстн. Евр.» особаго правописанія, IV—пошлыми эпиграммами «Вѣстн. Евр.» В «Моск. Телегр.» вар. IV:

Какъ сатирой безымянной
 Ликъ Сатира я пятналъ...

I, чтобы высмеять Каченовского, представляет, что его нетерпеливо ждут «на том светѣ» бездарные писатели XVIII в.: поэт *Тредьяковскій*, (см. раньше); поэт и переводчик *Н. Н. Поповскій*; автор скучнаго «Опыта повествованій о Россіи» *И. П. Елагинъ* и глупаго «Письмовника» (о кот. см. еще «Ист. с. Горюхина», т. III) *Н. Г. Кургановъ*. III. *Ролленъ*—франц. писатель, автор многотомной истории Рима. *Кочерговскій*—переводчик этой истории. *М. Т. Каченовскій*, недобросовѣстный журналист, см. раньше (начиная эпиграммой 1818 г.) *Пахомъ*—условное имя, ср. «Доброй человѣкъ» (пер. I, B). *Зоиль. Сатиръ* и др. см. раньше. Подробности см. письма, т. III. Перепеч. изд. 1832 г. I и IV.

25—27. НА НАДЕЖДИНА.

I.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ:	И Фебу вслухъ прочель Горацій,
„Охота есть, да мало мозгу.	Кусая губы, первый листь.
А сколько лѣтъ ему, вопросъ?“	Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Пятнадцать.—„Только-то? Эй, розгу!“	Сердито Фебъ его прервалъ,
Засимъ принесъ семинаристъ	И тотчасъ взрослога болвана
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,	Поставить въ палки приказалъ.

II. ПРИТЧА.

Но видно по всему, что онъ семинаристъ.

Дмитріевъ.

Картину разъ высматривалъ сапожникъ,
 И въ обуви ошибку указалъ;
 Взявъ тотчасъ кисть, изправился художникъ.
 Вотъ, подбочась, сапожникъ продолжалъ:
 „Мнѣ кажется, лицо немного криво...
 А эта грудь не слишкомъ ли нага?“
 Но Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:
 „Суди, дружокъ, не свыше сапога.“

Есть у меня пріятель на примѣтъ:
 Не вѣдаю, въ какомъ бы онъ предметѣ
 Былъ знатокомъ, хоть строгъ онъ на словахъ;
 Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ:
 Попробуй онъ судить о сапогахъ.

III.

Надѣясь на мое презрѣнье,
 Съдой Зоиль меня ругаль,
 Но, потерявъ уже терпѣнье,
 Я эпиграммой отвѣчалъ.
 И, возгоря желаньемъ славы,
 Теперь надѣясь на отвѣтъ,

Журнальный шутъ, холопъ лукавый,
 Ругать бы также сталъ... О, нѣтъ!
 Пусть онъ, какъ бѣсъ передъ обѣдной
 Себѣ покоя не даетъ:
 Лакей сиди себѣ въ передней,
 А будетъ съ бариниою разсчетъ.

Напеч. I при жизни П—а, «Сѣв. Цв.» 1830 г.; II—тоже, «Совр.» 1836 г.; III—1884 г. Н. И. Надеждинъ (1804—1856 г.)— журналист-критик (псевдоним «Надсумко»), резко критиковавший «Полтаву» П—а. I—как бы продолжение эпиграммы В. Л. Пушкина, на которую сослался Надеждин в одной статьѣ. II—античный анекдот, рассказанный Плинием Ст.; у римлян была и поговорка: «суди не выше сапога». *Апеллесъ*—великий художник древности. III. *Баринъ*—Каченовский, перед кот. Надеждин заискивал. Сохранилось в вт. II, под. загл. «Сапожникъ», и III, под загл. «Эпиграмма». При жизни П—а не перепеч

28. КЪ N. N.

Щаствливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
 Въ службѣ, въ картахъ и въ пирахъ;
 Ты St.-Priest въ карикатурахъ,
 Ты Нелединскій въ стихахъ;
 Ты прострѣленъ на дуэль,
 Ты разрубленъ на войнѣ—
 Хоть герой ты въ самомъ дѣлѣ,
 Но повѣса ты вполне.

[На Кавказскихъ водахъ].

Напеч. 1830 г. и изд. 1832 г. без загл.; помета сообщена Анненковым. К кому обращено, не выяснено. *St.-Priest*, т.-е. *Сень-При*, славился «в свете» своими карикатурами. *Нелединскій-Мелецкій*—сентиментальный поэт, см. раньше.

29. ПОЭТЪ-ИГРОКЪ...

Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Гораций,
 Проигрывалъ ты кучи ассигнацій,
 И серебро, наслѣдіе отцовъ,
 И лошадей, и даже кучеровъ;
 И съ радостью на карту—на злодѣйку
 Поставилъ бы тетрадь своихъ стиховъ,
 Когда бъ твой стихъ ходилъ хотя въ копѣйку.

[На Кавказскихъ водахъ].

Напеч. 1857 г. Обращено, вероятно, к Великопольскому, см. раньше. *Беверлей*—пѣса из жизни игрока, имевшая успех. О помете, как предъд.

30. ПЕРЕДЪ БЮСТОМЪ ЗАВОЕВАТЕЛЯ.

[НА АЛЕКСАНДРА I.]

Напрасно видятъ тутъ ошибку:
 Рука искусства навела
 На мраморъ этихъ устъ улыбку,
 И гнѣвъ на хладный лоскъ чела.
 Недаромъ ликъ сей двузыченъ;
 Таковъ и былъ сей властелинъ:
 Къ противочувствіямъ привыченъ,
 Въ лицѣ и въ жизни *арлекинъ*.

[На Кавказѣ].

Напеч. 1855 г. Обращено к бюсту Александра I, виденному П—ым где-то на Кавказѣ.

31—32. НА КАРТИНКИ КЪ „ЕВГЕНЮ ОНЪГИНУ“.

I.

Вотъ перешедши мость Кокушкинъ,
 Опершись задомъ о гранить,
 Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
 Съ мосьё Онѣгинымъ стоить.
 Неудостойвая взглядомъ
 Твердыню власти роковой,
 Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ:
 Не плюй въ колодезь, милый мой!

II.

Сосокъ чернѣеть сквозь рубашку
 Наружу . . . . . милый видъ!
 Татьяна мнетъ въ рукѣ бумажку,
 Зане—животь у ней болитъ.
 Она затѣмъ поутру встала
 При блѣдныхъ мѣсяца лучахъ
 И на . . . . . изорвала
 Конечно Невскій Альманахъ.

[На Кавказскихъ водахъ].

К «Невскому Альм.» 1829 г. было приложено 6 гравюр к «Евг. Онѣг.», из них две, на кот. П—ым написаны эпиграммы. В I ст. 2—изменение самого П—а, в подл. рук.: «Опершись . . . . .» Помета, как в 26 и 27. Напеч. неполно 1876 г. *Твердыня власти*—Петропавловская крепость. Все 6 гравюр воспроизведены в нашем изд., Часть 2. П. сам нарисовалъ проект 1-го рис., пометив цифрами фигуры и предметы и подписав: «1. Хорошь. 2. Долженъ быть опершись на гранить. 3. Лодка. 4. Крѣпость Петропавловская.»

Отдел II. А. Незаконченные и необработанные стихотворения 1829 года.

1829 ГОД.

1. ВОСПОМИНАНИЕ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

1. Воспоминаньями смущенный,
 Исполненъ сладкою тоской,
 Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
 Вхожу съ поникшею главой!
 Такъ отрокъ Библии—безумный разточитель—
 До капли изтощивъ разкаянья фіаль,
 Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
 Главой поникъ и зарыдалъ!

2. Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
 Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
 О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
 За недоступныя мечты!
 И долго я блуждалъ, и часто, утомленный,
 Разкаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
 Я думалъ о тебѣ, приютъ благословенный,
 Воображалъ сіи сады!

3. Воображалъ сей день щастливый,
 Когда средь нихъ возникъ Лицей,
 И слышалъ снова шумъ игривый,
 И видѣлъ вновь семью друзей!
 Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнливымъ,
 Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
 Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ...
 Поэтому забывался я!

4. И славныхъ лѣтъ передо мною
 Являлись вѣчные слѣды:
 Еще исполнены Великою Женою,
 Ея любимые сады.
 Стоять, населены чертогами, столпами,
 Гробницами друзей, кумирами боговъ,
 И славою мраморной, и мѣдными хвалами
 Екатерининныхъ орловъ!..

5. Садятся призраки героевъ
 У посвященныхъ имъ столповъ;
 Смотрите: вотъ герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
 Перунъ Кагульскихъ береговъ!
 Вотъ, вотъ могучій вождь полунощнаго флага,
 Предъ кѣмъ морей пожаръ и плавалы, и леталы!
 Вотъ вѣрный братъ его, герой Архипелага,
 Вотъ Наваринскій Ганнибалы!..

6. Среди святыхъ воспоминаній
 Я здѣсь безпечно возрасталъ,
 А глухо, между тѣмъ, потокъ народной брани
 Ужъ волновался и ропталъ.
 Россію обняла кровавая забота,
 И мимо нашихъ рощъ текли за строемъ строй
 И тучи конныя, и тяжкая пѣхота,
 И пушекъ свѣтлые ряды.

7. ... На нихъ завистливо взирали,
 Ловили брани дивный звукъ
 И негодуя мы . . . . . проклинали
 И дѣтскія лѣта...
 И узы мирныя наукъ.
 И многихъ не прошло при звукахъ пѣсней новыхъ.
 Почили вѣчнымъ сномъ въ поляхъ Бородина,
 На Кульмскихъ высотахъ, въ лѣсахъ, горахъ суровыхъ,
 У стѣнъ Парижа...
 Вблизи Монмартра...

[После 4-й строфы:] 14 Декабря 1829. С.-Петербургъ.

Сохранилось в двух авт.: первый 1828 г. начинается:

Какъ древле юный разточитель,

второй дает дату после 4-й строфы; далее исчерканная черн.; строфы 6 и 7—по чтению Н. Лернера. *Отрокъ Библии*—блудный сын евангельской притчи. *Великая жена*—Екатерина II. *Перунъ Кагульскихъ береговъ*—Румянцев, см. раньше. *Могучій вождь*—Алексей Орлов, победитель под Чесмою. *Братъ его*—Федор Орлов, победитель при о-ве Гидре, в Архипелаге. *И. А. Ганнибалъ*—дед П—а, победитель при Наварине 1770 г., см. Вступ. оч. и т. III, статьи. Последним из названных поставлены памятники в Царском Селе. *Бородино*, *Кульмъ*—места сражений 1812—1813 г. *Монмартръ*—предмѣстье Парижа. *Перунъ*, здесь,—гром (бог громовник у славян, см. раньше, «Воспоминанія въ Ц. С.» 1814 г.) Мальчики-лицейсты, действительно, мечтали участвовать в «Отечественной» войне. Напеч. начало 1855 г.; полнее в нашем изд. *впервые*.

2. ВЪ ПРОХЛАДѢ СЛАДОСТНЫХЪ ФОНТАНОВЪ...

1. Въ прохладѣ сладостныхъ фонтановъ
И стѣнь, обрызганныхъ кругомъ,
Поэтъ, бывало, тѣшилъ Хановъ
Стиховъ гремучимъ жемчугомъ.
2. На пирѣ легкаго веселья
Низаль онъ хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.
3. Недаромъ Крымъ любилъ Саади:
Порой восточной краснобай
Здѣсь развиваль свои тетради
И удивляль Бахчисарай.
4. Его рассказы разстилались,
Какъ Эриванскіе ковры,
И ими живо украшались
Гиреевъ Ханскіе пиры.
5. Но ни одинъ волшебникъ милой,
Безпечной сѣятель даровъ,
Не вымышляль съ такою силой,
Такъ хитро, сказокъ и стиховъ, —
6. Какъ прозорливый и крылатый
Поэтъ той чудной стороны,
Гдѣ мужи грозны и косматы,
А дѣвы Гуріямъ равны!

С автографа, крайне исчерканного, где много вар.:

Строфа 1: (При шумѣ...) Подъ шумъ... живыхъ фонтановъ...
Восточной пѣсню оглащаль...

3: И разточаль свои алмазы...
И на коврѣ, въ тиши харемовъ...
И вдохновеньемъ [наполняль]...

4: Онъ разстилаль свои рассказы
Какъ наши пестрые ковры...
Какъ Цареградскіе ковры...
Гиреевъ тихіе пиры...

5: Но ни одинъ поэтъ восточный...
Своихъ рассказовъ и стиховъ...

6: Какъ ты, сынъ . . . . . богатый...
А жены Гуріямъ равны...

Записано среди набросковъ 1828 г., но, вѣроятно, вызвано путешествіемъ 1829 г. Саади—известный персидскій поэт XII в., не раз упоминаемый П—ым. Гуріи—девы магметанскаго рая. Эривань в прошлые века была значительнымъ городомъ. Гирей—обычное, почти нарицательное имя хановъ; см. «Бахч. Фонтъ», Часть 2. Напеч. 1911 г.; полное с авт. в нашемъ изд. впервые.

Б. Черновые наброски 1829 года.

Напеч. Анненковымъ 1855 г., «Русс. Стар.» 1884 г., И. Шляпкинымъ 1903 г., в изд. «П. и его современники».

1—2. ПРОДОЛЖЕНІЕ „ЭЛЕГИЧЕСКАГО ОТРЫВКА“.

[На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла...]

I.

Со мной одни воспоминанья.
Прошли забытые . . . . . дни многихъ лѣтъ.
Гдѣ вы, знакомыя, безцѣнные созданья?
Иныя далеко, иныхъ ужъ въ мірѣ нѣтъ.
Я твой по-[прежнему], я вновь тебя люблю,
И безъ надеждъ и безъ желаній,
Безъ темной ревности . . . . Чиста моя любовь
И нѣжность дѣвственныхъ мечтаній.

Ст. 1—записанъ отдѣльно. 2, м. б.,—два стиха. 7—тоже. 5—«(Вновь) Я снова... Я твѣй по...» 9—«И тихой жаръ моихъ мечтаній...» Напеч. 1903 г.; в связанномъ видѣ—в нашемъ изд. впервые. К кому обращено, см. «Отрывокъ» 1829 г.

II.

И чувствую душа въ сей часъ
Твоей любви, тебя достойна,
Зачѣмъ же не всегда . . . . .
Чиста, печальна и спокойна?

М. б., связано с предыд. Печатаем по списку Анненкова. Напеч. 1884 г. по авт.; авт. ст. 1—«душа [моя]»; ст. 3—«всегда [она]».

III.

Зорю бьютъ... Изъ рукъ моихъ	Звукъ привычный, звукъ живой!
Вѣтхой Данте выпадаетъ;	Сколь ты часто раздавался
На устахъ начатый стихъ	Тамъ, гдѣ тихо развивался
Недочитанный затихъ...	Я давнишнею порой!...
Умъ далече улетаетъ...	[25 мая?]

В рук. вар.: «Мысль далече (Духъ и сердце, улетаетъ...)» Данте—великий итальянский поэт, см. раньше и дальше. *Вѣтхой*, м. б.,—экземпляр книги. *Звукъ*—бой зари на барабане, что П. постоянно слышал в Лицее. Напеч. 1884 г.

IV.

Былъ и я среди Донцовъ,	Съ нею рядомъ на стѣнѣ
Гналъ и я Османовъ шайку;	Я повѣшу и нагайку.
Въ память боевъ и пировъ,	Что таится отъ друзей?
Я домой привезъ нагайку.	Я люблю свою хозяйку:
На походѣ, на войнѣ	Часто думалъ я объ ней,
Сохранилъ я балалайку—	И берегъ свою нагайку...

В рук. вар.: «Я привезъ домой нагайку...»; «Часто дома въ тишинѣ...»; «Дома . . . . . въ тишинѣ...»; «На дорогахъ, на войнѣ...» *Османы*—турки. Стихотв.—подражание казацкой песне. Напеч. 1855 г.

V.

Критонъ, роскошный гражданинъ	Она съ улыбкою глядитъ,
Очаровательныхъ Афинъ,	Ужъ онъ влюбленъ, ужъ онъ
Во цвѣтѣ жизни предавался	горитъ,
Всѣмъ упоеньямъ бытія...	Поспѣшно слѣдуетъ за [нею...]
Однажды—слушайте, друзья!—	Предъ ними домъ . . . . .
Онъ по Керамику скитадся	Она на мигъ остановилась
И вдругъ изъ роши вѣковой,	И въ дверь вошла. Недвижимъ онъ
Красою дѣвственной блистая,	Глядитъ на дверь, куда какъ
Въ одеждѣ легкой и простой	сонъ
Явилась Нимфа молодая...	Его красавица сокрылась...

14 Юля. Арзрумъ, баня, чума.—16 Юня.

В рук. некоторые слова зачеркнуты. Вторая помета, м. б., не относится к стихотв. Записано рядом с предыд. *Критонъ*—вымышленное имя, обычное в др. Афинах. *Керамикъ*—картинная галлерей в др. Афинах. Сюжет—вымысел, а не изложение античнаго преданія. *Чума* см. «П. в Арзрумъ», т. II. Напеч.—1855 г.

6—7. КЪ ФОНТАНУ.

I.

Кто бъ ни былъ ты, хожа, пловецъ,
Или ловецъ, томимой жаждой,
Или пастухъ, земли жилецъ,
Или усталый мореходецъ,
Приди и пей . . . . .
Сей бѣломраморный фонтанъ,
Стиховъ узоромъ изпещренный,
Желѣзной ковшикъ . . . . .
. . . . . цѣпью прикрѣпленный...

II.

Кто ъ ни былъ ты, пастухъ, рыбакъ,
 Хожа иль путникъ утомленный,
 Приди и пей . . . . .
 Сооруженъ (для) мусульманъ
 Сей бѣломраморный фонтанъ
 Съ ковшемъ желѣзнымъ . . . .

8. КЛЮЧЬ.

. . . . . въ пустынь.
 Пробился ключь. . . . .
 Обложенъ камнями прямыми...

Напеч. 1908 г. И. Шляпкиным по авт., относящим набросок к «Фонтану» к 1829 г.; на обороте авт. «Ключь» — черн. письмо к Бенкендорфу 1830 г. Колодцы на Востоке священны, и над ними обычно делается надпись из Корана по-арабски. Полно в наше изд. включено *впервые*.

9—10. ВО ВРЕМЯ ОНОЕ, БЫЛОЕ.

I.

Во время оное, былое!..	Меня привѣтствовалъ ты шумно
Въ тѣ дни ты зналъ меня, Кавказъ,	И Терекъ свирѣпый ревъ
Въ свое святилище глухое	И эха заунывный хохотъ
Ты призывалъ меня неразъ.	. . . . . твой пѣвецъ
Въ тебя влюбленъ я былъ безумно,	. . . . . вѣнецъ.

II.

И вотъ, ущелье мрачныхъ скалъ
 Предъ нами ширѣ становится—
 И тише Терекъ злой стремится—
 Лучъ солнца ярче засіялъ.
 . . . . .

Два отрывка, м. б., одного стихотв. Второй—«длинный и весь исчерканный» (опис. В. Якушкина). Вар. авт. еще не изучены, напеч. 1884 г., как и след. 11—13.

11. СТРАШНО И СКУЧНО.

Страшно и скучно	Тучи да снѣгъ—
Здѣсь новоселье,	Небо чуть свѣтитъ,
Путь и ночлегъ—	Какъ изъ тюрьмы—
Тѣсно и душно	Терекъ шумить...
Въ дымномъ ущельѣ—	

Как в предыд.; «много стихов исчерканных» (оттуда же). Вызвано 6—11 впечатлениями путешествия.

12. ЗА ЧѢМЪ ЕЛЕНА, ТАКЪ ПУГЛИВО...

За чѣмъ, Елена, такъ пугливо
 Ты всюду слѣдуешь за мной—
 И надзираешь торопливо
 Мой каждый шагъ и взоръ? Я твой...

В рук: «...каждый взоръ...» и вар. ст. 1: «За чѣмъ такъ быстро, такъ ревниво...» Кто *Елена*, не выяснено. См. предыд.

13. УЖЬ ОСЕНЬ...

Ужь осень холодомъ дохнула—
 На обнаженные поля
 Уже дубрава отряхнула
 Послѣдній листь вѣтвей; земля
 Прохвачена морозомъ по утрамъ...

.....
 Какъ быстро въ полѣ, вокругъ открытомъ,
 Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
 Какъ звонко подъ его копытомъ
 Земля промерзлая звучитъ!
 Какъ онъ взвился, ретивой, смѣлой
 Черезъ потокъ оледенѣлой...

.....
 Полезенъ русскому здоровью
 Нашъ укрѣпительный морозъ:
 Ланиты, ярче вешнихъ розъ,
 Играютъ холодомъ и кровью.
 Печальны лѣсъ и долъ завялый,
 Проглянетъ день—и ужь темно,
 И будто путникъ запоздалый
 Стучится буря къ намъ въ окно.

[Ноябрь.]

В рук. мелкие вар.: «Послѣдній листь, уже земля...» и т. под. В связи со стихотв. 1829 г.: «Зима» (2 ноября); «Морозъ и солнце...» (3 ноября) и др. См. эти стихотв. и предыд.

14. ЖЕНИТЬБА.

Женись—на комъ—на Вѣрѣ Чацкой—
 Стара—на Солиной—проста—
 На Хальской—смѣхъ у ней дурацкой—
 На Шйповой—бѣдна, толста—
 На Минской—слишкомъ тяжело дышетъ—
 На Торбиной—романы пишетъ—
 На Машѣ Ланской—что за тонъ—
 Ужимокъ [и] гримасъ, миллионъ,
 На Сицкой—что [же] за семейство,
 У нихъ орѣхи подаютъ,
 Да кислы щи въ театрѣ пьютъ,
 Мать . . . . ., отецъ дуракъ—
 Ну, такъ [на] Ленской—какъ не такъ—
 Приму въ родство себѣ лакейство....

[Декабрь.]

В рук. мелкие вар.: принятые поправки—Ефремова. Первоначально было: ст. 2—«На Съдиной»; 3—«На Ржевской,—что за смѣхъ дурацкой...»; 4—«стара, толста...»; 6—«посланья пишетъ»; 7—«На Ухарской...»; 8—

Затѣй, гримасъ... миллионъ...
 Шалуныя.... будетъ насъ учить,
 [Какъ] мальчика....

10—«Въ театрѣ пьютъ...»; 14—«Приму родню....» Вызвано или действительными планами женитьбы 1829 г., или—как подпись под распространенной картинкой. Имена вымышленные, но намекают на действительных лиц. Напеч. 1903 г.

15. НАЧАЛО ПѢСНИ.

— „Полюби меня, дѣвица!“
 — Что же скажетъ вся станица?
 Я съ другимъ обручена.
 — „Твой женихъ теперь далече...“

Подражание или запись народной песни. Напеч. 1884 г.

16—18. ОТРЫВОЧНЫЕ СТРОКИ.

I. ИЗЪ БАЙРОНА.

То было вскорѣ послѣ боя,
 Какъ счастье . . . . .
 Когда покинуло Героя.
 Кругомъ лежала рать побитая, въ крови.
 И Власть и Слава измѣнили,
 Какъ ихъ поклонники.... [и] перешли
 На сторону Царя [и] торжества....

В авт. вар.:

.... бросило Героя.... и рать...
 .... на крови.... кругомъ...
 Какъ будто смерти намѣнили (перебѣжали)
 Родъ лучш[ихъ].....
 Подобно людямъ ихъ.....
 На Царскую..... перешло....

II.

.....
 О сколько вамъ открытій чудныхъ
 Готовить просвѣщенный духъ
 И опытъ . . . . .

III.

Благословенъ и день и часъ,
 Когда, поэтъ, въ горахъ Кавказа
 Судьба соединила насъ.

25 Мая Коби.

19. НАЧАЛО ОТРЫВКА.

IV.

Благословенъ твой новый путь....
 .....

Душетъ, 27 Мая [1829 г.]

I. Начало перевода первых стихов поэмы Байрона «Мазепа», взятых эпиграфом к «Полтаве». II—опис. Якушкина, конец черн. наброска. III—с авт.; «поэтъ»—предположительно; ст. 2 раньше было: «Когда Судьба...» Помета: «25 Мая Коби» относится не к стихам, а к рис. на той же стран. IV—собр. Ак. Н., еще недоступное исследователям; *Душетъ*—по дороге к Тифлису. Напеч. I—1903 г., II и III—1884 г., IV—1906 г.; IV. м. б., связано со II. В нашем изд. I полностью III точнее напеч. *первые*.

ПЕРИОД ДЕВЯТЫЙ.

ВРЕМЯ ПЕРЕД ЖЕНИТЬБОЙ И ПРЕБЫВАНИЕ В БОЛДИНЕ, 1830 ГОД.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворения.

1830 ГОД.

Петроград, Москва, опять Петроград, опять Москва.

Январь—август.

1. ОТВѢТЬ.

Я васъ узналъ, о мой оракуль!
Не по узорной пестротѣ
Сихъ недописанныхъ каракуль;
Но по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ... столь неправымъ
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхище-
ньемъ

Я перечитываю васъ
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора! въ Москву! въ Москву сей
часъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылой,
Здѣсь рѣчи — ледъ, сердца — гра-
нить;
Здѣсь нѣтъ ни вѣтренности милой,
Ни Музъ, ни Прѣсни, ни Харитъ.
Январь.

Напеч. 1830 г. и изд. 1832 г. Обращено к Ек. Н. Ушаковой, о кот. см. раньше. *Прѣсня* (в изд. при П—е: «Пр***») — улица в Москве, где жили Ушаковы, *Музы* и *Хариты* (см. Общ. прим.) — поэзия и изящество. В авт. неизвестно.

2. СТАНСЫ

МИТРОПОЛИТУ МОСКОВСКОМУ ФИЛАРЕТУ НА ПЕРЕДѢЛКУ ИМЪ СТИХОТВОРЕНІЯ
„26 МАЯ 1828“.

19 Января.

Въ часы забавъ иль праздной
скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Вѣрять изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Я лилъ потоки слезъ неждан-
ныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку стираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

19 Января 1830. С.-Петербургъ.

Напеч. «Лит. Газ.» 1830 г. с полным загл.: «Станцы» и т. д. и изд. 1832 г. без загл., но с датой. В авт. не сохранилось; напеч. по списку, вар. строфы 5: «душа согрѣта» — «арфѣ Филарета» — сомнителен. Филарет написал переложение стихотв. «26 Мая 1828 г.», где говорит: «Жизнь отъ Бога намъ дана», «Самъ я виноват во всем, и т. под. Ответ П — а более — вежливость, нежели выражение чувств, объясняется тем, что у поэта и митрополита была общая «приятельница», Елиз. Хитрово (см. дальше), пылавшая, по словам Вяземского, «к одному (Филарету) христианскою, а к другому (П — у) языческою любовью».

3. КЪ ВЕЛЬМОЖЪ.

ПОСЛАНИЕ КЪ КНЯЗЮ Н. В. ЮСУПОВУ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЕ.

Москва.

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая мѣръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣтъ липа,
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я; увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.
Ты понялъ жизни цѣль: щастливый человѣкъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней — и Циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ разточалъ избытокъ,
Ты леств его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростяся, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтренымъ Дворомъ окружена.
Ты помнишь Трианонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То читатель Промысла, то Скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ на шаткѣй свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгъ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной аею иль деисту,
Какъ любопытный Скиѳъ Аѳинскому Софисту.
Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
 Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
 Подобный своему чудесному герою,
 Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.
 Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
 Онъ сталъ разсказывать о ножкахъ, о глазахъ,
 О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно;
 Гдѣ жизнь лѣнивая проходить сладострастно,
 Какъ пылкій, отрока восторговъ полный, сонъ;
 Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
 Глядятъ и, не страшась ревниваго Испанца,
 Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
 И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
 Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
 Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ...
 О, разскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
 Съ любовью набожность умильно сочетать,
 Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
 Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
 Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
 Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
 Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащѣмъ.

Все измѣнилось. Ты видѣлъ вихоръ бури,
 Паденіе всего, союзъ Ума и Фуриі;
 Свободой грозною воздвигнутый законъ,
 Подъ гильотиною Версаль и Трианонъ,
 И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
 Преобразился міръ при громахъ новой славы.
 Давно Ферней умолкъ. Приятель твой Вольтеръ,
 Превратности судебъ разительный примѣръ,
 Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
 Донынѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
 Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
 Энциклопедіи скептической причетъ,
 И колкій Бомарше, и твой безносый Касти,
 Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
 Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
 Все новое кипитъ, бывшее изтребя.
 Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
 Едва опомнились младыя поколѣнья.
 Жестокихъ опытовъ собирая поздній плодъ,
 Они торопятся съ расходомъ свестъ приходъ.
 Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
 Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
 Звукъ лиры Байрона развлечъ едва ихъ могъ.

Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
 Я вдругъ переносусь во дни Екатерины.
 Книгохранилище, кумиры, и картины,
 И стройные сады свидѣлствуютъ мнѣ,
 Что благосклонствуешь ты Музамъ въ тишинѣ,
 Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
 Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной
 Исполненъ юности. Вліянье красоты
 Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
 И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой.
 Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
 Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,

Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразной.

Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для Музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи Римскіе встрѣчали свой закатъ,
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

Москва 1830.

Напеч. «Литер. Газ.» 1830 г. под вторымъ загл., изд. 1832 г. под первымъ с указанием «Москва» и под 1830 г.; в списке, о кот. выше, отнесено к 1829 г., когда, м. б., начато. Мы сохраняемъ дату изд. Вар. черн. рук. не изучены. В «Лит. Газ.» вар.: «Въ тѣни сапфирныхъ бань...» Для изд. 1832 г. П. изменил: «порфирныхъ еермъ», но потомъ восстановилъ: «бань». *Архангельское*—имение Юсуповыхъ с прекраснымъ паркомъ, дворцомъ и картинной галлереей. *Аристиппъ*, предшественникъ Эпикура, см. раньше. *Увѣнчанная Жена*—Екатерина II. *Ферней*—местопребываніе Вольтера, названного здѣсь *Циникъ поспѣдлый*. *Версаль*—дворецъ французскихъ королей. *Армида молодая*—королева Франціи, Марія Антуанетта (*Армида*—героиня поэмы Тассо). *Трианонъ*—сельскій дворецъ франц. королей. *Скептикъ*—пошвергающій все сомнению (в древности—особая философская школа скептиков). *Дидеротъ* (правильнее: Дидро)—франц. мыслитель и писатель XVIII в. *Софисты*—в др.-Греціи философская школа. П. намекаетъ на популярный романъ о путешествіи скифа (скифы в древности жили в Ю. Россіи) Анахарсиса в др.-Афины и на стихи о немъ Вольтера. *Двойственный соборъ*—две палаты: лордовъ и общин. *Темза*—река, на кот. стоитъ Лондон. *Бомарше*—франц. авторъ комедій; его *герой*—Фигаро. *Севилла*, т.-е. Севилья,—городъ в Испаніи. *Вихорь бури*—Вел. франц. революція. *Баронъ д'Ольбахъ*, *Морле*—франц. писатели, близкіе к Дидро и его школе «энциклопедистовъ»: они сотрудничали в изданной Дидро знаменитой «Энциклопедіи». *Гальяни*—итальянскій сатирик. *Касты*—итальянскій писатель, авторъ эротическихъ повестей. *Темира*—условное имя. *Корреджіо*—знаменитый итальянскій художникъ. *Канова*—скульпторъ. *А. В. Алябьева*, вполс. Киреева—москвская красавица. *Н. Н. Гончарова*—тожъ, вполс. жена П—а. В изд. при жизни П—а вместо фамилийъ стояло: А*** и ***. *Циникъ*, *Фури*, *Байронъ*, *консулъ*, *диктаторъ* и др. об. раньше. *Авей* (атеистъ)—отрицающій Бога; *деисты*—философы, признававшіе Бога вне определенной религіи. *Съ кладбища на кладбище*: пражъ Вольтера несколько разъ перевозили на другое место. Кн. Ник. Бор. *Юсуповъ*, сенаторъ, членъ Госуд. Совета, доживалъ тогда свои дни в Москвѣ, где былъ управляющимъ кремлевскими зданіями, и в подмосковномъ имении Архангельскомъ. Посланіе П—а вызвало едкіе нападки на него в печати; поэта обвиняли в низкопоклонствѣ; его отвѣтъ см. след. Посланіе замѣчательно какъ яркая и полная характеристика XVIII в. передъ Вел. революціей.

4. ПОЭТУ.

НАГРАДЫ. СОНЕТЪ.

1. Поэты не дорожи любовію народной.
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной:
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
2. Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородной.
3. Онъ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
4. Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранить,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

1 Июля 1830.

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1831 г. и изд. 1832 г.; в «С. Ц.» загл.: «Поэту. Сонетъ»; в изд.: «Поэту»; в черн. рук.: «Сонетъ—Награды». В рук. вар.:

Строфа 1: Восторговъ и похвалъ пройдетъ минутный шумъ ..
Услышишь судъ глупца и черни смѣхъ холодной...

- Строфа 2: (Какъ царь живи одинъ. Твори душой свободной)...
 Какъ царь живи одинъ. Ступай стезей свободной,
 Куда тебя влечетъ твой дѣятельный умъ;
 (Иди, куда влечетъ тебя твой свѣтлой умъ)...
 Твори, питая жаръ глубокихъ, чистыхъ думъ...
- 3: Всѣхъ лучше оцѣнить умъ ешь ты свой трудъ...
- 4: (Такъ пусть передъ тобой, бѣснуясь, чернь кричить)
 (Пускай тогда толпа трудъ Генія хулитъ)
 Пускай тогда его слѣпая чернь хулитъ,
 И дуетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ
 (И дерзкою рукой колеблетъ твой треножникъ)...
 И чтобъ тебя сронить колеблетъ твой треножникъ...

Вывано резкими критиками конца 20-х годов на «Евг. Онѣг.», послание «Къ вельможѣ» и др. *Треножникъ* — образ из античной жизни, принадлежность богослужения. Мысль стихотв. см. Вступ. оч., т. III.

5. МАДОНА.

СОНЕТЪ.

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
 Украсить я всегда желалъ свою обитель,
 Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
 Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ-углу-моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
 Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
 Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
 Пречистая и нашъ божественный Спаситель—

Она съ величьемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ—
 Взирали, кроткіе, во славу и въ лучахъ,
 Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
 Тебя мнѣ ниспослалъ; тебя, моя Мадона,
 Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

8 Іюля.

Напеч. «Сиротка» 1831 г., «Литер. Газ.» 1831 г. и изд. 1832 г.; в изд. помета «сонетъ» — только в оглавленіи. Вар. «Сиротки» (ошибка): ст. 7—«силъ съ облаковъ...» Вар. «Лит. Газ.» ст. 2—«свою обитель...!» Вар. бел. рук., автограф с надписью: «Въ память любезному Юрію Никитичу Бартеневу, 30 Августа 1830. Москва»:

Ст 1: Не множествомъ картинъ безсмертныхъ мастеровъ...

2: Украсить я давно желалъ мою обитель...

8: Пречистая и съ Ней играющій Спаситель...

12: Желанія мои свершились. Творецъ...

К кому обращено, не выяснено; м. б., — к Н. Н Гончаровой. Слово «Мадонна» имеет два смысла: «Богоматерь» и «моя донна», как средневековые поэты называли своих возлюбленных.

6. КЪ * * *.

СОНЕТЪ.

Scorn not the sonnet, critic.

Wordsworth.

[Не презирай сонета, критикъ! *Вордсвортъ*]

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
 Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ;
 Игру его любилъ творецъ Макбета;
 Имъ скорбну мысль Камоэнсъ облекалъ.

БАРОН А. А. ДЕЛЬВИГ.

С литографии при альманахе „Царское Село“ 1830 г

И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
 Вордсвортъ его орудіемъ избралъ,
 Когда вдали отъ суетнаго свѣта
 Природы онъ рисуеть идеаль.

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной
 Пѣвецъ Литвы въ размѣрѣ его стѣсненной
 Свои мечты мгновенно заключалъ.

У насъ еще его не знали дѣвы,
 Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
 Гекзаметра священные напѣвы.

1830. Москва.

Напеч. «Моск. Вѣстн.» 1830 г. и изд. 1832 г.; в «М. В.» — полное загл.; в изд. только—«Сонетъ». Вар. «М. В.»: ст. 4 — «Имъ скорбну пѣснь...» Вордсвортъ (правильнее: Уордсвортъ)—англ. поэт (1770 — 1850 г.) школы «лѣкстиковъ» или «сѣрныхъ» поэтов. Перечислены поэты, преимущественно пользовавшіеся формою сонета: Данте—XIII—XIV в. и Петрарка XV в. в Италии; творецъ Макбета, т.-е. Шекспир в Англии XVI в.; Камюэнсъ—в Португалии XVI в.; Уордсвортъ — в Англии XIX в.; пѣвецъ Литвы, т.-е. Мицкевичъ — в Польше XIX в.; Дельвигъ, печатавшій сонеты в начале 20-х годов и охотно писавшій идиллиі гекзаметром, почему назван П—ым: «Грекъ духомъ»; см. выше. Таврида—Крым; Мицкевичъ написал ряд «крымскихъ сонетовъ». Подробнее Данте, Петрарка, Дельвигъ см. раньше; Мицкевичъ — дальше; Шекспиръ — Часть 2; также — Вступ. оч. Последние годы жизни П. охотно пользовался сложными строфами и формами (сонет, октава, терцина и др.) Эпиграфъ — из сонета Уордсворта, которому подражал П. В авт. неизвестно.

7. ЦЫГАНЫ.

СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Надъ лѣсистыми берегами,
 Въ часъ вечерней тишины,
 Шумъ и пѣсни поды шатрами,
 И огни разложены.

Завтра съ первыми лучами
 Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
 Вы уйдете—но за вами
 Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.

Здравствуй, щастливое племя!
 Узнаю твои костры;
 Я бы самъ въ иное время
 Провождалъ сіи шатры.

Онъ бродящіе ночлеги
 И проказы старины
 Позабылъ для сельской нѣги
 И домашней тишины.

Напеч. «Денница» 1831 г. и изд. 1832 г.: в «Д.»—полное загл., в изд. — помета «Съ англійскаго»—в оглавлении. Однако, вряд ли это — перевод: помета имела целью отстранить намеки на кутежи с цыганками. В авт. неизвестно.

8. ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
 Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденъе,
 Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
 Указываетъ путь и посохъ подаетъ;
 О, кто бы ни былъ ты: старикъ ли вдохновенный,
 Иль юности моей товарищъ отдаленный,
 Иль отрокъ, Музами таинственно хранимъ,
 Иль пола кроткаго стыдливый Херувимъ,—
 Благодарю тебя душою умиленной.
 Вниманья слабаго предметъ уединенной,
 Къ доброжелательству досель я не привыкъ—
 И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
 Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
 Холодная толпа взираетъ на поэта,

Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
 Глубоко выразить сердечный, тяжкой стонъ,
 И выстраданный стихъ, пронзительно-унылой,
 Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой—
 Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
 Неблагосклонною киваетъ головой.
 Постигнетъ ли пѣвца незапное волнение,
 Утрата скорбная, изгнанье, заточенье—
 „Тѣмъ лучше“, говорятъ любители искусствъ:
 „Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
 И намъ ихъ передастъ.“ Но щастіе поэта
 Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
 Когда боязненно безмолвствуетъ оно....

. . . . .
 [Москва.]

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1831 г. и изд. 1832 г. Вызвано стихами некоего И. А. Гулянова, египтолога, присланными анонимно (без подписи) П—у и напеч. в 1842 г. В черн. рук. первоначальная ред. со ст. 13-го, где вар.:

- Ст. 13: Смѣшонъ . . . . . кто требуетъ у свѣта
 Участвія в судьбѣ бродящаго поэта.
 14—15: Ничтожная (Холодная) (Кричащая) толпа взираетъ на поэта,
 Какъ на бродящаго фигляра: если онъ...
 18: Ударить по сердцамъ магической силой
 Иль уши поразить . . . . .
 19—20: Она въ ладоши бьетъ и говорить себѣ...
 И благосклонною киваетъ головою...
 (Иль порою . . . . . холодно качаетъ головою)...
 21: Когда жъ пѣвца . . . . .
 22—22: Утрата тяжкая, изгнанье, заточенье—
 Толпа жестокая ликуетъ, говорить...
 25: Тѣмъ [лучше:] подъ грозой онъ наберет[ся] думъ...
 26: Кого порадуешь?—безъ . . . . .
 (Когда безмолвствуетъ и прячется стыдливо,
 И укрывается . . . . .)
 Когда молчитъ, когда боязненно безмолвно...

Вар. напеч. 1903 г. Стихотв.—выражение горького чувства П—а, видевшего охлаждение к себе читателей, см. Вступ. оч. т. III.

Болдино.

Сентябрь—ноябрь.

9. Б Ъ С Ы.

ШАЛОСТЬ.

1. Мчатся тучи, вьются тучи; Невидимкою луна Освѣщаетъ снѣгъ летучій; Мутно небо, ночь мутна. Ёду, ёду въ чистомъ полѣ; Колокольчикъ динь-динь-динь... Страшно, страшно поневолѣ Средь невѣдомыхъ равнин! 2. Эй, пошелъ, ямщикъ!... „Нѣтъ мочи: Конямъ, баринъ, тяжело; Вьюга мнѣ слипаетъ очи; Всѣ дороги занесло;	Хоть убей, слѣда не видно; Сбились мы. Что дѣлать намъ! Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно, Да кружить по сторонамъ. 3. „Посмотри: вонъ, вонъ, играетъ, Дуетъ, плюетъ на меня; Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ Одичалаго коня; Тамъ верстою небывалой Онъ торчалъ передо мной; Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой И пропалъ во тмѣ пустой.“

4. Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали...—Что тамъ въ полѣ?—
„Кто ихъ знаетъ? пень иль волкъ?“
5. Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ;
Кони снова понеслись;
Колокольчикъ динъ-динъ-динъ...
Видю: духи собрались
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
6. Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонять?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронять,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?
7. Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

1830. 7 Сентября.

Болдино.

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1832 г. под полным загл., и изд. 1832 под первым. Известны три черн. рук. (четыре наброска) стихотв.; у Анненкова была еще одна рук., четвертая; наконец, пятая—та, с кот. печаталось изд. 1832 г. Но вар. рук. еще не изучены. Помета указана Анненковым два раза различно: «7 сентября» и «7 октября». В рук. для изд. 1832 г. вар. в строфах 1, 4, 7:

Освѣщаетъ мракъ летучій...

В 1-й рук., Рум. муз., вар. тех же строф:

И за ихъ волнистой дымкой

Мѣсяцъ . . . . .

Освѣщаетъ невидимкой

В черн. рук. собр. Ак. Н. помета «7 Сентября»; вар. неизвестны. Стихотв. воспроизводит образы народной поэзии (бесы, ведьма, домовая); опасаясь не быть понятым, П. сделал помету «Шалость» (кот.—в рук. Анненкова).

10. ЭЛЕГИЯ.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье,
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулить мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть—на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

8 Сентября.

Напеч. «Библи. для Чтенія» 1834 г. и изд. 1835 г. Известны два авт., белой с поправками собр. Ак. Н., и черн. Вар. не вполне известны, среди них:

Протекшихъ лѣтъ безумство и веселье...

(Протекшихъ лѣтъ безумное веселье)...

Но не хочу еще я, други, умирать,

Я жить хочу, чтобъ мыслить и мечтать...

Трудъ здесь—в старинном смысле: «страдания».

11. ШАЛОСТЬ.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой,
 Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной Музой,
 Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
 Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
 Что жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить,
 И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
 Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
 За ними черноземъ; равнины скать отлогій,
 Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
 Гдѣ жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
 Гдѣ рѣчка? На дворѣ, у низкаго забора,
 Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
 Два только деревца, и то изъ нихъ одно
 Дожливой осенью совсѣмъ обнажено,
 А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
 Чтобъ лужу засорить, ждуть перваго Борея.
 И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
 Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ;
 Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка,
 И кличетъ издали лѣниваго попенка,
 Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
 Скорѣй, ждате некогда, давно бѣ ужъ скоронилъ!

1 Октября 1830. Болдино.

Напеч. Посм. изд. под загл. «Капризь», вероятно, — не П—а. лние вар. авт. собр. Ак. Н., неизвестны. *Борей* — северный ветер. Стихотв. замечательно, как резко реалистическая картина скорбной действительности. Ср. строфы XV—XVII «Путеш. Онѣгина».

12. ОСЕНЬ.

[ОТРЫВОКЪ].

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ.

Державинъ. (Евгенію, Жизнь Званская).

I.

Октябрь ужъ наступилъ;—ужъ роца отряхаетъ
 Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей,
 Дохнулъ осейній хладъ, дорога промерзаетъ,—
 Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
 Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
 Въ отъѣзжія поля съ охотою своей—
 И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
 И будить лай собакъ уснувшія дубравы.

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны;
 Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь,—весной я боленъ:
 Кровь бродить; чувства, умъ тоскою стѣснены;
 Суровою зимой я болѣе доволенъ;
 Люблю ея снѣга; въ присутствіи луны
 Какъ легкой бѣгъ саней съ подругой быстръ и воленъ,
 Когда, подъ сободемъ согрѣта и свѣжа,
 Она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ рѣкъ!
А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?...
Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ,
Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги,
Медвѣдю надоѣсть,—нельзя же цѣлый вѣкъ
Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лѣто красное! любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ засухи;
Лишь какъ бы напоить, да освѣжить себя—
Иной въ насъ мысли нѣтъ,—и жаль зимы-старухи,
И проводивъ ее блинами и виномъ,
Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславной,
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва;
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна,—
Могилой пропасти она не слышитъ зѣва;
Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ;
Она жива еще сегодня—завтра нѣтъ.

VII.

Унылая пора, очей очарованье,
Приятна мнѣ твоя прощальная краса:—
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,—
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой Зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ,

Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ,—я снова щастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ:—таковъ мой организмъ
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ)

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
Махая гривую, онъ всадника несетъ
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенить промерзлый долъ и трескается ледъ.
Но гаснетъ краткой день—и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ;—то яркой свѣтъ лиетъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей цитаю.

X.

И забываю миръ,—и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается Поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненъемъ,
Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленъемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

XI.

Стальные рыцари, угрюмые Султаны,
Монахи, карлики, Арапскіе цари,
Гречанки съ четками, Корсары, Богдыханы,
Испанцы въ епанчахъ, Жиды, Богатыри,
Царевны плѣнныя, графини, великаны,
И вы, любимицы златой моей зари—
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами,
Съ висками гладкими и томными очами.

XII.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѣмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятъ къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но, чу!—матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, въ низъ—и паруса надулись, вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

Продолжение сохранилось в трех черн. ред .

1.

Увы! кудажь намъ плыть .. Какіе берега
Теперь мы посѣтимъ? Египетъ колесальный,
Или Везувія цвѣтущая луга,
Иль надъ Элладою посѣтлю печальной?...
Скупой ландшафтъ иль вѣчные снѣга,
Иль . . . . Губерни нашей [дальной]...
О ней когда...

2

Плыветъ кудажь намъ плыть . Какіе берега
Увидимъ мы теперь? Кавказъ ли величавый,
Или Италю, иль темные луга
И скалы дикіе Шотланди..
Или Норманди . . . . . снѣга,
Или Ирланди (Швейцарии) ландшафтъ...

3.

Плыть... кудажь намъ плыть? Къ песчанымъ ли брегамъ,
Гдѣ драмятъ вѣчности символы Пирамиды,
Иль къ..... и дѣвственной Флориды
Младш. ....
Теперь Египетъ насъ...

Написано, м. б., 1828 г., среди набр. 7-ой главы «Евг. Он.» и рядом с набр. «Ужь осень холодом дохнула». Вар. рук. не вполне изучены, среди них:

- Строфа 1: Октябрь ужъ наступилъ, съ нагихъ своихъ вѣтвей
Послѣдній листь уже дубрава отряхаетъ,
И вѣтры хладные, предвѣстники дождей...
5: Я нѣчто в ней нашел мечсю свенравной...
6: Нѣжнѣ слабаго пчелинаго напѣва
Звукъ рѣчи,—на лицѣ еще багровый цвѣтъ...
12: Такъ спитъ недвижимый корабль въ унылой тмѣ
Вдругъ вѣтеръ, паруса надулись, вѣтромъ полны
И двинудся корабль и разсѣкаетъ волны...

В рук. рис.: др.-египетская статуя и корабль. *Армида* и др. об. раньше. *Везувій*—п Италии, *Нормандія*—во Франции, *Флорида*—в Америке. Напеч. Посм. изд., полнее—1855 г. Продолжение в ищем изд. по авт. полно *впервые*.

13. ПРОЩАНІЕ.

[РАЗСТАВАНІЕ].

Въ послѣдній разъ твой образъ Дерзаю мысленно ласкать, Будить мечту сердечной силой, И съ нѣгой робкой и унылой Твою любовь воспоминашь.	Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта, Мѣняя все, мѣняя насъ; Ужь ты для страстнаго поэта Могильнымъ сумракомъ одѣта, И для тебя твой другъ угасъ.
--	---

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.

5 Октября 1830. Болдино.

Мелкие вар. белогого авт., без загл., собр. Ак. Н., неизвестны. По сообщению Анненкова, в рук. вар. строфы 3 посл. ст. (м. б., окончательная ред.):

Предъ заточеніемъ его.

Напеч. «Альманахъ на 1838 г.», где в стр. 2 вар.:

И ты ужъ нынѣ для поэта...

и посл. ст. по вар. рук. В Посм. изд. в стр. 2 вар.:

Ужь ты для своего поэта...

Помета сообщена Анненковымъ два раза различно. К кому обращены стихи, не выяснено; м. б., воспоминаніе одесской любви («Монастырный день потухъ...»). Первое загл.—в альманахе 1838 г.; второе—Посм. изд.; рук.—без загл.

14. РОМАНСЪ.

1. Былъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный, Молчаливый и простой. Съ виду сумрачный и блѣдный, Духомъ смѣлый и прямой.	3. Разъ поѣхалъ онъ въ Женеву И увидѣлъ у креста На пути Марію Дѣву, Матерь Господа Христа.
2. Онъ имѣлъ одно видѣнье, Непостижное уму— И глубоко впечатлѣнье Въ сердце врѣзалось ему...	4. Съ той поры, сгорѣвъ душою, Онъ на женщинѣ не смотрѣлъ, И до гроба ни съ одною Молвить слова не хотѣлъ.

5. Онъ себѣ на шею чотки,
Вмѣсто шарфа навязалъ;
И съ лица стальной рѣшотки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ.
6. Проводилъ онъ цѣлы ночи
Предъ иконой Пресвятой;
Устремивъ къ ней скорбно
Тихо слезы лиль рѣкой.
7. Пѣть псалмы Отцу и Сыну
И Святому Духу—вѣкъ
Не случилось Паладину:
Былъ онъ странный человѣкъ.
8. Полонъ чистою любовью
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. D. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.
9. И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву Паладины,
Именуя громко дамъ,
10. „Lumen Coeli, sancta Rosa!“
Воскличалъ онъ дикъ и рьянъ,
И какъ громъ его угроза
Поразала мусульманъ.
11. Возвратясь въ свой замокъ
Жилъ онъ, будто заключенъ,
Все влюбленный, все печальный,
Безъ причастья умеръ онъ.
12. Какъ боролся онъ съ кончиной,
Бѣсъ лукавый подоспѣлъ—
Душу рыцаря собирался
Унести онъ въ свой предѣлъ:
13. „Онъ де Богу не молился,
Онъ не вѣдалъ и поста,
Онъ за матерью Христа
Непристойно волочился.“
14. Но Пречистая сердечно
Заступилась за него,
И пустила въ царство вѣчно
Паладина своего.

[Сентябрь—октябрь].

Сохранилось две ред.: полная, в черн. рук., и более обработанная сокращенная, включенная в «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», см. Берем обработанные строфы из второй ред., как и их расположение, дополняя выпущенные из черн. рук., где вар.:

Стр. 1; стихи идут в порядке: 1, 4, 3, 2.

2: Непонятное ему...

3: Путешествуя въ Женеву,

Онъ увидѣлъ у креста...

4: Съ той поры, заснувъ душою...

5: И на грудь себѣ онъ чотки...

Никогда стальной рѣшотки

Онъ съ лица не подымалъ...

6: Устремивъ къ ней томны очи...

8: поставлена перед 6-ой и 7-ой.

Полонъ дѣтскою любовью,

Вѣренъ набожной мечтѣ,

Ave Mater Dei кровью

Написать онъ на щитѣ...

9: Между тѣмъ какъ Паладины

Мчались [въ битву по скаламъ]

По пустынямъ Палестины,

Именуя громко дамъ...

10: И гнала его угроза

Мусульманъ . . . . . станъ...

11: по черн. рук.; в сокр., для цензуры:

Какъ безумецъ, умеръ онъ... и др.

12: раньше читали (ошибка?):

Непрестанно волочился...

14: Но Пречистая, конечно...

Водворила въ царство вѣчно...

В стр. 12 четные стихи не рифмуются: вероятно П. предполагал изменить или 1-й ст.: «И едва... скончался...» или 3-й: «... душу Паладина...» А. М. D.—Ave Mater Dei, т.-е. «Богородица, радуйся!», или Amo Matrem Dei, т.-е. «Люблю Матерь Божию». или Alma Mater Dei, т.-е. «Благая Матерь Божия». Lumen Coeli, sancta Rosa! т.-е. Свет Небес, святая Роза!

Паладинъ—рыцарь. В романе выражены глубины средневекового духа с его мистицизмом, поклонением Богоматери, сочетанием религиозности с эротизмом и т. д. Полная ред. напеч. 1884 г.; сокращенная, по смерти П—на, «Соврем.» 1837 г.

15. ПАЖЪ, ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

C'est l'âge de Chérubin...

[Это—возрастъ Херувима...]

Пятнадцать лѣтъ ужъ скоро минетъ;
Дождусь ли радостнаго дня?
Какъ онъ впередъ меня подвинетъ!
Но и теперь никто не кинетъ
Съ презрѣньемъ взгляда на меня.

Ужъ я не мальчикъ; ужъ надъ губой
Могу свой усъ я зацѣпить;
Я важенъ, какъ старикъ беззубой;
Вы слышите мой голосъ грубой:
Попробуй кто меня толкнуй!

Я нравлюсь дамамъ, ибо скромень,
И между ними есть одна...
И гордый взоръ ея такъ темень,
И цвѣтъ ланить ея такъ томень,
Что жизни мнѣ милѣй она.

Вечоръ она мнѣ величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядѣть налѣво и направо,
То дастъ она мнѣ яду—право,
Вотъ какова ея любви!

Она строга, властолюбива,
Но я дивлюсь ея уму,
И ужась какъ она ревнива,
Зато со всѣми горделива
И мнѣ доступна одному.

Она готова хоть въ пустыню
Бѣжать со мной, презрѣвъ толпу.
Хотите знать мою богиню,
Мою Севильскую графиню?...
Нѣтъ, ни за что не назову!

7 Октября 1830 г.

Напеч. Посм. изд. и изд. 1855 г. без строф 4 и 5, как и в 1-ой ред. авт., собр. Ак. Н., с датой «7 Октября 1830 г.» В том же беловом авт. сделано дополнение двух строф и поправки; первоначальные вар. неизвестны. Стихотв. передает дух XVI—XVII в., когда знатные юноши начинали службу при дворах (государей и вельмож) как *пажи*. Севилья—город в Испании.

16. СЕРЕНАДА.

[ИЗЪ ВАРРИ КОРНУОЛЯ.]

Inesilla! I am here. *Barry Cornwall.*

[Инезилля! Я здѣсь. *Барри Корнуоль.*]

1. Я здѣсь, Инезилля,
Я здѣсь подь окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ, и сномъ!

2. Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащомъ,
Съ гитарой и шпагой
Я здѣсь, подь окномъ!

3. Ты спишь ли?—Гитарой
Тебя разбужу!
Проснется ли Старый—
Мечомъ уложу.

4. Шелковыя петли
Къ окошку привѣсь...
Что жъ медлишь?... Ужъ нѣтъ ли
Соперника здѣсь?

5. Я здѣсь, Инезилля,
Стою подь окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ, и сномъ!

9 Октября 1830. Болдино.

Напеч. 1834 г. с нотами М. Глинки; перепеч. 1841 и 1855 г. У П—а без загл., у Барри Корнуоля: «Серенада». Стихи — далекий перевод. В черн. рук. первоначально было написано: «Инезилла» — «Севилла» и вар. в строфах:

2: Съ гитарой и шпагой,
Покрытый (Подъ темнымъ) плащомъ;
Съ любовью, съ отвагой...
3: Моею гитарой
Тотчасъ разбужу...
Тотчасъ уложу...

4: (Брось вѣрной рукой)...
Съ окошка мнѣ брось...
Къ (рѣшеткѣ) балкону привѣсь...
Что медлишь? ужъ нѣтъ ли
Другова (съ тобой)? Я здѣсь.

Барри Корнуоль (1787—1874 г.)—англ. поэт, которому П. охотно подражал посл. годы, см. дальше. *Севилья* и др. об. раньше. В изд. Анненкова и др. ст. 2: «Стою подь окномъ...». Стихотв. верно передает характер «серенад», т.-е. песен, которые в Испании влюбленные в прежнее время пели по вечерам под окнами своих возлюбленных; см. «Ночной вефирь...»

17. РОМАНСЪ.

Предъ Испанкой благородной
Двое рыцарей стоятъ;
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядятъ.
Блещутъ оба красотою,
Оба сердцемъ горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни имъ она дороже
И, какъ слава, имъ мила.
Но одинъ ей милъ. Кого же
Дѣва сердцемъ избрала?
„Кто, рѣши, любимъ тобою?“
Оба дѣвъ говорятъ
И съ надеждой молодою
Въ очи прямо ей глядятъ.

Вар. белогого с поправками авт., собр. Ак. Н., неизвестны; в авт. начата 3-я строфа. Напеч. Посм. изд.; загл., вероятно, дано им же. См. предыд.

18. МОЯ РОДОСЛОВНАЯ ИЛИ РУСКОЙ МЪЩАНИНЪ.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ ЛОРДУ БАЙРОНУ.

Je suis vilain et très vilain,
Je suis vilain.
Vilain, vilain! [Beranger.]

[Я низкаго, очень низкаго рода,
Я рода низкаго,
Низкаго, низкаго! Беранже.]

1. Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки Рускіе толпой
Меня зовуть Аристократомъ:
Смотри пожалуй, вздоръ какой!
Я не Лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не Академикъ, не Профессоръ,
Я просто—Руской мѣщанинъ.
2. Понятна мнѣ времянь превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У насъ нова рожденьемъ знатность—
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И, слава Богу, не одинъ,
Бояръ старинныхъ я потомокъ:
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ!
3. Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ Князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на крылосѣ съ дьячками,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ,
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ;
Кудажь мнѣ быть Аристократомъ?—
Я, слава Богу, мѣщанинъ.
4. Мой предокъ Радша службой бранной
Святому Невскому служилъ;
Его потомство Гнѣвъ Вѣнчан-
ный—
Иванъ Четвертый—пощадилъ.
Водились Пушкины съ Царями;
Изъ нихъ былъ славець не одинъ,
Когда тягался съ Поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.
5. Смиривъ крамолы и коварство
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ—
Мы къ оной руку приложили,
Насъ жаловалъ страдальца сынъ;
Бывало нами дорожили;
Но я... я темный Мѣщанинъ.
6. Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ;
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ.
Его примѣръ будь намъ наукой:
Не любитъ споровъ властелинъ,
Не всякъ Князь Яковъ Долгорукой,
Щастливъ покорный Мѣщанинъ.
7. Мой дѣдъ, когда мятежь поднялся
Средь Петергофскаго Двора,
Какъ Минихъ, вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ.
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился—мѣщанинъ.
8. Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ схоронилъ,
И не якшаясь съ новой знатью,
Я крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я Пушкинъ просто—не Мусинъ,
Я самъ большой, не царедворецъ:
Я грамотей, я Мѣщанинъ.

P. S

9. Видокъ Булгаринъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Гаццибалъ
Быль купленъ за бутылку рома
И въ руки шкиперу попалъ,
Сей шкиперъ былъ тотъ Шки-
перъ славный,
Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ дер-
жавный
Кормѣ роднаго корабля;
Сей Шкиперъ дѣду былъ досту-
пенъ,

16 Октября 1830 г. Болдино. [Передѣлане:] 3 Декабря 1830 г.

Сохранилось четыре авт.: два, отрывки, собр. Ак. Н., один — Киевского Университета, один — Публ. Библ., и несколько списков 30-х годов, среди них — архива Б. Вульфова, С. Л. П.—а, с поправками Л. С. П.—а. Авт. Публ. Б. помечен «3 Декабря 1830 г.», писан по памяти и дает текст измененный для цензуры (см. т. III, письма). Поэтому нами принят текст авт. Киевского, помеч. «16 Октября 1830 г. Болдино», но в P. S. мы ставим «Булгаринъ», как в списке Л. С. П.—а ст. 17, вместо повдонима, стоящего в авт. «Фигляринъ». Вар. списка Л. С. П.—а:

Строфа 1: Писачки Рускіе толпой...

Я Мѣщанинъ, я Мѣщанинъ...

5: И мы къ ней руки приложили...

6: Щастливъ смиренный Мѣщанинъ...

7: А дѣдъ мой въ крѣпость, и одинъ...

9: Рѣшилъ Фигляринъ сидя дома,
Что будто дѣдъ мой Гаццибалъ...

И въ руки (къ шкиперу) шкипера попалъ...

Но шкиперъ сей былъ шкиперъ славный...

Посл. 3 стиха: Что я въ дворянствѣ мѣщанинъ...

Ктожъ онъ съ семьей своей почтенной?

Онъ на Мѣщанской дворянникъ.

Вар. авт. Публ. Библ. в строфах:

- 1: Я не поручикъ, не ассессоръ...
Я не Штабъ-лекаръ, не профессоръ,
Не Польской Графъ,—я мѣщанинъ.
- 2: Родовъ дряклѣющихъ обломокъ,
Я, по несчастью, не одинъ...
Я, братцы, мѣлкой мѣщанинъ...
- 3: Не пѣлъ съ придворными дячками...
Онъ не былъ пудреннымъ солдатомъ
Исправныхъ Гатчинскихъ дружинъ;
(Парадныхъ) [пудренныхъ] дружинъ;
Такъ мнѣ ли быть Аристократомъ?
- 4: Мой предокъ, Рача, службы бранной...
Иванъ IV не казнилъ.
Водились древле мы съ Царями,
Быль въ думѣ съ Мининымъ одинъ.

- Изъ насъ иные головами
Легли за Русь,—я мѣщанинъ.
- 5: И бури бранныхъ некогда...
Но насъ Романовы забыли.
Бывало... но—я мѣщанинъ.
- 6: Мятежный духъ намъ всѣмъ подгадить;
Въ родню жестока, неукротима...
Щастливъ Князь Яковъ Долгорукой,
Щастливъ безспорный мѣщанинъ.
- 7: Въ смятеньи дамскаго Двора...
Съ тѣхъ поръ утихъ нашъ родъ суровый,
И я—смиренный мѣщанинъ.
- 8: Я кипы грамотъ схоронилъ...
Я грамотѣй, я стихотворецъ...
Я не богачъ, не царедворецъ...

Вар. авт. собр. Ак. Н., отрывок, неизвестны; начало P. S.:

1-й авт.: Фигляринъ пишетъ, сидя дома...

2-й авт.: Рѣшилъ Фигляринъ, сидя дома...

Дата: «16 Октября 1830. Болдино»; на обороте—эпиграмма: «Не то бѣда, Бѣдней Булгаринъ...» Стихи вызваны замечкой Булгарина о предке «какого-то поэта в Испанской Америке», купленном за бутылку рома, и т. д. *Аристократъ* см. сцены «Альма-нашкинъ». *Лейбъ-кучеръ*—Илья Бойков, кучер Александра I, получивший дворянство. 3. *Торговаль блинами*—кн. Меншиков; *изъ хохловъ*—кн. Безбородко; *пѣлъ на крылосъ*—гр. Разумовский; *ваксиль сапоги*—гр. Кутайсовъ. 4. *Радша (Рача)*—см. т. III, «Родословная Пушкиныхъ», там же о след. лицах: Пушкины, подписавшиеся под грамотой об избраніи на царство Михаила Романова; Федор П., казненный за заговор Циклера при Петре I; Лев П., посаженный в крепость Екатериной II; дед поэта по матери И. А. Гаццибал, см. раньше. *Минихъ*—руководитель юности Петра III. *Орловы*—приближенные Екатерины II. *Я. Долгорукой* см. раньше. *Видокъ*—известный сыщик. *Ө. В. Булгаринъ* см.

дальше эпиграммы П—а на него и статьи против него в т. III. *Мусины-П—ы* занимали в начале XIX в. важные посты. *Наваринъ* см. «Воспоминанія въ Ц. С.» 1829 г. *Мъ-щанская*—улица в Петрограде. Эпиграф Беранже (см. раньше) только в ней П—ых. Радша—родоначальник П—ых; жил при в. кн. Александре *Невском*. Далее указана судьба П—ых при Иване Грозном («*Гнѣвъ Вѣнчанный*»), в эпоху борьбы вольного Новгорода с Польшей, при избрании Романовых (*страдалец*—Филарет, отец царя Михаила), при Петре I, при свержении Екатериной своего мужа Петра III («*мятежь средь П. двора*»). Отношения П—а к своему происхождению были двойственны, но он стоял выше сословных предрассудков. Подробнее см. Вступ. оч. т. III и статьи П—а о своем роде. Николай I печатать стихотв. не позволил; напеч. неполно 1846 и 1857 г.; полностью—1879 и 1880 г.; вар.—1915 г.

19. НАЧАЛО САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ.

Стамбуль гяуры нынче славятъ,
А завтра кованой пятой,
Какъ змія спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдутъ—и такъ оставятъ:
Стамбуль заснулъ передъ бѣдой.

Стамбуль отрекся отъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ;
Стамбуль, для сладостей порока,
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ;
Стамбуль отвыкъ отъ поту битвы,
И пьетъ вино въ часы молитвы.

Въ немъ вѣры чистой лучъ потухъ:
Въ немъ жены по базару ходятъ,
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ харемы вводятъ,
И спить подкупленный евухъ.

Но не таковъ Арзрумъ нагорный,
Многодорожный нашъ Арзрумъ:
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черплемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.

Постимся мы; струею трезвой
Одни фонтаны насъ поятъ;
Толпой неистойвой и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;

Мы къ женамъ какъ орлы ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоятъ.

Въ насъ умъ владѣетъ плотью дикой,
А покоренъ Корану великой,
И потому Пророкъ умикий
Хранить какъ око свой Арзрумъ.

Алла великъ. Къ намъ отъ Стамбула

Пришелъ гонимый янычаръ.
Тогда насъ буря долу гнула
И палъ неслыханный ударъ.

Отъ Рущука до старой Смирны,
Отъ Трапезунда до Тульчи,
Скликакая псовъ на праздникъ жирный,

Толпой ходили палачи;
Треща въ объятяхъ пожаровъ,
Валились дома янычаровъ;
Окровавленные зубцы
Вездѣ торчали; угли тлѣли;
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Окоченѣлые чернѣли.

Алла великъ! Тогда султанъ
Былъ духомъ гнѣва обуянъ...

• • • • •
17 Октября 1830 г., передъ разб. ст.

Имененная ред. этого стихотв. напеч. П—ым в «Путешествіи въ Арзрумъ» (см.), где стихи названы «Начало сатирической поэмы, сочиненной янычаромъ Аминь-Оглу». Однако, стихотв.—оригинальное, а не перевод, Данная ред. напеч. Посм. изд., где вар.:

Ст. 29: Евухи наши въ нихъ не спятъ...

36: И буря долу насъ погнула...

В рук. 4 стиха от: «Въ насъ умъ...» зачеркнуты. *Арзрумъ*—Эрзерум, подробнее см. т. II. *Въ винѣ*—коран воспрещаетъ вино. *Джигиты*—наездники. *Алла*—Аллах, Бог. *Рущукъ*, *Смирна*, *Трапезундъ*, *Тульчи*—города. *Янычары*, особый отряд турецкого войска. *Стамбуль* и др. об. раньше. Вар. другого авт., собр. Ак. Н., неизвестны. Стихотв. навеяно впечатлениями путешествія 1829 г. и изображаетъ истребление янычар султаном Магомедом II (1826 г.). В стихахъ верно передан дух турецкого народа, его фатализм (покорность судьбе). Что точно означает помета «разб. ст.», не выяснено. Напеч. сокращ. ред. в «Путеш. въ А.»; данная—Посм. изд.

20. ЗАКЛИНАНІЕ.

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,

О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы—
Я тѣнь зову, я жду Леилы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тѣнь,
 Какъ ты была передъ разлукой,
 Блѣдна, хладна какъ зимній день,
 Искажена послѣдней мукой.
 Приди, какъ дальная звѣзда,
 Какъ легкой звукъ, иль дуновенье,
 Иль какъ ужасное видѣнье,
 Мнѣ все равно: сюда, сюда!

Зову тебя не для того,
 Чтобъ укорять людей, чья злоба
 Убила друга моего,
 Иль чтобъ извѣдать тайны гроба;
 Не для того, что иногда
 Сомнѣняемъ мучусь,—но, тоскуя,
 Хочу сказать, что все люблю я,
 Что все я твой. Сюда, сюда!

17 Октября 1830 г. Болдино.

К кому обращено, не выяснено; вероятно, к той же, как «Разставаніе» того же вода. Вар. белого авт., собр. Ак. Н., неизвестны; в авт. строфа 2 зачеркнута и восстановлена. У Анненкова и др. изд. ошибка: стр. 3—«того, чья злоба». Стихотв.—подражание стихам Барри Корнуоля: «Заклинаніе». Напеч. 1855 г.

21. СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ БЕЗСОННИЦЫ.

Мнѣ не спится, нѣтъ огня;
 Всюду мракъ и сонъ докучной;
 Ходъ часовъ лишь однозвучной
 Раздается близъ меня.
 Парки бабѣ лепетанье,
 Спящей ночи трепетанье,
 Жизни мышья бѣготня—
 Что тревожишь ты меня?

Что ты значишь, скучный шопоть?
 Укоризну или ропоть
 Мною утраченного дня?
 Отъ меня чего ты хочешь?
 Ты зовешь или пророчишь?
 Я понять тебя хочу,
 Темный твой языкъ учу...

Октябрь 1830. Болдино.

Сохранилось три авт.; черн. Рум. муз. и два собр. Ак. Н., черн. и белой с поправками. Вар. Ак. Н. неизвестны; вар. Рум. муз. не вполне изучены, среди них— посл. ст. и далее:

Смысла я въ тебѣ ишу...
 .....Мнѣ ночь страда...
 Я проснулся, но лѣниво
 Длятся ночи Декабря...

Парка см. Общ. прим. Загл. в беловом авт. Напеч. Посм. изд.

22. П Ъ С Н Я.

[ИЗЪ БАРРИ КОРНУОЛЯ.]

Here's a health to thee, Mary.

Barry Cornwall.

[Вотъ—привѣтъ тебѣ, Мери. *Барри Корнуоль.*]

Пью за здравіе Мери
 Милой Мери моей.
 Тихо заперъ я двери,
 И одинъ, безъ гостей,
 Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мери,
 Краше Мери моей,
 Этой маленькой Пери;
 Но нельзя быть милѣй
 Рѣзвой, ласковой Мери.

Будь же щастлива, Мери,
 Солнце жизни моей!
 Ни тоски, ни потери,
 Ни ненастливыхъ дней
 Пусть не вѣдаетъ Мери.

1830 г.

Напеч. 1831 г. под первым загл. и изд. 1832 г., где загл. в оглавлении. Далекий перевод из Б. К—ля, о кот. см. выше. *Пери*—фантастическое существо шотландских сказаний, фея. В стихотв. передан дух наивной шотландской песни.

23. ДЛЯ БЕРЕГОВЪ...

(РАЗЛУКА).

1. Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальной
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.

2. Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.

При жизни П—а напеч. не было. Авт. не сохранилось. По свидетельству Анненкова в рук. были вар.:

Ст. 1—2: Для береговъ чужбины дальней
Ты покидала край родной..

Предпосл. ст.: А съ нимъ и поцѣлуй сгнцанья...

К кому обращено, не выяснено; м. б., к той же, как «Заклинаніе» 1830 г. и др. «Дальная отчизна, гдѣ неба своды сіяютъ ..» — Италия. П. в Болдине перед женитьбой возвращался мечтой к своей одесской любви: см. стихи 1830 и 1823—1824 г.

Ты говорила: „въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.“

3. Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Изчезли въ урнѣ гробовой—
Изчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой!
27 Ноября 1830 Болдино.

24. ГЕРОЙ.

Что есть истина? [Изъ Евангелія].

Д Р У Г Ъ.

Да, слава въ прихотяхъ вольна.
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ,
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ,
Но намъ ужъ то чело священно,
Надъ коимъ вспыхнуть сей языкъ.
На тронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ, на чредѣ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?

п о э т ь.

Все онъ, все онъ, Пришлецъ сей
Бранный,
Предъ кѣмъ смирились цари,
Сей Ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Изчезнувшій, какъ тѣнь зари

Д Р У Г Ъ.

Когда жъ твой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звѣздой?
Тогда ль, какъ съ Альповъ онъ взираетъ
На дно Италиі святой,
Тогда ли, какъ хватаетъ знамя
Иль жезлъ диктаторскій? Тогда ль,
Какъ водить и кругомъ, и вдаль
Войны стремительное пламя—
И пролетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ, одна другой вослѣдъ?
Тогда ль, какъ рать Героя плещетъ
Передъ громадой пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блестя,
Его приѣмля, и молчитъ?

п о э т ь.

Нѣтъ, не у счастья на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
Не тамъ, гдѣ на скалу свою
Сѣвъ, мучимъ казню покоя,
Осмѣявъ прозвищемъ Героя,

Онъ угасаетъ недвижимъ,
 Плащемъ закрывшись боевымъ!
 Не та картина предо мною:
 Одровъ я вижу длинный строй:
 Лежить на каждомъ трупъ живой;
 Клейменный мощною Чумой,
 Царицею болѣзней. Онъ,
 Не бранной смертью окружень,
 Нахмурясь, ходить межъ одрами
 И хладно руку жметъ Чумѣ,
 И въ погибающемъ умѣ
 Рождаетъ бодрость. Небесами
 Клянусь: кто жизнию своей
 Игралъ предъ сумрачнымъ не-
 дугомъ,
 Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
 Клянусь, тотъ будетъ Небу дру-
 гомъ,
 Каковъ бы ни былъ приговоръ
 Земли слѣпой!

Д Р У Г Ъ .

Мечты поэта,
 Историкъ строгій гонить васъ!
 Увы—его раздался гласъ,¹
 И гдѣ жъ очарованье свѣта?..

П О Э Т Ъ .

Да будетъ проклять правды
 свѣтъ,
 Когда посредственности хладной,
 Завистливой, къ соблазну жадной,
 Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
 Тмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
 Насъ возвышающій обманъ.
 Оставь Герою сердце! Что же
 Онъ будетъ безъ него? тиранъ!

Д Р У Г Ъ .

Утѣшься...

Москва, 29 Сентября 1830 года.²

Напеч. «Телескопъ» 1831 г. без подписи; с именем П—а, после его смерти, «Соврем.» 1837 г. Историю стихотв. см. т. III, письмо к Погодину, ноябрь 1830 г. *Пришлецъ*—Наполеон, см. «Отрывокъ» 1823 г.; далее—черты из жизни Наполеона. *Кесарь*—император австрийский. Авт. без вар. Стихотв., повидимому, писалось наскорю: в него внесены ряд стихов из прежних набросков. Стихи о «*тмах истин*» подали повод к спорам в критике. Их смысл: у нас нет критерия (признака), чтобы определить истину (эпиграф); поэтому следует отвергать мнимые «истины», *праздно угождающие* посредственности (пушкинской «черни»). Основная мысль стихотв.—ошибочна. Легко увлекавшегося П—а привело в восторг посещение Николаем I холерной Москвы. Но Николаю было известно, что холера, при принятых мерах, не заразительна; он ничем не рисковал, и его поступок нельзя сравнивать с тем, который приписывается Наполеону 1.

25—38. Надписи, эпиграммы, мелочи 1830 г.

I—II. НА ПЕРЕВОДЪ ИЛИАДЫ.

I.

Кривъ былъ Гнѣдичъ-поэтъ, прелагатель слѣпова Гомера,
 Бокомъ однимъ съ образцомъ схожъ и его переводъ.

II.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи;
 Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

8 Ноября 1830 года.

I — в рук. тщательно зачеркнуто, напеч. 1911 г.; II — «Альціона» 1832 г. и изд. 1832 г. II сохранилось два авт., где вар. (начало ст. так и в «Альціоне»):

Слышу божественный звукъ воскреснувшей рѣчи Эллинской (Эллиновъ)...

См. т. III, «О выходѣ Илиады въ переводѣ Гнѣдича». *Старецъ*—Гомер, мифический автор «Илиады», которого представляли слепым, см. раньше. *Н. И. Гнѣдичъ* (1784—1833 г.), переводчик «Илиады» размером подлинника, см. раньше, был крив. П. понял основной недостаток перевода (изд. в конце 1829 г.)—отсутствие простоты Гомера, и написал злую эпиграмму. Потом, сознавая, что перевод Г—ча—добросовестный труд (многих лет), полезный для современников,—эпиграмму зачеркнул, а написал и напечатал приветственное двустишие.

¹ Mémoires de Bourienne [Записки Бурьена *Примеч. П—а.*] Бурьень въ запискахъ своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бонапарте, посѣтивъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ нѣкоторымъ для ободренія ихъ. J'affirme, говоритъ онъ, ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré. [Утверждаю, что я не энцел, чтобы онъ прикасался къ зачумленному. *Примеч. Погодина 1837 г.*]

² День прибытія императора Николая I въ Москву во время холеры. [*Примеч. Погодина 1837 г.*]

III—VI. Анеологическія эпиграммы.

III. ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

КЪ СТАТУЪ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
 Дѣва печально сидитъ, праздный держа черепокъ.
 Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой;
 Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ.

1 Октября.

Вар. в авт., собр. Ак. Н., нет. Первое загл. в печати, второе—в рук.

IV. О Т Р О К Ъ .

Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студѣнаго моря;
 Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
 Мрежи инья тебя ожидаютъ, инья заботы:
 Будешь умы уловлять, будешь помощникъ Царямъ.

10 Октября.

Вар. авт., собр. Ак. Н., не вполне известны; среди них после даты записано, вар. посл. стиха:

или?—Будешь ловитель умовъ, будешь подвижникъ Петру.

V. Р И Ѡ М А .

Эхо, безсонная Нимфа, скиталась по берегу Пеня.
 Фебъ, увидѣвъ ее, страстию къ ней воспылалъ.
 Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога;
 Межъ говорливыхъ Наядъ, мучась, она родила
 Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина.
 Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь-Аонидъ,
 Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
 Музамъ мила; на землѣ РиѠмой зовется она.

С черн. авт., факсимиле, где вар.:

Ст. 6: И воспитала потомъ въ хорѣ своихъ дочерей...

Рѣзвая дѣва при ней (воз)росла въ хорѣ младыхъ Аонидъ...

8: Музамъ мила, межъ Боговъ Рифмой зовется она.

VI. Т Р У Д Ъ .

Мигъ вождельный насталъ. Оконченъ мой трудъ многолѣтній.
 Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
 Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
 Плату приавшій свою, чуждый работъ другой?
 Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
 Друга Авроры златой, друга Пенатовъ святыхъ?

III—VI напеч. «Сѣв. Цв.» 1832 г. под загл. «Анеологическія эпиграммы». В древности эпиграммой называлось стихотв., являющееся как бы надписью к статуе, картине и т. под. См. 1814 г. «Венерѣ отъ Лаисы». III—к статуе в Царском Селе. IV—характеристика М. Ломоносова. V—обработка замысла 1828 г. Эхо—нимфа; Пеней—река; Мнемозина—богиня памяти; аониды, музы, наяды, морские божества, русалки, Фебъ, бог солнца и поэзии и др. об. раньше. VI «трудъ», м. б.,—«Евг. Онѣг.». Аврора, заря, пенаты, домашние боги и др. об. раньше. Перепеч. II—VI изд. 1832 г.

31. ЦИКЛОПЪ.

[ЭКСПРОМПТЪ ВЪ КОСТЮМЪ ЦИКЛОПА, НА МАСКАРАДЪ У ВЕЛ. КН.
ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ.]

Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на васъ единымъ глазомъ—
Единый глазъ въ главѣ моей.
Когда-бъ судьбы того хотѣли,
Когда-бъ имѣлъ я сто очей,
То всѣ бы сто на васъ глядѣли.

[Начало года].

Напеч. во франц. брошюре, описывающей маскарад у вел. кн. Елены Павловны (в начале 1830 г.), на котором П. был в костюме Циклопа, мифического одноглазого великана. В брошюре помещено 28 стихотв. Стихи П.—а названы экспромптом, Перепеч. 1840 г.

32—33. НА БУЛГАРИНА.

I.

Не то бѣда, что ты Полякъ:
Костюшко—Ляхъ, Мицкевичъ—
Ляхъ!

Пожалуй, будь себѣ Татаринъ—
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь Жидъ—и это не бѣда;
Бѣда, что ты Ѡаддей Булгаринъ.

[Февраль 1830].

II.

Не то бѣда, Ѡаддей Булгаринъ,
Что родомъ ты не Руской ба-
ринъ,

Что на Парнасѣ ты цыганъ,
Что въ свѣтѣ ты Видокъ Фигля-
ринъ:

Бѣда, что скученъ твой романъ.

(Июль 1830).

Напеч; I самим Булгариным «Сын Отечества» 1830 г., наш текст; в рук. посл. ст.:

Бѣда, что ты—Видокъ Фигляринъ.

II—«Денница» 1831 г., без подписи, где 1-ый ст.

Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ...

В авт., собр. Ак. Н., наш текст. *Видокъ*—известный сыщик, см. раньше; прозвище «*Фигляринъ*» придумано Вяземским. *Костюшко*—герой польского восстания. *Мицкевич*—польский поэт, см. дальше. Принадлежность II-ой П.—у засвидѣтельствована М. А. Максимовичем изд. «Денницы». Отношения П.—а к Ф. В. Булгарину см. другие эпиграммы, раньше и дальше в Отд. Б, статьи и письма. т. III. и Вступ. оч.

35. АРЗАМАССКАЯ ЭПИГРАММА.

Сѣдой Хвостовъ! ты царствовалъ со славою;
Пора, пора! сложи съ себя вѣнецъ:
Питомецъ твой молодой, цвѣтущій, здравой
Тебя смѣнить, великой нашъ пѣвецъ!
Се: внемлетъ мнѣ маститый Собесѣдникъ,
Свершается судьбины произволь,
Является молодой его наслѣдникъ:
Хвостовъ Второй вступаетъ на престолы!

Напеч. «Сѣв. Цв.» 1830 г., но, судя по загл. и по слогу, написано много раньше, м. б., еще в Лицее. В печати ст. 1:—«Сѣдой Свистовъ!..» и т. д., но в собственноручном П.—а списке стихотв. названо: «Сѣдой Хв(остовъ)», стоит между стихотв. 1829 г., но не помечено никакой датой. *Хвостовъ* см. раньше. Ст. посл. в печати: «Свистовъ II...» и т. д. На кого метит это название, не выяснено, но его принял на свой счет М. А. Бестужев-Рюмин (выведенный П.—ым под именем Безстыдина в сценах «Альманашиник», см. Часть 2, который в ответной, плоской и пошлой, эпиграмме, напеч. 1830 г., писал: «Меня зовешь вторымъ Свистовымъ...» *Собесѣдникъ*—член «Беседы Л. Р. С.», см. раньше; *Арзамасъ*—тоже.

35. ЭПИГРАММА.

Глухой глухова звалъ къ суду судьи глухова,
 Глухой кричалъ: „моя имъ сведена корова“.
 — Помилуй, возопилъ глухой тому въ отвѣтъ,
 Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ.—
 Судья рѣшилъ: „почто идти вамъ братъ на брата,
 Ни тотъ и ни другой, а дѣвка виновата“.

[Начало 1830 г.]

В рук. иной конец:

(Глухой) судья рѣшилъ: чтобъ не было разврата,
 Жените молодца, хоть дѣвка виновата.

Также вар.:

«Вотъ имъ (Вчера) украдена, кричить, моя корова»...
 Дѣтина правъ кругомъ, лишь дѣвка виновата...
 (Вы правы лишь одна тутъ дѣвка виновата)...
 Судья рѣшилъ: Терпѣть нельзя разврата...

Написано для критической статьи, см. т. III. Эпиграмма—подражание Пеллиссону, франц. поэту XVII в. Напеч. с авт. 1855 г.; точнее с вар. 1917 г.

36. ИЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРИЯТЕЛЮ.

Куда же ты?—Въ Москву, чтобъ Графскихъ имянинъ
 Не прогулять мнѣ здѣсь.—Постой, а карантинъ?
 Вѣдь въ нашей сторонѣ Индѣйская зараза:
 Сиди, какъ у воротъ угрюмаго Кавказа—
 Бывало сиживалъ покорный твой слуга.
 Что братъ? Ужъ не трунишь, тоска беретъ—ага!

10 Октября.

Вар. авт., собр. Ак. Н., неизвестны. О холере 1830 г. см. Вступ. оч. и письма, т. III; родина холеры—Индия. Бывало см. «Дорожныя жалобы» 1829 г. Напеч. 1857 г.

37. НОВОСЕЛЬЕ КЪ ***.

Благословляю новоселье,	Ты щастливъ: ты свой домикъ малой,
Куда домашній свой кумиръ	Обычай мудрости храня,
Ты перенесъ—а съ нимъ веселье,	Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Свободный трудъ и сладкій миръ.	Застраховалъ, какъ отъ огня.

1830. Москва.

Напеч. «Сиротка» 1831 г. и изд. 1832 г. Обращено к Павл. Воин. Нащокину, о кот. см. т. III, письма. Нащокин сделал маленькую модель своего дома, со статуэтками, своей, П—а и др. Об этой модели и говорят стихи. Загл. и дата в беловом авт., собр. Ак. Н.; в печати загл.: «Новоселье».

Б. Стихи, принадлежность которых Пушкину не доказана (dub'a), 1830 г.

38. ОЧЕСА—ЧУДЕСА.

Очеса—чудеса,	Бедрa круче колеса,
Подъ очами—небеса,	А филейныя мяса
Волоса—какъ лѣса,	Растопырились сотте ъа.
Ниже з..... коса,	....., моя краса!
Талья точно какъ оса,	Будеть Божія роса.

Печатаем по списку П. И. Бартенева. Те же стихи были продиктованы П. Е. Ефремову кн. П. П. Вяземским. *Sotte ça* (ком-сá)—вот так. К кому написано, неизвестно. Раньше печатались лишь отрывки; полнее в нашем изд. *впервые*.

39. ВСТАРЬ ГОЛИЦЫНЪ...

Встарь Голицынъ мудрость вѣсилъ	Нынче Ливенъ мудрость вѣситъ,
Гурьевъ грабилъ весь народъ,	Царь же вѣшаетъ народъ,
Аракчеевъ куралесилъ,	Рыжій Мишка куралеситъ—
Царь же ѣздилъ на разводъ.	И по-прежнему—разводъ.

Кн. А. Н. Голицын, при Александре I—министр народного просвещения, и *А. А. Аракчеев*, военный министр, см. раньше. *Д. А. Гурьев*—при Александре I министр финансов (ум. 1825 г.) *Гр. К. А. Ливен*—министр народного просвещения при Николае I (с 1828 по 1833 г.) *Рыжій Мишка*—вел. кн. Михаил Павлович, притязавший на остроумие. *Развод* (смотр войскам) был в те времена жестоким мучением для солдат. Нап ч. за границей (в сборнике Н. Огарева) 1861 г.; в России в нашем издании *впервые*.

40—42. ЭПИГРАММЫ НА НИКОЛАЯ I.

I.

Едва царемъ онъ сталъ
И разомъ начудесилъ,
Сто двадцать человекъ тотчасъ въ Сибирь послалъ
Да пятерыхъ повѣсилъ.

II.

Великой государь,
Ты нашихъ бѣдъ виновникъ.
Хотя плохой ты царь,
Зато лихой полковникъ.

III. КЪ БЮСТУ НИКОЛАЯ I.

Оригиналъ похожъ на бюстъ:
Онъ такъ же холоденъ и пусть.

I—намек на дело декабристов, см. раньше. Напеч., как предыд.: в России в нашем изд. *впервые*.

43. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОЛОННА.

Въ Россіи дышетъ все военнымъ ремесломъ,
И Ангель дѣлаетъ на караулъ крестомъ.

Напеч. там же. Вряд ли принадлежит П—у. В том же сборнике Н. Огарева, с именем П—а, помещены, несомненно, не принадлежащие ему эпиграммы: *Канкрину* («Канкрину Россія вѣритъ...» и т. д.) и *Войкову* («Орликомъ и въ колпачкѣ...» и т. д.)

Кроме того, в разных изд., П—у приписывается еще ряд эпиграмм на Булгарина.

44—47. ЭПИГРАММЫ НА БУЛГАРИНА.

I.

Фигляринъ! вотъ Полякъ примѣрной—	Патріотическій предатель,
Въ немъ истинныхъ Сарматовъ кровь;	Разстрига, самозванецъ сей—
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной	Уже не воинъ, ужъ писатель,
Хитра къ отечеству любви!	Ужъ Руской, къ сраму нашихъ дней!
То мало, что изъ злобы къ Рускимъ,	Двойной присягою играя,
Хоть отъ природы трусоватъ,	Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Бродилъ онъ подъ орломъ Французскимъ	Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И въ битвахъ жизни былъ не радъ:	И Рускихъ братствомъ запятналъ.

II. ХАРАКТЕРИСТИКА.

Не вѣрю чести игрока,
Не вѣрю я Француза дружбѣ
Люби къ Россіи Поляка
И безкорыстью Нѣмца въ службѣ.

III.

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
 Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружныи:
 Ахъ ты, безстыдникъ! ахъ, злодѣй!
 Ты и живыхъ бранишь людей,
 Да и покойниковъ порочишь,

IV.

Радѣя за свои красы,
 Ты на лицо румяны смплешь,
 Ты брѣешь бороду, усы,
 Ты волоса на глѣзѣ щиплешь:

Все это для жены твоей,
 Ты къ ней любовью пламенѣешь...
 Такъ, вѣрю я, мой другъ Ѳаддей!
 Но для кого ты ... брѣешь?

I—III неоднократно печатались в России в изд. соч. П—а; IV—за границей в изд. Н. Огарева 1861 г. По преданию, I написана Е. А. Баратынским; по другим, в ней принадлежат П—у посл. четыре стиха, которые иногда печатаются отдельно. *Сарматы*—поляки. Намеки на биографию Булгарина—см. т. III, «Настоящий Выжигинъ». II—приписывается Баратынскому, Вяземскому и др. III—напеч. «Лит. Газета» 1830 г. без подписи; по свидетельству Вяземского, написана им. Под *Чацким* разумеется сам автор комедии «Горе от ума», А. С. Грибоедов; после его смерти Булгарин похвалялся печатно дружескими отношениями с ним. IV—в России в нашем изд. воспроизводится впервые.

V. Стихи, написанные при участии Пушкина.

I. В. Л. ПУШКИНУ.

Межъ проповѣдниковъ Парнасса—Прокоповичъ!

(Коллективное стихотворение кн. П. А. Вяземского, Жуковского и др.
 Пушкину принадлежит 3-й стих.)

Любезнѣйшій нашъ другъ, о ты Василий Львовичъ!
 Буяновъ въ старину, а нынѣшній Храбровъ,
 Межъ проповѣдниковъ Парнасса—Прокоповичъ!
 Плѣнительный толмачъ и Грацій и скотовъ,
 Что дѣлаешь въ Москвѣ, первопрестольномъ градѣ?
 А мы печемся, вдѣсь, о сочномъ виноградѣ,
 И сокомъ ловъ его пьемъ здравіе твое.

II. НА ШАЛИКОВА.

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальной,
 Элегію семьѣ своей читаль,
 А казачокъ огарокъ свѣчки сальной
 Въ рукахъ со трепетомъ держаль.
 Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ, запищаль.
 «Вотъ, вотъ съ кого примѣръ берите, дуры!»
 Онъ дочерямъ въ восторгѣ закричаль.
 «Откройся мнѣ, о милый сынъ природы,
 Ахъ! Что слезой твоей осребрило взоръ?»
 А тотъ ему въ отвѣтъ: «Мнѣ хочется на дворъ.»

III. НА БУЛГАРИНА.

Повѣрьте мнѣ—Флюгаринъ моралистъ
 Намъ говоритъ преумилненнымъ слогомъ:
 Не должно красть; кто на руку не чистъ,
 Передъ людьми грѣшить и передъ Богомъ;
 Не надобно въ судѣ кривить душой,
 Не хорошо живиться клеветой,
 Временщику подслуживаться—низко;
 Честь, братцы, честь дороже намъ всего!—
 Ну что жъ? Богъ съ нимъ! все это къ правдѣ близко,
 А кажется и ново для него.

I—коллективное стихотв., написанное сообща Вяземским, Жуковским и П—ым; сохранился авт., из кот. видно, что П—у принадлежит 3-й стих. *Ѳеофанъ Прокоповичъ*—знаменитый церковный проповедникъ времен Петра I. *В. Л. Пушкинъ* см. рѣньше. *Буяновъ*—

герой его поэмы «Опасный сосѣдъ», написанной в молодости; *Храбровъ*—повести «Капитанъ Храбровъ», написанной в 1828 г.; В. Л. Пушкин ум. 30 авг. 1830 г. II—написано сообща П—ым и Е. А. Баратынским. *Кн. П. И. Шаликовъ* (1768—1852 г.), сентиментальный, слезливый поэт, издатель «Дамского журнала», см. раньше. III—написано Баратынским, но П—ым изменен последний стих. Кроме того, при участии П—а было написано Н. Языковым, IV—XIV—«дванадцать «апологовъ» или «нравоучительных четверостиший»; см. их в собр. соч. Языкова и в изд. соч. П—а под ред. Венгерова (так как выяснить стеге в участия П—а в этих апологах—трудно). Напеч. I—1908 г. (в нашем изд.—по снимку с авт.); II—за границей 1861 г.; III—1880 г.

Отдел III. А. Незакопченные и необработанные стихотворения.

1830 ГОД.

1. ВЪ НАЧАЛѢ ЖИЗНИ...

(ЗАВИСТЬ).

1. Вѣ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много,
Неравная и рѣзвая семья;

---

2. Смирная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.

---

3. Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами беседуетъ она.

---

4. Ея чела я помню покрывало,
И очи свѣтлыя какъ небеса;
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.

---

5. Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ,
И полныя святыни словеса.

---

6. Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

---

7. И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.

---

8. Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ,
И праздно мыслить было мнѣ отрада.

---

9. Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

---

10. Все мраморные циркули и лиры,
И свитки въ [бѣлыхъ] мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры—

11. Все наводило сладкой нѣжкой страхъ
Мнѣ на сердце, и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ.
12. Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.
13. Одинъ—Дельфійскій идолъ—ликъ молодой—
Былъ гнѣвентъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.
14. Другъ й женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеаль,
Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный...
- 15—17. ....
Я помню дѣву, юности прелестной...
.....

В собр. Ак. Н. сохранилось четыре авт. с набросками этого стихотв., всего 17 стрф., на 3 больше, чем известно в печати: 3 черн., 1 белой с поправками. Эти авт. и их вар. недоступны исследователям. По сообщению Анненкова и др., в рук вар.:

- Строфа 1: Тамъ маленькихъ дѣтей, насъ было много,
Какъ на грядѣ одной цвѣтовъ семья...
2: Росли неровно мы; за нами строго
Смотрѣла нѣкая..... жена,
Смиренная, одѣтая убого.
10: «бѣлыхъ» добавлено по догадке.
На челахъ лавры, на плечахъ порфиры...
(И стройно изсѣченныя порфиры)...

Напеч. Посм. изд. под произвольнымъ загл.: «Подражаніе Данту», с кот. общго только форма,—терцины. *Дельфійскій идолъ*—Аполлон, которого изображали гневным, с луком в руке, поражающим Пифона, см. выше. *Другой*—Дионис (Вакх), со служением которому соединялись мистерии (и тайное учение о бессмертии души). В *Дельфахъ* былъ знаменитый храм Аполлона с его оракулом. Стихотв. замечательно по противопоставленію двухъ идеалов: Аполлона и Диониса,—идея, развятая в конце XIX в. немецким философом Фр. Ницше и др. Загл. «Зависть» в той же рук., но м. б., относится не к этому стихотв.

2. О МУЗѢ ПЛАМЕННОЙ САТИРЫ...

О, Муза, пламенной сатиры, Прійди на мой призывный кличъ! Не нужно мнѣ гремящей лиры, Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ! Не подражателямъ холоднымъ, Не переводчикамъ голоднымъ И не поэтамъ мирныхъ дамъ, Готовлю язву эпиграммъ! Миръ вамъ, смиренные поэты! Миръ вамъ, несчастные глупцы!	А вы, ребята-подлецы, Впередъ! Всю вашу сволочь буду Я мучить казню стыда, А если же кого забуду— Прошу напомянить, господа! О сколько лицъ безстыдно-блѣд- ныхъ, О сколько лбовъ широко-мѣдныхъ Готовы отъ меня принять Неизгладимую печать!
--	--

Напеч. 1857 г. с рук., ныне неизвестной. Датировка предположительна; м. б., написано ранее, даже в начале 20-х годов. *Ювеналь* и др. об. раньше. Ср. «Наброски сатиры» 1821—1823 г.

3. ЕЩЕ ОДНОЙ ВЫСОКОЙ, ВАЖНОЙ ПѢСНИ...

[изъ соути.]

Еще одной высокой, важной пѣсни
Внемли, о Тебѣ, и смолкнувшую лиру
Въ разрушенномъ святилищѣ твоемъ
Повѣшу я,—да стонетъ внятно въ немъ,

Когда столпы его колеблетъ буря,
 Печальный звукъ... Еще единый гимнъ—
 Внемите мнѣ, Пенаты!—вамъ пою
 Отвѣтный гимнъ, совѣтники Зевеса,
 Живете ль вы въ небесной глубинѣ,
 Иль, божества всевышнія, всему,
 По мнѣнью мудрецовъ, причина вы,
 И слѣдуютъ торжественно за вами
 Великій Зевсъ съ супругой волоокой
 И мудрая богиня, дѣва силы,
 Аѳинская Паллада,—вамъ хвала.
 Примите гимнъ, таинственныя силы!
 Хоть долго былъ изгнаниемъ удаленъ
 Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ возліаній,
 Но васъ любить не преставалъ, о боги,
 И въ долгіе часы пустынной жизни
 Томительно просилась отдохнуть
 Близъ вашего святаго пепелища
 Моя душа—тамъ миръ и тишина...
 Такъ, я любилъ васъ долго! Васъ зову
 Въ свидѣтели, съ какимъ святымъ волнениемъ
 Оставилъ я людское стадо наше,
 Дабы стеречь вашъ огонь уединенный,
 Бесѣдуя одинъ съ самимъ собою.
 Часы неизъяснимыхъ наслажденій!
 Они даютъ намъ знать сердечну глубь,
 Въ могущество и въ немощахъ сердечныхъ
 Они любить, лелѣять научаютъ
 Не смертныя, таинственныя чувства,
 И насъ они наукъ первой учатъ—
Чтить самого себя. О нѣтъ, вовѣкъ
 Не преставалъ молить благоговѣнно
 Васъ, божества домашнія.....

Черн. набросок, в кот. многие слова зачеркнуты. Стихотв.—перевод из англійскаго поэта Роберта Соути (1774—1843 г.) и написано в духе так назыв. «Гомеровыхъ гимновъ». *Зевсъ*, *Фебъ*, *Аѳина-Паллада*—божества Олимпа; *пенаты* (у римлян)—домашніе божества; см. Общ. прим. В рук. вар.: «съ супругой бѣлогрудой» (в англ. подлиннике: «белорукой»; эпитет Геры-Юноны, супруги Зевса-Юпитера, «волоокая»—из перевода «Илиады» Н. Гнедича) и др. Напеч. неполно 1884 г.; полнее—1887 г.

Наброски конца 20-х годов (1825—1830 г.)

4. НАБРОСКИ СТИХОТВОРЕНІЯ.

<p> Въ сраженіи смѣлымъ быть по- хвальнѣ, Но кто не смѣлъ въ нашъ храбрый вѣкъ? Все дерзко бьется, лжетъ нахально... Герой! будь прежде человекъ! Чувствительность бывала въ модѣ И въ нашей сѣверной природѣ. Когда горящая картечь Главу сорветъ у друга съ плечъ, Плачь, воинъ, не стыдись ры- даній; </p>	<p> И Кассій слезы проливалъ, Когда онъ [Брута] смерть узналъ! Такъ нынѣ, средь народной брани... ..... Но безъ печали плакать трудно О другѣ, если, напримѣръ, Онъ досаждалъ вамъ безразсудно Или былъ скучный суевѣръ.... Но плакать и безъ раны можно О другѣ, если былъ онъ милъ, Насъ не дразнилъ неосторожно И нашимъ прихотямъ служилъ. </p>
--	--

Но если Жница роковая,
Окровенная, слѣпая,
Въ огнѣ, въ дыму, въ глазахъ отца
Сразить залетнаго птенца,—

Совершенно неотделанный набросок, где много вар. На месте, означенном точками, отрывочные стихи.

И самъ былъ раненъ очень больно,
Не помню где, не помню какъ...
Но, впрочемъ, не былъ онъ дуракъ...

Среди вар. более важныя:

Плачь, воинъ, слезы украшенья,
И Кесарь слезы проливалъ,
Когда онъ..... смертью палъ...
О другъ плакать мудрено
Не раненомъ...

Но если мы теряемъ брата
Иль сына....
Ласкаль [насъ]..... шутилъ
И намъ при случаѣ служилъ...
Лишь надобно среди рыданій...

Вместо «жница» первоначально было: «битва». *Кассій* и *Брутъ*—участники убийства Юлия Цезаря (Кесаря), связанные тесной дружбой. Повод, по кот. написано стихотв., неизвестен. М. б., говорится о польскомъ восстании уже 1831 г. Авт. на бумаге 1822 г., но тут же записан вар. к стихотв. 1835 г. «Полководецъ». Сохранился список Анненкова (отрывок); им отнесено, повидимому, к 1829 г., что принимают И. Шляпки и С. Венгер; Акад. изд. произвольно относит к 1825 г. Напеч. отрывок 1903 г.; полно—1916 г.; связано—в нашем изд. *впервые*.

5. КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Мы рождены, мой братъ названный,
Подъ одинаковой звѣздой;
Киприда, Фебъ и Вакхъ румяный
Играли нашу судьбой.

Явились мы рано оба
На Ипподромъ, а не на торгъ,
Вблизи Державинскаго гроба,
И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ...

Мой стихъ, надеждами богатый,
Педантъ безъ устали журить;
Твой слогъ, могучій и крылатый,
Какой-то дразнить паразитъ.

Ипподромъ у др.-грековъ являлся местомъ, где не только происходили бега колесницъ, состязания атлетов и т. под., но где также писатели читали публично свои новые произведения. *Дельвигъ*, *Державинъ* и др. об. раньше. *Киприда*, *Фебъ* и *Вакхъ*, т.-е. любовь, поэзия и вино, см. Общ. прим. *Паразитъ*, у древнихъ,—человек, живущий на чужой счет. См: еще примеч. к стихотв. «19 Октября 1825 г.» Напеч. отрывок 1884 г.; полнее—нами (В. Я. Брюсовым) 1915 г.; полностью—в нашем изд. *впервые*.

Но ты, сынъ Фебовъ беззаботной,
Ты—плодъ возвышенныхъ затѣй
Не предавалъ . . . . .

Оцѣнкѣ хитрыхъ торгашей.
Въ однихъ журналахъ насъ ру-

гали,
Упреки тѣ же слышимъ мы.
Мы любимъ славу, да—въ бокалѣ
Топить разсудокъ и умы.

Избаловало насъ начало,
И, въ гордой лѣнности своей,
Заботимся мы оба мало
Судьбой гуляющихъ дѣтей...

6. О НѢТЪ, МНѢ ЖИЗНЬ НЕ НАДОБЛА.

О нѣтъ, мнѣ жизнь не надобла,
Я жить хочу, я жить люблю,
Душа не вовсе охладѣла,
Утрата молодость свою.

Еще храняйтся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милыхъ сновъ воображенья,
Для чувствъ . . . . . всего.

Пускай весна моя одѣла...
Могилу темную мою...
Конечно я [томлюсь] безъ дѣла...
Что въ смерти добраго? Зачѣмъ...
Еще созрѣетъ . . . . .
Еще мнѣ будутъ . . . . .

В рук. ряд вар.: «Еще я долго жить хочу...» и т. под. Авт., отдельный листок,—в музее Онегина. Рядом записано: «L. Luy [Л. Люи].—Россини. Мицкевичъ.—Lcuîs [Луи].» Прежние изд. относили к 1836 г.; Акад. изд. напеч. под 1826 г., в виду имени Мицкевича, с кот. П. познакомился в этом году, но указано, что вероятнее—1830 г., когда написано «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье...» и др. Напеч. отрывки 1887 г.; полно—1916 г.; наш текст в нашем изд. *впервые*.

Б. Черновые наброски 1830 года.

1. НА КЛАДБИЩЪ.

I.

Послѣднее мірское пепелище, Таинственно привѣтливый предѣлъ, Поклонъ тебѣ, печальное кладбище, Гдѣ.....	Неогражденное кладбище, Ночлегъ усопшихъ поселянъ, Святое смерти пепелище, Привѣтъ тебѣ!.....
--	--

II.

Стою печалень, на кладбищѣ. Гляжу кругомъ—обнажено Святое смерти пепелище И степью лишь окружено.	Нѣмые камни [и] могилы, И деревянные кресты, Однообразны и унылы... Вдали, кой-гдѣ..... кусты.
--	---

И мимо вѣчнаго ночлега Дорога сельская лежитъ; По ней рабочая телега ..... изрѣдка стучить.	..... равнина съ права, . Ручей не льется..... съ лѣва... Ни рѣчки, ни холма, ни древа... (Ни хоть березы, гдѣ бы дѣва...)
--	---

В рук. много др. вар.:

На право—даль, луга, дорога
Идетъ по рубежу могиль...
Промчить рабочая телега
Могилы пылить.....
Однообразныя могилы
Ни дерева, ни ручейка... и т. под.

Напеч. отрывок 1855 г.; полно—1903 г.; связано—в нашем изд. *впервые*. Ср. описание кладбища в повести «Станционный смотритель» (1330 г.), т. II.

2. КЪ БОКАЛУ.

Едва уста краснорѣчивы Тебя коснулись—и вмигъ Его ума огонь игривый Въ тебя таинственно проникъ.	Кристалль, поэтомъ обновленной, Украсть мой тихій уголокъ, Залогъ поэзіи священной И дружбы сладостной залогъ.
---	---

Въ тебѣ таится жаръ цѣлебной...

Конец рук. обрезан. Стихи говорят о бокале, подаренном П—у. Напеч. 1884 г., по положению в рук. относится к 1830 г.

3. [НА АДРИАНОПОЛЬСКИЙ МИРЪ 1829 Г.]

Опять увѣнчаны мы славой. Опять кичливый врагъ сраженъ, Рѣшенъ въ Арзрумѣ споръ кровавой, Въ Эдырне миръ провозглашенъ.	И далѣ двинулась Россія И Югъ державно приняла Въ свои объятія тугія И поль-Евксина подняла.
--	---

Эдырне — Адрианополь. Евксинъ — Черное море. Арзрумъ (Эрзерум), крепость, см. раньше и т. II. В авт., на бумаге 1830 г., где наброски из «Евг. Онѣг.», ряд мелких вар., среди них:

Опять увѣнчаны побѣдой
..... наши знамена,
И врагъ бѣжить и молить.....
Подъ Цареградомъ споръ кровавой
Рѣшенъ и миръ провозглашенъ...
И далѣ бранной славой.....

Напеч. 1903 г.

Тогда же (в 1830 г.), вероятно, переделано П—ым стихотв. к Греции (см. 1823 г.), которое записано в след. ред.:

Возстань, о Греция, возстань,
 (Твой . . . . . небосклонъ недаромъ . . . . .)
 Недаромъ напрягаешь силы,
 Недаромъ потрясаетъ брань
 Парнасъ и Пиндъ и Эермопилы.
 Любимая страна героевъ и боговъ
 (Освободилась) Расторгла рабскія вериги,
 При пѣньи пламенныхъ стиховъ
 Тиртея, Байрона и Риги.
 Подъ сѣнью снѣжной ихъ вершинъ
 Свобода древняя возникла,
 На . . . . . гробахъ Эесея и Перикла,
 Средь мраморныхъ Аеинъ.

Имена об. раньше, см. примеч. к наброску 1823 г. Напеч. 1903 г. с авт. на бумаге 1830 г.; наш текст—в нашем изд. *впервые*.

4—6. Отрывки и отрывочные строки.

I.

Надо мной въ лазури ясной
 Свѣтитъ звѣздочка одна—
 Съ права западъ темнокрасный
 Съ лѣва блѣдная луна.

Напеч. I—1855 г.; II—1887. Относилось I к 1824 г., II к «Альбому Онѣгина». Напеч. 1908 г. И. Шляпкиным по авт. на бумаге 1830 г. В I вар.: «Надо мной — сводъ неба ясный,—Прямо...»

II.

. . . . . строгой свѣтъ
 Смягчить свои предубѣжденья
 Или простить мнѣ заблужденья
 Давно минувшихъ темныхъ лѣтъ...

III.

И дѣвицы безъ блондъ и жемчуговъ
 Прельщали взоры знатоковъ...

С авт., где вар.:

Она безъ полныхъ жемчуговъ...
 Манила взоры знатоковъ...

Записано под черн. набр. стихотв. 1830 г. «Риема». Напеч. 1917 г.

7—11. Начала набросковъ.

1829—1830 Г.

I.

Благословенъ твой новый путь...

II.

Пока меня безъ милости бранять...

III.

Во снѣ я вами оцѣстливленъ...

IV. ЗАВИСТЬ.

Я помню дѣву, юности прелестной...

Эти отрывки находятся в собрании Ак. Н., еще недоступномъ исследователямъ. I—более определенно может быть отнесен к 1829 г.; IV—к 1830 г.; остальные—к концу 20-х годов. IV, м. б.,—вар. к наброску «Въ началѣ жизни школу помню я...», куда нами и включено, см. выше. Напеч. 1906 г.

ПЕРИОД ДЕСЯТЫЙ.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ЖЕНИТЬБЫ, КОНЧАЯ ПОЕЗДКОЙ НА УРАЛ,
1831—1833 год.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворения.

1831 ГОД.

1. КРАСАВИЦА.

въ альбомъ Г****[ончаровой].

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красъ торжественной свѣей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое-бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но встрѣтись съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

Напеч. 1834 г. и изд. 1835 г. с подзаг. «Въ Альбомъ Г****». М. б., обращено к Н. Н. Гончаровой и написано передъ сзядьбой, бывшей 18 февраля, 1831 г. В. рук. для Посм. изд. подзаг. — «Въ Альбомъ Графинѣ»; в изд. 1835 г. без указания года. Некоторые относятъ поэтому к 1834—1835 г. В авт. неизвестно.

2. ЭХО.

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поеть ли дѣва за холмомъ—
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внимлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Напеч. 1832 г. и изд. 1832 г. под 1831 г.; в перечне П—а помечено 1829 г. Стихотв.—подражание стихамъ Барри Корнуоля: «Прибрежное Эхо», можетъ быть, также—Томаса Мура: «Эхо» и Бернса по форме (всѣ трое—англ. поэты эпохи П—а). Мысль стихотв. см. Вступ. оч. т. III. В авт. не сохранилось.

3. [КЪ ТѢНИ ПОЛКОВОДЦА.]

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой!..
Все спитъ кругомъ; однѣ лампы
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Масгитый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоёмъ гробу восторгъ жи-   Внемли жъ и днесь нашъ вѣрный
веть!   гласъ:
Онъ Руской гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ и спасъ...   Явись у двери гробовой—
Явись: вдохни восторгъ и рвенъе
Полкамъ, оставленнымъ тобой!

Явись—и дланію своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ моление погружень....
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ.

1831.

Напеч. 3 первых строфы 1836 г., в «Объясненіи» по поводу стихотв. «Полководецъ», см. т. III, статьи *Властелинъ, Идолъ* и др. М. И. Кутузов, вождь 1812 г. Идея стихотв. см. Вступ. оч. т. III. Написано под влияніемъ известій о неудачахъ русской армии в начале польского восстания 1831 г. По связи с «Объясненіемъ» некоторыми изд. относилось к 1836 г. Въ авт. не сохранилось. Список двух посл. строф, без поправок и с датой, в собр. Ак. Н. эти две строфы 1857 г. напеч. под нашимъ загол.; все 5 строфъ вместе—1859 г.

4. КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССИИ.

Vox et praeterea nihil.

[Пустой звукъ и болѣе ничего.]

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный Судьбою;
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Неразъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Рускомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сія кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...

Зачто жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглою воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ Царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и Миръ?

Вы грозны на словахъ,—попробуйте на дѣлѣ!
 Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
 Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
 Иль Рускаго Царя уже безсильно слово?
 Иль намъ съ Европой спорить ново?
 Иль Руской отъ побѣды отвыкъ?
 Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
 Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды
 Отъ потрясеннаго Кремля
 До стѣнъ недвижнаго Китая,
 Стальной щетиною сверкая,
 Не встанетъ Руская земля?
 Такъ высылайте жъ намъ, витии,
 Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
 Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
 Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

2 Августа 1831 года. Село Царское.
 [Отдѣлано:] 16 Августа 1831 года.

Напеч. 1831 г. и изд. 1832 г. Известно три авт. Один с пометой: «5 Сентября 1831 г. Царское Село, отъ Жуковскаго. Собственно-ручно А. Пушкина» (С. А. Юрьевичу); в этом авт. вар.:

Славянскіе ль ручьи исчезнуть въ Рускомъ морѣ...
 И вы грозили намъ? Чтожъ это въ самомъ дѣлѣ?
 Иль старый богатырь, простертый на постелѣ...

В черн. рук. вар.: ст. 2—«Какой анаемой...»; 7—«Давно, давно...»; 8—«наши племена...»; 12—«твердый Россъ...»; 16—«Славянь кровавыя скрижали...»; 20—«Лишь суетно прельщаетъ васъ...»; 25—«гордой воли...»; 29—«Что нашей...»; 31 и след.—

И намъ они грозятъ!.. Что это, въ самомъ дѣлѣ?
 Иль старый исполинъ, простертый на постелѣ,
 Не въ силахъ ужъ поднять свой Измаильскій штыкъ,
 Иль слово царское для насъ уже невнятно?
 Иль спорить ново намъ, а биться—непріятно?
 Иль Руской отъ побѣды и свѣтлыхъ ранъ отвыкъ?
 Иль мало встанетъ насъ отъ Перми до Тавриды....

Ст. 41—42: Полки стальные порождая,
 Воспрянетъ (Столпится) Руская земля...
 44: Кипящей Франціи воинственныхъ сыновъ...
 46: Среди знакомыхъ имъ гробовъ...

Первая дата в белой рук.; вторая — в печати. *Идея стихотв.* см. Вступ. оч. т. III. Обращено исключительно к европейским газетам, несправедливо и невежественно осуждавшим Россию вообще, весь русский народ. *Прага* — столица Чехии. *Кумирь* — Наполеон. *Измаиль* — турецкая крепость, взятая при Екатерине II Суворовым. *Колхида*, Кавказ; *Ляхъ*, поляк; *Литва*, Польша; *Таврида*, Крым; *стѣны Китая* и др. об. раньше. Стихотв. вскоре по появлении несколько раз переведено на иностранные яз., см. т. III, письма. Позднейшая критика судила стихотв. сурово, ошибочно относя его к полякам, но см. вар. ст. 44, эпиграф и 1-ый ст. («витии» т.-е. ораторы, притом — французские, отнюдь не восставший польский народ). Впервые появилось, вместе со стихотв. Жуковского и след. («Бородинская годовщина»), в книжке: «На взятие Варшавы», Спб. 1831 г. Эпиграф только в рук. Наш текст по изд. 1831 и 1882 г. и по снимку с авт.

5. БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

1. Великій день Бородина
 Мы братской тризной поминая,
 Твердили: «Шли же племена,
 Бѣдой Россіи угрожая;
 Не вся ль Европа тутъ была?
 А чья звѣзда ее вела!..

Но стали жъ мы пятою твердой,
 И грудью приняли напоръ
 Племень, послушныхъ волѣ гор-
 дой,
 И равень былъ неравный споръ.

2. „И что жъ? свой бѣдственнѣй
 побѣгъ,
 Кичась, они забыли нынѣ;
 Забыли Руской штыкъ и снѣгъ,
 Погребшій славу ихъ въ пу-
 стынѣ.
 Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь—
 Хмельна для нихъ Славяновъ
 кровь:
 Но тяжело будетъ имъ похмѣлье;
 Но дологъ будетъ сонъ гостей
 На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
 Подъ лакомъ Сѣверныхъ полей!
3. „Ступайте жъ къ намъ: васъ
 Русь зоветъ!
 Но знайте, прошеные гости,
 Ужъ Польша васъ не поведетъ:
 Черезъ ея шагнете кости!...“
 Собылось—и, въ день Бородина,
 Вновь наши вторглись знамена
 Въ проломы падшей вновь Вар-
 шавы;
 И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
 Во прахъ бросаетъ стягъ крова-
 вый—
 И бунтъ раздавленный умолкъ.
4. Въ бореньѣ падшій невредимъ;
 Враговъ мы въ прахъ не топтали;
 Мы не напомнимъ нынѣ имъ
 Того, что старья скрижали
 Хранять въ преданіяхъ нѣмыхъ;
 Мы не сождемъ Варшавы ихъ;
 Они народной Немезиды
 Не узрятъ гнѣвнаго лица,
 И не услышатъ пѣснь обиды
 Отъ лиры Русаго пѣвца.
5. Но вы, мутители палатъ,
 Легкоязычные витии;
 Вы, черни бѣдственнѣй набатъ,
 Клеветники, враги Россіи!
 Что взяли вы?... Еще ли Россъ
Больной, разслабленный колоссъ?
 Еще ли Сѣверная Слава
 Пустая притча, лживый сонъ?
 Скажите: скоро ль намъ Варшава
 Предпишетъ гордый свой законъ?
6. Куда отвинемъ строй твер-
 дынь?
 За Бугъ, до Ворсклы, до Ли-
 мана?
 За кѣмъ останется Волына?
 За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
 Признавъ мятежныя права,
 Отъ насъ отторгнется ль Литва?
 Нашъ Кіевъ дряхлый, златогла-
 вый,
 Сей пращуръ Рускихъ городовъ,
 Сроднить ли съ буйною Варшавой
 Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?
7. Вашъ бурный шумъ и хриплый
 крикъ,
 Смutilи ль Русаго Владыку?
 Скажите, кто главою поникъ?
 Кому вѣнецъ: мечу или крику?
 Сильна ли Русь? — Война, и
 моръ,
 И бунтъ, и вѣшнихъ буръ на-
 поръ
 Ее, бѣснуясь, потрясали,—
 Смотрите жъ; все стоитъ Она!
 А вокругъ нея волненья пали—
 И Польши участь рѣшена...
8. Побѣда! сердцу сладкій часъ!—
 Россія! встань и возвышайся!
 Греми, восторговъ общій гласъ!...
 Но тише, тише раздавайся
 Вокругъ одра, гдѣ Онъ лежитъ,
 Могучій мститель злыхъ обидъ,
 Кто покорилъ вершины Тавра,
 Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
 Кому Суворовскаго лавра
 Вѣнокъ сплела тройная брань.
9. Возставъ изъ гроба своего,
 Суворовъ видитъ плѣнь Варшавы:
 Вострепетала тѣнь его
 Отъ блеска имъ начатой славы!
 Благословляетъ онъ, Герой,
 Твое страданье, твой покой,
 Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
 И вѣсть триумфа твоего,
 И съ ней летящаго за Прагу
 Младаго внука своего.

5 Сентября 1831 года.

Напеч. 1831 г. и изд. 1832 г. В авт. только посл. стихи и дата. В изд. 1831 г.
 вар.:

Строфа 4: Кто уступилъ, тотъ невредимъ...
 Не узрятъ хладнаго лица...

5: Больной, измученный колоссъ...

6: Святыни всѣхъ своихъ градовъ...

7: Вашъ буйный шумъ и хриплый крикъ...

9: И вострепетала тѣнь его...

Идея стихота. см. Вступ. оч. т. III. Стрoфа 8—И. Ф. Паскевич-Эриванский, взявший в 1831 г. Варшаву. 9—Суворов, также взявший Варшаву и его внук А. А., посланный в Петроград с донесением от Паскевича. *Бугъ, Ворскла*—реки; *Лиман*—залив. Княжество *Волинское* и княжество *Богдана* входили прежде в состав восточно-славянских земель, позже перешли к Австрии (Галиция). *Таеръ*—горы в М. Азии. *Прага*, здесь, предместье Варшавы.

Чья звезда—Наполеона I. *Немезида*, богиня возмездия, *Эривань* и др. об. раньше. См. примеч. к предыд. Стрoфа 4—отношение П—а к Польше; 5—те, к кому обращено стихотв. («мутители палат», т.-е. французских, у кот. была тогда двух-палатная система правления). Наш текст по изд. 1831 и 1832 г.

6. 19 ОКТЯБРЯ 1831.

1. Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину;
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ
нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ
чашъ,
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.
2. Давно ль, друзья?... Но двадцать
лѣтъ
Тому прошло; и что же вижу?
Того царя въ живыхъ ужъ нѣтъ:
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ
Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла Грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бур-
бонъ,
Отбунтовала вновь Варшава.
3. Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средъ пиршествъ молодыхъ
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средъ насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.
4. Шестъ мѣсть упраздненныхъ
стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ
полѣ;
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой—
И надо всѣми мы рыдали.
5. И, мнится, очередь за мной...
Зоветь меня мой Дельвигъ ми-
лый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и гордыхъ помышлений,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній.
6. Тѣснѣй, о милые друзья,
Тѣснѣй нашъ вѣрный кругъ со-
ставимъ!
Почившимъ пѣснь окончилъ я,
Живыхъ надеждою поздравимъ—
Надеждою нѣкогда опять
Въ пиру Лицейскомъ очутиться,
Всѣхъ остальныхъ еще обнять—
И новыхъ жертвъ ужъ не стра-
шиться.

19 Октября 1831 г.

Сохранился белой авт., заготовленный для чтения на праздновании годовщины; но П. читал в 1832 г., так как в 1831 г. случайно не присутствовал. Напеч. Посм. изд. без посл. строфы и с вар., вероятно, не П—а: строфа 4—«И всѣхъ мы братски поминали...»; 5—«чистыхъ помышлений...» *Шестъ мѣсть*—П. Н. Ржевскій (ум. 1817 г.), Н. А. Корсаков (1820 г., «в земле чужой», см. «Гробъ юности» и «19 октября 1825 г.»), И. Ф. Саврасов (1830 г.), К. Д. Костенский (1830 г.), С. С. Есаков (1831 «на ратном поле», собств.—самоубийца), А. А. Дельвиг (1831 г., от «недуга» и «печали»). П. не знал, что (еще в 20-х годах) ум. также гр. С. Ерогльо, *седьмой*. Об этих лицах и 19 октября см. Вступ. оч. и стихотв. под тем же загл. 1825 и др. годов. *Того царя*—Александра I (ум. 1325 г.); *жгли Москву*—1812 г.; *плѣнъ Парижу*—1814—1815 г.; см. стихотв. «На возвращение государя» 1815 г., «Наполеонъ» и др. *Грековъ слава* см. стихотв. о востаниии греков 1821—1823 г. *Паль Бурбонъ*—Карл X. после июльской революции 1830 г. *Варшава* см. предыд. два стихотв. *Очередь за мной*—оправдалось. П. ум. *восьмым* из лицейстов 1-го вып., 1837 г. Стрoфа 6 и поправки напеч. 1855 г., 1861 г.

7. КОГДА ВЪ ОБЪЯТІЯ МОИ...

[отрывок].

Когда въ объятія мои
Твой стройный станъ я заключаю,
И рѣчи нѣжныя любви
Тебѣ съ восторгомъ расточаю—
Безмолвно отъ стѣсненныхъ рукъ
Освобождая станъ свой гибкой,
Ты отвѣчаешь, милый другъ,
Мнѣ недовѣрчивой улыбкой.
Прилежно въ памяти храня
Измѣнъ печальныя преданья,

Ты безъ участя и вниманья—
Уныло слушаешь меня.
Клянупо коварныя старанья
Преступной юности моей,
И встрѣчъ условныхъ ожиданья
Въ садахъ, въ безмолвіи ночей;
Клянупо рѣчей любовный шопотъ,
И струнъ таинственный напѣвъ,
И ласки легковѣрныхъ дѣвъ,
И слезы ихъ, и поздній ропотъ....

Стихотв. в сущности не закончено и не отделано, но уже высоко-художественно.
В рук. далее следуетъ:

Повѣрь, безумныя забавы
Души не трогаютъ моей,
И суета безумной славы —
Я полюбилъ.....
.....
Не упрекай меня, другъ нѣжной...

В рук. и списке вар :

Въ пугливой памяти храня...
Мой Ангелъ, слушаешь меня..
И сладострастныя свиданья...
Ихъ слезы, ихъ притворный гнѣвъ...

Обращено, повидимому, к жене, Напеч. 1857 г.

Шутна 1831 г.

8. КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

[изъ письма].

Любезный Вяземскій, поэтъ и камергеръ...
Василья Львовича узналъ ли ты манерьъ?
Такъ нѣкогда письмо онъ началъ Камергеру,
Украшенну ключемъ за Вѣрность и за Вѣру.)
Такъ солнце и на насъ взглянуло изъ за тучы!
На з. твоей сияетъ тотъ же ключъ.
Ура! хвала и честь Поэту-Камергеру—
Пожалуй, отъ меня поздравь Княгиню Вѣру.

14 Августа 1831 г. Царское Село.

Начало шутилаго 'письма, которым П. поздравляет Вяземского с назначением камергеромъ, см. т. II, *Василій Львовичъ*—Пушкин, дядя поэта. *Камергеръ украшенный*...—И. И. Дмитриев, *Княгиня Вѣра Ф.*—жена Вяземского. Напеч. 1908 г.; в собр. соч. П.—а в нашем изд. включено впервые.

1832 ГОД.

1. НѢТЬ, Я НЕ ДОРОЖУ....

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, изступленьемъ,
Стенаньемъ, криками Вакханки молодой,
Когда, вися въ моихъ объятіяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзаній
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.

Князь П. А. Вяземскій.

С гравюры К. Я. Афанасьева.

О, какъ милѣе ты, смиренница моя!
 О, какъ мучительнѣй тобою щастливъ я,
 Когда, склонясь на долгія моленья,
 Ты предаешься мнѣ нѣжна, безъ упоенья,
 Стыдливо-холодна, восторгу моему
 Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему,
 И разгораешься потомъ все болѣ, болѣ—
 И дѣлишь наконецъ мой пламень поневолѣ.

19 Января 1832 года.

Авт. не сохранилось; неизвестно, закончено стихотв. или это — набросок, но уже высоко-художественный. Дата—по списку. Обращено, повидимому, к жене. Напеч. 1858 г.

2. МАЛЬЧИКУ.

ИЗЪ КАТУЛЛА.

Minister vetuli puer.

[Мальчикъ прислужникъ пира. *Катулла*.]

Пьяной горечью Фалерна
 Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!
 Такъ Постумія велѣла
 Предсѣдательница оргій.

Ты-же прочь, рѣчная влага,
 И струей, вину враждебной,
 Строгихъ постниковъ довольствуй:
 Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

18 Февраля 1832 г.

Напеч. Посм. изд. под 1835 г., но в 1911 г. найден авт. с датой и вар. (первоначальная ред.):

Вы же, Воды, прочь теките,
 И струей, вину враждебной,
 Строгихъ постниковъ пойте...

Катулла—др.-римский поэт I в. до Р. X.; стихотв.—вольный перевод. *Чистый Бахус*—чистое вино, не разбавленное водой, как было в обычае у др. греков; см. дальше по-дражания Анакреону. *Фалернское* вино славилось в древности. *Постумія*— условное имя (у Катулла). Изменено, м. б., чтобы избежать рифмы (которой не пользовались древние).

3. КЪ ***.

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
 Волненіямъ любви безумно предаваться!
 Спокойствіе мое я строго берегу
 И сердцу не даю пылать и забываться.
 Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему жь порой
 Не погружуся я въ минутное мечтанье,
 Когда нечаянно пройдетъ передо мной
 Младое, чистое, небесное созданье?
 Пройдетъ и скроется!... Ужель не можно мнѣ,
 Любуясь дѣвою въ печальномъ сладострастьѣ,
 Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
 Благословлять ее на радость и на щастье,
 И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
 Веселія, миръ души, безпечные досуги,
 Все... даже щастіе того, кто избранъ ей,
 Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

27 Октября 1832 г.

Авт. не сохранился. До 1902 г. ст. 10 заменялся точками; найден в списках, где также вар.:

Любуясь дѣвою въ томлени сладострастья...

По преданию, обращено к Над. Л. Соллогуб, в посл. Свистуновой. Напеч. «Альманахъ на 1838 г.» под нашим загл.

4—9. Стихи в альбом, эпиграммы 1832 года.

4. ВЪ АЛЬБОМЪ.

Гонимый Рока самовластьемъ
Отъ пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать съ участьемъ
То мѣсто, гдѣ цвѣтете вы.

Столичный шумъ меня тревожить;
Всегда въ немъ грустно я живу—
И ваша память только можетъ
Одна напомнить мнѣ Москву.

27 Октября 1832 г.

Авт. не сохранилось. К кому обращено, не выяснено. Напеч. «Соврем.» 1857 г. и изд. 1857 г.

5. ВЪ АЛЬБОМЪ.

Долго сихъ листовъ завѣтныхъ
Не касался я перомъ;
Виновать, въ столѣ моемъ
Ужъ давно безъ строкъ привѣтныхъ
Залежался твой альбомъ.
Въ имянины, очень кстати,
Пожелать тебѣ я радъ

Много всякой благодати,
Много сладостныхъ отрадъ,
На Парнасъ много грома,
Въ жизни много тихихъ дней
И на совѣсти твоей
Ни единого альбома
Отъ красавиць, отъ друзей.

1832.

Авт. не сохранилось, К кому обращено, не выяснено, м. б.; М. Л. Яковлеву. Об альбомах см. раньше. Напеч. 1839 г.

6. ВЪ АЛЬБОМЪ А. О. РОССЕТИ.

Въ тревогѣ пестрой и бесплодной
Большаго свѣта и двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный—

И какъ дитя была добра,
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо на бѣло.

18 Марта 1832 г.

Черн. авт. в рук. Публ. Б., где вар.:

Однакожъ иадъ толпою вздорной
Трунила я отъменно ало,
И шутки злости самой черной,
Среди успѣховъ жизни модной, ...
Успѣхи жизни..... вздорной
Мнѣ надобли, какъ на ало...
Среди толпы..... покорной
Моихъ поклонниковъ.....

П. предлагал А. О. Смирновой-Россетти писать записки и в ее альбоме написал на 1-й стран.: «Историческія записки А. О. С***», поставил дату: «18 Марта 1832 г.» и вписал свои стихи. Ныне этот альбом в собр. Онегина. В 30-х годах П. в доме Смирновых бывал часто. А. О. Смирнова (рожд. Россетти, 1809—1882 г., см. раньше), действительно, оставила воспоминания о П.—е и др., но поверхностные. Ее дсць О. Н. опубликовала позднее записки матери, очень пространные, но в кот. многое—явно вымышлено. Стихотв. напеч. 1840 г.

7. А. Д. БАРАТЫНСКОЙ.

[ВЪ АЛЬБОМЪ].

Когда-то, помню, съ умилениемъ,
Я смѣлъ васъ нянчить съ восхи-
щеньемъ:
Вы были дивное дитя.
Вы расцвѣли: съ благоговѣниемъ

Вамъ нынѣ поклоняюсь я;
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ трепетомъ ношусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька старая, горжусь.

Вар. черн. авт. Публ. Б. еще неизвестны. Записано рядом со стихотв. «Въ тревогѣ пестрой и бесплодной» и поблизости помета по-франц.: «10 Марта 1832 г. Библиотека Вольтера». Обращено к княжне А. Д. Абамелек, в посл. Баратынской. Напеч. под нашим загл. 1840 г.

1833 ГОД.

I—4. Подражанія древнимъ.

I. ИЗЪ АӨЕНЕЯ.

Славная флейта, Аөонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя хоровъ
 Старецъ, ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирпаль родиль,
 И, вдохновенный, нарекъ онъ младенца Аөономъ. За чашей
 Сладостно Вакха и Музъ славиль приятный Аөонъ.
 Славиль и Ватала онъ, молодаго красавца. Прохожій!
 Мимо гробницы спѣша, вымолви: здравствуй, Аөонъ!
 1 Января 1833 г.

II. ИЗЪ КСЕНОФАНА КОЛОФОНСКАГО.

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ;
 Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
 Ладана сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
 Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
 Свѣтлой, студеной воды, золотистые хлѣбъы, янтарный
 Медъ и сыръ молодой: все готово; весь убранъ цвѣтами
 Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапѣзы, о други,
 Должно творить возліанья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
 Должно Безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
 Правду блюсти: вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы приступимъ:
 Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда нѣ велика
 Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
 Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо!
 12 Января 1833 г.

III. ВИНО.

Изъ Іона Хиосскаго.

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добронравный,
 Шумный зачинщикъ обидъ, милый заступникъ любви.

IV. [ПОДРАЖАНІЕ ДРЕВНИМЪ].

Юноша, скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
 Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.
 2 Января [1833 г.]

Напеч. I и II—1834 г. под общимъ загл. «Подражанія древнимъ» и с датой «1832 г.», но в авт. даты 1 и 12 января 1833 г. (отделано?) III—Анненковымъ 1855 г. под 1833 г.; IV Посм. изд. под 1835 г., но в авт. III и IV написаны на одном листке и, повидимому, созданы одновременно. Черн. вар. I—IV, собр. Ак. Н., еще неизвестны, но в IV в авт. ст. 2-й «заменен инымъ» (см. описание собр.). Беловой авт. II, факсимиле Альбом II-ой выставки 1899 г., принят для нашего текста: в нем указание: «Изъ К. К.» поставлено в конце. *Аөеней* — античный писатель III в. по Р. Х., составил по-гречески сборник, где переведенное П-ым стихотв. приписано поэту Эдилу. *Ксенофанъ Колофонскій* — др.-греческий поэт-философ VI в. до Р. Х. *Іонъ Хиосскій* — др.-греческий поэт V в. до Р. Х. IV—не перевод, а общее подражаніе. *Аөонъ*, *Скирпаль*, *Ваталь*, вероятно, — вымышленные имена. *Амфора* — сосуд для вина. *Творить возліанья* — обычай древних перед пиром. *Вакхъ* и др. см. Общ. прим. Перепеч. I—II изд. 1835 г.

5. КОГДА-БЪ НЕ СМУТНОЕ ВЛЕЧЕНЬЕ...

Когда-бъ не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здѣсь остался-бъ наслажденье
Вкушать въ невѣдомой тиши,

Забылъ бы всѣхъ желаній трепеть,
Мечтою бѣ цѣлый міръ назвалъ—
И все бы слушалъ этотъ лепеть,
Все-бѣ эти ножки цѣловаль...

1833. Дорога. Сентябрь.

В авт. вар. ст. 1:

Когда-бѣ не ропоть, не волненье...

По некоторым, обращено к А. А. Олениной. Писалось не для печати; из Посм. изд. исключено по приказанию Николая I; напеч. 1857 г., точнее—изд. 1857 г. Дата сообщена Анненковым по рук. ныне неизвестной. Стихотв. положено на музыку 10 композиторами.

6. НЕ ДАЙ МНѢ БОГЪ СОЙТИ СЪ УМА...

[ОТРЫВОКЪ].

1. Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума;
Нѣтъ, легче посохъ и сума;
Нѣтъ, легче трудъ и гладь.

6. И силенъ, воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь, роющей поля,
Ломающей лѣса.

2. Не то, чтобъ разумомъ моимъ
Я дорожилъ, не то, чтобъ съ нимъ
Разстаться былъ не радъ.

7. Да вотъ бѣда: сойди съ ума,
И страшень будешь, какъ чума;
Какъ разъ тебя запруть:

3. Когда-бѣ оставили меня
На волѣ, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!

8. Посадятъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ звѣрка,
Дразнить тебя придуть.

4. Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду.
Я забывался бы въ чаду
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.

9. А ночью слышать буду я
Не голосъ яркой соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ,

5. И я бѣ заслушивался волнь,
И я глядѣлъ бы, счастья полнь,
Въ пустыя небеса.

10. А крикъ товарищей моихъ,
Да брань зрителей ночныхъ.
Да визгъ, да звонъ оковъ...

Стихотв. не вполне отделано, но уже высоко-художественно. Напеч. Посм. изд. с вар.

Строфа 6: Силенъ и воленъ былъ бы я...

П. «разумом своим» всегда *дорожил*, и стихотв. объясняется только крайне тягостным положением поэта в 30-х годах (преследования правительства, постоянная нужда в деньгах, разочарование в жене, невозможность свободно работать и др., о чем подробнее см. Вступ. оч. т. III).

Б. Стихи, принадлежность которых Пушкину не доказана (*dubia*), начала 30-х годов.

1—4. ЭКСПРОМПТЫ КЪ Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ-ПУШКИНОЙ.

I.

Я восхищенъ, я очарованъ,
Короче—я огончарованъ.

II.

Я влюбленъ, я очарованъ,
Я совсѣмъ огончарованъ.

Съ утра до вечера за нею я стремлюсь
И встрѣчъ нечаянныхъ и жажду и боюсь.

III.

Для твоего поэта
Насталъ великій постъ,
Люблю тебя, комета,
Но не люблю твой хвостъ.

IV.

Не ожидай, чтобъ въ эти лѣта
Я былъ такъ простъ!
Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвостъ.

Экспромпты сообщены по памяти разными лицами и, вероятно, не принадлежат П—у. *Хвостъ*—многочисленные поклонники Н. Н. П—ой-Гончаровой. Напеч. 1880-г. и др. В рук. нет следа этих стихов.

5—II. Эпиграммы.

I. НА Е. М. ХИТРОВО.

Лиза въ городѣ жила
Съ дочкой Долинькой;
Лиза въ городѣ слыла
Лизой голенькой.

У Австрійскаго посла
Нынче Лиза въ grand gala,
Не по старому мила,
Но по старому гола.

Елиз. Мих. Хитрово любила уже не в молодых годах носить очень открытые платья. Ее дочь Долли была замужем за австрийским послом, гр. Фикельмоном. *Grand gala* (гран-галà)—большой свет. В письме П—а к Вяземскому, 5 ноября 1830 г., есть выражение: «Кстати о Л. голенькой...», что делает принадлежность эпиграммы П—у весьма вероятной.

II—III. НА Ѡ. В. БУЛГАРИНА.

II.

Ѡаддей роди Ивана,
Иванъ роди Петра,—
Отъ дѣдушки болвана
Какого ждать добра?

III.

Всѣ говорятъ: онъ Вальтеръ-Скоттъ,
Но я, поэтъ,—не лицемѣрю:
Согласенъ я,—онъ просто скотъ,
Но что онъ Вальтеръ-Скоттъ,—не
вѣрю.

Ѡ. В. Булгаринъ—см. раньше. Его исторические романы дружественная критика Греча, действительно, сравнивала с романами англ. писателя Вальтера Скотта, бывшего тогда очень известным. В авт. не сохранилось. I—III напеч. 1880 г.

IV. НА ***.

Монаршей волею священной,
Ключъ камергерскій золотой
Привѣщенъ къ . . . . . развращенной,—
И безъ ключа всѣмъ отпертой.

V. НА А. Н. МУРАВЬЕВА.

Не всѣхъ бѣснующихъ людей
Богъ истребилъ въ Тиверіадѣ,
И изъ утопленныхъ свиней
Одна осталась въ Петроградѣ.

[Сентябрь 1832 г.].

IV—V вряд ли принадлежат П—у. К кому обращено IV, не вполне выяснено. V объясняется тем, что А. Н. Муравьев, о кот. см. раньше, написал скучную пьесу «Битва при Тиверіадѣ», отрывки которой, однако, напеч. в «Соврем.» П—а. Сообщены по спискам Ефремовым и др. IV, в списках, вар. ст. 1 и 3:

На удивленье всей Европѣ...
Привѣщенъ къ развращенной...

Приписываются П—у еще две эпиграммы 1833 г. на роман М. Н. Загоскина «Аскольдова могила» (переделанный позднее въ популярную оперу).

VI.

Аскольдова могила
Не очень глубока,
Ее слегка изрыла
Загоскина рука.

VII.

Какія нынче времена?
На все возвысилась цѣна,
И къ удивленію людей
И этотъ стоитъ пять рублей.

По 5 р. продавались отд. главы «Евг. Онѣгина». Напеч. 1880 г.

Отдел II. А. Незаконченные и необработанные стихотворения 1831—1833 г.

1831 ГОД.

1. ДВА ЧУВСТВА....

Два чувства дивно близки намъ—	Залогъ величія его.
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу—	Животворящая святыня!
Любовь къ родному пепелищу,	Земля была безъ нихъ мертва;
Любовь къ отеческимъ грабамъ.	Безъ нихъ нашъ тѣсной мѣрѣ—пу-
На нихъ основано отвѣка,	стыня,
По волѣ Бога самага,	Душа—алтарь безъ Божества!
Самостоянье челоуѣка,	

Тек прочитано И. Шляпкиным, впервые опубликовавшим набросок в 1933 г. по авт. и отнесшим его к 1830—1831 г. В рук. еще:

На нихъ основано семейство
И ты, къ Отечеству любовь,
На нихъ почіеть, основалась
Земли пространной . . . . .

Подл.—на бумаге 1829 г.; раньше набросок относили к 1824 г.

1833 ГОД.

2. [ПОМИНАНИЕ.]

Свать Иванъ, какъ пить мы станемъ,	Сказки сказываѣтъ мы станемъ.
Непремѣнно ужъ помянемъ	Мастерица вѣдь была!
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,	И откуда что брала?
Да Пахомовну потомъ.	А куда разумны шутки,
Мы живали съ ними дружно;	Приговорки, прибаутки,
Ужъ какъ хочешь, будь что будь—	Небылицы, былины
Этихъ надо помянуть,	Православной старины!..
Помянуть намъ этихъ нужно.	Слушать, такъ душѣ отраднo;
Поминать, такъ поминать,	Кто придумалъ ихъ такъ складно?
Начинать, такъ начинать,	И не пилъ бы, и не ѣлъ,
Лить, такъ лить, разливъ разливомъ.	Все бы слушалъ, да глядѣлъ.
Начинай же, свать, пора!	Стариковъ когда нибудь
Трехъ Матренъ, Луку, Петра	(Жаль, теперъ намъ недосужно)
Мы [сперва] помянемъ пивомъ,	Надо будетъ помянуть:
А Пахомовну потомъ	Помянуть и этихъ нужно...
Пирогами да виномъ;	Слушай, свать: начну первой,
Да еще ее помянемъ—	Сказка будетъ за тобой...

Переложение народной песни, первые стихи которой ваяты буквально. В авт. мелкие отличия. Кн. Вяземский, увлеченный этой шуткой, составил предлинное, но нестроумное «поминанье» для Жуковского, где и Пушкину, по просьбе князя, пришлось приписать, чтоб помянул:

Господина Шафонскаго,
Карманный грешъ князя Григорія Волконскаго,

И ужъ Александра Македонскаго,
Этого не обойдешь, не объѣдешь, надо
Помянуть... Покойнаго Бинцингероде,
Саксонскаго министра Люшероде,
Графиню вицекаждлершу Неосельроде,
Покойнаго скрипача Роде,
Хвостова въ Анакреонтическомъ родѣ.

Ужъ какъ ты хочешь, надо помянуть
Графа, нашего пріятеля, Велегорскаго
(Что не любить вина горскаго),
А по нашему Велеурскаго;
Покойнаго пресвитера Самбурскаго,
Дершау, полицмейстера Санктъ-Петербургскаго.

Почтмейстера города Василя-Сурскаго.
Надо помянуть парикмахера Эме,
Ресторатора Дюме,

Ланскаго, что губернаторомъ въ Костромѣ,
Доктора Шулера, умершаго въ чумѣ,
И полковника Бартоломе,
Повара или историографа Миллера,

Нѣмецкаго поэта Шиллера
И Пийетти, славаго ташеншпилера.
Надобно помянуть (особенно тебѣ) Арндта,
Да англичанина Wagnr'a [Варнта].

[Мартъ 1833 г.]

Эти 26 мало-остроумныхъ стиховъ тоже сохранились в авт. П—а, но могли быть записаны под диктовку того же Вяземскаго. Упомянутые лица характеризованы в самыхъ стихахъ. Кроме того: *Петръ Роде*, скрипачъ, см. «Пирующие студенты» 1814 г.; *бар. Люцероде* см. письмо П—а, 19 окт. 1834 г.; *ген. бар. Ф. Ф. Винцингероде* — письмо, май 1836 г.; *гр. М. Ю. Велегорскій* (Вьельгорскій, Велеурскій) — любитель музыки, писавшій романсы на слова П—а; у *Дюме* часто бывал П.; *гр—ня М. Д. Нессельроде*, рожд. Гурьева, — жена вице-канцлера гр. К. В. Н—де; полицмейстер *Дершау* вызывал П—а по разнымъ обвинениямъ (по делу «*Андрей Шенъ*», «*Гавриилада*» и др.); *костромской* губернатор—С. С. Ланской; д-р *Шулер*, умершій в «чуме», т. е. от холеры 1830 г., — кишиневскій знакомый П—а; *гр. Д. И. Хвостовъ*, поэт, см. раньше; *А. А. Самборскій* — священникъ прогрессивныхъ взглядовъ; *Арндтъ* — придворный врачъ (лейб-медик), присланный царемъ к П—у в 1837 г.; *кн. Р. П. Волконскій*, *Шафонскій*, *Эме* и др. с биографіей П—а не связаны. *Шиллеръ* — немецкій поэт; *Александръ М.* — явователь (намекъ на поговорку). Напеч. 1-я часть — 1856 г.; продолжение, снимокъ с авт., 1880 г., печатно — в том же году, под загл. «Поминаніе», в соч. Вяземскаго.

3. ЭКСПРОМПТЪ.

Полюбуйтесь же вы, дѣти,
Какъ въ сердечной простотѣ
Длинный Фирсъ играетъ въ эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

Черноокая Россети
Въ самовластной красотѣ
Всѣ сердца плѣнила эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

О какія же здѣсь сѣти
Рокъ намъ стелеть въ темнотѣ:
Риѣмы, деньги, дамы эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

[1833 г.]

Авт. неизвестен. Напеч. 1858 г. при длинномъ анекдотѣ, какъ «длинный Фирсъ», кн. С. Г. Голицынъ, во время карточной игры заявилъ, что играетъ «и на эти (деньги) и на тѣ». *Россети* см. раньше.

4. НАЧАЛО САТИРЫ.

Французскихъ риѣмачей суровый судія,
О классикъ Дебрео, къ тебѣ взываю я!
Хотя постигнутый неумолимымъ рокомъ,
Въ своемъ отечествѣ престалъ ты быть пророкомъ,
Хоть дерзкихъ умниковъ простерлася рука
На лавры твоего густаго парика,
Хотя, растрепанный новѣйшей вольной школой,
Къ ней въ гнѣвъ обратилъ ты свой затылокъ голой;
Но я молю тебя, поклонникъ вѣрный твой,
Будь мнѣ вожатаемъ! Дерзаю за тобой
Занять каѳѣдру ту, съ которой въ прежни лѣта
Ты слишкомъ превознесъ достоинство сонета,
Но гдѣ торжествовалъ твой здравый приговоръ
Минувшихъ лѣтъ глупцамъ, вранью тогдашнихъ поръ!
Новѣйшіе врази вралей старинныхъ стоятъ,
И слишкомъ ужъ меня ихъ бредни беспокоятъ!
Ужели все молчать, да слушать?... О, бѣда!
Нѣтъ, все имъ выскажу однажды навсегда.
О вы, которые, восчувствовавъ отвагу,
Хватаете перо, мараєте бумагу,
Тисненью предавать труды свои спѣша,
Постойте! напередъ узнайте, чѣмъ душа

У васъ исполнена—прямымъ ли вдохновеньемъ,
Иль необузданнымъ однимъ поползновеньемъ,
И чешется у васъ рука по пустякамъ,
Иль вамъ не вѣрять въ долгъ, а деньги нужны вамъ?

Не лучше ль будетъ вамъ съ надеждою смиренной
Заняться службою гражданской или военной,
Въ табачной лавочкѣ табачный торгъ завести,
Снискать себѣ въ трудѣ и барыши, и честь,
Чѣмъ объявленія совать во всѣ журналы,
Кропя сильному вельможѣ мадригалы,
Надъ меньшей братьею въ поту лица острясь,
Иль, высшимъ мнѣніемъ отважно вознесясь,
Съ оплошной публики [искуснѣй,] чѣмъ писаки,
Подписку собирать на будущіе враки.

Вар. рук. еще не изучены. *Депрео* — Буало, о кот. см. раньше, автор поэмы «Искусство поэзии», которая долго почиталась авторитетом. П. подражает ее приемам, но также Горацию (коего «Искусство поэзии» служило образцом Буало) и Ювеналу. *Новѣйшая школа* — романтизм; романтики, в борьбе с лже-классицизмом, систематически нарушали все правила поэтики Буало. «*Искуснѣй*» — догадка; м. б.: «ловчѣе», «успѣшнѣй». Напеч. отрывки 1855 г., полнее 1884 г.

Б. Черновые наброски.

1831 ГОД.

1. Я ДУМАЛЪ, СЕРДЦЕ ПОЗАБЫЛО...

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать;
Я говорилъ: тому, что было,
Ужъ не бывать, ужъ не бывать.
Прошли восторги и печали
И легковѣрные мечты...

Но вотъ опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты.
Гляжу, предаться не дерзая
Волненью грустному души,—
И ужасаюсь нѣгѣ влажной
Твоей по... . . . . .

Авт., собр. Ак. Н., на черн. письме к Бенкендорфу 18 января 1831 г. Напеч. Анненковым 1857 г. с вар. ст. 5—6:

Прошли любовныя печали,
Смирились легкія мечты...

1832 ГОД.

2.

Хотѣлъ я душу освѣжить,
Бывалой жизнию пожить
Въ забвеньи сладкомъ, близъ друзей
Минувшей юности моей...

Я ѣхалъ въ дальныя края
Искать не злата, не чести
Въ пыли, средъ копій и мечей...

Со списка Анненкова, не вполне точного, так как авт. на бумаге 1830 г., в собр. Ак. Н., недоступен исследователям. Напеч. 1903 г.

1833 ГОД.

3. КЪ П. Б. КОЗЛОВСКОМУ.

Цѣнитель умственныхъ твореній исполинскихъ,
 Другъ бардовъ Англїи, любовникъ Музъ Латинскихъ,
 Ты къ мощной древности опять меня манишь
 . . . . . велишь.

Я приготовился бороться съ Ювеналомъ,
 И въ Рускіе стихи, неопытный поэтъ,
 Переложить его я далъ тебѣ обѣтъ;
 Но, развернувъ его суровыя творенья,
 Не могъ преодолѣть пугливаго смущенья...

П. Б. Козловскій советовалъ П—у переводить др.-римскаго сатирика Ювенала, о котором см. раньше, и П. выразилъ свое согласіе. Козловскій долго жилъ за границей, былъ лично знакомъ съ англ. поэтами («другъ бардовъ»), любилъ др.-римскую литературу («Латинскихъ Музъ»). Въ библиотекѣ П—а нашлось два изд. Ювенала по франц.; опытовъ перевода не сохранилось. Написано, м. б., повднее 1833 г. Напеч. 1884 г.

4. НАПРАСНО Я БѢГУ...

Напрасно я бѣгу къ Сїонскимъ высотамъ,
 Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ;
 Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
 Взметая [лапой] пыль, и гриву потрясая,
 -И ноздри пыльные уткнувъ въ песокъ зыбучій,
 Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій.

К 1833 г. отнесено предположительно. Напеч. 1857 г. Авт. не сохранилось.

5.

Царь увидѣлъ предъ собою
 Столикъ съ шахматной доскою...

. . . . .
 Вотъ на шахматную доску
 Рать солдатиковъ изъ воску
 Въ стройный рядъ разставилъ онъ,
 Подбоченясь на лошадакахъ,
 Въ коленкоровыхъ перчаткахъ,
 Въ оперѣнныхъ шишачкахъ,

В черн. авт. вар., среди них:

Тутъ лохань передъ собою
 Приказалъ налить водою...

Повидимому,—сатира на войну. Напеч. 1881 г.

Съ палашами на плечахъ...

Передъ шахматной доскою
 На столъ лохань съ водою...
 Плавать онъ пустилъ по ней
 Кучу дивныхъ кораблей,
 Барокъ, каторогъ и шлюпокъ
 Изъ орѣховыхъ скорлупокъ.
 А прозрачныя вѣтрильца—
 Будто бабочкины крыльца...

6.

Въ полѣ чистомъ серебрится
 Снѣгъ волнистый и рябой,
 Свѣтитъ мѣсяцъ, тройка мчится
 По дорогѣ столбовой.

Пой: въ часы дорожной скуки,
 На дорогѣ столбовой,
 Сладки мнѣ родные звуки

Вар. авт. еще не изучены. Напеч. 1884 г.

Звонкой пѣсни удалой.

Пой, ямщикъ! Я молча, жадно
 Буду слушать голосъ твой.
 Мѣсяцъ блѣдный свѣтитъ хладно,
 Грустенъ вѣтра дальній вой...
 Знаешь пѣсню ты — лучина

. . . . .

7—9. Стрывочные строки.

I.

. . . . лѣзть соборомъ цѣлымъ
 Не совѣстно? Къ чему содомъ?
 Вамъ отвѣчай . . . . .

Было написано на записке Вяземского 1831 г. перед женитьбой, но тщательно зачеркнуто, так что можно прочесть лишь несколько слов. Напеч. 1903 г. и извлечена из описания рук. в нашем изд. *впервые*.

II.

Отъ васъ узналъ я плѣнь Варшавы,
 Вы были вѣстницею славы
 И вдохновеньемъ для меня.

Из записки к А. О. Смирновой при посылке ей стихотв. «Вородинская годовщина», 1831 г., см. письма, т. III.

III.

. . . . Толпа глухая,
 Крылатой истины любовница слѣпая,
 Любимцевъ, баловней мѣняетъ каждый день
 И падаютъ, стуча, съ ступени на ступень
 Кумиры ихъ, увѣнчанные ею...

9 Декабря 1833 г. Спб. 7 $\frac{1}{2}$ вѣч.

С авт. напеч. 1907 г. нами (В. Я. Брюсовым). В изд. Венгерова пропущено и в наше изд. включено *впервые*.

Лирические стихотворения 30-х годов, включенные в той же ред., как в рук., в драматические произведения: «Было время, процвѣтала...» и «Гимнъ въ честь чумы» («Пиръ во время чумы»), «Воротился ночью мельникъ...» («Сцены изъ рыцарскихъ временъ») и др.,—см. Часть II.

ПЕРИОД ОДИНАДЦАТЫЙ.

Последние годы жизни, 1834—1836 год.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворения.

1834 ГОД.

1а. [МИЦКЕВИЧУ.]

[Отрывок].

....Онъ между нами жилъ,
Средь племени враждебнаго; но злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питаль;—и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщаль бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чашей и мечтами,
И пѣснями (онъ былъ изъ вдохновенныхъ
И глубоко взираль на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о времени грядущемъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Онъ не любилъ крикливой клеветы,
Чуждался онъ пустаго вольнодумства,
Мы жадно слушали его. Но онъ отъ насъ
Ушелъ на Западъ—и благословеньемъ
Мы проводили друга. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ и нынѣ
Проклятыя шлетъ и ядомъ наполяетъ
Свои стихи въ угоду черни буйной.
Печально! Слышимъ издали его.
И молимъ Бога, да прольетъ Онъ кротость
Въ озлобленную душу...

10 Августа 1834 г. Слб.

Даем текст черн. авт., где загл. нет. Напеч. Посм. изд. под загл.: «М***» в ред., измененъ ой, повидимому, Жуковским. М. б., существовала промежуточная ред.—исправления П—а, особенно конца, потом редактированная Жуковским. Поэтому даем и текст Посм. изд.:

16. МИЦКЕВИЧЪ.

.....Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питаль онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщаль бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взираль на жизнь). Нерѣдко

Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
 Когда народы, распри позабывъ,
 Въ великую семью соединятся.
 Мы жадно слушали поэта. Онъ
 Ушелъ на Западъ—и благословеньемъ
 Его мы проводили. Но теперь
 Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
 Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
 Поетъ онъ ненависть: издалека
 Знакомый голосъ злобнаго поэта
 Доходить къ намъ!... О Боже! возврати
 Твой миръ въ его озлобленную душу!

10 Августа 1834. Спб.

Отношения П—а к великому польскому поэту Адаму Мицкевичу (1798—1855 г.) еще не вполне изучены; они сблизились в Москве, в 1826 г., в салоне Э. Волконской и др. Впосл. Мицкевич в Париже, в курсе публичных лекций, резко нападая на царизм, не шадил и России вообще. Текст белого авт., б. собр. К. К. Романова, еще неизвестен.

2. КЪ Н***.

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
 Тебя мы долго ожидали;
 И свѣтель ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
 И вынесъ намъ свои скрижали.
 И что жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,
 Въ безумствѣ суетнаго пира,
 Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
 Отъ насъ созданнаго кумира.
 Смугились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
 Въ порывѣ гнѣва и печали
 Ты проклялъ насъ, бессмысленныхъ дѣтей,
 Разбивъ листы своей скрижали...
 Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!.. Ты любишь съ высоты
 Скрываться въ тѣнь долины малой,
 Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
 Журчанью пчелъ надъ розой алой.
 Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой
 На пышныхъ играхъ Мельпомены,
 И улыбается забавѣ площадной
 И вольности лубочной сцены.
 То Римъ его зоветъ, то гордый Альбионъ,
 То скалы старца Оссіана,
 И съ дѣтской легкостью межъ тѣмъ летаетъ онъ
 Вослѣдъ Бовы иль Еруслана.

Вар. авт., где загл. нет, еще не изучены. Напеч. Посм. изд. начало, ст. 1—16; конец, ст. 17—24—изд. 1855 г. Гоголь утверждал, что стихи обращены к Николаю Павловичу; ныне это отвергнуто; по другим—к Н. Н. Гнедичу, переводчику «Иліады» Гомера (см. раньше). Образъ пророка, сходящего с вершин (Синая) и разбивающего скрижали—из Библии (Моисей), *Мельпомена* и др. см. Общ. прим. *Альбионъ*, Англия, *скалы Оссіана*, Шотландия, см. раньше. *Бова* и *Ерусланъ*—народные сказки. По сообщенію Анненкова, в его авт. ст. 17—24 написаны отдельно; в ст. 21 он читал: «гордый Иліонъ» (крепость Трои), об. раньше. /

3—4. Эпиграммы 1834 года.

1. КЪ ВОРОТАМЪ ЕКАТЕРИНГОФА.

Хвостовымъ нѣкогда воспѣтая дыра,
 Провозглашаешь ты природы русской скупость,
 Самодержавіе Петра
 И Милорадовича глупость!

3 Мая 1834 года.

Из записок П—а. См. том III. Другую эпиграмму, приведенную в тех же записках, под 3 июня того же года, П. определенно не признает своей (на гр. Кочубея). Гр. А. М. Милорадович — генерал, участник войн 1812 и 1813—14 г., убитый 14 декабря 1825 г. *Хвостов* см. раньше.

II. НА А. Ф. СМИРДИНА.

Смирдинъ въ бѣду меня повергъ:
У торгоша сего семь пятницъ на недѣлѣ;
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождика четвергъ.

Из письма к М. Л. Яковлеву, напеч. 1880 г. с авт. Ефремовым. А. Ф. Смирдинъ— видный книгопродавец; у П—а были с ним в 1834—1835 г. расчеты по «Истории Пугачевского бунта».

1835 ГОД.

1—5. ИЗЪ АНАКРЕОНА.

I. Ода LV

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврамъ;
Узнаемъ Парянь кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ;
Я любовниковъ щастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ:
Въ нихъ сияетъ пламень томный—
Наслажденій знакъ нескромный.
6 Января 1835.

II. ода LVI.

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри—честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ немного
Провождать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ж. етъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него тля всѣхъ открытъ,
Изъ него же нѣтъ исхода;
Всякъ навѣки тамъ забытъ.
6 Января.

III. ода LVII.

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвый;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не Скиѣы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно.

Нѣтъ! за чашей я покою,
Иль бесѣдую невинно.
6 Января.

IV.

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечеромъ:
Чаша первая Харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая—
Краснощекому Здоровью;
Третья—Дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.

V.

Отъ меня вечеръ Леила
Равнодушно уходила.
Я сказалъ: постой! куда?
А она мнѣ возразила:
Голова твоя сѣда.
Я насмѣшницѣ нескромной
Отвѣчалъ: всему пора!
То, что было мускусь темной,
Стало нынче камфора.
Но Леила неудачнымъ
Посмѣялася рѣчамъ
И сказала: знаешь самъ,
Сладокъ мускусь новобрачнымъ,
Камфора годна гробамъ.

I—III—близкие переводы; IV—V—подражания. Анакреонъ см. раньше. Вар. белых авт. I—IV, собр. Ак. Н., неизвестны, как и белого авт. V, собр. Л. Ф. Пантелева. Загл. I в рук.: «Изъ Анакреона отрывокъ». Вар. черн. авт. III:

- Ст. 1—2: Чтожь я вижу въ чашѣ дню?
(Милый мальчикъ, мальчикъ рѣвой!),
Наливай намъ, мальчикъ рѣвой...
3: Но умѣренной водою.
(Пить оставлю, но...) Раствори мнѣ...
Растворяй ты мнѣ вино...
5—8: Я не Скиѣ.—я не люблю
Съ гостемъ пьянствовать безчинно,
Я за чашею пою
И бесѣдую невинно.

По описанию собр. Ак. Н., в авт. I—два посл. ст. «как бы предположительно зачеркнуты»; II—«предположительная переделка посл. 4 строк»; III—«чистой список с двумя поправками»; IV—«со многими поправками и переделками». *Паряне, Скиѣ* — народы древности. *Бсвъ винограда* — Вакх. *Леила* — условное имя. *Морфей, Тартаръ, Парка, Хариты* и др. см. Общ. прим. и раньше, как об обычае др.-греков разбавлять вино водою. Современная наука не признает оды Анакреонта подлинными, но они соответствуют преданиям о нем, как о поэте, в старости славившем любовь, вино, радости жизни, см. «Гробъ Анакреона» 1815 г. и др. Напеч. I, III—V—Пссм. изд.; II—1855 г.; вар. III—1903 г.

6. ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

[Книга II, ода VII: къ Помпею Гросфу.]

Кто изъ Боговъ мнѣ возвратилъ
Того, съ кѣмъ первые походы
И браней ужасъ я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя
Въ шатрѣ за чашей забывалъ,
И кудри, плющемъ увитыя,
Сирийскимъ мурромъ умащалъ?

Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, трепетный квирить,
Бѣжалъ, нечестно брося щитъ,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
Но Эрміи самъ внезапной тучей

Меня покрылъ и вдаль умчалъ,
И спасъ отъ смерти неминучей.

А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ битвахъ очутился...
И нынѣ въ Римъ ты возвратился,
Въ мой домикъ темный и простой.
Садись подъ сѣнь моихъ Пенатовъ;
Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши, мальчикъ? Лей!
Теперь нехстати воздержанье:
Какъ дикій Скиѣ хочу я пить,
И, съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винѣ рассудокъ утопить.

Вар. черн. авт., собр. Онегина, еще неизвестны. Вольный перевод оды Горация к его другу Помпею. *Гораций*, см. раньше, участвовал в войне между республиканцами под начальством Брута Мл. с Октавианом и бежал после поражения при Филиппах. *Сирийское миро* и др. восточные ароматы в древности славились. *Эрміи* (Меркурий, изобретатель лиры и потому покровитель поэтов), *квирить*, *пенаты*, *скиѣ* и др. об. раньше. Часть стихотв. включена в набросок псевсти «Египетскія Ночи», см. т. III. Напеч. 1840 г., подъ загл. «Гораций». Среди вар.:

- Ст. 1 и сл.: О, первый изъ друзей моихъ,
Съ тобою юность я дѣлилъ...
Мой первый другъ, [съ тобой...]
Такъ часто я дѣлилъ тревоги...
О, ктожь тебя намъ возвратилъ...

7. ЮНОШУ, ГОРЬКО РЫДАЯ...

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклонень, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

Вар. авт., собр. б. К. К. Романова, неизвестны. Датировка предположительна. Напеч. Пссм. изд.

8. ПОДРАЖАНИЕ АРАБСКОМУ.

Отрокъ милый, отрокъ нѣжный,
 Не стыдись: навѣкъ ты мой;
 Тотъ же въ насъ огонь мятежный,
 Жизнью мы живемъ одной.
 Не боюся я насмѣшекъ —
 Мы двоились межъ собой:
 Мы точь въ точь двойной орѣшекъ
 Подъ одною скорлупой.

Авт., собр. Акад. Н., без загл. и с вар.:
 Ст. 3—4: Въ край безлюдный, въ степи снѣжны
 Я готова за тобой...

Сравнение с «двойным орешком», обычное в восточной поэзии, послало повод П—у изменить замысл. Первоначально, м. б., было подоказано образом одной из подруг декабристов («степи снѣжны»). Напеч. Посм. изд.

9. ПОЛКОВОДЕЦЪ.

БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ.

У Русскаго Царя въ чертогахъ есть палата:
 Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
 Не въ ней алмазь вѣнца хранится подъ стекломъ;
 Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
 Своєю кистию свободной и широкой
 Ее разрисовалъ художникъ быстроокой.
 Тутъ нѣтъ ни сельскихъ Нимфъ, ни дѣвственныхъ Мадонъ,
 Ни Фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
 Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи да шпаги,
 Да лица, полныя воинственной отваги.
 Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
 Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
 Покрытыхъ славою чудеснаго похода
 И вѣчной памятью Двѣнадцатаго года.
 Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
 И на знакомые ихъ образы гляжу,
 И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
 Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
 Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
 Уже состарѣлись, и никнуть въ тишинѣ
 Главою лавровой.

Но въ сей толпѣ суровой
 Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
 Всегда остаювлюсь прелъ нимъ, и не свожу
 Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
 Тѣмъ болѣе томимъ я грустию тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
 Высоко лоснится и, мнится, залегла
 Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла:
 За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
 Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
 Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
 Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
 Или невольное то было вдохновенье—
 Но Доу далъ ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! суровъ былъ жребій твой:
 Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.

Непроницаемый для взгляда черни дикой,
 Въ молчаньи шель одинъ ты съ мыслию великой;
 И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
 Своими криками преслѣдуя тебя,
 Народъ, таинственно спасаемый тобою,
 Ругался надъ твоей священной сѣдиною,
 И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
 Въ угоду имъ, тебя лукаво порицалъ....
 И долго, укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
 Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
 И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
 Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
 И власть, и замысль, обдуманнѣе глубоко,
 И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
 Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
 Свинца веселый свистъ слышавшій впервой,
 Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти...—

Вотще!—Преемникъ твой стяжалъ успѣхъ, сокрытый
 Въ главѣ твоей,—а ты, непризнанный, забытый,
 Виновникъ торжества, почилъ,—и въ смертный часъ
 Съ презрѣньемъ, можетъ быть, воспоминалъ объ насъ.
 О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
 Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
 Какъ часто мимо васъ проходитъ человекъ,
 Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
 Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣннѣ
 Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

7 Апрѣля 1835. Свѣтлое Воскресенье.
 С.-Петербургъ. Мятель и морозъ.

Напеч. «Соврем.» 1836 г. без подписи и с пропуском в конце, где строка точек, вместо 4 следующих стихов, было:

Вотще! — . . . . .

Это место в рук. не вполне отделано, вар.:

Во тмѣ Сульбы, а ты—оставленный, забытый,
 Почилъ... И, можетъ быть, въ . . . [свой смертный часъ]
 . . . . . вспомнилъ ты [объ насъ]..

Известно 6 рук., имеющих отношение к этому стихотв.: 1—черн., где загл. «Барклай де Толли» и дата «7 Апреля 1835. Свѣтлое Воскресенье»; 2—беловая, ныне в б. собр. К. К. Романова, где загл. «Полководецъ» и та же дата с добавлением пометы «СПБ. Мятель и морозъ». 3—два ст.: «О люди!...» и т. д. 4—одно имя: «Барклай де Толли». 4—в музее Онегина, начало (загл. и 3 слова). 5—несколько стихов на листке, где набр. «Въ сраженнѣ смѣлымъ быть...». 6—список Анненкова 4 стихов: «Вотще!—» и т. д. В рук. 5-й читается:

И предаль славъ ты чужой
 Успѣхъ, обдуманнѣе тобой...
 Какъ тѣнь, какъ гроба хладный.....
 (Какъ мрачнѣе мертвеннѣе.....)
 Ужасно! В. . . . .

Вар. других рук. не вполне изучены; среди них:

Ст. 15: Нередко медленно межъ ими я брожу...

17—18: Полунощныхъ орловъ могущая станица!

Ужъ многихъ нѣтъ изъ нихъ. Другіе, коихъ лица...

См. последовавшее за этим стихотв. «Объяснение», т. III. Барклай де Толли был главнокомандующим русской армией 1812 г. перед Кутузовым («тотъ, чей острый умъ...»). Утверждают, что план войны 1812 г. (отступление русских в глубь страны) былъ составлен Барклаем де Толли, но армия ему не доверяла, какъ иностранцу, и Александр I, против своего желанія, заменил его И. М. Кутузовым. Против упрека в несправедливости по отношению к Кутузову П. оправдывался в «Объяснении». Палата (зал портретов) ныне в Эрмитаже. *Нимфы, фавны* см. раньше: *Дюу*—тоже.

10. ТУЧА.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
 Одна ты несешься по ясной лазури,
 Одна ты наводишь унылую тѣнь,
 Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облежала,
 И молнія грозно тебя обвивала,
 И ты издавала таинственный громъ,
 И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
 Земля освѣжилась и буря промчалась,
 И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
 Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

13 Апрѣля 1835.

Напеч. «Моск. Набл.» 1835 г. Вар. белого авт. Публ. В.:

Строфа 2: Ты небо недавно кругомъ обнимала...

3: И вѣтеръ, колебля вершины древесъ...

См. т. III, письма. Нѣкоторые видят намек на биографические факты. Стихотв. положено на музыку многими композиторами.

11. ПИРЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Надъ Невою рѣзво вьются
 Флаги пестрые судовъ;
 Звучно съ лодокъ раздаются
 Пѣсни дружныя гребцовъ;
 Въ царскомъ домѣ пиръ веселой;
 Рѣчь гостей хмельна, шумна;
 И Нева пальбой тяжелой
 Далеко потрясена.

Что пируетъ Царь Великій
 Въ Питербургѣ-городкѣ?
 Отчего пальба и клики,
 И эскадра на рѣкѣ?
 Озаренъ ли чествомъ новой
 Руской штыкъ иль Руской флагъ?
 Побѣжденъ ли Шведъ суровый?
 Мира ль просить грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у Шведа
 Прибыль Брантовъ утлый боть,
 И пошелъ навстрѣчу *Дьда*
 Всей семьей нашъ юный флотъ,
 И воинственные внуки
 Стали въ строй предъ старикомъ,
 И раздался въ честь Науки
 Пѣсень хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
 Торжествуетъ государь —
 День, какъ жизнь своей державы
 Спасъ отъ Карла Руской царь?
 Родила ль Екатерина?
 Именниница ль она,
 Чудотворца-исполина
 Чернобровая жена?

Нѣтъ, онъ съ подданнымъ ми-
 рится;
 Виноватому вину
 Отпуская, веселится;
 Кружку пѣннить съ нимъ одну;
 И въ чело его цѣлуетъ,
 Свѣтель сердцемъ и лицомъ;
 И прощенье торжествуетъ,
 Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
 Въ Питербургѣ-городкѣ,
 И пальба, и громъ музыки,
 И эскадра на рѣкѣ;
 Оттого-то въ часъ веселый
 Чаша царская полна,
 И Нева пальбой тяжелой
 Далеко потрясена.

1835.

Напеч. «Соврем.» 1836 г. без подписи. Авт. в собр. Куриса с мелкими вар. и написанием: «Питербурхъ», как писалось в старину. Связано с работами П—а над историей Петра I. *Дьдъ* — первое судно Петра I, положившее начало русскому флоту.

Брантъ — учитель Петра. *Карль XII* — король шведский, см. примеч. к «Полтаве». *Екатерина I* — жена Петра. *Съ подданнымъ мирится* — с А. Д. Меншиковым. *Отъятый край* — Прибалтийский, *Ботъ*, указом Петра 1724 г., повелено было «выводить повсегодно въ воду» 30 августа. Дата в авт.

12. НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА.

ПОДРАЖАНІЕ ЛАТИНСКОМУ.

1. Ты угасаль, богачъ молодой!
Ты слышалъ плачь друзей пещальныхъ;
Ужъ смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
Она, какъ втершійся съ утра
Займодавецъ терпѣливой,
Торча въ передней молчаливой,
Не трогалась съ ковра.
2. Въ померкшей комнатѣ твоей
Врачи угрюмые шептались;
Твоихъ нахлѣбниковъ, цирцей,
Смущеньемъ лица омрачались;
Вздохали вѣрные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхъ, что сулили
Имъ тайныя судьбы.
3. А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ, къ мертвечинѣ падкой,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой,
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы,
И мнилъ загрестъ онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучъ.
4. Онъ мнилъ: „теперь ужъ у вельможъ
Не стану нянчить ребятишекъ;
Я самъ вельможа буду тожъ,
Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
Теперь мнѣ честность — триньтрава!
Жену общитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенныя дрова!“
5. Но ты воскресъ. Твои друзья,
Въ ладони хлопая, ликуютъ;
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цѣлуютъ;
Бодрится врачъ, поднявъ очки;
Гробовый мастеръ взоры клонитъ;
А вмѣстѣ съ нимъ прикащикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.
6. Такъ, жизнь тѣбѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она, —
Умѣй же пользоваться ею;
Украсть ее; года летятъ;
Пора! введи въ свои чертоги
Жену-красавицу — И боги
Вашъ бракъ благословятъ.
[Сентябрь—Ноябрь.]

Напеч. «Моск. Набл.» 1835 г. с полной подписью. Вар. черн. рук. еще не изучены, среди них:

- Строфа 3: Развратникъ радуясь клевететь,
Соблазнъ по городу гремитъ,
А онъ хохочетъ, рукоплещеть...
- 4: Ужъ онъ въ мечтаньяхъ заносился...
На откупъ рѣки отдавалъ,
Рубилъ наслѣдственные рощи...
Жену обкрадывать не буду
И воровать ужъ позабуду
Казенныя дрова...

Стихотв.—не перевод, а сатира на выздоровление графа Д. Н. Шереметева после опасной болезни. Его огромное состояние должно было перейти к С. С. Уварову, министру Нар. Просв., который уже опечатавал имущество, но граф выздоровел. За это стихотворение Уваров обратился в заклѣтого врага Пушкина и способствовал его гибели. См. т. III, «Дневникъ» П—а, из кот. видно, что обвинения сатиры — вполне справедливы. *Цирцей* и др. об. раньше. Стихотв. придан в начале легкой античный оттенок, чтобы оправдать подзаголовок, но далее выступает русская действительность. Уваров был очень отдаленный родственник Шереметева (муж его двоюкр. сестры), что увеличивало комизм положения. Стихотв. возбудило много толков (цензор «Моск. Набл.» был наказан) и перепеч. в журн. только 1858 г., собр. соч. П—а — только 1870 г.

13. СОСНЫ.

[ОТРЫВОКЪ].

[ОПЯТЬ НА РОДИНЬ.]

.... Вновь я посѣтилъ
 Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
 Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
 Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
 Перемѣнилось въ жизни для меня,
 И самъ, покорный общему закону,
 Перемѣнился я; но здѣсь опять
 Минувшее меня объемлетъ живо —
 И кажется, вчера еще бродилъ
 Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ опальный домикъ,
 Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею.
 Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
 Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
 Ни утреннихъ ея дозоровъ.....
 А вечеромъ, при завываньи бури,
 Ея рассказовъ, мною затверженныхъ
 Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ...
 Вотъ холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
 Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
 На озеро, вспоминая съ грустью
 Иные берега, иныя волны...
 Межъ нивъ золотыхъ и пажитей зеленыхъ
 Оно, синѣя, стелется широко:
 Черезъ его невѣдомыя воды
 Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
 Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
 Разсѣяны деревни; тамъ за ними
 Скривилась мельница, насилиу крылья
 Ворочая при вѣтрѣ...

На границѣ
 Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
 • Гдѣ въ гору подымается дорога,
 Изрытая дождями, три сосны
 Стоять: одна по-одаль, двѣ другія
 Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
 Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
 Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
 Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
 Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
 Увидѣлъ ихъ опять: онѣ все тѣ же,
 Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
 Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
 Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
 Теперь младая роща разрослась;
 Зеленая семья кругомъ тѣснится
 Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
 Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
 Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
 Попрежнему все пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспоманетъ...

Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни. Годы
Промчались — и вы во мнѣ пріяли
Усталого пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ. Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной —
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства...

26 Сентября 1835 года.

В собственноручном П—а списке стихотв. озаглавлено: «Сосны». Напеч. по смерти П—а, «Соврем.» 1837 г., под загл. «Отрывокъ» и с изменениями, вероятно, не П—а; в Посм, изд. под загл.: «Опять на родинѣ»; оба раза неполно. В двух черн. рук. без загл. и с датой вар., еще не вполне изученные; среди них:

- Ст. 14: Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый...
- 17 и сл.: Отъ малыхъ лѣтъ, но все приятныхъ сердцу,
Какъ шумъ привычный и однообразный
Любимаго ручья... Вотъ уголокъ,
Гдѣ для меня безмолвно пролетали
Часы трудовъ, свободно вдохновенныхъ.
Здѣсь, погруженный въ . . . . . думы...
Я размышлялъ о грустныхъ заблужденьяхъ,
Объ испытаньяхъ юности моей,
О строгомъ, заслуженномъ осужденіи,
О милой дружбѣ...
- 44: Зеленою семьей кусты тѣснятся...
- После 73: Я былъ одинъ. Врага я видѣлъ въ каждомъ,
Измѣнника — въ товарищѣ минутномъ,
И бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства,
И ненависть, и грезы мести блѣдной...
Но здѣсь меня таинственнымъ щитомъ
. . . . . святымъ прощеньемъ осѣнила
Позвія, какъ ангель-утѣшитель,
Спасла меня, и наконецъ душой
Здѣсь...
- В третьей черн. рук., отрывок, вар.:
- Ст. 15 и сл.: Не буду вечеромъ подъ шумомъ бури
Внимать ея разказамъ, затверженнымъ
Съ издѣтства мной, но все прекраснымъ.....
(Ея разказовъ никогда не скучныхъ,
Хотя давно, я такъ давно ихъ слыщаль)...
Какъ пѣсня колыбельная. Не буду

Угадывать заранѣе съ улыбкой
 Ея простыя рѣчи, выраженья,
 Которыя должны ей на языкъ....
 . . . . . или страницы
 Любимой въ дѣтствѣ книги, гдѣ мы знаемъ
 Какое слово на второй страницѣ
 (Какое слово гдѣ стоитъ, и все же
 Съ улыбкою она . . . . .
 Когда смущаемый моимъ уединеньемъ)...
 Какъ пѣсни родины или страницы
 Любимой въ дѣтствѣ книги, въ коей знаешь,
 Какое слово гдѣ стоитъ. Бывало
 Ея простыя рѣчи и совѣты
 И укоризны полныя любви
 Усталое мнѣ сердце ободряли
 (Волненье, горечь... я тогда еще)...
 Отрадой тихой,—я тогда еще
 Былъ молодъ и ожесточенъ.....

И мелкие вар.: «страницы—прочитанныя книги» и т. под. Посл. вар. напеч. 1903 г. В Посм. изд.; «смиранный домикъ» вм. «опальный» и т. под. В тексте в ст. 34, «Я про-
 ѣзжалъ...»,—лишняя стопа (2 слога), почему некоторые изд. выкидывают слово «вер-
 хомъ». Въ списке Анненкова ст. 16.

Ея распѣвовъ, мною затверженныхъ...

Два года—ссылки, 1824—1826 г. *Няня*—Арина Родионовна, см. раньше. *Иные берега*—Крым, Одесса, Черное море. *Дорога*—в Тригорское. *Въ разны годы*—начиная с 1817 г., см. черн. набр. этого года. Мысль; «пусти мой внукъ...» ср. «Брожу ли я...» и др. Печатаем часть по снимку с авт.

1836 ГОД.

1. Д. В. ДАВЫДОВУ.

При посылкѣ Истории Пугачевского бунта.

Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою!
 Не удалось мнѣ за тобою
 При громѣ пушечномъ, въ огнѣ,
 Скакать на бѣшенномъ конѣ.
 Наѣздникъ смирнаго Пегаса,
 Носилъ я стараго Парнаса
 Изъ моды вышедшій мундиръ.
 Но и по этой службѣ трудной

И тутъ, о мой наѣздникъ чудной,
 Ты—мой отецъ и командиръ.
 Вотъ мой Пугачъ; при первомъ
 взглядѣ
 Онъ виденъ: плутъ, козакъ прямой:
 Въ передовомъ твоёмъ отрядѣ
 Урядникъ былъ бы онъ лихой.

1836. 18 Января. С. Петербургъ.

Напеч., по смерти П—а, «Соврем.» 1837 г. Вар. черн. авт., собр. Онегина, неиз-
 вестны, среди них:

Посл. ст.: Наѣздникъ былъ бы онъ лихой.

См. т. III, письма. Первый стих—перевод стиха Арно, из его послания к Д. Давыдову
 (переведшему стихотв. Арно). О Д. Давыдове см. раньше.

2. ХУДОЖНИКУ.

Грустенъ и весель вхожу, ваятель, въ твою мастерскую;
 Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ.
 Сколько боговъ, и богинь, и героевъ!.. Вотъ Зевсъ-громовержецъ;
 Вотъ изподлобья глядитъ, дуя въ цѣвницу, Сатиръ;
 Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершитель Кутузовъ;
 Тутъ Аполлонъ—*идеаль*, тамъ Нюбея—*печаль*...
 Весело мнѣ! Но межъ тѣмъ, въ толпѣ молчаливыхъ кумировъ,
 Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;
 Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣтникъ.
 Какъ бы онъ обнялъ тебя, какъ бы гордился тобой!

25 Марта 1836 г.

Беловой авт. в собр. Ак. Н., с датой и мелкими вар., еще неизвестными. Обращено к скульптору Б. И. Орловскому, изваявшему статуи Барклая де Толли и Кутузова, что в Петрограде на Невском. *Ниобея*, по мифу, обратилась в камень от печали, потеряв всех своих детей. *Зеусъ*, *Аполлонъ* и др. об. раньше. По другим, обращено к С. И. Гальбергу. Напеч. Посм. изд.

3. [МИРСКАЯ ВЛАСТЬ.]

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
Тогда по сторонамъ животворяща древа,
Марія-грѣшница и пресвятая Дѣва,

Стояли двѣ жены,
Въ неизмѣримую печаль погружены.
Но у подножія теперь креста честнаго,
Какъ будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зримъ, поставлено на мѣсто женъ святыхъ—
Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
Или распятіе—казенная поклажа,
И вы боитесь воровъ или мышей?
Иль мните важности придать Царю Царей?
Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
Иль опасаетесь, чтобъ *чернь* не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ изкупила,
И чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда *простой народъ*?

1 Іюня.

Авт. не сохранилось. В списке для Посм. изд.—загл., повидимому, не П—а. Поводом послужила выставка картины К. П. Брюллова «Распятіе», перед которой были поставлены часовые (ныне эта картина в петроградской-лютеранской церкви). О «религиозности» П—а в посл. годы см. Вступ. оч. т. III. Заключительный штрих (приравнение «простого народа»—«господамъ»); был для своего времени смел. Напеч. отрывок 1855 г., полно за границей—1856 г., в России только—1870 г.

4. ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ.

[Изъ Франческо-Джанни].

Какъ съ древа сорвался предатель-ученикъ,
Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его приникъ,
Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей смрадной,
И бросилъ трупъ живой въ гортань геены гладной.
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Приняли съ хохотомъ всемірнаго врага
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И Сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предательскую ночь лобзавшія Христа.

22 Іюня 1836, Каменный Островъ.

Мелкие вар. белового авт., собр. Ак. Н., еще неизвестны. Стихотв. — перевод стихов итальянскаго поэта Франческо Джанни (1760—1822 г.): «Сонетъ объ Иуде». Стихотв. замечательно своимъ «сатанинскимъ юморомъ», усиленным в переводе. Ср. примеч. к предыд. Напеч. Посм. изд.

5. ИЗЪ И. ПИНДЕМОНТЕ.

(Изъ Альфреда де Мюссе.)

Недорого цѣню я громкія права,
 Отъ коихъ не одна кружится голова.
 Я не ропщу о томъ, что отказали боги
 Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
 Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
 И мало горя мнѣ—свободно ли печать
 Морочить олуховъ, иль чуткая цензура
 Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняеть балагура.
 Все это, видите ль, *слова, слова, слова!*¹
 Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
 Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
 Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа —
 Не все ли намъ равно? Богъ съ ними!.. Никому
 Отчета не давать; себѣ лишь самому
 Служить и угождать; для власти, для ливреи
 Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
 По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
 Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
 И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
 Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
 Вотъ счастье! вотъ права!...

5 Юля.

Вар. черн. и белого авт., собр. Ак. Н., еще неизвестны. В списке для Посм. изд. вар.:

Или созданіямъ искусствъ и вдохновенья,

Трепеща радостно въ восторгахъ умиленья...

Стихотв.—не перевод; в авт. ранее было, по-франц.: «Изъ Альфреда Мюссе»; П. желал скрыть, что в стихах — его собственные мысли. *Ипполито Пиндемонте* (1753 — 1828 г.)—итальянский поэт; *Альфредъ де Мюссе* (1804—1880 г.)—французский поэт-романтик. «Слова, слова, слова!» — из «Гамлета» Шекспира. Загл. читаютъ обычно: «Изъ VI Пиндемонте»; вероятнее — наше. Стихотв.—выражение безнадежного отчаянья, вызванного лишением элементарнейшихъ человеческихъ прав; смысл: где намъ мечтать о политической свободе, добиться бы свободы личной; Подробнее см. Вступ. оч. т. III Напеч. отрывок 1855 г., неполно—1857 г., полво за границею—1861 г., в России только—1880 г.

6. МОЛИТВА.

Отцы-пустынники и жены непорочны,
 Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
 Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
 Сложили множество божественныхъ молитвъ;
 Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
 Какъ та, которую священникъ повторяетъ
 Во дни печальные Великаго Поста;
 Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
 И нѣжитъ падшаго невѣдомою силой:
 „Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
 Любоначалия, змѣи сокрытой сей,
 И празднословія не дай душѣ моей;
 Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
 Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
 И духъ смиренія, терпѣнія, любви
 И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.“

22 Юля 1836.

¹ Hamlet.—А. П. [т.-е. Гамлетъ. Примеч. П—а.]

Авт. ныне не сохранилось, но известен факсимиле с него, где вар.:

Ст. 1: Святые мудрецы и жены непорочны...

3: Иль освѣжать его средь дольныхъ бурь и битвъ...

5: Но ни одна изъ нихъ меня такъ не плѣняетъ...

9: И душу мнѣ крѣпить невѣдомою силой...

11: Любоначалия, вмѣи коварной сей...

Ст. 9 печатался: «И падшаго свѣжить...», (но ср. написание П—а буквы «ѣ» в авт. «Вольность», строфа 2). Стихотв. — переложение «молитвы Ефрема Сирина». П., для своих литературных замыслов («Галубъ», «Егип. Ночи» и др.) изучавший историю религий (см. письма, т. III), перелагал, как художник, встречавшиеся ему яркие произведения в стихи. См. предыд. и Вступ. оч. т. III. Напеч. по смерти П—а «Соврем.» 1837 г. с воспроизведением авт.

7. КОГДА ЗА ГОРОДОМЪ...

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу—
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гниютъ всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолей
(Дешеваго рѣзца нелѣпныя затѣи!)
Надъ ними надписи и въ прозѣ, и въ стихахъ,
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;
По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный,
Ворами отъ столбовъ отвинченныя урны,
Могилы склизкія, зѣвающія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ наутро ждуть—
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
Что злое на меня уныніе находитъ,
Хоть плюнуть, да бѣжать.

Но какъ же люблю мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ Геніевъ, разтрепанныхъ Харитъ
Стоитъ широкой дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя....

14 Августа 1836. Каменный Островъ.

Вар, белого авт., собр. Ак. Н., еще неизвестны. Ср. черн. набр. предыд. периода. Стихотв. замечательно реализмом описаний. Напеч. неполно 1855 г., полно — 1857 г. (после упорной борьбы с цензурой).

8. [ПАМЯТНИКЪ.]

Exegi monumentum.

[Памятникъ я воздвигъ...

Горацій.]

1. Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

2. Нѣтъ, весь я не умру,—душа въ завѣтной лирѣ
 Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ,—
 И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мѣрѣ
 Живъ будетъ хоть одинъ пиитъ.
3. Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
 И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
 И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ, и нынѣ дикой
 Тунгусъ, и другъ степей Калмыкъ.
4. И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я Свободу
 И милость къ падшимъ призывалъ.
5. Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна:
 Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
 Хвалу и клевету пріемли равнодушно
 И не оспаривай глупца.

1836. Августа 21. Каменный Островъ.

Вар. черн. авт., отрывок собр. Ак. Н., еще неизвестны. Вар. белого авт., факсимиле, где загл. нет;

Строфа 2: Нѣтъ, весь я не умру,—душа въ безсмертной лирѣ
 Меня переживетъ и тлѣнья убѣжитъ...

3: Слухъ пройдетъ обо мнѣ по всей Руси великой...
 Тунгусъ и сынъ степей Калмыкъ...

4: Что звуки новыя для пѣсень я обрѣлъ,
 Что вслѣдъ Радищеву всславила я Свободу
 И милосердіе воспѣлъ...

(Что звуки новыя я въ пѣсняхъ пробуждалъ)...

5: Прививанью своему, о Муза, будь послушна...
 Хвалы и клевету пріемли равнодушно...

В авт. эпиграф написан с ошибкой: «Ехігі» вм. «Ехегі»: он взят из оды Горация, которой ранее подражал Державин. Налеч. Посм. изд. с изменениями Жуковского: строфа 1—«Наполеонова столпа», 4—«...народу я любезен...»; «Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ...» и др. Исключительно этот искаженный для цензуры текст был известен критике в течение полувѣка; он же выбит на московском памятнике П—у; правильный—указан в 1881 г., включен в изд. П—а—въ 1887 г. *Александрійскій столпъ*—колонна в Петроградѣ в честь Александра I (*Наполеоновъ столпъ*—Вандомская колонна в Парижѣ в честь Наполеона I в 1836 г., еще не восстановленная). Стихотв., как подражаніе античной оде, написано в приподнятом тонѣ, стего—ряд славянизмов; *ипитъ*—поэт, *языкъ*—народ и др. *Восславилъ Свободу* П.—в оде «Вольность» 1817 г. и др. *Призывалъ милость къ падшимъ*—в стихах о декабристах, см. 1826—1828 г. и др. *А. Н. Радищевъ* см. раньше, подробно—т. III, статьи П—а о нем. «Памятникъ» ближе к подражанію Державина, нежели к оригиналу Горация (переведен М. Ломоносовым, А. Фетом, Вал. Брюсовым и др.)

9—10. НА СТАТУИ,

[бывшія на выставкѣ въ Академіи Художествъ.]

1. МАЛЬЧИКА, ИГРАЮЩАГО ВЪ БАБКИ.

[Работы Н. Пименова.]

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
 Бодро оперся, другой поднял мѣтку кость.
 Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздавайся народъ любопытный
 Врознь разступись: не мѣшай Руской удалой игрѣ.

II. МАЛЬЧИКА, ИГРАЮЩАГО ВЪ СВАЙКУ.

[Работы Н. Логановскаго.]

Юноша, полный красоты, напряженья, усилія чуждѣй,
 Строенъ, легокъ и могучъ, тѣшится быстрой игрой.
 Вотъ и товарищъ тебѣ, Дискоболъ! онъ достоинъ, клянуся,
 Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать...

Октябрь, 1836.

Напеч. «Художеств. Газ.» 1836 г. при описании выставки. *Дискоболь* — мечущий дискъ, знаменитая античная статуя. По рассказу современниковъ, П. в этихъ статуяхъ приветствовалъ зарожденіе русской *народной* скульптуры, какъ вскоре в опере М. Глинки — русской народной оперы.

11. [19 ОКТЯБРЯ 1836 ГОДА.]

Была пора: нашъ праздникъ молодой
 Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
 И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
 И тѣсно сидѣли мы толпой.
 Тогда душой безпечные невѣжды,
 Мы жили всѣ и легче, и смѣлѣй,
 Мы пили всѣ за здравіе Надежды
 И юности, и всѣхъ ея затѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
 Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился:
 Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился,
 Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ,
 Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
 Просториѣ, грустиѣ мы сидимъ,
 И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
 И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора. Ужъ двадцать пятый разъ
 Мы празднуемъ Лицея день завѣтной;
 Прошли года чредою незамѣтной;
 И какъ они перемѣнили насъ!
 Недаромъ, нѣтъ, промчалась четверть вѣка!
 Не сѣуйте: таковъ судьбы законъ.
 Вращается весь міръ вокругъ человѣка,
 Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други, съ той поры,
 Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
 Чему, чему свидѣтели мы были!...
 Игралища таинственной игры,
 Метались смущенные народы,
 И высились, и падали цари;
 И кровь людей то Славы, то Свободы,
 То Гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возникъ Лицей,
 Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ Царицынъ,—
 И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
 Привѣтствіемъ межъ Царственныхъ гостей.

Тогда гроза Двѣнадцатаго года
Еще спала; еще Наполеонъ
Не испыталь великаго народа—
Еще грозиль и колебался онъ.

Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь Наукъ съ досадою возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шель мимо насъ... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага,
И заревоу Московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался;
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сии сады, сии живыя воды,
Гдѣ проводиль онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ его — и Русь оставиль онъ,
Взнесенну имъ надъ міромъ изумленнымъ;
И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый Царь, суровый и могучій,
На рубежѣ Европы бодро сталъ,
И надъ землей сошлись новы тучи,
И ураганъ ихъ...

Вар. черн. авт. Рум. муз., где загл. нет, еще не изучены, среди них:

Посл. строфа: И новый Царь, стражъ бодрый и могучій...

И надъ землей скопились новы тучи,

И ураганъ ихъ ..... (разметаль)...

Напеч., по смерти П—а, «Соврем.» 1837 г. и Посм. изд. с изменениями Жуковского. Стихотв. не закончено, см. Вступ. оч. т. III. О правдновании лицейских годовщин см. 1825 г. *Чертогъ Царицынъ*—бывш. дворец Екатерины II в Царском Селе, где был устроен Лицей, *Куницынъ*—один из профессоров, см. 1825 г. и др. *Гроза Двѣнадцатаго года* ср. «Воспоминання в Ц. С.» 1829 г. и стихи П—а о Наполеоне. *Агамемнонъ*, вождь объединенных греков (как Александр I стоял в 1814—1815 г. во главе объединенной против Наполеона Европы), см. раньше и стихотв. «На возвращеніе» 1817 г. *Новый царь*—Николай I, *Новы тучи*—польское восстание 1831 г., франц. революция 1830 г. и др. В рук. «онъ», «его» (о царе)—с большой буквы.

12. ПОРА, МОЙ ДРУГЪ, ПОРА...

[къ женѣ.]

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце просить.
Летятъ за днями дни и каждый день уносить
Частичку бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Предполагаемъ жить... и глядь, все прахъ: умремъ.
На свѣтъ щастья нѣтъ, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

Вар. авт., собр. Онегина, неизвестны; печаталось:

Ст. 3—4: Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ

Располагаемъ жить... И глядь,—все прахъ: умремъ!

М. б., написано раньше 1836 г. Напеч. 1886 г. В рук. следует равдуумье в прозе, см. т. III. *Побѣгъ*—желание П—а уехать в деревню, что ему не разрешали, см. письма, т. III.

Отдел II. А и Б. Незаконченные, необработанные стихотворения и черновые наброски последних лет жизни, 1834—1836 г.

Напсч. И. Шляпкиным 1903 г., Акад. изд. 1916 г., Анненковым 1855 г., Онегиным-Отто 1880 г., «Русс. Старина» 1884 г., в описаниях собр. Акад. Н. 1906 г. и музея Онегина 1912 г. и др.

1834 ГОД.

1. [КЪ ВОЛЬТЕРУ.]

Съ очами быстрыми, завистливыми злобно,
Съ устами сжатыми цинической улыбкой,
Съ плъшивымъ черепомъ, зеркаломъ . . . . [думъ],
Еще въ ребячествѣ моемъ безстыднымъ нравомъ
[Плѣнилъ меня старикъ] . . . . .

Еще въ младенчествѣ безсильный . . . . .
Я встрѣтилъ старика съ плъшивой головой...
Я старцу въ сѣть попалъ . . . . .

В авт. вар.: «Съ очами впалыми...», «наморщенной (привычною) улыбки...», «въ младенчествѣ несмысленномъ...» и др. «Плѣнилъ меня старикъ»—догадка, для уяснения мысли наброска. М. б., обращено к Вольтеру, о влиянии которого на юношу-П—а см. раньше и Вступ. оч. Авт. на бумаге 1834 г. Напеч. 1903 г.

2. ОТРЫВОКЪ.

Не розу Паѳосскую, Росой оживленную, Я пынѣ пою;	Не розу Θεосскую, Виномъ окропленную; Стихами хвалю:
Но розу щастливую, На персяхъ увядшую Элины моей....	

Вар. белого ает., собр. А. Н., где две поправки, одна из них «исправляющая обычный текст», и загл., неизвестны. Вар. черн. авт. Рум. муз. не изучены. *Паѳос*—остров, посвященный Венере. *Θεος*—остров, рсдина Анакреона. *Элина*—условное имя. Отрывок замечателен расположением рифм. Рядом—набросок «Кам. Гостя» 1830 г., но «Отрывокъ», повидимому, написан позже. Напеч. Посм. изд.

3. [ПОЛОНОФИЛУ.]

1. Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ,
Ты свѣта таинство увидѣлъ,
И нѣжно чуждые народы возлюбилъ,
И мудро свой возненавидѣлъ.

---

2. Когда безмолвная Варшава поднялась
И Польскимъ буйствомъ опьянѣла,
И ночью наша кровь рѣкою полилась
При кликѣ: „Польска не сгинѣла“;

---

3. Когда на Дибича . . . . . злобясь,
Пестро Парижской пустомеля
Ревѣлъ на кафедрѣ, ты пилъ у [насъ, мой князь,
. . . . . здоровье Лелевеля!

4. Ты руки потираль отъ нашихъ неудачъ,
 Съ лукавымъ смѣхомъ слушалъ вѣсти;
 Когда рѣдѣли . . . . . бѣжали вскачь
 И гибло знамя нашей чести...
5. [Когда жъ раздавленный] Варшавы бунтъ [упаль]
 . . . . . и въ дымѣ
 Поникнулъ ты [во] прахъ и горько возрыдалъ,
 Какъ Жидь о Іерусалимѣ!

Совершенно неотделанный набросок, относящийся к польскому восстанию 1830 г., но, кажется, написанный позже. И. Шляпкин относит стихи к «1830—1834 г.» Несколько слов добавлено, в скобках, по логике. В авт. много вар., среди них в строфах;

- 1: [Отъ] предразсудковъ ты свой разумъ . . . . .
 Ты празды чистый (свѣтъ) ликъ увидѣль,
 И жарко чуждые народы возлюбивъ...
- 2: Когда мятежная Варшава поднялась...
 И смертная борьба . . . . . началась...
- 3: Когда въ д. . . . . кривясь, [досадою] полна...
 .Когда Французскій пуотомеля...
 Ты славилъ имя Лелевеля...
- 4: (Отъ разныхъ . . . . . глоталь ты вѣсти)...
 . . . . . съ улыбкой слушалъ вѣсти...

1. *Лелевель*—видный деятель польского восстания. *Дибичъ*, предшественник Паскевича, в командовании русской армией в 1830—1831 г., умерший во время похода. «[Еще] Польска не сгинѣла» т.-е. «еще Польша не погибла»—народный гимн поляков. *Полонофил*—сторонник Польши. Напеч. 1903 г., под условным загл.

4. [ПРИТЧА.]

Къ кастрату разъ пришелъ скрипачъ,
 Онъ былъ бѣднякъ, а тотъ богачъ.
 —„Смотри“, сказалъ богачъ без. . . . .,
 Мои алмазы, изумруды,—
 Я ихъ отъ скуки разбираль.
 А, къ стати, братъ,—онъ продолжалъ,—
 Когда тебѣ бываетъ скучно,
 Ты чтѣ творишь, сказать прошу?“
 Въ отвѣтъ бѣдняга равнодушно:
 Я? я . . . . . себѣ чешу.

10/11 Сентября. Михайловское.

Авт.—в музее Онегина. Акад. изд. отнесло этот набросок к 1825 г. Но в описании музея сказано, что почерк наброска «1830-х годов» и он отнесен, предположительно, к 1834 г. В Ак. изд., ст. 3: «пѣвецъ без...» Напеч. 1916 г.

5.

...На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной:
 Смотрите—Вы поэтъ—уклонной, лицемѣрной,
 Вы насъ морочите, Вамъ слава не нужна,
 Смѣшной и суетной вамъ кажется она;
 За чѣмъ же пишете?—Я? для себя.—За чтож
 Печатаете Вы?—Для денегъ.—Ахъ, мой Боже,
 Какъ стыдно!—Почему жъ....

Мысль, которую П. повторял несколько раз, см. 1825 г. «Разговоръ к. съ поэтомъ» и др. Написано на объявлении 30-х годов. Внизу подсчет: 500 + 1800 + 1500 = 3800, что часто встречается в рук. П.—а 30-х годов, когда его мучили денежные заботы. Напеч. 1855 г., точнее с авт.—1903 г.

1835 ГОД.

6.

Если ѣхать вамъ случится
Отъ **** на ****
Тамъ, гдѣ Л. струится
Межъ отлогихъ береговъ,
Отъ большой дороги справа,
Между полемъ и холмомъ,
Вамъ представится дубрава,
Слѣва—садъ и барскій домъ.
Лѣтомъ въ немъ, какъ за холмами
Утопаютъ солнца шаръ,

В другой рук. читается:

Если ѣхать вамъ случится
Отъ *** къ Москвѣ,
Тамъ гдѣ *** струится
Въ неизмѣнной синевѣ.
Отъ моста немного справа
Передъ вами будетъ домъ,

Домъ облить его лучами,
Окна блещутъ, какъ пожаръ,
Путникъ видитъ на балконѣ
Деревенскую семью...

.....
И ѣздой [своей] скучая,
Путникъ смотритъ развлечень,
Взоръ завистливый бросая
Изъ телеги на балконъ...

Слѣва темная дубрава
— — — кругомъ,
Тамъ, гдѣ вольный и отлогой
Путь надъ Волгою лежитъ...
.....
Колокольчики звенять...

Стих 2-й, м. 6., «Отъ Тригорскаго на Псковъ»; под буквою «Л» видели Ловать, но это название не соответствует размеру. Первый авт. на обороте набр. 1835 г. «Вновь я посѣтилъ...»; в нем ряд вар., среди них в стихах—

9—12: Блещутъ окна золотыя...

Окна западъ освѣщаетъ...

13—16: За. . . . . оградой...

Смотритъ путникъ: на балконѣ

Деревенская семья...

17—20: Къ милой. . . . . спѣша,

Путникъ смотритъ невидимо

На семейство на балконъ...

Вар. второго авт., Рум. муз., еще неизвестны. Вероятно, говорится об усадьбе Осиповых и Вульфов в Тригорском, см. Вступ. оч. ч, 2-й. Напеч. второй—1884 г., первый—1903 г.

7. НА КАРТИНУ К. БРЮЛЛОВА „ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ“.

I.

Везувій зѣвъ открылъ,—дымъ хлынулъ клубомъ; пламя
Широко развилось, какъ боевое знамя;
Земля волнуется . . . . съ колоннъ
Кумиры падаютъ! . . . . . стонъ...
. . . . . Народъ, гонимый страхомъ,
Подъ каменнымъ дождемъ, подъ воспаленнымъ прахомъ,
Бѣжитъ изъ града вонъ; пожаръ, блеща во мглѣ,
Весь городъ освѣтилъ. По трепетной землѣ
Народъ . . . . .

II.

...Везувій вдругъ развилъ, какъ [боевое] знамя.
Содрогнулась земля,—шатнулся градъ, и пламя
Мглу ночи . . . . .
Столпы шатаются, съ ихъ узкой вышины
Кумиры падаютъ...

Далее опять начато: «Везувій зѣвъ отверзъ...» и т. д. Стихотворение точно передает картину К. Брюллова, изображающую гибель городка Помпеи от извержения вулкана Везувия, подле Неаполя, в I в. по Р. Х. Картина имела в свое время огромный успех. Напеч. 1855 г.

8. О БѢДНОСТЬ...

О, бѣдность! затвердилъ я наконецъ
Урокъ твой горькой. Чѣмъ я заслужилъ
Твое гоненье, властелинъ враждебной?..

Сохранилось два авт. этих 3 стихов: Рум. муз. и в музее Онегина. Набросок—перевод стихов Барри Корнуоля, начало драмы «Соколы». Во 2-м авт. мелкие вар.: «затвердил я...» и т. под. *Б. Корнуоль* см. раньше и письма 1837 г., т. III. Тема близко касалась П—а, в последние годы крайне стесненного в деньгах. Напеч. по авт. Рум. муз. 1882 г.; по авт. Онегина—1910 г.

9. ПОЭТЪ ИДЕТЬ...

Поэтъ идетъ. Открыты вѣжды, Но онъ не видитъ никого. А между тѣмъ за край одежды Тихонько дергаютъ его. Глупцы твердятъ: „онъ, вѣрно, дре- млетъ, ... Куда? Куда? Дорога здѣсь, ступай сюда! Напрасный трудъ, — поэтъ не вне- млетъ,	Идетъ, куда его влекутъ Мечты свободныя . . . . . Таковъ поэтъ! какъ Аквилонъ, Что хочеть, то уносить онъ: Увядшій листь, иль прахъ площад- ный, Иль куполь . . . . . И, не спросясь ни у кого, Какъ Дездемона, избираетъ Кумиръ для сердца своего.
---	--

Новая ред. выпущенных строф из «Родословной моего героя», см. Часть 2-я. *Дездемона*—героиня «Отелло» Шекспира, полюбившая мавра. *Аквилонъ*, ветер, см. раньше. Ср. ряд. стихотв. о поэте. Ст. 14 читают также: «Иль куколь...» (монашеская одежда). Напеч. 1882 г.

В. Стихи, написанные при участии Пушкина.

10. КАНОНЪ ВЪ ЧЕСТЬ ГЛИНКИ.

Пой въ восторгъ русскій хоръ
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! нашъ Глинка —
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ!

Эта строфа приписывается П—у в «каноне в честь М. И. Глинки» (композитора, автора оперы «Жизнь за Царя»). Эта литературно-музыкальная шутка сочинена на дружеском вечере у кн. Одоевского, 13 дек. 1836 г., Пушкиным, кн. Вяземским, Жуковским и гр. Вельегорским—музыка кн. Одоевского и самого Глинки. В брошюре, напеч. 1836 г., П. назван автором 1-ой строфы; но известен авт., ныне утраченный, где рукой П—а написана 4-ая строфа (м. б., только записана). Весь «канон» составлен так:

КАНОНЪ ВЪ ЧЕСТЬ ГЛИНКИ.

Пой въ восторгъ, русскій хоръ:
Вышла новая новинка!
Веселися Русь, нашъ Глинка—
Ужъ не глинка, а фарфоръ!
За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея-Глинку
Отъ Неглинной—до Невы!

Въ честь толь славныя новинки
Грянь труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы глинтвейну стаканъ!
Слушая сію новинку,
Зависть влобъ омрачась,
Пусть скрежещеть, но ужъ Глинку
Затоптать не можетъ въ грязь.

13 декабря 1836.

Орфей—мифический др.-греческий певец-поэт. Перепеч. 1870 г.

Г. 11—12. Стихи, приписываемые Пушкину.

I—II. Эпиграммы.

I. НА КНЯЗЯ ДУНДУКА.

Въ Академіи Наукъ
Засѣдаетъ князь Дундукъ:
Дундуку такая честь.
Почему жъ онъ засѣдаетъ?
Говорятъ, не подобаетъ
Потому что можетъ сѣсть.

Рассказываютъ, что посл. стихъ есть вар. Пушкина же; первоначально было: «Потому что . . . . сѣсть»; еще вар.: «Онь того, что есть чѣмъ сѣсть.» Авт. неизвестен, но в письмах П—а есть намеки на эту эпиграмму (см. письма 1886 г., т. III), а А. А. Краевский утверждает, что видел ее авт. Однако, сам П. приписывал стихи С. А. Соловевскому. *Кн. М. А. Дондуковъ-Корсаковъ*, брат лицейского товарища П—а, был по-печителем учебного округа и с 185 г. вице-президентом Академии Наук. Напеч. за границей 1861 г.

II. НА БУЛГАРИНА.

Иль въ Булгарина наступишь.

Этот стих приписывается П—у в эпиграмме на Смирдина (книгопродавца) гр. В. А. Сологуба:

Коль ты къ Смирдину войдешь,
Ничего тамъ не найдешь,
Ничего ты тамъ не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь,
Иль въ Булгарина наступишь.

Булгаринъ см. выше. *Сенковский* см. письма, т. III. Напеч., по сообщению Сологуба, 1866 г.; ранее приписывалась полностью П—у и напеч. 1858 г. в иной ред.:

Къ Смирдину какъ ни зайдешь,
Ничего не купишь,
Иль Сенковского найдешь
Иль въ Булгарина наступишь.

Известны и другие ред.: «Иль въ Гречѣ наступишь» и т. под. *Гречъ* — журналист, друг Сенковского.

В разных изд. и списках П—у приписывается еще длинный ряд эпиграмм и стихотв., принадлежность которых ему ничем не подтверждается, в том числе:

III.

«Сыны Отечества» и «Вѣстники Европы»
Полезны для ума, а болѣе для . . . .

IV. НА Н. ПОЛЕВОГО.

Онъ третьей гильдии купецъ,
Вт рой съ Булгаринимъ пр'датель,
Послѣдней гильдии писатель
И первой гильдии подпецъ.

V. НА БРАТЬЕВЪ ПОЛЕВЫХЪ.

Нѣтъ подлѣе отъ Алтая
Полевого Николая,
И глупѣе нѣтъ отъ Понта
Полевго Ксенофонта.

Также: «Сошлись школьники...», «Смотрю печально...», «Тебѣ въ прощальныя мгновенья...», «Я жизнь любилъ...» и мн. др. Братья *Н. и К. Полевы* см. т. III. *Гр.* *Хвостовъ* и др. см. раньше.

Д. 13—18. Наброски в духе народного творчества.

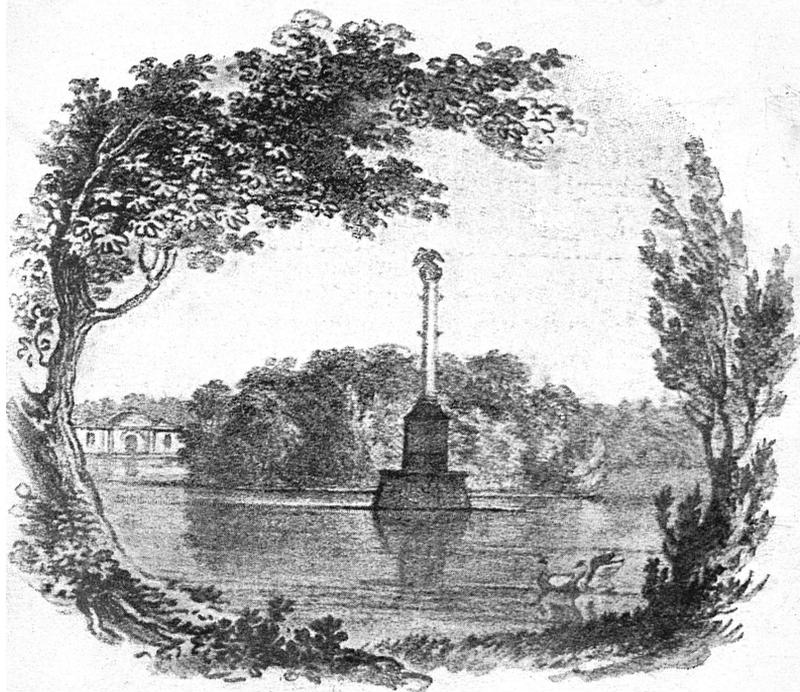
1833—1834 г.

I.

Въ славной Муромской землѣ,
Въ Карачаровѣ селѣ,
Жилъ былъ дьякъ съ своей дьячихой.
Подъ конецъ ихъ жизни тихой
Богъ отраду имъ послалъ
Сына имъ онъ даровалъ...

А. П. КЕРН.
С силуэта 1825 г.

Вид Царского Села.
С литографии при альманахе „Царское Село“ 1830 г.

II.

Уральски Козаки
Были дураки.
Генерала убили,
Государя...

III.

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Противъ неба на землѣ
Жиль старикъ въ одномъ селѣ...

IV.

Ты побѣдный добрый молодецъ,
Безталанная головушка...

Точнее эти отрывки относятся к «Эпосу». I—Начало переложения былины об Илье Муромце, в манере пушкинских сказок (осень 1833 г.). II—м. б., запись народной песни, сделанная во время поездки на Урал (сентябрь 1833 г.). III—начало сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунукъ», написанное П—ым (1834 г.?). IV записано на экземпляре «Слова о полку Игореве», очевидно, одновременно с заметками на «Слово» 1834 г., см. т. III. Напеч. III в сказке Ершова, 1834 г., I с авт.—1889 г., II с авт.—1910 г., IV с авт.—1912 г.

Начала набросков неизвестных годов.

V.

Другъ сердечный мнѣ намѣдни говорилъ...

VI.

Не видали ли, дѣвица,
Коня моего?..

Два наброска, м. б., записи народных песен, собр. Ак. Н.; I—на бумаге 1830 г., II—1834 г., в каждом наброске—несколько строк. Напеч. 1906 г.

Д. 19—23. Отрывочные строки.

I. ЧИНОВНИКЪ И ПОЭТЪ.

„Куда вы?“ — За городъ, конечно...
.....
..... Кирджали...

• II. ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

Царей потомокъ, Меценатъ,
Мой покровитель стародавний,
(О ты, мой вождь и покровитель славной)...

III.

Она небрежная...
Она невинно весела...

IV. Я ВОЗМУЖАЛЪ И КАЖЕТСЯ НА ВѢКЪ...

Я возмужалъ и кажется на вѣкъ
И дней моихъ взволнованный потокъ
Теперь утихъ . . . . .
Дремалъ порой миролюбивый геній
И рѣдко отражалъ небесную лазурь
На долго-ль? и . . . . . прошли
Дни новыхъ бурь, дни горькихъ искушеній...

V.

Пошли мнѣ долгу жизнь...

I—собр. Ак. Н.: загл. и несколько строк; посл. слово зачеркнуто, но дает возможность определить дату, 1834 г. II—начало перевода 1-й оды Горация к его покровителю, Меценату. III—въ музее Онегина. IV—записано среди набросков статьи о Радищеве, см. т. III; м. б., вар. к стихотв. «Вновь я посѣтилъ...» V—собр. Ак. Н.; несколько строк на одном листке со стихотв. «Памятник», след., относится к 1836 г. и является одним из самых последних стихов, написанных в жизни Пушкиным. Напеч. в описаниях собр. Акад. Наук и музея Онегина, 1906 г. и 1912 г.

РАЗНЫХ ПЕРИОДОВ.

В следующие Отделы внесены стихи, пропущенные ранее по случайным причинам, а также—некоторые первоначальные ред. и вар. стихотворений, не имевшиеся в виду по раннему плану изд.; см. вступительную заметку к Дополнительным примечаниям.

Отдел I и II. А. Законченные стихотворения, первоначальные ред., черновые наброски, 1811—1833 г.

ДО 1814 ГОДА.

1—4. НЕ ДОШЕДШИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ.

Из сообщений сестры П—на, его школьных товарищей и др., известно, что до поступления в Лицей он писал (кроме франц—их стихов, частью сохранившихся в памяти О. С. П—ой-Павлицевой, см. период первый, приложение II, стр. 104),—1, басни, в подражание Лафонтену (вероятно, по-франц—ски), и—2, русские стихи, а в Лицее, в 1812—1813 г., написал—3, какую-то «рыцарскую балладу» и—4, «описание розы».

ДО 1817 ГОДА.

5—8. НЕ ДОШЕДШИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ.

В собственноручном П—а перечне его стихотв. (см. Часть 3, Прибавление), составленном в 1817 г., названы не дошедшие до нас произведения:—5, «Бонапарте»,—6, «Послание Трубецкому»—7, «Ринальда». В. Гаевский называет еще—8, *басня о душе*.

1818—1819 ГОД.

9—10. НЕ ДОШЕДШИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ.

Из сообщений А. И. Тургенева, известно, что 19 ноября 1818 г. П., при проходах К. Н. Батюшкова, уезжавшего в Италию, написал или сказал какой-то экспромпт «Прощание», а в конце августа 1819 г.—«дорогой из Царского Села в Павловск писал послание о Жуковском к павловским фрейдинам».

1819 ГОД.

11. ОТРЫВОК.

За старые грѣхи наказанный судьбой,
Я стражду восемь дней съ лѣкарствами въ желудкѣ;
Съ Меркуриемъ въ крови, съ разкаяніемъ въ разсудкѣ,—
Я стражду... Эскулапъ смѣется надо мной...

См. выше, стр. 142. Прочитано полнее Морозовым, изд. 1903 г. Вар. ст. 2: «Съ позмой въ головѣ...» В ст. 4, вместо «смѣется», первоначально было (зачеркнуто): «ругается [со мной]...»

1820—1821 ГОД.

12. НАБРОСОК

Она . . . . . подарила
 . . . . . первый сонъ
 И мысль объ ней одушевила
 Безвѣстной лиры первый звонъ...

Напеч. Акад. изд. по записной книжке П—а 1820—1821 г. См. стр. 140, набросок 1819 г. «Я видѣль, какъ она при мнѣ...», стр. 213, набросок 1823 г. «Умом и нѣжною красой...», и Часть 2, «Евг. Онѣг.», Глава II, стр. XXII. Таким образом свою мысль П. перерабатывал четыре раза, в 1819, в 1820—21 г., в 1823 г. и в «Евг. Онѣг.» В рук. вар.: «Щастливой лиры первый звукъ...» В наброске 1819 г. среди вар. еще:

Я видѣль, другъ уединенья...
 Я пылкимъ сердцемъ обожаль...
 Влюбленной лиры первый звукъ,
 И сердце страст[но] приучила...

13. [ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕД. СТИХОТВ.]

ИНОСТРАНКЪ.

Г . . . . .

Вотъ это.

На языкъ тебѣ невнятномъ
 Стихи завѣтные пишу,
 Въ забвеньи грустномъ и пріятномъ
 Вниманья тихаго прошу.

Я мыслилъ: только заблужденья
 Всѣ блага . . . . .
 Твержу съ томленьемъ...

Пока я сердцемъ не увяну,
 И жизнь и разлюбю,
 Тебя любить не перестану,
 Тебя, мой другъ, одну [тебя].

[Я не забуду,] другъ любимый
 Твоей утраченной любви...

Я буду помнить, другъ любимый,
 Во тьмѣ плѣнительныхъ ночей,
 Твой поцѣлуй неутолимый
 И жаръ и огонь [твоихъ] очей.

22 Іюня 1822.

См. стр. 204 «Иностранкѣ», под 1824 г., когда стихотв. было обработано. В записной книжке «1820—1821 г.» сохранилась первоначальная ред., к—ую печатаем по снимку (факсимиле) с авт. Рук. крайне исчерканная и неразборчивая черн. (почему, вероятно, и не использована ни в одном изд., в том числе—Акад.) Среди вар.:

Ст. 2: Пишу тебѣ мои... (въ отвѣтъ)...

11: Боготворить не перестану...

20: (Огонь) томительныхъ [очей]...

Дата, 22 июня 1822 г., стоит на той же стран. рук., но, м. б., не относится к стихотв. Все же наличие этого наброска в тетради, где преимущественно стихи 1820—1821 г. и очень немного—1822 г., доказывает, что отношения к «иностранке»

завязались у П—а в кишиневский период его жизни. Сообразно этому должны быть изменены примеч. к стихотв., относящиеся к тому же лицу.

В виду того, что набросок д сих пор был опубликован только в виде снимка с рук., даем здесь его полную транскрипцию. Как загл. поставлены неразборч. вые буквы: русские—«Ги», «Гъ», или французские—«Tu», после чего подчеркнута: «*воить*». Текст:

На языкѣ тебѣ невнятномъ
 (Пишу) (стихи завѣтные пишу)
 (Стихи завѣтные пишу)
 (Стихи) (въ ответь)
 (докучный) Пишу (тебѣ мой)
 (Въ забвеньи грустномъ и пріятномъ)
 (въ) (И въ заблужденіи)
 всѣ блага
 (Я мыслилъ только заблуждѣнья)
 (вновь) И жизнь и разлюбя
 вниманья тихаго прошу
 (Пока я сердцемъ [не] вяну)
 (Твержу с томленьемъ] погубя
 (Тебя) любить не перестану
 Б готворить
 (По, Тебя мой мой другъ одну
 (Да жадно) (я) (я буду)
 Я (Пока) (я помнить) другъ любимый
 во тьмѣ (въ) (плѣнительныхъ) ночей
 Въ тьмѣ (тьмѣ) (неутолимой)
 (Твоей) Твой поцѣлуй неутолимый
 (Твоей утраченной)
 (Твоей) (любви) (очей)
 (Огонь) (Твоей) И жарь (взоръ) (и огонь) очей
 (Огонь) (Огонь) томительный

Эта транскрипция может вообще служить образцом черн. рук. П—а, по к—ым восстановлен текст в нашем изд. Данная ред. по снимку с приведенного авт. напеч. в нашем изд. *вперзые*.

1821 ГОД.

14. [Из первоначальных ред. стихотв.]

ЖЕЛАНІЕ.

I.

Все живо тамъ, все тамъ очей отрада
 Сады Татаръ, селенья, города,
 И шелковицъ и тополей прохлада,
 Въ морской дали плывущія суда;
 Янтарь виситъ на лозахъ винограда,
 Въ лугахъ шумятъ бродящія стада,
 И яркіе лучи златова Феба,
 И синій сводъ полуденного неба.

II.

Все живо тамъ,—и тополей прохлада
 И въ ихъ тѣни уснувшія стада,
 Склоненныхъ скалъ приморская громада
 Развалины, селенья, города,
 И моря шумъ, и говоръ водопада,
 И на волнахъ крылатыя суда,
 И яркій блескъ лучей златова Феба,
 И синій сводъ полуденнаго неба.

Какъ я любилъ надъ блещущимъ заливомъ
 Развалины, вѣчанныя плющемъ...

См. стр. 154—155. Сохранился *три* (а не два) авт.: 1) белой с поправками собр. Акад. Н.; 2) черн. рук. Рум. муз.; 3) черн. записная книжка 1820—1821 г. Отрывок первый—из 2-го, второй—из 3-го. Среди других вар.: «Я помню водъ взслыа струи...»; «Забывъ молву и свѣта суеты...»; «Пѣвица нѣгъ, любви и разлуки...»; «Увижу ль я роскошные лѣса...»; «Еще заснуть на лонѣ тихой лѣни...»

15. ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ.

[ВАРИАНТЫ].

Ты пѣль вино, ты пѣль биваки,
Красы воинственныхъ пировъ,
И пылкую забаву драки
И завитки своихъ усовъ

Твоя проказливая лира
Бряцала радость и любовь
И своевольная сатира

Походную сдувая пыль,
Ты пѣль любовь, ты пѣль измѣну,
Досуговъ мирную любовь.

Въ печальной сѣверной пустынь
Любовь, разлуку ты воспѣлъ.
Гдѣ бъ ни былъ ты, тебя донинѣ
Люблю . . . . .

См. стр. 191. Вар. напеч. в Акад. изд. Среди других вар.: «...под сѣнью мира...»; «И своенравная сатира...»

1822 ГОД.

16. КЪ ЭЛЛЕФЕРІИ.

[ВАРИАНТЫ].

Эллеферія! предъ тобой
Затмились прелести другія,
Горю тобой, дышу тобой,
Навѣкъ я твой, Эллеферія!

[Меня] пугаетъ свѣта шумъ,
Столичный блескъ, [красы] драгія;
Люблю въ тебѣ [твой] ясный умъ,—
Милѣ мнѣ Эллеферія!

И пылкой южной красотѣ
Вредна холодная Россія,
На югъ въ мирной темнотѣ
Со мной сама Эллеферія!

См. стр. 195. Вар. по авт. Рум. муз. прочитаны П. О. Морозовым, изд. 1903 г., и в Акад. изд. Прав. писанне П—а: «Эллеферія» (по гречески: *Ἐλεφερία*—вѣбода). Среди других вар: ст. 1—«Моя богиня! предъ тобой...», 3—«Горю, дышу и вѣчно [твой]...»; 5—«Его страшитъ придворный шумъ...»; 7—«Невнятный (непрочный) твой...»; «Люблю въ ней пылкой, рѣзвый умъ...»; 9—«И сердцу внятенъ...»; 12—«При-выкнешъ тамъ...»

17. ТАВРИДА

Воскресли чувства, ясенъ умъ,
Пью съ воздухомъ любви томленье,
Все мило мнѣ въ уединеніи,
Лазурь небесъ, и тѣнь, и шумъ...
Какой-то нѣгой неизвѣстной,
Какой-то грустью полонъ я!
Одушевленные поля
Холмы Тавриды, край прелестной,
Я снова посѣщаю васъ,

Пью жадно воздухъ сладострастья,
Везде мнѣ слышенъ тайный гласъ
Давно затеряннаго щастья.
Щастливый край, гдѣ блещутъ воды,
Лаская пышные берега,
И свѣтлой роскошью природы
Озарены холмы, луга,
Гдѣ скаль нахмуренные своды..

Напеч. Якушкиным 1884 г. по авт. Рум. муз. Загл. на отдельном листе и, м. б., не относится к наброску, см. Часть 5, отрывочные строки 1822 г. В рук. первоначально начато несколько иначе:

Покойны чувства,—весель умъ,
(Здѣсь ждуть меня воспоминанья)
Я пью прохладу и томленье,
Въ душѣ утихло мрачныхъ думъ
Однообразное волненье...

В дальнейшем среди вар.:

Тебя я посещаю вновь...
 Знакомых водъ мнѣ внятень гласъ...)
 (Ты вновь со мною наслажденье)
 Ужель со мною наслажденье,
 Ужель утихло мрачныхъ думъ...
 Гдѣ . . . . . лавровые своды...

18. [КЪ ЛИРЪ.]

[ВАРИАНТЫ].

I.

Наперсница моихъ сердечныхъ думъ,
 О ты, чей гласъ приятный и небрежный,
 Утѣшить могъ не разъ унылый умъ,
 Смирить вполнѣ страстей порывъ мятежный...

II.

Наперсница моихъ сердечныхъ думъ,
 О ты, чей гласъ приятный и небрежный,
 Смирять порой страстей порывъ мятежный
 И веселилъ порой унылый умъ,
 О вѣрная задумчивая лира,
 Послушная — — перстамъ...

См. стр. 192. Здѣсь печатаем точнее—по снимку с авт. В отрывкѣ I ст. 3 первоначально было:

Не въ первый разъ утѣшишь..

В отрывке II ст. 3:

Всегда смирить мечты души мятежной...

В ст. 6 черта в авт. означает пропущенное слово, напр.: «Послушная увѣреннымъ перстамъ» и т. под.

1832—1833 ГОД.

19. ПѢСНЯ О ГЕОРГИИ ЧЕРНОМЪ.

Г . . . . .

Наброски в собр. Акад. Н., недоступном исследователям. Подл.—на листке синеватой бумаги, писан чернилами, поправки — карандашом; вверху — черн. письма к Бенкендорфу; на оборотѣ—счета, внизу—«Сихл[ерь]». *Георгій Черный* (Кара) см. Дополнительные примеч. к стр. 147. Из описания неясно, являются ли эти наброски черн. к стихотв. в «Пѣсняхъ Западныхъ Славянъ» или самостоятельным произведением.

1830-ЫЕ ГОДЫ

20. НАБРОСОК.

I.

Смотрю . . . . .
 Окно, заткнутое подушкой
 На пыльной полкѣ образа,
 Лампада, вербная лоза...

II.

Съ перегородкой двѣ каморки:
 Довольно чистенькія горки;
 (Старинный шкафъ, постель, сундукъ);
 Въ углу, на полкѣ образа,

Предъ ними вербная лоза;
Съ зажженою грошевой свѣчкой
Горить на столѣ;
Двѣ канарейчки надъ печкой...

Набросок, собр. б. П. Я. Дашкова, известен только в виде снимка (факсимиле) с черн. авт. (в изд.: П. К. Полевой, «История русской словесности», т. III, Спб. 1900 г.). В рук. много слов зачеркнуто, некоторые прочитаны лишь по догадке, другие остались неравобранными. В отрывке I в подл. 7 строк: две первых не закончены и зачеркнуты; после нашего ст. 3 зачеркнуто:

Предъ нимъ . . . . . лампаду...

В отрывке II в подл. 11 строк: ст. 1: «И съ перегородкой...»; ст. 4 начат: «(Св[ятыхъ] угодниковъ) на полкѣ образа...» В посл. ст. в середине пробел в рук. Напеч. с указанного снимка в нашем изд. *впервые*.

Б. Отрывочные строки, начала набросков, 1818—1833 г.

1818 ГОД.

1. НАЧАЛО НАБРОСКА:

Краса, надежда. . . . взглядь...

На обороте наброска 1818 г. «И я слыхаль, что Божій свѣтъ...», в нашем изд.— «Дружба и любовь», стр. 138, собр. Акад. Н., еще недоступное исследователям. Б. Л. Модзалевским (опис. музея Онегина) прочитано: «Краса Надежда... взглядь (?)» и предложено ср. набросок «Какъ сладостно... но, боги, как опасно...», наше изд. стр. 137. Напеч. 1909 г.

1824—1825 ГОД

НАЧАЛА НАБРОСКОВ.

2.

Уродился я, бѣдный недоносокъ...

3.

Какъ живо колкій Грибоѣдовъ...

Наброски в собр. Акад. Н., недоступном исследователям; к 1825 г. отнесено В. И. Срезневским (опис. собр. б. Майкова), но скорее относятся к 1830 г., т. к. записаны на листке, где черн. «Гости съѣзжались на дачу...», см. Часть 3. Напеч. 1906 г.

1827—1828 ГОД.

4. НАЧАЛО НАБРОСКА.

Когда Потемкину въ потемкахъ
Я на Воздвиженкѣ найду...

Подл., в Ост. Арх., еще не опубликовав. Два стиха напеч. по сообщению Б. Л. Модзалевского 1910 г. *Потемкина*—актриса. *Воздвиженка*—улица в Москве.

1829—1830 ГОД.

5. НАЧАЛО НАБРОСКА.

Межъ горныхъ стѣнь несется шумный Герекъ...

Напеч. 1866 г. Авт. собр. Акад. Н., недоступного исследователя 1. Срезневским (см. выше) отнесено к 1822 г., но на обороте—набросок посвящения «Бахч. Фонтана» Вяземскому что предполагалось в 3-м изд. поэмы, 1830 г., см. Часть 2.

1830[—1831] ГОД.

6. ОТРЫВОК.

Превозлюбиль, не отрекусь,
Хотя и бѣдень и ничтоженъ...

Напеч. Шляпкиным 1903 г., как прозаическая строка в наброске к «Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ», см. Часть 4. *Превозлюбиль*, очевидно,—изучение прошлого своего рода, истории своихъ предковъ.

Несомненно принадлежатъ П—у стихи: 1827—1830 г., 7—*Софья Михайловна [Дельвигъ] слушаетъ Цыганъ* (факсимиле «Звѣзда» 1887 г.); 8—*А. Ваттемару* (сообщ. «Р. Ст.» 1830 г. и «Р. А.» 1902 и 1904 г.); 9—*Солдатъ и блядь* (запись народной песни, сообщ. Б. Л. Модзалевского «Р. А.» 1899 г.)

В. Стихи, принадлежность которыхъ Пушкину сомнительна. (Dubia).

1819—1820 ГОД.

НА АЛЕКСАНДРА I.

Хотѣлъ издать Ликурговы законы,—
И что же издалъ онъ? Лишь кантъ на панталоны.

Напеч. в России 1899 г., по сообщению М. А. Корфа, со ссылкой на книгу Треймунд Вельи (Пельц), «Petersb. Skitzzen» [Петербургские заметки], Берл. 1842 г. Стр. 135 *Ликургъ*—знаменитый законодатель др. Спарты. Эпиграмма, по всей вероятности, не принадлежитъ П—у, как и приведенные в тексте. Последние представляют собою окончание экспромпта, с большею основательностью приписываемого А. А. Шишкову (приятелю П—а, о к-ом см. стр. 56):

Когда мятежные народы,
Наскуча властью роковой,
Съ кинжаломъ злости и мольбой,
Искали бѣдственной свободы,
Имъ царь сказалъ: Мои сыны... и т. д.

Также нет оснований приписывать П—у ряд другихъ стихотв., на к-ые некоторые исследователи указывают как на стихи П—а, напр.: эпиграмма «Обритый, блѣдный и худой...», напеч. «Сѣв. Цв.» 1828 г. за подписью **, как подписывал иногда свои стихи П.; «Въ утломъ челнѣ...», стихотв., рук. к-ого «показывал» Л. С. Пушкин и к-ое включено в изд. Венгерова, и т. под.

Еще при жизни П—а ему приписывались (печатались с его именем) стихи, ему не принадлежащие, в том числе.

«О ты, которая изъ дѣтства...»—«Сѣв. Звѣзда» 1829 г. в ряду стихотв. П—а, помещенных там без его разрешения.

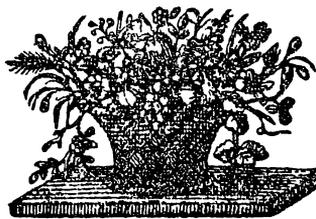
«Къ Лирѣ» и «Къ Хлоѣ»—стихи В. Л. Пушкина, в песеннике 1830 г.

«Заносетъ сердечко» и «Нѣжна любовь»—в другом песеннике того же года.

«Свадьба» и «Я палъ предъ алтаремъ прекрасной»—в песеннике 1832 г.

«За днями дни...»—стихи В. И. Туманского, в песеннике 1835 г.

«Я жду тебя...»—в другом песеннике того же года,

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ.

Государственное Издательство, к к-ому перешло издание соч. А. С. Пушкина от Литературно-Издательского Отдела Н. К. П., дало возможность несколько *расширить* план издания (см. Предисловие редактора). Поэтому *примечания* к Части 1-ой, к-ая была приготовлена к печати еще под руководством Л.-И. Отдела, оказались в некотором несоответствии с примечаниями следующих частей. Чтобы несколько сгладить этот недостаток, мы помещаем здесь более важные *добавления* к объяснениям, данным после текста стихотворений, так же как пополнения пропущенного случайно и поправки замеченных неточностей. При этом, однако, считаем нужным оговорить следующее:

1) О писателях, ученых, общественных деятелях и др. лицах, имена к-ых только *упомянуты* в стихах П—а, более подробные сведения даны нами там, где он говорит об них по существу.—преимущественно в Частях 4 и 5 (статьи исторические, автобиографические, критические и др.)

2) О писателях, оказавших особое влияние на П—а в его юности, основные сведения (годы рождения и смерти и др.) даны во Вступит. оч. к этой Части и потому в примеч. не повторяются

3) То же относится к лицейским товарищам П—а, профессорам Лицея и др. Но дополнительные сведения об них даны еще в Части 4, в примеч. к автобиографическим запискам П—а.

4) О знаках П—а, упоминаемых в стихах, более подробные сведения даны во Вступит. очерках к Частям 1—4; в примеч. сказано только необходимое для понимания стихов.

Стр. 17. *Козакъ*. В авт. 6. собр. В. Е. Якушкина, загл.: «Козакъ. Подражаніе малороссійскому»; пописано: «А.» т.-е. Анибаль-Пушкинъ.

Стр. 18 и сл. *Городокъ*. Ст. «Какъ ты, въ томъ клясться радъ...» с неточной рифмой «пис ть», м. б., изменен П—ым ради «пристойности» и первоначально заключал в себе грубое выражение, рифмующееся точно. (Догадка П. О. Морозова).

Стр. 35—36. *Гробъ Анакреона*. В «Трудахъ Общ. Л. Р. С.» 1818 г. напеч. под загл. «Гробница Анакреона», м. б., не П—а.

Стр. 40. *Слеза*. № 4 альманаха «Мнемозина», где напеч. стихов., помечен: Москва 1825, хотя разрешен цензурою 13 октября 1824.

Стр. 40. *Къ Живописцу*. Стихотв. (как и предыдущ.) было положено на музыку лицеистом М. Л. Яковлевым и часто распевалось лицеистами, хором.

Стр. 44. *На возвращеніе государя*. Стихи были написаны П—м «по повелению» И. И. Мартынова, директор: департамента народнаго просвещения (см. Вступит. оч.) и отосланы при письме от 28 ноября 1815 г., см. т. III, Часть 6, письма.

Стр. 47. *Желаніе* См. т. III, письма 1816 г.

Стр. 51. *Къ принцу Оранскому*. Написать приветственные стихи принцу было поручено престарелому поэту Ю. А. Нелединскому-Мелецкому, но тот предпочел поручить заказ юноше-П—у, к-ый, по преданию, написал стихи в несколько минут. П—у за них были «пожалованы» золотые часы с цепочкою.

Стр. 65. *Плвецъ*. Музыка к стихотв. написана Н. С. Титовым, изд. 1829 г., и А. Верстовским, изд. 1831 г.

Стр. 72. *Въ альбомъ А. Н. Зубову*. А. Н. Зубов был офицер лейб-гусарскаго полка, с к-ым П. познакомился в то же время, как с Ч адаевым, Кавериним и др.

Стр. 81. *Романсъ*. Музыка к стихотв. написана Н. С. Титовым, изд. 1830 г., Н. де-Витте, изд. того же года, и анонимом, изд. 1831 г.

Стр. 86. *Моя эпитафія*. Печ. без разрешения П—а, «Сѣв. Звѣзда» 1829 г., под загл. «Будущая эпитафія»; подпись: «Ап.» См. Часть 5, критические заметки 1830—1831 г.

Стр. 87. *Экспромтъ на Агареву*. *Елиз. Сер. Огарева* (1786—1870 г.), ур. Новосильцева, была женой сенатора Н. И.; к ней сохранились стихи И. И. Дмитриева, П. А. Вяземскаго и др.

Стр. 87. *На Пучкову. Эк. Наум. Пучкова* (1792—1867 г.) издала в 1812 г. «Первые опыты», печ. стихи в журналах «Росс. Муз.», «Сын Отеч.» и «Русск. Инвалид», к-ый издавался с благотворительной целью.

Стр. 90. *Лиль. Музыка* к стихотв. написана А. А. Алябьевым, изд. 1832 г.

Стр. 99. *Старикъ*. В изд. 1829 г., в оглавл., подзаголовок не «Изъ Марота», а правильно—«Изъ Маро».

Стр. 102. *Къ Морфею*. Музыка к стихотв. написана Н. А. Титовым, изд. 1833 г.

Стр. 112. *Друзю отъ друга. Н. И. Кривоцов* (1791—1843 г.) см. Вступ. оч. к Части 2. Авт. стихотв., собр. Публ. Б., вклеен в экз. поэмы Вольтера «la Pucelle».

Стр. 114. *Къ Жуковскому*. В списке Жуковского вар.—

Ст. 15: Ревнивыхъ милостью твоей...

В откинутом начале (см. прим.) вар.—

Ст. 4: Томясь волшебнымъ упоеньемъ...

Стр. 116. *На М. Т. Каченоваго. Каченовский* (1775—1842 г.) — многосторонний ученый, профессор, журналист; подробнее об нем см. Часть 4, примеч. к статьям об «Истории» Полевого. *Аббат Дефонтен* (1685—1745 г.)—один из литературных врагов Вольтера.

Стр. 117. *Веселый пиръ*. В альманахе «Мнемозина» 1824 г. под загл. «Вечеръ».

Стр. 117 и сл. *Я. Н. Толстой, В. В. Энгельгардтъ, А. Ф. Орловъ, М. А. Щербининъ* и др. см. Вступит. оч. к Части 2, где подробнее о «Зеленой Лампе».

Стр. 123—124. *А. М. Горчакову. Дм. Петр. Бутурлинъ* (1790—1849 г.) был назначен фл.-адъютантом в 1817 г. Вместо *Шеппингъ* некоторые печатают *Шеннингъ*, — лицо неизвестное.

Стр. 125. *Платоническая любовь*. Перевод (не близкий) отрывка из стихов Парни.

Стр. 132. *На Аракчеева*. Напеч. в России, изд. П. Ефремова. I—1880 г., II—1882 г. По мнению некоторых исследователей, II («Холопъ вѣнчаннаго солдата...») обращено к А. С. Стурдзе.

Стр. 133. *Ноѣ*. Написано в осмеяние слухов, распространившихся после открытия Александром I сейма в Варшаве, что царь дает России конституцию.

Стр. 139. *Къ Михайловскому*. В рук. вар.:

(Я вижу вновь сіи дубравы,
Сіи щастливья (луга) поля...)
Дубравы, гдѣ въ тиши свобод
Встрѣчалъ я щастьемъ каждый ден
Вхожу я вновь подъ ваши своды,
Подъ вашу дружескую сѣнь.
Иду съ волненьемъ, предо мною
Поля знакомя...
И въ сердцѣ вновь проснулась [радость].
Восторги... сладкая печаль.
Увядшей жизни наслажденья
Воскресли вновь передо мной...
Ужель минувшей жизни радость
Не вовсе позабыта мной..

Стр. 143. *Все ненавистно становится... Сіятельный Аристофанъ*—намеки на статью Д. В. Дашкова «Письмо къ новѣйшему Аристофану», напеч. «Сынъ Отеч.» 1815 г. в к—ой высмеивается кн. Шаховской, поставивший в этом году свою комедию «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды». Ср. Часть 4, «Лицейский дневник».

Стр. 143. *Въ лѣсу подъ липою...* Из авт. известны стихи:

(Въ лѣсу)...
(Подъ липою, гдѣ келья за долиной)...
Тамъ у лѣска за (свѣтлою) ближнею долиной...

Далее упоминаются имена «Эльвина», «Алина».

Стр. 144—145. *Элегія. Черное море*. В записной книжке 1820—1821 г. вар.:

И вы забыты мной, измѣнницы младя,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Свободой, славой и душой,
И вы [наперсницы] весны моей влаты...
Но тайныхъ ранъ любви ничто [не излѣчило],
Глубокихъ ранъ...

Тут же наброски: «Въ забвеньи ночи насладились...», см. стр. 151. *Эпиграфъ из Байрона*, в подл.: «My native Land, Good Night!» «Моя родная страна, доброй ночи!» или «Родина, прощай!»), записан П—ым, очевидно, по памяти в рук., ныне утраченной (б. собр. гр. Капниста,—рук. для изд. 1826 г.); разные исследователи приводят эту запись различно (Майков: «Goodnight» и т. д.). Элегія была положена на музыку Генцштой, изв. 1829 г., с текстом на русском и немецком яз. и с посвящением кн. З. Волконской, к—ая и пела элегию.

Стр. 145. *Элегія («Увы, зачѣмъ она блистаетъ...»)* Сохранилось четыре (а не два) авт.: 1) черн.—в записной книжке «1820—1821 г.»; 2) переписано с вар.—рук. собр. Рум. муз.; 3) белой—собр. б. А. А. Шахматова; 4) то же—рук. для изд. 1826 г., б. собр. гр. П. А. Капниста. В авт. 1-м вар.:

Недолго . . . . .
 Природой, жизнью молодою
 Бевпечно наслаждаться ей...
 Недолго радовать обою
 Всѣ мысли . . . . .
 Несчастной матери своей,
 Недолго милой остротою
 Бесѣды наши услаждать
 И тихой ясною душою
 Сердца больныя оживлять...

В авт. 2-м вар.: ст. 5—6—«Недолго жизнью молодою—Въ забвеньи наслаждаться ей...»; 12—«Больную душу услаждать...» Стихотв. положено на музыку А. А. Алябьевым, изд. 1832 г.

Стр. 147. *Дочери Карагеоргия*. В записной книжке «1820—1821 г.» озагл. «Дочери Георга Чернаго», рядом, чужой рукой, русскими и греческими буквами, приписано: «Кара-Георгій». *Георгій Петрович*, прованный Черным (Кара) за то, что он убил своего отца, не хотевшего присоединиться к восстанию 1787 г.,—герой борьбы сербов (а не греков) с турками за свободу. В 1804 г. К.-Г. овладел Белградом, правил Сербией до 1813 г., когда должен был бежать; возвратился в Сербию в 1817 г. и убит там.

Стр. 148. *Черная шаль*. Франц—ий перевод стихотв., В. Л. Пушкина, напеч. 1828 г. Музыка к стихотв. написана гр. М. Ю. Вьельгорским, явч. 1828 г., И. Геншштоу, изд. того же года, А. П. Верстовским в 1823 г., изд. 1830 г.

Стр. 149. *На Каченовскаго*. В авт. вар.: ст. 1—«Угрюмый враль, невѣжда ва-косьблый...»; ст. 2—«Въ грязи...» ст. 5—«Каналья золь...»

Стр. 153. *Дѣва*. По предположению Л. Н. Майкова, обращено к Пульхерии Ег. Варфоломей, о к—ой см. Вступит. оч. к Части 2.

Стр. 154. *Элегія. Изъ поэмы «Кавказъ»*. В 1824 г. переведена на франц—ий яв. Ф. Ф. Кокошкиным. Музыка к стихотв. написана Н. С. Титовым, изд. 1835 г.

Стр. 158. *Кинжаль*. В записной книжке П—а 1820—1821 г. дата: «22 июня (1822 г.?)»

Стр. 159. *Чаадаеву*. Сохранилось, кроме двух авт., в рук. еще отдельно несколько стихов:

Высокая душа и просвѣщенный умъ...
 Тебя, хранителя моихъ душевныхъ силъ,
 Тебя, которому давно я посвятилъ
 И чувства чистыя, спасенныя тобою...

Лужниковъ—нарек на то, что Каченовский подписывал некоторые свои статьи псевдонимомъ—«Лужницкий старецъ».

Стр. 162—164. *Наполеонъ*. Среди других вар. важнейшие:

Строфа 1: (Въ своемъ уныломъ заточеньи)

Томясь въ угрюмомъ заточеньи
 Ты жаждалъ Франціи своей
 И слыша смерти приближеньи
 Летѣлъ послѣдней думой къ ней.
 Судьба страны, гдѣ совершился
 Чудесный жребій . . . . .
 Молва гремитъ и отлетаетъ...

5: Въ своихъ высокихъ помышленьяхъ

Ты челоѣчество презрѣлъ...
 И свѣточъ разума горѣлъ...
 Среди шатровъ, с, едь бурь [народныхъ]
 Уже провидя свой удѣлъ...

6: Отъ сна возставшая свобода...

Прославилъ Галловъ униженьи...)

7: Страна, своей добыча слава,

Любила блещущій поворъ...
 Европа гибла,—и Россія
 Склонила гордую главу...

8: Возставъ идеть! Возстанъ, Россія!

11: Падуть ужасныя дружины,
 (И хладъ) и мечъ и хладъ вездѣ...)

12: И воцрѣмѣли надъ тобою
 Проклятія земныхъ племень...
 (Ты палъ,—восторгомъ возшумѣло)
 Все возмутилось, возшумѣло,
 Узрѣвъ [поворъ] твоихъ знаменъ

15: Да будетъ онъ казненъ поворомъ
 Тотъ малодушный, кто въ сей день
 Ревнивымъ возмутитъ укоромъ...

Стр. 166. *Война*. В альманахе «Пол. Звѣзда» 1823 г. загл. «Мечта война». Дата— по сообщению Анненкова; в рук. помечено: «1821». По предположению Л. Н. Майкова, вызвано освещением в имени А. Ипсиланти, о к—ом см. Часть 4, материалы по истории борьбы греков в. свободу 1821 г.

Стр. 172. *Друзьямъ*. В белов. авт. в-гл.: «К—у, П—имъ и Г—ву. 15 февраля 1822.» В тексте слова «Разлуки», «Скиескую»—съ прописной буквы. В ст. 4 первоначально было: «при звукахъ лирь».

Стр. 179. *Къ портрету Вяземскаго*. Сохранилось два авт.: в записной книжке 1820—1821 г. и в рук. Рум. муз.; в последнем 1-ый ст. исправлен;

Чудесные дары судьба явила в немъ...

Стр. 184—185. *В. Л. Давыдову*. См. Вступит. оч. к Части 2, *Митрополитъ*— Гавриил Банулисчо-Бодони см. Часть 4, «Кишиневский дневник». *Безрукій князь*— там же, материалы по борьбе греков за свободу.

Стр. 185. *Сътованіе*. Среди вар.:

Ст. 9—11: Я думалъ: новаго кумира
Со скуки ищеть мой пѣвецъ.—

. . . . Аполлона жрецъ,
Не сотвори себѣ кумира!..

22—26: Сія разгнѣванная тѣнь
Сама явилась предо мною,
Блестящій киверъ на бекрень
И чудо ментикъ за спиною...

Стр. 194. *Кто, волны, вась остановиль...* П. Е. Щеголевъ утверждает, что в ст. 12 посл. слово не «своболы», а м. б., «стихинъ»; правописание авт.:

Гдѣ ты, гроза, сумвол [ст.....]

Стр. 198. *Телега жизни*. Музыка к стихотв. написана Н. И. Бахметевым, изд. 1832 г.

Стр. 208. *Какъ щастливы бабисты...* В изд. Берлин 1861 г., м. б., более правильно:

Какъ щастливы библисты...

Библисты—члены Библейского О-ва (ханжей и реакционеров), о к—ом см. Вступит. оч. к Части 2-и Библиографию в Части 3.

Стр. 212. *Приютъ любви, Уединенная пещера, Морей наперсникъ*. М. б., обращены к гр. Воронцовой свидания с к—ей могли происходить в гроте («пещера», ср. далее «Талисманъ»). *Западнымъ дыханьемъ*—намеки на поездку гр. Воронцовой из Одессы в Крым, в начале июня 1824 г. По положению в рук. два первых наброска относятся к концу мая 1814 г., третий—къ первой половине июня 1824 г.

Стр. 216. *Разговоръ книгопродавца съ поэтюмъ*. В 1-м изд. при Главе I «Евг. Онѣг.» 1828 г., среди опечаток предложена поправка ст. 119.

Я такъ и вспыхну, сердцу больно...

В изд. 1835 г.—как в нашем тексте.

Стр. 221. *Испанскій романсъ*. Музыка к стихотв. написана А. Н. Верстовскимъ, изд. 1827 г., и А. Есауловымъ, изд. 1834 г.

Стр. 222. *Второе посланіе цензору*. В беловом авт. следующие мелкие отличия от нашего текста: загл.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ЦЕНЗОРУ.

Ст. 7—8: Потѣшилъ языка бранчивую свербежъ;

Но извини меня: мнѣ было невтерпежъ...

18: Завѣтныя слова: божественной, небесной...

35: Одинъ среди Вельможъ онъ Русскіхъ музъ любилъ...

39—40: Онъ съ нами сътовалъ, когда Святѣй Отець,

Омара да Али принявъ за образецъ...

46—47: И помогалъ ему Магницкій благородный,

Мужъ честный въ правилахъ, душою превосходный...

Кроме того в правописании: ст. 25—«Но подразнивъ тебя...»; ст. 34, 64, 65 и 71—«двѣнадцатаго года..», «истинѣ», «уму», «глупости», «автору» (с маленькой буквы); ст. 55—«Цензоровъ» (с прописной буквы); ст. 57—«И так...»; ст. 70—«солтатей»; посл. ст.—

Махни, мой другъ рукой, и смѣло подпиши.

Стр. 226. *П. А. Осиповой*. В «Сѣв. Цв.» 1829 г. загл.: «Въ альбомѣ П. А. О.»; изд. 1829 г. загл. «П. А. О.»

Стр. 232. *Къ А. П. Керню*. Музыка к стихотв. написана М. И. Глинкою и романсъ исполнялся самимъ композиторомъ в присутствіи П—а и А. П. Керн; также— Н. С. Титовым, изд. 1829 г., Н. Мельгуновым, изд. 1832 г., и А. А. Алябьевым, изд. того же года.

Стр. 239. *Зимній вечеръ* Музыка к стихотв. написана М. Л. Яковлевым, изд. 1835 г.

Стр. 241. *Буря*. Музыка к стихотв. написана Н. С. Титовым, изд. 1830 г.

- Стр. 242. *Элегия на смерть Анны Львовны* написана П—ым совместно с Дельвигом, см. т. III, письмо.
- Стр. 244. *Движение*. В черн. рук.—заметка по-франц—и: «Восхваляли циника, который начал ходить п ред тем, кто отрицал движение. Солнце еж-дневно совершает то же, что Диоген, но не переубеждает никого»; то же при стихотв. «Все въ жертву памяти твоей...», стр. 253; франц—ий подл.—Часть 5, отрывочные строки 1825 г.
- Стр. 245. Н. Н. По Анненкову, ст. 4, первонач. ред. должно читать: «Василья Пушкина, Маркова...»
- Стр. 250. *Графу Олизару*. Среди других вар.:
И наша дѣва молодая
Не призоветъ изъ далека
Себѣ въ супруги Поляка...
И матерей у васъ видали...
И всѣ вы злобой трепетали...
- Первые три ст.—по Акад. изд.; два посл. прочитаны П. О. Морозовым, изд. 1903 г. *Олизаръ* писал стихи («Пѣвцы!») и оставил «Воспоминанія», где говорит о П—е, см. нашу Библиографию, Часть 3.
- Стр. 251. *На Екатерину II*. Напеч. отрывок, «Колокол» Герцена 1859 г.
- Стр. 258. *Когда бь родилась ты...* Напеч. Якушкиным 1884 г.; м. б.,—первая мысль ст х тв. о рѣфмѣ, см. стр. 289.
- Стр. 250—271. *Е. А. Тимашевой*. В журнальных статьях 20-х годов «Запретной розой» называли тѣ литературу, тѣ просвещение и т. под. Но что П. имел в виду одну из московских красавиц, следует из его письма 9 ноября 1826 г. к Вяземскому, см. т. III, из стихотв. Вяземского «Запретная Роза», и печ. 1826 г., и др.
- Стр. 270—271. *Талисманъ Стихотв.*, при жизни П—а, было переведено, вместе с другими его стих тв., на англ—ий яз. в 1835 г. и на франц—ий в сборнике «la Bala-lauka», Париж 1837 г. Музыка к стих тв. написана Н. С. Титовым, изд. 1829 г.
- Стр. 272. *Кн. С. А. Урусовой*. Перевод стихов Волтера.
- Стр. 276. *Не пой, красавица, при мнѣ...* Музыка к стихотв. написана Н. С. Титовым, изд. 1829 г., и М. И. Глинкою, изд. 1331 г. *Наперсникъ*. Музыка к стихотв. написана К. А. Кавосом, изд. 1831 г. А. Ф. Закревская см. Часть 3, неоконченные повести 1830 г. и примеч. к ним.
- Стр. 278. *Ты и вы*. В рук. при стихотв. три пометы: «18 мая у княгини Голицыной», «20 Мая 1828» и «23 Мая». См. Часть 4, отрывочные строки 1828 г.
- Стр. 279. *Предчувствіе*. Музыка к стихотв. написана А. А. Алябьевым, изд. 1832 г.
- Стр. 279. *Два ворона*. Музыка к стихотв. написана М. Ю. Вьельгорским, изд. 1828 г., А. А. Алябьевым, изд. того же года и 1829 г., А. Н. Верстовским, изд. 1829 г.
- Стр. 280. *Къ Е. В. Вельяшевой*. Написано, м. б., 18 января 1829 г. (а не в октябре-ноябре 1828 г.), т. к. в 1829 г. П. «подъезжал под Ижоры» с А. Н. Вульфom, а в 1828 г. ехал один; в собственноручном П—а перечне, стихотв. тоже помечено 1829 г., см. Часть 5.
- Стр. 294. *Въ степяхъ зеленыхъ Буджаса...* По сообщ. Н. Лернера, в рук. загл. «Кирдж ли».
- Стр. 295. *Начало наброска*. («Какъ щастливъ я...») —Начало «Монолога изъ драмы», см. Часть 2, стр. 254.
- Стр. 297. *Въ альбомѣ* («Что въ имени тебѣ моемъ...») Музыка к стихотв. написана Н. С. Титовым, изд. 1835 г.
- Стр. 298. *Я васъ любилъ...* Музыка к стихотв. Г[рафа Теофила] Т[олстого], изд. 1831 г.
- Стр. 302. *Дорожныя жалобы*. Музыка к стихотв. написана М. Бернардом, изд. 1833 г.
- Стр. 314. *Ужъ осень...* Среди вар. ст. 3-ий с конца:
На небѣ мертво и темно...
- Стр. 317. *Къ вельможѣ*. В авт., опубликованном 1907 г., дата 1829 г.; таким образом П. дважды указал дату 1829 г., один раз — 1830 г.; стихотв., вероятно, написано в конце одного и начале другого года.
- Стр. 330. *Моя родословная*. П. А. Ефремовым найден пятый авт. при письме П—а к Бенкендорфу 24 ноября 1831 г., см. т. III. В авт. мелкие вар., среди них:
Мой предокъ, Рача мышцей бранной...
- В списке С. Л. П—а с поправкoм: Л. С. П—а: «Мой предокъ, ради службы бранной...», м. б., ошибка. О предках П—а подробнее см. Часть 4. «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ» и прим ч. к этой статье.
- Стр. 339. *Очеса—чудеса*. В старинных списках озагл.: «На Истомину». *Истомина*—известная танцовщица, см. о ней Часть 2, «Евг. Онѣгинъ», Глава I.
- Стр. 348—349. *Клеветникамъ Россіи*. При П—е ст х тв. было переведено: на франц—ий яз.—С. С. Уваровым 1831 г., см. т. III, письмо, и б.р. П. А. Вревским 1835 г. (братом мужа Евпрасии Ник. ур. Вульф); на немецкий яз.—И. О. Анстетом 1832 г.
- Стр. 349. *Бородинская годовщина*. Музыка к стихотв. была написана Шелиховым и исполнялась на концерте 1832 г.

Стр. 357. *На ****. По Н. О. Лернеру, обращено к А. Н. Муравьеву: Вар. ст. 1: «На диво намъ и всей Европѣ...»

Стр. 358. *Поминаніе*. Доктор Ф. М. Шуллеръ умер, действительно, *отъ чумы*, в Эривани 1829 г., самоотверженно борясь с эпидемией (а не от холеры 1830 г.); П., вероятно, слышал об этой смерти во время своего путешествия 1829 г.

Стр. 370. *На выздоровленіе Лукулла*. На франц.—ий яз. переведено А. Жобаром 1836 г., см. т. III, письма.

Стр. 379. *Пора, мой другъ...* В рук. следует заметка в прозе, к—ую см. Часть 4, отрывочные строки 1836 г.

Стр. 382. *Если ѣхать вамъ случится...* М. б., правильное читать:

Если ѣхать вамъ случится
Отъ Ардатова на Псковъ,
Тамъ гдѣ Лѣмета струится
Межь отлогихъ береговъ...

Лѣмета—речка в Лукояновском уезде; *Ардатовъ*—город на Лемете.

Стр. 385. *Пирь Петра Великаго*. В авт. собр. И. И. Куриса загл.: «Пирь Петра Перваго».

Кроме переводов, указанных выше, при жизни П—а, некоторые его *лирические стихотв.* были переведены на франц.—ий яз. в названной выше книге «La Balalaïka», Париж 1837 г., на немецкий яз.—С. von Janisch (Каролина Яниш, вполн. Павлова), «Das Nordlicht», Дрезден и Лейпциг 1833 г.

Кроме романсов, указанных выше, многие *лирические стихотв.* П—а были, при его жизни, положены на музыку разными композиторами, в том числе,—А. А. Алябьев положил на музыку 9 стихотв.: «Пробужденіе», «Лила, Лила, я страдаю» (в романсе: «Саша, Саша...»), «Предчувствіе», «Зимняя дорога», «Два ворона», «Если жизнь тебя обманетъ...», «Увы, зачѣмъ она блистаетъ...», «Я помню чудное мгновенье...», «Я васъ любилъ...», и 10-ое—«Черкесскую пѣсню» из поэмы «Кавк. Плѣнникъ».

А. Верстовскій—4 стихотв.: «Ночной вефиръ...», «Два ворона», «Пѣвецъ», «Черная шаль» и 3 пѣсни из поэм «Русланъ и Людмила», «Цыганы», «Полтава».

Н. С. Титовъ—9 стихотв. «Буря», «Не пой, красавица, при мнѣ...», «Ночной вефиръ...», «Романсъ» («Подъ вечеръ осени ненастной...»), «Пѣвецъ», «Талисманъ», «Что въ имени тебѣ моемъ...», «Я пережилъ свои желанья...», «Я помню чудное мгновенье...», и «Татарскую пѣсню» из поэмы «Бахч. Фонтанъ».

Н. А. Титовъ—стихотв. «Къ Морфею» и песню изъ поэмы «Цыганы» («Птичка Божія не знаетъ...»)

Гр. М. Ю. Вельгорскій—2 стихотв.: «Черная шаль», «Два ворона» и, о В. Ф. Одоевскимъ, 3-е—«Канонъ въ честь М. И. Глинки».

М. П. Яковлевъ—3 стихотв.: «Слева», «Зимній вечеръ», «Къ живописцу».

И. Феништа—2 стихотв.: «Черная шаль» и «Погагло дневное свѣтило...» и 3-е—«Черкесскую пѣсню» из поэмы «Кавк. Плѣнникъ».

М. И. Глинка—3 стихотв.: «Не пой, красавица, при мнѣ...», «Я здѣсь, Инезилья...», «Я помню чудное мгновенье...»

Н. И. Бахметевъ—стихотв. «Телега жизни»; М. Бернаръ—«Дорожная жалоба»; Н. де-Витте—«Романсъ»; А. Есауловъ—«Ночной вефиръ...»; К. А. Кавось—«Наперсникъ», Н. Мельгуновъ—«Я помню чудное мгновенье...»; гр. Ф. Толстой—«Я васъ любилъ...»; Шелиховъ—«Бородинская годовщина»; неизвестные (анонимы)—«Я пережилъ свои желанья...», «Романсъ» и др.

Другие отрывки из поэм, положенные на музыку, см. Часть 2.

При жизни П—а его *лирические стихотв.* издавались отдельно четыре раза: «Стихотворенія», Спб. 1826 г.; «Стихотворенія», Часть I, Спб. 1829 г.; то же, Часть II, Спб. 1829 г.; то же, Часть III, Спб. 1832 г.; то же, Часть IV, Спб. 1835 г. Подробнее см. Часть 3, Библиография. Указатель всего, напеч. П—ым при его жизни, см. изд. Н. Синаевскій и М. Цявловскій, «Пушкинъ въ печати 1814—1837», М. 1914.

ОПЕЧАТКИ И НЕДОСМОТРЫ.

Стр. 15, строка 26 сверху, напеч.: Д. И. Илличевскій, надс—А. Д. Илличевскій;
Стр. 115, в примеч. к стихотв. «Прелестница», напеч. «воспламенять», надо—
«воспалить».

Стр. 135, строка 1 снизу, напеч.: см. Вступ. оч., надо—см. Вступ. оч. к Части 2.

Стр. 151, строка 29 сверху,—то же.

Стр. 145, столбец 1, строка 24 сверху, надо—холодных сомнѣнья?

Стр. 157, столбец 1, строка 7 сверху напеч.: музу, надо—Музу (так в беловом авт.)

Стр. 198, строка 2 сверху, напеч. Россіи, іюля, надо — России, июля, [То же в некоторых др. местах].

Стр. 214, строка 2 сверху, напеч.: с іюля 1824 г., надс—с августа 1824 г.

Стр. 363, строка 1 сверху (заглавие) надо: Периоды одиннадцатый и двенадцатый.

В изд. принято, в текстах, правописание Пушкина с сохранением характерных его особенностей даже в тех произведениях, которые не сохранились в автографе. Согласно с таким правилом, следует в начале книги, в нескольких местах, исправить написания: нещастіе, вместо — несчастіе, напр., *стр. 85*, строка 25 сверху, загл. «Нещастіе Клита»; приятно, вместо—приятно, напр., *стр. 134* строка 9 сверху, и т. под.

В начале книги несколько раз напеч.: экспромтъ, вместо правильного—экспромптъ, напр., *стр. 87, 93, 111* и др.

В нумерации стихотворений есть несколько ошибок, в том числе:

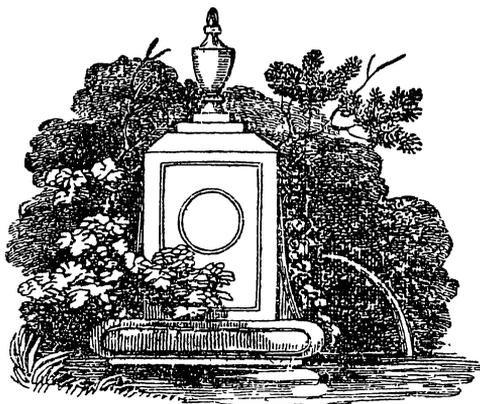
Стр. 151, поставлены №№ 7—10 вместо 8—11.

Стр. 192, пропущен № 7 и дважды поставлен № 9;

Стр. 208, дважды поставлен № 10;

Стр. 338, дважды поставлен № 35.

Наконец, есть несколько непоследовательностей в выборе шрифта, которым набраны заглавия и подзаголовки отделов. Заглавия отделов А, Б, В... должны быть набраны прямым (своим) шрифтом, а подзаголовки—черным. Этот недостаток частью исправлен в оглавлении и в систематическом указателе к нему.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА РЕДАКТОРА

к части 1.

Въ объяснение состава примечаний считаю необходимым указать следующее:

Рук—си П—, как сказано выше, изучены далеко не все; более или менее исчерпаны лишь те, к—ые легли в основание вышедших томов Акад. изд.; из других обследованы только некоторые (по случайным поводам); большинство известно лишь по описаниям — В. Якушкина 1884 г., Б. Л. Модзалевского, В. И. Срезневского и др. (В изд. Венгерова многое напрч. по рук—ям, но отсутствие критических объяснений не позволяет установить, что именно).

Редакторы комментированных изд. П—на, пользуясь этими печатными данными оставляют предполагать, что текст установлен ими по рук—ям самостоятельно. Так сделано, напр. П. О. Морозовым в его последнем изд. («Просвещения», Спб. 1903 г. и сл.), причем он и прямо заявляет, что текст им «сверен с рукописями п эта», (В действительности, П. О. Морозов обращался к рук. П—а в 1887 г., а для изд. 1903 г. пользовался, повидимому, только «записной книжкой» П—а 1820—1821 г., а во всем остальном опирался на печатные сообщения). Это вводит читателей, особенно начинающих исследователей, в серьезное заблуждение. Находя, напр., в изд. Морозова много вар. к одному стихотв. и не находя их при другом, читатель может и даже должен заключить, что это другое стихотв. написано П—ым без помарок; на самом деле причина разницы в том, что рук. одного стихотв. была кем-либо обследована, другого — нет. Точно также, найдя в изд. только два или три вар. к стихотв., читатель должен думать, что больше исправок в рук. нет; на самом деле, эти 2—3 вар. были приведены в описании В. Якушкина как *примеры*.

Чтобы не вводить читателей в такие заблуждения, в нашем изд. всегда определенно указано, изучены ли рук—си данного произведения или нет. Приводя вар., мы откровенно сообщаем, взяты ли они нами непосредственно из рук—ей или из работы другого исследователя. Также определенно мы сообщаем, что вар. такого-то произведения еще не изучен вовсе, что в такой-то рук. имеются вар., еще не опубликованные, и т. д. Таким образом наши примечания позволяют видеть, что поныне сделано для изучения текста П—а и что остается сделать, тогда как комментарий других изд. позволяет заключить, что изучение рук—эй поэта уже вполне закончено.

По возможности, стараясь, однако, не загромождать наше изд. библиографическими ссылками, мы постоянно указывали, откуда взят наш текст. Исключение составляют черновые наброски, так как все они почерпнуты из двух-трех изд., известных всем исследователям (Акад. изд., описания В. Якушкина и др.), и точные ссылки при каждом отрывке были бы только повторениями. Разумеется, если текст почерпнут нами непосредственно из рук. или из менее известного изд., это оговорено в примечании.

Все, сказанное здесь о тексте лирических стихотв. П—на, относится также и к тексту дальнейших томов (поэмы, драмы, повести, статьи, письма), но для крупных произведений нами даны относительно нашего текста объяснения более подробные. Кроме того ряд указаний дан нами в «Прибавлении» к части 3-ей нашего изд. в описании рук—ей П—на в библиографии его соч. и т. д.

В. Б.

СОДЕРЖАНИЕ.

Объяснение сокращений. — Список иллюстраций. — Содержание части 1-ой. — Систематический указатель к содержанию.

О Т Р Е Д А К Т О Р А .

В «Содержании» отмечены: 1) *звездочкой* *—те стихотворения, текст которых всецело установлен редактором данного издания на основании непосредственного обращения к рукописям, т.-е., как к автографам П—а, снимкам с его автографов (фотографиям, фототипиям; литографиям, автотипиям), так, *при отсутствии автографа*, к авторитетным спискам (напр., лицейских товарищей П—а, Илличевского и др., в лицейской тетради поэта); 2) *кавычкой* « — те стихотворения, которые в автографе П — а *не сохранились* и текст которых всецело установлен редактором данного издания на основании первопечатных источников, т. е. тех изданий, где стихотворение было напечатано с рукописи; 3) *звездочкой в скобках* (*)—те стихотворения, при установлении текста которых редактор обращался к рукописям, напр., к *некоторым* из автографов из числа нескольких содержащих данное стихотворение, или к авторитетным спискам при существовании автографа. Текст стихотворений, не отмеченных никаким знаком, взят из авторитетных изданий, где они напечатаны или исправлены по рукописи: из Академического, из сообщений Я. К. Грота, пользовавшегося лицейскими рукописями (см. «Журнал Министерства Народного Просвещения» 1905 г, № 10) и т. под.—Стихотворения и варианты, напечатанные в нашем изд. *впервые* или в нем *впервые* включенные в собрание сочинений П—а, указаны в примечаниях.

Алфавитный указатель к художественным произведениям П—а приложен к Части 3-ей, где также даны: библиография соч. П—а и о П—е и обзор его рукописей.

ОБЪЯСНЕНИЕ СОКРАЩЕНИЙ.

Для сбережения места в нашем изд. принят, в очерках и примечаниях редактора, ряд *сокращений*. Большинство их понятно само собой. Помещаем здесь список важнейших:

Авт.—автограф Пушкина.
Акад. изд.—Академическое издание.
Б.—бывший.
Вар.—вариант.
Вм.—вместо.
Впосл.—впоследствии.
Г.—год.
Др.—древний.
Изд.—издание.
Кот. или к-ый—ксторый.
Л. Ф.—Литературного фонда.
Мн. др.—многие другие.
Муз.—музей.
Напеч.—впервые (было) напечатано.
Об.—объяснено.
Перепеч.—(было) перепечатано.
Пгд.—Петроград.
Пб.—Петербург.
Подл.—подлинник.
Посл.—последний.

Посм. изд.—Посмертное изд.
Предыд.—предыдущее.
Прим. или примеч.—примечание.
Публ. В.—Р. Публичная Библиотека.
П., П-а,—Пушкин, Пушкина.
Ред.—редакция.
Рис.—рисунок.
Рук.—рукопись.
Рум. м.—М, Румянцевский музей.
След.—следующее.
См.—смотри.
Собр.—собрание.
Ст.—стих.
Стихотв.—стихотворение.
Стран.—страница.
Стр.—Строфа.
Т.—том.
Т. к.—так как,
Ч.—часть.

Также—названия языков: англ-ий—английский, франц. или фр-ий — французский, нем-ий — немецкий, ит-ий — итальянский, и общепринятые: и т. д., и т. под.; в (век), гр. (граф), кн. (князь) и т. под.

Названия изданий (сочинений Пушкина): Академическое т.-е. Академии Наук, 4 т., Спб. 1899—1916 г.; Анненкова т.-е. под ред. П. В. Анненкова, 7 т., Спб. 1855—1857 г.; Венгерова т.-е. Брокгауза-Ефрона под ред. С. А. Венгерова, 6 т., Спб. 1907—1916 г.; Ефремова т.-е. С. А. Суворина под ред. П. А. Ефремова, 8 т., Спб. 1903 г. и сл., Литературного Фонда т.-е. О-ва пособия нуждающимся литераторам и ученым, Спб, 1887 г.; Морозова т.-е. «Просвещения» под ред. П. О. Морозова, 8 т., Спб. 1903 г. и сл.; Посмертное т.-е. Спб. 1838—1841 г.

Названия журналов и альманахов, напр.: «Сѣв. Цв.» — «Сѣверные Цвѣты», «Сын Отеч.» — «Сынъ Отечества», и др., названия произведений Пушкина, напр.: «К. Плѣнникъ» — «Кавказскій Плѣнникъ», «Евг. Он.» или «Е. О.» — «Евгеній Онѣгинъ», «Арапъ П. В.» — «Арапъ Петра Великаго» и др.

Постоянно повторяющиеся выражения изложены особо кратко, напр.: Напеч. Анненковым 1857 г. т.-е. — Впервые напечатано в издании под редакцией П. В. Анненкова, дополнительный VII том, Спб. 1857 г.; др. об. раньше, т.-е. — другие (имена, названия) объяснены раньше, и т. под. Если несколько раз упоминается одно лицо или название, то оно означаетс^я одной буквой, напр., где идет речь о Мицкевиче, — М.; где о «Вѣстнике Европы», — «В. Е.».

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ЧАСТИ 1-ой.

1. <i>А. С. Пушкин мальчиком.</i> С гравюры Е. Гейтмана	Перед стр.	
2. <i>А. С. Пушкин лицеистом.</i> С современного портрета цветными карандашами	»	» XXXIII
3. « <i>Невский Альманах на 1826 год</i> ». Фронтиспис. С гравюры	»	» 1
4. <i>Зал Лицея.</i> С литографии П. Борели	»	» 33
5. « <i>Грибок</i> » в саду Лицея. С современной акварели	»	» —
6—7. <i>I. Лицей. II. Лицейский парк.</i> Два рисунка А. С. Пушкина	»	» 65
8—9. <i>Виды на Лицей I—II.</i> С современных акварелей	»	» 97
10. <i>Вид Царского Села.</i> С акватинты Мейера	»	» 129
11. Каскады в Царском Селе. С литографии В. П. Лангера	»	» —
12. <i>Эпиграммы во вкусе древних.</i> Автограф четырех стихотворений А. С. Пушкина. Воспроизведение рукописи 1821 г.	»	» 161
13. <i>И. И. Пущин.</i> С современного портрета	»	» 193
14. <i>П. Я. Чаадаев.</i> То же	»	» —
15. <i>М. Л. Яковлев.</i> То же	»	» 225
16. <i>Князь А. М. Горчаков.</i> То же	»	» —
17. <i>К. Н. Батюшков.</i> С гравюры С. Ф. Галактионова	»	» 257
18. <i>В. А. Жуковский.</i> С гравюры А. Флоровá	»	» 289
19. <i>Барон А. А. Дельвиг.</i> С литографии 1830 г.	»	» 321
20. <i>Князь П. А. Вяземский.</i> С гравюры К. Я. Афонасьева	»	» 353
21. <i>А. П. Керн.</i> С силуэта 1825 г.	»	» 385
22. <i>Вид Царского Села.</i> С литографии при альманахе «Царское Село» 1830 г.	»	» »
23—26. <i>Виньетки</i> из изданий начала XIX века	Стр. X, XXI, XXII, XLVI	

Портреты лиц из семьи А. С. Пушкина см. Часть 4 (автобиографические заметки и дневники), других его современников—Часть 6 (письма).

СОДЕРЖАНИЕ ЧАСТИ I.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ.

	Стр.
Предисловіе редактора	VII
Обзор жизни Пушкина по периодам	XI
Детство и отрочество Пушкина	XXII

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛИРИКА.

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ. От самых ранних опытов до
окончания Лицея; с 1810 г. по июль 1817 г.

Общее примечаніе о мифологiи	3
--	---

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихи, относящиеся
к определенным годам, 1814—1817 г.

1814 год.

« 1. Къ другу стихотворцу	5
(*) 2. Къ сестрѣ	7
3. Леда. Кантата.	8
« 4. Венерѣ отъ Лагсы	9
* 5. Красавицѣ, которая нюхала табакъ	10
6. Посланіе къ Натальѣ	11
7. Къ молодой актрисѣ	12
« 8. Опытность	—
« 9. Блаженство	13
* 10. Пирующіе студенты	14
11. Къ Батюшкову. Философъ рѣзвой и Пить	15
« 12. Н. Г. Ломоносову	16
13. Къ закъ	17
« 14. Городокъ	18
* 15. Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ	22

1815 год.

* 1. Къ Дельвигу. Послушай, Музъ невинныхъ	26
« 2. Наполеонъ на Эльбѣ	27
3. Воспоминаніе. Помнишь ли, мой братъ по чашѣ	29
« 4. Лицинію. Съ латинскаго	—
* 5. Старикъ. Изъ Марота	30
« 6. Вода и вино	—
« 7. Батюшкову. Въ пещерахъ Геликона	—
8. Къ Пушкину. Любезный имянинникъ	32
(*) « 9. Къ Галичу	—
« 10. Мечтатель	33
« 11. Посланіе къ Галичу. Гдѣ ты, лѣннвецъ мой	34
* 12. Гробъ Анакреона	35
* 13. Мое завѣщаніе друзьямъ	36
* 14. Посланіе къ Юдину	37
* 15. Слеза	40
* 16. Къ живописцу	—
* 17. Роза	41
* 18. Моему Аристарху	—
* 19. Сраженный Рыцарь	42
20. Изъ дневника. Итакъ я щастливъ былъ	43
« 21. На возвращеніе государя изъ Парижа	44
« 22. Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ. Вамъ восемь лѣтъ	45

1816 год.

« 1. Къ Машѣ. Вечоръ мнѣ Маша приказала	46
* 2. Усы. Философическая ода	—
3. Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ. [Изъ письма]	47
4. Желаніе. Христось воскресъ, любимецъ Феба. [Изъ письма]	—
* 5. Амуръ и Гименей. Сказка	48
* 6. Фіаль Анакреона	49
* 7. Завравный кубокъ	—
8. Истинна	50
9. Посланіе Лидѣ, Тебѣ, неперсница Венеры...	—
10. Къ принцу Оранскому	51
* 11а. Наѣзники	—
11б. Наѣзникъ	52

12—31. Стихи о любви 1816 года.

« 12. Посланіе къ кн. А. М. Горчакову. Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весною...	63
* 13. Пробужденіе. Мечты, мечты	55
* 14. А. М. Шишкову. Поэтъ, увѣнчанный Эратой и Венерой...	—
15. Окно	56
* 16. Элегія. Любовь одна веселье жизни хладной	57
17. Наслажденіе. Въ неволѣ скучной увядаетъ	58
* 18. Слово милой	—
* 19. Надпись въ бесѣдкѣ	59
* 20. Сну. Знакомецъ милой	—
* 21. Желаніе. Медлительно влекутся дни мои	—
* 22. Мѣсяць	—
* 23. Разлука. Когда пробилъ послѣдній щастью часъ	60
* 24. Элегія. Прощаніе. Я видѣлъ смерть, она въ молчаньи съѣла	—
* 24а. Элегія. Подражаніе. Я видѣлъ смерть: она безмолвно съѣла	61
* 25. Элегія. Щастливъ, кто въ страсти самъ себѣ	62
* 26. Осеннее утро	—
* 27. Элегія. Опять я вашъ, о юные друзья	—
* 28. Друзьямъ. Къ чему, веселые друзья	63
29. Элегія. Я думалъ, что любовь погасла навсегда	—
* 30. Къ ней. Эльвина, милой другъ	64
* 31. Пѣвецъ. Слыхали ль вы за рошей гласъ ночной	65

Стихи, написанные совместно с Жуковским.

* 32. Боже, Царя храни	65
----------------------------------	----

1817 год.

1—5. Стихи начала года.

1. Письмо Э. Л. Пушкину. Тебѣ, о Несторѣ Арзамаса	66
« 2. Торжество Ваха	67
* 3. Стансы. Изъ Вольтера. Ты мнѣ велишь пылать душою	68
* 4. Письмо къ Лидѣ. Лишь благосклонный мракъ раскинетъ	—
* 5. Къ молодой вдовѣ. Лида, другъ мой неизмѣнный	96

6—11. Прощальные стихи товарищамъ.

6. Дельвигу. Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ	70
7. Въ альбомъ А. Д. Илличевскому. Мой другъ, не славный я поэтъ	71
8. » » И. И. Пушкину. Взглянувъ когда-нибудь	72
9. » » А. Н. Зубову. Когда погаснутъ дни мечтанья	—
10. » » В. К. Кюхельбекеру. Въ послѣдній разъ, въ тиши уединенья	—
* 11. Товарищамъ. Промчались годы заточенья	73

12—14. Стихи середины года.

12. Посланіе къ В. Л. Пушкину. Скажи, Парнаской мой отецъ	73
* 13. Безвѣріе	74
(* 14. Къ Жуковскому. Благослови, поэтъ	76

Б. Лицейские стихотворения, время написания которых точно не выяснено.

1813 год?

* 1. О Делія, драгая	79
« 2. Делія	—

1812—1815 год?

« 3. Измѣны. Все миновалось	80
---------------------------------------	----

	<i>1814 год?</i>	<i>Стр.</i>
« 4. Романсъ. Подъ вечеръ осенью ненастной		81
	<i>1815 год?</i>	
5. Князю А. М. Горчакову. Пускай, не знаясь съ Аполлономъ		82
(*) 6. Разсудокъ и любовь		—
7. Погребь. О, сжальтесь надо мною		83
	<i>1816 год?</i>	
8. Къ Наташь. Вянетъ, вянетъ лѣто красно		83
	<i>1817 год?</i>	
* 9. Къ Каверину. Забудь, любезной мой Каверинъ		84

В. Эпиграммы, надписи к портретам и др., альбомные стихи, экспромпты, шутки, мелочи, 1814—1817 г.

	<i>1814 год.</i>	
« 1. Эпиграмма. Аристь намъ обѣщаль		85
« 2. Подражанье Французскому. Супругою твоею я такъ плѣнился		—
« 3. Несчастіе Клита. На Кюхельбекера. Внуку Тредьяковскаго, Клить		85
« 4. На поэму Шихматова. «Пожарскій, Мининъ, Гермогень...»		—
	<i>1815 год.</i>	
« 5. Эпиграмма. Бывало прежнихъ лѣтъ герой		86
« 6. Моя эпитафія. Здѣсь Пушкинъ погребень		—
7. Е. П. Бакуниной. Напрасно воспѣвать		—
8. Эпиграмма изъ дневника. Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ		—
	<i>1816 год.</i>	
« 9. На смерть стихотворца. Покойникъ Клить въ раю не будетъ		86
* 10. Скажи, что новаго		87
11. Больны вы, дядюшка		—
« 12. Экспромптъ на Агареву. Въ молчаньи предъ тобой сижу		—
* 13. На Пучкову. Пучкова, право, не смѣшна		—
* 14. На не зъ. Зачѣмъ кричишь ты, что ты <i>бѣза</i>		—
15. Завтра съ свѣчкой грошевою		—
16. Завѣщаніе. Друзья, простите, завѣщаю		—
17. Къ письму. Въ немъ радости мои		88
18. На Кюхельбекера. Вотъ Виля		—
« 19. На Буало. Ты хочешь знать, моя драгая		—
* 20. Твой и мой. Богъ вѣсть за что философы, пійты		—
	<i>1817 год.</i>	
21. Сновидѣніе. Изъ Вольтера		88
22. Она. Печалень ты		89
* 23. Къ Баболовскому дворцу		—
24—25. Надписи къ портретамъ		—
I. Къ портрету П. Я. Чаадаева. Огъ вышней волею небесъ		—
II. Къ портрету П. П. Каверина. Въ немъ пунша и войны		—
25—28. Эпиграммы, сообщенные по памяти.		
	<i>1815—1817 год.</i>	
« 26. Шутка. Отъ всеночной вечеръ		89
« 27. На Ому. Мы недавно отъ печали		90
« 28. На Пуцина. Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ		—
29—34. Стихотворения изъ изданий 1826 и 1829 г., относимые обычно к лицейским.		
29. Лилъ. Лила, Лила, я страдаю		90
30. К. А. Б. Что можемъ наскоро		—
« 31. Исторія стихотворца. Внимаетъ онъ привычнымъ ужомъ		—
32. Добрый совѣтъ. Давайте пить и веселиться		—
« 33. Имянины. Умножайте шумъ и радость		—
* 34. Добрый человекъ. Ты правъ, не сносенъ Фирсъ		91

Г. Лицейские стихи, принадлежность которых Пушкину сомнительна (dubia), 1815—1817 г.

	<i>1815 год.</i>	
« 1. Вишня		91

<i>1816 год.</i>	<i>Стр.</i>
« 2. Пуншева я пѣсня. Изъ Шиллера	92
<i>3—10. Эпиграммы, экспромты, шутки, мелочи.</i>	
« 3. На гр. А. К. Разумовскаго. Ты слышалъ вѣсть смешную?	93
« 4. Портретъ. Вотъ карапузикъ нашъ	—
« 5. На себя. Я самъ въ себѣ увѣренъ	—
« 6. Ахъ, тошно, тошно, помогите	—
« 7. Экспромтъ. И останешься с вопросомъ	—
« 8. Гауэншильдъ и Энгельгардтъ	—
« 9. Къ портрету П. X. Молостова. Не большой онъ Руской баринъ	—
« 10. Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ	—
<i>11—13. Упомянуты:</i>	
I. На Пучкову. Зачѣмъ объ инвалидной долѣ... (Илличевскаго)	93
II. Надпись на мой портретъ. Не бойся, Глазуновъ... (Дельвига)	—
III. Съ позволения сказать	—

Приложение I. Лицейские стихи, переделанные по выходе из Лицея, в 1825 (или 1820) году.

а) Стихотворения, включенные в издания 1826 и 1829 г.

<i>Под 1815 годом.</i>	
« 1. Лицинию. Съ латинскаго	95
« 2. Гробъ Анак еона	96
<i>Под 1816 годом.</i>	
« 3. Друзьямъ. Богами вамъ еще даны	97
« 4. Амуръ и Гименей	—
« 5. Шишкову. Шалунъ, увѣнчанный Эратой	98
<i>Под 1817 годом.</i>	
« 6. Дельвигу. Любовью, дружествомъ и лѣнью	98
« 7. Разлука. В. К. Кюхельбекеру. Въ послѣдній разъ	99
<i>Под заглавиемъ «Разныхъ годовъ».</i>	
« 8. Старикъ. Изъ Маро	99
« 9. Любопытный. Что-жъ новаго	100
<i>б) Стихотворения, не вошедшие в издания 1826 и 1829 г.</i>	
* 10. Къ Дельвигу. Отвѣтъ. Послушай, Музь невинныхъ	100
* 11. Моему Аристарху. Помилуй, трезвый Аристархъ	101
* 12. Слово милой. Я Лилу слушалъ у клавира	102
* 13. Къ Морфею	—
* 14. Уныніе. Разлука. Мой милой другъ, разстался я съ тобою	—
* 15. Элегія. Подражаніе. Я видѣлъ смерть	103
* 16. Къ П. П. Каверину. Забудь, любезный мой Каверинъ	—
* 17. Въ альбомъ А. Н. Зубову. Пройдетъ любовь, умрутъ желанья	—

Приложение II. Французские стихи Пушкина до 1817 года, с их переводом.

<i>1810—1811 год.</i>	
1. Нашъ «Похититель» отчего	104
2. Пою сраженіе, Толи гдѣ победилъ	—
<i>1814 год.</i>	
3. Стансы. Вы розу нѣжную узрѣли	104
4. Мой портретъ. Ты просишь у меня портретъ	105
<i>1816 год.</i>	
5. Княжнѣ В. М. Волконской. Сударыня, могу сказать	106
<i>1817 год.</i>	
6. Куплеты. Когда поэтъ, горя экстазомъ	106

<i>4—17. Эпиграммы, альбомные стихи, шутки, мелочи.</i>		<i>Стр.</i>
« 4.	Въ альбомъ Е. Я. Сосницкой. Вы соединить могли	130
« 5.	Нимфодоръ С. Семеновой. Желалъ бы быть	—
<i>1819 год?</i>		
6.	Записка къ Жуковскому. Раевскій, <i>молодонецъ</i> прежній	130
<i>1818—1819 год?</i>		
7.	П. Б. Мансурову. Мансуровъ, <i>закадышнй</i> другъ	130
8.	На Стурдзу. Я вкругъ Стурдзы хожу	131
« 9.	На Карамзина. Послушайте, я вамъ скажу про старину	—
« 10.	« » Въ его «Истории» изящность, простота	—
« 11.	На кн. А. И. Голицына. Вотъ Хвостовой покровитель	—
« 12.	На Фотія. I. Полуфанатикъ, полуплутъ	—
« 13.	» » II. Благочестивая жена	132
« 14.	» » III. Внимай, что я тебѣ вѣщаю	—
<i>1819—1820 год?</i>		
« 15.	На Аракчеева. I. Всей Россіи притѣснитель	132
« 16.	» » II. Холопъ вѣнчаннаго солдата	—
В. Стихотворения, принадлежность которыхъ Пушкину не доказана или сомнительна (dubia), 1817—1819 г.		
« 1.	Ноѣ. [Святочная пѣсенка]	133
« 2.	27 мая 1819. Веселый вечеръ въ жизни нашей	134
<i>3—5. Четырестішия.</i>		
« I.	Наденькѣ. Съ тобой приятно удѣлить	134
« II.	Она тогда ко мнѣ придетъ	—
« III.	Про себя. Великимъ быть желаю	—
<i>6—7. Экспромты.</i>		
« I.	За ужиномъ обѣлся я	134
« II.	Есть въ Россіи городъ Луга	—
<i>8—15. Эпиграммы.</i>		
« I.	На Н. Н. Гнѣдича. Съ тобою въ споръ я не вступаю	134
« II.	На гр. Хвостова. Сожалѣнье не поможетъ	135
« III.	Снесу иль нѣтъ главу свою. [Къ Пестелю].	—
« IV.	Онъ добрый малый, братъ сестрицынъ. . . [На кн. А. Н. Голицына].	—
« V.	Въ Россіи нѣтъ закона	—
« VIa.	Сказалъ деспотъ: «Мои сыны!»	—
« VIб.	Желали правъ они	135
« VII.	Фонарь	—
« VIII.	Подражаніе французскому. Народъ мы Русской позабавимъ	—
Отдел II. А. Незаконченные и необработанные произведения 1817—1818 г.		
<i>1817 год.</i>		
* 1.	Къ Анаксагору. [Первоначальная ред. посланія Н. И. Кривцову]. Не пугай насъ, милой другъ	136
<i>1818 год.</i>		
2.	Къ В. К. Кюхельбекеру. [Первоначальный набросокъ стихотв. «Мечтателю»]. Ты въ горестяхъ любви	—
Б. Черновые наброски 1818—1819 г.		
<i>1818 год.</i>		
.	Позволь душѣ моей	137
2.	[Къ волшебницѣ] Какъ сладостно, но, боги, какъ опасно	—
3.	[Дружба и любовь]. И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ	138
<i>1819 год.</i>		
4.	Къ ***. Щастливъ, кто близъ тебя	138
5.	Элегія. [Къ Кагульскому памятнику]. Воспоминаньемъ упоенный	—
6.	Напрасно, милый другъ, я мыслить утайтъ	—
7.	Начало сатиры. Скажи, какія заклинанья	139

	<i>Стр.</i>
8. [Къ Михайловскому] Дубровы, гдѣ въ тиши свободы	—
9. [Лаисѣ]. Лаиса, я люблю	—
* 10. Не угрожай лѣнивцу молодому	—
11. [Подражаніе древнимъ]. Могущій Богъ садовъ	140
12. [Друзьямъ]. Нѣтъ, нѣтъ, мои друзья	—
13. Я видѣлъ, какъ она при мнѣ	—
14. Все призракъ, суета	—
15. Давно ли тайными судьбами	141
* 16. [Е. С. Семеновой] Надежда Парнаса. Амуръ тебя обрѣлъ	—
17. [Къ Наташѣ]. Недавно тихимъ вечеркомъ	—
18. Такъ я, бывало, забавлялъ	—

19—21. Шутки и эпиграммы.

1818—1819 год.

I. За старые грѣхи наказанный судьбой	142
II. А. И. Тургеневу. Въ себѣ всѣ блага заключаю	—
III. Февъ и Геркулесъ	—

22—28. Отрывочные строки.

I. Чудесный Ангель, Геній мой	142
II. Ты мнѣ велишь открыться предъ тобою	—
III. Такъ, Маша, это точно онъ	—
IV. [Сіятельный Аристофанъ]. Все ненавистно становится	143
V. Она мила, твоя подруга	—
VI. Краснорѣчивый забіяка	—
VII. Оставь, о Лезбія, лампаду	—

29—30. Начало набросков.

I. Въ лѣсу подъ липою	143
II. Хранитель милыхъ чувствъ	—

Периодъ третій. Жизнь на югѣ Россіи, 1) Кавказ, Крым, 1820 г.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворенія.

1820 год (конец).

Кавказ, Крым, первые дни в Кишиневе.

4. Элегія. Черное море. Поражаніе Байрону. Погасло дневное свѣтило	144
5. Чаадаеву. Къ чему холодныя сомнѣнья	145
6. Элегія. Увы, зачѣмъ она блистаетъ	—
7. Подражаніе Турецкой пѣснѣ. О дѣва—роза, въ оковахъ	146
8. Фонтану Бахчисарайскаго дворца	—
9. Виноградъ	—
10. Дочери Карагеоргія	147
* 11. Таврическая звѣзда. Элегія. Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда	—
* 12. Нерейда	148
13. Черная шаль. Молдавская пѣсня	—

Б. 14—17. Эпиграммы.

I. На Каченовскаго. Хавроніусъ! ругатель законѣный	149
II. Когда-бъ писать ты началъ съ-дуру	—
III. На Ф. И. Толстого. Въ жизни мрачной и презрѣнной	—
IV. Какъ брань тебѣ не надоѣла	—

Отдел II. Черновые наброски 1820 г.

1. Мнѣ васъ не жаль, года весны моей	150
2. Я видѣлъ Аз и безплодные предѣлы	—
3. Эпиграмма. Аптеку позабудь	151

4—7. Отрывки.

I. Е. С. Семеновой. Ужель умолкъ волшебный гласъ	151
II. Чей голосъ выразить яснѣй	—
III. (Тамъ) На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ	—
IV. И чувствую, душа моя	—

I. Въ забвеньи ночи насладись	151
II. Свободы баловень безпечной	—
III. . . . . безвременной мечтой	—

II. Отрывочные строки.

11. Жуковскому. Какъ ты шалишь и какъ ты милъ	151
---	-----

ПЕРИОД ЧЕТВЕРТЫЙ. Жизнь на югъ России. 2) Кишинев,
1821—1823 г.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворения.

1821 год.

1—5. Подражанія древнимъ.

* 1. Земля и море. Идиллія Москва	152
* 2. Кр с вице передъ зеркаломъ	—
3. Діонея. Идиллія	153
4. Дѣва. Я г. ворилъ тебѣ, страшися дѣвы милой	—
* 5. Муза. В маленчествѣ моемъ	—
6. Элегія. Изъ поэмы Кавкъ зъ. Я пережилъ свои желанья	154
7. Желаніе. Кто видѣлъ край	—
8. Къ Аглыѣ. Кокеткѣ	155
9. Къ Дельвигу. Другъ Дельвигъ, мой Парнаской братъ. [Изъ письма]	156
10. Къ Гнѣдичу. Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчаный... [Изъ письма]	—
* 11. П. А. Катенину. Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ	157
(*) 12. Кинжалъ	—
13. Чаадаеву. Въ странѣ, гдѣ я забылъ	159
14. Н. С. Алексѣеву. Мой милый, кѣкъ несправедливы	161
15. Гробъ юноши. Отрывокъ изъ элегіи	—
(*) 16. Наполеонъ. Ода.	162
17. Элегія. Умолкну скоро я	164
18. Элегія. Къ ***. Мой другъ, забыты мнѣ	165
19. Къ ***. Зачѣмъ безвременную скуку... Н. С. Алексѣеву	—
20. Лидѣ страшно полюбить	166
21. Война. Мечта война. Война!.. подъяты наконецъ	—
22. Къ Овидію	167

Б. 23—31. Сатиры, эпиграммы, шутки, мелочи 1821 г.

23. Всегда такъ будетъ, какъ бывало	169
(*)24—25. [Сатира на Кишиневскихъ дамъ]. I. Раззѣвавшись	—
II. Тодорашка	170
26. Эпиграмма. Хотѣ, впрочемъ онъ поэтъ изрядной	—

27—31. «Пакости».

(*) I. Христось Воскресъ	171
(*) II. Надпись къ портрету. На Каченовскаго. Клеветникъ безъ дарованья	—
(*) III. Эпиграмма. Лѣчись,—иль быть тебѣ Панглосомъ	—
(*) IV. Оставля честь	—
(*) V. Иной имѣлъ мою Аглаю	—

1822 год.

* 1. Друзьямъ. Вакхическая пѣснь. Вчера былъ день разлуки шумной	172
2. Пріятелю. Не притворяйся, милый другъ	—
3. Узникъ. Сажу за рѣшеткой	—
4. Птичка. Въ чужбинѣ свято наблюдаю	173
5. Элегія. Отрывокъ. Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный	—
6. Примѣты. Отрывокъ. Старайся наблюдать	174
7. Баратынскому изъ Бессарабіи	—
8. (Ему же). Я жду обѣщанной тетради	—
9. Я. Н. Толстому. Горишь ли ты, лампада наша	—
10. Адели. Въ альбомъ малюткѣ	175
11. Первое посланіе цензору	—
12. Къ Ѳ. Н. Глинкѣ. Когда средь оргій... [Изъ письма].	178

13—16. Надписи, эпиграммы, мелочи 1822 г.

I. Совѣтъ. У Клариссы денегъ мало	179
II. Къ портрету Вяземскаго. Судьба свои дары	—

III. Мадригалъ. Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати	Стр. —
IV. Рускому Геснеру. Куда ты холоденъ и сухъ	—

1823 год (начало).

1. Гречанкѣ. Ты рождена воспламенять	179
--	-----

Б. Стихотворения, принадлежность которыхъ Пушкину строго не доказана или сомнительна (dubia) 1821—1823 г.

1. Надгробная надпись кн. А. И. Голицыну. Отраднымъ ангеломъ	180
2. Г-жѣ Эйхфельдтъ. Ни блескъ ума	—
3. В. И. Горчакову. Зима мнѣ рыхлою стѣною	—
(*) 4. Десятая заповѣдь	181

5—6. Отрывочные строки.

« I. Дай, Никита, мнѣ одѣться	181
« II. Скучной ролью Телемака, ...	—

Приложение I. Французские стихи Пушкина, 1821—1822 г.

* 1. На просьбы страстныхъ любовника	181
* 2. Любовницъ честныхъ я имѣлъ	182

Отдел II. А. Незаконченные и необработанные стихотворения кишиневского периода.

1821 год.

1. Отрывокъ изъ элегии. [Первоначальная ред. стихотв. «Гробъ юности»]	182
2. Къ моей чернильницѣ	183
3. [Музѣ]. Наперсница волшебной старины	184
4. В. Л. Давыдову. Межъ тѣмъ какъ Генераль Орловъ	—
5. Съзованіе. [Д. В. Давыдову]. Недавно я въ часы сзободы	18

1822 год.

6. [Ничтожество]. Ты сердцу непонятный мракъ... [Первоначальная обработка стихотв. «Люблю вашу сумракъ...»]	186
7. Изъ записки къ пріятелю. Сегодня я поутру дома	187
8. Н. С. Алексѣеву. Мой другъ, уже три дня.	—

1821—1823 год.

9—12. Наброски элегии. I. Ты празъ, мой другъ, напрасно я презрѣлъ	187
II. Красы Лансъ, завѣтные пиры	188
III. Я говорилъ предъ хладною толпой	—
IV. Чего-жъ, мечтатель молодой	189

Б. Черновые наброски, 1821—1823 г.

1821 год.

1—2. Наброски сатиры. I. Кн. П. А. Вяземскому. Язвительный поэтъ	190
» II. Блаженъ стократъ риемачъ миролюбивый	—
3. Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ	191
4. Денису Давыдову. Пѣвецъ-гусарь, ты пѣлъ биваки	—
5. П. С. Пушкину. Въ дыму, въ крови	—

1822 год.

6. Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный	192
7. Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый... (1823 г.)	211
8. [Къ лирѣ]. Наперсница моихъ сердечныхъ думъ	192
9. Какъ наше сердце своенравно	—
10. На тихихъ берегахъ Москвы	—
11. За нею по наклону горь	193
12. Я. Н. Толстому. Молвой покинутый изгнанникъ... [Другая ред. посланія].	—
13. Одинъ, одинъ остался я	—
(*) 14—17. При посылкѣ Гавриліады. I. Примите новую тетрадь	—
» II. О вы, которые любили	—
* » III. Прими въ залогъ воспоминанья	194
* » IV. Воть Муза, рѣзвая болтунья	—
18. Къ брату. Братъ милый! отрокомъ разстался	—
19. Кто, волны, васъ остановилъ	—

20—22, Стихи, вызванные восстанием греков.

Стр.

20. Возстань, о Греція, возстань! 195
 21. Гречанкѣ. Гречанка вѣрная! не плачь . . . . . —
 22. Къ Элѳеферіи. Гречанка, прелесты! предъ тобою . . . . . —

22—28. Мелкіе отрывки.

- I. Тѣснится средь толпы 196
 II. Чугунъ Кагульскій, ты священъ . . . . . —
 « III. Въ голубомъ зеира полѣ . . . . . —
 IV. Венерѣ, Фебу и Фемидѣ . . . . . —
 V. Эпиграмма. Князь Г. со мною незнакомъ . . . . . —
 * VI. Мудрецъ Китая . . . . . —
 VII. Нѣтъ вѣтра; тихая волна... Изъ Байрона 197

29—35. Отрывочныя строки.

- I. Когда луны сіяетъ ликъ двурогій 197
 II. Во времена царя Додона . . . . . —
 III. Вы, промелькнувшіе въ живомъ очарованьи . . . . . —
 IV. Одна черта руки моей . . . . . —
 V—VI. Изгнанье славно, спору нѣтъ . . . . . —
 ... до меня доходятъ . . . . . —
 VII. Улыбка устъ, улыбка взоровъ . . . . . —

Период пятый. Жизнь на юге Россіи. 3) Одесса,
 с іюля 1823 по август 1824 г.

Отдел I. А. Законченныя и обработанныя стихотворенія.

1823 год (с іюля).

2. Демонъ 198
 3. Телега жизни . . . . . —
 4. Элегія. Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты 199
 5. Отрывокъ. Ненастный день потужь 200
 6. Ночь. Мой голосъ для тебя . . . . . —
 (*) 7. Городъ Кишиневъ. Проклятый городъ Кишиневъ . . . . . —
 8. Отрывокъ. Недвижный стражъ дремалъ 201
 9. Сказали разъ Царю... [На гр. М. С. Воронцова]. 203
 (*) 10. Свободы сѣятель пустынной... [Изъ письма] . . . . . —
 11. Кн. М. А. Голицыной. Давно объ ней воспоминанье 204

1824 год (по іюль).

1. А. Л. Давыдову. Нельзя, мой толстый Аристипъ 204
 * 2. Иностранкѣ. Въ альбомѣ. На языкѣ тебѣ невнятнымъ . . . . . —
 3. Къ морю 205

Б. Эпиграммы, экспромпты, шутки, мелочи 1823—1814 г.

1. На цензоровъ. Тимковской царствовалъ 206
 2—4. На Воронцова. I. Полумилордъ, полукупецъ . . . . . —
 «   »   II. Не знаю гдѣ, но не у насъ . . . . . —
               III. Пѣвецъ Давыдъ былъ ростомъ малъ . . . . . —
 (*) 5. На Александра I. Воспитанный подъ барабаномъ 207
 6. На Каченовскаго. Охотникъ до журнальной драки . . . . . —
 7. Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ . . . . . —
 8. Жалоба. Вашъ дѣдъ портной . . . . . —

В. Мелочи, не дошедшіе ни в автографѣ ни в авторитетном
 списке.

- « 9. Экспромптъ. Саранча летѣла, летѣла 207
 * 10. На Одесскихъ дамъ. Мадамъ Ризничъ 208
 « 11. Какъ счастливы бабисты (библисты) . . . . . —
 « 12. Архіерей. Еще ли нашъ архіерей не святъ? . . . . . —
 « 13. Капитану Бородецъ. Накажи святой угодникъ . . . . . —

Отдел II. А. Незаконченные и необработанные стихотворения одесского периода, 1823—1824 г.

	<i>1823 год.</i>	<i>Стр.</i>
* 1. Первоначальные очерки стихотв. «Демонъ»		208
(*) 2—3. Наброски стихов. О революции и Наполеоне. I. За чѣмъ ты посланъ былъ, и кто послалъ тебя		209
	II. Вѣшали книжники, тревожились цари	—
4—5. Наброски элегий. I. Придетъ ужасный мигъ		210
	II. Надеждой сладостной младенчески дыша	—
6. Слепецъ. Изъ А. Шенье. О Гелиосъ, внемли		211
7. [Къ «питомцу моря»]. Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый		—

Б. Черновые наброски.

	<i>1823 год.</i>	
1. Когда желаніем и счастьемъ утомленный		211
	<i>1824 год.</i>	
2. Все кончено, межъ нами связи нѣтъ.		212
3—4. Пріючь любви. I. Пріючь любви, онъ вѣчно полнъ		—
	II. Уединенная пещера... у моря подъ скалой	—
* 5. Морей наперсникъ крыленый		—
* 6. На небесахъ печальная луна		—
7. Умомъ и нѣжною красой		—
	<i>8—12. Отрывочные строки.</i>	
I. На современныхъ поэтовъ. Жуковский нашъ святой		213
II. О Кавказскомъ плѣнникѣ. Мой плѣнникъ вовсе не любезенъ		—
III. Онъ вѣжливъ былъ въ моей передней		—
IV. Люблю Одессу я		—
V. Слабъ и робокъ человекъ		—
	<i>13—14. Начало набросков.</i>	
VI. Чу! пушки грянули		213
VII. Но ты предвидѣнемъ своимъ		—
	<i>15. Упомянуто:</i>	
VIII. Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею. (П. А. Вяземского)		—

Период шестой. Ссылка в селе Михайловском с июля 1824 по сентябрь 1826 г.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворения.

	<i>1824 год (конец).</i>	
(*) 4. Прозерпина. [Подражаніе Парни]		214
5. Аквилонъ		215
6. Къ Языкову. Издревле сладостный союзъ... [Изъ письма]		—
7. А. Н. Вульфъ. Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой! [Изъ письма]		216
(*) 8. Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ		—
9. К ***. Туманскій правъ		219
10. Коварность		—
11. Признаніе. Я васъ люблю, хоть я бѣжусь		220
12. Испанскій романсъ. Ночной зефиръ		221
13. Подражаніе А. Шенье. Ты вянешь и молчишь		—
* 14. Второе посланіе цензору		222

Б. Эпиграммы конца 1824 года.

I. На Петербургское наводненіе. Напрасно ахнула Европа.	213	
II. А. Г. Родзянкѣ. Прости, Украинскій мудрецъ... [Изъ письма]	224	
	<i>1825 год.</i>	
1. Подражанія Пѣснѣ пѣсней. I. Въ кровч горитъ огонь желанья	224	
	II. Вертоградъ моей сестры.	—
2. Сожженное письмо	—	
« 3. Вакхическая пѣсня	225	

« 4. Въ альбомъ. Если жизнь тебя обманетъ	—
5. Сафо. (Юноша)	—
(* 6. И. И. Козлову. Пѣвецъ, когда передъ тобою	226
7. П. А. Осиповой. Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ	—
* 8. Андрей Шенье въ темницѣ	—
9. Желаніе славы	231
(* 10. Къ А. П. Кернѣ. Я помню чудное мгновенье	232
11. Элегія. Подъ небомъ голубымъ	—
12. Къ А. Г. Родзянко. Ты общалъ о романтизмѣ	233
13. Послѣдніе цвѣты	234
* 14. 19 октября (1825 года)	—
« 15. Зимній вечеръ, ...	239
16. Изъ А. Шенье. Покровъ, упитанный язвительною кровью	—
17. Изъ А. Гоназаго. Съ португальскаго. Тамъ звѣзда любви взошла	240
18. Буря. Ты видѣлъ дѣву на скалѣ	241

Б. Сатиры, эпиграммы и мелочи 1825 года.

19. Приятелямъ. Враги мои, покажѣть я ни слова	241
20. На Ѳ. Н. Глинку. Нашъ другъ, Ѳнта	—
21. Къ имянинницѣ. Хотя стишки на имянины	—
22. Ода Хвостову. Султанъ ярится	242
23. Живъ, живъ Курилка. [На М. Т. Каченовскаго].	243
(* 24. Экспромптъ на сестру. Семейственной любви и нѣжной дружбы ради... [Изъ письма]	—
(* 25. Элегія на смерть Анны Львовны. Охъ, тетенька! охъ, Анна Львовна: [Изъ письма]	—
(* 26. Ex ungue leonem. Недавно я стихами какъ-то свиснула	244
27. Прозаикъ и поэтъ	—
(* 28. Движение	—
(* 29. Соловей и кукушка	—
(* 30. Совѣтъ. Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ	—
(* 31. Дружба. Что дружба? Легкой пылъ похмѣлья	245
32. Н. Н. При посылкѣ ей «Невскаго Альманаха». Примите Невскій Альманахъ.	—
33. Къ Баратынскому. Стихъ каждый повѣсти твоей	—
34. Кн. Вяземскому. Сатирикъ и поэтъ любовный... [Изъ письма].	—
(* 35. Кн. Вяземскому. Въ глуши измучася жизнью постной... [Изъ письма].	246
(* 36. Брови царь нахмуря... [Изъ письма].	—

Мелочи первой половины 1826 года.

1. Въ альбомъ. Е. Н. Вульфъ. Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ	246
2. И. В. Великопольскому. Съ тобою вновь считается довелось... [Изъ письма]	—
3. Къ кн. Вяземскому. Такъ море, древній душегубецъ. [Изъ письма]	247

В. Стихотворения, принадлежность, которыхъ Пушкину сомнительна (dubia) 1824—1825 г.

« 1. Къ А. И. Осиповой. Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки	247
« 2. Къ А. Н. Вульфъ. Увы! напрасно дѣвы гордой	—

3—6. Эпиграммы и шутки.

« I. Экспромптъ въ Псковской гостиницѣ. Господинъ Фонъ-Адеркасъ	247
« II. Какъ широко. [Пародія Языкова].	—
« III. Эпитафія духовнику тетушки. Не памятникъ, а диво.	248
« IV. На смерть Александра I. Всю жизнь провелъ въ дорогѣ.	—
7. Куплеты для водевиля. Будь подобенъ полной чашѣ.	—
(* 8. Куплеты Эрстова. За трапезой Царской	—
9. Дѣдушка-игумень	—
10. На брата. Нашъ пріятель Пушкинъ Лѣвъ	—
11. Экспромптъ ему же. Все измѣнилось подъ нашимъ содіакомъ	249
12. Агафѣ. Ты просишь написать надгробную, Агафья	—
13. Веселаго пути	—

Отдел II. А. Незаконченные и необработанные стихотворения, 1824—1825 г.

1824 год.

1. Залогъ любви. Пускай увѣнчанный любовью красоты	249
2. Къ бокалу. Едва уста краснорѣчивы	—

	<i>Стр</i>
* 3. Послание къ брату. Прерывъ и шопоть укоризны	—
4. [Изъ письма къ брату]. Что же будетъ ли вино	250
5. П. А. Плетневу. Ты издалъ дядю моего	—
6. Графу Олизару. Пѣвецъ! издревле межъ собою	—
(*) 7. На Екатерину I. Мнѣ жаль Великія Жены	251
— » » » Насильно Зубову мила	—

1825 год.

(*) 8. Н. С. Мордвинову. Подъ хладомъ старости	251
9. Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны	252
10. Блестить луна, недвижно море спить	—
11. Пока супругъ тебя, красавицу младую	253
12. Все въ жертву памяти твоей	—
13. Эпиграмма. Припадками болѣзни женской	—

Б. Черновые наброски 1824—1825 г.

1824 год.

1. Сабурову. Сабуровъ, ты оклеветалъ	253
2. Я не дремалъ, но сонъ изнеможенъя	254
3. Младенцу. Прощай, прелестное дитя	—
« 4. Забылъ и рошу и свободу	—
* 5. Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья	—

6—10. Отрывки.

I. Играй, прелестное дитя	254
II. Бывало, въ сладкомъ ослѣпленъи	255
III. Блаженъ, кто щастливъ безъ волненья	—
IV. Не всѣ конечно, нѣтъ сомнѣнья	—
V. Иванъ-Царевичъ по горамъ	—

1825 год.

11. Стрекогунья бѣлобока	255
12. Лишь розы увядаютъ	—
13. О боги мирные	256
14. Подъ какимъ, созвѣдіемъ	—
* 15. Заступники кнута и плети	—
16. Шумить кустарникъ... На утесъ	—
17. Сосѣдство ваше всѣмъ опасно	257
— У вашихъ ногъ твержу всечасно	—
18. Что съ тобой, скажи мнѣ, братецъ	—

19—27. Отрывочные строки.

I. Кюхельбекеру. Да сохранить тебя твой добрый Гсний	257
II. Но ты забудь меня, мой другъ	—
III. Расходились по поганому граду	258
IV. Скажи мнѣ, ночь	—
V. Когда бь родилась ты	—
VI. Они твердили: Онъ—поэтъ	—
VII. Такъ на п . . . . . страничъ	—
VIII. Блаженъ, кто вами любовался	—
IX. Молва, играя, очернила	—

28. Начало наброска.

X. Онъ мнѣ ровесникъ	258
--------------------------------	-----

Период седьмой. От возвращенія из ссылки до второй поездки на Кавказ, с сентября 1826 по конец 1828 г.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворенія.

1826 год.

1. Пророкъ	259
2. Къ Языкову. Языковъ, кто тебѣ внушилъ	—
3. Е. А. Тимашевой. Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ	260
4. С. А. Соболевскому. У Гальони иль Кальони... [Изъ письма]	—
5. Ольга. [Къ Оленькѣ Масонъ]. Ольга, крестница Киприды	261
* 6. Отвѣтъ Ѳ. А. Туманскому. Нѣтъ не Черкешенка она	—

	<i>Стр.</i>
7. И. И. Пушкину. Мой первый друг	262
8. Зимняя дорога	—
9. Стансы. Въ надежде славы и добра	263
10. Соловей. Въ безмолвіи садовъ	—
<i>Б. Мелочи 1826 года (конец).</i>	
11. Золото и булатъ. [Съ французскаго].	263
12. Въ дѣтскій альбомъ П. П. Вяземскому. Душа моя, Павелъ	—
13. Къ Н. С. Алексѣеву. Прощай, отшельникъ Бессарабской... [Изъ письма].	—
<i>1827 год. Москва (продолжение).</i>	
1. Посланіе въ Сибирь. Въ глубинѣ Сибирскихъ рудъ	264
2. Е. Н. Ушаковой. Когда, бывало, встарину. [Въ альбомъ].	—
3. Ей же. Въ отдаленіи отъ васъ... [Въ альбомъ].	—
<i>Петроград и поездки 1827 года.</i>	
4. Кн. З. А. Волконской. Среди разсѣянной Мѣсквы	265
5. Н. М. Языкову. Къ тебѣ собирался я давно... [Письмо].	—
6. Аріонъ	—
* 7. Три ключа	266
8. Черепъ, Посланіе къ Дельвигу	—
9. Поэтъ. Пока не требуетъ поэта	268
* 10. Изъ А. Шенье. Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая	269
11. 19 Октября 1827. Богъ помочь вамъ, друзья мои	—
12. Ангелъ. Въ дверяхъ Эдема	270
« 13. Ты—Богоматерь, нѣтъ сомнѣнья	—
* 14. Акаѳистъ Е. Н. Карамзиной. Зѣмли достигнувъ	—
15. Талисманъ	271
16. Кто знаетъ край	272
<i>Б. 17—19. Эпиграммы 1827 года.</i>	
« I. Къ Я ***. На А. Н. Муравьева. Лукъ звенить	272
<i>В. Стихи, принадлежность которыхъ Пушкину сомнительна (dubia).</i>	
» II. Кн. С. А. Урусовой. Не вѣровалъ я Троицѣ донинѣ	272
» III. Черна, какъ галка	273
<i>1828 год. Петроград.</i>	
1. Друзьямъ. Нѣтъ, я не льстецъ	273
« 2. И. Е. Вѣликопольскому. Такъ, элегическую лиру	—
« 3. В. С. Фалимонову. Вамъ Музы, милыя старушки	274
* 4. Къ И. В. Сленину. Я не люблю альбомовъ модныхъ	—
« 5. Къ А. А. Олениной. Городъ пышный, городъ бѣдный	275
« 6. Ея глаза. Отвѣтъ. Ола мила, скажу межъ нами	—
« 7. Изъ А. Шенье. Каковъ я прежде былъ	—
« 8. Портретъ. Съ своей пылающей душой	276
« 9. Не пой, красавица, при мнѣ	—
10. Къ ***. Щастливъ, кто избранъ своенравно	—
11. Наперсникъ. Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ	—
« 12. Цвѣтокъ	—
« 13. То Dawз Esg. Зачѣмъ твой дивный карандашъ	277
(*) 14. Воспоминаніе. Когда для смертнаго умолкнуть	—
15. Ты и вы.	278
16. 29 Мая 1823. Даръ напрасный	—
17. Подражаніе Анакреону. Кобылица молодая	—
18. Пречувствіе. Снова тучи надо мною	279
19. Два ворона. Шотландская пѣсня. Воронъ къ ворону летить	—
20. 19 Октября 1823. Усердно помолитесь Богу.	—
<i>Малинники. Москва.</i>	
« 21. Къ Е. В. Вельяшевой. Подъѣзжая подъ Ижоры	230
22. Анчаръ	—
23. Отвѣтъ Катенину. Напрасно, пламенный поэтъ	231
« 24. Отвѣтъ Готовцевой. И недоувѣрчиво и жадно	—
25. Чѣрнь. Ямбъ	232

26—31. Б. Эпиграммы и мелочи 1828 года.

Стр.

« I. Собрание насѣкомыхъ	283
« II. Эпитафія младенцу Волконскому. Въ сіяніи и радостномъ покоѣ	—
« III. А. И. Вульфъ. Sa Netty сердцемъ я летаю	—
IV. Н. Д. Киселеву. Ищи в чужомъ краю	284
V. На кн. С. Потоцкаго. Лещинскій окопѣль	—
* VI. На М. Невѣдомскаго. Невѣдомскій поэтъ	284

32—38. Шутки А. П. Кернь.

I. Если въ жизни поднебесной	284
II. Не смѣю вамъ стихи Баркова	—
III. Когда помилуетъ насъ Богъ	—
V. Когда стройна и свѣтлоока	—
* VI. Вези, вези не жалѣй	—
* VII. Мнѣ изкомъ	—

В. Стихи, приписываемые Пушкину (dubia) 1828 год.

1. Рефугація Беранжера	285
----------------------------------	-----

Отдел II. А. Незаконченные и необработанные стихотворения 1826—1828 г.

1826 год.

1. И. И. Пушкину. [Первоначальная ред.]. Мой давний другъ: мой другъ безцѣнный	286
---	-----

1827 год.

2. О. А. Кипренскому. Любимецъ моды, легкокрылой	286
3. Къ нянѣ. Подруга дней моихъ суровыхъ	—
4. [Боярскія конюшни]. Чистотой, прислугою и пойломъ	287
5. Талисманъ. [Первоначальный набросокъ]. Храни меня, мой талисманъ	—
6. Есть роза дивная	288

1828 год.

7. Увы, языкъ любви болтливой	288
8. Посланіе П. И. Эгельстромъ. О, Эгельстромъ!	289

1827—1828 год.

9. Риема. Риема—звучная подруга	289
(* 10. Сводня грустно за столомъ	290

* II—14. Игра рифмами.

* I. День блаженства настоящей	291
* II. Мы наследженіе удвоимъ	—
* III. Дѣва, ногъ не топырѣ	—
* IV. Авдотья Яковлевна пахнетъ	—

Б. Черновые наброски 1826—1828 г.

1826 год.

1. О ты, который сочеталъ	292
2. Когда такъ нѣжно, такъ сердечно	—

1827 год.

3—4. I. Я знаю край: тамъ на берега. [Первые очерки стихотв. «Кто знаетъ край...»].	292
II. Когда порой воспоминанье	—
5. Толпа холодная поэта окружала	293
6. Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ	—
7. Въ рощахъ Карійскихъ	—

1828 год.

8. [Буджакъ]. Въ степяхъ зеленыхъ Буджака	294
9. Волненьемъ жизни утомленный	—
10. Брадастый староста Авдѣй	—
11. А гдѣ ненастные дни.	—

27*

	<i>Стр.</i>
<i>12—17. Отрывочные строки.</i>	
I. Тебя пою на томной лирѣ	294
II. Кругомъ его цвѣтеть шиповникъ	—
III. Въ рюмкѣ свѣтлой предо мною	295
IV. Цвѣтокъ любви	—
V. Покойникъ, авторъ с/хощавый	—
VI. Пріятно письма получать	—
<i>18. Начало наброска.</i>	
VII. Какъ шастливъ я, когда могу покинуть... [См. Часть 2, «Монологъ изъ драмы»].	29
<i>19. Программа стихотворенія.</i>	
I. Старый поэтъ. Благодарю васъ за привѣтъ	295
ПЕРИОД ВОСЬМОЙ. Путешествіе въ Арзрум. Предшествующіе и послѣдующіе мѣсяцы, 1829 год.	
Отдел I. А. Законченныя и обработанныя стихотворенія 1829 г.	
* 1. Е. Н. Ушаковой. Вы избалованы природою	296
2. Примѣты. Я ѣхалъ къ вамъ	297
(*) 3. Въ альбомѣ Собаньской. Что въ имени тебѣ моемъ?	—
4. Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ.	298
5. Къ А. П. Кернъ. Когда твои младыя лѣта	—
<i>Поездка на Кавказ.</i>	
6. Отрывокъ. На холмахъ Грузин	298
7. Калмычкѣ	299
8. Делибашъ	—
9. Донъ	—
10. Изъ Гафиза. Не плѣняйся бранной славой	300
<i>Москва.</i>	
11. Монастырь на Казбекѣ	300
12. Кавказъ. Кавказъ подо мною	301
13. Дорожныя жалобы.	302
<i>Болдино.</i>	
14. Обваль.	302
15. Олеговъ щить	303
<i>Петроград.</i>	
16. Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ	303
17. Зимнее утро. Морозъ и солнце, день чудесный	304
18. Элегическій отрывокъ. Поѣдемъ, я готовъ	305
19. Стансы. Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ	—
20. Загадка. Кто на снѣгахъ возрастилъ.	306
Б. 20—31. Эпиграммы 1829 г.	
(*) 21—24. На Каченовскаго * I. Литературное извѣстіе.	306
II. Обиженный журналами жестоко	—
III. Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій	307
IV. Какъ сатирой безыменной	—
* 25—27. На Надеждина. I. Мальчишка Фебу гимнъ принесъ	307
* II. Притча. Картану разъ высматриваль сапожникъ	—
III. Надѣясь на мое презрѣнье.	308
(*) 27. Къ NN. Шастлива ты въ прелестныхъ дурачъ.	—
28. Поэтъ-игрокъ	—
29. Передъ бюстомъ завоевателя. На Александра I. Напрасно видятъ тутъ ошибку	—
31—32. На картинкѣ къ «Евгенію Онѣгину».	—
I. Вотъ перешедши мостъ Кокушкинъ	309
II. Сосокъ чернѣетъ сквозь рубашку	—
Отдел II. А. Незаконченныя и необработанныя стихотворенія 1829 г.	
<i>1829 год.</i>	
1. Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ. Воспоминаньями смущенный.	309
* 2. Въ прохладѣ сладостныхъ фонтановъ	311

Б. Черновые наброски 1829 г.

	<i>Стр.</i>
1—2. Продолжение отрывка «На холмахъ Грузіи». I. Со мнѣй одни воспомина- нья.	311
— Продолжение отрывка. II. И чувствую, душа въ сей часъ	312
3. Зорю бьютъ	—
4. Былъ и я среди Донцовъ	—
5. Критонъ, роскошный гражданинъ	—
6—7. Къ фонтану. I. Кто бъ ни былъ ты, жожа, пловець	—
» » II. Кто бъ ни былъ ты, пастухъ, рыбаць	313
8. Ключъ. Въ пустынь	—
9—10. I. Во время оное, бывое	—
II. И вотъ ущелье мрачныхъ скалъ	—
11. Страшно и скучно	—
12. Зачѣмъ, Елена, такъ пугливо	—
13. Ужь осень холодомъ дохнула	314
14. Женитьба. Женись, — на комъ	—
15. Полюби меня, дѣвица	315
<i>16—18. Отрывочные строки.</i>	
I. То было вскорѣ послѣ боя	315
II. О сколько вамъ открытій чудныхъ	—
* III. Благословенъ и день и часъ	—
<i>19. Начало отрывка.</i>	
IV. Благословенъ твой новый путь	315

ПЕРИОД ДЕВЯТЫЙ. ВРЕМЯ ПЕРЕД ЖЕНИТЬВОЙ И ПРЕБЫВАНИЕ В БОЛДИНЕ,
1830 г.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворения 1830 г.

1830 годъ.

Петрозград—Москва.

» 1. Отвѣтъ. Я вас узналъ, о мой оракул	316
» 2. Стансы Филарету. Въ часы забавъ или праздной скуки	—
3. Къ Вельможѣ. Посланіе Н. Б. Юсупову	317
4. Поэту. Награды. Сонеть. Пзеть, не дорожи	319
(*) 5. М. лона. Сонеть	320
6. Къ ***. Сонеть. Суровый Дантъ не презираль сонета	—
7. Цыганы. Надъ лѣсистыми брегами	321
8. Отвѣтъ анониму. О, кто бы ни былъ ты	—
<i>Болдино.</i>	
9. Вѣсы. Шалость	322
10. Элегія. Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье	323
11. Шалость. Румяный критикъ мой	324
* 12. Осень. Октябрь ужъ наступилъ	—
13. Прощаніе. Разставаніе. Въ послѣдній разъ твой образъ милый	327
14. Романсъ. Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный	—
15. Пажъ или пятнадцатый годъ	326
* 16. Серенада. Изъ Барри Корнуеля. Я здѣсь, Инезилья	329
17. Романсъ. Предъ Испанкой благородной	—
(*) 18. Моя родословная	330
19. Начало сатирической поэмы. Стамбуль гяуры наши славятъ	332
20. Заклинаніе. О, если правда, что въ ночи	—
21. Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы. Мнѣ не спится	3 3
22. Пѣсня. Изъ Барри Корнуеля. Пью за здравіе Мери	—
23. Разлука. Для береговъ стчизны дальней	334
24. Герой	—

Б. 25—33. Надписи, эпиграммы, мелочи. 1830 г.

25—26. На переводъ Иліады. I. Кривъ былъ Гнѣдичъ-поэтъ	335
» » » II. Слышу умолкнувшій звукъ	—
(*) 27—30. Антологическія эпиграммы. III. Царскосельская статуя. Урну съ водой уронивъ	336
IV. Отрокъ	—

* V. Риема	—
VI. Трудъ. Мигъ вождельный наФталъ	—
31. Циклопъ	337
(*) 32—34. На Булгарина. I. Не то бѣда, что ты Полякъ	—
« « II. Не то бѣда, Фаддей Булгаринъ	—
« « III. Ты цѣлы свѣтъ увѣрить хочешь	—
« 85. Арзамасская эпиграмма. Съдой Хвостовъ	—
36. Эпиграмма. Глухой глухаго звалъ	338
37. Изъ записки къ пріятелю. Куда же ты? Въ Москву	—
38. Новоселье. Къ ***. Благословляю новоселье	—

В. Стихи, принадлежность которыхъ Пушкину не доказана (dubia), 1830 г.

* 39. Очеса-чудеса	338
« 40. Встарь Голицынъ мудрость вѣсилъ	339
« 41—43. Эпиграммы на Николая I	—
« I. Едва царемъ онъ сталъ	—
« II. Великой государь	—
« III. Къ бюсту Николая I. Оригиналъ похожъ на бюстъ	—
» 44. Александровская колонна	—
« 45—48. Эпиграммы на Булгарина	—
« I. Фигляринъ! вотъ Полякъ примѣрный	339
« II. Характеристика. Не вѣрю чести игрока	—
« III. Ты цѣлы свѣтъ увѣрить хочешь	340
« IV. Радѣя за свои красы	—

Г. Стихи, написанные при участии Пушкина.

* I. В. Л. Пушкину. Межъ проповѣдниковъ Парнаса	340
« II. Эпиграмма на Шаликова. Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный	—
« III. Эпиграмма на Булгарина. Повѣрьте мнѣ Фигляринъ моралистъ	—
IV—XIV. Нравоучительныя четверостишія	341

Отдел II. А. Незаконченные и необработанные стихотворения 1830 года.

1830 год.

1. [Зависть]. Въ началѣ жизни школу помню я	341
2. О, Муза пламенной сатиры	342
3. Еще одной высокой, важной пѣсни. [Изъ Соути].	—

Наброски конца 20-х годов.

4. Наброски стихотворенія. Въ сраженъ смѣлымъ быть похвально	343
* 5. Къ Дельвигу. Мы рождены, мой братъ названный	344
6. О, нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла	—

Б. Черновые наброски 1830 г.

1. На кладбищѣ. I. Последнее мірское пепелище	345
II. Стою печаленъ на кладбищѣ	—
2. [На Адрианопольскій миръ 1829 г.]. Опять увѣнчаны мы слезой	—

3—5. Отрывки и отрывочные строки.

(*) I. Надо мной въ лазури ясной	346
(*) II. Строгий свѣтъ	—
* III. И дѣвицы безъ блондъ	—

6—8. Начала набросков.

I. Пока меня безъ милости бранятъ	346
II. Во снѣ я вами ошастливленъ	—
III. Зависть. Я помню дѣву	—

Период десятый. Первые годы после женитьбы, 1831—1833 г.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворения, 1831—1833 г.

1831 год.

1. Красавица. Въ Альбомъ Гончаровой. Все въ ней гармонія	347
2. Эхо	—

3. Къ тѣни полководца	Стр.
4. Клеветникамъ Россіи	348
5. Бородинская годовщина	349
6. 19 октября 1831 г. Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей	351
7. Когда въ объятія мои	352

Шутка 1831 г.

8. Кн. П. А. Вяземскому. Любезный Вяземскій, поэтъ и камергеръ [Изъ письма].	35 ₂
--	-----------------

1832 год.

1. Нѣтъ, я не дорожу	352
2. Мальчику. Изъ Катуллы	353
3. Къ *** Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я	—

4—9. Стихи в альбом, эпиграммы 1832 г.

« 4. Въ альбомѣ. Гонимый Рока самовластьемъ	354
« 5. Въ Альбомѣ. Долго сихъ листовъ завѣтныхъ	—
« 6. Въ альбомѣ А. О. Россети. Въ тревогѣ пестрой и бесплодной	354
« 7. А. Д. Баратынской. Въ Альбомѣ. Когда-то, помню, съ умиленьемъ	—

1833 год.

1—4. Подражанія древнимъ.

I. Изъ Аеннея. Славная флейта, Эеонъ	355
* II. Изъ Ксенофана Колофонскаго. Чистый лоснится поле	—
III. Вино. Изъ Юна Хюсскаго	—
IV. Юноша, скромно пируй...	—
5. Когда бъ не смутное влеченье	356
6. Не дай мне Богъ сойти съ ума	—

Б. Стихи, принадлежность которыхъ Пушкину сомнительна (dubia) 30-х годов.

« 1—4. Экспромпты Н. Н. Гончаровой.	
I. Я восхищень, я очарованъ...	356
II. Я влюбленъ, я очарованъ...	—
III. Для твоего поэта	—
IV. Не ожидай, чтобъ въ эти лѣта...	—

5—11. Эпиграммы.

« I. На Е. М. Хитрово. Лиза въ городѣ жила...	357
« II—III. На Ѳ. Булгарина. II. Ѳаддей роди Ивана...	—
« III. Всѣ говорятъ: онъ Вальтеръ-Скоттъ...	—
« IV. Монаршей волею священной	—
« V. На А. Н. Муравьева. Не всѣхъ бѣснующихъ людей	—
« VI. Аскольдова могила...	—
« VII. Какія нынче времена	—

Отдел II. А. Незаконченные и необработанные стихотворенія 1831—1833 г.

1831 год.

1. Два чувства дивно близки намъ.	358
---	-----

1833 год.

2. Поминаніе. Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ	358
3. Экспромптъ. Полюбуйтесь ка вы, дѣти.	359
4. [Начало сатиры]. Французскихъ риемачей суровый судъ	—

Б. Черновые наброски, 1831—1833 г.

1831 год.

1. Я думалъ, сердце позабыло	360
--	-----

1832 год.

2. Хотѣлъ я душу освѣжить	—
— Я ѣхалъ въ дальные края	—

1833 год.

Стр.

3. Къ П. А. Козловскому. Цѣнитель нравственныхъ твореній исполинскихъ	361
4. Напрасно я бѣгу къ Сионскимъ высотамъ	—
5. Царь увидѣлъ предъ собою	—
6. Въ полѣ чистомъ серебрится	—

7—9. Отрывочные строки.

I. . . . . лѣзть соборомъ цѣлымъ	362
II. Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы	—
* III. Толпа глухая	—

Периоды одиннадцатый и двенадцатый. Последние годы жизни, 1834—1836 г.

Отдел I. А. Законченные и обработанные стихотворения, 1834—1836 г.

1834 год.

1а. Мицкевичу	363
1б. Мицкевичъ	—
2. Къ Н***. Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ	364

3—4. Эпиграммы 1834 года.

I. Къ воротамъ Екатерингофа. Хвостовымъ нѣкогда воспѣтая дыра	364
II На А, Ф. Смирдина. Смирдинъ въ бѣду меня повергъ	365

1835 год.

1—5. Изъ Анакреона.	
I. Узнаемъ коней ретивыхъ	365
II. Порѣдѣли, побѣдѣли	—
III. Что же сухо въ чашѣ дно	—
IV. Богъ веселый винограда	—
V. Отъ меня вечеръ Леила	—
6. Изъ Горация. Кто изъ Боговъ мнѣ возвратилъ	366
7. Юношу, горько рыдая	—
8. Подражаніе Арабскому. Отрокъ милый	367
9. Полководецъ	—
10. Туча. Послѣдняя туча разсѣянной бури	369
11. Пиръ Петра Великаго	—
12. На выздоровленіе Лукулла	370
13. Сосны. [Опячь на родинѣ]. Вновь я посѣтилъ	371

1836 год.

1. Д. Давыдову. Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою	373
2. Художнику. Грустенъ и весель	—
3. [Мірская власть]. Когда великое свершалось торжество	374
4. Попрощаніе Итальянскому. Какъ съ древа сорвался. [Изъ Франческо-Джанни]	—
5. Изъ Пиндемонте. Недорого цѣню я громкіе права	375
* 6. Молитва. Отцы-пустынники	—
7. Когда за городомъ брожу	376
* 8. Памятникъ	—
9—10. На статуи. I. Мальчика, играющаго въ бабки	377
II. Мальчика, играющаго въ свайку	378
11. 19 Октября 1836 года. Была пора, нашъ праздникъ молодой	—
12. [Къ женѣ]. Пора, мой другъ, пора	379

Отдел II. А. Незаконченные и необработанные стихотворения и черновые наброски 1834—1836 г.

1834 год.

1. [Къ Вольтеру]. Съ очами быстрыми	380
2. Не розу Палеосскую	—
3. Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ	—
4. [Притча]. Къ кастрату разъ пришелъ скрыпачъ	381
5. На это скажутъ мнѣ	—

<i>1835 год.</i>		<i>Стр.</i>
6. Если ѣхать вамъ случится		382
7. На картину Брюлова I. Везувій зѣвъ открылъ		—
» » » II. Везувій вдругъ развилъ		—
8. О бѣдности! затвердилъ я		383
9. Поэтъ идетъ. Открыты вѣжды		—

Б. Стихи, написанные при участии Пушкина.

10. Канонъ въ честь Глинки	383
--------------------------------------	-----

В. 11—12. Стихи, приписываемые Пушкину.

I. На князя Дундука. Въ Академіи Наукъ	384
II. На Булгарина. Иль въ Булгарина наступишь	—
III. «Сыны Отечества» и «Вѣстники Европы»	384
IV. На Н. Полеваго. Онъ третьей гильдіи купецъ	—
V. На братьевъ Полевыхъ. Нѣтъ подлѣе отъ Алтая	—
<i>Упомянуты.</i>	
VI. Сошлись школьники	384
VII. Смотрю печально	—
VIII. Тебѣ въ прощальныя мгновенья	—
IX. Я жизнь любилъ	—

Г. 13—18. Наброски в духе народного творчества, 1833—1834 г.

I. Въ славной Муромской землѣ	384
II. Уральски Козаки	385
III. За горами, за лѣсами	—
IV. Ты побѣдный добрый молодецъ	—
<i>Начало набросковъ неизвестныхъ годов.</i>	
V. Другъ сердечный мнѣ намедни говорилъ	385
VI. Не видали ли, дѣвица	—

Д. 19—23. Отрывочные строки.

I. Чиновникъ и поэтъ	385
II. Изъ Горация. Царей потомокъ, Меценатъ	—
III. Она небрежная	—
IV. Я возмужалъ и кажется на вѣкъ	—
V. Пошли мнѣ долгую жизнь	386

РАЗНЫХ ПЕРИОДОВ.

Отдел I и II. А. Законченные стихотворения, первоначальные ред., черновые наброски, 1811—1833 г.

До 1814 года.

1—4. Не дошедшие стихотворения. (Попражания Лафонтену, русские стихи рыцарская баллада, описание р вы)	386
--	-----

До 1817 года.

5—8. Не дошедшие стихотворения. (Бонапарте, послание Трубецкому, Ринальда, басня о душе).	386
---	-----

1818—1819 год.

9—10. Не дошедшие стихотворения. (Прощание, послание к фрейлину)	386
--	-----

1819 год.

11. Отрывок. За старые грѣхи.	386
---------------------------------------	-----

1820—1821 год.

12. Набросок. Она [поэту] подарила	337
* 13. Иностранкѣ. [Первоначальная ред.].	—

	<i>1821 год.</i>	<i>Стр.</i>
14. Желание. [Из первоначальных ред.]		388
15. Денису Давыдову. [Варианты]		389
	<i>1822 год.</i>	
16. Къ Эпиферии. [Варианты]		389
17. Таврида		—
* 18. Къ лиръ. [Варианты]		390
	<i>1832—1833 год.</i>	
19. Пѣсня о Георгии Черномъ		390
	<i>1830-ые годы.</i>	
* 20. Набросок. Окно, заткнутое подушкой...		390

Б. Отрывочные строки, начала набросков, 1818—1833 г.

	<i>1818 год.</i>	
1. Краса, надежды... взгляды		391
	<i>1824—1825 год.</i>	
2. Уродился я, блѣдный недоносокъ		—
3. Какъ живо колкій Грибоѣдовъ		—
	<i>1827—1828 год.</i>	
4. Когда Потемкину въ потемкахъ...		391
	<i>1829—1830 год.</i>	
5. Межъ горныхъ стѣнь несется шумный Терекъ.		391
	<i>1830—1831 год.</i>	
6. Превозлюбилъ, не отрекусь...		392
	<i>Разныхъ годов.</i>	
7. Софья Михайловна слушаетъ Цыганъ		392
8. А. Ватемару.		—
9. Солдаты и блядь. [Запись народной песни]		—

В. Стихи, принадлежность которых Пушкину сомнительна (dubia).

1. На Александра I	392
	<i>2—3. Упомянуты.</i>
2. Обритый, блѣдный и худой.	—
3. Въ утломъ челнѣ.	—

Дополнительные примечания.

Дополнительные примечания	393
Опечатки и недосмотры.	399
Заключительная заметка редактора	400
Объяснение сокращений.	403
Перечень иллюстраций Части 1-й.	404
Содержание Части 1-ой.	405
Систематический указатель к Части 1-ой	427

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К ЧАСТИ 1.

Период первый, 1810—1817 г.

- Отдел I. А. Обработанные стихи определенных годов, 1814—1817 г.,
Стихи о любви 1816 г.
Прощальные—товарищам 1817 г.
Б. Стихи, время написания к-ых не выяснено, 1813—1817 г.
В. Эпиграммы и мелочи, 1814—1817 г.
а) По авт. и изд.
б) Сообщенные по памяти.
в) Из изд. 1826 и 1829 г., без даты.
Г. Dubia, 1815—1816 г.
Эпиграммы, шутки.
- Приложение I. Лицейские стихи в переделке 1825 г.
а) включенные в изд. 1826 и 1829 г.
б) не включенные.
- Приложение II. Французские стихи П—а 1810—1817 г.

Период второй 1817—1820 г.

- Отдел I. А. Обработанные стихи определенных годов, 1817—1820 г.
Эпиграммы, шутки.
Б. Стихи на политические темы, эпиграммы, мелочи, время написания
к-ых не выяснено, 1817—1820 г.
В. Dubia, 1817—1819 г.
Четверостишия.
Экспромпты.
Эпиграммы.
- Отдел II. А. Необработанные стихи, первоначальные ред., 1817—1820 г.
Б. Черновые наброски.
Эпиграммы и шутки.
Отрывочные строки.
Начало набросков.

Период третий, 1820 г.

- Отдел I. А. Обработанные стихи 1820 г.
Б. Эпиграммы 1820 г.
- Отдел II. А и Б. Черновые наброски 1820 г.
Отрывки.
Наброски элегии.
Отрывочные строки.

Период четвертый, 1821—1823 г.

- Отдел I. А. Обработанные стихи 1821—1823 г.
Б. Сатиры и эпиграммы 1821 г.
«Пакости» 1821—1822 г.
Эпиграммы, мелочи 1822 г.
В. Dubia, 1821—1823 г.
Отрывочные строки.
- Приложение I. Французские стихи 1821—1822 г.
- Отдел II. А. Необработанные стихи, первоначальные ред. 1821—1823 г.
Б. Черновые наброски 1821—1823 г.
Стихи на восстание греков.
Мелкие отрывки.
Отрывочные строки.

Период пятый, 1823—1824 г.

- Отдел I. А. Обработанные стихи, 1823—1824 г.
Б. Эпиграммы и мелочи, 1823—1824 г.
В. Мелочи по сомнительным источникам.
- Отдел II. А. Необработанные стихи и первоначальные ред. 1823—1824 г.
Б. Черновые наброски.
Отрывочные строки
Начала набросков.

Период шестой, 1824—1826 г.

- Отдел I. А. Обработанные стихи 1824 г.
 Б. Эпиграммы конца 1824 г.
 А. Обработанные стихи 1825 г.
 Б. Сатиры, эпиграммы и мелочи 1825 г.
 Мелочи первой половины 1826 г.
 В. Dubia 1824—1825 г.
 Эпиграммы и шутки.
- Отдел II. А и Б. Необработанные стихи 1824—1825 г.
 О рывочные строки.
 Начало наброска.

Период седьмой, 1826—1828 г.

- Отдел I. А. Обработанные стихи 1826 г.
 Б. Мелочи 1826 г.
 А. Обработанные стихи 1827 г.
 Б. Эпиграммы 1827 г.
 А. Обработанные стихи 1828 г.
 Б. Эпиграммы и мелочи 1828 г.
 Шутки А. П. Керн.
- Отдел II. В. Dubia 1828 г.
 А. Необработанные стихи 1826—1828 г.
 Игра рифмами.
 Б. Черновые наброски 1826—1828 г.
 Отрывочные строки.
 Начало наброска.
 Программа стихотворения.

Период восьмой, 1829 г.

- Отдел I. А. Обработанные стихотворения 1829 г.
 Б. Эпиграммы 1829 г.
- Отдел II. А. Необработанные стихи 1829 г.
 Б. Черновые наброски 1829 г.
 Отрывочные строки.
 Начало наброска.

Период девятый, 1830 г.

- Отдел I. А. Обработанные стихи 1830 г.
 Б. Написи, эпиграммы, мелочи 1830 г.
 В. Dubia 1830 г.
 Г. Стихи, написанные при участии Пушкина.
- Отдел II. А. Необработанные стихи 1830 г.
 Наброски конца 20-х годов.
 Б. Черновые наброски 1830 г.
 Отрывочные строки.
 Начала набросков.

Период десятый, 1831—1833 г.

- Отдел I. А. Обработанные стихи 1831—1833 г.
 Шутка 1831 г.
 Стихи в альбом, эпиграммы 1832 г.
- Отдел II. Б. Dubia 30-х годов.
 А. Обработанные стихи 1831—1833 г.
 Б. Черновые наброски.
 Отрывочные строки.

Период одиннадцатый и двенадцатый 1834—1837 г.

- Отдел I. А и Б. Обработанные стихи 1834—1837 г.
 Эпиграммы 1834 г.
- Отдел II. А. Необработанные стихи и черновые наброски 1834—1837 г.
 Б. Стихи, написанные при участии Пушкина.
 В. Стихи, приписываемые Пушкину.
 Г. Наброски в духе народного творчества.
 Начала набросков.
 Д. Отрывочные строки.

Разных периодов.

- Отдел I и II. А. Черновые наброски, первоначальные наброски, 1811—1833 г.
 Б. Отрывочные строки, 1818—1833 г.
 В. Dubia.

ВТОРАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ,
Москва, Трехпрудный пер., 9.

Цена 80 руб.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена
не может быть повышена.

Государственное Издательство.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.